Библиотека Мжекурсов

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ СЕДЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

84(2Рос=Рус)1
Л 50

Типографія А. Ф. Мариса, Измайл. пр., № 29.

2088737-1
Бюджетное учреждение
города Омска
«Омские муниципальные библиотеки»
ЧЗ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ
ГОРОДСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОБОЙДЕННЫЕ.

РОМАНЪ ВЪ 3-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Живая душа выгораетъ и куется.

Ничего не было ни хорошаго, ни радостнаго, ни утѣшительнаго въ одинокой жизни Анны Михайловны. Срублена она была теперь подъ самый корень и въ утѣшеніе ей не оставалось даже того гадкаго утѣшенія, которое люди умѣютъ находить въ ненависти и злости. Анна Михайловна была не такой человѣкъ, и Дора не безъ основанія часто называла ее «невозможною».

Въ тотъ самый день, ницшскими событіями котораго заключена вторая часть нашего романа, именно наканунѣ св. Сусанны, что̀ въ Петербургѣ приходилось, если не ошибаюсь, около конца пыльнаго и непріятнаго мѣсяца іюля, Аннѣ Михайловнѣ было ужъ какъ-то особенно, какъ передъ пропастью, тяжело и скучно. Цѣлый день у нея валилась изъ рукъ работа и едва-едва она дождалась вечера и ушла посидѣть въ свою полутемную комнату. На дворѣ было около десяти часовъ.

Въ это время къ квартирѣ Анны Михайловны шибко подкатилъ на лихачѣ молодой бѣлокурый баринъ, съ туго завитыми кудрями и самой испитой, ничего не выражающей физіономіей. Онъ быстро снялся съ линейки, велѣлъ извозчику ждать себя, обдернулъ полы шикарнаго пальто-пальмерстона и, вставивъ въ правый глазъ стеклышко, скрылся за рѣзными дверями парадnаго подъѣзда.

Черезъ минуту этотъ господинъ позвонилъ у магазина

и спросилъ Долинскаго. Дѣвушка отвѣчала, что Долинскаго нѣтъ ни дома, ни въ Петербургѣ. Гость сталъ добиваться его адреса.

— А лучше всего,—просилъ онъ:—попросите мнѣ повидаться съ хозяйкой.

«Что ему нужно такое?»—раздумывала Анна Михайловна, вставая и оправляясь.

Гость между тѣмъ топоталъ по магазину, въ которомъ отъ него разносился запахъ гостинодворскаго эс-букета.

— Мое почтеніе! — развязно хватилъ онъ при появленіи въ дверяхъ хозяйки и тряхнулъ себя циммермановской шляпой по ляжкѣ.

Анна Михайловна не просила его садиться и сама не сѣла, а остановилась у шкапа.

Анна Михайловна знала почти всѣхъ знакомыхъ Долинскаго, а этого господина припомнить никакъ не могла.

— Вамъ угодно адресъ Нестора Игнатьича? — спросила она незнакомаго гостя.

— Да-съ, мнѣ нужно ему бы отослать письмецо.

— Адресъ его просто въ Ниццу, poste restante.

— Позвольте просить васъ записать.

— Да, я говорю, просто: Nicce, poste restante.

— Вы къ нему пишете?

Анна Михайловна взглянула на безцеремоннаго гостя и спокойно отвѣчала:

— Да, пишу.

— Нельзя ли вамъ переслать ему письмецо?

— Да вы отошлите просто въ Ниццу.

— Нѣтъ, что жъ тамъ еще разсылаться! Сдѣлайте ужъ милость, передайте.

— Извольте.

— А то мнѣ некогда возжаться.—Гость подалъ конвертъ, написанный на имя Долинскаго очень дурнымъ женскимъ почеркомъ, и сказалъ:—это отъ сестры моей.

— Позвольте же узнать, кого я имѣю честь у себя видѣть?

— Митрофанъ Азовцевъ,—отвѣчалъ гость.

— Азовцевъ, Азовцевъ, — повторяла въ раздумьѣ Анна Михайловна:—я какъ будто слыхала вашу фамилію.

— Несторъ Игнатьичъ женатъ на моей сестрѣ, — отвѣчалъ гость, радостно осклабляясь и показывая рядъ нестерпимо глупыхъ бѣлыхъ зубовъ.

Теперь и почеркъ, которымъ былъ надписанъ конвертъ, показался знакомымъ Аннѣ Михайловнѣ, и что-то кольнуло ее въ сердце. А гость продолжалъ ухмыляться и съ радостью разсказывалъ, что онъ давно живетъ здѣсь въ Петербургѣ, служитъ *на конторѣ*, и очень давно слыхалъ про Анну Михайловну очень много хорошаго.

— Моя сестра, разумѣется, какъ баба, сама виновата,— произнесъ онъ, зареготавъ жеребчикомъ: — ядовита она у насъ очень. Но я Нестора Игнатьича всегда уважалъ и буду уважать, потому что онъ добрый, очень добрый былъ для всѣхъ насъ. Маменька съ сестрою тамъ какъ имъ угодно: это ихъ дѣло. Онѣ у насъ два башмака—пара. На обухѣ рожь молотятъ и зерна не уронятъ.—Азовцевъ зареготалъ снова.

Анна Михайловна созерцала этотъ экземпляръ молча, какъ воды въ ротъ набравши.

Экземпляръ поговорилъ-поговорилъ и почувствовалъ, что пора и честь знать.

— До свиданья-съ, — сказалъ онъ, наконецъ, видя, что ему ничего не отвѣчаютъ.

— Прощайте,—отвѣчала Анна Михайловна и позвонила дѣвушкѣ.

— Очень радъ, что съ вами познакомился.

Анна Михайловна поклонилась молча.

— Къ намъ на контору, когда мимо случится, милости просимъ.

Хозяйка еще разъ поклонилась.

— Нѣтъ, что жъ такое! — разговаривалъ гость, поправляя палецъ перчатки. — Къ намъ часто даже довольно дамы заходятъ, чаю выкушать или такъ отдохнуть.—Пожалуйста, будьте столько добры!

— Хорошо-съ, — отвѣчала Анна Михайловна. — Когда-нибудь.

— Сдѣлайте ваше такое одолженіе!

— Зайду-съ, зайду, — отвѣчала, чтобъ отвязаться, Анна Михайловна.

Проводя гостя, она нѣсколько разъ прошлась по комнатѣ, взяла письмо, еще прочла его адресъ и опять положила конвертъ на столъ. «Письмо отъ его жены! — думала Анна Михайловна.—Распечатать его, или нѣтъ?—Лучше отослать ему. А если тутъ что-нибудь непріятное? Если опять ка-

кой-нибудь глупый фарсъ? Зачѣмъ же его огорчать? зачѣмъ попусту тревожить?» — Анна Михайловна взялась за конвертъ и положила палецъ на сургучъ, но опять задумалась. «Становиться между мужемъ и женой!—Нѣтъ, не годится»,— сказала она себѣ и положила письмо опять на столъ. Вечеръ прошелъ, подали закуску. Анна Михайловна ѣла очень мало и въ раздумьѣ глядѣла на m-lle Alexandrine, глотавшую все съ аппетитомъ, въ которомъ голодный волкъ, хотя немножко, но все-таки, однако, уступаетъ французской двадцатипятилѣтней гризеткѣ. Послѣ ужина опять письмо завертѣлось въ рукахъ Анны Михайловны. Ей, какъ Шпекину, въ одно ухо что-то шептало: «не распечатывай», а въ другое — «распечатай, распечатай!» Она вспомнила, какъ Даша говорила:—«нѣтъ, мои ангельчики! Если бъ я когда полюбила женатаго человѣка, такъ ужъ — слуга покорная — чьи бы то ни были, хоть бы самыя законныя старыя права на него, все бы у меня покончились».—«Въ самомъ дѣлѣ!—подумала Анна Михайловна,—что жъ такое; если въ письмѣ нѣтъ для него ничего непріятнаго, я его отошлю ему; а если тамъ однѣ мерзости, то... подумаю, какъ ихъ сгладить, и тоже отошлю».—Она зажгла свѣчу въ комнатѣ Долинскаго и распечатала конвертъ.

На скверной, измятой почтовой бумажкѣ, рыжими чернилами было написано слѣдующее:

«Вы честнымъ словомъ обязались высылать мнѣ ежегодно пятьсотъ рублей и пожертвовали мнѣ какой-то глупый вексель на вашу сестру, которой уступили свою часть вашего кіевскаго дворца. Я, по неопытности, приняла этотъ вексель, а теперь, когда мнѣ понадобились деньги, я вмѣсто денегъ имѣю только однѣ хлопоты. Вы, конечно, очень хорошо знали, что это такъ будетъ, вы знали, что мнѣ придется выдирать каждый грошъ, когда уступили мнѣ право на вашу часть. Я понимаю всѣ ваши подлости».

Анна Михайловна пожала плечами и продолжала читать далѣе:

«Возьмите себѣ назадъ эту уступку, а я хочу имѣть чистыя деньги. Потрудитесь мнѣ тотчасъ ихъ выслать по почтѣ. Вы зарабатываете болѣе двухсотъ рублей въ мѣсяцъ и половину можете отдать женѣ, которая всегда могла бы быть счастлива съ лучшимъ человѣкомъ, который бы цѣнилъ ее, ежели бы вы не завязали ея вѣкъ. Если вы не

захотите этого сдѣлать — я вамъ покажу, что васъ заставятъ сдѣлать. Вы можете тамъ жить хоть не съ одною модисткой, а съ двадцатью разомъ — вы развратникъ были всегда и мнѣ до васъ дѣла нѣтъ. Но вы должны помнить, что вы воспользовались моею неопытностью и довели меня до гибельнаго шага, что вы теперь обязаны меня обезпечить и что я имѣю право этого требовать. У меня есть люди, которые за меня заступятся, и если вы не хотите поступать честно, такъ васъ хорошенько проучатъ, какъ негодяя. Я не прежняя беззащитная дѣвочка, которою вы могли вертѣть, какъ хотѣли».

Анна Михайловна разсмѣялась.

«Я выведу на чистую воду, — продолжала въ своемъ письмѣ m-me Долинская: — и покажу вамъ, какая разница между мною и обирающей васъ метреской».

На щекахъ у Анны Михайловны выступили пятна негодованія. Она вздохнула и продолжала читать далѣе:

«Я осрамлю и васъ, и ее на цѣлый свѣтъ. Вы жалуетесь, что я васъ выгнала изъ дома, такъ ужъ все равно—жалуйтесь, а я васъ выгоню еще и изъ Петербурга вмѣстѣ съ вашей шлюхой».

Письмо этимъ оканчивалось. Анна Михайловна сложила его и внутренно радовалась, что она его прочитала.

— Какая гадкая женщина!—сказала она сама съ собою, кладя письмо въ столикъ и доставая оттуда почтовую бумагу. Лицо Анны Михайловны приняло свое спокойное выраженіе, и она, выбравъ себѣ перо по рукѣ, писала слѣдующее:

«Милостивая государыня!

«Прилагаемые при этомъ письмѣ триста рублей прошу васъ получить въ число пятисотъ, требуемыхъ вами отъ вашего мужа. Остальные двѣсти вы аккуратно получите ровно черезъ мѣсяцъ. Бумагу, открывающую вамъ счетъ съ сестрою господина Долинскаго, потрудитесь удержать у себя. Неполученіе вашихъ денегъ отъ его сестры, вѣроятно, не выражаетъ ничего, кромѣ временнаго разстройства ея дѣлъ, которое, конечно, минется, и вы снова будете получать, что̀ вамъ слѣдуетъ. Мужа вашего здѣсь нѣтъ и его совсѣмъ нѣтъ въ Россіи. Письма вашего онъ не получитъ. Вамъ отвѣчаетъ, вмѣсто вашего мужа, женщина, которую вы называете его метреской. Она считаетъ

себя въ правѣ и въ средствахъ успокоить васъ насчетъ денегъ, о которыхъ вы заботитесь, и позволяетъ себѣ просить васъ не прибѣгать ни къ какимъ угрожающимъ мѣрамъ, потому что онѣ вовсе не нужны и совершенно безполезны».

Написавши это письмо, Анна Михайловна вложила его въ конвертъ вмѣстѣ съ тремя радужными бумажками и спокойно легла въ постель, сказавъ себѣ:

— Слава Богу, что только всего горя.

Черезъ день у ней былъ Журавка съ своей итальянкой, и, если читатель помнитъ ихъ разговоръ у цыганка, гдѣ художникъ пилъ водченку, то онъ припомнитъ себѣ также и то, что Анна Михайловна была тогда довольно спокойна и даже шутила, а потомъ только плакала; но не это письмо было причиной ея горя.

Послѣ новаго года, предъ наступленіемъ котораго Анна Михайловна уже нимало не сомнѣвалась, что въ Ниццѣ дѣло пошло анекдотомъ, до чего даже домыслился и Илья Макаровичъ, сидя за своимъ мольбертомъ въ своей одиннадцатой линіи, пришло опять письмо изъ губерніи. На этотъ разъ письмо было адресовано прямо на имя Анны Михайловны.

Юлочка настрочила въ этомъ письмѣ Аннѣ Михайловнѣ кучу дерзкихъ намековъ и въ заключеніе сказала, что теперь ей извѣстно, какъ люди могутъ быть безстыдно наглы и мерзки, но что она никогда не позволитъ человѣку, загубившему всю ея жизнь, ставить ее на одну доску со всякой встрѣчной; сама пріѣдетъ въ Петербургъ, сама пойдетъ всюду безъ всякихъ протекцій и докажетъ всѣмъ милымъ друзьямъ, что она можетъ сдѣлать.

Анна Михайловна, прочитавъ письмо, произнесла про себя: «дура!» потомъ положила его въ корзинку и ничего на него не отвѣчала. Ей очень жаль было Долинскаго, но она знала, что здѣсь нечего дѣлать, и давно рѣшила, что въ этомъ случаѣ всего нужно выжидать отъ времени. Анна Михайловна хорошо знала жизнь и не кидалась ни на какія безполезныя схватки съ нею. Она ей не уступала безъ боя того, что считала своимъ достояніемъ по человѣческому праву, и не боялась боевыхъ мукъ и страданій; но, дорожа своими силами, разумно терпѣла тамъ, гдѣ оставалось одно изъ двухъ—терпѣть и надѣяться, или быть отброшенной и

злобствовать, или жить только по великодушной милости побѣдителей.

Она не видѣла ничего опаснаго въ своей системѣ и была увѣрена, что она ничего не потеряла изъ всего того, что могла взять, а что ужъ потеряно, того, значитъ, взять было невозможно по самымъ естественнымъ и, слѣдовательно, самымъ сильнымъ причинамъ. Она сама ничего легкомысленно не бросала, но и ничего не вырывала насильно; жила по душѣ и всѣмъ предоставляла жить по совѣсти. Этой простой логики она держалась во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ обстоятельствахъ своей жизни и не измѣнила ей въ отношеніи къ Долинскому и Дорушкѣ, разорвавшимъ ея скромное счастье.

— Пусть будетъ, что будетъ,—говорила сама себѣ Анна Михайловна:—тутъ ужъ ничего не сдѣлаешь,—и продолжала писать имъ письма, полныя участья, но свободныя отъ всякихъ нѣжностей, которыя могли бы ихъ безпокоить, шевеля въ ихъ памяти прошедшее, готовое всегда встать тяжелымъ укоромъ настоящему.

А что дѣлали, между тѣмъ, въ Ниццѣ?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Ницца.

Крылатый божокъ, кажется, совсѣмъ поселился въ трехъ комнаткахъ m-me Бюжаръ, и другимъ темнымъ и свѣтлымъ божествамъ не было входа къ обитателямъ скромной квартирки съ итальянскимъ окномъ и густыми зелеными занавѣсками. О поѣздкѣ въ Россію, разумѣется, здѣсь ужъ и рѣчи не было, да и о многомъ, о чемъ слѣдовало бы вспомнить, здѣсь не вспоминали и рѣчей не заводили. Страстная любовь Доры совершенно овладѣла Долинскимъ и не давала ему еще пока ни призадуматься, ни посмотрѣть въ будущее.

— Боже мой, какъ мы любимъ другъ друга!—восхищалась Даша, сжимая голову Долинскаго въ своихъ розовыхъ, свѣженькихъ ручкахъ.

Несторъ Игнатьичъ обыкновенно застѣнчиво молчалъ при этихъ страстныхъ порывахъ Доры, но она и въ этомъ молчаніи ясно читала всю необъятность чувства, зажженнаго ею въ душѣ своего любовника.

— Ты меня ужасно любишь? Ты никого такъ не любилъ,

какъ меня?—спрашивала она снова, стараясь добиться отъ него желаемаго слова.

— Я всею душою люблю тебя, Дора.

Даша весело вскрикивала и еще безумнѣе, еще жарче ласкала Долинскаго.

Разговоры ихъ никто бы не записалъ, да они всѣмъ бы и наскучили. Всѣ ихъ разговоры были въ этомъ родѣ, а разговоры въ этомъ родѣ могутъ быть вполнѣ понятны только для того существа, которое, прочитавъ эти строчки, можетъ наклонить къ себѣ любимую головку и почувствовать то, что̀ чувствовали Даша и Долинскій. Анна Михайловна говорила правду, что они ни о чемъ не думали и только «любились». А время шло. Со дня святой Сусанны минуло болѣе пяти мѣсяцевъ. Въ Ниццу опять пріѣхало изъ Россіи давно жившее тамъ семейство Онучиныхъ. Семейство это состояло изъ матери, происходящей отъ древняго русскаго княжескаго рода, сына — молодого человѣка, очень умнаго и непомѣрно строгаго, да дочери, которая подъ Новый годъ была въ магазинѣ «M-me Annette» и вызвалась передать ея поклонъ Дашѣ и Долинскому. Мать звали Серафимой Григорьевной, сына—Кирилломъ Сергѣевичемъ, а дочь — Вѣрой Сергѣевной. Семейство это было немного знакомо съ Долинскимъ.

Возвратясь въ Ниццу, Вѣра Сергѣевна со скуки вспомнила объ этомъ знакомствѣ и какъ-то послала просить Долинскаго побывать у нихъ когда-нибудь за̀-просто. Несторъ Игнатьевичъ на другой же день пошелъ къ Онучинымъ. Въ пять мѣсяцевъ это былъ его первый выходъ въ чужой домъ. Въ эти пять мѣсяцевъ онъ одинъ никуда не выходилъ, кромѣ кофейни, въ которой онъ изрѣдка читалъ газеты, и то Дорушка обыкновенно ждала его гдѣ-нибудь или на бульварѣ, или тутъ же въ кафе.

Вѣра Сергѣевна встрѣтила Долинскаго на террасѣ, окружавшей домикъ, въ которомъ они жили. Она сидѣла и разрѣзывала только что полученную французскую иллюстрированную книжку.

— Здравствуйте, m-r Долинскій!—сказала она, радушно протягивая ему свою длинную бѣлую руку.—Берите стулъ и садитесь. Maman еще не вышла, а брата нѣтъ дома—поскучайте со мною.

Долинскій принесъ стулъ къ столу и сѣлъ.

— Какъ поживаете?—спросила его Вѣра Сергѣевна.

— Благодарю васъ: день за день, все по-старому.

— Рвешься изъ Россіи въ эти чужіе края, — резонировала дѣвушка:—а пріѣдешь сюда—и здѣсь опять такая же скука.

— Да, тутъ въ Ниццѣ, кажется, не очень веселятся.

— А вы никуда не выѣзжали?

— Нѣтъ, я не выѣзжалъ.

— Что жъ, вы... много работаете?

— Такъ... какъ нѣмцы говорятъ: «etwas».

— Sehr wenig, значитъ.

— Очень мало.

— Но, конечно, будете такъ любезны, что прочтете намъ то, что́ написали.

— Полноте, Вѣра Сергѣевна! Что́ вамъ за охота слушать мое кропанье, когда есть столько хорошихъ вещей, которыя вы можете прочесть и съ удовольствіемъ, и съ пользою.

— Униженіе паче гордости, — шутливо замѣтила Вѣра Сергѣевна и, оставивъ этотъ разговоръ, тотчасъ же спросила:—а что́ дѣлается съ вашей очаровательной больной?

— Ей лучше,—отвѣчалъ Долинскій.

— Я видѣла ея сестру.

— А-а! гдѣ же это?

Вѣра Сергѣевна разсказала свое свиданіе съ Анной Михайловной, какъ будто совсѣмъ не смотря на Долинскаго, но, впрочемъ, на лицѣ его и не видно было никакой особенно замѣчательной перемѣны.

— И больше ничего она не говорила?

— Нѣтъ. Она сказала, что вы часто переписываетесь.

Тутъ Несторъ Игнатьевичъ слегка покраснѣлъ и отвѣчалъ:

— Да, это правда.

— Что вы не курите, monsieur Долинскій, хотите папироску?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не курю.

— Вы, кажется, курили.

— Да, курилъ, но теперь не курю.

— Что́ же это за воздержаніе?

— Такъ, что-то надоѣло. Хочу воспитывать въ себѣ волю, Вѣра Сергѣевна,—шутилъ Долинскій.

— А, это очень полезно.

— Только боюсь, не поздненько ли это нѣсколько?

— Ну, mieux tard...

— Que jamais — замѣчаніе во всѣхъ другихъ случаяхъ совершенно справедливое,—подсказалъ Долинскій.

— Не собирастесь въ Россію?—спросила Вѣра Сергѣевна послѣ короткой паузы.

— Нѣтъ еще.

— А тамъ новостей, новостей!

— Будьте милостивы, разскажите.

М-lle Онучина разсказала нѣсколько русскихъ новостей, которыя только для нея и были новостями и которыя Долинскій давно зналъ изъ иностранныхъ газетъ. Старая Онучина все не выходила. Долинскій посидѣлъ около часу, простился, обѣщалъ заходить и ушелъ съ полной рѣшимостью не исполнять своего обѣщанія.

— Что ты тамъ сидѣлъ такъ долго?—спросила его Даша, встрѣчая на крыльцѣ, съ лицомъ въ одно и то же время и веселымъ, и нѣсколько тревожнымъ.

— Всего часъ одинъ только, Дора, — отвѣчалъ покорно Долинскій.

— Часъ! какъ это странно...—нетерпѣливо сорвала Дора и остановилась, чувствуя, что говорить не дѣло.

— Нельзя же было, Дора.

— Ну, да... очень можетъ быть. Ну, что жъ тебѣ разсказали?

— Ничего. Просто поклонъ привезли.

— Отъ Анны?

— Да.

Оба долго молчали. Даша сидѣла, сложа руки, Долинскій съ особеннымъ тщаніемъ выбивалъ щелчками пыль, насѣвшую на его бѣлой фуражкѣ.

— Что жъ еще разсказывали тебѣ? — спросила, поправляясь на диванѣ, Даша.

— Ничего, Дора.

— Какъ это глупо!

— Что не разсказывали-то?

— Нѣтъ, что ты скрытничаешь.

— О новостяхъ говорила m-lle Véra.

— О какихъ?

— Ну, все старое. Я тебѣ все давно говорилъ.

— Чего жъ ты такимъ сентябремъ смотришь?

— Что тебѣ кажется! Тебѣ просто посердиться хочется.

— Первый туманъ,—сказала Даша, спокойно давая ему свою руку.

— Какой туманъ?

— На лбу у тебя.

— Ну, что ты сочиняешь вздоры, Даша!

— Не будь, сдѣлай милость, ничтожнымъ человѣкомъ. Нашъ мостъ разоренъ! Наши корабли сожжены! Назадъ идти нельзя. Будь же человѣкомъ, ужъ если не съ волею, такъ хоть съ разумомъ.

— Да чего ты хочешь, Даша?

Даша вмѣсто отвѣта посмотрѣла на него искоса очень пристально и съ легкой презрительной гримаской.

— Я жъ люблю тебя!—успокоивалъ ее Долинскій.

— И боишься.

— Чего?

— Прошлаго.

— Богъ знаетъ, что тебѣ сегодня кажется.

— То, что есть на самомъ дѣлѣ, мой милый.

— Напрасно; я только думаю, что честнѣе было бы съ нашей стороны обо всемъ написать...

Даша задумалась и потомъ, вздохнувъ, сказала:

— Я сама знаю, что нужно дѣлать.

Вечеромъ, по обыкновенію, они сидѣли на холмикѣ и въ первый разъ порознь думали.

— Ты ничего не работаешь?—спросила Даша.

— Ничего, Дора.

— Я тоже ничего.

— Что жъ тебѣ работать!

— А деньги у насъ есть еще?

— Не безпокойся, есть.

— Работай что-нибудь, а то мнѣ стыдно, что я мѣшаю тебѣ работать.

— Чѣмъ же ты-то мѣшаешь?

— Да вотъ тѣмъ, что все ты возлѣ меня вертишься.

— Гдѣ же мнѣ еще быть, Дора?

— И это, конечно, правда,—сказала съ задумчивой улыбкой Даша и, не спѣша пригнувъ къ себѣ голову Долинскаго, поцѣловала его и вздохнула.

Тихо они встали и пошли домой.

— Какой ты покорный! — говорила Даша, усѣвшись отдохнуть на диванѣ и пристально глядя на Долинскаго.— Смѣшно даже смотрѣть на тебя.

— Даже и смѣшно?

— Да какъ же!—Не курить, не ходить никуда, въ глаза мнѣ смотритъ, какъ падишаху какому-нибудь.

— Это все тебѣ такъ кажется.

— Зачѣмъ ты пересталъ курить?

— Наскучило.

— Врешь!

— Право, наскучило.

— Право, врешь. — Ну, говори правду. Чтобы дыму не было—да?

Долинскій улыбнулся и качнулъ въ знакъ согласія головой.

— Чѣмъ ты меня любишь?

— Какъ—чѣмъ?

— Вѣдь, у тебя сердце все размѣненное, а любить можно разъ въ жизни,—сказала, смѣясь, Даша.

— Ну, почему жъ я это знаю.

— А что, если бъ я умерла?

Долинскій даже поблѣднѣлъ.

— Полно, полно, не пугайся,—отвѣчала Даша, протягивая ему свою ручку.—Не сердись—я, вѣдь, пошутила.

— Какія же шутки у тебя!

— Вотъ странный человѣкъ! Я думаю, я и сама не имѣю особеннаго влеченія умирать. Я боюсь тебя оставить. Ты съ ума сойдешь, если бъ я умерла?

— Боже спаси.

— Буду жить, буду жить, не бойся.

Утромъ Несторъ Игнатьевичъ покойно спалъ въ ногахъ на Дорушкиной постели, а она рано проснулась, сѣла, долго внимательно смотрѣла на него, потомъ подняла волосы съ его лица, тихо поцѣловала его въ лобъ и, снова опустившись на подушки, проговорила:

— Боже мой! Боже мой! что съ нимъ будетъ? Что мнѣ съ нимъ сдѣлать?

Опять все за грудь стала Даша частенько потрогиваться, какъ только оставалась одна. Но при Долинскомъ она, попрежнему, была веселою и покойною, только, кажется, становилась еще нѣжнѣе и добрѣе.

— Напишу я, Даша, Анѣ,—говорилъ ей Долинскій.
— Что жъ ты ей напишешь?
— Что я тебя больше всего на свѣтѣ люблю.
— Она это и такъ знаетъ!—улыбаясь, отвѣтила Даша.
— Почему ты думаешь?
— Я это знаю.
— Все же надо написать что-нибудь.
— Нечего писать что-нибудь.
— Нѣтъ, по-моему, все-таки лучше писать *ничего*, чѣмъ ничего не писать.
— Подожди. Я напишу сама,—отвѣчала послѣ минутной паузы Дора.
А все не писала.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Цвѣтутъ въ полѣ цвѣтики да померкнутъ.

Мартъ прошелъ. Дашѣ ужъ невмоготу стало скрывать своего нездоровья и съ лица она стала измѣняться.
— Весна, вѣрно, у насъ начинается,—сказала она одинъ разъ Долинскому.
Долинскій понялъ Дашино вступленіе и мгновенно поблѣднѣлъ.
— Слабость у меня какая-то во всемъ тѣлѣ,—пояснила Дора.
— Что съ тобою?
— Ничего, а такъ—слабость.
— Господи! Дорушка! счастье мое, да что жъ это съ тобой?
— Ничего, ничего. Слабость маленькую все чувствую, и больше ничего.
А доктора звать ни за что не хотѣла.
Кашель сталъ появляться и жаръ по ночамъ обнаруживался.
— Какой ты забавный!—говорила Даша, откашливаясь, смотря на Долинскаго. — Я кашляю, а его точно давитъ что-нибудь! — откашливается по обязанности. Ну, чего ты морщишься?—весело спросила она и засмѣялась.
— Не смѣйся такъ, Дора.
— Чего жъ плакать, мой другъ?
— Боюсь я за тебя.
— Чего?—Что я умру?

Долинскій смотрѣлъ на нее молча и мѣнялся въ лицѣ.

— Ты умри со мной.

— Полно шутить.

— Ага! любишь, любишь, а умирать вмѣстѣ не хочешь,— говорила Дора, играя его волосами.

У Долинскаго навернулись слезы, и онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, хочу.

— А лжешь!

— Да полно жъ тебѣ меня мучить, Дора.

— Не мучить! Ну, хорошо, ну, слушай.

Дорушка повернулась къ нему лицомъ и сказала:

— Вотъ, мой другъ, что̀ сей сонъ обозначаетъ...

Дорушка снова остановилась.

— Да что̀ же ты хочешь сказать? — нетерпѣливо спросилъ Долинскій, отирая выступавшій у него на лбу холодный потъ.

— А то, мой милый, что... не обращай ты вниманія, если тебѣ когда-нибудь кажется, что я будто стала холодна, что я скучаю... Мнѣ все стало очень тяжело; не могу я быть и для тебя всегда такою, какою была. И для любви тоже силы нужны.

— Да что̀ же съ тобой такое?

— Дурно.

— Господи! что̀ же такое? что̀?

— Давно дурно.

— Чего жъ ты молчала?

— Это все равно.

— Какъ, все равно?

— Ничто мнѣ не поможетъ.

— Ты себѣ сочиняешь,—сказалъ, вскочивъ, Долинскій.

Даша молчала.

— Иди, ложись спать и дай мнѣ уснуть, — сказала она черезъ минуту.

Долинскій въ раздумьѣ сѣлъ у ея ногъ.

— Ложись тутъ и спи,—сказала опять Даша, указывая на мѣсто у своихъ ногъ.

По дрожащимъ и жаркимъ губамъ Долинскаго, которыми онъ прикоснулся къ рукѣ Даши, она догадалась, что онъ разстроенъ до слезъ и сказала:

— Пожалуйста, пусть будетъ очень тихо, мнѣ хочется крѣпко уснуть.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Приговоръ.

Утромъ Долинскій осторожно вышелъ изъ комнаты и отправился къ доктору.

Въ двѣнадцать часовъ явился докторъ и, долгонько посидѣвъ у Даши, вошелъ въ комнату Нестора Игнатьевича, написалъ рецептъ и уѣхалъ, а Даша повеселѣла какъ будто.

— Ну, чего ты такъ раскисъ! — говорила она Долинскому.—Все хорошо, я сама напрасно перепугалась. Поживемъ еще, поцарствуемъ.

Долинскій только руки ея цѣловалъ. Онъ хотѣлъ надѣяться и не смѣлъ вѣрить.

— Ну, ну, полно же. А ты вотъ что сдѣлай для меня. Принеси мнѣ нашу казну.

— Денегъ еще много.

— Посмотримъ.

Денегъ, точно, было около двухъ тысячъ франковъ.

— Мало. Ты долженъ для меня заработать много. У меня есть къ тебѣ просьба.

— Приказывай, Даша.

— Заработай мнѣ денегъ. Мнѣ деньги нужны.

— Выдумываешь что-нибудь.

— Право, нужны: наряжаться хочу.

— Ну, хорошо, я буду работать, а ты скажи, на что тебѣ деньги нужны?

— Видишь, пора намъ и за дѣло браться. Ты работай свою работу, а я на первыя же деньги открываю русскій, этакой, знаешь, пока маленькій ресторанчикъ.

Долинскій разсмѣялся.

— Ничего нѣтъ смѣшного! Я не меньше тебя заработаю. Англичане же всѣ ходятъ ѣсть ростбифъ въ своемъ трактирѣ.

— Ну?

— А у меня будетъ солонина, окрошка, пироги, квасъ, калотки; не бойся, пожалуйста, я вѣрно разсчитала. Ты не бойся, я на твоей шеѣ жить не стану. — Я бы очень хотѣла... дѣтей учить, дѣвочекъ; да, вѣдь, не дадутъ. Скажутъ, сама безнравственная. А трактирщицей, ничего себѣ, могу быть—даже прилично.

Долинскій еще искреннѣе разсмѣялся.

— Нечего, нечего,—говорила съ гримаской Дора.—Вѣдь, я всегда трудилась и, разумѣется, опять буду трудиться.— Ничего новаго! Это вы только разсуждаете, какъ бы женщинѣ потрудиться, а когда же наша простая женщина не трудилась? Я же, вѣдь, не барышня; неужто же ты думаешь, что я шла ко всему, не думая, какъ жить, или думая, по-барски, сѣсть на твою шею?

— Да я ничего.

— Ну, такъ нечего, значитъ, и смѣяться. Работай же. Помни, что вотъ я выздоровѣю, фондъ нуженъ, — напоминала она, вскорѣ послѣ этого разговора, Долинскому.

— Что же работать?

— Господи! Вотъ Фигаро нетлѣнный: все ткни его носомъ да покажи. Ну, разумѣется, пиши повѣсть.

— Дорушка! Вы же понимаете, что повѣсти по заказу не пишутся. У меня въ головѣ нѣтъ никакой повѣсти.

— Ну, я тебѣ задамъ.

— Задай, задай,—весело отвѣчалъ Долинскій.

— Ну, вотъ ты да я—вотъ тебѣ и повѣсть.

— Нѣтъ, это ужъ пусть другіе пишутъ.

— Отчего жъ?

— Къ сердцу очень близко.

— Напрасная сентиментальность. — Ну, Онучина, которой любить хочется, да маменька не велитъ.

— Я ее совсѣмъ не знаю, Дора.

— Побесѣдуй.

— Да откуда ты-то знаешь, что ей любить хочется?

— Такъ; приснилось мнѣ, что ли—не помню.

— Да ты жъ съ ней не говорила.

— Тутъ нечего и говорить. А, впрочемъ, нѣтъ... постой, постой! — вскрикнула, подумавъ, Даша. — Вотъ что бери: бери этакую, знаешь, барыню, которая все испытываетъ: любятъ ли ее вѣрно, да на цѣлый ли вѣкъ? Ну, и тутъ словъ! словъ! словъ! — Съ словами цѣлая свора разныхъ, разныхъ прихвостней. Все она собирается любить «жарче дня и огня», а годы все идутъ, и сберется она полюбить, когда ее любить никто не станетъ, или полюбитъ того, кто менѣе всего стоитъ любви. Выйдетъ ничего-себѣ повѣсть, если хорошенько разыграть.

— Начнемъ-ка, — подбавила Дора: — я буду вязать себѣ платокъ, а ты пиши.

Шутя началась работа. Повѣсть писалась и платокъ вязался.

— Что ваша кузина... не замужемъ? — спросилъ одинъ разъ докторъ, садясь за столикъ въ комнатѣ Долинскаго, чтобы записать рецептъ Дашѣ.

— Нѣтъ, не замужемъ, — нѣсколько смутясь, отвѣчалъ Долинскій.

Докторъ нагнулся къ столу и, написавъ, не спѣша, двѣ строчки, снова сказалъ:

— Я хотѣлъ васъ спросить: дѣвушка она, или нѣтъ? — очень странные симптомы!

Онъ быстро поднялъ глаза отъ бумаги на лицо Долинскаго. Тотъ былъ красенъ до ушей. Докторъ снова нагнулся, отбросилъ начатый рецептъ въ сторону и, написавъ новый, уѣхалъ.

— Что же, развѣ ей очень дурно?— спросилъ Долинскій, провожая доктора за дверь.

— Теперь ничего особеннаго, хотя и хорошаго нѣтъ, но послѣ болѣзнь можетъ идти crescendo, — отвѣчалъ врачъ сухо и даже нѣсколько строго.

— Что тебѣ говорилъ докторъ?

— Ничего особеннаго,— отвѣчалъ, смущаясь, Долинскій.

— Онъ все съ намеками какими-то.

— Да.

— И все вретъ.

— А если правда?

— Лжетъ, лжетъ, я знаю. Я просто простудилась. Послушай-ка меня! Устрой-ка ты мнѣ на ночь ножную ванну — это мнѣ всегда помогало.

— Это прежде было, Дора.

— Ахъ, не спорь о томъ, чего не понимаешь!

— А если хуже будетъ?

— Ахъ, Боже мой, что же это за наказаніе съ этими безтолковыми людьми! Ну, не будетъ хуже, русскимъ вамъ языкомъ говорю, не будетъ, не будетъ,— настаивала Дора.

Вечеромъ Даша, при содѣйствіи m-me Бюжаръ, брала ножную ванну и встала на другое утро довольно бодрою, но къ полудню у ней все кружилась голова, а передъ обѣдомъ она легла въ постель.

Пять дней она уже лежала и все ей худо было. Докторъ началъ покачивать головой и разъ сказалъ Долинскому:

— Просто не пойму, что̀ это такое?
— Ванну она брала.
— Зачѣмъ?
— Хотѣла.
Докторъ пожалъ плечами и уѣхалъ.
Больная все разнемогалась. Кашель сильный начался, а по ночамъ изнурительный потъ.
— Что̀ съ нею, докторъ? — спрашивалъ встревоженный Долинскій.
— Ничего не могу вамъ сказать хорошаго.
— Неужто это все ванна надѣлала?
— Не думаю, но болѣзнь идетъ ужасно быстро.
— Боже мой! что̀ жъ дѣлать?
— Будемъ дѣлать, что̀ можно.
— Собрать консиліумъ?
— Соберите.
Пять докторовъ были и деньги взяли, а Дашѣ день-ото дня становилось хуже. Не мучилась она, а все слабѣла и тяжело дышать стала. Долинскій не отходилъ отъ нея ни на шагъ и самъ разнемогся.
— Сходи къ Онучинымъ, — говорила Долинскому Даша, стараясь услать его утромъ изъ дома.
— Зачѣмъ?
— Принеси мнѣ русскую иллюстрацію.
Несторъ Игнатьевичъ взялъ фуражку.
— А ко мнѣ пошли m-me Бюжаръ,—сказала ему вслѣдъ Даша.
Онъ мимоходомъ позвалъ къ ней старуху.
Когда онъ возвратился, въ комнатѣ Даши стоялъ диванъ, перенесенный изъ его кабинетика.
— Зачѣмъ ты это велѣла перенести, Даша?
— Такъ; ты прилечь здѣсь можешь, когда устанешь.
Часто и все чаще и чаще она стала посылать его къ Онучинымъ, то за газетами, которыя потомъ заставляла себѣ читать и слушала, какъ будто со вниманіемъ, то за узоромъ, то за русскимъ чаемъ, котораго у нихъ не хватило. А между тѣмъ въ его отсутствіе она вынимала изъ-подъ подушки бумагу и скоро, и очень скоро что-то писала. Схватится за грудь руками, подержитъ себя сколько можетъ крѣпче, вздохнетъ болѣзненно и опять пишетъ, пока на дворѣ подъ окнами раздадутся знакомые шаги.

— Прибѣжалъ, не вытерпѣлъ, — скажетъ, улыбаясь, Дора.—Бѣдный ты мой! Зачѣмъ ты меня такъ любишь?

У Долинскаго стало все замѣтнѣе и замѣтнѣе недоставать словъ. Въ такія особенно минуты онъ обыкновенно или потерянно молчалъ, или столь же потерянно бралъ больную за руку и не сводилъ съ нея глазъ. Очень тяжело, невыносимо тяжело видѣть, какъ близкое и дорогое намъ существо таетъ, какъ тонкая восковая свѣчка, и спокойно переступаетъ послѣднія ступени къ могилѣ.

Даша проболѣла мѣсяцъ и извелась совсѣмъ: сдѣлалась сухая, какъ перезимовавшая въ полѣ былинка, и прозрачная, какъ вытаявшая восковая фигура, освѣщенная сбоку. Въ послѣднее время она почти ничего не кушала и перестала посылать изъ дома Долинскаго.

— Будь теперь возлѣ меня,—говорила она ему.—Теперь ужъ недолго.

— Да что ты, Дора, въ самомъ дѣлѣ, умирать, что ли, собираешься?

— А ты какъ думаешь?—тихо спросила Дора.

Долинскій стоялъ передъ нею сущимъ истуканомъ.

— Охъ, какой ты смѣшной!—говорила, черезъ силу улыбаясь, Дорушка.—Ну, чего ты моргаешь? Чего тебѣ жаль? Жаль меня? Ну, люби меня послѣ смерти!.. да что объ этомъ. Плачь, если плачется, а я счастлива.

Дорушка капнянула, задумалась и произнесла еще спокойнѣе:

— Смерть! Что жъ такое смерть? Неизбѣжное!.. Ну, и пусть жизнь оборвется на живомъ звукѣ, сразу, безъ стоновъ, безъ жалобъ нищенскихъ.

Дорушка опять капнянула и, показавъ Долинскому бѣлый платокъ съ свѣжимъ алымъ пятнышкомъ, улыбнулась.

Больной становилось все хуже. Докторъ сказалъ, что ужъ нѣтъ никакой надежды.

Даша допыталась сама о состояніи своего здоровья и сказала:

— Теперь напиши Аннѣ, что я безнадежна.

Долинскій написалъ письмо; Даша прочла его, написала внизу: «прощай, сестра», и отдала m-me Бюжаръ, чтобы отправить на почту. На другой день, когда старуха перемѣняла на ней бѣлье, она отдала ей другой толстый пакетъ и велѣла его бросить завтра въ ящикъ. Два дня по-

томъ она была совсѣмъ едва жива, а на третій ей вдругъ полегчало. Цѣлый день Долинскій никакъ не могъ ее упросить, чтобы она молчала. Все, какъ птичка, она щебетала и все возлѣ себя держала его. Ночью спала она очень покойно и слѣдующій день начала хорошо, но раза три все порывалась вскрикнуть, какъ будто разрывалось что-то у нея въ груди. Слѣдующая ночь ей была гораздо труднѣе: она бредила, вскрикивала и безпрестанно звала Долинскаго.

— Я здѣсь, Дора,—отвѣчалъ Несторъ Игнатьевичъ.

— Гдѣ? Гдѣ ты?

Плачетъ и сама руками ищетъ въ воздухѣ.

— Да, вотъ я, вотъ, возлѣ тебя, — отвѣчалъ Долинскій, сжимая ея руку.

— Господи! а я ужъ думала, мнѣ показалось, что я... что тебя ужъ нѣтъ со мною.

— Полно, успокойся, Дора.

— Да гдѣ же ты опять?

— Да я же вотъ держу тебя за руки.

— То-то... Голосъ твой вдругъ какъ-то странно... далеко мнѣ послышался. Ты не отходилъ отъ меня?—спрашиваетъ она въ жару, тревожно водя блуждающими глазами.

— Нѣтъ, Дора.

— То-то, ты не отходи.

— Куда же я пойду?

— Ну, Богъ тебя знаетъ.

Даша на минутку забывалась и опять вскорѣ звала.

— Что же? что, моя Дора? — перепуганнымъ голосомъ спрашивалъ забывавшійся минутнымъ сномъ Долинскій.

— Все мнѣ кажется, какъ будто мы другъ отъ друга уходимъ.

— Ты бредишь, Даша.

— Да, вѣрно, брежу.—Ты меня держишь за руку?

— Ну, да, Дора. Богъ съ тобой, развѣ ты не видишь?

— Нѣтъ, вижу. Только ты все далеко какъ-то. Ты лучше обними меня. Сядь такъ, ближе, возьми меня къ себѣ.

И она уснула почти на рукахъ Долинскаго. Когда солнышко взглянуло сквозь занавѣску, Даша спала, спокойна и прекрасна, и предательскія алыя пятна весело играли на ея нѣжныхъ щечкахъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Finita la comedia.

Съ утра Дашѣ было и такъ, и сякъ, только землистый цвѣтъ, проступавшій по тонкой кожѣ около устъ и носа, придавалъ лицу Даши какое-то особенное непріятное и даже страшное выраженіе. Это была та непостижимая печать, которою смерть заживо отмѣчаетъ обреченныя ей жертвы. Даша была очень серьезна, смотрѣла въ одну точку, и блѣдными пальцами все обирала что-то съ своего, перстью земною покрывавшагося лица. Къ ночи ей стало хуже, только она, однако, уснула.

Долинскій приподнялся, дошелъ на цыпочкахъ до дивана и прилегъ. Онъ былъ очень изнуренъ многими безсонными ночами и уснулъ какъ умеръ. Однако, несмотря на крѣпкій сонъ, часу во второмъ ночи, его какъ будто кто-то самымъ безцеремоннымъ образомъ толкнулъ подъ бокъ. Онъ вскочилъ, оглянулся и вздрогнулъ. Даша, опершись на свою подушку локоткомъ, манила Долинскаго къ себѣ пальчикомъ, и тихонько, шопотомъ называла его имя.

— Что ты?—спросилъ онъ, подойдя къ ея постели.

— Тссс!—произнесла Даша и сердито погрозила пальцемъ.

Долинскій остановился и оглянулся.

— Тссс!—повторила Даша и спросила шопотомъ:—когда она пріѣхала?

— Кто пріѣхала!

— Анна.

— Какая Анна?

— Ну, Анна, Анна, сестра.

— Богъ съ тобой, это тебѣ приснилось.

Даша разсердилась.

— Не приснилось, а она приходила сюда, вотъ тутъ, вотъ возлѣ меня стояла въ бѣломъ капотѣ.

— Что ты говоришь, Дора, вздоръ какой! Зачѣмъ здѣсь будетъ Анна?

— Я тебѣ говорю, она сейчасъ была тутъ, вотъ тутъ. Она смотрѣла на меня и на тебя. Вотъ въ лобъ меня поцѣловала, я еще и теперь чувствую, и сама слышала, какъ дверь за ней скрипнула. Ну, выйди, посмотри лучше, чѣмъ спорить.

Долинскій зажегъ у ночной лампочки свѣчу и вышелъ

въ другую комнату. Никого не было; все оставалось такъ, какъ было. Проходя мимо зеркала, онъ только испугался своего собственнаго лица.

— Ничего нѣтъ,—сказалъ онъ, входя къ Дашѣ, возможно спокойнымъ и твердымъ голосомъ.

— Чего жъ ты такъ обрадовался? чего ты кричишь-то! Ну, нѣтъ и нѣтъ.

— Я обыкновеннымъ голосомъ говорю.

— Не надо обыкновеннымъ голосомъ говорить — говори другимъ.

Лицо Доры было необыкновенно сурово, даже страшно своею грозною серьезностью.

При свѣчѣ, на немъ теперь очень ясно обозначились серьезныя черты Гиппократа.

— Зачѣмъ же это другимъ голосомъ? Что ты все пугаешь меня, Даша?—сказалъ ей, дѣйствительно дрожа отъ непонятнаго страха, Долинскій.

— Это смерть моя приходила, — отвѣчала съ досадой больная.

Долинскій понималъ, что больная бредитъ наяву, а мурашки все-таки по немъ пробѣжали.

— Какой вздоръ, Даша!

— Нѣтъ, не вздоръ, нѣтъ, не вздоръ,—и Даша заплакала.

— Чего жъ ты плачешь?

— Того, что ты со мной споришь. Я больна, а онъ споритъ.

— Ну, успокойся же, я, точно, виноватъ.

— Виноватъ!

Даша отерла платкомъ слезы и сказала:

— И опять глупо: совсѣмъ не виноватъ. Сядь возлѣ меня; я все пугалась чего-то.

Долинскій сѣлъ у изголовья.

— Капризная я стала?—спросила едва слышно больная.

— Нѣтъ, Дора, какіе жъ у тебя капризы?

— Ну, я тебѣ скажу какіе, только, пожалуйста, со мной не спорь и не возражай.

— Хорошо, Дора.

— Я хочу, чтобы ты меня на свои трудовыя деньги мертвую привезъ въ Россію. Хорошо?

Долинскій молчалъ.

— Исполнишь?—спрашивала ласково Дора.

— Исполню.

— До тѣхъ поръ не выѣзжай отсюда. Сдѣлаешь?

— Сдѣлаю.

Она приложила къ его губамъ свою ручку, а онъ поцѣловалъ ее, и больная уснула.

Черезъ два дня послѣ этого, съ самаго утра, ей стало очень худо. День она провела безъ памяти и, глядя во всѣ глаза на Долинскаго, все спрашивала: «Гдѣ ты? Не отходи же ты отъ меня!» Передъ вечеромъ зашелъ докторъ и, выходя, только губами подернулъ, да махнулъ около носа пальцемъ. Дѣло шло къ развязкѣ. Долинскій совсѣмъ растерялся. Онъ стоялъ надъ постелью безъ словъ, безъ чувствъ, безъ движенія и не слыхалъ, что возлѣ него дѣлала старуха Бюжаръ. Только милый голосъ, звавшій его время отъ времени, выводилъ его на мгновеніе изъ страшнаго оцѣпенѣнія. Но и этотъ низко-упавшій голосъ очень мало напоминалъ прежній звонкій голосъ Доры. Въ комнатѣ была мертвая тишина. М-me Бюжаръ начинала позѣвывать и кланяться сѣдою головою. Пришла полночь, стало еще тише. Вдругъ, среди этой тишины, Даша стала тихо приподниматься на постели и протянула руки. Долинскій поддержалъ ее.

— Пусти, пусти,—прошептала она, отводя его руки.

Онъ уложилъ ее опять на подушки, и она легла безпрекословно.

Зорька стала заниматься, и въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ сегодня не были опущены занавѣски, начало сѣрѣть. Даша вдругъ опять начала тихо и медленно приподниматься, воззрилась въ одну точку въ ногахъ постели и прошептала:

— Звонятъ! Гдѣ это звонятъ?—и съ этими словами внезапно вздрогнула, схватилась за грудь, упала навзничь и закричала:—ой, что жъ это! больно мнѣ! больно!—Охъ, какъ больно! Помогите хоть чѣмъ-нибудь. А-а! В-о-т-ъ о-н-а смерть!—Жить!.. Ахъ!.. ахъ! жить, еще! жить хочу!—крикнула громкимъ, рѣзкимъ голосомъ Дора и какъ-то неестественно закинула назадъ голову.

Долинскій нагнулся и взялъ ее подъ плечи; Дора вздрогнула, тихо потянулась, и ея не стало.

У изголовья кровати стояла m-me Бюжаръ и плакала въ платокъ, а Долинскій такъ и остался, какъ его покинула отлетѣвшая жизнь Доры.

Прошло десять или пятнадцать минутъ, m-me Бюжаръ рѣшилась позвать Долинскаго, но онъ не откликнулся.

Онъ ничего не слыхалъ.

М-me Бюжаръ пошла домой, плакала, пила со сливками свой кофе, опять просто плакала и опять пришла — все оставалось попрежнему. Только свѣтло совсѣмъ въ комнатѣ стало.

Француженка еще разъ покликала Долинскаго, онъ тупо взглянулъ на нее и его лѣвая щека скривилась въ какую-то особенную, кислую улыбку. Старуха испугалась и выбѣжала.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Сирота.

Madame Бюжаръ побѣжала къ Онучинымъ. Она знала, что, кромѣ этого дома, у ея жильцовъ не было никого знакомаго. Благородное семейство еще почивало. Француженка усѣлась на террасѣ и терпѣливо ожидала. Здѣсь ее засталъ Кириллъ Сергѣевичъ и обѣщался тотчасъ идти къ Долинскому. Черезъ часъ онъ пришелъ въ квартиру покойницы вмѣстѣ съ своею сестрою. Долинскій попрежнему сидѣлъ надъ постелью и неподвижно смотрѣлъ на мертвую голову Доры. Глаза ей никто не завелъ, и

> Съ побѣлѣвшими глазами,
> Ликъ, прежде нѣжный, былъ страшнѣй
> Всего, что страшно для людей.

Мухи ползали по глазамъ Дорушки.

Кириллъ Сергѣевичъ съ сестрою вошли тихо. М-me Бюжаръ встрѣтила ихъ въ залѣ и показала въ отворенную дверь на сидѣвшаго попрежнему Долинскаго. Братъ съ сестрой вошли въ комнату умершей. Долинскій не трогался.

— Несторъ Игнатьичъ! —позвалъ его Онучинъ.

Отвѣта не было. Онучинъ повторилъ свой окликъ—то же самое, Долинскій не трогался.

Вѣра Сергѣевна постояла нѣсколько минутъ и, не снимая своей правой руки съ локтя брата, лѣвую сильно положила на плечо Долинскаго, и, нагнувшись къ его головѣ, сказала ласково:

— Несторъ Игнатьичъ!

Долинскій какъ будто проснулся, провелъ рукою по лбу и взглянулъ на гостей.

— Здравствуйте!—сказала ему опять m-lle Онучина.

— Здравствуйте!—отвѣчалъ онъ, и его лѣвая щека опять скривилась въ ту же странную улыбку.

Вѣра Сергѣевна взяла его за руку и опять съ усиліемъ крѣпко ее пожала. Долинскій всталъ и его опять подернуло улыбнуться очень недоброй улыбкой. M-me Бюжаръ пугливо жалась въ углу, а ботаникъ видимо растерялся.

Вѣра Сергѣевна положила обѣ свои руки на плечи Долинскаго и сказала:

— Одни вы теперь остались!

— Одинъ,—чуть слышно отвѣтилъ Долинскій и, оглянувшись на мертвую Дору, снова улыбнулся.

— Ваша потеря ужасна,—продолжала, не сводя съ него своихъ глазъ, Вѣра Сергѣевна.

— Ужасна,—равнодушно отвѣчалъ Долинскій.

Онучинъ дернулъ сестру за рукавъ и сдѣлалъ строгую гримасу. Вѣра Сергѣевна оглянулась на брата и, отвѣтивъ ему нетерпѣливымъ движеніемъ бровей, опять обратилась къ Долинскому, стоявшему передъ ней въ окаменѣломъ спокойствіи.

— Она очень мучилась?

— Да, очень.

— И такъ еще молода!

Долинскій молчалъ и тщательно обтиралъ правою рукою кисть своей лѣвой руки.

— Такъ прекрасна!

Долинскій оглянулся на Дору и уронилъ шопотомъ:

— Да, прекрасна.

— Какъ она васъ любила!.. Боже, какая это потеря!

Долинскій какъ будто пошатнулся на ногахъ.

— И за что такое несчастье!

— За что! за... за что!—простоналъ Долинскій и, упавъ въ колѣна Вѣры Сергѣевны, зарыдалъ какъ ребенокъ, котораго безъ вины наказали въ примѣръ прочимъ.

— Полноте, Несторъ Игнатьичъ,—началъ-было Кириллъ Сергѣевичъ, но сестра снова остановила его сердобольный порывъ и дала волю плакать Долинскому, обхватившему въ отчаяніи ея колѣни.

Мало-по-малу онъ выплакался и, облокотясь на стулъ, взглянулъ еще разъ на покойницу и грустно сказалъ:

— Все кончено.

— Вы мнѣ позволите, m-r Долинскій, заняться ею?

— Занимайтесь. Что жъ, теперь все равно.

— А вы съ братомъ подите отправьте депешу въ Петербургъ сестрѣ.

— Хорошо,—покорно отвѣчалъ Несторъ Игнатьевичъ.

Онучинъ увелъ Долинскаго, а Вѣра Сергѣевна послала m-me Бюжаръ за своей горничной и въ ожиданіи ихъ сѣла передъ постелью, на которой лежала мертвая Дора.

Дѣтскій страхъ смерти при бѣломъ днѣ овладѣлъ Вѣрою Сергѣевной: все ей казалось, что мертвая Дора сушится и слегка шевелитъ насильно закрытыми вѣками.

Одѣли покойницу въ бѣлое платье и голубою лентой подпоясали ее по стройной таліи, а пышную красную косу расчесали по плечамъ, и такъ положили на столъ.

Комнату Дашину вычистили, но ничего въ ней не трогали; все осталось въ томъ же порядкѣ. Долинскій вернулся домой тихій, грустный, но спокойный. Онъ подошелъ къ Дашѣ, поднялъ кисею, закрывавшую ей голову, поцѣловалъ ее въ лобъ, потомъ поцѣловалъ руку и закрылъ опять.

— Пойдемте же къ намъ, Несторъ Игнатьичъ! — говорилъ Онучинъ.

— Нѣтъ, право, не могу. Я не пойду; мнѣ здѣсь хорошо.

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше мѣсто здѣсь,—подтвердила Вѣра Сергѣевна.

Онъ съ благодарностью пожалъ ей руку.

— Знаете, что я забыла спросить васъ, m-r Долинскій!— сказала Вѣра Сергѣевна, зайдя къ нему послѣ обѣда.—Вы Дору здѣсь оставите?

— Какъ здѣсь?

— То-есть въ Италіи?

— Ахъ, Боже мой! я и забылъ. Нѣтъ, ее перевезутъ домой, въ Россію. Нужно металлическій гробъ. Вы, вѣдь, это хотѣли сказать?

— Да.

— Да, металлическій.

— Вы не хлопочите, maman все это уладитъ: она знаетъ, что нужно дѣлать. Она извиняется, что не можетъ къ вамъ придти, она нездорова.

Старуха Онучина боялась мертвыхъ.

— Позвольте же, деньги нужно дать,—безпокоился Долинскій.

— Послѣ, послѣ отдадите, сколько издержатъ.

— Благодарю васъ, Вѣра Сергѣевна. Я бы самъ ничего не дѣлалъ.

М-lle Онучина промолчала.

— Какъ вы хорошо одѣли ее!—заговорилъ Долинскій.

— Вамъ нравится?

— Да. Это всего лучше шло къ ней всегда.

— Очень рада. Я хочу посидѣть у васъ, пока братъ за мною придетъ.

— Что жъ! Это большое одолженіе, Вѣра Сергѣевна.

— У васъ есть чай?

— Чай? Вѣрно есть.

— Дайте, если есть.

Долинскій нашелъ чай и позвалъ старуху. Принесли горячей воды, и Вѣра Сергѣевна сѣла дѣлать чай. Пришла и горничная съ большимъ узломъ въ салфеткѣ. Вѣра Сергѣевна стала разбирать узелъ: тамъ была розовая подушечка въ ажурномъ чехлѣ, кисея, собранная буфами, для того, чтобы ею обтянуть столъ; множество гирляндъ, великолѣпный букетъ и вѣнокъ изъ живыхъ розъ на голову.

Разложивъ все это въ порядкѣ, Вѣра Сергѣевна съ своею горничной начала убирать покойницу. Долинскій тихо и спокойно помогалъ имъ. Онъ вынулъ изъ своей дорожной шкатулки кіевскій перламутровый крестъ своей матери и, по украинскому обычаю, вложилъ его въ исхудалыя ручки Доры.

Передъ тѣмъ, когда хотѣли закрывать гробъ покойницы, Вѣра Сергѣевна вынула изъ кармана ножницы, отрѣзала у Дорушки цѣлую горсть волосъ, потомъ отрѣзала длинный конецъ отъ ея голубого пояса, перевязала эти волоса обрѣзкомъ ленты и подала ихъ Долинскому. Онъ взялъ молча этотъ послѣдній остатокъ земной Доры и даже не поблагодарилъ за него m-lle Онучину.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Письмо изъ-за могилы.

Анна Михайловна получила письмо объ отчаянной болѣзни Доры за два часа до полученія телеграммы о ея смерти.

Анна Михайловна плакала и тосковала въ Петербургѣ, и ее никто не заботился утѣшать. Одинъ Илья Макаровичъ чаще забѣгалъ подъ различными предлогами, но мало отъ него было ей утѣшенія: художникъ самъ не могъ опомниться отъ печальной вѣсти и все сводилъ разговоръ на то, что «сгорѣло созданьице милое! подсѣкла его судьбенка». Анна Михайловна, впрочемъ, и не искала стороннихъ утѣшеній.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Илья Макарычъ, ничего со мною не сдѣлается,—отвѣчала она волновавшемуся художнику.—Отъ горя люди, къ несчастію, не умираютъ.

Только Аннѣ Аниcимовнѣ она часто съ тревогою сообщала свои сновидѣнія, въ которыхъ являлась Дора.

— Видѣла ее, мою крошку, будто она одна, босая, моя голубочка, сидитъ на полу въ пустой церкви...—разсказывала, тоскуя, Анна Михайловна.

— Душенька ея... — сочувственно начинала бѣдная дѣвушка.

— И эти ручки, эти свои маленькія ручонки ко мнѣ протягиваетъ... Ахъ ты, Боже мой! Боже мой!—перебивала въ отчаяніи Анна Михайловна, и обѣ начинали плакать вмѣстѣ.

Черезъ три дня послѣ полученія печальныхъ извѣстій изъ Ниццы, Аннѣ Михайловнѣ подали большое письмо Даши, отданное покойницей m-me Бюжаръ за два дня до своей смерти. Анну Михайловну нѣсколько изумило это письмо умершаго автора; она поспѣшно разорвала конвертъ и вынула изъ него пять мелко исписанныхъ листовъ почтовой бумаги.

«Сестра! Пишу къ тебѣ съ того свѣта,—начинала Даша.—Живя на землѣ, я давно не въ силахъ была говорить съ тобою попрежнему, то-есть я не могла говорить съ тобой откровенно. Въ первый разъ въ жизни я измѣнила себѣ, отмалчивалась, робѣла. Теперь исповѣдуюсь тебѣ, моя душка, во всемъ. Пусть будетъ надо мной твоя воля и твой судъ милосердый. Мой міръ прошелъ предо мною полнымъ, и я схожу въ готовую могилу безъ всякаго ропота. Совѣсть я уношу чистую. По моимъ нравственнымъ понятіямъ, то-есть понятіямъ, которыя у меня были, я ничѣмъ не оскорбила ни людей, ни человѣчество, и ни въ чемъ не прошу у нихъ прощенія. Но есть, голубчикъ-сестра, условія, кото-

рыя плохо повинуются разсудку и заставляютъ насъ страдать крѣпко, долго страдать, наперекоръ своей увѣренности въ собственной правотѣ. Одно такое условіе давно стало между мною и тобою; оно поднималось, падало, опять поднималось, росло, росло, наконецъ, выросло во всю свою естественную или, если хочешь, во всю свою уродливую величину, и теперь, съ моею смертью, оно, слава Богу, исчезаетъ. Я говорю, Аня, о нашей любви къ Долинскому... Пора это выговорить... Зачѣмъ мы его полюбили обѣ — я не разрѣшу себѣ точно такъ же, какъ не могла себѣ разрѣшить никогда, что̀ такое мы въ немъ полюбили? что̀ такое въ немъ было?.. Увлеклись своими опекунскими ролями, или это—сила добра и честности?

«Да Богъ съ ними, съ этими вопросами! поздно ужъ рѣшать ихъ.

«Я себѣ свою начальную любовь къ этому Долинскому, къ этой живой слабости, объясняю, во-первыхъ, моей мизерикордіей, а, во-вторыхъ... тѣмъ, что ли ужъ, что нынѣшніе *сильные* люди не вызываютъ любви, не могутъ ее вызвать. Я не знаю, что̀ бы со мной было, если бы я рядомъ съ Долинскимъ встрѣтила человѣка сильнаго какъ-то иначе, сильнаго *любовью*, но люди, сильные одною ненавистью, однимъ самолюбіемъ, сильные умѣньемъ не любить никого, кромѣ себя и своихъ фразъ, мнѣ были ненавистны; другихъ людей не было, и Долинскій, со всѣми его слабостями, сталъ мнѣ милъ, какъ говорятъ, понравился.

«Ты знаешь, что я его люблю едва ли не раньше тебя, едва ли не съ первой встрѣчи въ Луврѣ передъ моей любимой картиной. Но онъ тебя, а не меня полюбилъ. Вы это искусно скрывали, но недолго. Сердце сказало мнѣ все; я все понимала, и понимала, что онъ считаетъ меня ребенкомъ. Это меня злило... Да, не будь этого, можетъ-быть, и ничего бы не было остального. Сначала я заставляла молчать мое странное, какъ будто съ зависти разгоравшееся чувство; я сама увѣряла себя, что я не могла бы успокоить упадшій духъ этого человѣка, что ты вѣрнѣе достигнешь этого, и таки-наконецъ, одолѣла себя, отошла отъ васъ въ сторону. Вы не видали меня за своею любовью, и я вамъ не мѣшала, но я наблюдала васъ, и тутъ-то мнѣ показалось, что я поняла Долинскаго гораздо вѣрнѣе, чѣмъ понимала его ты. Тебѣ было жаль его, тебѣ хотѣлось его

успокоить, дать ему вздохнуть, оправиться, а потомъ... жить тихо и скромно. Такъ я это понимала.

«Я была очень молода, совсѣмъ неопытна, совсѣмъ дѣвочка, но я чувствовала, что въ немъ еще много жизни, много силы, много охоты жить смѣлѣе, тверже. Я видѣла, что силѣ этой такъ не должно замереть, но что у него воля давно придавлена, а ты только о его покоѣ думаешь. Я почувствовала, что если бъ онъ любилъ меня, то я бы могла дать ему то, чего у него не было, или что онъ утратилъ: волю и смѣлость. Это льстило мой дѣтской гордости, этимъ я хотѣла *отмыпить мою жизнь на свыпь*. Но вы любили другъ друга, и я опять отошла въ сторону и опять наблюдала васъ, любя васъ обоихъ. А тутъ я заболѣла, собиралась умирать. Занося ногу въ могилу, я еще сильнѣе почувствовала мою любовь—въ страсть она переходила во мнѣ. Это было для меня чувство совершенно новое, и я, право, въ немъ не виновата. Это какъ-то сдѣлалось совсѣмъ мимо меня! Мнѣ не хотѣлось умирать не любя: мнѣ хотѣлось любить крѣпко, сильно. Это было ужасное чувство, мучительное, страшно мучительное! Тутъ поѣхали мы въ Италію; все вдвоемъ да вдвоемъ. Силъ монхъ не было съ собою бороться — хоть день, хоть часъ одинъ я хотѣла быть любимою во что бы то ни стало. Ахъ, сестра, ты простила бы мнѣ все, если бы знала, какое это было мучительное желаніе любви... обожанія, чьего-то рабства передъ собою! Это что-то дьявольское!.. Это гадко, но это было *непреодолимо*.

«Я хотѣла уѣхать, и не могла. Сатана, духъ нечистый одинъ знаетъ, что это было за ненавистное состояніе! Порочная душа моя въ немъ сказалась что ли, или это было роковое наказаніе за мою самонадѣянность! Мало того, что я хотѣла быть любимой, я хотѣла, чтобы меня любилъ, боготворилъ, уничтожался передо мною человѣкъ, который не долженъ меня любить, который долженъ любить другую, а не меня... И чтобъ онъ ее бросилъ; и чтобъ онъ ее разлюбилъ; чтобъ онъ совсѣмъ забылъ ее для меня — вотъ чего мнѣ хотѣлось! Дико!.. Гнусно!.. Твоя кроткая душа не можетъ понять этого злого желанія. Правда, я давно любила Долинскаго, я любила въ немъ мягкаго и честнаго человѣка, ну, пожалуй, даже любила его, такъ-таки, по всѣмъ правиламъ, со всѣми онерами, но... все-таки изъ этого, мо-

жетъ-быть, ничего бы не было; все-таки жаль мнѣ было тебя! Любила же я тебя, Аничка! знала же я, сколько тебѣ обязана! Все противъ меня было! Но какая-то лукавая сила все шептала: «передъ тобой и это все загремитъ и разсыплется прахомъ». Ты знаешь, Аня, что я никогда не была кокеткой; это совершенная правда, я не кокетка: но я, однако, кокетничала съ Долинскимъ, и безсовѣстно, зло кокетничала съ нимъ. Не совсѣмъ это безсовѣстно было только потому, что я не хотѣла его влюбить въ себя и бросить, заставить мучиться, я хотѣла... или, лучше сказать тебѣ, въ то время, при самой началѣ этой исторіи, я ничего не объясняла себѣ, зачѣмъ я все это дѣлаю. Но все-таки я знала, я чувствовала, что это... нехорошо. Иногда я останавливалась, вела себя ровно, но это было на минуту, да, все это бывало на одну минуту... Я опять начинала вертѣть его, сбивать, влюблять въ себя до безумія, и, разумѣется, влюбила. Клянусь тебѣ всѣмъ, что это открытіе не обрадовало меня: оно меня испугало! Я въ ту минуту не хотѣла, чтобы онъ разлюбилъ тебя. Голубчикъ мой! повѣрь мнѣ, что этого я не хотѣла... но... потомъ вдругъ я совсѣмъ обо всемъ этомъ забыла, совсѣмъ о тебѣ забыла, и моя злоба взяла верхъ надъ твоею кроткою, нелюбивою любовью, моя дорогая Аня: человѣкъ, котораго ты любила, уже не любилъ тебя. Онъ не смѣлъ сказать мнѣ, что онъ любитъ меня; не смѣлъ даже самъ себѣ сознаться въ этомъ, но онъ былъ *мой рабъ*, а я хотѣла любить, и онъ мнѣ нравился. Тутъ ужъ не было мѣста прежней миверикордіи, я только *любила*. Ахъ, Аня! не обвиняй его хоть ты ни въ чемъ: все это я одна, я все это надѣлала! Я ужъ не думала ни о комъ, ни о тебѣ, ни о немъ, ни о себѣ: быть любимой, *быть любимой*—вотъ все, о чемъ я думала. Я знаю, что если бъ я жила, онъ бы со мною не погибъ; но я знала, что я недолго буду жить и что это его можетъ совсѣмъ сбить съ толку и мнѣ его не было даже жалко. Пусть полюбитъ меня, а потомъ пусть гибнетъ. Развѣ я этого не стоила? Губятъ же люди себя опіумомъ, гашишемъ, неужто же любовь женщины хуже какого-нибудь глупаго опьянѣнія? Ужасайся, Аня, до чего доходила твоя Дора!

«Я непремѣнно хочу разсказать тебѣ все, что должно служить къ его оправданію въ этой каторжной исторіи».

Тутъ Даша довольно подробно изложила все, что было со дня ихъ пріѣзда въ Ниццу до послѣднихъ дней своей жизни и, заканчивая свое длинное письмо, писала:

«Теперь я умираю, ничего собственно не сдѣлавъ для него хорошаго. Но я, сестра, въ могилу все-таки уношу убѣжденіе, что этотъ человѣкъ еще многое можетъ сдѣлать, если благородно пользоваться его преданною, привязчивою натурою; иначе кто-нибудь станетъ ею пользоваться неблагородно. Онъ одинъ жить не можетъ. Это ужъ такой человѣкъ. Встрѣтитесь вы, что ли... но я тутъ ровно ничего не понимаю. Я и хочу, и не хочу этого. Все это, понимаешь, такъ странно и такъ неловко, что... Господи, что это я только напутала!» (Тутъ въ письмѣ было нѣсколько тщательно зачеркнутыхъ строчекъ и потомъ снова начиналось):

«Я бы доказала, что я могу сдѣлать этого человѣка счастливымъ и могу заставить его отряхнуться. Да, это дѣло возможное; повѣрь, возможное. Отъ того, что я умираю, оно не дѣлается невозможнымъ. Вдумайся хорошенько, и ты увидишь, что я не говорю ничего несообразнаго.

«Не зови его изъ Италіи. Пусть поскучаетъ обо мнѣ вволю. Это для него необходимо. Я вижу, что я для него буду очень серьезною потерею, и надо, чтобы онъ сумѣлъ съ собою справиться, а не растерялся, не бросился Богъ вѣсть куда. Я велѣла ему перевезти мое тѣло въ Россію. Для насъ, небогатыхъ людей, — это, разумѣется, затѣя совершенно лишняя и непростительная (хотя, каюсь тебѣ, и мнѣ какъ-то пріятнѣе лежать въ родной землѣ, ближе къ людямъ, которыхъ я любила). Я сдѣлала это, однако, не для себя. Онъ будетъ очень тосковать обо мнѣ, а все-таки лучше ему оставаться здѣсь. Куда ему ѣхать въ Россію?.. Все такъ свѣжо будетъ... такъ больно... Зачѣмъ встрѣча безъ радости? Я ему сказала, чтобы онъ перевезъ меня на трудовыя деньги. Это его заставитъ работать и будетъ очень хорошо, если никто не станетъ въ него вступаться, звать его. Все должно быть оставлено времени и моей памяти. Я еще изъ-за гроба что-нибудь сдѣлаю... А ты, Аня, не увлекайся своими фантазіями и поступай такъ, какъ тебѣ укажутъ твое чувство и благоразуміе. Что, мой другъ, дѣлать, бываетъ всякое на свѣтѣ!»

Тутъ опять было нѣсколько тщательно зачеркнутыхъ строчекъ и потомъ стояло:

«Только опять нѣтъ! Все мнѣ что-то кажется, я какъ-то предчувствую, что все это будетъ какъ-то не такъ, что будетъ какая-то иная развязка и вообрази... *я буду рада, если она будетъ иная*... Кажется, любила и сгубила... Что жъ дѣлать? дамъ отвѣтъ, если спросится... А, впрочемъ, не слушай лучше ты, Аня, меня — я, должно-быть, совсѣмъ сошла съ ума передъ смертью. Старайся, чтобъ было такъ, *какъ мнѣ не хочется*. Лучшаго я ничего не придумаю. Все это мнѣ представляется теперь, какъ объявляютъ на афишахъ, какимъ-то великолѣпнымъ, брильянтовымъ фейерверкомъ, и вотъ этотъ фейерверкъ весь сгорѣлъ до тла и около меня сгущается мракъ, сѣрый, непроглядный мракъ, могила... А нельзя было не сжечь его! Онъ такъ хорошо, такъ дивно хорошо горѣлъ!.. Говорю тебѣ одно, что если бы ты умерла прежде меня, я бы... нѣтъ, я ничего не знаю.

«*Я ничего не знаю*, и это выходитъ *все*, что я сумѣла сказать тебѣ въ этой послѣдней попыткѣ, моя мать, сестра и лучшій земной другъ мой! Я умираю, однако, въ полномъ убѣжденіи, что ты поняла мою исповѣдь и простила меня. Прощай, мой добрый ангелъ! Прощай издалека. Какъ бы я хотѣла тебя видѣть въ мои послѣднія минуты!.. Какъ я хочу вѣрить, что я увижу тебя! Да, я тебя увижу: я вызову тебя. Я вѣрю въ души, въ силу душъ, и я тебя вызову! Разстояній нѣтъ. Ихъ нѣтъ, потому что ты теперь со мною! Я вижу, какъ ты меня прощаешь. Ты благословишь твою безнравственную сестру... спасибо. Совсѣмъ мнѣ плохо; едва дописываю эти строки. Пора въ походъ безвѣстный... Вотъ она, когда близится роковая загадка-то! Иду смѣло, смѣло иду! Интересно знать, что тамъ такое? Можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ, буду ждать васъ? но хочу, чтобы ждала какъ можно дольше; и боюсь только, что «въ мірѣ иномъ другъ друга ужъ мы не узнаемъ»

«Любите же и помните вашу мертвую Дору.»

«Ницца».

«PS. Если бы слѣпою волею рока это письмо мое когда-нибудь стало извѣстно высоконравственному міру, Боже, какъ бы перевернули высоконравственные люди въ могилѣ мои бѣдныя кости! Съ какими бы процентами заплатили мнѣ всѣ опять-таки высоконравственныя дамы за все презрѣніе, которое я всегда чувствовала къ ихъ фарисейской нравственности. Развѣ одна ты, милосердная, вдохнови-

тельная, всесильная любовь, вложишь въ чьи-нибудь грѣшныя и многолюбящія или многолюбившія уста слово въ мое оправданіе! Сорвалось съ петлей! Не умѣла любить вполовину сердца, а всѣмъ полюбишь—на полдорогѣ не остановишься. Прощай, и еще разъ прости меня, мертвеца, бѣднаго и болѣе никому уже не вредящаго.

«Совсѣмъ забыла про Журавку—онъ обидится. Поцѣлуй его за меня: онъ любилъ меня, нашъ добрый, маленькій человѣчекъ съ большимъ сердцемъ. Аннѣ Анисимовнѣ, всему нашему маленькому, тихому мірку, всѣмъ дѣвушкамъ, всѣмъ кланяюсь и у всѣхъ прошу себѣ всякаго прощенья».

Анна Михайловна поплакала, еще разъ перечитала письмо и легла въ постель. Много горячихъ и добрыхъ слезъ ея упало этою безконечною для нея ночью.

— Что теперь впереди? Кому, на что нужна моя жизнь и зачѣмъ она самой мнѣ, эта жизнь, въ которой все милое пропало, все вымерло?—спрашивала себя она, обтирая заплаканное лицо.

Совершенно разбитая, Анна Михайловна рано утромъ встала и написала Долинскому:

«Печальное извѣстіе о смерти Дорушки меня поразило, потому что ни одинъ изъ васъ даже не извѣщалъ меня, что ей сдѣлалось хуже. Однако, я давно была къ этому готова и желаю, чтобы ты какъ можешь спокойнѣе перенесъ нашу потерю. Я прошу тебя остаться въ Ниццѣ, пока я выхлопочу позволеніе перевезти въ Петербургъ тѣло Доры. Это не будетъ очень долго и ты вѣрно не откажешь въ новомъ одолженіи мнѣ и покойницѣ. Я очень скучаю теперь и вдвое буду рада каждой твоей строчкѣ. Извини, что я пишу такъ мало: самъ, вѣрно, понимаешь, что мнѣ не до словъ».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Сладкія начала злого недуга.

Долинскій все грустилъ о Дорѣ и никуда не выходилъ. Аристократъ-ботаникъ два раза заходилъ къ нему, но, замѣтивъ, что его посѣщенія въ тягость одичавшему хозяину, пересталъ его навѣщать. Старуха нѣсколько разъ посылала приглашать Долинскаго къ себѣ обѣдать—онъ всякій разъ упорно отказывался и даже сердился, что его трогаютъ. Дома онъ все ходилъ въ раздумьѣ по Дашиной комнатѣ и

ровно ничѣмъ не занимался. Ночами спалъ мало и то все Дору безпрерывно видѣлъ во снѣ. Это его радовало. Онъ очень полюбилъ свои сновидѣнія, онъ жилъ въ нихъ и незамѣтно сталъ отыскивать въ нихъ какой-то таинственный смыслъ и значеніе. Долинскій незамѣтно началъ строить такія положенія, что Даша не вся умерла для него; что она живетъ гдѣ-то и вовсе не потеряла возможности съ нимъ видѣться. Ему начало сниться, что она откуда-то приходитъ ночами, сидитъ у его изголовья и говоритъ ему живыя ласковыя рѣчи, и онъ сердился, когда разумъ говорилъ ему, что это только сонъ, только такъ кажется. Онъ всегда слово отъ слова помнилъ все, что̀ ему говорила ночью Дора, и всегда находилъ въ ея рѣчахъ тотъ же умъ и тотъ же характеръ, которыми дышали ея прежніе разговоры. Странно и неестественно было теперешнее состояніе Долинскаго, и въ такомъ состояніи онъ получилъ знакомое намъ письмо Анны Михайловны, а ночью ему опять снилась Дора. Она вошла въ комнату, тихо сѣла возлѣ Долинскаго на краю кровати и положила ему на лобъ свою исхудалую ручку. Лицо Доры было такъ же прекрасно, но сдѣлалось совсѣмъ прозрачнымъ. Она была въ томъ же бѣломъ платьицѣ, въ которомъ ее схоронили; у ея голубого кушака былъ высоко отрѣзанъ одинъ конецъ, а съ лѣвой стороны надъ виномъ выбивались изъ-подъ бѣлыхъ розъ неровно остриженные рукою Вѣры Сергѣевны волосы.

Долинскому казалось, что все существо Доры блеститъ какимъ-то фосфоричнымъ свѣтомъ, и онъ закрытыми глазами видѣлъ, какъ она ему улыбнулась, слышалъ, какъ она сказала:—здравствуй, мой милый!—и чувствовалъ, что она положила ему на голову свою ручку.—Я на тебя сердита теперь!—говорила Дора.—Я тебя просила работать для меня, а ты все скучаешь, все ничего не дѣлаешь. Нехорошо! Скучать нечего, я всегда съ тобой. Мнѣ хорошо, я васъ вижу всѣхъ теперь. Встань, мой другъ, пиши, я хочу, чтобъ ты писалъ, чтобъ ты отвезъ меня въ Россію. Здѣсь у насъ все чужіе въ могилахъ. Встань же! встань! работай, — звала она, потряхивая его за плечо. Долинскій вскакивалъ, открывалъ глаза—въ комнатѣ ничего не было. Онъ вздыхалъ и засыпалъ снова, и Даша немедленно слетала къ нему снова и успокаивала его, говорила, что ей хорошо, что она всѣхъ любитъ.—А глазами, говорила она,

на меня смотрѣть нельзя; никогда не смотри на меня глазами!—Возьми же, возьми меня съ собой!—вскрикивалъ во снѣ Долинскій.—Нельзя, мой другъ, нельзя,—тихо отвѣчала Даша. — Я не пущу тебя! — опять вскрикивалъ Долинскій въ своемъ тревожно-сладкомъ снѣ, протягивалъ руки къ своему видѣнію и обнималъ воздухъ, а разгоряченному его воображенію представлялась уносившаяся вдалекѣ по синему ночному небу Дора. Сновидѣнія эти не прекращались. Наконецъ, разъ какъ-то Даша явилась Долинскому съ сморщеннымъ лбомъ, сказала: — работай, или я въ наказаніе тебѣ не буду навѣщать тебя и мнѣ будетъ скучно.

Прошло три ночи и Даша сдержала свое слово: ни на одно мгновеніе не привидѣлась она Долинскому.

Несторъ Игнатьичъ очень серьезно встревожился. Онъ на четвертый день вскочилъ съ разсвѣтомъ и сѣлъ за работу. Повѣсть сначала не вязалась, но онъ сдѣлалъ надъ собой усиліе, и работа пошла удачно. Онъ писалъ, не вставая, весь день и далеко за полночь, а передъ утромъ заснулъ въ креслѣ, и Дора тотчасъ же выдѣлилась изъ сѣраго предразсвѣтнаго полумрака, прошла своей неслышной поступью и, поцѣловавъ Долинскаго въ лобъ, сказала:— умникъ, умникъ—работай.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Птицы пѣвчія.

Дней десять кряду Долинскій работалъ. Повѣсть подвигалась впередъ и, по мѣрѣ того, какъ онъ втягивался въ работу, мысли его приходили въ порядокъ и къ нему возвращалось не спокойствіе, а тихая грусть, которая ничему не мѣшаетъ и въ которой душа только становится выше, чище, снисходительнѣе. Проработавъ одну такую ночь до самаго разсвѣта, совершенно усталый, онъ взглянулъ въ открытое окно Дашиной спальни. Занавѣска не была опущена и робкій свѣтъ вмѣстѣ съ утренней прохладой свободно проникалъ въ комнату. Несторъ Игнатьевичъ задулъ свѣчу и, прислонясь къ креслу, сталъ смотрѣть въ окно. Свѣжій вѣтерокъ тихо скользилъ несмѣлыми порывами, слегка шевелилъ волосами Долинскаго и скоро усыпилъ его. Въ окнѣ, по обычаю, тотчасъ же показалась Дора. Она нынче была какъ-то смѣлѣе обыкновеннаго; смотрѣла

на него въ окно, улыбалась и, шутя, говорила: — Неудобь, Лука!—Долинскій разсмѣялся.

Во время этого сна, по стекламъ что-то слегка стукнуло разъ-другой, еще и еще. Долинскій проснулся, отвелъ рукою разметавшіеся волосы и взглянулъ въ окно. Высокая женщина, въ легкомъ бѣломъ платьѣ и коричневой соломенной шляпѣ, стояла передъ окномъ, поднявъ кверху руку съ зонтикомъ, ручкой котораго она только стучала въ верхнее стекло окна. Это не была золотистая головка Доры— это было хорошенькое, оживленное личико съ черными, умными глазками и французскимъ носикомъ. Однимъ словомъ, это была Вѣра Сергѣевна.

— Какъ вамъ не стыдно, Долинскій! Пропадаете, бѣгаете отъ людей и спите въ такое прекрасное утро.

— Ахъ, простите, Вѣра Сергѣевна! — отвѣчалъ, скоро поднимаясь, Долинскій. — Я знаю, что я невѣжа и много виноватъ передъ вашимъ семействомъ и особенно передъ вами, за все...

— Да все хандрите?

— Да, все хандрю, Вѣра Сергѣевна.

— Чего же вы прячетесь-то?

— Нѣтъ, я, кажется, не прячусь.

— Помилуйте! Посылала за вами и брата, и людей— какъ кладъ зачарованный не даетесь. Чего вы спите въ такое время, въ такое прелестное утро? Вы посмотрите, что за рай на дворѣ:

Я пришла сюда съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало.

проговорила весело Вѣра Сергѣевна.

— Да, очень хорошо, — отвѣчалъ Долинскій, застѣнчиво улыбаясь.

— Но вы все-таки не подумайте, что я пришла къ вамъ собственно съ докладомъ о солнцѣ! я—эгоистка и пришла наложить на васъ обязательство.

— Приказывайте, Вѣра Сергѣевна.

— Вы непремѣнно должны сейчасъ проводить меня. Мнѣ хочется далеко пройтись берегомъ, а брата нѣтъ: онъ въ Ялту уѣхалъ.

— Вѣра Сергѣевна! я вѣдь никуда не хожу.

— Ну, такъ пойдемте.

— Право...

— Право, невѣжливо держать у окна даму и торговаться съ нею. Vous comprenez, c'est impoli! Un homme comme il faut ne fait pas celà.

— Да что же дѣлать, если ужъ я не un homme comme il faut.

— Ну, однако, я буду ждать васъ на бульварѣ, — сказала Вѣра Сергѣевна и, поклонясь слегка Долинскому, отошла отъ его окна.

Несторъ Игнатьевичъ освѣжилъ лицо, взялъ шляпу и вышелъ изъ дома въ первый разъ послѣ похоронъ Даши. На бульварѣ онъ встрѣтилъ m-lle Онучину, поклонился ей, подалъ руку, и они пошли за городъ. День былъ восхитительный. Горячее итальянское солнце золотыми лучами освѣщало землю и на землѣ все казалось счастливымъ и прекраснымъ подъ этимъ солнцемъ.

— Поблагодарите меня, что я васъ вывела на свѣтъ Божій,—говорила Вѣра Сергѣевна.

— Покорно васъ благодарю, — улыбаясь, отвѣтилъ Долинскій.

— Скажите, пожалуйста, что это вы спите въ эту пору?

— Я работалъ ночью и только утромъ вздремнулъ.

— А! это другое дѣло. Выходитъ, я дурно сдѣлала, что васъ разбудила.

— Нѣтъ, я вамъ благодаренъ!

Долинскій проходилъ съ Вѣрой Сергѣевной часа три, очень усталъ и разсѣялся. Онъ зашелъ къ Онучинымъ обѣдать и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

— Вы простите меня, Бога-ради, Серафима Григорьевна,— началъ онъ, подойдя послѣ обѣда къ старухѣ Онучиной.— Я вамъ такъ много обязанъ и до сихъ поръ не собрался даже поблагодарить васъ.

— Полноте-ка, Несторъ Игнатьевичъ! Это все дѣти хлопотали, а я ровно ничего не дѣлала, — отвѣчала старая аристократка.

Долинскій хотѣлъ узнать, сколько онъ остался должнымъ, но старуха уклонилась и отъ этого разговора.

— Кириллъ, — говорила она: — пріѣдетъ, тогда съ нимъ поговорите, Несторъ Игнатьевичъ; я, право, ничего не знаю.

Вѣра Сергѣевна послѣ обѣда открыла рояль, сыграла

нѣсколько мѣстъ изъ Нормы и прекрасно спѣла: *Ты для меня душа и сила.*

Долинскому припомнился канунъ св. Сусанны, когда онъ почти несъ на своихъ рукахъ ослабѣвшую, стройную Дору, и изъ этого самаго дома слышались эти же самые звуки, далеко разносившіеся въ тихомъ воздухѣ теплой ночи.

«Все живо, только ея нѣтъ»,—подумалъ онъ.

Вѣра Сергѣевна словно подслушала думы Долинскаго и съ необыкновеннымъ чувствомъ и задушевностью запѣла:

Ахъ, покиньте меня,
Разлюбите меня
Вы, надежды, мечты золотыя!
Мнѣ ужъ съ вами не жить,
Мнѣ васъ не съ кѣмъ дѣлить,—
Я одинъ, а кругомъ все чужіе.
Много мукъ вызналъ я,
Былъ и другъ у меня,
Но надолго насъ съ нимъ разлучили.
Тамъ подъ черной сосной,
Надъ шумящей волной
Друга спать навсегда положили.

— Нравится это вамъ?—спросила, быстро повернувшись лицомъ къ Долинскому, Вѣра Сергѣевна.

— Вы очень хорошо поете.

— Да, говорятъ. Хотите еще что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Я радъ васъ слушать.

— Такъ въ этомъ родѣ, или въ другомъ?

— Что вы хотите, Вѣра Сергѣевна. — Въ этомъ, если вамъ угодно,—добавилъ онъ черезъ секунду.

Вьется ласточка сизокрылая
Подъ моимъ окномъ, одинешенька;
Подъ моимъ окномъ, подъ косящатымъ,
Есть у ласточки тепло гнѣздышко.

Вѣра Сергѣевна остановилась и спросила:

— Нравится?

— Хорошо,—отвѣчалъ чуть слышно Долинскій.

Вѣра Сергѣевна продолжала:

Слезы горькія утираючи,
Я гляжу ей вслѣдъ вспоминаючи...
У меня была тоже ласточка,
Сизокрылая душа-пташечка,
Да свила ужъ ей судьба гнѣздышко,
Во сырой землѣ вѣковѣчное.

— Вѣра!—крикнула изъ гостиной Серафима Григорьевна.

— Что прикажете, maman?

— Терпѣть я не могу этихъ твоихъ панихидъ.

— Это я для m-r Долинскаго, maman, пѣла, — отвѣчала Вѣра Сергѣевна, и искоса взглянула на своего вдругъ омрачившагося гостя.

— Другого голоса недостаетъ, я привыкла пѣть это дуэтомъ,—произнесла она, какъ бы ничего не замѣчая, взяла новый аккордъ и запѣла: *По небу полуночи.*

— Вторите мнѣ, Долинскій, — сказала Вѣра Сергѣевна, окончивъ первыя четыре строфы.

— Не умѣю, Вѣра Сергѣевна.

— Все равно, какъ-нибудь.

— Да я дурно пою.

— Ну, и пойте дурно.

Онучина взяла аккордъ и остановилась.

— Тихонько будемъ пѣть, — сказала она, обратясь къ Долинскому.—Я очень люблю это пѣть тихо, и это у меня очень хорошо идетъ съ мужскимъ голосомъ.

Вѣра Сергѣевна опять взяла аккордъ и снова запѣла; Долинскій удачно вторилъ ей довольно пріятнымъ баритономъ.

— Отлично!—одобрила Вѣра Сергѣевна.

Она артистично выполнила какую-то трудную итальянскую арію и, взявъ непосредственно затѣмъ новый, сразу щиплющій за сердце аккордъ, запѣла:

Ты не пой, душа дѣвица,
Пѣснь Италіи златой,
Очаруй меня, пѣвица,
Пѣснью родины святой.
Все родное сердцу ближе,
Сердце чувствуетъ сильнѣй.
Ну, запой же! Ну, начни же!
«Соловей, мой соловей».

Долинскій не выдержалъ и самъ безъ зова присталъ къ голосу пѣвицы, тронувшей его за ретивое.

— Charmant! Charmant!—произнесъ чей-то незнакомый голосъ, и съ террасы въ залу вступила высокая старушка, съ строгимъ, немножко желчнымъ лицомъ, въ очкахъ и съ сѣдыми буклями. За нею шелъ молодой господинъ, совершеннѣйшій петербургскій comme il faut настоящаго времени.

Это была княгиня Стугина, бывшая помѣщица, вдова, нѣкогда звѣзда восточная, нынѣ Богъ знаетъ что такое — особа, всѣмъ недовольная и все осуждающая. Обиженная недостаткомъ вниманія отъ молодой петербургской знати, княгиня уѣхала въ Ниццу и живетъ здѣсь четвертый годъ, браня заурядъ все русское и все заграничное. Молодой человѣкъ, сопровождающій эту особу, былъ единственный сынъ ея, молодой князь Сергѣй Стугинъ, получившій мѣсто при одномъ изъ русскихъ посольствъ въ западныхъ государствахъ Европы. Онъ ѣхалъ къ своему мѣсту и завернулъ на нѣсколько дней повидаться съ матерью.

Опучины очень обрадовались молодому князю: онъ былъ свѣжій гость изъ Россіи и, слѣдовательно, могъ сообщить самыя свѣжія новости, что и какъ тамъ дома. Сергѣй Стугинъ былъ человѣкъ весьма умный и, очевидно, не кисъ среди мелкихъ и однообразныхъ интересовъ своей узкой среды бомонда, а стоялъ au courant съ самыми разнообразными вопросами отечества.

— Крестьяне даже мои, напримѣръ, крестьяне не хотятъ платить мнѣ оброка,—жаловалась Серафима Григорьевна.— Скажите, пожалуйста, отчего это, князь?

— Вѣроятно, въ томъ выгодъ не находятъ, — отвѣчала вмѣсто сына старуха Стугина.

— Bon, но что же дѣлать, однако, должны мы, помѣщики? Вѣдь намъ же нужно жить?

— А они, я слышала, совсѣмъ не находятъ и въ этомъ никакой надобности,—опять спокойно отвѣчала княгиня.

Молодой Стугинъ, Вѣра Сергѣевна и Долинскій разсмѣялись.

Серафима Григорьевна посмотрѣла на Стугина и понюхала табаку изъ своей золотой табакерки.

— Ваша maman иногда говоритъ ужасныя вещи,—отнеслась она шутливо къ князю.—Просто, самой яростной демократкой является.

— Это неудивительно, Серафима Григорьевна. Во-первыхъ, maman, такимъ образомъ, не отстаетъ отъ отечественной моды, а, во-вторыхъ, и, въ самомъ дѣлѣ, какой же ужъ теперь аристократизмъ? Все смѣшалось, всѣ ровны становимся.

— Кнутьями болѣе никого, слава Богу, не порютъ,—подхватила старая княгиня.

— Мужики и купцы покупаютъ земли и становятся такими же помѣщиками, какъ и вы, и мы, и Рюриковичи, и Гедиминовичи,—досказалъ Стугинъ.

— Ну... вѣдь въ васъ, князь, въ самомъ есть частица рюриковской крови,—добродушно замѣтила Онучина.

— У него она, кажется, въ дѣтствѣ вся посомъ вытекла,—сказала княгиня, не то съ неуваженіемъ къ рюриковской крови, не то съ легкой ироніей надъ сыномъ.

Старая Онучина опять понюхала табаку и тихо молвила:

— Говорятъ... не помню, отъ кого-то я слышала: разводы ужъ будто у насъ скоро будутъ?

— Едва ли скоро. По крайней мѣрѣ, я ничего не слыхалъ о разводахъ,—отвѣчалъ князь.

— Это удивительно! Твой дядюшка только о нихъ и умѣетъ говорить,—опять вставила Стугина.

Князь улыбнулся и отвѣтилъ, что Онучина говоритъ совсѣмъ не о полковыхъ разводахъ.

— Ахъ, простите, пожалуйста!—серьезно извинялась княгиня. — Мнѣ, когда говорятъ о Россіи и тутъ же о разводахъ — всегда представляется плацпарадъ, трубы и мой братъ, Кесарь Степанычъ, съ крашеными усами. Да и на что намъ другіе разводы?—Совсѣмъ не нужно.

— Совершенно лишнее,—поддерживалъ князь. — У насъ есть новые люди, которые будутъ безъ всего обходиться.

— Это *нигилисты?*—воскликнула m-lle Вѣра.—Ахъ, разскажите, князь, пожалуйста, что вы знаете объ этихъ забавныхъ людяхъ?

Князь не имѣлъ о нигилистахъ чудовищныхъ понятій, ходившихъ насчетъ этого страннаго народа въ нѣкоторыхъ общественныхъ кружкахъ Петербурга. Онъ разсказывалъ очень много курьезнаго о ихъ нравахъ, обычаяхъ, стремленіяхъ и образѣ жизни. Всѣ слушали этотъ разсказъ съ большимъ вниманіемъ; особенно слѣдилъ за нимъ Долинскій, который узнавалъ въ разсказѣ развитіе идей, оставленныхъ имъ въ Россіи еще въ зародышѣ, и старая княгиня Стугина, Серафима Григорьевна, тоже слушала, даже и очень неравнодушно. Она не одинъ разъ перебивала Стугина вопросомъ:

— Ну, а позвольте, князь... Какъ же они того, что, бишь, я хотѣла это спросить?..

Стугинъ останавливался.

— Да, вспомнила.—Какъ они этакъ...

— Живутъ?

— Нѣтъ, не живутъ, а, напримѣръ, если съ ними встрѣтишься, какъ они... въ какомъ родѣ?

Князь не совсѣмъ понялъ вопросъ; но его мать спокойно посмотрѣла черезъ свои очки и подсказала:

— Я думаю, должно-быть что-нибудь въ родѣ Ягу, которые у Свифта.

— Что это за Ягу, княгиня?

— Ну, будто не помните, что Гуливеръ видѣлъ? На которыхъ лошади-то ѣздили? Ну, люди такіе, или нелюди такіе: лохматые, грязные?

— Ну, что это?—воскликнула Серафима Григорьевна.— Неужто, князь, они, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ родѣ?

— Немножко,—отвѣчалъ, смѣясь, Стугинъ.

— Полагаю, трудно довольно отличить коня отъ всадника,—поддержала сына княгиня.

— Ну, что это! Это ужъ даже непріятно! — опять воскликнула Онучина, воображая, вѣроятно, какъ косматые петербургскіе Ягу лазятъ по деревьямъ въ Лѣтнемъ саду, или на слагинскомъ пуантѣ и пивыряютъ сверху всякими нечистотами.—И женщины такія жъ бываютъ? — спросила она черезъ секунду.

— Два пола въ каждомъ родѣ должны быть необходимо— иначе родъ погибнетъ.

— Это ужасно! А, впрочемъ, вѣдь я какъ-то читала, что гориллы въ Африкѣ, или шампанье, тоже будто уносятъ къ себѣ женщинъ?

Серафима Григорьевна вся содрогнулась.

Князь Сергій очень распространился насчетъ отношеній нигилистокъ къ нигилистамъ и, владѣя хорошо языкомъ, разсказалъ нѣсколько очень забавныхъ анекдотовъ.

— Дуры!—произнесла, по окончаніи разсказа, Серафима Григорьевна.

— И пожить-то какъ слѣдуетъ не умѣютъ! — смотря черезъ очки, добавила княгиня.

— Но это все презабавно,—замѣтила Вѣра Сергѣевна и вышла съ молодымъ княземъ на террасу.

— Довоспиталась сторонушка! дозрѣла! Скотный дворъ изъ столицы дѣлается!— презрительно уронила Стугина.

Серафима Григорьевна понюхала съ особеннымъ удовольствіемъ табачку и, улыбнувшись, спросила:

— Вы, Елена Степановна, помните Вастилу?

— Княжну Палагею Никитишну? — спросила, немножко надвинувъ брови, Стугина.

— Да.

— Ну, кто жъ ея не помнитъ.

— Но, впрочемъ, та вѣдь... то все-таки совсѣмъ въ другомъ родѣ?

— Ну, еще бы!

Старушки обѣ задумались.

— Или княгиню Марѳу Викторовну въ ту пору, какъ она съ своимъ мужемъ разсталась? — спросила Серафима Григорьевна опять черезъ минуту.

— Ужъ именно!—отвѣчала, покачавъ головой, Стугина.

— Бѣсъ въ нее вселился. Очень ужъ проказила!

— Проказила княгиня; но какъ хороша-то была!

Серафима Григорьевна съ умиленіемъ смотрѣла на стѣну, вообразивъ передъ собою воспоминаемую княгиню Марѳу Викторовну.

Теперь, въ свою очередь, Стугина понюхала табачку и, какъ бы нехотя, спросила:

— Да, была хороша, точно... да съ кѣмъ, бишь, она изъ Россіи-то пропала?

— Изъ Россіи?—Изъ Россіи она уѣхала съ этимъ... какъ его?.. ну, да все равно—съ французскимъ актеромъ, а потомъ была наѣздницей въ циркѣ, въ Лондонѣ; а послѣ князя Петра, ужъ за границей, ужъ самой сорокъ лѣтъ было, съ молоденькой и съ прехорошенькой женой развела... Такая грѣховодница!

— А потомъ-то! потомъ-то! — опять воскликнула, оживляясь, Серафима Григорьевна.

— Да, съ галерникомъ, я слышала, въ Алжиръ бѣжала.

— Страшный былъ такой!

— Помню я его — арабъ, весь оливковой, носъ, глаза... весь страсть неистовая! Точно, что чудо какъ былъ интересенъ. Она и съ арабами, вѣдь, кажется, кочевала. Кажется, такъ? Ее тамъ встрѣтилъ одинъ мой знакомый путешественникъ—давно это, ужъ лѣтъ двадцать. У какого-то шейха, говорятъ, была любовницею, что ли.

— Да, да, да; и имъ-то, и этимъ шейхомъ-то даже какъ

ребенкомъ управляла!—подсказывала, все болѣе оживляясь и двигаясь на креслѣ, Серафима Григорьевна.

— Или княжна Агриппина Лукинишна!—произнесла она черезъ минуту, смотря пристально въ глаза Стугиной.

— Княжна Содомская, какъ называлъ ее дядя Леонъ,— проронила въ видахъ поясненія Стугина.—Не люблю ея.

— За что, княгиня?

— Такъ, ужъ черезчуръ какъ-то она... спеціалистка была великая.

— Ну, не говорите этого, душечка княгиня; въ Сибири она себя вела, можетъ-быть, какъ никто.

— Что же это именно? что за мужемъ въ ссылку-то пошла? Очень великое дѣло.

— Нѣтъ-съ, мало что пошла, а какъ жила? что вынесла?

— Я думаю, ничуть не больше другихъ.

— Сама бѣлье ему стирала, сама щи варила, въ юртѣ какой-то жила...

— Ну, и что жъ тутъ такого? что жъ тутъ такого удивительнаго?

— Да вонъ кузенъ Grégoire — вы знаете, вѣдь его послѣ амнистіи тоже возвратили.

— Слышала.

— Говоритъ, что всѣ они — эти несчастные декабристы, которые были вмѣстѣ, иначе ее и не звали, какъ матерью: идемъ, говоритъ, бывало, на работу изъ казармы — зимою, въ полѣ темно еще, а она сидитъ на снѣжку съ корзиной и лепешки намъ раздаетъ—всякому по лепешкѣ. А мы, бывало: мама, мама, мама, наша родная, кричимъ и лѣземъ хоть на лету ручку ея поцѣловать.

Серафима Григорьевна сморгнула слезу и кашлянула.

— Какъ, бывало, увидимъ ее, — продолжала Серафима Григорьевна: — какъ только еще издали завидимъ ее, всѣ бѣжимъ и кричимъ: «мама наша идетъ! родная идетъ!»— совсѣмъ какъ галченята.

Серафима Григорьевна не совладѣла съ слезой и должна была отвернуться.

— Это прекрасно все, — начала тихо Стугина: — только героизма-то все-таки тутъ никакого нѣтъ. Бабки наши умѣли терпѣть, какъ имъ ноздри рвали и руки выворачивали, а тутъ — что жъ тутъ такого, скажите на милость?.. Еще бы въ несчастіи бросить!

— А вѣдь бросаютъ же, княгиня,—возразила, поворачиваясь, Серафима Григорьевна.

— Приказничихи или поповны, очень можетъ быть—не стану спорить.

— Ну, нѣтъ, княгиня, я знаю... я вотъ теперь слышала про одну, совсѣмъ не приказничиху, а...

— Ахъ, помилуйте, ma chère Серафима Григорьевна! не знаю, кого вы такую знаете, или про кого слышали; но во всякомъ случаѣ, если это не приказничиха, такъ какая-нибудь другая personne méprisable, о которой все-таки говорить не стоитъ.

Серафима Григорьевна помолчала и потомъ, смакуя каждое свое слово, произнесла:

— А я, какъ вы хотите, все опять къ княжнѣ Агриппинѣ. Какъ тамъ хотите говорите, ну, а все... изъ этакой роскоши... изъ свѣта... и въ какую-то дымную юрту... Ужасно!

— Вы это такъ говорите, какъ будто бы вы сами не пошли бы ни за что?

— Ахъ, нѣтъ; Боже меня сохрани? Не дай Богъ такого несчастья; но, разумѣется, пошла бы.

— Ну, такъ что же вы такъ восхваляете княжну Агриппину Лукинишну! Конечно, все-таки и она была не бишка какая-нибудь, а все-таки женщина; но вѣдь, повторяю, если такія ничтожныя вещи ставить женщинѣ въ особую заслугу, такъ, я думаю, очень много найдется имѣющихъ совершенно такія же права на дань точно такого же изумленія.

— Ахъ, Боже мой! представьте, я вѣдь совершенно забыла, что вѣдь и вы тоже...

— Да я что тамъ была—безъ году недѣлю... а, впрочемъ, да: бѣлье мужу тоже стирала и даже послѣ мужниной смерти пироги нашимъ арестантамъ верстъ за семь въ лоткѣ носила.

— По снѣгу!

— Какой наивный вопросъ, ma chère Серафима Григорьевна!— Княгиня весело засмѣялась.— Вы, пожалуйста, не сердитесь, что я смѣюсь: я вспомнила, какъ вы боитесь снѣгу.

— Ахъ, ужасъ! Зима это... это... оцѣпенѣніе; это... я просто не знаю, что это такое.

Стугина смотрѣла въ открытую дверь и вспомнила что-то особенно для нея милое и почтенное.

— Нѣтъ, вотъ,—сказала она, вздохнувъ:—вотъ графиню Нину, да ея гувернантку... Какъ она называлась: Eugénie, или Eudoxie, этихъ женщинъ стоитъ вспомнить и передъ именами ихъ поклониться.

Въ комнатѣ наступила минута безмолвной тишины, какъ бы въ память этихъ двухъ женщинъ, передъ одними именами которыхъ хотѣла поклониться непреклонная, сѣдая голова Стугиной.

— Въ этотъ разъ, когда вы были въ Россіи, вы не видали графини Нины? — спросила она послѣ паузы Онучину.

— Нѣтъ, не удалось мнѣ побывать за Москвою.

— Сестра моя, Анна, была у нея въ монастырѣ. Пишетъ, что это живой мертвецъ, совершенная, говоритъ, адамова голова, обтянутая желтой кожей.

Серафима Григорьевна опять повернулась на креслѣ и, глядя въ растворенное окно, нервно обрывала на колѣнѣ зелено-сѣрый, бархатный листочекъ «Люби-да-помни».

— Да,— произнесла она черезъ минуту:— да, умѣли кутить, но и любить умѣли.

— Люди были; «былъ вѣкъ богатырей», какъ написалъ Давыдовъ.

— А нынче все это... какая-то...

— Дребедень,—рѣшила княгиня.

— Все это какъ-то... что-то такое хотятъ дѣлать, и все...

— Наши старыя платья наизнанку, по бѣдности своей, донашиваютъ, — закончила княгиня, поправляя на вискахъ свои сѣдыя букли.

— И этотъ царь!— проговорила она, складывая съ умиленіемъ свои аристократическія руки и снова улетая въ свое прошедшее.—Этотъ божественный, прекрасный Александръ Павловичъ! этотъ благороднѣйшій рыцарь! этотъ джентльменъ съ головы до ногъ!

— Какіе люди и какое время было!

— То-то, добавляйте, пожалуйста, всегда: *было*,—заключила Стугина.

Старушки помолчали, поносились въ сферѣ давно минувшаго, потихоньку вздохнули и опять взошли въ свое сѣдое настоящее. Самъ Ларошфуко, такъ хорошо знавшій о чемъ свидѣтельствуютъ подъ старость женщины, не совсѣмъ бы вѣрно разгадалъ эти два тихіе, сдержанные вздоха, со всею бѣ-

шеною силою молодости вырвавшіеся изъ родившей ихъ отцвѣтшей, старушечьей груди.

Во время этой бесѣды, безмолвнымъ слушателемъ которой оставался одинъ Долинскій, на тепло прогрѣтую землю спустился сине-розовый итальянскій вечеръ; Вѣра Сергѣевна съ молодымъ Стугинымъ вернулись съ террасы и всѣмъ вздумалось пройтись къ морю. Дорогой княгиня совсѣмъ потеряла свой желчный тонъ и даже очень оживилась; она разсказала нѣсколько скабрезныхъ исторіекъ изъ маловѣдомаго намъ міра и вѣка, и каждая изъ этихъ исторіекъ была гораздо интереснѣе свѣтскихъ романовъ одной русской писательницы, по мнѣнію которой влюбленный человѣкъ «хорошаго тона» въ самую горячечную минуту страсти ничего не можетъ сдѣлать умнѣе, какъ съ большимъ жаромъ поцѣловать ея руку и *прочесть ей слѣдующее стихотвореніе Альфреда Мюссе.* Стихотвореніе это я не выписываю, опасаясь, чтобы оно не ко времени не припомнилось кому-нибудь изъ моихъ читателей, которому еще суждено въ жизни увидѣть

Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Я не хочу, чтобъ эти прекрасные стихи заставили впечатлительнаго несчастливца возненавидѣть очень хорошаго поэта Альфреда Мюссе.

Долинскій слушалъ разсказы княгини, порою смѣялся и вообще былъ занятъ, былъ заинтересованъ ими не меньше всѣхъ прочихъ слушателей. Онъ возвратился домой въ такомъ веселомъ расположеніи духа, въ какомъ не чувствовалъ себя еще ни разу съ самой смерти Доры.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Не куется, а плющится.

Долинскій зажегъ у себя огонь и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ раздѣлся и легъ въ постель, размышляя о добромъ старомъ времени. Онъ уснулъ подъ впечатлѣніями, навѣянными на него разсказомъ строгихъ старушекъ.

— «Вотъ взойдетъ въ свою пору Вѣра Сергѣевна,—думалъ онъ, засыпая:—и она, пожалуй, будетъ дѣлать такія же чудеса. Отчего же ей ихъ и не дѣлать?.. А теперь она еще, кажется, дѣвушка хорошая. Любить ей очень хочется,

говорила Даша, да почему Даша это могла знать?.. Вздоръ это... А какая у нея, однако, фигура! Рукая какая... У Доры была крошечная лапка, но не такая. И какая грація во всемъ! Раса, значитъ.—Конечно, онѣ не рождены для вдохновеній и молитвъ; но бедуинкой—на арабскомъ конѣ разъѣзжать съ оливковымъ шейхомъ...» И вотъ видится Долинскому Вѣра Сергѣевна на огневомъ арабскомъ конѣ, а возлѣ нея статный шейхъ въ бѣломъ плащѣ, и этотъ шейхъ самъ онъ Долинскій. «Поскачемъ», говоритъ ему Вѣра Сергѣевна, и они несутся, несутся; кругомъ палящій зной, въ сонномъ воздухѣ тихо дремлютъ одинокія пальмы; изъ мелкаго кустарника выскочилъ желтый левъ, прыгнулъ и, притаясь, легъ вровень съ травою. — «Не отставай!» говоритъ ему Вѣра Сергѣевна, оскорбляя своего скакуна ударомъ. «Не отставай!» повторяетъ она, унося отъ него далѣе. «Не отставай же, не отставай!» кричитъ она чуть слышно, вовсе исчезая изъ его глазъ за красною чертою огненнаго горизонта. Конь Долинскаго ни съ мѣста, онъ хранитъ и пятится. На небѣ темнѣетъ, надвигаетъ ночь, лошадь Долинскаго все дрожитъ, все мнется и на немъ самомъ не плащъ, а бѣлый холщевый саванъ, и лошадь его ужъ совсѣмъ не лошадь, а сѣрый волкъ. «Утки крякнули, берега звякнули, море взболталось, тростники всколыхались, просыпается гамаюнъ - птица, шевелится зеленый боръ», залискалъ, стукая челюстями, сѣрый волкъ. «Хочешь, я спою тебѣ веселую пѣсенку?» спрашиваетъ сѣрый волкъ и, не дожидаясь отвѣта, затягиваетъ: «Вѣчная память, вѣчная память». «Ничто, мой другъ, не вѣчно подъ луною!» съ веселымъ хохотомъ прокричала бѣшено пронесшаяся мимо его на своемъ скакунѣ Вѣра Сергѣевна. «Ничто, мой другъ, не вѣчно подъ луною», внушительно разсказываетъ Долинскому долговязый шейхъ, раскачиваясь на высокомъ сѣдлѣ. Долинскій только хотѣлъ вглядѣться въ этого шейха, но того уже не было, и его бѣлый бурнусъ развѣвается въ темнотѣ возлѣ стройной фигуры Вѣры Сергѣевны.

Долинскій хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ около него зашевелилась трава, вдругъ она начала расти и расти, такъ что слышно было, какъ она растетъ. Росла она шибко и высоко—выше роста человѣческаго; изъ нея отовсюду безпрестанно вылетали огненные свѣтляки и во всѣхъ направленіяхъ описывали правильныя, блестящія параболы; въ

неподвижномъ воздухѣ спирался невыносимый зной и удушающій запахъ зеленыхъ майскихъ мушекъ.

Долинскій задыхался, а свѣтляки передъ нимъ все мелькали, и зеленыя майки качались на гнутыхъ стебляхъ травы и наполняли своимъ удушливымъ запахомъ неподвижный воздухъ, а трава все растетъ, растетъ и ужъ Долинскому и нечѣмъ дышать, и негдѣ повернуться. Отъ страшной, жгучей боли въ груди онъ болѣзненно вскрикнулъ, но голосъ его беззвучно замеръ въ сонномъ воздухѣ пустыни, и только перероспая траву задумчивая пальма тихо покачала ему своей печальной головкой.

Долинскій проснулся, тяжело вздохнулъ и оглянулъ комнату. Стѣны чуть сѣрѣли слабымъ превосходнымъ мерцаніемъ и прямо передъ лицомъ Долинскаго едва обрисовывалась на гвоздѣ соломенная шляпа Доры. «Дайте мнѣ, пожалуйста, эту шляпу», попросила его Вѣра Сергѣевна, чуть только онъ заснулъ снова. «Я скакала, ахъ, какъ я скакала цѣлую ночь!» весело говорила она ему, вся пылая свѣжимъ румянцемъ: «и вообразите, я потеряла мою шляпу въ Африкѣ. — Тамъ теперь растетъ ужасная трава, въ которой ничего нельзя найти. Вы знаете эту траву?»

— «О, я ее очень хорошо знаю», подумалъ Долинскій.

— А если знаешь,—заговорила Вѣра Сергѣевна, — такъ подавай же мнѣ скорѣй, скорѣе подавай мнѣ эту шляпу своей мертвой Доры. Голосъ у Вѣры Сергѣевны былъ рѣзкій, какъ трескъ дѣтскаго барабана, но такой голосъ, что нервы его трепетали и мышцы сами спѣшили исполнять ея капризы.—Тише, тише! закричала ему Вѣра Сергѣевна, когда Долинскій коснулся руками полей Дорушкиной шляпы. Долинскій оглянулся.—Развѣ не видишь, что тамъ паутина? Тамъ пауки сидятъ, мерзкіе, скверные пауки живутъ въ этой гадкой шляпѣ! И ты думалъ, что я ее надѣну! И ты это думалъ!.. Ха, ха, ха! — Вѣра Сергѣевна захохотала.— Пауки? Зачѣмъ же пауки? подумалъ обиженный Долинскій и пристально взглянулъ на шляпу. Съ полей ея почти до земли падалъ длинный газовый вуаль, а подъ дымкой этого вуаля что-то бѣлѣлось. Еще секунда, и тихо, какъ легкая туманная картина, подъ нимъ обрисовывается мертвая головка Доры. Глаза ея закрыты, на лицѣ могильная сѣрая пыль и подъ ней суровая печать смерти, синія уста шевелятся безъ звука. Откуда-то взялся сѣрый большой паукъ, торо-

пливо закосилъ всѣми своими длинными ногами, проворно пробѣжалъ по мертвому лицу и скрылся на плечѣ въ золотыхъ кудряхъ. На лбу ворочала скользкими усиками сѣрая стѣнная мокрица. Вездѣ была сѣро-зеленоватая плѣсень, отовсюду несло холодомъ и могилой.

— «Мѣсяцъ свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ, не боишься ли ты меня, добрый молодецъ?»—спрашиваетъ Дора.

Голосъ у нея не рѣзкій, какъ у Вѣры Сергѣевны, а какой-то гулкій, круглозвучный, словно запоздалая цапля тяжело машетъ крыльями, пролетая темной ночью надъ соннымъ болотомъ. И въ самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ даже не голосъ. Уста мертвой не движутся, а могильная пыль не шевелится ни на одномъ мускулѣ ея лица, и только тяжелыя вѣки медленно распахиваются, открываютъ на мгновеніе злые, зеленые, лишенные всякаго блеска глаза, и опять такъ же медленно захлопываются, но зеленые зрачки все съ тою же злостью смотрятъ изъ-подъ верхняго вѣка.

— Чѣмъ же ты обижена? Скажи, чѣмъ оскорбилъ я тебя?—протягивая руки, спрашивалъ Долинскій, но вмѣсто отвѣта у него надъ самымъ ухомъ прогорланилъ пѣтухъ, и вдругъ все сникло. Долинскій проснулся.

На дворѣ было утро, подъ окномъ расхаживалъ голосистый красный пѣтухъ, а изъ маленькаго чулана за палисадникомъ раздавалось веселое кудахтанье двухъ фаворитныхъ куръ домовитой француженки.

Свѣжее утро не произвело на Долинскаго хорошаго вліянія; онъ всталъ сумрачный и разстроенный: долго ходилъ въ большомъ безпокойствѣ изъ угла въ уголъ и, наконецъ, сѣлъ за работу.

— Madame Бюжаръ! — сказалъ онъ, когда француженка подала ему кофе:—я впередъ не буду поднимать шторы.

— Bon,—отвѣчала хозяйка.

— А вы, madame Бюжаръ, если кто меня будетъ спрашивать, говорите всѣмъ, что я боленъ.

— C'est bien, monsieur.

— Что я ушелъ куда-нибудь или уѣхалъ,—ну, какъ тамъ хотите.

— C'est ça, monsieur.

— Hélas! pauvre diable, comme il est triste! — говорила француженка, выходя отъ постояльца и съ состраданіемъ качая своей сѣдой головою.

Долинскій въ этотъ день работалъ по обыкновенію, до самыхъ сумерекъ. Никто его не отвлекалъ и не безпоконлъ. Передъ вечеромъ m-me Бюжаръ принесла ему обѣдъ.

— Madame, — сказалъ онъ ей: — не носите мнѣ болѣе обѣда.

— Mon Dieu! не хотите ли вы уморить себя голодомъ.

— Нѣтъ, я боленъ. Вы мнѣ покупайте немножко зелени и хлѣба. Я болѣе ничего не могу ѣсть.

Француженка молча смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Adieu, madame Бюжаръ, — сказалъ онъ, взявъ и пожавъ ея руку.

Старуха только изумлялась.

— Это чортъ знаетъ что такое,—говорилъ порывисто, вскочивъ и торопливо запирая на ключъ свою дверь, Долинскій.—Какое мнѣ дѣло до этихъ барынь и до ихъ тамъ какихъ-то подвиговъ? что мнѣ тамъ такое!—повторялъ онъ, кипятясь и съ негодованіемъ бѣгая изъ угла въ уголъ.—Что мнѣ за дѣло до ихъ какихъ-то свѣтскихъ скандаловъ, или до какихъ-то Ягу! У меня пропало, *пропало* съ земли все, чѣмъ мнѣ милъ былъ свѣтъ бѣлый, а я буду утѣшаться! Буду смѣяться! слушать! разговаривать! О чемъ мнѣ разговаривать, когда *все умерло*, сгинуло, пропало, *сгнило...*

Онъ сердито повернулъ въ сторону, сѣлъ къ столу и упорно, не разгибаясь, работалъ до вечера. Къ сумеркамъ Долинскій, значительно успокоенный, снова долго ходилъ изъ угла въ уголъ по залѣ. Машинально онъ иногда останавливался передъ какою-нибудь одною вещью, осматривалъ ее, трогалъ рукою и опять шелъ далѣе, до новаго желанія тронуться до чего-нибудь другого. Остановясь у столика, на которомъ стояла лампа, онъ вытащилъ изъ-подъ нея небольшую книжечку избранныхъ мыслей изъ ученія Спинозы, перелистовалъ небрежно страницы и вдругъ остановился. Между двумя печатными листками, спокойно и молчаливо притаясь, лежалъ листокъ почтовой бумаги, на которомъ было сдѣлано нѣсколько короткихъ замѣтокъ рукою Доры, и въ концѣ послѣдней замѣтки прибавлено: «сегодня до 87-й стр.». Стояло число, шедшее за три дня до ея смерти.

Долинскій посмотрѣлъ замѣтки и, подойдя къ окну, пробѣжалъ три страницы далѣе Дорушкиной закладки, отнесъ

книгу на столъ въ комнату Доры и самъ снова вышелъ въ залу. Въ его маленькой, одинокой квартирѣ было совершенно тихо. Городской шумъ только изрѣдка доносился сюда съ легкимъ вѣтеркомъ черезъ открытую форточку и въ ту же минуту замиралъ.

Настала ночь. Взошедшая луна, ударяя въ стекла окна, кидала на полъ три полосы блѣднаго свѣта. Въ воздухѣ было свѣжо; съ надворья пахло померанцами и розой. Въ форточку, весело гудя, влетѣлъ ночной жукъ, шибко треснулся съ разлета о стѣну, зажужжалъ и отчаянно завертѣлся на своихъ роговыхъ надкрыльяхъ.

Долинскій остановился, бережно взялъ со стола барахтавшагося на спинкѣ жука и поднесъ его на ладони къ открытой форточкѣ. Жукъ дрыгнулъ своими пружинистыми ножками, широко разставилъ въ стороны крылья, загудѣлъ и понесся. Съ надворья въ лицо Долинскому пахнула ароматная струя чрезмѣрно теплаго воздуха; ласково шевельнула она его сухими волосами, какъ будто что-то шепнула на ухо и безслѣдно разлилась по комнатѣ.

— Собака... кошка... мышь — жива, а нѣтъ Корделіи! Вотъ этотъ жукъ летаетъ лунной ночью, а Дора мертвая лежитъ въ сырой могилѣ!—мелькнуло въ головѣ Долинскаго.

Онъ продолжалъ стоять у окна и глядѣлъ въ открытую форточку на дремлющіе въ тѣни кусты и цвѣточныя клумбы. Луна била ему прямо въ лицо и ярко обливала своимъ желтымъ свѣтомъ всю верхнюю часть его тѣла.

Если бы въ это время кто-нибудь увидѣлъ въ форточкѣ его красивое до мертвенности блѣдное лицо, эффектно освѣщенное луною, тотъ непремѣнно отскочилъ бы отъ него въ сторону, и поневолѣ вспомнилъ бы одну изъ очаровательныхъ легендъ о душахъ, бродящихъ на землѣ въ ожиданіи прощенія своихъ земныхъ согрѣшеній. Уставшіе глаза Долинскаго смотрѣли съ тихою грустью и безпредѣльною добротою, и какъ-то совсѣмъ ничего земного не было въ этомъ взглядѣ; въ лицѣ его тоже ни одинъ мускулъ не двигался, и даже, кажется, самое сердце не билось. Это былъ Наль, разлученный съ своей Дамаянти; это было воплощеніе идеи духа, для котораго нѣмы всѣ пѣсни земли, который знаетъ другія пѣсни и полонъ томительнаго желанія снова услышать ихъ памятные звуки.

Долинскій, въ самомъ дѣлѣ, не былъ съ самимъ собою.

Словно на волшебныхъ крыльяхъ воспоминанiе его облетало все ему нѣкогда милое, все живущее далеко и спящее въ своихъ тихихъ гробахъ. Дѣтство, сердитый старикъ Днѣпръ, раздольная заднѣпровская пойма, облитая такимъ же серебристымъ свѣтомъ; сестра съ курчавой головкой, братъ, отецъ въ синихъ очкахъ съ огромной четыи-минеей, мать, Анна Михайловна, Дора—все ему было гораздо ближе, чѣмъ онъ самъ себѣ и оконная рама, о которую онъ опирался головою. Онъ совсѣмъ видѣлъ эту широкую пойму, эти песчаные острова, заросшiе густой лозою, которой вольнолюбивый черторей каждую полночь начинаетъ разсказывать про ту чудную долю—минувшую, когда пойма цѣлымъ Днѣпромъ умывалась, а въ головы горы клала и степью укрывалась; видѣлъ онъ и темный, черный боръ, заканчивающiй картину; онъ совсѣмъ видѣлъ Анну Михайловну, слышалъ, что она говоритъ, зналъ, что она думаетъ: онъ видѣлъ мать и чувствовалъ ея присутствiе; съ нимъ неразлучна была Дора. Они были гдѣ-то. *Гдѣ же?* Гдѣ-то, гдѣ и онъ; да и что за дѣло, гдѣ?.. Но она есть; она существуетъ... — *Умерла!*—говоритъ себѣ Долинскiй, стоя въ своемъ прежнемъ положенiи.—И что жъ такое, что умерла?— Нѣтъ ея; *совсѣмъ нѣтъ*—сгнила... Эта воля, эта душа, этотъ умъ — все, все это *сгнило*... Столько жизни пропало безъ слѣда... что жъ я люблю теперь... въ чемъ тѣла нѣтъ, нѣтъ жизни; ни тѣни нѣтъ, ни звука слабаго...

Среди жуткаго ночного безмолвiя, за спиною Долинскаго что-то тихо треснуло и зазвучало, какъ лопнувшая гитарная квинта. Долинскiй вздрогнулъ и прижался къ оконницѣ. Безпокойно и съ неувѣренностью оглянулся онъ назадъ: все было тихо; мѣсяцъ прихотливо ложился широкими свѣтлыми полосами на блестящiй полъ, и на одной половинѣ едва означалась новая, тоненькая трещина, которой, однако, нельзя было замѣтить при лунномъ полусвѣтѣ.

Долинскiй вздохнулъ, обернулся и снова спокойно сталъ къ окошку.

— Легко какъ поддаваться суевѣрному страху! — разсуждалъ онъ, стоя попрежнему у открытой форточки.—Треснетъ что-нибудь въ пустой комнатѣ — и вздрогнешь, и готовъ пугаться, а воображенiе, по дѣтской привычкѣ, сейчасъ и подрисовываетъ, въ головѣ вдругъ пролетитъ то одно, то другое, и готовъ вѣрить, что все, что кажется, то будто

непремѣнно и есть... Милые, чистые, теплые всякою вѣрою дѣтскіе годы! Куда вы минули? Куда унеслись безвозвратно?.. Все безвозвратно... Ушло и нѣтъ его, а между тѣмъ, оно живетъ въ душѣ — былое... *Въ душѣ!..* Ну, въ *чемъ-то*, вѣдь вотъ живетъ же Дора во мнѣ самомъ, въ моей любви и мукахъ... Странная мысль! Луна одна все та же, вѣчно, а мнѣ сдается даже, что я ее видалъ совсѣмъ когда-то не такою... Вонъ этотъ бѣлый мотылёкъ, что съ сумерекъ уснулъ на розовомъ листочкѣ, и дремлетъ, облитый дрожащимъ, лунным свѣтомъ, неужто чувствуетъ его точь-въ-точь, какъ и я?.. А можетъ-быть, что та же самая луна ему совсѣмъ иной казалась, когда, дней пять назадъ, подъ листочкомъ онъ спалъ безкрылою козявкой?.. Навѣрно такъ; его глаза теперь, конечно, видятъ все иначе и все теперь въ его сознаніи стоитъ совсѣмъ иначе... Два шага человѣческихъ съ трудомъ переползалъ онъ въ сутки и немощный выматывалъ себѣ тяжелый саванъ, и вотъ теперь— какая прелесть! два крылышка, навыкатъ глазки, жизнь въ свѣтломъ воздухѣ; воздушная любовь и сладкій сонъ на розовой постели... А онъ вѣдь, въ сущности, все тотъ же... Онъ измѣнился, да, но къ лучшему, конечно. А жукъ, который прилетѣлъ съ надворья, а я, а всѣ мы? Мы сгнить должны. Законъ природы... странно! Природа дышитъ и обновляется въ своемъ торжественномъ безсмертьи; луна ея сегодня свѣтитъ, какъ свѣтила въ ту ночь, которою въ ея глазахъ убитъ былъ братомъ Авель; и червячки съ козявками по смерти также оживаютъ, а Авель, а человѣкъ— вѣнецъ земной природы, гніетъ безслѣдно... Гдѣ Соломонъ, гдѣ эта савская царица, которая такъ рабски пила, чтобъ положить свою дань благоговѣнія къ ногамъ царя и исполина мысли?.. Неужто исчезли оба — и этотъ царь, и эта савская царица исчезли!.. Точно такъ исчезли, какъ дуралей какой-нибудь, который разгрызалъ лѣсной орѣхъ съ гораздо бо́льшимъ размышленіемъ, чѣмъ повторялъ по наслыху, что «ничто не ново подъ луною»? Не можетъ быть. Приходило ли этому дураку въ голову, какой страшный смыслъ, какая ужасная загадка положена въ этихъ пяти словахъ, которыя болталъ его языкъ? А такъ сказать, сболтнуть «ничто не ново подъ луной»—вѣдь, кажется, и очень будто просто! И всего *только пять* словъ... и мозгъ вертится, изнемогаетъ мозгъ передъ ними и... нѣтъ яснаго

отвѣта... Противорѣчій нить все путается больше, и вѣрить на слово приходится, что все живущее не ново...

Не ново!.. Нѣтъ новаго, такъ старое жъ пропасть не можетъ... Все въ экономіи природы должно существовать и самое гніеніе... одинъ пріемъ... одинъ процессъ и снова жизнь... Козявки нѣтъ — летаетъ мотылекъ; умершій Соломонъ не новъ былъ подъ луною и каждый такъ... Быть-можетъ, я ужъ жилъ когда-то? Порой вѣдь что-то помнится жъ такое, чего никакъ себѣ растолковать не можешь, какой-то свѣтъ, такой совсѣмъ не солнечный, не огненный, не лунный; слова беззвучныя и звуки страннаго значенія... Быть-можетъ, что Картушъ шнырялъ когда-нибудь лисицей прежде, иль волкомъ рыщетъ нынче Пугачевъ; Іуда въ кардинальской шапкѣ, а Каинъ въ обществѣ моравскихъ братій, и на одной ногѣ въ лѣсу стоитъ Ньютонъ дервишемъ. Самъ я, я думаю, что я, лѣтъ тридцать какъ всего возникшее творенье, а можетъ-быть... я жилъ еще въ Картушѣ, въ Магометѣ, или въ томъ трусѣ, который прибѣжалъ одинъ изъ термопильскаго ущелья!.. Да, наконецъ, въ моемъ отцѣ иль матери... Прямая вещь! Быть-можетъ, Соломона мысль меня смущаетъ и волнуетъ совсѣмъ не случаемъ, не спроста! Вѣдь Соломонъ живетъ? Живетъ, конечно! Не ново здѣсь ничто, такъ старому нельзя погибнуть, ибо иначе, какъ ничто не ново? Матерія! матерія и сила!.. Да вѣдь поэзія, лиризмъ — вѣдь тоже силы... А пѣсня! Неужели жъ не сила? А музыка, которая вліяетъ на животныхъ, которую приходятъ слушать рыбы!.. А эта странная гармонія рѣчей, которыхъ «значенье пусто и ничтожно, а имъ безъ волненья внимать невозможно»? Да мало ли чего еще!.. Не всѣ жъ матеріи такъ тонки, что ихъ нашъ глазъ способенъ видѣть и отличать... Исторія видѣній, сновъ, предчувствій ясна совсѣмъ не столько, чтобы рѣшить, одно ли то живетъ, что мѣста требуетъ въ пространствѣ. А если Соломонъ теперь такъ тонокъ, такъ прозраченъ, что можетъ стать передъ моимъ окномъ и не заслонить отъ глазъ моихъ листка, гдѣ дремлетъ этотъ мотылекъ? Не новъ онъ будетъ, но иной. Кто докажетъ мнѣ, что его нѣтъ?.. Вѣдь что жъ такое скептицизмъ? Ну, фараонова тощайшая корова, которая, сожравъ свою тучнѣйшую сестру, все такъ тоща, что сердце у нея стучитъ по голымъ ребрамъ?.. Вѣдь позволительно же вѣрить въ то, по

крайней мѣрѣ, что по землѣ ходили лица, устъ своихъ не осквернявшія ни лестью и ни ложью... Неужто я живу только пока я ѣмъ, ношу сюртукъ и сплю? Жизнь вѣчная вѣчна, какъ эта вся природа, какъ мысль, живущая въ смѣняющихъ другъ друга поколѣніяхъ. Читала Дора Спиноза и умерла, не дочитавъ половины. Шутила, говорила, что выучится думать хорошенько, вотъ и выучилась. Вотъ печатный Спиноза цѣлъ и на столѣ развернутый лежалъ все время съ ея смерти, а ея нѣтъ... Я вотъ теперь три листка просмотрѣлъ подалѣе, подалѣе того, гдѣ остановилась Дора, и что жъ она теперь: на три страницы далѣе или ближе отъ Спинозы? Иль, можетъ-быть, она оттуда видитъ и читаетъ? Иль, можетъ-быть, не сны одни мнѣ снятся, а въ самомъ дѣлѣ, для нея не нужны двери и, измѣненная, она владѣетъ средствомъ съ струею воздуха влетать сюда, здѣсь быть со мной и снова носиться и даже черныя фигурки буквъ способна различать... Нелѣпый бредъ! Луна меня тревожитъ: лучи ея какъ будто падаютъ мнѣ прямо въ мозгъ и въ сердце. Что умерло, то спитъ и не придетъ перевернуть рукой забытую страницу.

Долинскій хотѣлъ отойти отъ окна и вдругъ страшно вздрогнулъ и по тѣлу его побѣжали мурашки. Въ комнатѣ покойной Доры тихо и отчетливо перевернулась страница.

— Дѣтскій страхъ!.. мечта, послышалось мнѣ, иль просто вѣтеръ дунулъ, — говорилъ себѣ Долинскій, стараясь взять надъ собою силу, а паническій, суевѣрный страхъ самъ предупреждалъ его, а онъ бралъ его за плечи, двигалъ на головѣ его волосы и чрезъ мгновеніе донесъ до его слуха столь же спокойный и столь же отчетливый звукъ отъ оборота второй страницы.

— Вторая,—шепнулъ дрожащими отъ ужаса губами Долинскій:—ихъ три: такъ третья, что ли, будетъ тоже?

Третья страница зашелестила, не спѣша перевалилась и, шурша, легла на открытую половину.

— А тридцать-первый реформатскій полкъ правильно ретировался и отступалъ къ образцовой фермѣ,—прошло вдругъ въ головѣ Долинскаго.

— Что за нелѣпость, что за вздоръ такой, какой полкъ маршировалъ?—шепталъ онъ, стараясь удерживать себя и поворачивая свое лицо отъ окна въ комнату.

— Тамъ нѣтъ никого, — сказалъ онъ, и только что хо-

тѣлъ сдѣлать одинъ рѣшительный шагъ, какъ скрѣпчавшій передъ зарею вѣтерокъ разомъ надулъ тяжелыя дверныя занавѣси изъ Дашиной комнаты, полы драпировки далеко выдвинулись и запарусили.

— Кто тамъ, кто ходитъ здѣсь? — отчаянно крикнулъ первымъ, испуганнымъ голосомъ Долинскій.

— Уйдите отъ меня!—добавилъ онъ черезъ секунду, не сводя остраго, встревоженнаго взгляда съ длинныхъ полъ, которыя все колыхались, таинственно двигались, какъ будто кто-то въ нихъ путался и, разомъ расхнувшись, защелкали своими взвившимися углами, какъ щелкаютъ дѣтскія, бумажныя хлопушки, а по стекламъ противоположнаго окна мелькнуло нѣсколько блѣдныхъ, тонкихъ линій, брошенныхъ заходящей луною, и вдругъ все стемнѣло; передъ Долинскимъ выросла огромная мрачная стѣна, подъ стѣной могильные кресты, заросшіе глухой крапивой, по стѣнѣ медленно идетъ въ бѣломъ саванѣ Дора.

— Ахъ, уйди ты! уйди! — подумалъ больной, и стѣна, и Дора тотчасъ же исчезли отъ его думы, но зато въ темной аркѣ бѣлаго камина загорѣлся пріятный голубоватый огонь и передъ этимъ огнемъ на полу, граціозно закинувъ подъ голову руки, лежала какая-то совершенно незнакомая красивая женщина.

— Этого ничего нѣтъ,—понималъ Долинскій. Онъ отвернулся къ окну и оторопѣлъ еще болѣе: тамъ, высоко-высоко на небѣ, стояла его собственная темная тѣнь колоссальнѣйшихъ размѣровъ, а тутъ сбоку, возлѣ самой его щеки, смотрѣло на него чье-то блѣдное, смѣющееся лицо.

Разстроенное воображеніе Долинскаго долѣе не выдержало. Ему представились какія-то блѣдныя, прозрачныя тѣни — тѣни, толпящіяся въ движущихся занавѣсахъ, тѣни подъ шторою окна; вся комната полна тѣнями: тѣни у него на плечахъ и въ немъ самомъ: все тѣни, тѣни... Онъ отчаянно пожался къ окну и сильно подавленное стекло разлетѣлось вдребезги.

— А тридцать-первый реформатскій полкъ правильно ретировался и отступалъ къ образцовой фермѣ,—стояло у него въ головѣ, и затѣмъ онъ ничего не помнилъ.

Прохладный, утренній воздухъ, врываясь въ разбитое окно и форточку, мало-по-малу освѣжилъ больную голову Долинскаго. Онъ приподнялъ лицо и медленно оглянулся.

На дворѣ сѣрѣло, между крышъ на востокѣ неба прорѣзалась блѣдно-розовая полоска и на узенькой дощечкѣ, подъ низенькимъ фронтономъ плоской крыши, гулко ворковалъ проснувшійся голубь. Сильная нервная возбужденность Долинскаго смѣнилась необычайной слабостью, выражавшеюся во всей его распускавшейся фигурѣ и совершенно угасающемъ взорѣ.

— Жизнь!.. иная жизнь! жизнь вѣчная! — шепталъ онъ, какъ бы что-то ловя и преслѣдуя глазами, какъ бы стараясь что-то прозрѣть въ тонкомъ сѣро-розовомъ свѣтѣ подъ бѣлымъ потолкомъ пустой комнаты.

Только протяжно и съ безконечнымъ покоемъ пронесся по свѣтлому, утреннему небу одинъ тихій звонъ маленькаго колокола съ круглой башни ближайшей церкви. Долинскій вздрогнулъ.

— Зоветъ!—прошепталъ онъ, складывая на груди своей руки.

Колоколъ черезъ минуту опять прозвучалъ еще тише и еще призывнѣй.

— Зоветъ! зоветъ!—повторилъ больной, и блѣдное лицо его сразу приняло строгое, серьезное выраженіе, какое бываетъ у нѣкоторыхъ мертвецовъ.

— Создатель! пощади мой разумъ!—произнесъ онъ тверже черезъ минуту и, какъ немощный больной, держась стѣны, побрелъ къ своей постели.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Иной путь.

Бѣжали дни за днями. Изъ нихъ составлялись недѣли и мѣсяцы—Долинскій никуда не показывался. Къ нему нѣсколько разъ заходилъ Кириллъ Онучинъ; раза три заходила даже Вѣра Сергѣевна, но madame Бюжаръ, тщательно оберегая своего страннаго постояльца, никого къ нему не допускала. Вѣра Сергѣевна въ первый мѣсяцъ исчезновенія Долинскаго послала ему нѣсколько записокъ, которыми приглашала его придти, потому что ей «скучно»; въ другой она даже говорила ему, что «хочетъ его видѣть» и, наконецъ, она писала: «Я очень разстроена. У меня горе, въ которомъ мнѣ не къ кому прибѣгнуть, не съ кѣмъ посовѣтоваться, кромѣ васъ! Васъ это можетъ удивить, если вы думаете, что я только свѣтская кукла и ничего болѣе. Если

вы такъ думаете, то вы очень ошибаетесь. Но во всякомъ случаѣ, что бы вы ни думали обо мнѣ, я вамъ говорю, что у меня горе, большое горе. Чѣмъ я ничтожнѣе, тѣмъ оно для меня тяжелѣе. Мнѣ приходится бороться съ тяжелыми для меня требованіями и мнѣ не съ кѣмъ обдумать моего положенія, не съ кѣмъ сказать слова. Вы—человѣкъ съ сердцемъ и человѣкъ любившій; умоляю васъ, помогите мнѣ хоть однимъ теплымъ словомъ! Если вы не хотите быть у насъ, если не хотите у насъ съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться, то завтра попозже въ сумерки, какъ стемнѣетъ, будьте на томъ мѣстѣ, гдѣ мы съ вами гуляли вдвоемъ утромъ, и ждите меня—я найду случай уйти изъ дома.

«Надѣюсь, что у васъ недостанетъ холодности отказать мнѣ въ такой небольшой, но важной для меня услугѣ, хоть, наконецъ, изъ снисхожденія къ моему полу. Помните, что я буду ждать васъ и что мнѣ страшно будетъ возвращаться одной ночью. Письмо сожгите».

Трудно поручиться, достало ли бы у Долинскаго холодности не исполнить просьбу Вѣры Сергѣевны, если бы онъ прочелъ это посланіе; но онъ не читалъ ни одного изъ ея писемъ. Какъ только m-me Бюжаръ подавала ему конвертъ, надписанный рукою Вѣры Сергѣевны, онъ судорожно сминалъ его въ своей рукѣ, уходилъ въ уголъ, тщательно сжигалъ нераспечатанный конвертъ, растиралъ испепелившуюся бумагу и пускалъ пыль за свою оконную форточку. Онъ боялся всего, что можетъ хоть на одно мгновеніе отрывать его отъ думъ, сѣтованій и таинственнаго міра, создаваемаго его мистической фантазіей. Наконецъ, всѣ его оставили. Онъ былъ очень этому радъ. Окончивъ работу, онъ съ восторженностью началъ изучать пророковъ и жилъ совершеннымъ затворникомъ. А тѣмъ временемъ настала осень, получилось разрѣшеніе перевезти гробъ Даши въ Россію и пришли деньги за напечатанную повѣсть Долинскаго, которая въ свое время многихъ поражала своею оригинальностью и носила сильный отпечатокъ душевнаго настроенія автора.

Долинскому приходилось выйти изъ своего заточенія и дѣйствовать.

На другой же день, по полученіи послѣдней возможности отправить тѣло Даши, онъ впервые вышелъ очень рано изъ дома. Выхлопотавъ позволеніе вынуть гробъ и перевезя его

на желѣзную дорогу, Долинскій просидѣлъ самъ цѣлую ночь на пустомъ, отдаленномъ концѣ длинной платформы, гдѣ поставили черный сундукъ, зловѣщая фигура котораго будила въ проходившихъ тяжелое чувство смерти и заставляла ихъ бѣжать отъ этого страннаго багажа.

Долинскій не замѣчалъ ничего этого. Онъ сидѣлъ у сундука, облокотясь на него рукою, и, казалось, очень спокойно отдыхалъ отъ дневныхъ хлопотъ и бѣготни по поводу перевозки. На дворѣ совсѣмъ меркло; мимо платформы торопливо проходили къ домамъ разные рабочіе люди; прошло нѣсколько дѣвушекъ, которыя съ ужасомъ и съ любопытствомъ взглядывали на мрачный сундукъ и на одинокую фигуру Долинскаго, и вдругъ сначала шли удвоеннымъ шагомъ, а потомъ бѣжали, кутая свои головы широкими коричневыми платками и путаясь въ длинныхъ юбкахъ платьевъ. Еще позже забѣжало нѣсколько рѣзвившихся послѣ ужина мальчиковъ, и эти глянули и, забывъ свои крики, какъ бы по сигналу, молча ударились во всю мочь въ сторону. Ночь спустилась; заря совсѣмъ погасла и кругомъ все окутала темная мгла; на темно-синемъ небѣ не было ни звѣздочки, въ тихомъ воздухѣ ни звука.

Откуда-то прошла большая лохматая собака съ недоглоданною костью и, улегшись, взяла ее между передними лапами. Слышно было, какъ зубы стукнули о кость и какъ треснулъ оторванный лоскутъ мяса, но вдругъ собака потянула чутьемъ, глянула на черный сундукъ, быстро вскочила, взвизгнула, зарычала тихонько и со всѣхъ ногъ бросилась въ темное поле, оставивъ свою недоглоданную кость на платформѣ.

Когда рано утромъ тронулся поѣздъ, взявшій съ собою тѣло Доры, Долинскій спокойно поклонился ему вслѣдъ до самой до земли и еще спокойнѣе побрелъ домой.

Распорядясь такимъ образомъ, Долинскій часу въ одиннадцатомъ отправился къ Онучинымъ. Неожиданное появленіе его всѣхъ очень удивило, Долинскій также могъ бы здѣсь кое-чему удивиться.

Кирилла Сергѣевича онъ засталъ за газетами на террасѣ.

— Батюшки мои! Вы ли это, Несторъ Игнатычъ?— вскричалъ добродушный ботаникъ, подавая ему обѣ свои руки.—Вѣра!

— Ну,—послышалось лѣниво изъ залы.

— Несторъ Игнатьичъ воскресъ и является.

Изъ залы не было никакого отвѣта и никто не показывался.

— Я принесъ вамъ мой долгъ, Кириллъ Сергѣичъ. Сколько я вамъ долженъ?—началъ Долинскій.

— Позвольте, пожалуйста! Что это, въ самомъ дѣлѣ, такое? годъ пропадаетъ и чуть перенесъ ногу, сейчасъ ужъ о долгѣ.

— Тороплюсь, Кириллъ Сергѣичъ.

— Куда это?

— Я сегодня ѣду.

— Какъ ѣдете!

— То-есть уѣзжаю. Совсѣмъ уѣзжаю, Кириллъ Сергѣичъ.

— Батюшки свѣты! Да надѣюсь, хоть пообѣдаете же вѣдь вы съ нами?

— Нѣтъ, не могу... у меня еще дѣла.

Ботаникъ посмотрѣлъ на него удивленными глазами, дескать: «а должно-быть ты, братъ, скверно кончишь», и вынулъ изъ кармана своего пиджака записную книжечку.

— За вами всего тысяча франковъ,—сказалъ онъ, перечеркивая карандашомъ страницу.

Долинскій досталъ изъ бумажника вексель на банкирскій домъ и нѣсколько наполеондоровъ и подалъ ихъ Онучину.

— Большое спасибо вамъ,—сказалъ онъ, сжавъ при этомъ его руку.

— Постойте же; вѣдь все же, думаю, захотите, по крайней мѣрѣ, проститься съ сестрою и съ матушкой?

— Да, какъ же, какъ же, непремѣнно,—отвѣчалъ Долинскій.

Онучинъ пошелъ съ террасы въ залу, Долинскій за нимъ.

Въ залѣ, въ которую они вошли, стоялъ у окна какой-то пожилой господинъ съ волосами, крашеными въ свѣтло-русую краску, и нѣмецкимъ лицомъ, и съ нимъ Вѣра Сергѣевна. Пожилой господинъ сіялъ самою благопріятною улыбкою и, стоя передъ m-lle Онучиной лицомъ къ окну, разсказывалъ ей что-то такое, что, судя по утомленному лицу и разсѣянному взгляду Вѣры Сергѣевны, не только нимало ее не интересовало, но, напротивъ, нудило ее и раздражало. Она стояла прислонясь къ косяку окна, и, сложивъ руки на груди, безучастно смотрѣла по комнатѣ. Подъ глазами Вѣры Сергѣевны были два большія синева-

тыя пятна, и ея живое, задорное личико нѣсколько затуманилось и поблѣднѣло.

Она взглянула на Долинскаго весьма холодно и едва кивнула ему головою въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

— Баронъ фонъ-Якобовскій и г. Долинскій,—отрекомендовалъ Кириллъ Сергѣевичъ другъ другу пожилого господина и Долинскаго.

Баронъ фонъ-Якобовскій раскланялся очень въ мѣру и очень въ мѣру улыбнулся.

— Членъ русскаго посольства въ N.,—произнесъ вполголоса Онучинъ, проходя съ Долинскимъ черезъ гостиную въ кабинетъ матери.

Серафима Григорьевна сидѣла въ большомъ мягкомъ креслѣ, съ лорнетомъ въ рукѣ, читала новый нумеръ парижскаго L'Union Chrétienne.

— Ахъ, Несторъ Игнатьичъ!— воскликнула она очень радушно.—Мы васъ совсѣмъ было ужъ и изъ живыхъ выключили. Садитесь поближе; ну, что? Ну, какъ вы нынче въ своемъ здоровьѣ?

Долинскій поблагодарилъ за вниманіе, присѣлъ около хозяйскаго кресла и у нихъ пошелъ обыкновенный полуформенный разговоръ.

— А у насъ есть маленькая новость,— сказала, наконецъ, тихонько улыбаясь, Серафима Григорьевна.—Съ вами, какъ съ нашимъ добрымъ другомъ, мы можемъ и подѣлиться, потому что вы ужъ вѣрно порадуетесь съ нами.

Долинскій никакъ не могъ понять, какимъ случаемъ онъ попалъ въ добрые друзья къ Онучинымъ; но, глядя на счастливое лицо старухи, предлагающей открыть ему радостную семейную вѣсть, довольно низко поклонился и сказалъ какое-то приличное обстоятельствамъ слово.

— Да, вотъ, нашъ добрый Несторъ Игнатьичъ, наша Верушка дѣлаетъ очень хорошую партію,—произнесла Серафима Григорьевна.

— Выходитъ замужъ Вѣра Сергѣевна?

— Да, выходитъ. Это еще наша семейная тайна, но ужъ мы дали слово. Вы видѣли барона фонъ-Якобовскаго?

— Да, насъ сейчасъ познакомилъ Кириллъ Сергѣичъ.

— Вотъ это ея женихъ! Какъ видите, онъ еще très galant, et tout ça... уменъ, принадлежитъ къ обществу и членъ посольства. Вѣра будетъ имѣть въ свѣтѣ очень хорошее положеніе.

— Да, конечно,—отвѣчалъ Долинскій.

— Вы знаете, онъ лифляндскій баронъ.

— Гм!

— Да, у него тамъ имѣніе около Риги. Они вѣдь, эти лифляндцы, знаете, не такъ, какъ мы русскіе: мы все ѣдимъ другъ-друга да мараемъ, а они лѣсенкой.

— Да, это такъ.

— Лѣсенкой, лѣсенкой, знаете. Одинъ за другимъ цапъ-царапъ, цапъ-царапъ—и всѣ наверху.

Долинскій, въ качествѣ добраго друга, сколько умѣлъ, порадовался семейному счастью Онучиныхъ и сталъ прощаться со старушкой. Несмотря на всѣ просьбы Серафимы Григорьевны, онъ отказался отъ обѣда.

— Ну, Богъ съ вами, если не хотите съ нами проститься какъ слѣдуетъ.

— Ей-Богу, не могу, тороплюсь,—извинялся Долинскій.

Старушка положила на столъ нумеръ L'Union Chrétienne и пошла проводить Долинскаго.

— Вы къ намъ зимою въ Петербургѣ заходите, — говорила необыкновенно счастливая и веселая старуха, когда Долинскій пожалъ въ залѣ руку Вѣры Сергѣевны и пробурчалъ ей какое-то поздравленіе. — Мы вамъ всегда будемъ рады.

— Мы принимаемъ всѣхъ по четвергамъ, — сухо проговорила Вѣра Сергѣевна.

— Да и такъ запросто когда-нибудь, — звала Серафима Григорьевна.

Долинскій раскланялся, скользнулъ за двери и на улицѣ вздохнулъ свободно.

— Очень жалкій человѣкъ, — говорила барону фонъ-Якобовскому умиленная ниспосланной ей благодатью Серафима Григорьевна вслѣдъ за ушедшимъ Долинскимъ. — Былъ у него какой-то романъ съ довольно простой дѣвушкой, онъ схоронилъ ее и вотъ никакъ не утѣшится.

— Онъ такъ и смотритъ влюбленнымъ въ луну, — отвѣчалъ, въ мѣру улыбаясь, баронъ фонъ-Якобовскій.

Вѣра Сергѣевна не принимала въ этомъ разговорѣ никакого участія, лицо ея попрежнему оставалось холодно и гордо, и только въ глазахъ можно было подмѣтить слабый свѣтъ горечи и досады на все ее окружающее.

Вѣра Сергѣевна выходила замужъ не то, чтобы насильно, но и не своей охотой.

Долинскій, возвратясь домой, засталъ свои чемоданы совершенно уложенными и готовыми. Не снимая шляпы и пальто, онъ дружески расцѣловалъ m-me Бюжаръ и уѣхалъ на желѣзную дорогу за два часа до отправленія поѣзда.

— Вы въ Петербургъ? — спрашивала его, совсѣмъ прощаясь, madame Бюжаръ.

Долинскій какъ будто не разслышалъ и вмѣсто отвѣта крикнулъ:

— Adieu, madame.

Въ ожиданіи поѣзда, онъ, въ тревожномъ раздумьѣ, бѣгалъ по пустой платформѣ амбаркадера, останавливался, брался за лобъ, и какъ только открылась касса для перваго очереднаго поѣзда, взялъ мѣсто въ Парижъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Батиньельскія голубятни.

Несторъ Игнатьевичъ въ Парижѣ поселился въ крошечной комнаткѣ пятаго этажа одного большого дома въ Батиньелѣ. Занятое имъ помѣщеніе было далеко не изъ роскошныхъ и не изъ комфортабельныхъ. Вся комнатка Долинскаго имѣла около четырехъ аршинъ въ квадратѣ, съ однимъ небольшимъ, высокопродѣланнымъ окномъ и неуклюжимъ дымящимъ каминомъ, на которомъ, вмѣсто необходимыхъ часовъ съ бронзовымъ пастушкомъ, пренеловко растегивающимъ корсетъ своей бронзовой пастушки, одиноко торчалъ молящійся гипсовый амуръ, весь немилосердно засиженный мухами. Меблировка этой комнаты состояла изъ небольшого круглаго столика, кровати съ дешевыми ситцевыми занавѣсами, какого-то историческаго комода, на которомъ было выцарапано: Beuharnais. Oginsky. Podwysocky. Ian. nalit wody w zban, и многое множество другихъ историческихъ и неисторическихъ именъ, болѣе или менѣе удачно и тщательно произведенныхъ гвоздемъ и рукою скучавшаго и, вѣроятно, нищенствовавшаго жильца. Кромѣ этихъ вещей, въ комнатѣ находилось три кресла: одно — временъ Лудовика XIV (это было самое удобное), одно — временъ первой республики и третье — временъ нынѣшней имперіи. Послѣднее было кресло дешевое, простой базарной работы и могло стоять только будучи при-

ставленнымъ въ уголъ, ибо всѣ его ножки давнымъ-давно шатались и расползались въ разныя стороны. Зато все это обходилось неимовѣрно дешево. Цѣлая такая комната, съ креслами трехъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ французской государственной жизни, съ водой и прислугой (которой, впрочемъ, de facto не существовало), отдавалась за пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ. Такихъ каморокъ, по сторонамъ довольно широкаго и довольно длиннаго коридора, едва освѣщавшагося по концамъ двумя полукруглыми окнами, было около тридцати. Каждая изъ нихъ была отдѣлена одна отъ другой дощатою, или пластинною, толсто оштукатуренными перегородками, черезъ которую, однако, можно было свободно постучать и даже покричать своему сосѣду. Обитателями этихъ покоевъ были люди самые разнокалиберные; но все-таки можно сказать, что преимущественно здѣсь обитали швеи, цвѣточницы, вообще молодыя, легко смотрящія на тяжелую жизнь, дѣвушки и молодые, а иногда и не совсѣмъ молодые, даже иногда и совсѣмъ старые люди, самыхъ разнообразныхъ профессій. На каждой изъ сѣрыхъ дверей этихъ маленькихъ конурокъ грязноватою желтою краскою написаны подъ-рядъ свои нумера, а на нѣкоторыхъ есть и другія надписи, сдѣланныя просто кускомъ мѣла. Послѣднія надписи бываютъ *постоянныя*, красующіяся иногда цѣлые мѣсяцы, и *временныя*, появляющіяся и исчезающія въ одинъ и тотъ же день, въ который появляются. Очень рѣдко случается, что подобная надпись переживаетъ сутки и никогда двухъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ мѣловыя начертанія, гласящія: «Cécile», «Pélagie», «Mathilde», la couturière. «Psyché», «Nymphe des bois», «Pol et Pepol», «Anaxagou—étudiant», «Le petit Mathusalem» или: «Frappez fort s'il vous plait!» и т. п.

Временныя же, преимущественно однодневныя надписи, болѣе все въ слѣдующемъ родѣ: «Je n'ai point d'habit», «Cela est probable», «J'en suis furieux!!!» (внизу неимовѣрный вензель), «Pouvez-vous me dire, où il demeure?» (опять вензель, или четная буква), «Je crains, que la machine ne sorte des rails», «Nous serons revenus de bonne heure», и т. п. Иногда на дверяхъ отсутствующей хозяйки являются надписи и болѣе прямого значенія, напримѣръ, подъ именемъ какой-нибудь швеи Клемансъ и цвѣточницы

Арно, вдругъ въ одинъ прекрасный день является вопросъ: «Pouvez-vous nous loger pour cette nuit?» подписано «F. et R.» или: «Je n'ai presque rien mangé depuis deux jours.— Que faire?»

На дверяхъ комнаты, занятой Долинскимъ, стояло просто «№ 11», и ничего болѣе. Съ правой стороны на дверяхъ подъ № 12 было написано еще «Marie et Augustine—gantières», а съ лѣвой подъ № 10—«Népomucène Zaionczek—le prêtre».

Въ жилищахъ этого рода, сосѣди по комнатѣ имѣютъ для каждаго жильца свое и даже весьма немаловажное значеніе. Вообще веселый, непретендательный, ссудливый сосѣдъ, не успѣетъ водвориться, какъ снискиваетъ себѣ доброе расположеніе своихъ ближайшихъ сосѣдей и особенно сосѣдокъ, изъ которыхъ одна, а иногда и двѣ непремѣнно разсчитываютъ въ самомъ непродолжительномъ времени (иногда даже съ перваго же дня) сдѣлаться его любовницей. Зато плохой, вздорливый и придирчивый сосѣдъ — чистое несчастье. Сами гризеты чаще всего начинаютъ бояться такихъ господъ, избѣгаютъ съ ними встрѣчи и даютъ имъ разныя ядовитыя клички; но выжить строптиваго жильца «изъ коридора» гризеты никакъ не сумѣютъ. Это удается только тогда, если «весь коридоръ» обозлится (что бываетъ довольно рѣдко), или если строптивый человѣкъ надоѣстъ ближайшимъ своимъ сосѣдямъ изъ студентовъ.

Перчаточницы Augustine и Marie были молодыя, веселыя, безпечныя дѣвочки, бѣгавшія за работой въ улицу Loret и распѣвавшія дома съ утра до ночи скабрезныя пѣсенки непризнанныхъ поэтовъ Латинскаго квартала. Объ эти дѣвочки были очень хорошенькія и очень хорошія особы, съ которыми можно было прожить цѣлую жизнь въ отношеніяхъ самыхъ пріятельскихъ, если бы не было очевидной опасности, что пріязнь скоро перейдетъ въ чувство болѣе теплое и грѣшное. Marie и Augustine были тоже очень довольны своимъ «одиннадцатымъ нумеромъ», но только съ одной стороны. Имъ очень нравилась его скромность, услужливость, готовность подѣлиться кофе, сыромъ, хлѣбомъ и т. п. Но что это былъ за сосѣдъ, съ которымъ ни пойти, ни поѣхать, ни посидѣть вмѣстѣ, который не позоветъ ни къ себѣ, ни самъ не придетъ поболтать? «Un ours», прозвали его гризеты, и очень часто на него дулись. Но, не-

смотря на нелюдимость Долинскаго, и Augustine, и Marie, и даже всѣ другія жилицы коридора со второго же дня появленія его здѣсь положили, что онъ bon homme и что его надо приласкать—даже непремѣнно надо.

Зато № 10, m-r le prêtre Népomucène Zaionczek, давно стоялъ поперекъ горла рѣшительно всѣмъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Это былъ несносный, желчный старикъ съ сѣрыми, сухими глазами, острымъ, выдающимся впередъ подбородкомъ и загнутыми внизъ углами губъ. Гризеты называли его «полиціймейстеромъ» и отворачивались отъ него какъ только онъ показывался въ коридорѣ. M-r le prêtre Zaionczek обыкновенно сидѣлъ дома. Онъ выходилъ только два, много три раза въ недѣлю въ существующую на Батиньелѣ польскую школу и разъ вечеромъ въ воскресенье ѣздилъ на омнибусѣ куда-то къ St.-Sulpice. Все остальное время онъ проводилъ въ своей комнаткѣ и постоянно или читалъ, или дѣлалъ какія-то выписки. Его посѣщали здѣсь довольно странные люди и нѣсколько пышныхъ грандіозныхъ дамъ, которыхъ онъ провожалъ, называя графинями и княгинями. Сосѣдями Zaionczeka было замѣчено, что всѣ его гости были исключительно поляки и польки. Личность и положеніе Заіончека возбуждали вниманіе и любопытство всѣхъ голубей и голубокъ этой парижской голубятни, но никто не имѣлъ этого любопытства настолько, чтобы упорно стремиться къ уясненію, что, въ самомъ дѣлѣ, за птица этотъ m-r le prêtre Zaionczek и что такое онъ дѣлаетъ, зачѣмъ сидитъ на этомъ батиньельскомъ чердакѣ? Давно, еще вскорѣ за тѣмъ, какъ Заіончекъ здѣсь поселился, кто-то болтнулъ вдругъ, что m-r le prêtre Zaionczek гадатель, что онъ отлично гадаетъ на картахъ и можетъ предсказать все, за сколько вамъ угодно лѣтъ впередъ. Нѣсколько человѣкъ повторили эту тонкую догадку и къ вечеру того же дня, двѣ или три гризеты, трясясь и замирая, собирались идти и попросить суроваго Заіончека погадать имъ о запропавшихъ любовникахъ. Но вдругъ разнеслась вѣсть, что Monsieur le professeur Grélot, который живетъ здѣсь на голубятнѣ уже болѣе трехъ лѣтъ и котораго всѣ гризеты называютъ grand papa и считаютъ своимъ оракуломъ, выслушавъ явившееся насчетъ Заіончека соображеніе, сомнительно покачалъ головою. Всѣ тотчасъ тоже сами покачали головами и съ тѣхъ поръ вовсе оставили добиваться, что

такое этотъ загадочный m-r le prêtre, а продолжали называть его попрежнему «полиціймейстеромъ». Это названіе желчный старикъ получилъ потому, что его сварливый характеръ и привычка повелѣвать не давали ему покоя и на батиньельскомъ чердакѣ. Чуть только гдѣ-нибудь по сосѣдству къ его номеру, послѣ десяти часовъ вечера слышался откуда-нибудь веселый разговоръ, смѣхъ, или хотя самый ничтожный шумъ, m-r le prêtre выходилъ въ коридоръ со свѣчою въ рукѣ, неуклонно текъ къ двери, изъ-за которой раздавались голоса, и, постучавъ своими костлявыми пальцами, грозно возглашалъ: «Ne faites point tant de bruit!» и затѣмъ держалъ столь же мѣрное теченіе къ своему номеру, съ полною увѣренностью, что обезпокоившій его шумъ непремѣнно прекратится. И шумъ, точно, прекращался. Съ жильцами этой батиньельской вершины, m-r le prêtre не имѣлъ никакого сообщества, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ поселился, отъ него никто не слыхалъ болѣе, кромѣ: «Ne faites point de bruit». Въ комнатѣ Заіончека тоже никто изъ здѣшнихъ жильцовъ никогда не былъ и комната эта была предметомъ постояннаго любопытства, потому что madame Vache, единственная слуга и надзирательница этой вышки, разсказывала объ этой комнатѣ что-то столь заманчивое, что у всѣхъ почти одновременно родилось непобѣдимое желаніе взглянуть на чудеса этого неприступнаго покоя. Нѣкоторыми отчаянными смѣльчаками обоего пола (по преимуществу прекраснаго) съ тѣхъ поръ было предпринято нѣсколько очень обдуманныхъ экспедицій съ спеціальною цѣлію осмотрѣть полиціймейстерскую берлогу, но всѣ эти попытки обыкновенно оставались совершенно безуспѣшными. Въ присутствіи Заіончека объ этомъ невозможно было и думать, потому что нѣсколькихъ зрячихъ, являвшихся къ нему попросить взаймы свѣчи или спичекъ, онъ, не открывая двери, безъ всякой церемоніи посылалъ прямо къ какому-нибудь крупному чорту, или разомъ ко сто тысячамъ рядовыхъ дьяволовъ. А уходя изъ дому, Заіончекъ постоянно уносилъ ключъ съ собою. Любопытные видали въ замочную скважину: дорогой варшавскій коверъ на полу этой комнаты; окно, задернутое зеленою тафтяною занавѣскою, большой черный крестъ съ бѣлымъ изображеніемъ распятаго Спасителя и низенькій налой краснаго дерева, съ зеленою бархатною подушкой

внизу и большою развернутою книгою на верхней наклонной доскѣ.

Въ существѣ комната Заіончека и не имѣла ничего необыкновеннаго. Конечно, сравнительно она была очень недурно меблирована, застлана мягкимъ ковромъ, увѣшана картинами, всегда чисто убрана и далеко превосходила прохладныя и пустоватыя каморки другихъ бѣдныхъ жильцовъ голубятни, но все-таки она далеко не могла оправдать восторженныхъ описаній madame Vache.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Батиньельскіе отшельники.

Долинскій, поселившись на Батиньелѣ, разсчитывалъ здѣсь найти болѣе покоя, чѣмъ въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ онъ могъ бы жить при своихъ скудныхъ средствахъ, о восполненіи которыхъ нимало не намѣренъ былъ много заботиться.

Съ самаго пріѣзда въ Парижъ онъ не повидался ни съ однимъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, а прямо занялъ одиннадцатый нумеръ между Заіончекомъ и двумя хорошенькими перчаточницами, и засѣлъ въ этой комнатѣ почти безвыходно. Несторъ Игнатьевичъ не писалъ изъ своего убѣжища никакихъ писемъ никому и самъ ни отъ кого не получалъ ни строчки. Выходилъ онъ иногда въ недѣлю разъ, иногда разъ въ мѣсяцъ и всегда возвращался съ какою-нибудь новою книгою. Каждый его выходъ всегда значилъ ни болѣе, ни менѣе, что новая книга прочитана и потребовалась другая. M-r le prêtre Zaionczek, встрѣтясь два или три раза съ своимъ новымъ сосѣдомъ, посмотрѣлъ на него самымъ недружелюбнымъ образомъ. Казалось, Заіончекъ досадовалъ, что Долинскій такъ долго лишаетъ его удовольствія хоть разъ закричать у его дверей:

— Ne faites pas de bruit.

Изъ ближайшихъ сосѣдей Нестора Игнатьевича короче другихъ его знали m-lle Augustine и Marie, но и m-lle Augustine скоро перестала обращать на него всякое вниманіе и занялась другимъ сосѣдомъ-студентомъ, помѣстившимся въ № 13, и только одинокая Marie никакъ не могла простить Долинскому его невниманія. Она часто стучалась къ нему вечерами, находя что-нибудь попросить или возвратить. Всегда она находила ласковый отвѣтъ, услужливость

и болѣе ничего. Marie выходила нѣсколько разъ, оглядываясь и поводя своими говорящими плечиками; Долинскій оставался спокойнымъ и протягивалъ руку къ оставленной книгѣ.

— Что это вы читаете, добрый сосѣдъ? — спрашивала иногда Marie и, любопытствуя, смотрѣла на корешокъ книги. Тамъ всегда стояло что-нибудь въ такомъ родѣ: «La religion primitive des Indo-Europeens par m-r Flotard», или «Bible populaire», или что-нибудь такое же.

M-lle Marie терялась, что это за удивительный экземпляръ, этотъ ея смирный сосѣдъ.

— Ну, что твой баккалавръ? — освѣдомлялась иногда у нея, возвращаясь изъ тринадцатаго нумера, m-lle Augustine.

— Rien,—отвѣчала, кусая губки, Marie.

— Tiens! — презрительно восклицала недоумѣвающая m-lle Augustine.

— Ничего онъ не стоитъ, — порѣшила, наконецъ, m-lle Marie и дала себѣ слово перестать думать о сосѣдѣ и найти кого-нибудь другого.

— Онъ вѣрно совсѣмъ глупъ, — говорила она, жалуясь подругѣ.

— C'est vrai, — небрежно отвѣчала Augustine, занятая своею новою любовью въ тринадцатомъ нумерѣ.

Въ одну темную осеннюю ночь, когда въ коридорѣ была совершенная тишина, въ дверь у перчаточницъ кто-то тихонько постучался. Marie, ночевавшая одна на двуспальной постели, которою онѣ владѣли изъ-полу съ своей подругой, приподнялась на локотокъ и тихонько спросила:

— Qui va là?

— C'est moi, — отвѣчалъ такъ же тихо голосъ изъ-за дверей.

— Mais quel moi donc?

— Mais puisque je vous repète que c'est moi, votre voisin du numéro onze.

— Tiens! — прошептала про себя Marie и, лукаво разсмѣявшись съ соблюденіемъ всякой тишины, отвѣчала:

— Mais je suis au lit, monsieur!.. Que désirez-vous?.. Qu'y a-t-il à votre service?

— Une allumette, mademoiselle,—тихо отвѣчалъ Долинскій. — Уронилъ мой ключъ и не могу его отыскать безъ огня.

— Un brin de feu?

— Oui, une allumette, s'il vous plait.

Marie еще сердечнѣе разсмѣялась, откинула крючокъ и, впустивъ сосѣда, снова кувыркнулась въ свою постельку.

— Спички тамъ на комодѣ,—произнесла она, лукаво выглядывая однимъ смѣющимся глазкомъ изъ-подъ одѣяла.

Долинскій поискалъ на каминѣ спичекъ, взялъ коробочекъ, поблагодарилъ сосѣдку и, не смотря на нее, пошелъ къ двери.

M-lle Marie быстро вскочила.

— Это чортъ знаетъ что такое! — крикнула она вспыльчиво вслѣдъ Долинскому.

— Что?—спросилъ онъ, остановясь.

— Нужно быть глупѣе доски, чтобы входить ночью въ комнату женщины съ желаніемъ получить одну зажигательную спичку.

Долинскій, ни слова не отвѣчая, тихо притворилъ двери.

M-lle Marie сердито щелкнула крючкомъ, а Долинскій, несмотря на поздній часъ ночи, усѣлся у себя за столикомъ со вновь принесенною книгою. Это была одна изъ брошюръ о Юмѣ.

Прошло мѣсяца три; на батиньельскихъ вершинахъ все шло попрежнему. Единственная перемѣна заключалась въ томъ, что pigeon изъ тринадцатаго нумера прискучилъ любовью бѣдной Augustine и оставленная colombine, написавъ на дверяхъ измѣнника, что онъ «свинья, уродъ и мерзавецъ», стала спокойно встрѣчаться съ замѣнившею ее новою подругою тринадцатаго нумера и спала у себя съ m-lle Marie.

Одинъ разъ Долинскій возвращался домой часу въ пятомъ самаго ненастнаго зимняго дня. Холодный мелкій дождикъ, вперемежку съ ледянистой мглою и маленькими хлопочками мокраго снѣга, пробили его насквозь, пока онъ добрался на имперіалѣ омнибуса отъ rue de Saine, изъ Латинскаго квартала, до своихъ батиньельскихъ вершинъ.

Спустясь по осклизшимъ трехпогибельнымъ ступенямъ съ имперіала, Долинскій торопливо пробѣжалъ двѣ улицы и сталъ подниматься на свою лѣстницу. Онъ очень озябъ въ своемъ сильно поношенномъ пальтишкѣ и дрожалъ; подъ мышкой у него было нѣсколько книгъ и брошюръ, плохо увернутыхъ въ газетную бумагу.

На лѣстницѣ Долинскій обогналъ Заіончека и, не обращая на него вниманія, бѣжалъ далѣе, чтобы скорѣе развести у себя огонь и согрѣться у камина. Второпяхъ онъ не замѣтилъ, какъ у него изъ-подъ руки выскользнули и упали двѣ книжки. M-r le prêtre Zaionczek не спѣша поднялъ эти книги и не спѣша развернулъ ихъ. Обѣ книги были польскія: одна «Historja Kosciola Ruskiego, Ksiedza Fr. Gusty» (исторія русской церкви, сочиненная католическимъ священникомъ Густою), а другая—мистическія бредни Тавянскаго, извѣстнѣйшаго мистика, имѣвшаго столь печальное вліяніе на прекраснѣйшій умъ Мицкевича и давшаго совершенно иное направленіе послѣдней дѣятельности поэта.

M-r le prêtre Zaionczek взялъ обѣ эти книги и, держа ихъ въ рукѣ, постучалъ въ двери Долинскаго.

— Entrez,—отозвался Несторъ Игнатьевичъ.

Вошелъ m-r le prêtre Zaionczek.

— To ksiegi pana dobrodzieja?—спросилъ онъ Долинскаго по-польски.

— Мои; очень вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ кое-какъ на томъ же языкѣ давно отвыкшій отъ него Долинскій.

— Вы занимаетесь религіозною литературой?

— Да... такъ... немного,—отвѣчалъ, нѣсколько конфузясь, Долинскій.

— Пусть вамъ поможетъ Богъ, — говорилъ, сжимая его руку, Заіончекъ, и добавилъ: — жатвы много, а дѣтей мало есть.

Съ этихъ поръ началось знакомство Долинскаго съ Заіончекомъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Новое масло въ плошку.

M-r le prêtre, по отношенію къ своему новому знакомцу, явился совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ ко всѣмъ прочимъ жильцамъ вышки. Онъ самъ предложилъ Долинскому нѣсколько рѣдкихъ книгъ, и, столкнувшись съ нимъ однажды вечеромъ у своей двери, попросилъ его зайти къ себѣ. Долинскій не отказался, и только-что они вошли въ комнату Заіончека, дававшую всѣмъ чувствовать, что здѣсь живетъ католическая духовная особа, какъ въ двери постучался новый гость. Это была съ головы до ногъ закутан-

пая въ бархатъ и кружева молодая, высокая дама съ очень красивымъ лицомъ, несомнѣнно польскаго происхожденія. Она только-что переступила порогъ, какъ сложила на груди свои античныя руки, преклонила колѣна и произнесла:

— Niech bedzie pochwlony Iezus Christus.

— Na wieki wieków, Amen,—отвѣтилъ Заіончекъ и подалъ дамѣ руку.

Та встала, поцѣловала руку Заіончека, подняла къ небу свои большіе голубые глаза, полные благоговѣйнаго страха, и сказала:

— Я на минуту къ вамъ, мой отецъ.

Долинскій хотѣлъ выйти. M-r le prêtre ласково его удержалъ за руку и еще ласковѣе сказалъ:

— Мои добрыя дѣти никогда не мѣшаютъ другъ другу.

Попавшій въ число добрыхъ дѣтей Заіончека Долинскій остался.

Пышная дама заговорила по-итальянски о какомъ-то семейномъ горѣ.

Долинскій старался не слушать этого разговора.

Онъ подошелъ къ этажеркѣ и разсматривалъ книги Заіончека. Прежде всего ему попалась въ руки «Dictionnaire des missions catholiques, Lacroix et Dzunkowskoy»; Долинскій взялъ другую книгу. Это была: «Histoire diplomatique des conclaves depuis Martin V jucqu'à Pie IX, Petrugelli de la Gatina». Далѣе онъ развернулъ большое in-folio «Acta Sanctorum». На столѣ лежалъ развернутый IV томъ этой книги: Ioannes Rollandus, Godefridus Stenschenius, Societatis Iesu theologi.

Пока Долинскій перелистывалъ эту книгу, приводя себѣ на память давно забытое значеніе многихъ латинскихъ словъ, дама стала прощаться съ Заіончекомъ.

— Тотъ, кто доводитъ тебя до этого, бо́льшее наказаніе пріиметъ и рука Провидѣнія давно тебя благословила,—говорилъ, напутствуя ее, m-r le prêtre, держащійся, какъ видно, съ Провидѣніемъ совсѣмъ za panibrata.

Дама опять поцѣловала руку Заіончека.

— Прощайте, дочь моя,—отвѣчалъ ласково суровый m-r le prêtre и пошелъ провожать свою восхитительно-прекрасную дочь.

Долинскій попалъ въ самый центръ польскихъ мистиковъ. Это общество жило въ Парижѣ очень разсѣянно, всѣ члены

его въ насмѣшку назывались «Tawianczykami» отъ имени того же извѣстнаго мистика Тавянскаго, котораго они считались послѣдователями. *Тавянчиковъ* считалось довольно много въ Парижѣ; они имѣли здѣсь свои собранія и своихъ представителей, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ m-r le prêtre Zaionczek. Іезуиты смотрѣли на этихъ «тавянчиковъ» довольно снисходительно, и даже, кажется, дружелюбно. Нѣкоторые полагали, что парижскіе іезуиты одно время даже надѣялись найти въ Tawianczykach нѣкоторое противодѣйствіе противъ пугающаго святыхъ отцовъ матеріализма. Но Tawianczyki вообще не оправдали этихъ надеждъ «общества Іисусова», или, по крайней мѣрѣ, оправдали его въ самой незначительной мѣрѣ. «Tawianczyki» не распустили сильныхъ вѣтвей никуда далѣе Парижа, и даже не нашли сочувствія въ самой Польшѣ. Среди парижскихъ тавянчиковъ встрѣчались большею частію старички и женщины (молодыя и старыя), нерѣдко принадлежащія къ самымъ лучшимъ польскимъ фамиліямъ. Между передовыми послѣдователями Тавянскаго встрѣчались люди довольно странные, въ мистическомъ тавянизмѣ которыхъ нерѣдко сквозило что-то іезуитское. Таковъ, между многими подобными, былъ извѣстный намъ m-r le prêtre Zaionczek, эмигрантъ, появившійся между парижскими тавянчиками откуда-то съ Волыни и въ самое короткое время получившій у нихъ весьма большое значеніе. Былъ ли m-r le prêtre Zaionczek дѣйствительно такимъ мистикомъ, какимъ онъ представлялся, или это съ его стороны было одно притворство, рѣшить было невозможно. Онъ съ глубокою задушевностью говорилъ о своихъ мистическихъ вѣрованіяхъ, состоялъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ замогильнымъ міромъ, и въ то же время негласно основалъ въ Парижѣ «Союзъ христіанскаго братства». Члены это союза едва ли понимали что-нибудь о цѣли своего соединенія. Союзъ этотъ состоялъ изъ избранныхъ Заіончекомъ представителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Тутъ были: французы, англичане, испанцы, поляки, чехи (въ качествѣ представителей непризнаннаго гуссизма), итальянцы и даже руссины-уніаты. Собранія союза обыкновенно происходили по вечерамъ въ воскресенье, близъ St.-Sulpice, въ домѣ самой рьяной тавянистки, княгини Голензовской, той самой дамы, которую мы видѣли у Заіончека. Члены союза со-

бирались въ особой комнатѣ, обитой съ потолка до низу тонкимъ чернымъ сукномъ съ бѣлыми атласными карнизами по панелямъ. На стѣнѣ вверху, прямо противъ входа, была вышита гладью бѣлымъ шелкомъ большая мертвая голова съ крупною латинскою надписью: «Memento mori!» Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый чернымъ сукномъ съ бѣлыми каймами и бѣлою же бахромою. По угламъ этой траурной скатерти опять были вышиты бѣлымъ мертвыя головы и вокругъ надъ всею каймою какія-то латинскія изреченія. Около этого стола стояли тяжелыя дубовыя скамейки и въ одномъ концѣ высокое рѣзное кресло съ твердымъ, ничѣмъ не покрытымъ сидѣньемъ, а возлѣ него въ ногахъ маленькая деревянная скамеечка. На рѣзномъ креслѣ было мѣсто Заіончека, въ ногахъ у него на низенькой деревянной скамейкѣ садилась прекрасная хозяйка дома, а на скамьяхъ размѣщались члены.

Познакомясь съ Долинскимъ и открывъ въ немъ сильное мистическое настроеніе, m-r le prêtre Zaionczek умѣлъ очень искусно расшевелить его больныя раны и овладѣть его слабымъ духомъ.

— Не желалъ бы я врагу человѣчества такого внутренняго состоянія, каково должно быть твое,—сказалъ ему Заіончекъ, незамѣтно выпытавъ у него грызущую его тайну.

— Молись, молись; будемъ вмѣстѣ молиться за тебя,—говорилъ онъ Долинскому.

— Ты крѣпко вѣришь въ загробную жизнь? — спрашивалъ онъ сотый разъ Долинскаго и, получая въ сотый разъ утвердительный отвѣтъ, говорилъ:—вѣрь, сынъ мой, и вѣрь, что между нами и тѣми, которые отошли отъ насъ, не порваны связи самаго тѣснаго общенія.

По цѣлымъ вечерамъ Заіончекъ разсказывалъ разстроенному Долинскому самые картинные образцы таинственнаго общенія замогильнаго міра съ міромъ живущимъ и довелъ его больную душу до самаго высокаго мистическаго настроенія. Долинскій считалъ себя первымъ грѣшникомъ въ мірѣ и незамѣтно начиналъ ощущать себя въ такомъ близкомъ общеніи съ таинственными существами иного міра, въ какомъ высказывалъ себя самъ Заіончекъ.

Достигнувъ такого вліянія на Долинскаго, Заіончекъ сообщилъ ему о существованіи въ Парижѣ «Союза христіанскаго братства», и *велѣлъ* ему быть готовымъ вступить въ

братство въ качествѣ грѣшнаго члена Wschodniego Kosciola (восточной церкви). Долинскій былъ введенъ въ таинственную комнату засѣданій и представленъ оригинальному собранію, въ которомъ никто не называлъ другъ друга по фамиліи, а произносилъ только «братъ Яковъ», или «братъ Северинъ», или «сестра Урсула» и т. д.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Русскій Tawianczyk.

Долинскій, живучи въ сторонѣ отъ людей, съ одними терзаніями своей несговорчивой совѣсти, мистическими книгами, да еще болѣе мистическими тавянчиками, дошелъ самъ до непостижимаго мистицизма. Онъ уже не видалъ Доры и даже рѣдко вспоминалъ о ней, но зато совершенно привыкъ спокойно и съ вѣрою слушать, когда Заіончекъ говорилъ дома и у графини Голенизовской отъ лица святыхъ и вообще людей давно отшедшихъ отъ міра. Въ засѣданіяхъ «христіанскаго союза», Заіончекъ говорилъ нѣсколько менѣе о своихъ общеніяхъ со святыми и съ мертвыми грѣшниками, но все-таки держался, по обыкновенію, таинственно.

Въ обществѣ, главнымъ образомъ, положено было избѣгать всякаго слова о превосходствѣ того или другого христіанскаго исповѣданія надъ прочими. «Всѣ дѣти одного отца, нашего Бога, и овцы одного великаго пастыря, положившаго животъ свой за люди», было начертано огненными буквами на бѣлыхъ матовыхъ абажурахъ подсвѣчниковъ съ тремя свѣчами, какіе становились передъ каждымъ членомъ. Всѣ должны были помнить этотъ принципъ терпимости и никогда не касаться вопроса о догматическомъ разногласіи христіанскихъ исповѣданій.

По словамъ Заіончека, цѣлью общества было: *изысканіе средствъ къ освобожденію и соединенію христіанскихъ народовъ путемъ вѣры.* Задача эта многимъ представлялась весьма темною и даже вовсе непонятною, но, тѣмъ не менѣе, члены терпѣливо выслушивали, какъ Заіончекъ, стоя въ концѣ стола передъ составленною имъ картою «христіанскаго міра», излагалъ мистическія соображенія насчетъ «рокового развѣтвленія христіанства по свѣту, съ таинственными божескими цѣлями, для осуществленія которыхъ Господь сзываетъ своихъ избранныхъ». Женщины, слушая

Заіончека, поднимали очи къ небу и шептали молитвы, а мужчины, одни — набожно задумывались, другіе — внимательно слѣдили за ораторомъ и, очевидно, старались прозрѣть, что за смыслъ долженъ скрываться за этими хитросплетеніями. Пораженный тяжестью своей утраты, изнывая передъ неизслѣдимою пучиною своего нравственнаго грѣха, Долинскій былъ въ этомъ собраніи самымъ молчаливымъ членомъ Wschodniego Kosciola.

Онъ только самъ все наэлектризировывался мистицизмомъ и во всякомъ самомъ ничтожномъ событіи склоненъ былъ видѣть или особые пути Божіи, или нарочитые происки дьявольскіе.

Жилъ Долинскій до крайности умѣренно, получая не болѣе семидесяти-пяти франковъ въ мѣсяцъ, съ двухъ ничтожныхъ уроковъ, доставленныхъ ему Заіончекомъ. И за это занятіе Долинскій принялся только тогда, когда въ его карманѣ уже не было ни одного су изъ денегъ, съ которыми онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ жадно берегъ свое время и все его цѣликомъ отдалъ чтенію и своимъ мистическимъ размышленіямъ. Деньги и всякія другія блага міра сего не имѣли въ его глазахъ ровно никакой цѣны. Со всѣмъ живущимъ у него тоже не было ничего общаго. Міръ человѣческій для него былъ только міръ грѣха и преступленія, и собственное прошедшее представлялось ему однимъ сплошнымъ, безконечнымъ грѣхомъ. Долинскій утратилъ всякую способность къ какому бы то ни было анализу и бралъ все на вѣру, во всемъ видѣлъ законъ неотразимой таинственной необходимости и не взывалъ болѣе ни къ своему разуму, ни къ волѣ. Онъ даже не замѣчалъ противорѣчій, весьма ярко высказывавшихся въ поступкахъ Заіончека. Онъ ни разу не задумался надъ тѣмъ, что въ христіанскомъ обществѣ, основанномъ вѣротерпимѣйшимъ патеромъ, не было ни одного лютеранина. Онъ даже не придалъ никакого значенія тому, что m-r le prêtre, сидя разъ передъ каминомъ въ комнатѣ Долинскаго, случайно взялъ иллюстрированную книжку Puaux: «Vie de Calvin», развернулъ ее, пересмотрѣлъ портреты и съ омерзѣніемъ бросилъ безцеремонно въ огонь.

Обстоятельствамъ угодно было, чтобы, задавленный своимъ и наноснымъ мистицизмомъ, Долинскій сравнялся съ княгинею Голензовскою и прочими мистическими фанатич-

ами, вѣровавшими во всевѣдѣніе и сверхъестественное могущество Заіончека.

Прошла половина поста. Бѣшеный день французскаго demi-carême угасалъ среди пьяныхъ пѣсенъ; по улицамъ сновали пьяные студенты, пьяные блузники, пьяныя дѣвочки. Въ погребахъ, ресторанахъ и во всякихъ такихъ мѣстахъ были балы, на которыхъ гризеты вознаграждали себя за трехнедѣльное demi-смиреніе. Парижъ бѣсился и пьяный вспоминалъ свою утраченную свободу.

Зато на извѣстной намъ голубятнѣ, въ Батиньелѣ, было необыкновенно тихо, всѣ пижоны и коломбины разлетѣлись. Кромѣ Заіончека и Долинскаго не было дома ни одного жильца: все пило, бродило и бѣсновалось. Вдругъ патеръ Заіончекъ вошелъ въ комнату Долинскаго.

По торжественной походкѣ и особенной праздничной бодрости, лежавшей на каждомъ движеніи Заіончека, можно было легко замѣтить, что monsieur le prêtre находится въ нѣкоторомъ духовномъ восхищеніи. Это восторженное состояніе овладѣвало патеромъ довольно рѣдко, и единственно лишь въ такихъ случаяхъ, когда ему удавалось приплетать какую-нибудь необыкновенно ловкую, по его мнѣнію, нетельку къ раскинутымъ имъ силкамъ и тенетамъ. Въ такія минуты, Заіончекъ, несмотря на всю свою желчность и сухость, одушевлялся, заносился какъ птица, какъ пламенный импровизаторъ, безпрестанно впадалъ въ открытый разладъ съ логикой, и, какъ какой-нибудь дикій вождь полчищъ несмѣтныхъ, пускалъ безъ всякаго такта въ борьбу множество нужныхъ и ненужныхъ силъ.

Впадая въ подобное расположеніе, патеръ всегда ощущалъ неотразимую потребность дать передъ кѣмъ-нибудь изъ вѣрующихъ генеральное сраженіе своимъ врагамъ, причемъ враги его—*раціоналисты*, допускались къ этимъ сраженіямъ только заочно и, разумѣется, всегда были немилосердно побиваемы на-голову.

Пепстовая ночь demi-carême не давала покоя патеру, хотя онъ и очень крѣпко, и очень рано заперся на своей мансардѣ. Кричащій, поющій, пляшущій и бѣснующійся Парижъ давалъ о себѣ знать и сюда. Парижъ не лакомился, а обжирался наслажденіями, какъ морская губка, онъ каждою своею точкою всасывалъ изъ опустившейся тьмы всю сладкую сладость грѣха и удовольствій. Заіончекъ чувство-

валъ это и не могъ себѣ представить переплета, въ который можно-бъ всунуть всѣ листы, съ записанными грѣхами этой ночи. Книга эта должна быть велика, какъ Парижъ, какъ міръ!.. Нѣтъ, больше міра, потому что міръ обновляется, а она должна быть вѣчна; ея гигантскія застежки не должны закрываться ни на одну короткую секунду, потому что и одной короткой секунды не прожить безъ грѣха тлѣнному міру.

— Какъ это такъ?.. Какъ это тамъ все? — задумалъ и, вставши, заходилъ по комнатѣ Заіончекъ.

Сердитый, онъ нѣсколько разъ вскидывалъ своими сухими глазами на темныя стекла длиннаго окна, въ пазы и щели котораго долетали съ улицъ раздражавшіе его звуки, и каждый разъ, въ каждомъ квадратѣ оконнаго переплета, ему мерещились цѣлыя группы рожъ: намалеванныхъ, накрашенныхъ, богопротивнѣйшихъ, веселыхъ рожъ въ дурацкихъ колпакахъ, зеленыхъ парикахъ и самыхъ прихотливыхъ мушкахъ.

— Да-съ, ну, такъ какъ же это тамъ все? — говорили онѣ Заіончеку, кривя губы, дергая носами и посылая ему вызывающія улыбки.

М-г le prêtre послалъ за это самъ милліонъ дьяволовъ во всемъ виноватымъ *рационалистамъ*, задернулъ ридо и заходилъ по комнатѣ еще скорѣе и еще сердитѣе.

Прошло полчаса, и Заіончекъ вдругъ выпрямился, остановился и медленно вынулъ изъ кармана фуляровый платокъ, съ выбитымъ на немъ планомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ. Прошла еще минута, и Заіончекъ просіялъ вовсе; онъ тихо высморкался (что у него въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняло улыбку), повернулся на одной ногѣ и, съ солиднѣйшимъ выраженіемъ лица, отправился къ Долинскому.

— Мнѣ очень, однакоже, нравятся вотъ эти господа,— началъ онъ, усаживаясь передъ каминомъ.

Долинскій посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Я говорю объ этихъ бѣльмистыхъ сычахъ, — продолжалъ Заіончекъ, подкинувъ въ каминъ лопатку глянцовитаго угля.—Мнѣ, я говорю, очень они нравятся съ своими *знаніями*. Вотъ именно, вотъ эти самые господа, которые про все-то знаютъ, которымъ законы природы очень извѣстны.

Заіончекъ пару секундъ помолчалъ и, приподнимаясь съ значительной миною съ кресла, воскликнулъ:

— А я имъ говорю, что *они* сычи ночные, что они луглазые, бѣльмистые сычи, которымъ ихъ бѣльма ничего не даютъ видѣть при Божьемъ свѣтѣ! Ночь! ночь имъ нужна! Вотъ тогда, когда изъ темныхъ поръ на землю выползаютъ ночные ежи, кроты слѣпые, землеройки, а въ сонномъ воздухѣ нетопыри мыгаютъ — тогда имъ жизнь, тогда имъ жизнь, канальямъ!.. И вотъ же чортъ ихъ не возьметъ и не сѣстъ вмѣсто сардинокъ!

Заіончекъ остановился въ ужасѣ надъ этимъ непростительнымъ упущеніемъ чорта.

— Прекрасная, весьма прекрасная будетъ эта минута, когда... фффуу — одно дуновенье, и передъ каждымъ вся эта картина его мерзости напишется и напишется ярко, отчетливо, безъ чернилъ, безъ красокъ и безъ всякихъ фотографій.

Долинскій молчалъ.

— Что такое *одъ*?—произнесъ протяжно съ приставленнымъ ко лбу пальцемъ Заіончекъ. — Одъ: ну, *одъ! одъ!* ну, прекрасно-съ; ну, да что же такое, наконецъ, этотъ *одъ*? Да нужно же, наконецъ, знать, *что* онъ? *откуда* онъ? *зачѣмъ* онъ? Вѣдь нельзя же такъ сказать: «*одъ* есть невѣсомое тѣло», да и ничего больше. Съ ними, съ сычей, этихъ ночныхъ, пускай и будетъ этого довольно, но отчего же это такъ и для другихъ-то должно оставаться, я васъ спрашиваю?

Заіончекъ остановился съ высоко поднятыми плечами передъ Долинскимъ. Черезъ минуту онъ сталъ медленно опускать плечи, вытянувъ впередъ руки, полузакрывъ вѣками свои сухіе глаза и, потянувшись грудью на руки, произнесъ: *вотъ онъ!*

Долинскій попрежнему смотрѣлъ на патера, совершенно спокойно.

— Въ какомъ я положеніи есть, въ такомъ онъ тончайшимъ, невѣсомымъ тѣломъ отъ меня и отдѣляется, — продолжалъ Заіончекъ. (Сказавъ это, патеръ сдѣлалъ въ молчаніи два различныя движенія руками, какъ бы отражая отъ себя куда-то два различныя изображенія; потомъ дунулъ, напряженно посмотрѣлъ вслѣдъ за своимъ дуновеніемъ и заговорилъ двумя нотами ниже). Одъ отдѣлился и летитъ;

онъ — я, но тонкое... невѣсомое. Теперь воздухъ передастъ это эонру: эонръ — далѣе. Все это летитъ, летитъ вѣка, тысячелѣтія летятъ, и по извѣстнымъ тамъ законамъ отпечатывается, наконецъ, на какой-нибудь огромной, самой далекой планетѣ. Міръ рушится; земля распадается золою; наши плотскіе глаза выгорѣли, мы видимъ далеко, и вотъ тебѣ передъ тобой *твоя картина*. Ты весь въ ней, съ тѣхъ поръ, какъ бабка перерѣзала тебѣ пуповину, до моего послѣдняго «аминь» надъ твоей могилой. Ты это?.. Нѣтъ, не отречешься; весь ты тамъ со своей исторіей. И эта ночь, и эта ночь сугубаго разврата, кровосмѣшенья и всякаго содомскаго грѣха! — вскрикнулъ громко патеръ. — Она вся тамъ печатается, нынче,—докончилъ онъ однимъ шипящимъ придыханіемъ и, вывернувъ Долинскаго за рукавъ къ окну, грозно указалъ ему на темное небо, слегка подкрашенное міріадами рожковъ горящаго въ городѣ газа.

— Вотъ какъ пишется книга! Вотъ какъ отмѣчаются слѣды всѣхъ этихъ летучихъ мышей ночныхъ, всѣхъ этихъ кротиковъ, всѣхъ этихъ землероекъ!

Сказавши это съ особымъ эффектомъ, Заіончекъ такъ же порывисто выбросилъ руку Долинскаго, какъ взялъ ее, и заходилъ по комнатѣ. Освобожденный Долинскій тотчасъ же сѣлъ верхомъ на свой стулъ и, положивъ подбородокъ на спинку, молча смотрѣлъ на патера, безъ любопытства, безъ вниманія и безъ участія.

— Да, это такъ; это несомнѣнно такъ! — утверждалъ себя въ это время вслухъ патеръ. — Да, солнце и солнца. Пространства очень много... Душамъ роскошно плавать. Онѣ всѣ смотрятъ внизъ: лица всегда спокойныя; имъ все равно... Что здѣсь дѣлается, это имъ все равно: это ихъ не тревожитъ... имъ это мерзость, гниль. Я вижу... видны мнѣ оттуда всѣ эти умники, всѣ эти конкубины, всѣ эти черви, въ гною зеленомъ, въ смрадѣ, поднимающемъ рвоту! — Мерзко!

«Да, тому, кто въ годы постоянные вошелъ, тому женская прелесть даже и скверна», мелькнуло въ головѣ Долинскаго, и вдругъ причудилась ему Москва, ея Малый театръ, купецъ Толстогораздовъ, живая жизнь съ людьми живыми, и всѣ вы, всепрощающіе, всезабывающіе, незлобивые люди русскіе, и сама ты, наша плакучая береза, наша ѳраная Русь-просторная. Всѣ вы, странныя, жгучія воспо-

маніе, все это разомъ толкнулось въ его сердце, и что-то новое, или, лучше сказать, что-то давно забытое, гдѣ-то тихо зазвенѣло ему манящими, путеводными колокольчиками.

Долинскій на мгновеніе смутился и черезъ другое такое же летучее мгновеніе невыразимо обрадовался, ощутивъ, что память его падаетъ, какъ надтреснувшая пружина, и спокойная тупость ложится по всѣмъ краямъ воображенія.

«Но, впрочемъ, это все... непонятно», подумалъ онъ сквозь сонъ, и съ наслажденіемъ почувствовалъ, что мозгъ его все крѣпче и крѣпче усваиваетъ себѣ самыя спокойныя привычки.

Долго еще патеръ сидѣлъ у Долинскаго и грѣлъ передъ его каминомъ свои толстыя, упругія ляжки; много еще разсказывалъ онъ объ одѣ, о плавающихъ душахъ, о сверхъестественныхъ явленіяхъ, и о томъ, что сверхъестественное не есть противоестественное, а есть только непонятное, и что пониманіе свое можно расширить и уяснить до безконечности, что душу и думы человѣка можно видѣть такъ же, какъ его носъ и подбородокъ. Долинскій слабо вслушивался въ весь этотъ сумбуръ и чувствовалъ, что онъ самъ уже давно не отъ міра сего, что онъ давно плыветъ въ пространствѣ, и съ краями срѣзь полонъ всяческаго равнодушія ко всему, что видитъ и слышитъ.

Но, наконецъ, усталъ и патеръ; онъ взглянулъ на свой толстый хронометръ, зѣвнулъ и, потянувшись передъ огнемъ, отправился къ своему ложу.

Какъ только Заіончекъ вышелъ за двери, Долинскій спокойно подвинулъ къ себѣ оставленную при входѣ патера книгу и началъ ее читать съ невозмутимымъ, холоднымъ вниманіемъ.

Часы въ коридорѣ пробили два.

Долинскій уже хотѣлъ ложиться въ постель, какъ въ его дверь кто-то слегка стукнулъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Искушенія.

— Кто тамъ? — тихо спросилъ Долинскій, удивленный такимъ позднимъ посѣщеніемъ.

— Мы, ваши сосѣдки,—отвѣчалъ ему такъ же тихо молодой женскій голосъ.

— Что вамъ угодно, mesdames?

— Спичку, спичку; мы возвратились съ бала и у насъ огня нѣтъ.

Долинскій отворилъ дверь.

Передъ нимъ стояли обѣ его сосѣдки, въ широкихъ панталончикахъ изъ ярко-цвѣтной тафты, обшитыхъ съ боковъ дешевенькими кружевами: въ прозрачныхъ рубашечкахъ, съ непозволительно-спущенными воротниками, и въ цвѣтныхъ шелковыхъ колпачкахъ, ухарски-заломленныхъ на туго-завитыхъ и напудренныхъ головкахъ. Въ рукахъ у одной была зажженная стеариновая свѣчка, а у другой— литръ краснаго вина и тонкая, въ аршинъ длинная, итальянская колбаса.

Не успѣлъ Долинскій выговорить ни одного слова, обѣ дѣвушки вскочили въ его комнату и весело захохотали.

— Мы пришли къ вамъ, любезный сосѣдъ, сломать съ вами постъ.—Рады вы намъ?—прощебетала m-lle Augustine.

Она поставила на столъ высокую бутылку, сѣла верхомъ на стулъ республики и, положивъ локти на его спинку, откусила большой кусокъ колбасы, выплюнула кожицу и начала усердно жевать мясо.

— Цѣломудренный Іосифъ! — воскликнула Marie, повалившись на постель Долинскаго и выкинувъ ногами неимовѣрный крендель: — хотите я вамъ представлю Жоко или бразильскую обезьяну?

Долинскій стоялъ неподвижно посреди своей комнаты. Онъ замѣтилъ, что обѣ дѣвушки пьяны, и не зналъ, что ему съ ними дѣлать.

Гризеты, смотря на него, помирали со смѣху.

— Tiens!—вы, кажется, собираетесь насъ выбросить?— спрашивала одна.

— Нѣтъ, мой другъ, онъ читаетъ молитву отъ злого духа,—утверждала другая.

— Нѣтъ... Я ничего,—отвѣчалъ растерянный Долинскій, который, дѣйствительно, думалъ о проискахъ злого духа.

— Ну, такъ садитесь. Мы веселились, плясали, ѣздили, но все-таки вспомнили: что-то дѣлаетъ нашъ бѣдный сосѣдъ?

Marie вскочила съ постели, взяла Долинскаго однимъ пальчикомъ подъ бороду, посмотрѣла ему въ глаза и сказала:

— Онъ, право, еще очень и очень годится.

— Любезенъ, какъ бѣлый медвѣдь,—отвѣчала Augustine, глотая новый кусокъ колбасы.

— Мы принесли съ собой вина и ужинъ, однѣмъ очень скучно, мы пришли къ вамъ. Садитесь,—командовала Marie и, толкнувъ Долинскаго въ кресло королевства, сама вспрыгнула на его колѣни и обняла его за шею.

— Позвольте, — просилъ ее Долинскій, стараясь снять ея руку.

— Та-та-та, совсѣмъ не нужно,—отвѣчала дѣвушка, отпихивая локтемъ его руку, а другою рукою наливая стаканъ вина и поднося его къ губамъ Долинскаго.

— Я не пью.

— Не пьешь! Cochon! не пьетъ въ demi-carême. Я на голову вылью.

Дѣвушка подняла стаканъ и слегка наклонила его на бокъ. Долинскій выхватилъ его у нея изъ рукъ и выпилъ половину. Гризета проглотила остальное и, быстро повернувшись на колѣняхъ Долинскаго, сдѣлала сладострастное движеніе головой и бровью.

— Посмотрите, какое у нея плечико,—произнесла Augustine, толкнувъ сзади голое плечо Marie къ губамъ Долинскаго.

— Tiens! я думаю, это не такъ худо въ demi-carême!— говорила она, смѣясь и глядя, какъ Marie, весело закусивъ губки, держитъ у себя подъ плечикомъ голову растерявшагося мистика.

— Пусть будетъ тьма и любовь!—воскликнула Augustine, дунувъ на свѣчу и оставляя комнату при слабѣйшемъ освѣщеніи дотлѣвшаго камина.

— Пусть будетъ свѣтъ и разумъ! — произнесъ другой голосъ, и на порогѣ показалась суровая фигура Заіончека.

Онъ былъ въ бѣлыхъ ночныхъ панталонахъ, красной вязаной фуфайкѣ и синемъ спальномъ колпакѣ. Въ одной его рукѣ была зажженая свѣча, въ другой — толстый красный шнуръ, которымъ m-r le prêtre обыкновенно подпоясывался по халату.

— Вонъ, къ ста-тысячамъ чертей отсюда, гнилыя дочери грѣха! — крикнулъ онъ на дѣвушекъ, для которыхъ всегда было страшно и ненавистно его появленіе.

Marie испугалась. Она соскользнула съ колѣнъ неподвижно сидѣвшаго Долинскаго, пируэтомъ перелетѣла его комнату и исчезла за дверью. Augustine направилась за ней. Пропуская мимо себя послѣднюю, m-r le prêtre съ

злостью очень сильно ударилъ ее шнуркомъ по тоненькимъ тафтянымъ панталончикамъ.

— Vous m'etourdissez! — подпрыгнувъ отъ боли, крикнула гризета и скрылась за подругою въ дверь своей комнаты.

— Ne faites plus de bruit! —проговорилъ у цхъ запертой двери черезъ минуту Заіончекъ.

— Pas beaucoup, pas beaucoup!—отвѣчали гризеты.

Заіончекъ зашелъ въ комнату одинокаго Долинскаго, стоявшаго надъ оставленными гризетами виномъ и колбасою.

— Я неспокоенъ былъ съ тѣхъ поръ, какъ легъ въ постель, и мой тревожный духъ во-время послалъ меня туда, гдѣ я былъ нуженъ, —проговорилъ онъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Долинскій:—я совсѣмъ не зналъ, что мнѣ съ ними дѣлать.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончилъ здѣсь совершенно поглощенный мистицизмомъ Долинскій, если бы судьбѣ не угодно было подставить Долинскому новую штуку.

Одинъ разъ, возвратясь съ урока, онъ засталъ у себя на столѣ письмо, доставленное ему по городской почтѣ.

Долинскій наморщилъ лобъ. Рука, которою былъ надписанъ конвертъ, на первый взглядъ показалась ему незнакомою, и онъ долго не хотѣлъ читать этого письма. Но, наконецъ, сломалъ печать, досталъ листокъ и остолбенѣлъ. Записка была писана несомнѣнно Анною Михайловною.

«Я вчера вечеромъ пріѣхала въ Парижъ и пробуду здѣсь всего около недѣли,—писала Долинскому Анна Михайловна. — Поэтому, если вы хотите со мною видѣться, приходите въ Hôtel Corneille, противъ Одеона, № 16. Я дома до одиннадцати часовъ утра и съ семи часовъ вечера. Во все это время я очень рада буду васъ видѣть».

Долинскій отбросилъ отъ себя эту записку, потомъ схватилъ ее и перечиталъ снова. На дворѣ былъ седьмой часъ въ исходѣ. Долинскій хотѣлъ пойти къ Заіончку, но вмѣсто того только побѣгалъ по комнатѣ, схватилъ свою шляпу и опрометью бросился къ мѣсту, гдѣ останавливается омнибусъ, проходящій по Латинскому кварталу.

Долинскій бѣжалъ по улицѣ съ сильно бьющимся сердцемъ и спирающимся дыханіемъ.

— Жизнь! жизнь! — говорилъ онъ себѣ. — Какъ давно я не чувствовалъ тебя такъ сильно и такъ близко!

Какъ только омнибусъ тронулся съ мѣста, Долинскій вдругъ посмотрѣлъ на Парижъ, какъ мы смотримъ на мѣста, которыя должны скоро покинуть; почувствовалъ себя вдругъ отрѣзаннымъ отъ Заіончека, отъ перечитанныхъ мистическихъ бредней и блѣдныхъ созданій своего больного духа. Жизнь, жизнь, ея обаятельное очарованіе снова поманило изстрадавшагося, разбитаго мистика, и, завидѣвъ на темнѣющемъ вечернемъ небѣ сѣрый силуэтъ Одеона, Долинскій вздрогнулъ и схватился за сердце.

Черезъ двѣ минуты онъ стоялъ на лѣстницѣ отеля Корнеля и чувствовалъ, что у него гнутся и дрожатъ колѣни.

«Что я скажу ей? Какъ я взгляну на нее?—думалъ Долинскій, взявшись рукою за ручку звонка у 16 №. — Можетъ-быть, лучше, если бы теперь ея не было еще дома?» разсуждалъ онъ, чувствуя, что всѣ силы его оставляютъ, и робко потянулъ колокольчикъ.

— Entrez!– произнесъ изъ номера знакомый голосъ.

Несторъ Игнатьевичъ пріотворилъ дверь и спотыкнулся.

— Не будетъ добра,—сказалъ онъ себѣ съ досадою, тревожась незабытою съ дѣтства примѣтой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Заблудшая овца и ея пастушка.

Отворивъ дверь изъ коридора, Долинскій очутился въ крошечной, чистенькой передней, отдѣленной тяжелою драпировкою отъ довольно бо́льшой, хорошо меблированной и ярко освѣщенной комнаты. Прямо противъ приподнятыхъ полосъ матеріи, раздѣлявшей номеръ, стоялъ ломберный столъ, покрытый чистою, бѣлою салфеткой; на немъ весело кипящій самоваръ и по бокамъ его двѣ стеариновыя свѣчи въ высокихъ блестящихъ шандалахъ, а за столомъ, въ глубинѣ дивана, сидѣла сама Анна Михайловна. При входѣ Долинскаго, который очень долго копался, снимая свои калоши, она выдвинула изъ-за самовара свою голову и, заслонивъ ладонью глаза, внимательно смотрѣла въ переднюю.

На Аннѣ Михайловнѣ было черное шелковое платье, съ высокимъ лифомъ и безъ всякой отдѣлки, да бѣлый воротничокъ около шеи.

Долинскій, наконецъ, показался между полами драпировки, закрылъ рукою свои глаза и остановился, какъ вкопанный.

Анна Михайловна теперь его узнала; она покраснѣла и смотрѣла на него молча.

— Я не смѣю глядѣть на тебя,—тихо произнесъ, не отнимая отъ глазъ руки, Долинскій.

Анна Михайловна не отвѣчала ни слова и продолжала съ любопытствомъ смотрѣть на его исхудавшую фигуру и ветхое коричневое пальто, на которомъ вытертые швы обозначались желто-бѣлыми полосами.

— Прости!—еще тише произнесъ Долинскій.

Съ этимъ словомъ онъ опустился на колѣни, поставилъ передъ собою свою шляпу, досталъ изъ кармана довольно грязноватый платокъ и обтеръ имъ выступившій на лбу потъ.

Анна Михайловна неспокойно поднялась съ своего мѣста и, молча, прошлась два или три раза по комнатѣ.

— Встаньте, пожалуйста,—проговорила она Долинскому.

— Прости, — проговорилъ онъ еще тише и не трогаясь съ мѣста.

— Встаньте,—сказала опять Анна Михайловна.

Долинскій медленно приподнялся и, взявъ въ руки свою шляпу, снова сталъ, опустя голову, на томъ же самомъ мѣстѣ.

Анна Михайловна во все это время не могла оправиться отъ перваго волненія. Пройдясь еще раза два по комнатѣ, она повернула къ окну и старалась незамѣтно утереть слезы.

— Не извиненія, а христіанской милости, прощенія...—началъ было снова Долинскій.

— Не надо! не надо! Пожалуйста, ни о чемъ этомъ говорить не надо!—нервно перебила его Анна Михайловна и, вынувъ изъ кармана платокъ, вытерла глаза и спокойно сѣла къ самовару.

— Что жъ вы стоите у двери?—спросила она, не смотря на Долинскаго.

Тотъ сдѣлалъ шагъ впередъ, поставилъ себѣ стулъ и сѣлъ молча.

— Какъ вы здѣсь живете? — спросила его черезъ минуту Анна Михайловна, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе.

— Худо,—отвѣчалъ Долинскій.

Анна Михайловна молча подала ему чашку чаю.

— И давно вы здѣсь?—спросила она послѣ новой паузы.

— Скоро полтора года.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

Долинскій подумалъ, чѣмъ онъ занимается, и отвѣчалъ:

— Даю уроки.

— Мы съ Ильей Макарычемъ о васъ долго справлялись; нѣсколько разъ писали вамъ въ Ниццу, письма приходили назадъ.

— Да меня тамъ, вѣрно, ужъ не было.

— Илья Макарычъ кланяется вамъ,—сказала Анна Михайловна послѣ паузы.

— Спасибо ему,—отвѣчалъ Долинскій.

— Вашъ редакторъ нѣсколько разъ о васъ спрашивалъ Илью Макарыча.

— Богъ съ ними со всѣми.

Анна Михайловна посмотрѣла на испитое лицо Долинскаго и, остановивъ глаза на бѣломъ пнѣ его рукава, сказала:

— Какъ вы бережливы! Это у васъ еще петербургское пальто?

— Да, очень прочная матерія,—отвѣчалъ Долинскій.

Анна Михайловна посмотрѣла на него еще пристальнѣе и спросила:

— Не хотите ли вы стаканъ вина?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не пью вина.

— Можетъ-быть, рому къ чаю?

Долинскій взглянулъ на нее и отвѣтилъ:

— Вы, можетъ-быть, подозрѣваете, что я началъ пить?

— Нѣтъ, я такъ просто спросила, — сказала Анна Михайловна и покраснѣла.

Долинскій видѣлъ, что онъ отгадалъ ея мысль, и спокойно добавилъ:

— Я ничего не пью.

— Скажи же, пожалуйста, отчего ты такъ... похудѣлъ, постарѣлъ... опустился?

— Горе, тоска меня съѣли.

Анна Михайловна покатала въ пальцахъ хлѣбный шарикъ и, повертывая его въ двухъ пальцахъ передъ свѣчкою, сказала:

— Невозвратимаго ни воротить, ни поправить невозможно.

— Я не знаю, что̀ съ собой дѣлать? Что̀ мнѣ дѣлать, чтобы примирить себя съ собою?

Анна Михайловна пожала плечами и опять продолжала катать шарикъ.

— Я бѣгу отъ людей, бѣгу отъ мѣстъ, которыя напоминаютъ мнѣ мое прошлое; я самъ чувствую, что я не человѣкъ, а такъ, какая-то могила... трупъ. Во мнѣ уснула жизнь, я ничего не желаю, но мои несносныя муки, мои терзанія!..

— Что же васъ особенно мучитъ? — спросила, не сводя съ него глазъ, Анна Михайловна.

— Все... вы, она... мое собственное ничтожество, и...

— И что?

— И всего мнѣ жаль порой, всего жаль: скучно, холодно одному на свѣтѣ...—проговорилъ Долинскій съ болѣзненной гримасой въ лицѣ и досадой въ голосѣ.

— Не будемъ говорить объ этомъ. Прошлаго ужъ не воротишь. Разсказывайте лучше, какъ вы живете?

Долинскій коротко разсказалъ про свое однообразное житье, умолчалъ, однако, о Заіончекѣ и обществѣ соединенныхъ христіанъ.

— Ну, а впередъ?

— Впередъ?

Долинскій развелъ руками и проговорилъ:

— Можетъ-быть, то же самое.

— Утѣшительно!

— Это все равно: хорошаго гдѣ взять?

Анна Михайловна промолчала.

— Чего-жъ вы не возвращаетесь въ Россію?—спросила она его черезъ нѣсколько минутъ.

— Зачѣмъ?

— Какъ, зачѣмъ? Вѣдь вы, я думаю, русскій.

— Да, можетъ-быть, я и возвращусь... когда-нибудь.

— Зачѣмъ же когда-нибудь! Поѣдемте вмѣстѣ.

— Съ вами? А вы скоро ѣдете?

— Черезъ нѣсколько дней.

— Вы пріѣхали за покупками?

— Да, и за вами, — улыбнувшись, отвѣчала Анна Михайловна.

Долинскій, потупясь, смотрѣлъ себѣ на ногти.

— Пора, пора вамъ вернуться.

— Дайте подумать,—отвѣчалъ онъ, чувствуя, что сердце его забилось не совсѣмъ обыкновеннымъ боемъ.

— Нечего и думать. Никакое прошлое не поправляется хандрою, да чудачествомъ. Отряхнитесь, оправьтесь, станьте на ноги: вѣдь на васъ жаль смотрѣть.

Долинскій вздохнулъ и сказалъ:

— Спасибо вамъ.

— Я завтра, можетъ-быть, пришелъ бы къ вамъ утромъ,— говорилъ онъ, прощаясь.

— Разумѣется, приходите.

— Часовъ въ восемь... можно?

— Да, конечно, можно, отвѣчала Анна Михайловна.

Проводивъ Долинскаго до дверей, она вернулась и стала у окна. Черезъ минуту на улицѣ показался Долинскій. Онъ вышелъ на середину мостовой, сдѣлалъ шагъ и остановился въ раздумьѣ; потомъ перешагнулъ еще разъ и опять остановился и вынулъ изъ кармана платокъ. Вѣтеръ рванулъ у него изъ рукъ этотъ платокъ и покатилъ его по улицѣ. Долинскій какъ бы не замѣтилъ этого и тихо побрелъ далѣе. Анна Михайловна еще часа два ходила по своей комнатѣ и говорила себѣ:

— Бѣдный! бѣдный, какъ онъ страдаетъ!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Рѣшительный шагъ.

Долинскій провелъ у Анны Михайловны два дня. Аккуратно онъ являлся съ первымъ омнибусомъ въ восемь часовъ утра и уѣзжалъ домой съ послѣднимъ въ половинѣ двѣнадцатаго. Долинскаго не оставляла его давнишняя задумчивость, но онъ сталъ замѣтно спокойнѣе и даже минутами оживлялся. Однако, оживленность эта была непродолжительною: она появлялась неожиданно, какъ бы въ минуты забвенія, и исчезала такъ же быстро, какъ-будто по повелѣнію какого-то призрака, проносившагося передъ тревожными глазами Долинскаго.

— Когда мы ѣдемъ? — спрашивалъ онъ въ волненіи на третій день пребыванія Анны Михайловны въ Парижѣ.

— Дня черезъ два, — отвѣчала ему спокойно Анна Михайловна.

— Скорѣй бы!

— Это не далеко, кажется?

Долинскій хрустнулъ пальцами.

— Вы не боитесь ли раздумать? — спросила его Анна Михайловна.

— Я!.. Нѣтъ, съ какой же стати раздумать?

— То-то.

— Мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

«А что я буду дѣлать тамъ? Какое мое положеніе? Послѣ всего того, что было, чѣмъ должна быть для меня эта женщина! — размышлялъ онъ, глядя на ходящую по комнатѣ Анну Михайловну.—Чѣмъ она для меня можетъ быть?.. Нѣтъ, не чѣмъ *можетъ*, а чѣмъ она должна быть? А почему же именно должна?.. Опять все какая-то путаница!»

Долинскій тревожно всталъ и простился съ Анной Михайловной.

— До утра,—сказала она ему.

— До утра, — отвѣчалъ онъ, холодно и почтительно цѣлуя ея руку.

Войдя въ свою комнату, Долинскій, не зажигая огня, бросилъ шляпу и повалился впотьмахъ совсѣмъ одѣтый въ постель.

— Нѣтъ, — воскликнулъ онъ часа черезъ два, быстро вскочивъ съ постели. — Нѣтъ! нѣтъ! Я знаю тебя; я знаю, я знаю тебя, змѣиная мысль!—повторялъ онъ въ ужасѣ и, выскочивъ изъ своей комнаты, постучался въ двери Заіончека.

— Помогите мнѣ, спасите меня!—сказалъ онъ, бросаясь къ патеру.

— Чтобы лѣчить язвы, прежде надо ихъ видѣть, — проговорилъ Заіончекъ, торопливо вставая съ постели. — Открой мнѣ свою душу.

Долинскій разсказалъ о всемъ случившемся съ нимъ въ эти дни.

— Отецъ мой! Отецъ мой! — повторилъ онъ, заплакавъ и ломая руки:—я не хочу лгать... въ моей груди... теперь, когда лежалъ я одинъ на постели, когда я молился, когда я звалъ къ себѣ на помощь Бога... Ужасно!.. Мнѣ показалось... я почувствовалъ, что *жить хочу*, что мертвое все умерло совсѣмъ; что нѣтъ его нигдѣ, и эта женщина живая... для меня дороже неба; что я люблю ее гораздо больше, чѣмъ мою душу, чѣмъ даже...

— Глупецъ!—рѣзкимъ, змѣинымъ придыханіемъ шепнулъ Заіончекъ, зажимая ротъ Долинскому своей рукою.

— Нѣтъ силъ... страдать... терпѣть и ждать... чего? чего,

скажите? Мой умъ погибъ, и самъ я гибну... Неужто-жъ это жизнь? Вѣдь дьяволъ такъ не мучится, какъ измучилъ себя я въ этомъ тѣлѣ!

— Дрянная персть земная непокорна.

— Нѣтъ, я покоренъ.

— А путь готовъ давно.

— И гдѣ же онъ?

— Онъ?.. Пойдемъ, я покажу его: путь вѣрный примириться съ жизнью.

— Нѣтъ, убѣжать отъ ней...

— И убѣжать ея.

Долинскій только опустилъ голову.

Черезъ полчаса меркнущіе фонари Батиньеля короткими мгновеніями освѣщали двѣ торопливо шедшія фигуры: одна изъ нихъ, сильная и тяжелая, принадлежала Заіончеку; другая слабая и колеблющаяся—Долинскому.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Кто въ чемъ остался.

Анна Михайловна напрасно ждала Долинскаго и утромъ, и къ обѣду, и къ вечеру. Его не было цѣлый день. На другое утро она написала ему записку и ждала къ вечеру отвѣта или, лучше сказать, она ждала самого Долинскаго. Ожиданія были напрасны. Прошелъ еще цѣлый день — не приходило ни отвѣта, не бывалъ и самъ Долинскій, а по условію, вечеромъ слѣдующаго дня, нужно было выѣзжать въ Россію.

Анна Михайловна находилась въ большомъ затрудненіи. Часу въ восьмомъ вечера она надѣла бурнусъ и шляпу, взяла фіакръ и велѣла ѣхать на Батиньель.

Съ большимъ трудомъ она отыскала квартиру Долинскаго и постучалась у его двери. Отвѣта не было. Анна Михайловна постучала второй разъ. Въ темный коридоръ отворилась дверь изъ № 10-го и на порогѣ показался во всю свою нелѣпую вышину m-r le prêtre Zaionczek.

— Что вамъ здѣсь нужно?—сердито спросилъ онъ Анну Михайловну по-русски, произнося каждое слово съ особеннымъ твердымъ удареніемъ.

— Мнѣ нужно господина Долинскаго.

— Его нѣтъ здѣсь: онъ здѣсь не живетъ, — отвѣчалъ патеръ.

— Гдѣ же онъ живетъ?

Патеръ сдѣлалъ шагъ назадъ въ свою комнату и, ткнувъ въ руки Аннѣ Михайловнѣ какую-то бумажку, сказалъ:

— Отправляйтесь-ка домой.

Дверь номера захлопнулась, и Анна Михайловна осталась одна въ грязномъ коридорѣ, слабо освѣщенномъ подслѣповатою плошкою. Она разорвала конвертъ и подошла къ огню. При трепетномъ мерцаніи плошки нельзя было прочесть ничего, что̀ написано блѣдными чернилами.

Анна Михайловна нетерпѣливо сунула въ карманъ бумажку, сѣла въ фіакръ и велѣла ѣхать домой.

Въ своемъ номерѣ она зажгла свѣчу и, держа въ дрожащихъ рукахъ бумажку, прочла: «Я не могу ѣхать съ вами. Не ожидайте меня и не ищите. Я сегодня же оставляю Францію и буду далеко молиться о васъ и о мірѣ».

Анна Михайловна осталась на одномъ мѣстѣ, какъ остолбенѣлая. На другой день ея уже не было въ Парижѣ.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Анна Михайловна попрежнему жила и хозяйничала въ Петербургѣ. О Долинскомъ не было ни слуха, ни духа.

За Анной Михайловной многіе пріударяли самымъ серьезнымъ образомъ и, наконецъ, одинъ статскій совѣтникъ предлагалъ ей свою руку и сердце. Анна Михайловна ко всѣмъ этимъ исканіямъ оставалась совершенно равнодушною. Она до сихъ поръ очень хороша и ведетъ жизнь совершенно уединенную. Ее можно видѣть только въ магазинѣ или во Владимірской церкви за раннею обѣднею.

Анна Анисимовна съ своими дѣтьми живетъ у Анны Михайловны въ бывшихъ комнатахъ Долинскаго. Отношенія ихъ съ Анной Михайловной самыя дружескія. Анна Анисимовна никогда ничего не говоритъ хозяйкѣ ни о Дорушкѣ, ни о Долинскомъ, но каждое воскресенье приноситъ съ собою отъ ранней обѣдни вынутую заупокойную просфору. Долинскаго она терпѣть не можетъ, и при каждомъ случайномъ воспоминаніи о немъ, лицо ея судорожно передвигается и принимаетъ выраженіе суровое, даже мстительное.

M-lle Alexandrine тоже попрежнему живетъ у Анны Михайловны, и нынче больше, чѣмъ когда-нибудь, считаетъ свою хозяйку совершенною дурою.

Илья Макаровичъ нимало не измѣнился. Онъ по-старому льетъ пули и суетится. Глядя на Анну Михайловну, какъ она, при всемъ желаніи казаться счастливою и спокойною, часто живетъ ничего не видя и не слыша и по цѣлымъ часамъ сидитъ задумчиво, склонивъ голову на руку, онъ часто повторяетъ себѣ:

— За что, про что только все это развѣялось и пропало?

— Да полюбите вы кого-нибудь! — говоритъ онъ иногда, подмѣчая несносную тоску въ глазахъ Анны Михайловны.

— Погодите еще, сѣдого волоса жду, — отвѣчаетъ она, стараясь улыбаться.

Жена Долинскаго живетъ на Арбатѣ въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ и держитъ въ рукахъ своего сѣдого благодѣтеля. Викторинушку выдали замужъ за вдоваго квартальнаго. Она пожила годъ съ мужемъ, овдовѣла и снова вышла за молодого врача больницы, учрежденной какимъ-то «человѣколюбивымъ обществомъ», которое Матроска безъ всякой задней мысли называетъ обыкновенно «самолюбивымъ обществомъ». Сама же Матроска состоитъ у старшей дочери въ ключницахъ; зять-лѣкарь не пускаетъ ее къ себѣ на порогъ.

Вырвичъ и Шпандорчукъ, благодаря Бога, живы и здоровы. Они теперь служатъ гайдуками, или держимордами при какомъ-то приставѣ исполнительныхъ дѣлъ по вѣдомству нигилистической полиціи, и уже были два раза въ дѣлѣ, а за третьимъ, слышно, будутъ отправлены въ смирительный домъ. Имена ихъ, вѣроятно, передадутся исторіи, такъ какъ они впервые запротестовали противъ уничтоженія въ Россіи тѣлеснаго наказанія и считаютъ его одною изъ необходимыхъ мѣръ нравственнаго исправленія. Положеніе этихъ людей вообще самое нерадостное; Дорушкино предсказаніе надъ ними сбывается: они рѣшительно не знаютъ, за что имъ зацѣпиться и на какой колоколъ себя повѣсить. Взять тягло въ толокѣ житейской — руки ихъ лѣнивы и слабы; міряне ихъ не замѣчаютъ; «мыслящіе реалисты», къ которымъ они жмутся и которыхъ увѣряютъ въ своей съ ними солидарности, тоже сторонятся отъ нихъ и чураются. Стоятъ эти бѣдные, «заплаканные» люди въ сторонѣ ото всего живого, стоятъ потерянно, какъ тѣ іудейскіе воины, которыхъ вождь покинулъ у потока и повелъ впередъ только однихъ локавшихъ по-песьи. Стоять

они даже не ожидая, что къ нимъ придетъ новый Гедеонъ, который выжметъ передъ ними руно и разобьетъ водоносъ свой, а растерявшись измышляютъ только, какъ бы еще что-нибудь почуднѣе выкинуть въ своей старой, нигилистической куркѣ.

Вѣра Сергѣевна Онучина возбуждаетъ всеобщую зависть и удивленіе. Она нынче одна изъ блистательнѣйшихъ дамъ самаго представительнаго русскаго посольства. Мужа своего она терпѣть не можетъ, но и весьма равнодушно относится ко всѣмъ искательствамъ свѣтскихъ львовъ и онагровъ. По столичной хроникѣ, ея теплымъ вниманіемъ до сихъ поръ пользуется только одинъ primo tenore итальянской оперы. Что будетъ далѣе—пока неизвѣстно. Серафима Григорьевна читаетъ сочиненія аббата Гёте и проклинаетъ Ренана. Кириллъ Сергѣевичъ сдѣлался туристомъ. Онъ объѣхалъ западный берегъ Африки и путешествовалъ по всей Америкѣ. Недавно онъ возвратился въ Петербургъ и привезъ первое и послѣднее извѣстіе о Долинскомъ. Онучинъ видѣлъ Нестора Игнатьича съ іезуитскими миссіонерами въ Парагваѣ. По словамъ Кирилла Сергѣевича, на всѣ вопросы, которые онъ дѣлалъ Долинскому, тотъ съ ненарушимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ только: «memento mori!»

Пара строкъ вмѣсто эпилога.

Хищная возвратная горячка, вычеркнувшая прошедшею зимою такъ много человѣческихъ именъ изъ списка живыхъ питерщиковъ, отвела сажень приневской тундры для синьоры Луизы. Безпокойная подруга Ильи Макаровича улеглась на вѣчный покой въ холодной могилѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, оставивъ художнику пятилѣтняго сына, восьмилѣтнюю дочь и вексель, взятый ею когда-то въ обезпеченіе себѣ вѣрной любви до гроба. Илья Макаровичъ совсѣмъ засуетился съ сиротами и надѣлалъ бы Богъ-вѣсть какой чепухи, если бы въ спасеніе дѣтей не вступилась Анна Михайловна. Она взяла ихъ къ себѣ и возится съ ними какъ лучшая мать. Илья Макаровичъ прибѣгаетъ теперь сюда каждый день взглянуть на своихъ ребятокъ, восторгается ими, поучаетъ ихъ любви и почтенію къ Аннѣ Михайловнѣ; цѣлуетъ ихъ черненькія головенки и нерѣдко плачетъ надъ ними. Онъ совсѣмъ не можетъ сладить съ

теперешнимъ своимъ одиночествомъ и, по собственному его выраженію, «нудится жизнью», скучаетъ ею. Недавно читатель совершенно удобно можетъ вообразить, что это было вчера вечеромъ), Илья Макаровичъ явился къ Аннѣ Михайловнѣ съ лицомъ блѣднымъ, озабоченнымъ и серьезнымъ.

— Что̀ съ вами, милый Илья Макаровичъ? — спросила его съ своимъ всегдашнимъ теплымъ участіемъ Анна Михайловна, трогаясь рукою за плечо художника.

Илья Макаровичъ быстро поцѣловалъ ея руку, отбѣжалъ въ сторону и заморгалъ.

— Что̀ съ вами такое сегодня? — переспросила, снова подходя къ нему и кладя ему на плечи свои ласковыя руки, Анна Михайловна.

— Со мной-съ?.. Со мной, Анна Михайловна, ничего. Со мной то же, что̀ со всѣми: скучно очень.

Анна Михайловна тихо покачала головою и тихо сказала:

— Не весело; это правда.

— Анна Михайловна! — началъ, быстро оправляясь, художникъ:—у насъ ужъ такіе годы, что...

— Изъ ума выживать пора?

— Ахъ, нѣтъ-съ! то-то именно нѣтъ-съ. Въ наши годы можно о себѣ серьезнѣй думать. Просто разбитые мы всѣ люди: ни счастья у насъ, ни радостей у насъ, утромъ ждешь вечера, съ вечера ночь къ утру торопишь, жить ни при чемъ, а руки на себя наложить подло. Это что же это такое? Это просто терзанье, а не жизнь.

Тихая улыбка улетѣла съ лица Анны Михайловны, и она смотрѣла въ глаза художнику очень серьезно.

— А между тѣмъ... знаете что̀, Анна Михайловна... Не разсердитесь только вы Христа-ради?

— Я никогда не сержусь.

— Будьте матерью моимъ дѣтямъ: выйдите за меня замужъ, ей-Богу, ей-Богу я буду... хорошимъ человѣкомъ,— проговорилъ со страхомъ и надеждою Журавка и сильно прижалъ къ дрожащимъ и теплымъ губамъ Анны Михайловнину руку.

Анна Михайловна смотрѣла на художника попрежнему тихо и серьезно.

— Илья Макарычъ! — начала она ему послѣ минутной паузы. — Во-первыхъ, вы ободритесь и не конфузьтесь. Не

жалѣйте, пожалуйста, что вы мнѣ это сказали (она взяла его ладонью подъ подбородокъ и приподняла его опущенную голову). Вы ничѣмъ меня не обрадовали, но и ничѣмъ не обидѣли: сердиться на васъ мнѣ не за что; но только оставьте вы это, мой милый; оставьте объ этомъ думать.

— Да вѣдь я-жъ бы любилъ васъ!—произнесъ совсѣмъ сквозь слезы Журавка, сжимая между своими руками руку Анны Михайловны и цѣлуя концы ея пальцевъ.

— Знаю, знаю, Илья Макарычъ, и вѣрю вамъ,—отвѣчала Анна Михайловна, материнскн лаская его голову.

— Вѣдь выходятъ же замужъ и...—художникъ остановился.

— *Не любя*,—досказала Анна Михайловна.—Да, милый Илья Макарычъ, выходятъ, и очень-очень дурно дѣлаютъ. Неужто вы хвалите тѣхъ, которыя такъ выходятъ?

— Нѣтъ... это я... такъ сказалъ,—отвѣчалъ, глотая слезы, Журавка.

— Такъ сказали? Да, я увѣрена, что вы въ эту минуту обо мнѣ не подумали. Но скажите же теперь, мой другъ, если вы нехорошаго мнѣнія о женщинахъ, которыя выходятъ замужъ *не любя* своего будущаго мужа, — то какого же вы были бы мнѣнія о женщинѣ, которая выйдетъ замужъ, любя не того, кого она будетъ называть мужемъ?

— Но вѣдь *его* нѣту; *онъ пропалъ*... погибъ.

— Погибшіе еще болѣе жалки.

— Да нѣтъ же, поймите вы, что вѣдь нѣтъ его совсѣмъ на свѣтѣ,—говорилъ, плача какъ ребенокъ, Журавка.

Анна Михайловна слегка наморщила брови и впервые въ жизни едва не разсердилась. Она положила свою руку на темя Ильи Макаровича, порывисто придвинула его ухо къ своему сердцу и сказала:

— Слышите? Это *онъ* стучитъ тамъ своимъ дорожнымъ посохомъ.

НА КРАЮ СВѢТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раннимъ вечеромъ, на святкахъ, мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ большой голубой гостиной архіерейскаго дома. Насъ было семь человѣкъ, восьмой нашъ хозяинъ, тогда уже весьма престарѣлый архіепископъ, больной и немощный. Гости были люди просвѣщенные и между ними шелъ интересный разговоръ о нашей вѣрѣ и о нашемъ невѣріи, о нашемъ проповѣдничествѣ въ храмахъ и о просвѣтительныхъ трудахъ нашихъ миссій на Востокѣ. Въ числѣ собесѣдниковъ находился нѣкто флота-капитанъ Б., очень добрый человѣкъ, но большой нападчикъ на русское духовенство. Онъ твердилъ, что наши миссіонеры совершенно неспособны къ своему дѣлу, и радовался, что правительство разрѣшило теперь трудиться на пользу Слова Божія чужеземнымъ евангелическимъ пасторамъ. Б. выражалъ твердую увѣренность, что эти проповѣдники будутъ у насъ имѣть огромный успѣхъ не среди однихъ евреевъ и докажутъ, какъ два и два—четыре, неспособность русскаго духовенства къ миссіонерской проповѣди.

Нашъ почтенный хозяинъ, въ продолженіе этого разговора, хранилъ глубое молчаніе: онъ сидѣлъ съ покрытыми пледомъ ногами въ своемъ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ и, повидимому, думалъ о чемъ-то другомъ; но когда Б. кончилъ, старый владыка вздохнулъ и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, господа, что вы господина капитана напрасно бы стали оспаривать; я думаю, что онъ правъ: чужеземные миссіонеры положительно должны имѣть у насъ большой успѣхъ.

— Я очень счастливъ, владыко, что вы раздѣляете мое мнѣніе,—отвѣчалъ капитанъ Б. и, сдѣлавъ вслѣдъ за симъ нѣсколько самыхъ благопристойныхъ и тонкихъ комплиментовъ извѣстной образованности ума и благородству характера архіерея, добавилъ:

— Ваше высокопреосвященство, разумѣется, лучше меня знаете всѣ недостатки русской Церкви, гдѣ, конечно, среди духовенства есть люди и очень умные, и очень добрые,—я этого никакъ не стану оспаривать, но они едва ли понимаютъ Христа. Ихъ положеніе и прочее... заставляетъ ихъ толковать все... слишкомъ узко.

Архіерей посмотрѣлъ на него, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, господинъ капитанъ, скромность моя не оскорбится признать, что я, можетъ-быть, не хуже васъ знаю всѣ скорби Церкви; но справедливость была бы оскорблена, если бы я рѣшился признать вмѣстѣ съ вами, что въ Россіи Господа Христа понимаютъ менѣе, чѣмъ въ Тюбингенѣ, Лондонѣ или Женевѣ.

— Объ этомъ, владыко, еще можно спорить.

Архіерей снова улыбнулся и сказалъ:

— А вы, я вижу, охочи спорить. Что съ вами дѣлать! Отъ спора мы воздержимся, а бесѣдовать—давайте.

И съ этимъ словомъ онъ взялъ со стола большой, богато украшенный рѣзьбою изъ слоновой кости, альбомъ и, раскрывъ его, сказалъ:

— Вотъ нашъ Господь!—Зову васъ посмотрѣть! Здѣсь я собралъ много изображеній Его лица. Вотъ Онъ сидитъ у кладезя съ женой самаритянской — работа дивная; художникъ, надо думать, понималъ и лицо, и моментъ.

— Да; мнѣ тоже кажется, владыко, что это сдѣлано съ понятіемъ,—отвѣчалъ Б.

— Однако, нѣтъ ли здѣсь въ Божественномъ лицѣ излишней мягкости? не кажется ли вамъ, что Ему ужъ слишкомъ все равно, сколько эта женщина имѣла мужей и что нынѣшній мужъ ей не мужъ?

Всѣ молчали; архіерей это замѣтилъ и продолжалъ:

— Мнѣ кажется, сюда немного строгаго вниманія было бы чертой нелишнею.

— Вы правы, можетъ-быть, владыко.

— Распространенная картина; мнѣ доводилось ее часто видѣть по преимуществу у дамъ. Посмотримъ далѣе. Опять

великій мастеръ. Христа цѣлуетъ здѣсь Іуда. Какъ кажется вамъ здѣсь Господень ликъ? Какая сдержанность и доброта! Не правда ли? Прекрасное изображеніе!

— Прекрасный ликъ!

— Однако, не слишкомъ ли много здѣсь усилія сдерживаться? Смотрите: лѣвая щека, мнѣ кажется, дрожитъ и на устахъ какъ бы гадливость.

— Конечно, это есть, владыко.

— О, да; да вѣдь Іуда ея ужъ, разумѣется, и стоилъ; и рабъ, и льстецъ — онъ очень могъ ее вызвать у всякаго... только, впрочемъ, не у Христа, Который ничѣмъ не брезговалъ, а всѣхъ жалѣлъ. Ну, мы этого пропустимъ; Онъ насъ, кажется, не совсѣмъ удовлетворяетъ, хотя я знаю одного большого сановника, который мнѣ говорилъ, что онъ удачнѣе этого изображенія Христа представить себѣ не можетъ. Вотъ вновь Христосъ и тоже кисть великая писала. — Тиціанъ: передъ Господомъ стоитъ коварный фарисей съ динаріемъ. Смотрите-ка: какой лукавый старецъ, но Христосъ... Христосъ... Охъ, я боюсь! смотрите: нѣтъ ли тутъ презрѣнія на Его лицѣ?

— Оно и быть могло, владыко!

— Могло, не спорю: старецъ гадокъ; но я, молясь, такимъ себѣ не мыслю Господа и думаю, что это неудобно? Не правда ли?

Мы отвѣчали согласіемъ, находя, что представлять лицо Христа въ такомъ выраженіи неудобно, особенно вознося къ Нему молитвы.

— Совершенно съ вами въ этомъ согласенъ, и даже припоминаю себѣ объ этомъ споръ мой нѣкогда съ однимъ дипломатомъ, которому *этотъ* Христосъ только и нравился; но, впрочемъ, что же?.. моментъ дипломатическій. Но пойдемте далѣе: вотъ тутъ уже, съ этихъ мѣстъ у меня начинаются одинокія изображенія Господа, безъ сосѣдей. Вотъ вамъ снимокъ съ прекрасной головы скульптора Кауера: хорошъ, хорошъ! — ни слова; но мнѣ, воля ваша, эта академическая голова напоминаетъ гораздо менѣе Христа, чѣмъ Платона. Вотъ Онъ, еще... какой страдалецъ... какой ужасный видъ придалъ Ему Метсу!.. Не понимаю, зачѣмъ онъ Его такъ избилъ, изсѣкъ и искровянилъ?.. Это, право, ужасно! Опухли вѣки, кровь и синяки... весь духъ, кажется, изъ Него выбитъ и на одно страдающее тѣло ужъ смотрѣть

даже страшно... Перевернемъ скорѣй. Онъ тутъ внушаетъ только состраданіе, и ничего болѣе. — Вотъ вамъ Лафонъ, можетъ-быть, и небольшой художникъ, да на многихъ нынче хорошо потрафилъ; онъ, какъ видите, понялъ Христа иначе, чѣмъ всѣ предыдущіе, и иначе Его себѣ и намъ представилъ: фигура стройная и привлекательная, ликъ добрый, голубиный, взглядъ подъ чистымъ лбомъ, и какъ легко волнуются здѣсь кудри: тутъ локоны, тутъ эти пѣтушки, крутясь, легли на лбу. Красиво, право! а на рукѣ Его пылаетъ сердце, обвитое терновою лозою. Это «Sacré coeur», что отцы іезуиты проповѣдуютъ; мнѣ кто-то сказывалъ, что они и вдохновляли сего господина Лафона чертить это изображеніе; но оно, впрочемъ, нравится и тѣмъ, которые думаютъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ отцами іезуитами. Помню, мнѣ какъ-то разъ, въ лютый морозъ, довелось заѣхать въ Петербургѣ къ одному русскому князю, который показывалъ мнѣ чудеса своихъ палатъ, и вотъ тамъ, не совсѣмъ на мѣстѣ — въ зимнемъ саду, я увидѣлъ впервые этого Христа. Картина въ рамочкѣ стояла на столѣ, передъ которымъ сидѣла княгиня и мечтала Прекрасная была обстановка: пальмы, аурумы, бананы, шебечутъ и порхаютъ птички, и она мечтаетъ. О чемъ? Она мнѣ сказала:—«ищетъ Христа». Я тогда и всмотрѣлся въ это изображеніе. Дѣйствительно, смотрите, какъ Онъ эффектно выходитъ, или, лучше сказать, износится изъ этой тьмы; за Нимъ ничего: ни этихъ пророковъ, которые докучали всѣмъ, бѣгая въ своихъ лохмотьяхъ и цѣпляясь даже за царскія колесницы,— ничего этого нѣтъ, а только тьма... тьма фантазіи. Эта дама,—пошли ей Богъ здоровья,—первая мнѣ и объяснила тайну, какъ находить Христа, послѣ чего я и не спорю съ господиномъ капитаномъ, что иностранные проповѣдники у насъ не однимъ жидамъ Его покажутъ, а всѣмъ, кому хочется, чтобы Онъ пришелъ подъ пальмы и бананы слушать канареекъ. Только Онъ ли туда придетъ? Не пришелъ бы подъ Его слѣдъ кто другой къ нимъ? Признаюсь вамъ, я этому щеголеватому канареечному Христу охотно предпочелъ бы вотъ эту жидоватую главу Гверчино, хотя и она говоритъ мнѣ только о добромъ и восторженномъ раввинѣ, котораго, по опредѣленію господина Ренана, можно было любить и съ удовольствіемъ слушать... И вотъ вамъ, сколько пониманій и представленій о Томъ, Кто одинъ всѣмъ намъ

на потребу! Закроемъ теперь все это и обернитесь къ углу, къ которому стоите спиною: опять ликъ Христовъ и уже на сей разъ это именно не лицо,—а ликъ. Типическое русское изображеніе Господа: взглядъ прямъ и простъ, темя возвышенное, что, какъ извѣстно, и по системѣ Лафатера означаетъ способность возвышеннаго богопочтенія; въ ликѣ есть выраженіе, но нѣтъ страстей. Какъ достигали такой прелести изображенія наши старые мастера?—это осталось ихъ тайной, которая и умерла вмѣстѣ съ ними и съ ихъ отверженнымъ искусствомъ. Просто—до невозможности желать простѣйшаго въ искусствѣ: черты чуть слегка означены, а впечатлѣніе полно; мужиковатъ Онъ, правда, но при всемъ томъ Ему подобаетъ поклоненіе, и какъ кому угодно, а по-моему, нашъ простодушный мастеръ лучше всѣхъ *понялъ*—Кого ему надо было написать. Мужиковатъ Онъ, повторяю вамъ, и въ зимній садъ Его не позовутъ послушать канареекъ, да что бѣды! — гдѣ Онъ какимъ открылся, тамъ такимъ и ходитъ; а къ намъ зашелъ Онъ въ рабьемъ зракѣ и такъ и ходитъ, не имѣя, гдѣ главы приклонить отъ Петербурга до Камчатки. Знать Ему это нравится принимать съ нами поношенія отъ тѣхъ, кто пьетъ кровь Его и ее же проливаетъ. И вотъ, въ эту же мѣру, въ какую, по-моему, проще и удачнѣе наше народное искусство поняло внѣшнія черты Христова изображенія, и народный духъ нашъ, можетъ-быть, ближе къ истинѣ постигъ и внутреннія черты Его характера. Не хотите ли, я вамъ разскажу нѣкоторый, можетъ-быть не лишенный интереса, анекдотъ на этотъ случай.

— Ахъ, сдѣлайте милость, владыко; мы всѣ васъ просимъ объ этомъ!

— А, просите?—такъ и прекрасно: тогда и я васъ прошу слушать и не перебивать, что я начну сказывать довольно издали.

Мы откашлянулись, поправились на мѣстахъ, чтобы не шевелиться, и архіерей началъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Мы должны, господа, мысленно перенестись за много лѣтъ назадъ: это будетъ относиться къ тому времени, когда я еще, можно сказать, довольно молодымъ человѣкомъ, былъ поставленъ во епископы, въ весьма отдаленную си-

бирскую епархію. Я былъ отъ природы нрава пылкаго и любилъ, чтобы у меня было много дѣла, а потому не только не опечалился, а даже очень обрадовался этому дальнему назначенію. Слава Богу, думалъ я, что мнѣ хотя для начала-то выпало на долю не только ставленниковъ стричь, да пьяныхъ дьячковъ разбирать, а настоящее живое дѣло, которымъ можно съ любовію заняться. Я разумѣлъ именно то наше малоуспѣшное миссіонерство, о которомъ господинъ капитанъ изволилъ вспомнить въ началѣ нашей сегодняшней бесѣды. Ѣхалъ я къ своему мѣсту, пылая рвеніемъ и съ планами самыми обширными, и сразу же было и всю свою энергію остудилъ и, что еще важнѣе, — чуть-чуть было самаго дѣла не перепортилъ, если бы мнѣ не данъ былъ спасительный урокъ въ одномъ чудесномъ событіи.

— Чудесное!—воскликнулъ кто-то изъ слушателей, позабывъ условіе не перебивать разсказа; но нашъ снисходительный хозяинъ за это не разсердился и отвѣчалъ:

— Да, господа, обмолвясь словомъ, могу его не брать назадъ: въ томъ, что со мною случилось и о чемъ началъ вамъ разсказывать—не безъ чудесъ, и чудеса эти начали мнѣ являться чуть не съ самаго перваго дня моего прибытія въ мою полудикую епархію. Первое дѣло, съ котораго начинаетъ свою дѣятельность русскій архіерей, куда бы онъ ни попалъ, конечно есть обозрѣніе внѣшности храмовъ и богослуженія, — къ этому обратился и я: велѣлъ, чтобы вездѣ были приняты прочь съ престоловъ лишніе евангелія и кресты, благодаря которымъ эти престолы у насъ часто превращаются въ какія-то выставки магазина церковной утвари. Заказалъ себѣ столько ковриковъ съ орлецами, сколько нужно было, чтобы они лежали на своихъ мѣстахъ, чтобы не шмыгали у меня съ ними подъ носомъ, подбрасывая ихъ подъ ноги. Съ усиліемъ и подъ страхомъ штрафовъ воздерживалъ дьяконовъ не ловить меня во время служенія за локти и не забираться рядомъ со мною на горнее мѣсто, а наипаче всего не надѣлять тумаками и подзагривками бѣдныхъ ставленниковъ, у которыхъ оттого, послѣ пріятія благодати Святаго Духа, недѣли по двѣ, и загорбокъ, и шея болитъ. И никто изъ васъ мнѣ не повѣритъ, сколько все это стоитъ труда и какія приноситъ досады, особенно человѣку нетерпѣливому, какимъ я тогда былъ и остаюсь таковымъ же, къ моему стыду, отчасти и

доселѣ. Окончилось съ этимъ,—надо было приниматься за второе архіерейское дѣло первой важности: удостовѣриться, умѣютъ ли причетники читать, хоть ужъ если не по писанному, то, по крайней мѣрѣ, по печатному. Эти экзамены долго меня заняли и сильно досаждали мнѣ, а порою и смѣшили. Безграмотный, или, по крайней мѣрѣ, «*неписьменный*» дьячокъ или понамарь и теперь еще, пожалуй, отыщется въ селѣ или въ уѣздномъ городишкѣ и внутри Россіи, что и оказалось, когда имъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пришлось въ первый разъ расписываться въ полученіи жалованья. Но тогда,—во время оно, да еще въ Сибири,—это было явленіе самое обыкновенное. Я ихъ велѣлъ учить; они на меня, разумѣется, плакались и прозвали меня «лютымъ»; приходы жаловались, что нѣтъ чтецовъ, что архіерей «церкви разоряетъ». Что тутъ дѣлать! я сталъ отпускать на мѣста такихъ дьячковъ, которые хоть на память читать умѣли, и—о, Боже!—что за людей я видѣлъ! Косые, хромые, гугнявые, юродивые и даже... какіе-то одержимые. Одинъ, вмѣсто «Пріидите, поклонимся Цареви Нашему Богу», закрывъ глаза, какъ перепелъ, колотилъ: «плятимбоу, плятимбоу» и заливался этимъ такъ, что удержать его невозможно. Другой — уже это именно былъ одержимый,—онъ такъ искусился въ скорохватѣ, что съ какимъ-нибудь извѣстнымъ словомъ у него являлась своя ассоціація идей, которой онъ никакъ не могъ не подчиняться. Такое слово для него было, напримѣръ, «на небеси». Начнетъ читать: «Иже на всякое время, на всякій часъ на небеси»... и вдругъ у него что-то въ головѣ защелкнетъ, и онъ продолжаетъ: «да святится Имя Твое, да пріидетъ царствіе». Что я съ этимъ тираномъ ни мучился, все было тщетно! Велѣлъ ему по книгѣ читать,—читаетъ: «Иже на всякое время, на всякій часъ на небеси», но вдругъ закрылъ книгу и пошелъ «да святится имя Твое», и залопоталъ до конца, и возглашаетъ «отъ лукаваго». Только тутъ и остановиться могъ: оказалось, что онъ не умѣетъ читать. За грамотностью дьячковъ очередь переходитъ къ благонравію семинаристовъ и опять начинаются чудеса. Семинарія была до того распущена, воспитанники бѣснствовали и до того безчинствовали, что, напримѣръ, одинъ философъ, при инспекторѣ, кончая вечернія молитвы, прочелъ: «упованіе мое, Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, по-

кровъ мой Духъ Святый: Троица Святая,—*мое вамъ почтеніе*»; а въ богословскомъ классѣ другая исторія: одинъ послѣ обѣда благодаритъ, «яко насытилъ земныхъ благъ», и проситъ не лишить и «небеснаго царствія», а ему изъ толпы кричатъ: «Свинья! нажрался, да еще въ царство небесное просишься».

Надо было подыскать какъ можно скорѣе инспектора, подходящаго подъ мой духъ,—тоже лютаго; при большой спѣшности и небольшомъ выборѣ попался такой: лютости въ немъ оказалось довольно, но уже зато ничего другого не спрашивай.

— Я, говоритъ, ваше преосвященство, приму все это по-военному, чтобы сразу...

— Хорошо,—отвѣчаю:—примись по-военному...

Онъ и принялся и съ того началъ, что молитвы распорядился не читать, но пѣть хоромъ, дабы устранить всякія шалости, и то пѣть по его командѣ. Взойдетъ онъ при полномъ молчаніи и, пока не скомандуетъ, всѣ безмолвствуютъ; скомандуетъ: «молитву!» и запоютъ. Но этотъ уже очень «по-военному» уставилъ; скомандуетъ «молит-в-у-у!» Семинаристы только запоютъ «Очи всѣхъ Господи на Тя упов...»—онъ на половинѣ слова кричитъ: «Ст-о-ой» и подзываетъ одного:

— Фроловъ, поди сюда!

Тотъ подходитъ.

— Ты Багрѣевъ?

— Нѣтъ-съ, я Фроловъ.

— А-а: ты Фроловъ?! Отчего же это я думалъ, что ты Багрѣевъ?

Опять хохотъ и опять ко мнѣ жалобы. Нѣтъ, вижу—не годится этотъ съ военными пріемами, и нашелъ кое-какъ цивилиста, который былъ хотя не столь лютъ, но благоразумнѣе дѣйствовалъ: передъ учениками притворялся самымъ слабымъ добрякомъ, а мнѣ все ябедничалъ и повсюду разсказывалъ ужасы о моемъ звѣрствѣ. Я это зналъ и, видя, что эта мѣра оказывается дѣйствительною, не претилъ его системѣ.

Насилу этихъ своею «лютостію» въ повиновеніе привелъ, въ зрѣломъ возрастѣ чудеса пошли: доносятъ мнѣ, что въ соборнаго протоіерея возъ сѣна въ середину въѣхалъ и не можетъ выѣхать. Посылаю узнавать; говорятъ: дѣйствительно

такъ. Протопопъ былъ тучный: послѣ обѣдни крестилъ въ купеческомъ домѣ и вдоволь облѣпихою угостился, а что отъ этой облѣпихи, что отъ другой тамошней ягоды, дикуши, хмель самый тяжелый и глупый. То и съ этимъ сталось: пришелъ домой, часа четыре заснулъ, всталъ и, выпивъ жбанъ квасу, легъ грудью на окно, чтобы поговорить съ кѣмъ-то, кто внизу стоялъ, и вдругъ... возъ съ сѣномъ въ него въѣхалъ. Вѣдь все это глупое такое, что даже противно сдѣлается, а раздѣлается, такъ, пожалуй, еще противнѣй станетъ. На другой день келейникъ подаетъ мнѣ сапоги и докладываетъ, что «слава Богу, говоритъ, изъ отца протопопа возъ съ сѣномъ уже выѣхалъ».

— Очень радъ, говорю, таковой радости; но подай-ка мнѣ эту исторію обстоятельно.

Оказывается, что протопопъ, имѣвшій двухъ-этажный домъ, легъ на окно, подъ которымъ были ворота, и въ нихъ въ эту минуту въѣхалъ возъ съ сѣномъ, причемъ ему, отъ облѣпихи и отъ сна до одури, показалось, что это въ него въѣхало. Невѣроятно, но, однако, такъ было: credo, quia absurdum.

Какъ же сего дивотворнаго мужа спасли?

А тоже дивотворно: встать онъ ни за что не соглашался, потому что въ немъ возъ сидитъ; лѣкарь не находилъ лѣкарства противъ сего недуга. Тогда шаманку призвали; та повертѣлась, постучала и велѣла на дворѣ возъ сѣна наложить и назадъ выѣхать; больной принялъ, что это изъ него выѣхало, и исцѣлѣлъ.

Ну, послѣ этого дѣлайте съ нимъ, что хотите, а онъ свое уже сдѣлалъ: и людей насмѣшилъ, и шаманку призналъ идольскими чарами его пользовать; а такія вещи тамъ не въ мѣшечкѣ лежатъ, а по дорожкѣ бѣжатъ. «Что до попы,—они ничего не значатъ и сами нашихъ шамановъ зовутъ шайтана отгонять». И идутъ себѣ да идутъ этакія глупости. Долго я приправлялъ, какъ могъ, сіи дымящія лампады, и приходская часть мнѣ черезъ нихъ невыносимо надокучила; но зато насталъ давно желанный и вожделѣнный мигъ, когда я могъ всего себя посвятить трудамъ по просвѣщенію дикихъ овецъ моей паствы, пасущихся безъ пастыря.

«Забралъ я себѣ всѣ касающіяся этой части бумаги и присѣлъ за нихъ вплотную, такъ что и отъ стола не отхожу».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ознакомясь съ миссіонерскими отчетностями, я остался всею дѣятельностію недоволенъ болѣе, чѣмъ дѣятельностію моего приходскаго духовенства: обращеній въ христіанство было чрезвычайно мало, да и то ясно было, что добрая доля этихъ обращеній значилась только на бумагѣ. На самомъ же дѣлѣ одни изъ крещеныхъ снова возвращались въ свою прежнюю вѣру,—ламайскую или шаманскую; а другіе дѣлали изъ всѣхъ этихъ вѣръ самое странное и нелѣпое смѣшеніе: они молились и Христу съ Его апостолами, и Буддѣ съ его буддисидами, да тенгринами, и войлочнымъ сумочкамъ съ шаманскими ангонами. Двоевѣріе держалось не у однихъ кочевниковъ, а почти и повсемѣстно въ моей паствѣ, которая не представляла отдѣльной вѣтви какой-нибудь одной народности, а какіе-то щены и осколки Богъ вѣсть когда и откуда сюда попавшихъ племенныхъ разновидностей, бѣдныхъ по языку и еще болѣе бѣдныхъ по понятіямъ и фантазіи. Видя, что все, касающееся миссіонерства, находится здѣсь въ такомъ хаосѣ, я возымѣлъ объ этихъ моихъ сотрудникахъ мнѣніе самое невыгодное и обошелся съ ними нетерпѣливо сурово. Вообще, я сталъ очень раздражителенъ, и данное мнѣ прозвище «лютаго» начало мнѣ приличествовать. Особенно испыталъ на себѣ печать моего гнѣвливаго нетерпѣнія бѣдный монастырекъ, который я избралъ для своего жительства и при которомъ желалъ основать школу для мѣстныхъ инородцевъ. Разспросивъ чернецовъ, я узналъ, что въ городѣ почти всѣ говорятъ по-якутски, но изъ моихъ иноковъ изо всѣхъ по-инородчески говоритъ только одинъ очень престарѣлый іеромонахъ, отецъ Кириакъ, да и тотъ къ дѣлу проповѣди не годится, а если и годится, то, хоть его убей, не хочетъ идти къ дикимъ проповѣдывать.

— Что это, спрашиваю, за ослушникъ, и какъ онъ смѣетъ? Сказать ему, что я этого не люблю и не потерплю.

Но экклезіархъ мнѣ отвѣчаетъ, что слова мои передастъ, но послушанія отъ Кириака не ожидаетъ, потому что это уже ему не первое:—что и два мои быстро другъ за другомъ смѣнившіеся предмѣстника съ нимъ строгость пробовали, но онъ уперся и одно отвѣчаетъ:

— «Душу за моего Христа положить радъ, а крестить

тамъ (то-есть въ пустыняхъ) не стану». Даже, говоритъ, самъ просилъ лучше сана его лишить, но туда не посылать. И отъ священнодѣйствія много лѣтъ былъ за это послушаніе запрещенъ, но нимало тѣмъ не тяготился, а, напротивъ, съ радостью несъ самую простую службу: то сторожемъ, то въ звонарнѣ. И всѣми любимъ: и братіей, и мірянами, и даже язычниками.

— Какъ? удивляюсь: неужто даже и язычниками?

— Да, владыко, и язычники къ нему иные заходятъ.

— За какимъ же дѣломъ?

— Уважаютъ его какъ-то изстари, когда еще онъ на проповѣдь ѣздилъ въ прежнее время.

— Да каковъ онъ былъ въ то, въ прежнее-то время?

— Прежде самый успѣшный миссіонеръ былъ и множество людей обращалъ.

— Что же ему такое сдѣлалось? отчего онъ бросилъ эту дѣятельность?

— Понять нельзя, владыко; вдругъ ему что-то приключилось: вернулся изъ степей, принесъ въ алтарь мурницу и дароносицу и говоритъ:—Ставлю и не возьму опять, доколѣ не придетъ часъ.

— Какой же ему нуженъ часъ? что онъ подъ симъ разумѣетъ?

— Не знаю, владыко.

— Да неужто же вы у него никто этого не добивались? О, роде лукавый, доколѣ живу съ вами и терплю васъ? Какъ васъ это ничто дѣла касающееся не интересуетъ? Помомните себѣ, что если тѣхъ, кои ни горячи, ни холодны, Господь обѣщалъ изблевать съ устъ своихъ, то чего удостоитесь вы, совершенно холодные?

Но мой экклезіархъ оправдывается:

— Всячески, говоритъ, владыко, мы у него любопытствовали, но онъ одно отвѣчаетъ: — «Нѣтъ, говоритъ, дѣтушки, это дѣло не шутка,—это страшное... я на это смотрѣть не могу».

А что такое страшное, на это экклезіархъ не могъ мнѣ ничего обстоятельнаго отвѣтить, а сказалъ только, что «полагаемъ-де такъ, что отцу Кириаку при проповѣди какое-либо откровеніе было». Меня это разсердило. Признаюсь вамъ, я недолюбливаю этотъ ассортиментъ «слывущихъ», которые вживѣ чудеса творятъ и непосредственными от-

кровеніями хвалятся, и причины имѣю ихъ недолюбливать. А потому я сейчасъ же потребовалъ этого строптиваго Кириака къ себѣ и, не довольствуясь тѣмъ, что уже достаточно слылъ грознымъ и лютымъ, взялъ да еще принасупился: былъ готовъ опалить его гнѣвомъ, какъ только покажется. Но пришелъ къ моимъ очамъ монашекъ, такой маленькій, такой тихій, что не на кого и взоровъ метать; одѣтъ въ облинялой коленкоровой рясѣ, клобукъ толстымъ сукномъ покрытъ, собой черненькій, востролицынькій, а входитъ бодро, безъ всякаго подобострастія, и первый меня привѣтствуетъ:

— Здравствуй, владыко!

Я не отвѣчаю на его привѣтствіе, а начинаю сурово:

— Ты что это здѣсь чудишь, пріятель?

— Какъ, говоритъ, владыко? Прости, будь милостивъ: я маленько на ухо тугъ—не все дослышалъ.

Я еще погромче повторилъ.

— Теперь, молъ, понялъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, ничего не понялъ.

— А почему ты съ проповѣдью идти не хочешь и крестить инородцевъ избѣгаешь?

— Я, говоритъ, владыко, ѣздилъ и крестилъ, пока опыта не имѣлъ.

— Да, молъ; а опытъ получивши и пересталъ?

— Пересталъ.

— Что же сему за причина?

Вздохнулъ и отвѣчаетъ:

— Въ сердцѣ моемъ сія причина, владыко, и Сердцевѣдецъ ее видитъ, что велика она и мнѣ, немощному, неносильна... Не могу!

И съ симъ въ ноги мнѣ поклонился.

Я его поднялъ и говорю:

— Ты мнѣ не кланяйся, а объясни: что ты откровеніе, что ли, какое получилъ, или съ самимъ Богомъ бесѣдовалъ?

Онъ съ кроткою укоризною отвѣчаетъ:

— Не смѣйся, владыко; я не Моисей, Божій избранникъ, чтобы мнѣ съ Богомъ бесѣдовать; тебѣ грѣхъ такъ думать.

Я устыдился своего пыла и смягчился, и говорю ему:

— Такъ что же? за чѣмъ дѣло?

— А за тѣмъ, видно, и дѣло, отвѣчаетъ, что я не Мои-

сей, что я, владыко, робокъ и свою силу-мѣру знаю: изъ Египта-то языческаго я вывесть—выведу, а Чермнаго моря не разсѣку и изъ степи не выведу, и воздвигну простыя сердца на ропотъ къ преобидѣ Духа Святаго.

Видя этакую образность въ его живой рѣчи, я было заключилъ, что онъ, вѣроятно, самъ изъ раскольниковъ, и спрашиваю:

— Да ты самъ-то какимъ чудомъ въ единеніе съ Церковью приведенъ?

— Я, отвѣчаетъ, въ единеніи съ нею съ моего младенчества и пребуду въ немъ даже до гроба.

И разсказалъ мнѣ препростое и престранное свое происхожденіе. Отецъ у него былъ попъ, рано овдовѣлъ; почѣнчалъ какую-то незаконную свадьбу и былъ лишенъ мѣста, да такъ, что всю жизнь потомъ не могъ себѣ его нигдѣ отыскать, а состоялъ при нѣкоей пожилой важной дамѣ, которая всю жизнь съ мѣста на мѣсто ѣздила и, боясь умереть безъ покаянія, для этого случая сего попа при себѣ возила. Ѣдетъ она, — онъ на передней лавочкѣ съ нею въ каретѣ сидитъ; а она въ домъ войдетъ,—онъ въ передней съ лакеями ее ожидаетъ. И можете себѣ вообразить человѣка, у котораго этакая была вся жизнь! А между тѣмъ, онъ, не имѣя уже своего алтаря, питался буквально отъ своей дароносицы, которая съ нимъ за пазухою путешествовала, и на сынишку онъ у этой дамы какія-то крохи вымаливалъ, чтобы въ училищѣ его содержать. Такъ они и въ Сибирь попали: барыня сюда поѣхала дочь навѣстить, которая была тутъ за губернаторомъ замужемъ, и попа съ дароносицей на передней лавочкѣ привезла. Но какъ путь былъ далекій, да къ тому же еще барыня тутъ долго оставаться собиралась, то попикъ, любя сынишку, не согласился безъ него ѣхать. Барыня подумала-подумала — и, видя, что ей родительскихъ чувствъ не переупрямить, согласилась и взяла съ собою и мальчишку. Такъ онъ сзади за каретою переѣхалъ изъ Европы въ Азію, имѣя при семъ путевымъ долгомъ охранять своимъ присутствіемъ привязанный на запяткахъ чемоданъ, на которомъ и самого его привязали, дабы сонный не свалился. Тутъ и его барыня, и его отецъ умерли, а онъ остался, за бѣдностію курса не кончилъ, въ солдаты попалъ, этапъ водилъ. Имѣя мѣткій глазъ, по приказанію начальства, не цѣлясь, въ догонъ за

какимъ-то бѣглымъ пулю пустилъ и безъ всякаго желанія, на свое горе, убилъ того, и съ той поры онъ все страдалъ, все мучился и, сдѣлавшись негоднымъ къ службѣ, въ монахи пошелъ, гдѣ его отличное поведеніе было замѣчено, а знаніе инородческаго языка и его религіозность побудили склонить его къ миссіонерству.

Выслушалъ я эту простую, но трогательную повѣсть старика и стало мнѣ его до жуткости жалко, и чтобы перемѣнить съ нимъ тонъ, я ему говорю:

— Такъ, стало-быть, это, что подозрѣваютъ, будто ты чудеса какія-нибудь видѣлъ, это неправда?

Но онъ отвѣчаетъ:

— Отчего же, владыко, неправда?

— Какъ?.. такъ ты видѣлъ чудеса?

— Кто же, владыко, чудесъ не видѣлъ?

— Однако?

— Что, однако? Куда ни глянь — все чудо: вода ходитъ въ облакѣ, воздухъ землю держитъ, какъ перышко; вотъ мы съ тобою прахъ и пепелъ, а движимся и мыслимъ, и то мнѣ чудесно; а умремъ и прахъ разсыпется, а духъ пойдетъ къ Тому, Кто его въ насъ заключилъ. И то мнѣ чудно: какъ онъ нагъ безо всего пойдетъ? кто ему крыла дастъ яко голубицѣ, да полетитъ и почіетъ?

— Ну, это-то, молъ, мы оставимъ другимъ разсуждать, а ты скажи мнѣ, не вияя умомъ: не было ли съ тобою въ жизни какихъ-либо необычайныхъ явленій, или чего иного въ семъ родѣ?

— Было отчасти и это.

— Что же такое?

— Очень, говоритъ, владыко, съ дѣтства я былъ взысканъ Божіей милостію и недостойно получалъ дважды чудесныя заступленія.

— Гм? разсказывай.

— Первый разъ это было, владыко, въ сущемъ младенчествѣ. Въ третьемъ классѣ я былъ еще и очень мнѣ въ поле гулять идти хотѣлось. Мы, трое мальчишекъ, пошли у смотрителя рекреацію просить, да не выпросили и рѣшились солгать, а зачинщикъ всему тому я былъ. «Давай, говорю, ребята, всѣхъ обманемъ, побѣжимъ и закричимъ: отпустилъ, отпустилъ!» Такъ и сдѣлали; всѣ съ нашего слова и разбѣжались изъ классовъ и пошли гулять и ку-

паться, да рыбченку ловить. А къ вечеру на меня страхъ и напалъ: что мнѣ будетъ, какъ домой вернемся?—запоретъ смотритель. Прихожу и гляжу — уже и розги въ лоханп стоятъ; я скорѣй драла, да въ баню, спрятался подъ полокъ, да и ну молиться: «Господи! хотя нельзя, чтобы меня не пороть, но сдѣлай, чтобы не пороли!» И такъ усердно объ этомъ въ жару вѣры молился, что даже запотѣлъ и обезсплѣлъ; но тутъ вдругъ на меня чудной прохладой тихой повѣяло и у сердца какъ голубокъ тепленькій запелелился, и сталъ я вѣрить въ невозможность спасенія какъ въ возможное, и покой ощутилъ, и такую отвагу, что вотъ не боюсь ничего, да и кончено! И взялъ да и спать легъ: а просыпаюсь, слышу, товарищи-ребятишки весело кричатъ: «Кирюшка! Кирюшка! гдѣ ты? вылѣзай скорѣй, — тебя пороть не будутъ, ревизоръ пріѣхалъ и насъ гулять отпустилъ».

— Чудо, говорю, твое простое.

— Просто и есть, владыко, какъ сама Троица во единицѣ—простое существо,—отвѣчалъ онъ и съ неописаннѣйшимъ блаженствомъ во взорѣ добавилъ:

— Да вѣдь какъ я, владыко, Его чувствовалъ-то! Какъ пришелъ-то Онъ, батюшка мой, отрадненькій! удивилъ и обрадовалъ. Самъ суди: всей вселенной Онъ не обхватитъ, а видя ребячью скорбь, подъ банный полочекъ къ мальченкѣ подползъ въ дусѣ хлада тонка и за пазушкой обиталъ...

Я вамъ долженъ признаться, что я болѣе всякихъ представленій о Божествѣ люблю этого, нашего *русскаго Бога*, который творитъ себѣ обитель «за пазушкой». Тутъ, что намъ господа греки ни толкуй, и какъ ни доказывай, что мы имъ обязаны тѣмъ, что и Бога черезъ нихъ знаемъ,— а не они намъ Его открыли:—не въ ихъ пышномъ византійствѣ мы обрѣли Его въ дымѣ кажденій, а Онъ у насъ свой притоманный и по-нашему, попросту, всюду ходитъ, и подъ банный полочекъ безъ ладана въ дусѣ хлада тонка проникнетъ, и за теплой пазухой голубкомъ пріоборкается.

— Продолжай, говорю, отецъ Кпріакъ, о другомъ чудѣ разсказа жду.

— Сейчасъ и про другое, владыко. Это было, какъ я сталъ уже дальше отъ Него, помаловѣрнѣе,—это было, какъ я сюда за каретою ѣхалъ. Взять меня надо было изъ рос-

сійскаго училища и сюда перевести передъ самымъ экзаменомъ. Я не боялся, потому что первымъ ученикомъ былъ и меня бы безъ экзамена въ семинарію приняли; а смотритель возьми, да и напиши мнѣ свидѣтельство во всемъ *посредственное*. «Это, говоритъ, нарочно, для нашей славы, чтобы тебя тамъ экзаменовать стали и увидали, каковыхъ мы за посредственныхъ считаемъ». Горе было намъ съ отцомъ ужасное; а къ тому же, хотя отецъ меня и заставлялъ, чтобы я дорогою, на запяткахъ сидя, учился, но я разъ заснулъ и, черезъ рѣчку вбродъ переѣзжая, всѣ книжки свои потерялъ. Самъ горько плачучи, отецъ прежестоко меня за это на постояломъ дворѣ выпоролъ; а все-таки, пока мы до Сибири доѣхали, я все позабылъ и начинаю опять по-ребячьи молиться: «Господи, помоги! сдѣлай, чтобы меня безъ экзамена приняли». Нѣтъ; какъ Его ни просилъ, посмотрѣли на мое свидѣтельство и велѣли на экзаменъ идти. Прихожу печальный; всѣ ребята веселые и въ чехарду другъ черезъ дружку прыгаютъ,— одинъ я такой, да еще другой, тощій-претощій мальчишка сидитъ, не учится, такъ, отъ слабости, говоритъ: «лихорадка забила». А я сижу, гляжу въ книгу и начинаю въ умѣ перекоряться съ Господомъ: «ну, что же? думаю, вѣдь ужъ какъ я Тебя просилъ, а Ты вотъ ничего и не сдѣлалъ!» И съ этимъ всталъ, чтобы пойти воды напиться, а меня какъ что-то по самой серединѣ камеры хлопъ по затылку и на полъ бросило... Я подумалъ: это вѣрно за наказаніе! помочь-то Богъ мнѣ ничего не помогъ, а вотъ еще и ударилъ. Анъ, смотрю, нѣтъ: это просто тотъ больной мальчикъ черезъ меня прыгнуть вздумалъ, да не осилилъ, и самъ упалъ и меня сбилъ. А другіе мнѣ говорятъ: «гляди-ка, чужакъ, у тебя рука-то мотается». Попробовалъ, а рука сломана. Повели меня въ больницу и положили, а отецъ туда пришелъ и говоритъ: «не тужи, Кирюша, тебя зато теперь безъ экзамена приняли». Тутъ я и понялъ, какъ Богъ-то все устроилъ, и плакать сталъ... А экзаменъ-то легкій, прелегкій былъ, такъ что я его шутя бы и выдержалъ. Значитъ: не зналъ я, дурачокъ, чего просилъ, но и то исполнено, да еще съ вразумленіемъ.

— Ахъ, ты, говорю, отецъ Кпріакъ, отецъ Кпріакъ? да ты человѣкъ преутѣшительный!..—Расцѣловалъ я его неоднократно, отпустилъ, и, ни о чемъ болѣе не разспрашивая,

велѣлъ ему съ завтрашняго же дня ходить ко мнѣ, учить меня тунгузскому и якутскому языку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но отступивъ со своею суровостію отъ Киріака, я зато напустился на прочихъ монаховъ своего монастырька, отъ коихъ, по правдѣ сказать, не видалъ ни Киріакова простодушія и никакого дѣла на службу вѣры полезнаго: живутъ себѣ этакимъ, такъ сказать, форпостомъ христіанства въ краю язычниковъ, а ничего, лѣнивцы, не дѣлаютъ, — даже языку туземному ни одинъ не озаботился научиться.

Щунялъ я ихъ, щунялъ келейно и, наконецъ, съ амвона на нихъ громыхнулъ словомъ царя Ивана къ преподобному Гурію, что «напрасно-де именуютъ чернецовъ ангелами, — нѣтъ имъ съ ангелами сравненія, ни какого-либо подобія, а должны они уподобляться апостоламъ, которыхъ Христосъ послалъ учить и крестить!»

Киріакъ приходитъ ко мнѣ на другой день урокъ давать и прямо мнѣ въ ноги:

— Что ты? что ты? говорю, подымая его; учителю благій, тебѣ это не довлѣетъ ученику въ ноги кланяться.

— Нѣтъ, владыко, ужъ очень ты меня утѣшилъ, такъ утѣшилъ, что я и въ жизнь не чаялъ такого утѣшенія!

— Да чѣмъ, говорю, Божій человѣкъ, ты такъ мною обрадованъ?

— А что велишь монахамъ учиться, да идучи *впередъ учить, а потомъ крестить;* ты правъ, владыко, что такой порядокъ устроилъ, его и Христосъ велѣлъ и приточникъ поучаетъ: «идѣже нѣсть ученія души, нѣсть добра». Крестить-то они всѣ могучи, а обучить слову нѣтяги.

— Ну, ужъ это, говорю, ты меня, братъ, кажется, шире понялъ, чѣмъ я говорилъ; этакъ, вѣдь, по-твоему и дѣтей бы не надо крестить.

— Дѣти христіанскія другое дѣло, владыко.

— Ну да; и предковъ бы нашихъ князь Владиміръ не окрестилъ, если бы долго отъ нихъ учености ждалъ.

А онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Эхъ, владыко, да вѣдь и впрямь бы ихъ, можетъ, прежде поучить лучше было. А то, самъ, чай, въ лѣтописи читалъ,—все больно скоро варомъ вскипѣло, «понеже благочестіе его со страхомъ бѣ сопряжено». Платонъ митропо-

литъ мудро сказалъ: «Владиміръ поспѣшилъ, а греки слукавили,—невѣждъ ненаученыхъ окрестили». Что намъ ихъ спѣшкѣ съ лукавствомъ слѣдовать? вѣдь они, знаешь, «льстивы даже до сего дня». Итакъ, во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облекаемся. Тщетно это такъ крестить, владыко!

— Какъ, говорю, тщетно, отецъ Кириакъ, что ты это, батюшка, проповѣдуешь?

— А что же, отвѣчаетъ, владыко?—вѣдь это благочестивой тростью писано, что одно водное крещеніе невѣждѣ къ пріобрѣтенію жизни вѣчной не служитъ.

Посмотрѣлъ я на него и говорю серьезно:

— Послушай, отецъ Кириакъ, вѣдь ты еретичествуешь.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, во мнѣ нѣтъ ереси, я по тайноводству святого Кирилла Іерусалимскаго правовѣрно говорю: «Симонъ волховъ въ купѣли тѣло омочи водою, но сердце не просвѣти духомъ, и сниде, и изыде тѣломъ, а душою не снегребеся, и не возста». Что окрестился, что выкупался, все равно христіаниномъ не былъ. Живъ Господь и жива душа твоя, владыко,—вспомни, развѣ не писано: будутъ и крещеные, которые услышатъ «не вѣмъ васъ», и некрещеные, которые отъ дѣлъ совѣсти оправдятся и внидутъ, яко хранившіе правду и истину. Неужели же ты сіе отметаешь?

Ну, думаю, подождемъ объ этомъ бесѣдовать, и говорю:

— Давай-ка, говорю, братъ, не іерусалимскому, а дикарскому языку учиться, бери указку, да не больно сердись, если я не толковъ буду.

— Я не сердитъ, владыко, отвѣчаетъ.—И точно, удивительно былъ благодушный и откровенный старикъ и прекрасно училъ меня. Толково и быстро открылъ онъ мнѣ всѣ таинства, какъ постичь эту молвь, такую бѣдную и немногословную, что ее едва ли можно и языкомъ назвать. Во всякомъ разѣ это не болѣе какъ языкъ жизни животной, а не жизни умственной; а между тѣмъ усвоить его очень трудно: обороты рѣчи, краткіе и неперіодическіе, дѣлаютъ крайне затруднительнымъ переводы на эту молвь всякаго текста, изложеннаго по правиламъ языка выработаннаго, со сложными періодами и подчиненными предложеніями; а выраженія поэтическія и фигуральныя на него вовсе не переводимы, да и понятія, ими выражаемыя, остались бы для этого бѣднаго люда недоступны. Какъ раз-

сказать имъ смыслъ словъ: «будьте хитры, какъ зміи, и незлобивы, какъ голуби», когда они и ни змѣи, и ни голубя никогда не видали и даже представить ихъ себѣ не могутъ. Нельзя имъ подобрать словъ: ни мученикъ, ни креститель, ни предтеча, а Пресвятую Дѣву, если перевести по ихнему словами *шочмо Абя*, то выйдетъ не наша Богородица, а какое-то шаманское божество женскаго пола,— короче сказать, — *богиня*. Про заслуги же св. крови, или про другія тайны вѣры еще труднѣе говорить, а строить имъ какую-нибудь богословскую систему, или просто слово молвить о рожденіи безъ мужа, отъ дѣвы, — и думать нечего: —они или ничего не поймутъ, и это самое лучшее, а то, пожалуй, еще прямо въ глаза расхохочутся.

Все это мнѣ передалъ Кириакъ и передалъ такъ превосходно, что я, узнавъ духъ языка, постигъ и весь духъ этого бѣднаго народа; и что всего мнѣ было самому надъ собою забавнѣе, что Кириакъ съ меня самымъ незамѣтнымъ образомъ всю мою напускную суровость сбилъ: между нами установились отношенія самыя пріятныя, легкія и такія шутливыя, что я, держась сего шутливаго тона, при концѣ своихъ уроковъ, велѣлъ горшокъ каши сварить, положилъ на него серебряный рубль денегъ, да чернаго сукна на рясу, и понесъ все это, какъ выученикъ, къ Кириаку въ келью.

Онъ жилъ подъ колокольнею въ такой маленькой кельѣ, что какъ я вошелъ туда, такъ двоимъ и повернуться негдѣ, а своды прямо на темя давятъ; но все тутъ опрятно, и даже на полутемномъ окнѣ съ рѣшеткою, въ разбитомъ вареномъ горшкѣ, астра цвѣтетъ.

Кириака я засталъ за дѣломъ,—онъ низалъ что-то изъ рыбьей чешуи и нашивалъ на холстикъ.

— Что ты это, говорю, стряпаешь?

— Уборчики, владыко.

— Какіе уборчики?

— А вотъ дѣвчонкамъ маленькимъ дикарскимъ уборчики: они на ярмарку пріѣзжаютъ, я имъ и дарю.

— Это ты язычницъ невѣрныхъ радуешь?

— Н-и, владыко! полно-ка тебѣ все такъ: «невѣрные», да «невѣрные»; всѣхъ одинъ Господь создалъ; жалѣть ихъ, малыхъ, надо.

— Просвѣщать, отецъ Кириакъ.

— Просвѣтить, говоритъ, хорошо это, владыко, просвѣтить. Просвѣти, просвѣти,—и зашепталъ: «да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки, когда увидятъ добрыя твоя дѣла».

— А я вотъ, говорю, къ тебѣ съ поклономъ пришелъ и за выучку горшокъ каши принесъ.

— Ну, что же, хорошо, говоритъ; садись же и самъ при горшкѣ посиди,—гость будешь.

Усадилъ опъ меня на обрубочекъ, самъ сѣлъ на другой, а кашу мою на скамью поставилъ и говоритъ:

— Ну, покушай у меня, владыко; твоимъ же добромъ да тебѣ же челомъ.

Стали мы ѣсть со старикомъ кашу и разговорились.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Меня, по правдѣ сказать, очень занимало, что̀ такое отклонило Кириака отъ его успѣшной миссіонерской дѣятельности и заставило такъ странно, по тогдашнему моему взгляду,—почти преступно, или, во всякомъ случаѣ, соблазнительно относиться къ этому дѣлу.

— О чемъ, говорю, станемъ бесѣдовать? — къ доброму привѣту хороша и бесѣда добрая. Скажи же мнѣ: не знаешь ли ты, какъ намъ научить вѣрѣ вотъ этихъ инородцевъ, которыхъ ты все подъ свою защиту берешь?

— А учить надо, владыко, учить, да отъ добраго житія примѣръ имъ показать.

— Да гдѣ же мы съ тобою ихъ будемъ учить?

— Не знаю, владыко; къ нимъ бы надо съ наученіемъ идти.

— То-то и есть.

— Да, учить надо, владыко; и утромъ сѣять сѣмя, и вечеромъ не давать отдыха рукѣ,—все сѣять.

— Хорошо говоришь,—отчего же ты такъ не дѣлаешь?

— Освободи, владыко, не спрашивай.

— Нѣтъ, ужъ разскажи.

— А требуешь разсказать, такъ поясни: зачѣмъ мнѣ туда идти?

— Учить и крестить.

— Учить?—учить-то, владыко, неспособно.

— Отчего? врагъ, что ли, не даетъ?

— Нѣ-ѣтъ! что̀ врагъ, — велика ли онъ для крещенаго человѣка особа: его однимъ пальчикомъ перекрести, онъ и сгинетъ; а вражки мѣшаютъ,—вотъ бѣда!

— Что̀ это за вражки?

— А вотъ куцые одѣтели, отцы благодѣтели, приказные, чиновные, съ приписью подьячіе.

— Эти, стало быть, самого врага сильнѣй?

— Какъ же можно: сей родъ, знаешь, ничѣмъ не изымается, даже ни молитвою, ни постомъ.

— Ну, такъ надо, значитъ, просто крестить, какъ всѣ крестятъ.

— Крестить...—проговорилъ за мною Кирiакъ, и—вдругъ замолчалъ и улыбнулся.

— Что же? продолжай.

Улыбка сошла съ губъ Кирiака, и онъ съ серьезною и даже суровою миной добавилъ:

— Нѣтъ, я скорохватомъ не хочу это дѣлать, владыко.

— Что-о-о!

— Я не хочу этого такъ дѣлать, владыко, вотъ что!—отвѣчалъ онъ твердо и опять улыбнулся.

— Чего ты смѣешься? говорю. — А если я тебѣ велю крестить?

— Не послушаю, — отвѣчалъ онъ, добродушно улыбнувшись, и, фамильярно хлопнувъ меня рукою по колѣну, заговорилъ:

— Слушай, владыко: читалъ ты или нѣтъ,—есть въ житiяхъ одна славная повѣсть.

Но я его перебилъ и говорю:

— Поосвободи, пожалуйста, меня съ житiями: здѣсь о словѣ Божiемъ, а не о преданiяхъ человѣческихъ. Вы, черницы, знаете, что въ житiяхъ можно и того, и другого достать, и потому и любите все изъ житiй хватать.

А онъ отвѣчаетъ:

— Дай же мнѣ, владыко, кончить; можетъ я и изъ житiй что-нибудь прикладно скажу.

И разсказалъ старую исторiю изъ первыхъ христiанскихъ вѣковъ о двухъ друзьяхъ, — христiанинѣ и язычникѣ, изъ коихъ первый часто говорилъ послѣднему о христiанствѣ и такъ ему этимъ надокучилъ, что тотъ, будучи до тѣхъ поръ равнодушенъ, вдругъ сталъ ругаться и изрыгать самыя злыя хулы на Христа и на христiанство, а при этомъ его подхватилъ конь и убилъ. Другъ, христiанинъ, видѣлъ въ этомъ чудо и былъ въ ужасѣ, что другъ его, язычникъ, оставилъ жизнь въ такомъ враждебномъ ко Христу настрое-

ніи. Христіанинъ сокрушался объ этомъ и горько плакалъ, говоря: лучше бы я ему совсѣмъ ничего о Христѣ не говорилъ,—онъ бы тогда на Него не раздражался и отвѣта бы въ томъ не далъ. Но, къ утѣшенію его, онъ извѣстился духовно, что другъ его принятъ Христомъ, потому что, когда язычнику никто не докучалъ настойчивостію, то онъ самъ съ собою размышлялъ о Христѣ и призвалъ Его въ своемъ послѣднемъ вздохѣ.

— А Тотъ, говоритъ, тутъ и былъ у его сердца: сейчасъ и обнялъ и обитель далъ.

— Это опять, значитъ, все дѣло свертѣлось «за пазушкой»?

— Да, за пазушкой.

— Вотъ это-то, говорю, твоя бѣда, отецъ Кириакъ, что ты все на пазуху-то уже очень располагаешься.

— Ахъ, владыко, да какъ же на нее не полагаться: тайны-то уже тамъ очень большія творятся,—вся благодать оттуда идетъ: и материно молоко дѣтопитательное, и любовь тамъ живетъ, и вѣра. Вѣрь,—такъ, владыко. Тамъ она, вся тамъ; сердцемъ однимъ ее только и вызовешь, а не разумомъ. Разумъ ее не созидаетъ, а разрушаетъ: онъ родитъ сомнѣнія, владыко, а вѣра покой даетъ, радость даетъ... Это, я тебѣ скажу, меня обильно утѣшаетъ; ты вотъ глядишь какъ дѣло идетъ, да сердишься, а я все радуюсь.

— Чему же ты радуешься?

— А тому, что все добро зѣло.

— Что такое: добро зѣло?

— Все, владыко: и что намъ указано, и что отъ насъ сокрыто. Я думаю такъ, владыко, что мы всѣ на одинъ миръ идемъ.

— Говори, сдѣлай милость, яснѣй: ты водное крещеніе-то просто-на-просто совсѣмъ отметаешь, что ли?

— Ну вотъ: и отметаю! Эхъ, владыко, владыко! сколько я лѣтъ томился, все ждалъ человѣка, съ которымъ бы о духовномъ свободно по духу побесѣдовать, и, узнавъ тебя, думалъ, что вотъ такого дождался; а и ты сейчасъ, какъ стрянчій, за слово емлешься! Что тебѣ надо?—слово всяко ложь и я тожъ. Я ничего не отметаю; а ты обсуди, какіе мнѣ приклады разные приходятъ,—и отъ любви, а не отъ ненависти. Яви терпѣніе,—вслушайся.

— Хорошо, отвѣчаю, буду слушать, что ты хочешь проповѣдывать.

— Ну, вотъ мы съ тобою крещены,—ну, это и хорошо; намъ этимъ какъ билетъ данъ на пиръ; мы и идемъ, и знаемъ, что мы званы, потому что у насъ и билетъ есть.

— Ну!

— Ну, а теперь видимъ, что рядомъ съ нами туда же бредетъ человѣчекъ безъ билета. Мы думаемъ, «вотъ дурачокъ! напрасно онъ идетъ:—не пустятъ его! Придетъ, а его привратники вонъ выгонятъ». А придемъ и увидимъ: привратники-то его погонятъ, что билета нѣтъ, а хозяинъ увидитъ, да, можетъ-быть, и пустить велитъ,—скажетъ: «ничего, что билета нѣтъ,—я его и такъ знаю: пожалуй, входи», да и введетъ, да еще, гляди, лучше иного, который съ билетомъ пришелъ, станетъ чествовать.

— Ты, говорю, это имъ такъ и внушаешь?

— Нѣтъ; что имъ это внушать? это я только про себя такъ о всѣхъ разсуждаю, по Христовой доброти, да мудрости.

— Да то-то; мудрость-то Его ты понимаешь ли?

— Гдѣ, владыко, понимать! — ее не поймешь, а такъ... что сердце чувствуетъ, говорю. Я, когда мнѣ что нужно сдѣлать, сейчасъ себя въ умѣ спрашиваю; можно ли это сдѣлать во славу Христову? Если можно, такъ дѣлаю, а если нельзя—того не хочу дѣлать.

— Въ этомъ, значитъ, твой главный катехизисъ?

— Въ этомъ, владыко, и главный, и неглавный, — весь въ этомъ; для простыхъ сердецъ это, владыко, куда какъ сподручно! — просто вѣдь это: водкой во славу Христову упиваться нельзя, драться и красть во славу Христову нельзя, человѣка безъ помощи бросить нельзя... И дикари это скоро понимаютъ и хвалятъ: «хорошъ, говорятъ, вашъ Христосикъ—праведный», — по-ихнему это такъ выходитъ.

— Что же... это, пожалуй, хоть и такъ—хорошо.

— Ничего, владыко,—изрядно; а вотъ что мнѣ нехорошо кажется: какъ придутъ новокрещенцы въ городъ и видятъ все, что тутъ крещеные дѣлаютъ, и спрашиваютъ: можно ли то во славу Христову дѣлать? что имъ отвѣчать, владыко? христіане это тутъ живутъ или нехристи? Сказать «не христи»—стыдно, назвать христіанами — грѣха страшно.

— Какъ же ты отвѣчаешь?

Кириакъ только рукой махнулъ и прошепталъ:

— Ничего не говорю, а... плачу только.

шлите, а мы сейчасъ переведемъ Лизавету Егоровну. Только чтобъ она васъ здѣсь не застала: она вѣдь, знаете, такая... деликатная, — разсказывалъ докторъ, уже сходя съ конторскаго крылечка.

Докторъ урезонилъ Лизавету Егоровну: ее привели въ теплую комнатку конторщика, напоили горячимъ чаемъ съ виномъ, птичница вытерла ее спиртомъ и уложила на конторщикову постель, покрытую чистою простынею.

Докторъ не позволялъ Лизѣ ни о чемъ разговаривать, да она и сама не расположена была бесѣдовать. Въ комнатѣ поправили лампаду и оставили Лизу одну съ своими думами и усталостью.

Докторъ съ Помадой остались въ конторѣ, служившей преддверіемъ къ конторщикову апартаменту.

Они посидѣли съ полчаса въ совершенномъ молчаніи, перелистывая отъ скуки книги «О приходѣ и расходѣ разнаго хлѣба снопами и зерномъ». Потомъ докторъ снялъ погою сапоги, подошелъ къ Лизиной двери и, послушавъ, какъ спитъ больная, возвратился къ столу.

— Что?—прошепталъ Помада.

— Ничего, дышитъ спокойно и спитъ. Авось, ничего не будетъ худого. Давай ложиться спать, Помада. Ложись ты на лавкѣ, а я здѣсь на столѣ прилягу, — также шопотомъ проговорилъ докторъ.

— Нѣтъ, я не лягу.

— Отчего?

— Мнѣ не хочется спать.

— Ну, какъ знаешь, а я лягу.

И докторъ, положивъ подъ голову нѣсколько книгъ «О приходѣ и расходѣ хлѣба снопами и зерномъ», легъ на столъ и закрылся своимъ полушубкомъ.

— Что бы это такое значило?—прошепталъ, наклоняясь къ самому уху доктора, Помада, тоже снявшій свои сапоги и подкравшійся къ Розанову совершенно неслышными шагами, какъ котъ изъ хрустальной лавки.

— Что такое? — спросилъ шопотомъ докторъ, быстро откинувъ съ себя полушубокъ.

Помада повторилъ свой вопросъ.

— А, шутъ этакой! Испугалъ совсѣмъ. Я думалъ ужъ не вѣсть что дѣлается.

— Ну, да, я виноватъ. Я это такъ шелъ, чтобъ не слышно. Ну, а какъ ты думаешь, что бы это такое значило?

— Я думаю, что ступай ты спать: успѣемъ еще узнать. Что тутъ отгадывать да путаться. Спи. Утро вечера мудренѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Глава, нѣкоторымъ образомъ топографически-историческая.

Говорятъ, что человѣческое жилище всегда болѣе или менѣе точно выражаетъ собою характеръ людей, которые въ немъ обитаютъ. Едва ли нужно доказывать, что до извѣстной степени можно допустить справедливость этого замѣчанія. Наблюдательный и чуткій человѣкъ, осмотрѣвшись въ жильѣ людей, мало ему знакомыхъ, или даже совсѣмъ незнакомыхъ, по самымъ неуловимымъ мелочамъ въ обстановкѣ, размѣщеніи и содержаніи этого жилья, чувствуетъ, что здѣсь преобладаетъ любовь или вражда, согласіе или свара, радушіе или скупость, домовитость или расточительность.

Когда люди входили въ домъ Петра Лукича Гловацкаго, они чувствовали, что здѣсь живетъ совѣтъ и любовь, а когда эти люди знакомились съ самими хозяевами, то уже они не только чувствовали витающее здѣсь согласіе, но какъ бы созерцали олицетвореніе этого совѣта и любви въ старикѣ и его женѣ. Теперь люди чувствовали то же самое, видя Петра Лукича съ его дочерью. Женни, украшая собою тихую, предзакатную вечерю старика, умѣла всѣхъ пріобщить къ своему чистому празднеству, ввести въ свою безмятежную сферу.

До пріѣзда Женни старикъ жилъ, по собственному его выраженію, отбившимся отъ стада зубромъ: у него было чисто, тепло и пріютно, но только, со смерти жены, у него было вездѣ тихо и пусто. Тишина этого домика не зналась со скукою, но и не знала оживленія, которое снова внесла въ него съ собою Женни.

Съ пріѣздомъ Женни здѣсь все пошло жить. Ожилъ и помолодѣлъ самъ старикъ, сильнѣе зацвѣлъ старый жасминъ, обрѣзанный и подвязанный молодыми ручками; повеселѣла кухарка Пелагея, имѣвшая теперь возможность совѣщаться о соленьяхъ и вареньяхъ, и повеселѣли самыя стѣны комнаты, заслышавъ легкіе шаги граціозной Женни и ея тихій,

— Нѣтъ, владыко, я не безуменъ, а ты меня если не послушаешь, то людей обидишь и Духа Святаго оскорбишь, и только однихъ церковныхъ приказныхъ обрадуешь, чтобы имъ въ своихъ отчетахъ больше лгать да хвастать.

Я его пересталъ слушать, однако не оставлялъ мысли современемъ его перекапризить и непремѣнно его послать. Но что бы вы думали? — вѣдь не одинъ простосердечный ветхозавѣтный Аммосъ, собирая ягоды, вдругъ сталъ пророчествовать, — и мой Киріакъ мнѣ напророчилъ, и его слова: «да запретитъ тебѣ Христосъ» начали дѣйствовать. Въ это самое время я, какъ нарочно, получилъ изъ Петербурга извѣщеніе, что, по тамошнему благоусмотрѣнію, у насъ, въ Сибири, увеличивается число буддійскихъ капищъ и удваиваются штаты ламъ. Я хоть и въ русской землѣ рожденъ и пріученъ былъ не дивиться никакимъ неожиданностямъ, но, признаюсь, этотъ порядокъ contra jus et fas изумилъ меня, а что гораздо хуже, — онъ совсѣмъ съ толку сбивалъ бѣдныхъ новокрещенцевъ и, можетъ-быть, еще большей жалости достойныхъ миссіонеровъ. Вѣсть съ этимъ радостнымъ событіемъ, во вредъ христіанству и въ пользу буддизма, какъ вихремъ разнеслась по всему краю. Для ея распространенія скакали лошади, скакали олени, скакали собаки, и Сибирь оповѣстилась, что «все преодолѣвшій и все отвергшій» богъ Фо въ Петербургѣ «одолѣлъ и отвергъ и Христосика». Торжествующіе ламы увѣряли, что уже все наше верховное правительство и самъ нашъ Далай Лама, то-есть митрополитъ, приняли буддійскую вѣру. Перепугались миссіонеры, извѣстясь о семъ; не знали, что имъ дѣлать; иные изъ нихъ, кажется, отчасти сомнѣвались: ужъ и впрямь не повернуло ли въ Петербургѣ дѣло на ламайскую сторону, какъ оно въ то тонкое и каверзливое время поворачивало на католическую, а нынѣ, въ сію многодумную и дурашливую пору поворачиваетъ на спиритскую. Только нынче оно, разумѣется, совершается спокойнѣе, потому что теперь кумиръ хотя и ледащенькій выбранъ, но зато теперь и противъ этого рожна прать никому не охота; а тогда еще этой хладнокровной выдержки недоставало во многихъ и, въ числѣ прочихъ, во мнѣ грѣшномъ. Я не могъ равнодушно смотрѣть на моихъ бѣдныхъ крестителей, которые *тышкомъ* плелись изъ степей ко мнѣ подъ защиту. Имъ однимъ по всему краю не было ни ло-

шадиной клячи, ни оленя, ни собаки, и они, Богъ ихъ знаетъ какъ, лѣзли пѣшіе по сугробамъ и пришли оборванные, обмаранные, истинно уже не какъ іереи Бога вышняго, а какъ настоящіе калѣки-перехожіе. Чиновники и зауряд всё управленіе, безъ зазрѣнія совѣсти, покровительствовали ламамъ. Мнѣ приходилось сражаться съ губернаторомъ, чтобы сей христіанскій боярин хотя малость остепенялъ своихъ пособниковъ, дабы они, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ открыто радѣли буддизму. Губернаторъ, какъ водится, обижался, и у насъ съ нимъ закипѣла жестокая стычка: я ему на его чиновниковъ жалуюсь, — онъ мнѣ на моихъ миссіонеровъ пишетъ, что «никто-де имъ не мѣшаетъ, а они-де сами лѣнивые и неискусные». А мои дезертировавшіе миссіонеры, въ свою очередь, пищалъ, что имъ хотя, точно, рты тряпками не затыкаютъ, но нигдѣ ни лошадей, ни оленей не даютъ, потому что по степямъ всюду всѣ люди ламъ боятся.

— Ламы, говорятъ, богаты,—они чиновниковъ деньгами дарятъ, а намъ дарить нечѣмъ.

Что же мнѣ было можно имъ въ утѣшеніе сказать? Синоду, что ли, обѣщать представить, чтобы лавры и монастыри, имѣя «деньги многи», подѣлились съ нашею бѣдностію и какую-нибудь сумму на взятки приказнымъ отпустили, но боялся, что въ большихъ залахъ въ синодѣ это, чего добраго, за неумѣстное сочтутъ и, помолясь Богу, во вспомоществованіе на взятки мнѣ откажутъ, пожалуй. А къ тому же еще и это средство въ нашихъ рукахъ могло быть непадежно: апостолы мои въ самихъ себѣ такую слабость мнѣ открыли, которая, въ связи съ обстоятельствами, получала очень важное значеніе.

— Насъ, говорятъ, за дикарей жалость беретъ; изъ нихъ съ этой возней совсѣмъ послѣдній толкъ выбьютъ; нынче мы ихъ крестимъ, завтра ламы его обращаютъ и велятъ Христа порицать, а за штрафъ все, что попало, у нихъ берутъ. Обнищеваетъ бѣдный народъ и въ скотѣ, и въ своемъ скудномъ разумѣ, — всѣ вѣры перепуталъ и на всѣ колѣна хромаетъ, а на насъ плачется.

Кириакъ этою борьбою очень интересовался и, пользуясь моимъ расположеніемъ, не разъ останавливалъ меня вопросами:

— Что тебѣ, владыко, вражки пишутъ? или:

— Страсть, братецъ ты мой!

— А вить что?—нашъ братъ мужикъ.

— Дыть Господь одарилъ, — вздыхая отвѣчалъ задній мужикъ.

— Извѣстно: очень ужъ, говорятъ, онъ много на церквы жертвуетъ.

— Только ужъ обмѣру у него на ссыпки очень тоже много,—замѣчалъ задній мужикъ.

— Обмѣру точно много,—задумчиво отвѣчалъ передній.

У часовенки, на площади мужики крестились, развязывали мошенки, опускали по грошу въ кружку и выѣзжали за острогъ, либо размышляя о Никонѣ Родіоновичѣ, либо распѣвая съ кокоревской водки:

— Ты заной, эхъ, ты заной, мое сердечушко, заной ретивое.

Затѣмъ, развѣ для полноты описанія, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что городъ имѣетъ пять каменныхъ приходскихъ церквей и соборъ. Соборъ славился хоромъ пѣвчихъ, содержимыхъ отъ щедротъ Никона Родіоновича, да пятисотпудовымъ колоколомъ, каждый праздникъ громко, верстъ на десять кругомъ, кричавшимъ своимъ желѣзнымъ языкомъ о рачительствѣ того же Никона Родіоновича къ благолѣпію дома Божія.

Всѣ уѣздные любители церковнаго пѣнія обыкновенно сходились въ соборъ къ ранней обѣднѣ, ибо Никонъ Родіоновичъ всегда приходили помолиться за ранней, и тутъ пѣли пѣвчіе. Поздней обѣдни Никонъ Родіоновичъ не любили и ядовито замѣчали, что къ поздней обѣднѣ только ходятъ приказничихи хвастаться, у кого новые башмаки есть.

Да еще была въ городѣ больница, въ которой несчастный Розановъ бился съ непреодолимыми препятствіями создать изъ нея что-нибудь похожее на лѣчебное заведеніе. Сначала онъ, по неопытности, все лѣзъ съ представленіями къ начальству, потомъ взывалъ къ просвѣщенному вниманію благороднаго дворянства, а, наконецъ, скрѣпя сердце и смиривъ духъ гордыни, отнесся къ толстому карману Никона Родіоновича. Никонъ Родіоновичъ пожертвовали два десятка верблюжьихъ халатовъ и фонарь къ подъѣзду, да на томъ и стали. Потребляемыхъ вещей Масленниковъ жертвовать не любилъ: у него было сильно развито стремленіе къ монументальности, онъ стремился къ нѣкоторому, такъ сказать, даже безсмертію: хотѣлъ жить въ будущемъ.

Хоть не въ далекомъ, да въ будущемъ, хоть пока халаты износятся и сопрѣетъ стѣна, къ которой привинтили безобразный фонарь съ скрипучимъ флюгеромъ, увеличивавшимъ своимъ скрипомъ предсмертную тоску замариваемыхъ, въ докторово отсутствіе, больныхъ.

Былъ еще за городомъ гусарскій выѣздной манежъ, состроенный изъ осиновыхъ вершинокъ и оплетенный соломенными притугами, но это было временное зданіе. Хотя губернскій архитекторъ, случайно видѣвшій счеты, во что обошелся этотъ манежъ правительству, и утверждалъ, что зданіе это весьма замѣчательно въ исторіи военныхъ построекъ, но это нимало не касается нашего романа и притомъ съ подробностью обработано уѣзднымъ учителемъ Зарницынымъ въ одной изъ его обличительныхъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Болѣе въ цѣломъ городѣ не было ничего достопримѣчательнаго въ топографическомъ отношеніи, а его этнографическою стороною намъ нѣтъ нужды обременять вниманіе нашихъ читателей, поелику эта сторона не представляетъ собою никакихъ замѣчательныхъ особенностей и не выясняетъ положенія дѣйствующихъ лицъ въ романѣ.

Гловацкій, Вязмитиновъ, Зарницынъ, докторъ и даже Бахаревъ были, конечно, знакомы и съ Никономъ Родіоновичемъ, и съ властями, и съ духовенствомъ, и съ купечествомъ, но знакомство это не оказывало прямого вліянія ни на ихъ главные интересы, ни на ихъ внутреннюю жизнь. А слѣдить за косвеннымъ вліяніемъ среды на выработку нравовъ и характеровъ, значило бы заходить нѣсколько далѣе, чѣмъ требуетъ нашъ планъ и положеніе нашихъ героевъ и героинь, не стремившихся спѣться съ окружающею ихъ средою, а сосредоточивавшихъ свою жизнь въ томъ ограниченномъ кружочкѣ, которымъ мы занимались до сихъ поръ, не удаляясь надолго отъ домовъ Бахарева и Гловацкаго. Кто жилъ въ уѣздныхъ городахъ въ послѣднее время, въ послѣ-якушкинскую эпоху, когда разнеслись слухи о благодѣтельной гласности, о новосильцевскомъ обществѣ пароходства и побѣдахъ Гарибальди въ Италіи, тотъ не станетъ отвергать, что около этого знаменательнаго времени и въ уѣздныхъ городахъ, особенно въ великороссійскихъ уѣздныхъ городахъ, имѣющихъ не менѣе одного острога и пяти церквей, произошелъ весьма замѣчательный и притомъ

вѣдь, не жжетъ же этотъ зырянинъ дикарей огнемъ, чтобы они крестились? Быть этого не можетъ! Въ чемъ же тутъ дѣло? отчего зырянинъ успѣваетъ, а русскіе не умѣютъ, и отчего я этого о-сю пору не знаю?

— А все оттого, владыко,—пришло мнѣ на мысль,—что ты и тебѣ подобные себялюбивы да важны: «деньги многи» собираете, да только подъ колокольнымъ звономъ разъѣзжаете, а про дальнія мѣста своей паствы мало думаете и о нихъ по слухамъ судите. На безсиліе свое на родной землѣ нарекаете, а сами все звѣзды хватать норовите, да вопрошаете: «что ми хощете дати, да азъ вамъ предамъ?» Берегись-ка, братъ, какъ бы и ты не таковъ же сталъ?

И ходилъ я, ходилъ этотъ вечеръ съ своею думою по моей пустой скучной залѣ, и до тѣхъ поръ доходился, пока вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль: пробѣжать самому пустыню.

Такимъ образомъ я надѣялся уяснить себѣ, если не все, то, по крайней мѣрѣ, очень многое. Да, признаюсь вамъ, и освѣжиться хотѣлось.

Для совершенія этого пути мнѣ, при моей неопытности, нуженъ былъ товарищъ, который хорошо бы зналъ инородческій языкъ; но какого же товарища лучше желать, какъ Кириака? И, не откладывая этого по своей нетерпѣливости въ долгій ящикъ, я призвалъ Кириака къ себѣ, открылъ ему свой планъ и велѣлъ собираться.

Онъ не противорѣчилъ, а, напротивъ, казалось, былъ даже очень радъ и, улыбаясь, повторялъ:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Откладывать было незачѣмъ, и мы на другое же утро ранымъ-рано отпѣли обѣденку, одѣлись оба по-туземному и выѣхали, держа путь къ самому сѣверу, гдѣ мой зырянинъ апостольствовалъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Лихо прокатили мы первый день на доброй тройкѣ и все бесѣдовали съ отцомъ Кириакомъ. Любезный старикъ разсказывалъ мнѣ интересныя исторіи изъ инородческихъ религіозныхъ преданій, изъ коихъ меня особенно занимала повѣсть о пятистахъ путешественникахъ, которые, подъ руководствомъ одного книжника, по-ихнему—«обушія», пустились путешествовать по землѣ въ то еще время, когда «побѣдившій силу бѣсовскую и отринувшій всѣ слабости»

богъ Шигемуни гостепріимствовалъ «непочатыми яствами» въ Ширвасѣ. Повѣсть эта тѣмъ интересна, что въ ней чувствуется весь складъ и духъ религіозной фантазіи этого народа. Пятьсотъ путниковъ, предводимые обушіемъ, встрѣчаютъ духа, который, чтобы устрашить ихъ, принимаетъ самый ужасный и отвратительный видъ и спрашиваетъ: «есть ли у васъ такія чудовища?»—«Есть гораздо страшнѣе», отвѣчалъ обушій.—«Кто же они?»—«Всѣ тѣ, которые завистливы, жадны, лживы и мстительны; они, по смерти, становятся чудовищами гораздо тебя страшнѣе и гаже». Духъ скрылся и, превратясь гдѣ-то въ человѣка, такого сухого и тощаго, что даже жилы его пристали къ костямъ, опять появился предъ путниками и говоритъ: «Есть ли у васъ такіе люди?» — «Какъ же, отвѣчаетъ обушій, гораздо суше тебя есть,—таковы всѣ, любящіе почести».

— Гм!—перебилъ я Киріака:—это, говорю, смотри, уже не на насъ ли, архіереевъ, мораль пущена?

— А Богъ вѣсть, владыко,—и продолжаетъ:—По нѣкоторомъ времени духъ явился въ видѣ прекраснаго юноши и говоритъ: «А вотъ такіе у васъ есть ли?»—Какъ же, отвѣчаетъ обушій,—между людьми есть несравненно тебя прекраснѣе,—это тѣ, которые имѣютъ острое понятіе и, очистивъ свои чувства, благоговѣютъ къ тремъ изяществамъ: Богу, вѣрѣ и святости. Сіи столь тебя красивѣе, что ты предъ ними никуда не годишься». Духъ разсердился и сталъ экзаменовать обушія другими манерами. Онъ зачерпнулъ въ горсть воды:—«Гдѣ, говоритъ, больше воды: въ морѣ или въ горсти?» — «Въ горсти болѣе», отвѣчалъ обушій.—«Докажи».—«Ну, и докажу: по видимому судя, кажется въ морѣ, дѣйствительно, болѣе воды, чѣмъ въ горсти, но когда придетъ время разрушенія міра и изъ нынѣшняго солнца выступитъ другое, огнепалящее, то оно изсушитъ на землѣ всѣ воды,—и большія, и малыя: и моря, и ручьи, и потоки, и сама Сумберъ-гора (Атласъ) разсыплется; а кто при жизни напоилъ своею горстью уста жаждущаго или обмылъ своею рукою раны нищаго, того горсть воды семь солнцъ не изсушатъ, а напротивъ того, будутъ только ее расширять и тѣмъ самымъ увеличивать»... — Право, какъ вы хотите, а вѣдь это не совсѣмъ глупо, господа?—вопросилъ, пріостановясь на минуту, разсказчикъ,—а? Нѣтъ, взаправду, какъ вы это находите?

— Очень не глупо, совсѣмъ не глупо, владыко.

— Признаюсь вамъ, и мнѣ это показалось, пожалуй, толковѣе иной протяженной проповѣди объ оправданіи... Ну, впрочемъ, не все объ этомъ. Потомъ повели мы долгія бесѣды о томъ, какой способъ надо предпочесть всѣмъ другимъ для обращенія дикарей въ христіанство. Кириакъ находилъ, что съ ними надо какъ можно меньше обрядничать, потому что они иначе самого Кирика съ его вопросами превзойдутъ о томъ: можно ли того причащать, кто яйцомъ въ зубы постучитъ; да не надо много и догматизировать, потому что ихъ слабый умъ устаетъ слѣдить за всякою отвлеченностью и силлогизаціею, а надо имъ просто разсказывать о жизни и о чудесахъ Христа, чтобы это представлялось имъ какъ можно живообразнѣе и чтобы ихъ бѣдной фантазіи было за что цѣпляться. Но главное: все на то напиралъ, что «кто премудръ и худогъ, тотъ пусть покажетъ имъ отъ своего житія добраго,—тогда они и Христа поймутъ, а иначе, говоритъ, плохо наше дѣло, и истинная наша вѣра, хоть мы ее промежъ нихъ и нарѣчемъ, то будетъ она у нихъ подъ началомъ у неистинной: наша будетъ нареченная, а та дѣйствующая, — что въ томъ добра-то, владыко? Посуди: къ торжеству Христовой вѣры это будетъ, или къ ея униженію? А еще того горше, какъ отъ нашего что возьмутъ, да не знать, что изъ него сдѣлаютъ. Нечего спѣшить нарекать, а надо насаждать; другіе придутъ — будутъ поливать, а возраститъ самъ Богъ... Не такъ ли, владыко, апостолъ-то училъ, а? Вспомни его, должно-быть, такъ; а то, гляди, какъ бы не поспѣшить, да людей не насмѣшить и сатану не порадовать».

Я, по правдѣ сказать, внутренно во многомъ съ нимъ соглашался и не замѣтилъ, какъ въ простыхъ и мирныхъ съ нимъ разговорахъ провелъ весь день до вечера; а съ тѣмъ и нашъ конный путь кончился.

Переночевали мы съ нимъ у огонька въ юртѣ и на другое утро покатили на оленяхъ.

Погода стояла чудесная и ѣзда на оленяхъ очень меня занимала, хотя она, однако, не совсѣмъ отвѣчала моимъ о ней представленіямъ. Въ дѣтствѣ моемъ я очень любилъ смотрѣть на картинку, гдѣ былъ прѣдставленъ лапландецъ на оленяхъ. Но тѣ олени, на картинкѣ, были легкіе, быстроногіе, какъ вихри степные неслись, закинувъ назадъ

головы съ вѣтвистыми рогами, и я, бывало, все думалъ: эхъ, кабы хоть разъ такъ прокатиться! Какая это, должно-быть, пріятная быстрота при такой скачкѣ! А на дѣлѣ же оно выходило не такъ: передо мною были совсѣмъ не тѣ уносистые, рогатые вихри, а камолые, тяжеловатые увальни съ понурыми головами и мясистыми, разлатыми лапами. Бѣжали они побѣжкой нетвердою и неровною, склонивъ головы, и съ такою задышкою, что инда съ непривычки жалость брала на нихъ смотрѣть, особливо какъ у нихъ ноздри замерзли и они рты поразинули. Такъ тяжело дышатъ, что это густое дыханіе ихъ собирается облакомъ и такъ и стоитъ въ морозномъ воздухѣ полосою. И эта ѣзда, и грустное однообразіе пустынныхъ картинъ, которыя при ней открываются, производятъ такое скучное впечатлѣніе, что даже говорить не хочется, и мы съ Кириакомъ, ѣдучи два дня на оленяхъ, почти ни о чемъ и не бесѣдовали.

На третій день къ вечеру и этотъ путь прекратился: снѣга стали рыхлѣе, и мы замѣнили нескладныхъ оленей собаками — такія сѣренькія, мохнатыя и востроухія, какъ волчки, и по-волчьи почти и тявкаютъ. Запрягаютъ ихъ помногу, штукъ по пятнадцати, а почетному путнику, пожалуй, и больше зацѣпятъ, но салазки такія узенькія, что двоимъ рядомъ сидѣть невозможно, и мы съ отцомъ Кириакомъ должны были раздѣлиться: на однѣхъ приходилось ѣхать мнѣ съ проводникомъ, а на другихъ—Кириаку съ другимъ проводникомъ. Проводники оба казались равнаго достоинства, да и съ обличья ихъ одного отъ другого даже и не отличишь, особенно какъ своими малицами закутаются,—точно банные обмылки: что одинъ, что другой — въ обоихъ одна красота. Но Кириакъ нашелъ въ нихъ разницу и непремѣнно настаивалъ, чтобы усадить меня съ тѣмъ, который казался ему надежнѣе; а въ чемъ онъ видѣлъ эту надежность—не объяснилъ.

— Такъ, говоритъ, владыко: ты въ этомъ краѣ неопытнѣе меня, такъ ты съ этимъ поѣзжай.—За это я его не послушалъ и сѣлъ съ другимъ. Поклажу свою мы раздѣлили: я взялъ себѣ въ ноги узелокъ съ бѣльемъ да съ книгами, а Кириакъ надѣлъ на себя мурницу и дароносицу, да взялъ въ ноги кошель съ толокномъ, сухой рыбкой и прочей нашей незатѣйливой походной провизіей.

онъ познакомилъ съ Женею, не ожидая на то никакого желанія со стороны пріѣзжей гостьи или ея отца. На другой же день по пріѣздѣ Женни, онъ явился подъ руку съ своей Лурлеей и отрекомендовалъ ее какъ дѣвицу, съ которой можно говорить и разсуждать обо всемъ самой просвѣщенной дѣвицѣ.

Съ тѣхъ поръ Лурлея начала часто навѣщать Женни и разносить о ней по городу всякія дрязги. Женни знала это: ее и предупреждали насчетъ дѣвицы Саренко, и даже, для вящшаго убѣжденія, сообщали, что̀ именно ею сочинено и разсказано, но Женни не обращала на все это никакого вниманія.

— Умные и честные люди, — отвѣчала она: — такимъ вздорамъ не повѣрятъ и поймутъ, что это сплетни, а о мнѣніи глупыхъ и дурныхъ людей я никогда не намѣрена заботиться.

Еще въ домъ Гловацкихъ ходила соборная дьяконица, Елена Семеновна, очень молоденькая, довольно хорошенькая и превеселая бабочка, безпрестанно цѣловавшая своего мужа и аккомпанировавшая ему на фортепіано разные, всѣми давно забытые романсы. И дьяконица, и ея мужъ, Василій Ивановичъ Александровскій, были очень добрые и простодушные люди, которые очень любили Гловацкихъ и всю ихъ компанію. Сепаратисты тоже любили молодую духовную чету за ея веселый, добрый нравъ, искренность и безобидчивость, составляющую большую рѣдкость въ уѣздныхъ обществахъ.

Такимъ образомъ къ концу перваго года, проведеннаго Женею въ отцовскомъ домѣ, ближайшій кругъ ея знакомства составляли: Вязмитиновъ, Зарницынъ, дьяконъ Александровскій съ женою, Ольга Саренко, состоявшая въ должности наблюдателя, отряженнаго дамскимъ обществомъ, и докторъ. Съ женою своею докторъ не знакомилъ Женни и вообще постоянно избѣгалъ даже всякихъ о ней разговоровъ.

Изъ этихъ лицъ чаще всѣхъ бывали у Гловацкихъ Вязмитиновъ и Зарницынъ. Рѣдкій вечеръ Женни проводила одна. Всегда къ вечернему чаю являлся тотъ или другой, а иногда и оба вмѣстѣ. Усаживались за столъ, и кто-нибудь изъ молодыхъ людей читалъ, а остальные слушали. Женни при этомъ обыкновенно работала, а Петръ Лукичъ

или растиралъ въ блюдцѣ грушевою ложечкою нюхательный табакъ, или, подперши ладонями голову, молча глядѣлъ на Женни, замѣнившую ему всѣ радости въ жизни. Женни очень любила слушать, особенно когда читалъ Зарницынъ. Онъ, дѣйствительно, очень хорошо читалъ, хотя и вдавался въ нѣкоторую не совсѣмъ нужную декламацію. Несмотря на то, что Женни обѣщала читать все, что̀ ей дастъ Вязмитиновъ, ея литературный вкусъ скоро сказался. Она очень тяготилась серьезнымъ чтеніемъ и вообще не долюбливала статей. Вязмитиновъ скоро это замѣтилъ и сталъ снабжать ее лучшими беллетристическими произведеніями старой и новой литературы. Выборъ всегда былъ очень разумный, изобличавшій въ Вязмитиновѣ основательное знаніе литературы и серьезное пониманіе вліянія извѣстныхъ произведеній на умъ и сердце читательницы.

Легкій родъ литературы Женѣ очень нравился, но и въ немъ она искала отдыха и удовольствія, а не зачитывалась до страсти.

Вообще она была читательница такъ себѣ, весьма не рьяная, хотя и не была равнодушна къ драматической литературѣ и поэзіи. Она даже знала наизусть цѣлыя страницы Шиллера, Гёте, Пушкина, Лермонтова и Шекспира, но все это ей нужно было для отдыха, для удовольствія; а главное у нея было—дѣло дѣлать. Это *дѣло дѣлать* у нея сводилось къ исполненію женскихъ обязанностей дома для того, чтобы всѣмъ въ домѣ было какъ можно легче, отраднѣе и лучше. И она считала эти обязанности своимъ преимущественнымъ назначеніемъ вовсе не вслѣдствіе какой-нибудь узкой теоріи, а такъ это у нея просто такъ выходило, и она такъ жила.

Зарницынъ за это упрекалъ Евгенію Петровну, указывая ей на высокое призваніе гражданки; Вязмитиновъ объ этомъ никогда не разговаривалъ, а докторъ, сдѣлавшійся жаркимъ поклонникомъ скромныхъ достоинствъ Женни, обыкновенно не давалъ сказать противъ нея ни одного слова.

— Рудинъ! Рудинъ!—кричалъ онъ на Зарницына: — все съ проповѣдями ходишь, на великое служеніе всѣхъ подбиваешь: мать Гракховъ сыновей кормила, а ты, смотри, бабки слѣпой не умори голодомъ съ проповѣдями-то.

Докторъ, впрочемъ, бывалъ у Гловацкихъ гораздо рѣже, чѣмъ Зарницынъ и Вязмитиновъ: служба не давала ему

— Да что же это за шайганъ, этотъ твой братъ? Какъ онъ это смѣетъ дѣлать?

— А что, бачка? ничего: ему, бачка, ужъ все равно, а тѣхъ, бачка, зайсанъ бить не будетъ и лама олешковъ не сгонитъ.

— Гм! надо, однако, твоего досужаго брата на примѣту взять. Скажи-ка мнѣ, какъ его зовутъ?

— Куська-Демякъ, бачка.

— Кузьма или Демьянъ?

— Нѣтъ, бачка.—Куська-Демякъ.

— Да; по-твоему чище, — Куська-Демякъ или мѣди пятакъ,—только это два имени.

— Нѣтъ, бачка, одно.

— Я тебѣ говорю—два!

— Нѣтъ, бачка, одно.

— Ну, тебѣ, видно, и это лучше знать.

— Какъ же, бачка, мнѣ лучше.

— Но это его Кузьмой и Демьяномъ при первомъ или при второмъ крещеніи назвали?

Вылупился и не понимаетъ; но, когда я ему повторилъ, онъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Такъ, бачка: это какъ онъ за меня крестился, тогда его стали Куська-Демякъ дразнить.

— Ну, а послѣ перваго-то крещенія вы какъ его дразнили?

— Не знаю, бачка,—забылъ.

— Но онъ-то, чай, это знаетъ?

— Нѣтъ, бачка, и онъ позабылъ.

— Быть, говорю, этого не можетъ!

— Нѣтъ, бачка,—вѣрно, позабылъ.

— А вотъ я его велю разыскать и разспрошу.

— Разыщи, бачка, разыщи; и онъ скажетъ, что позабылъ.

— Да только уже я его, братъ, какъ разыщу, такъ самъ зайсану отдамъ.

— Ничего, бачка; ему теперь, бачка, никто ничего, — онъ пропащій.

— Черезъ что же это онъ пропащій-то? Черезъ то, что окрестился, что ли?

— Да, бачка; его шаманъ гонитъ, у него лама олешки забралъ, ему свой никто не вѣритъ.

— Отчего не вѣритъ?

— Нельзя, бачка, крещеному вѣрить,—никто не вѣритъ.

— Что ты, дикій глупецъ, врешь! Отчего нельзя крещеному вѣрить? Развѣ крещеный васъ, идолопоклонниковъ, хуже?

— Отчего, бачка, хуже?—одинъ человѣкъ.

— Вотъ видишь, и самъ согласенъ, что не хуже?

— Не знаю, бачка, — ты говоришь, что не хуже, и я говорю; а вѣрить нельзя.

— Почему же ему нельзя вѣрить?

— Потому, бачка, что ему попъ грѣхъ прощаетъ.

— Ну, такъ что же тутъ худого? неужто же лучше безъ прощенія оставаться?

— Какъ можно, бачка, безъ прощенія оставаться! Это нельзя, бачка. Надо прощенье просить.

— Ну, такъ я же тебя не понимаю; о чемъ ты толкуешь?

— Такъ, бачка, говорю: крещеный своруетъ, попу скажетъ, а попъ его, бачка, проститъ; онъ и невѣрный, бачка, черезъ это у людей станетъ.

— Ишь ты какой вздоръ несешь! А по-твоему это, небось, не годится?

— Этакъ, бачка, не годится у насъ, не годится.

— А по-вашему какъ бы надо?

— Такъ, бачка: у кого укралъ, тому назадъ принеси и прости проси; человѣкъ проститъ и Богъ проститъ.

— Да, вѣдь, и попъ человѣкъ: отчего же онъ не можетъ простить.

— Отчего же, бачка, не можетъ простить?—и попъ можетъ. Кто у попа укралъ, того, бачка, и попъ можетъ простить?

— А если у другого укралъ, такъ онъ не можетъ простить?

— Какъ же, бачка? — нельзя, бачка: неправда, бачка, будетъ; невѣрный человѣкъ, бачка, вездѣ пойдетъ.

Ахъ, ты, думаю, чучело этакое неумытое, какія себѣ построенія настроилъ!—и спрашиваю далѣе:

— А ты про Господа Іисуса Христа-то что-нибудь слыхалъ?

— Какъ же, бачка,—слыхалъ.

— Что же ты про Него слыхалъ?

— По водѣ, бачка, ходилъ.

— Гм! ну, хорошо—ходилъ; а еще что?

— Свинью, бачка, въ морѣ топилъ.

— А болѣе сего?

— Ничего, бачка,—хорошъ, жалостливъ, бачка, былъ.

— Ну, какъ же жалостливъ? Что онъ дѣлалъ?

— Слѣпому на глаза, бачка, плевалъ, — слѣпой видѣлъ; хлѣбца и рыбка народца кормилъ.

— Однако, ты, братъ, много знаешь.

— Какъ же, бачка,—много знаю.

— Кто же тебѣ все это разсказалъ?

— А люди, бачка, говорятъ.

— Ваши люди?

— Люди-то? Какъ же, бачка,—наши, наши.

— А они отъ кого слышали?

— Не знаю, бачка.

— Ну, а не знаешь ли ты, зачѣмъ Христосъ сюда на землю приходилъ?

Думалъ онъ, думалъ,—и ничего не отвѣтилъ.

— Не знаешь? говорю.

— Не знаю.

Я ему все православіе и объяснилъ, а онъ не то слушаетъ, не то нѣтъ, а самъ все на собакъ поглядываетъ, да орстелемъ машетъ.

— Ну, понялъ ли, спрашиваю, что я тебѣ говорилъ?

— Какъ же, бачка, понялъ: свинью въ морѣ топилъ, слѣпому на глаза плевалъ, — слѣпой видѣлъ, хлѣбца-рыбка народца далъ.

Засѣли ему въ лобъ эти свиньи въ морѣ, слѣпой да рыбка, а дальше никакъ и не поднимется... И припомнились мнѣ Кирiаковы слова о ихъ жалкомъ умѣ и о томъ, что они сами не замѣчаютъ, какъ края ризы касаются. Что же? и этотъ, пожалуй, крайка коснулся, но ужъ именно только коснулся, — чуть-чуть дотронулся; но какъ бы ему болѣе дать за него ухватиться? И вотъ я и попробовалъ съ нимъ какъ можно проще побесѣдовать о благѣ Христова примѣра и о цѣли Его страданія, — но мой слушатель все одинаково невозмутимо орстелемъ помахиваетъ. Трудно мнѣ было себя обольщать: вижу, что онъ ничего не понимаетъ.

— Ничего, спрашиваю, не понялъ?

— Ничего, бачка, — все правду врешь; жаль Его: Онъ хорошъ, Христосикъ.

— Хорошъ?

— Хорошъ, бачка, не надо Его обижать.

зались не выше луговыхъ кочекъ, усѣвшихся на передкемъ планѣ необъятнаго луга. А когда бархатная поверхность этого луга мало-по-малу сѣрѣла, клочилась и росла, деревня вовсе исчезала и только длинные журавли ея колодцевъ медленно и важно, какъ бы по собственному произволу, то поднимали, то опускали свои шеи, точно и въ самомъ дѣлѣ были настоящіе журавли, живыя, вольныя птицы Божьи, которыхъ не гнетъ за носъ къ землѣ веревка, привязанная человѣкомъ. По горѣ росли горохъ и чечевица, далѣе влѣво шелъ глубокій оврагъ съ красно-бурыми обрывами и совершенно черными впадинами, дававшими нѣкогда пріютъ смѣлымъ удальцамъ Степана Разина, сына Тимоѳеевича. Затѣмъ шелъ старый сосновый лѣсъ, густою, черно-синею щеткою покрывавшій гору и уходившій по ней подъ самое небо; а къ этому лѣсу, кокетливо поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, подбѣгала мелководная рѣчечка, заросшая по загибинамъ то звонкимъ красноватымъ тростникомъ, махавшимъ своими переломленными листочками, то зелено-синимъ початникомъ. Много этого початника росло по мелководной рѣчкѣ Саванкѣ. Вымечется этотъ початникъ и славно смотрѣть на него издали. На однихъ стебляхъ качаются развѣсистыя кисточки съ какими-то красными узелками, точно деревенскія молодки въ бахромчатыхъ повязкахъ. А на другихъ стебляхъ все высокіе, черные, бархатистые султаны; ни-дать-ни-взять, тѣ прежніе султаны, что высоко стояли и шатались на высокихъ гренадерскихъ шапкахъ. Смирно стоятъ въ воздухѣ гордые, статные гренадеры въ высокомъ, синемъ ситникѣ, и только болѣе шаткія, спрятавшіяся въ томъ же ситникѣ молодочки кокетливо потряхиваютъ своими бахромчатыми, красноватыми повязочками. А дунетъ вѣтерокъ, гренадеры зашатаются съ какими-то рѣшительными намѣреніями, повязочки суетливо метнутся изъ стороны въ сторону, и все это вдругъ пригнется, юркнетъ въ густую чащу початника; наверху не останется ни повязочки, ни султана, и только синія лопасти холостыхъ стеблей шумятъ и передвигаются, будто давая кому-то мѣсто, будто сговариваясь о секретѣ, и стараясь что-то укрыть отъ звонкаго тростника, вѣчно шумящаго своими болтливыми листьями. Пронесется тучка, сбѣжитъ вѣтерокъ и изъ густой травы снова выпрыгиваютъ гренадерскіе султаны, и

ставлять простымъ людямъ великость жертвы Христова пришествія на землю, сравнивая это, какъ бы кто изъ свободныхъ людей, по любви къ заключеннымъ злодѣямъ, самъ съ ними заключался, чтобы терпѣть ихъ злонравіе. Очень просто и хорошо; но вѣдь у моего слушателя, благодаря обстоятельствамъ, нѣтъ бо́льшихъ злодѣевъ, какъ тѣ, отъ кого онъ бѣгаетъ изъ страха, чтобы его не окрестили; нѣтъ у него такого мѣста, которое могло бы произвести ужасъ въ сравненіи съ страшнымъ мѣстомъ его всегдашняго обитанія... Ничего съ нимъ не подѣлаешь,—ни Массильономъ, ни Бурдалу, ни Эккартсгаузеномъ. Вонъ онъ тебѣ тычетъ орстелемъ въ снѣгъ да помахиваетъ, рожа обмылкомъ—ничего не выражаетъ; въ глядѣлкахъ, которыя стыдъ глазами звать,—ни въ одномъ ни искры душевнаго свѣта; самые звуки словъ, выходящихъ изъ его гортани, какіе-то мертвые: въ горѣ ли, въ радости ли—все одно произношеніе, вялое и безстрастное,—половину слова гдѣ-то въ глоткѣ выговоритъ, половину въ зубахъ сожметъ. Гдѣ ему съ этими средствами искать отвлеченныхъ истинъ и что̀ ему въ нихъ? Они ему бремя: ему надо вымирать со всѣмъ родомъ своимъ, какъ вымерли ацтеки, вымираютъ индѣйцы... Ужасный закопъ! Какое счастье, что онъ его не знаетъ,—и знай тычетъ себѣ орстелемъ,—тычетъ направо, тычетъ налѣво; не знаетъ, куда меня мчитъ, зачѣмъ мчитъ и зачѣмъ, какъ дитя простой душою, открываетъ мнѣ, во вредъ себѣ, свои завѣтныя тайны... Малъ весь талантъ его и... благо ему; мало съ него спросится... А онъ все несется, несется въ безбрежную даль, и машетъ своимъ орстелемъ, который, мигая передъ моими глазами, началъ дѣйствовать на меня, какъ маятникъ. Меня замаячило; эти мѣрные взмахи, какъ магнетизерскіе пассы, меня путали сонною сѣтью; подъ темя тѣснилась дрема, и я тихо и сладко уснулъ,—уснулъ для того, чтобы проснуться въ положеніи, отъ котораго да сохранитъ Господь всякую душу живую!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я спалъ очень крѣпко и, вѣроятно, довольно долго, но вдругъ мнѣ показалось, что меня какъ будто что-то толкнуло и я сижу, накренясь на бокъ. Я въ полуснѣ еще хотѣлъ поправиться, но вижу, что меня опять кто-то по-

шатнулъ назадъ; а вокругъ все воетъ... Что такое? Хочу посмотрѣть, но нечѣмъ смотрѣть,—глаза не открываются. Зову своего дикаря.

— Эй, ты, пріятель! гдѣ ты?

А онъ на самое ухо кричитъ мнѣ:

— Прочкнись, бачка,—прочкнись скорѣй! застынешь!

— Да что это я, говорю, не могу глазъ открыть?

— Сейчасъ, бачка, откроешь.

И съ этими словами—что бы вы думали?—взялъ да мнѣ въ глаза и плюнулъ, и ну своимъ оленьимъ рукавомъ тереть.

— Что ты дѣлаешь?

— Глаза тебѣ, бачка, протираю.

— Пошелъ ты, дуракъ...

— Нѣтъ, погоди, бачка,—не я дуракъ, а ты сейчасъ глядѣть станешь.

И точно, какъ онъ провелъ мнѣ своимъ оленьимъ рукавомъ по лицу, мои смерзшіяся вѣки оттаяли и открылись. Но для чего? что было видѣть? Я не знаю, можетъ ли быть страшнѣе въ аду: вокругъ мгла была непроницаемая, непроглядная темь—и вся она была, какъ живая: она тряслась и дрожала, какъ чудовище,—сплошная масса льдистой пыли была его тѣло, останавливающій жизнь холодъ—его дыханіе. Да, это была смерть въ одномъ изъ самыхъ грозныхъ своихъ явленій и, встрѣтясь съ ней лицомъ къ лицу, я ужаснулся.

Все, что я могъ проговорить, это былъ вопросъ о Кіакѣ,—гдѣ онъ? Но говорить было такъ трудно, что дикарь ничего не слышалъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ, говоря мнѣ, нагибался и кричалъ мнѣ подъ треухъ въ самое ухо, и самъ я подъ треухъ ему закричалъ:

— А гдѣ наши другія сани?

— Не знаю, бачка,—насъ разбило.

— Какъ разбило?

— Разбило, бачка.

Я хотѣлъ этому не вѣрить; хотѣлъ оглянуться, но никуда, ни въ одну сторону не видать ничего: кругомъ адъ темный и кромѣшный. Подъ самымъ моимъ бокомъ у саней что-то копошилось, какъ клубъ, но не было никакихъ средствъ видѣть, что это такое. Спрашиваю дикаря, что это. Тотъ отвѣчаетъ:

— А это, бачка, собачки спутались,—грѣются.

И вслѣдъ затѣмъ онъ сдѣлалъ въ этой тьмѣ какое-то движеніе и говоритъ:

— Падай, бачка!

— Куда падать?

— Вотъ сюда, бачка,—въ снѣгъ падай.

— Погоди, говорю.

Мнѣ еще не вѣрилось, что я потерялъ своего Кириака, и я привсталъ изъ саней и хотѣлъ позвать его, но меня въ то же мгновеніе и сразу же задушило, точно какъ заткнуло всего этою ледяною пылью, и я повалился въ снѣгъ, причемъ довольно больно ударился головой о санную грядку. Подняться у меня не было никакихъ силъ, да и мой дикарь мнѣ не далъ бы этого сдѣлать. Онъ придержалъ меня и говоритъ:

— Лежи, бачка, смирно лежи, не околѣешь: снѣгъ замететъ, тепло будетъ; а то околѣешь. Лежи!

Ничего не оставалось, какъ его слушаться; и я лежу и не трогаюсь, а онъ сволокъ съ салазокъ оленью шкуру, бросилъ ее на меня и самъ подъ нее же подобрался.

— Вотъ теперь, говоритъ, бачка, хорошо будетъ.

Но это «хорошо» было такъ скверно, что я въ ту же минуту долженъ былъ какъ можно рѣшительнѣе отвернуться отъ моего сосѣда въ другую сторону, ибо присутствіе его на близкомъ разстояніи было невыносимо. Четвероднев ный Лазарь въ Виоанской пещерѣ не могъ отвратительнѣе смердѣть, чѣмъ этотъ живой человѣкъ; это было что-то хуже трупа,—это была смѣсь вонючей оленьей шкуры, остраго человѣчьяго пота, копоти и сырой гнили, юколы, рыбьяго жира и грязи... О, Боже, о, бѣдный я человѣкъ! Какъ мнѣ былъ противенъ этотъ, по образу Твоему созданный, братъ мой! О, какъ бы охотно я выскочилъ изъ этой вонючей могилы, въ которую онъ меня рядомъ съ собою укладывалъ, если бы только сила и мочь стоять въ этомъ метущемся адскомъ хаосѣ! Но ничего похожаго на такую возможность нельзя было и ждать,—и надо было покоряться.

Мой дикарь замѣтилъ, что я отъ него отвернулся, и говоритъ:

— Погоди, бачка, ты не туда морду клалъ;—ты вотъ сюда клади морду, вмѣстѣ дуть будемъ,—тепло станетъ.

Это даже слушать казалось ужасно!

Я притворился, что его не слышу, но онъ вдругъ какъ-то напружинился, какъ клопъ, перекатился чрезъ меня и легъ прямо носъ къ носу, и ну дышать мнѣ въ лицо съ ужаснымъ сапомъ и зловоніемъ. Сопѣлъ онъ тоже необычайно, точно кузнечный мѣхъ. Я никакъ не могъ этого стерпѣть и рѣшился добиться, чтобы этого не было.

— Дыши, говорю, какъ-нибудь потише.

— А что? ничего, бачка, я не устану: я тебѣ, бачка, морду грѣю.

«Мордою» его я, разумѣется, не обижался, потому что не до амбиціи мнѣ было въ это время, да и, повторяю вамъ, у нихъ для оттѣнка такихъ излишнихъ тонкостей, чтобы отличать звѣриную морду отъ человѣческаго лица, и отдѣльныхъ словъ еще не заведено. Все морда: у него самого морда, у жены его морда, у его оленя морда, и у его бога Шигемони морда, — почему же у архіерея не быть мордѣ? Это моему преосвященству снести было не трудно, но вотъ что трудно было: сносить это его дыханіе съ этой смердючей юколой и какимъ-то другимъ отвратительнымъ зловоніемъ, — вѣроятно, зловоніемъ его собственнаго желудка, — противъ этого я никакъ не могъ стоять.

— Довольно, говорю, — перестань; ты меня согрѣлъ, теперь болѣе не сопи.

— Нѣтъ, бачка, сопѣть—теплѣй будеть.

— Нѣтъ, пожалуйста, не надо: и такъ надоѣлъ,—не надо!

— Ну, не надо, бачка, не надо. Теперь спать будемъ.

— Спи.

— И ты, бачка, спи.

И въ эту же секунду, какъ это выговорилъ, точно мустрованная лошадь, которая сразу въ галопъ принимаетъ, такъ и онъ сразу же уснулъ и сразу же захрапѣлъ. Да, вѣдь, какъ же, злодѣй, захрапѣлъ! Я, признаюсь вамъ, съ дѣтства страшный врагъ соннаго храпа, и гдѣ въ комнатѣ хоть одинъ храпливый человѣкъ есть, я уже мученикъ и ни за что уснуть не могу; а такъ какъ у насъ, въ семинаріи и академіи, разумѣется, было много храпуновъ, и я ихъ поневолѣ много и прилежно слушивалъ, то, не въ смѣхъ вамъ сказать, я вывелъ себѣ о храпѣ свои наблюденія: по храпу, увѣряю васъ, все равно, какъ по голосу и по походкѣ, можно судить о темпераментѣ и о характерѣ человѣка. Увѣряю васъ, это такъ: задорный человѣкъ — онъ и

храпитъ задорно, точно онъ и во снѣ сердится; а товарищъ у меня по академіи весельчакъ и франтъ былъ, — такъ тотъ и храпѣлъ какъ-то франтовски: — этакъ весело какъ-то, съ присвистомъ, точно въ своемъ городѣ въ соборъ идетъ новый сюртукъ обновлять. Его, бывало, даже изъ другихъ камеръ слушать приходили и одобряли его искусство. Но теперешній мой дикій сосѣдъ такую положительную музыку завелъ, что я никогда ни такого обширнаго діапазона, ни такого темпа еще не наблюдалъ и не слыхивалъ: точно какъ будто сильный густой рой гудитъ и въ звонкій сухой улей о стѣнки мягко бьется. Прекрасно этакъ, солидно, ритмически и мѣрно: у-у-у-у-бумъ, бумъ, бумъ, у-у-у-у-бумъ, бумъ, бумъ... По моимъ наблюденіямъ, надлежало бы вывести, что это дѣйствуетъ человѣкъ обстоятельный, надежный; но, лиха бѣда, мнѣ не до наблюденій было: онъ такъ одолѣлъ совсѣмъ, разбойникъ, этимъ гуломъ! Терпѣлъ - терпѣлъ я, наконецъ, не выдержалъ, — толкнулъ его въ ребра.

— Не храпи, говорю.

— А что, бачка? зачѣмъ не храпѣть?

— Да ты ужасно храпишь: спать мнѣ не даешь.

— А ты самъ захрапи.

— Да я не умѣю храпѣть.

— А я, бачка, умѣю,—и опять сразу въ галопъ загудѣлъ.

Что ты съ этакимъ мастеромъ станешь дѣлать? Что ужъ тутъ съ такимъ человѣкомъ спорить, который во всемъ превосходитъ: и о крещеньи больше меня знаетъ, по скольку разъ крестятъ, и объ именахъ свѣдущъ, и храпѣть умѣетъ, а я не умѣю; во всемъ передо мною преферансъ получаетъ,—надо ему и честь, и мѣсто дать.

Понятился я отъ него, какъ могъ, немножко въ сторону, провелъ съ трудомъ руку за подрясникъ и пожалъ репетиръ: часы прозвонили всего три и три четверти. Это, значитъ, еще былъ день; вьюга, конечно, пойдетъ на всю ночь, можетъ-быть, и больше... Сибирскія вьюги, вѣдь, продолжительны. Можете себѣ представить, каково имѣть все это въ перспективѣ! А между тѣмъ, положеніе мое все становилось ужаснѣе: сверху насъ, вѣрно, уже хорошо укрыло снѣгомъ и въ логовѣ нашемъ стало не только тепло, а даже душно; но зато и отвратительныя, вонючія испаренія становились все гуще, — отъ этого спертаго смрада у меня занимало

дыханіе и очень жаль, что это сдѣлалось не сразу, потому что тогда я не испыталъ бы и сотой доли тѣхъ мученій, которыя ощутилъ, приведя себя въ память, что съ моимъ отцомъ Кіріакомъ пропала и моя бутылка съ подправленною коньякомъ водою и вся наша провизія... Я ясно видѣлъ, что если я не задохнусь здѣсь, какъ въ Черной Пещерѣ, то мнѣ, навѣрно, грозитъ самая ужасная, самая мучительная изъ всѣхъ смертей,—голодная смерть и жажда, которая уже начала надо мною свое терзательство. О, какъ я теперь жалѣлъ, что не остался мерзнуть наверху и залѣзъ въ этотъ снѣжный гробъ, гдѣ мы двое лежали въ такой тѣснотѣ и подъ такимъ прессомъ, что всѣ мои усилія приподняться и встать были совершенно напрасны!

Съ величайшимъ трудомъ я доставалъ изъ-подъ своего плеча кусочки снѣгу и жадно глоталъ ихъ, одинъ за другимъ, но—увы!—это меня нимало не облегчало—напротивъ. это возбуждало у меня тошноту и несносное жженіе въ горлѣ и желудкѣ, а особенно около сердца; затылокъ у меня трещалъ, въ ушахъ стоялъ звонъ и глаза гнело и выпирало на лобъ. А между тѣмъ докучный рой гудѣлъ все гуще и гуще, и все звонче пчелки бились объ улей. Такое ужасное состояніе продолжалось, пока часовой репетиръ сказалъ семь, — и затѣмъ я больше ничего не помню, потому что потерялъ сознаніе.

Это было величайшее счастіе, какое могло посѣтить меня въ моемъ настоящемъ бѣдственномъ положеніи. Не знаю, отдыхалъ ли я въ это время сколько-нибудь физически, но я, по крайней мѣрѣ, не мучился представленіемъ о томъ, что меня ожидало впереди и что въ дѣйствительности, по ужасу своему, должно было далеко превзойти всѣ представленія встревоженной фантазіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Когда я пришелъ въ чувства, пчелиный рой отлетѣлъ, и я увидѣлъ себя на днѣ глубокой, снѣжной ямы; я лежалъ на самомъ ея днѣ, съ вытянутыми руками и ногами и не чувствовалъ ничего: ни холоду, ни голоду, ни жажды;—рѣшительно ничего! Только голова моя была до того мутна и безтолкова, что мнѣ порядочнаго труда стоило привести себѣ на память все, что со мною произошло, и въ какомъ я теперь нахожусь положеніи. Но, наконецъ, все это вы-

яснилось, и первая мысль, которая мнѣ пришла въ эту пору, была та, что мой дикарь очнулся ранѣе меня и улизнулъ одинъ, а меня бросилъ.

Оно, по здравому сужденію, ему такъ бы и стоило со мною сдѣлать, особенно послѣ того, какъ я ему вчера нагрозилъ и его крестить, и брата его Кузьму-Демьяна разыскивать; но онъ, по своему язычеству, не такъ поступилъ. Чуть я, съ трудомъ двинувъ моими набрякшими членами, сѣлъ на днѣ моей разрытой могилы, какъ увидѣлъ я его шагахъ въ тридцати отъ меня. Онъ стоялъ подъ большимъ запиндѣлымъ деревомъ и довольно забавно кривлялся, а надъ нимъ, на длинномъ суку, висѣла собака, у которой изъ распоротаго брюха ползли внизъ теплыя черева.

Я догадался, что это онъ жертву или, по-ихнему, таилгу принесъ, и, по правдѣ сказать, не возропталъ, что это жертвоприношеніе его здѣсь задержало, пока я проснулся, и помѣшало ему меня бросить. А я вполнѣ былъ увѣренъ, что этотъ язычникъ непремѣнно долженъ былъ имѣть такое нехристіанское намѣреніе, и завидовалъ отцу Кириаку, который терпитъ теперь свою бѣду, по крайней мѣрѣ, хоть съ человѣкомъ крещенымъ, который все же долженъ быть благонадежнѣе моего нехриста. И отъ тяжкаго ли моего положенія, что ли, во мнѣ родилось даже такое подозрѣніе, что не слукавилъ ли со мною отецъ Кириакъ и, предусматривая всѣ больше меня ему извѣстныя случайности сибирскихъ путешествій, подъ видомъ доброжелательства подсудобилъ мнѣ язычника, а себѣ отобралъ христіанина? Не похоже это, конечно, было на отца Кириака, и мнѣ даже и сейчасъ, когда я это вспоминаю, стыдно становится сей моей подозрительности; но что дѣлать, когда она явилась?

Вылѣзъ я изъ снѣжной ямы и сталъ подбираться къ моему дикарю; онъ услыхалъ, какъ снѣгъ захрустѣлъ подъ моими ногами, и обернулся, но сейчасъ же опять сталъ продолжать попрежнему свои тайнодѣйствія.

— Ну, не довольно ли тебѣ кивать-то?—сказалъ я, постоявъ возлѣ него съ минуту.

— Довольно, бачка,—и сейчасъ же пошелъ къ санямъ и началъ пѣплять въ шорки остальныхъ собаченокъ. Закладка была готова, и мы поѣхали.

— Кому ты это тамъ таилгу далъ?—спросилъ я его, махнувъ назадъ головою.

— А не знаю, бачка.

— Да собачку-то ты кому пожертвовалъ: Богу или чорту—шайтану?

— Шайтану, бачка, какъ же,—шайтану.

— За что же ты его угостилъ?

— А за то, бачка, что онъ насъ не заморозилъ: я ему, бачка, за это собачку далъ,—пусть его лопаетъ.

— Гм! да онъ-то пусть лопаетъ,—не облопается, а собаченку жаль.

— Чего, бачка, жаль: собачка плохая, скоро бы дохнуть стала; ничего, бачка,—пусть его беретъ—лопаетъ.

— Да; такъ ты съ расчетомъ: дохленькую ему далъ...

— Какъ же, бачка.

— А скажи, пожалуйста: куда мы это теперь ѣдемъ?

— Не знаю, бачка—слѣдъ ищемъ.

— А гдѣ мой попъ—товарищъ?

— Не знаю, бачка.

— Какъ же намъ его найти?

— Не знаю, бачка.

— Можетъ-быть, онъ замерзъ?

— Зачѣмъ, бачка, замерзъ: снѣгъ есть — не замерзнетъ.

Я вспомнилъ опять, что съ Кириакомъ есть еще и бутылка съ согрѣвающимъ питьемъ, и провизія, и — успокоился. Со мною ничего этого не было, а я теперь охотно поѣлъ бы хоть собачьей юколы, но боялся о ней спросить, потому что не увѣренъ былъ, есть ли она съ нами.

Цѣлый день мы кружили какъ-то зря; я это видѣлъ—если не по безстрастному лицу моего возницы, то по неспокойнымъ, неровнымъ и тревожнымъ движеніямъ его собакъ, которыя все какъ-то прыгали, суетились и безпрестанно метались изъ стороны въ сторону. Моему дикарю съ ними было много хлопотъ, но его неизмѣнное безстрастное равнодушіе не покидало его ни на минуту: онъ только работалъ своимъ орстелемъ какъ будто съ нѣсколько большимъ вниманіемъ, безъ котораго намъ, конечно, въ этотъ день сто разъ быть бы выброшенными и остаться либо среди степи, либо гдѣ-нибудь подъ лѣсами, мимо которыхъ мы проѣзжали.

Но вотъ вдругъ одна собачка ткнулась мордою въ снѣгъ, брыкнула задними лапами и пала. Дикарь, разумѣется, лучше меня зналъ, что это значитъ и какою угрожаетъ

намъ новою бѣдою, но не выразилъ ни страха, ни смущенія: такъ же, какъ и всегда, онъ твердою, но безстрастною рукою застремилъ въ снѣгъ свой орстель и далъ мнѣ держать этотъ якорь нашего спасенія, а самъ поспѣшно сошелъ съ саней, вынулъ изнемогшаго пса изъ хомутика и потащилъ его взадъ, за сани. Я думалъ, что онъ хочетъ пришибить и закинуть куда-нибудь этого пса; но, оглянувшись, увидѣлъ, что и эта собака уже виситъ на деревѣ и изъ нея опять ползутъ внизъ кровавыя черева. Отвратительное зрѣлище!

— Это что опять?—крикнулъ я ему.

— А шайтану ее, бачка.

— Ну, братъ, довольно будетъ съ твоего шайтана; много ему по двѣ собаки на день ѣсть.

— Ничего, бачка, пусть лопаетъ.

— Нѣтъ, не «ничего», говорю; а если ты ихъ такъ будешь колоть, то ты ихъ всѣхъ шайтану переколешь.

— Я, бачка, ему тѣхъ даю, которыя дохнутъ.

— А ты бы ихъ лучше покормилъ.

— Нечѣмъ, бачка.

— Вотъ оно что! — это сказалось то самое, чего я и боялся.

А короткій день уже опять клонился къ вечеру и остальныя собаченки, видимо, совсѣмъ устали, изъ силъ выбились и начали какъ-то дико похаркивать и садиться. И вдругъ еще одна пала, а прочія всѣ, какъ по уговору, всѣ сразу сѣли на хвосты и завыли, точно тризну по ней правили.

Дикарь мой всталъ и хотѣлъ вздернуть шайтану третью собаку, но я ему этого на сей разъ уже рѣшительно не позволилъ. Такъ надоѣло мнѣ на это смотрѣть, да и казалось, что эта мерзость какъ будто увеличивала ужасъ нашего положенія.

— Оставь, говорю, и не смѣй трогать: пусть издыхаетъ какъ ей пришлось.

Онъ и спорить не сталъ, но зато съ обычнымъ ему, самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ выкинулъ самую неожиданную штуку. Онъ молча застремилъ свой орстель впереди саней и всѣхъ собаченокъ, одну за другою, отцѣпилъ и пустилъ ихъ на волю. Оголодалые псы словно забыли истому: они взвизгнули, глухо затявкали и понеслись всей стаей въ одну сторону и въ минуту же скрылись въ

лѣсу за дальнимъ перелогомъ. Все это сталось такъ скоро, какъ въ сказкѣ объ Ильѣ-Муромцѣ сказывается: «какъ садился Илья на коня, всѣ видѣли, а какъ уѣхалъ, того никто не видалъ». Наша двигательная сила насъ оставила: мы *отъиграли:* отъ десятка нашихъ, еще такъ недавно бодрыхъ собаченокъ, при насъ оставалась только одна, издохшая, которая валялась у нашихъ ногъ въ своемъ хомутишкѣ.

Дикарь мой стоялъ на этомъ позорищѣ, облокотясь на свой орстель и съ тѣмъ же безстрастіемъ смотрѣлъ себѣ на ноги.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—воскликнулъ я.

— Пустилъ, бачка.

— Вижу, что пустилъ; а придутъ ли онѣ назадъ?

— Нѣтъ, бачка, не придутъ,—онѣ одичаютъ.

— Для чего же, для чего ты ихъ спустилъ?

— Лопать, бачка, хотятъ, — пусть звѣрька изловятъ,— лопать будутъ.

— А мы съ тобою что будемъ лопать?

— Ничего, бачка.

— Ахъ ты, извергъ!

Онъ, вѣрно, не понялъ и ничего мнѣ не отвѣчалъ, но воткнулъ въ снѣгъ свой орстель и пошелъ. Никто бы не отгадалъ, куда и зачѣмъ онъ отъ меня удалился. Я его окликалъ, звалъ его вернуться назадъ, но онъ, только взглянувъ на меня своимъ тупымъ взглядомъ, прорычалъ: «молчи, бачка», и побрелъ дальше. Скоро и онъ исчезъ за опушкой, и я остался одинъ-одинёшенекъ.

Надо ли вамъ распространяться о томъ, какъ ужасно было мое положеніе или, можетъ-быть, вы лучше поймете весь этотъ ужасъ изъ того, что я не думалъ ни о чемъ, кромѣ того, что я голоденъ, что мнѣ хочется не ѣсть, въ человѣческомъ смыслѣ желанія пищи, а жрать, какъ голодному волку. Я вынулъ мои часы, подавилъ репетиръ и былъ пораженъ новымъ сюрпризомъ: мои часы стояли,—чего съ ними никогда не случалось на заводѣ. Дрожащими руками я вложилъ въ нихъ ключъ и удостовѣрился, что онѣ стали потому, что весь заводъ сошелъ; а онѣ ходили около двухъ сутокъ на одномъ заводѣ. Это мнѣ открывало, что мы, ночуя подъ снѣгомъ, пролежали въ своей ледяной могилѣ *болье чьмъ сутки*! Сколько же? — можетъ-быть, двое,

можетъ-быть, трое? Я болѣе не удивлялся, что я такъ мучительно страдаю отъ голода... Я, значитъ, не ѣлъ, по крайней мѣрѣ, третьи сутки и, сообразивъ это, почувствовалъ свой терзающій голодъ еще ожесточеннѣе.

Ѣсть, что-нибудь ѣсть!—нечистое, гадкое, лишь бы ѣсть!—вотъ все, что я понималъ, отчаянно водя вокругъ себя полными нестерпимой муки глазами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мы стояли на плоскомъ возвышеніи; за нами была огромная, безбрежная степь, а впереди безконечное ея продолженіе; вправо обозначалась занесенная снѣгомъ низменность и перевалъ, за которымъ далеко синѣла на горизонтѣ гряда лѣса, куда скрылись наши собаки. Влѣво шла другая лѣсная опушка, вдоль которой мы ѣхали, пока вся наша сбруя не разстроилась. Сами мы стояли какъ разъ подъ большимъ сугробомъ, который, видно, намело на пригорокъ, покрытый высокими, подъ самое небо уходящими пихтами и елинами. Томимый голодомъ, я стылъ, сидя на краю саней, и, не обращая вниманія ни на что окружающее, не замѣтилъ, когда здѣсь очутился возлѣ меня мой дикарь. Я не видалъ ни того, какъ онъ подошелъ, ни того, какъ онъ, молча, сѣлъ рядомъ со мною; теперь же, когда я обратилъ на него вниманіе, онъ сидѣлъ, поставивъ орстель въ колѣна, а руки завелъ за теплую малицу. Ни одна черта его лица не измѣнилась, ни одинъ мускулъ не двигался и глаза не выражали ничего, кромѣ тупой и спокойной покорности.

Я взглянулъ на него и ни о чемъ его не спросилъ, а онъ, какъ до сихъ поръ никогда первый не заговаривалъ, и теперь не заговорилъ. Такъ мы и осмеркли, такъ и просидѣли рядомъ безконечную темную ночь, не сказавъ другъ другу ни одного слова.

Но чуть на небѣ начало слегка сѣрѣть, дикарь тихо поднялся съ саней, заложилъ руки поглубже за пазуху и опять побрелъ вдоль по опушкѣ. Долго онъ не бывалъ назадъ, я долго видѣлъ, какъ онъ бродилъ и все останавливался: станетъ и что-то долго-долго на деревьяхъ разглядываетъ, и опять дальше потянетъ. И такъ онъ, наконецъ, скрылся съ моихъ глазъ, а потомъ опять такъ же тихо и безстрастно возвращается и прямо съ прихода лѣзетъ подъ сани и начинаетъ тамъ что-то настроивать или разстроивать.

— Что ты, спрашиваю, тамъ дѣлаешь? — и при этомъ непріятно открываю, какъ у меня спалъ и даже совсѣмъ перемѣнился мой голосъ, между тѣмъ мой дикарь какъ прежде говорилъ, такъ и теперь такъ же, перекусывая звуки, отрываетъ.

— Лыжи, бачка, достаю.

— Лыжи!—воскликнулъ я въ ужасѣ, тутъ только во всемъ значеніи понявъ, что такое значитъ «навострить лыжи».— Зачѣмъ ты лыжи достаешь?

— Сейчасъ убѣгу.

— Ахъ, ты, разбойникъ, думаю: куда же ты это побѣжишь?

— На правую руку, бачка, убѣгу.

— Зачѣмъ же ты туда побѣжишь?

— Лопать тебѣ принесу.

— Врешь, говорю,—ты меня здѣсь кинуть хочешь.

Но онъ нимало не смутился и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я тебѣ лопать принесу.

— Гдѣ же ты мнѣ лопать возьмешь?

— Не знаю, бачка.

— Какъ же не знаешь: куда же ты бѣжишь?

— На праву руку.

— Кто же тамъ на правой рукѣ?

— Не знаю, бачка.

— А не знаешь, такъ чего же ты бѣжишь?

— Примѣту нашелъ,—чумъ есть.

— Врешь, говорю, любезный, ты меня одного здѣсь бросить хочешь.

— Нѣтъ; я лопать принесу.

— Ну, ступай, только ужъ лучше не ври, а иди себѣ куда знаешь.

— Зачѣмъ, бачка, врать, не хорошо врать.

— Очень, братъ, не хорошо, а ты врешь.

— Нѣтъ, бачка, не вру! поди со мной; я тебѣ примѣтку покажу.

И, зацѣпивъ лыжи и орстель, онъ поволокъ ихъ за собою и меня взялъ за руку, привелъ къ одному дереву и спрашиваетъ:

— Видишь, бачка?

— Что же, говорю, дерево вижу,—больше ничего.

— А вонъ, на большомъ суку вѣтка на вѣткѣ,—видишь?

— Ну, что же такое? вижу, есть вѣтка, — вѣрно вѣтеръ ее сюда забросилъ.

— Какой, бачка, вѣтеръ; это не вѣтеръ, а добрый человѣкъ ее посадилъ,—въ ту руку чумъ есть.

Ну, очевидное дѣло, что или онъ меня обманываетъ, или самъ обманывается; но что же мнѣ дѣлать?—силой мнѣ его не удержать, да и зачѣмъ я его стану удерживать? Не все ли равно, что одному, что вдвоемъ умирать съ холоду и голоду? Пусть бѣжитъ и спасается, если можетъ спастись,—и говорю ему по-монашески: «спасайся, братъ!»

А онъ спокойно отвѣчаетъ: «спасибо, бачка», и съ этимъ утвердился на лыжахъ, заложилъ орстель на плечи, шаркнулъ разъ ногой, шаркнулъ два,—и побѣжалъ. Черезъ минуту его уже и не видно стало, и я остался одинъ-одинёшенекъ среди снѣга, холода и совсѣмъ уже изнурившаго меня мучительнаго голода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Небольшой зимній сибирскій день я пробродилъ около саней, то присаживаясь, то снова поднимаясь, когда холодъ пересиливалъ несносныя муки голода. Ходилъ я, разумѣется, потихоньку, потому что и силъ у меня не было, да и отъ сильнаго движенія скорѣе устаешь, и тогда еще скорѣе стынешь.

Бродя все вблизи того мѣста, гдѣ меня кинулъ мой дикарь, я не разъ подходилъ и къ тому дереву, на которомъ онъ мнѣ указывалъ примѣтную вѣтку: прилежно я ее разсматривалъ и все еще болѣе убѣждался, что это просто вѣтка, заброшенная сюда вѣтромъ съ другого дерева.

— Обманулъ, говорилъ я себѣ, обманулъ онъ меня, да и не поставится ему это въ грѣхъ: зачѣмъ ему было пропадать вмѣстѣ со мною, безъ всякой для меня пользы?

И нужно ли вамъ разсказывать, какъ тяжело и мучительно дологъ мнѣ казался этотъ кущый день? Я не вѣрилъ ни въ какую возможность спасенія и ждалъ смерти; но гдѣ она? зачѣмъ медлитъ и когда-то еще соберется припожаловать? Сколько я еще натерзаюсь прежде, чѣмъ она меня обласкаетъ и успокоитъ мои мученія?.. Скоро я сталъ замѣчать, что у меня начинаетъ минутами изнемогать зрѣніе: вдругъ всѣ предметы какъ бы сольются и пропадутъ въ какой-то сѣрой мглѣ, но потомъ опять вдругъ и неожиданно разъяснитъ... Кажется, это происходитъ просто отъ усталости, но не знаю, какую роль здѣсь играетъ перемѣна

въ освѣщеніи: чуть освѣщеніе перемѣнится, становится снова видно, и видно очень ясно и далеко, а потомъ опять затуманитъ. На часокъ выпрыгнувшее за далекими холмами солнышко стало обливать покрывавшій эти холмы снѣгъ удивительно чистымъ розовымъ свѣтомъ,—это бываетъ тамъ передъ вечеромъ, послѣ чего солнце сейчасъ же быстро и скрывается, и розовый свѣтъ тогда смѣняется самою дивною синевою. Такъ было и теперь: вокругъ меня вблизи все засинѣло, какъ будто сапфирною пылью обсыпалось, — гдѣ рытвинка, гдѣ ножной слѣдъ, или такъ просто палкою въ снѣгъ ткнуто, — вездѣ какъ сизый дымокъ заклубился и черезъ малое время этой игры все сразу смеркло: степь какъ опрокинутою чашей покрыло и потомъ опять облегчастъ... сѣрѣетъ... Съ этою послѣднею перемѣною, какъ исчезъ и сей удивительный голубой свѣтъ и перебѣжала мгновенная тьма, на моихъ усталыхъ глазахъ въ сѣрой мглѣ пошли отражаться разные удивительные степные фокусы. Всѣ предметы начали принимать невѣроятные, огромные размѣры и очертанія: наши салазки торчали какъ корабельный остовъ; заиндивѣлая дохлая собака казалась спящимъ бѣлымъ медвѣдемъ, а деревья какъ бы ожили и стали переходить съ мѣста на мѣсто... И все это такъ живо и интересно, что я, несмотря на мое печальное положеніе, готовъ былъ бы во все это съ любопытствомъ всматриваться, если бы не одно странное обстоятельство, которое меня отпугнуло отъ моихъ наблюденій и, пробудя во мнѣ новый страхъ, оживило съ нимъ вмѣстѣ и инстинктъ самосохраненія. Предъ моими глазами, вдали, въ полутьмѣ, что-то мелькнуло, какъ темная стрѣла, потомъ другая, третья, и вслѣдъ затѣмъ въ воздухѣ раздался протяжный жалобный вой.

Я мигомъ сообразилъ, что это или волки, или наши отпущенныя собаки, которыя, вѣроятно, ничего съѣдомаго не нашли и звѣря не затравили, а, истомясь голодомъ, вспомнили о своей околѣвшей подругѣ и хотятъ воспользоваться ея трупомъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ ли это, или другіе, оголодавшіе ли псы, или волки, но они моему преимуществу спуска не дадутъ, и хотя мнѣ по разуму собственно было бы легче быть сразу растерзаннымъ, чѣмъ долго томиться голодомъ, однако инстинктъ самосохраненія велѣлъ свое, и я съ ловкостью и быстротою, какихъ, при-

знаться сказать, никогда за собою не зналъ и отъ себя не чаялъ, взобрался въ своемъ тяжеломъ убранствѣ на самый верхъ дерева, какъ векша, и тогда лишь опомнился, когда выше было некуда лѣзть. Передо мною открывалась цѣлая необъятность и снѣга, и темнаго, какъ густая накипь, неба, на которомъ, изъ далекой непроглядной тьмы, зардѣлись красноватыя, безлучныя звѣзды; а пока я окинулъ все это взглядомъ, внизу, почти у самаго корня моего дерева, произошла какая-то свалка: рванье, стонъ, опять потасовка, и опять стонъ, и вотъ опять во тьмѣ мелькнули врозсыпь стрѣлы, и сразу все стихло, какъ будто ничего и не бывало. Настала такая невозмутимая тишина, что я слышалъ и свой собственный пульсъ внутри себя, и свое дыханіе: оно какъ-то шумитъ, какъ сѣно, а если сильно вздохнуть, то точно электрическая искра тихо пощелкиваетъ въ невыносимо-разрѣженномъ морозномъ воздухѣ, такомъ сухомъ и такомъ холодномъ, что даже мои волосы на бородѣ насквозь промерзли, кололись, какъ проволоки, и ломались; я даже сейчасъ чувствую ознобъ при этомъ воспоминаніи, которому всегда помогаютъ мои съ той поры испорченныя ноги. Внизу, можетъ-быть, было немножко теплѣе, а можетъ-быть, и нѣтъ; но я во всякомъ случаѣ не вѣрилъ, что нашествіе хищниковъ тамъ не повторится, и рѣшилъ до утра не сходить съ дерева. Это было не страшнѣе, чѣмъ закопаться подъ снѣгомъ съ моимъ зловоннымъ товарищемъ, да и, вообще, что̀ уже могло быть страшнѣе всего моего теперешняго положенія? Я только выбралъ поразбросистѣе развѣтвленіе и усѣлся на немъ, какъ въ довольно спокойномъ креслѣ, такъ что если бы даже мнѣ и вздремнулось, то я ни за что не упалъ бы; а впрочемъ, для большей безопасности, я крѣпко обхватилъ одинъ сукъ руками и завелъ ихъ обѣ поглубже за манишку. Позиція была хорошо выбрана и хорошо устроена: я сидѣлъ, какъ примерзлый старый сычъ, на котораго, вѣроятно, похожъ былъ и съ виду. Часы мои давно уже не шли, но отсюда для меня были прекрасно открыты Оріонъ и Плеяды—эти небесные часы, по которымъ я теперь могъ вести счетъ времени моихъ мученій. Я этимъ и занялся: сначала вычислилъ себѣ приблизительно данную минуту, а потомъ, такъ, просто, безъ всякой цѣли, долго-долго глядѣлъ на эти странныя звѣзды, на совершенно черномъ небѣ, пока онѣ стали слабѣть и

изъ золотыхъ сдѣлались мѣдяными и, наконецъ, совсѣмъ потемнѣли и сгасли.

Настало утро, такое же сѣрое и безрадостное. Мои часы, поставленные мною по распоряженію Плеядъ, показали девять. Голодъ все ожесточался и мучилъ меня неимовѣрно: я уже не чувствовалъ ни томящаго запаха яствъ и никакого воспоминанія о вкусѣ пищи, а у меня просто была голодная боль: мой пустой желудокъ сучило и скручивало какъ веревку и причиняло мнѣ мученія невыносимыя.

Безъ всякой надежды найти что-нибудь съѣстное, я спустился съ дерева и сталъ бродить. Въ одномъ мѣстѣ я поднялъ на снѣгу еловую шишку. Сначала думалъ, не кедровая ли и нѣтъ ли въ ней орѣшковъ, но оказалось, просто-на-просто обыкновенная еловая шишка. Я разломилъ ее, досталъ изъ нея зернышко и проглотилъ, но смолистый запахъ былъ такъ противенъ, что и пустой желудокъ не принялъ этого зерна и отъ того боли мои только усилились. Въ это время я замѣтилъ, что около нашихъ брошенныхъ саней въ разныхъ направленіяхъ было множество недавнихъ слѣдовъ и что наша дохлая собака исчезла. За нею теперь, очевидно, былъ на очереди мой трупъ, на который сбѣжатся тѣ же волки и такъ же скоро и хищно его между собою раздѣлятъ. Только когда же это будетъ? Неужели еще сутки? А ну, какъ еще болѣе?—Нѣтъ. Я припомнилъ себѣ одного фанатика-запощеванца, который заморилъ себя голодомъ во славу Христову; онъ имѣлъ духъ отмѣчать дни своего томленія и насчиталъ ихъ девять... Это ужасно! Но тотъ голодалъ въ теплѣ, а я подвергаюсь всему при жестокомъ холодѣ,—это, конечно, должно дѣлать большую разницу. Силы мои меня совсѣмъ оставили, — я уже не могъ согрѣвать себя движеніемъ и сѣлъ на сани. Даже сознаніе моей участи меня какъ будто покинуло: я чувствовалъ на вѣкахъ моихъ тѣнь смерти и томился только тѣмъ, что она такъ медленно уводитъ меня въ путь невозвратный. Вы поймете, что я такъ искренно желалъ уйти изъ этой мерзлой пустыни въ сборный домъ всѣхъ живущихъ и нимало не сожалѣлъ, что здѣсь, въ этой студеной тьмѣ, я постелю постель мою. Цѣпь мыслей моихъ порвалась, кувшинъ разбился и колесо надъ колодцемъ обрушилось: ни мыслей, ни даже обращенія къ небу въ самыхъ

привычныхъ формахъ, — нечего, негдѣ и нечѣмъ стало почерпнуть. Я это сознялъ и вздохнулъ.

Авва Отче! не могу даже изнести Тебѣ покаянія, но Ты Самъ сдвинулъ свѣтильникъ мой съ мѣста, Самъ и поручись за меня передъ Собою!

Это была вся моя молитва, которую я могъ собрать въ умѣ моемъ, и затѣмъ ничего не помню, какъ шелъ этотъ день. Всеконечно, съ твердостію могу уповать, что онъ былъ такой же точно, какъ и тотъ, что̀ минулъ. Казалось мнѣ только, что я въ этотъ день видѣлъ будто бы вдали отъ себя два живыя существа, и это будто были двѣ какія-то птицы; онѣ мнѣ казались ростомъ съ сорокъ и статью похожія на сороку, но съ сквернымъ лохматымъ пеpомъ, въ родѣ совинаго. Передъ самымъ закатомъ солнца онѣ слетѣли откуда-то съ дерева на снѣгъ, походили и улетѣли. Но, можетъ-быть, мнѣ это только казалось въ моихъ предсмертныхъ галлюцинаціяхъ; однако, казалось это такъ живо, что я слѣдилъ за ихъ полетомъ и видѣлъ, какъ онѣ гдѣ-то вдали скрылись, какъ будто растаяли. Усталые глаза мои, дойдя до этого мѣста, такъ на немъ и стали, и остолбенѣли. Но что̀ бы вамъ думалось? — вдругъ я начинаю замѣчать въ этомъ направленіи какую-то странную точку, которой, кажется, здѣсь прежде не было. Притомъ же казалось, что она какъ будто движется, — хоть это было такъ незамѣтно, что движеніе ея скорѣй можно было отличать внутреннимъ чутьемъ, а не глазами, но я былъ увѣренъ, что она движется.

Надежда на спасеніе заговорила, и всѣ муки мои не въ силахъ были перекричать и заглушить ее; точка все росла и все яснѣе, и яснѣе опредѣлялась на этомъ удивительно нѣжно-розовомъ фонѣ. Миражъ ли это, столь возможный въ семъ пустынномъ мѣстѣ, при такомъ капризномъ освѣщеніи, или это, дѣйствительно, что-то живое спѣшитъ ко мнѣ, но оно во всякомъ случаѣ летитъ прямо на меня, и именно не идетъ, а летитъ: я вижу, какъ *оно* чертитъ, наконецъ, различаю фигуру—вижу у нея ноги,—я вижу, какъ онѣ штрихуютъ одна за другою и... вслѣдъ затѣмъ, снова быстро перехожу отъ радости къ отчаянію. Да; это не миражъ— я его слишкомъ явно вижу, но зато это и не человѣкъ, какъ и не звѣрь. Вообще на землѣ нѣтъ во плоти ни одного такого существа, которое походило бы на это волшебное,

фантастическое видѣніе, какое на меня надвигало, словно сгущаясь, складываясь, или, какъ господа спириты говорятъ нынѣ, «матеріализуясь» изъ игривыхъ тоновъ мерзлой атмосферы. Или меня обманываетъ мой глазъ и мое воображеніе, или, кто что ни говори, а это духъ. Какой? Кто ты? Неужто это мой отецъ Кириакъ спѣшитъ мнѣ навстрѣчу изъ царства мертвыхъ... А можетъ быть мы оба уже *тамъ*?.. неужто я уже и кончилъ переходъ? Какъ хорошо! какъ любопытенъ этотъ духъ, этотъ мой новый согражданинъ въ новой жизни! Опишу его вамъ какъ умѣю: ко мнѣ плыла крылатая, гигантская фигура, которая вся съ головы до пятъ была облечена въ хитонъ серебряной парчи и вся искрилась; на головѣ огромнѣйшій, казалось, чуть ли не въ сажень вышины, уборъ, который горѣлъ, какъ будто весь сплошь усыпанъ былъ брильянтами или точно это цѣльная брильянтовая митра... Все это точно у богато-убраннаго индійскаго идола, и, въ довершеніе сего сходства съ идоломъ и съ фантастическимъ его явленіемъ, изъ-подъ ногъ моего дивнаго гостя брызжутъ искры серебристой пыли, по которой онъ точно несется на легкомъ облакѣ, по меньшей мѣрѣ, какъ сказочный Гермесъ.

И вотъ, пока я его разсматривалъ, онъ, этотъ удивительный духъ, все ближе, ближе, и — вотъ, наконецъ, совсѣмъ близко, и еще моментъ, и онъ, обрызгавъ всего меня снѣжной пылью, воткнулъ передо мною свой волшебный жезлъ и воскликнулъ:

— Здравствуй, бачка!

Я не вѣрилъ ни своимъ глазамъ, ни своему слуху: удивительный духъ этотъ былъ, конечно, онъ, — мой дикарь! Теперь въ этомъ нельзя было болѣе ошибаться: вотъ подъ ногами его тѣ же самыя лыжи, на которыхъ онъ убѣжалъ, за плечами другія; передо мною воткнутъ въ снѣгъ его орстель, а на рукахъ у него цѣлая медвѣжья ляжка, совсѣмъ и съ шерстью, и со всей когтистой лапой. Но во что онъ убранъ, во что онъ преобразился?

Не дожидая съ моей стороны никакого отвѣта на свое привѣтствіе, онъ сунулъ мнѣ къ лицу эту медвѣжатину и, промычавъ:

— Лопай, бачка!—самъ сѣлъ на сани и началъ снимать съ своихъ ногъ лыжи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я припалъ къ окороку и грызъ, и сосалъ сырое мясо, стараясь утолить терзавшій меня голодъ, и въ то же время смотрѣлъ на моего избавителя.

Что это такое было у него на головѣ, которая оставалась все въ томъ же дивномъ блестящемъ, высокомъ уборѣ,— никакъ я этого не могъ разобрать, и говорю:

— Послушай, что это у тебя на головѣ?

— А это, отвѣчаетъ, то, что ты мнѣ денегъ не далъ.

Признаюсь, я не совсѣмъ понялъ, что онъ мнѣ этимъ хотѣлъ сказать, но всматриваюсь въ него внимательнѣе — и открываю, что этотъ его высокій брильянтовый головной уборъ есть не что иное, какъ его же собственные длинные волосы: всѣ ихъ пропушило насквозь снѣжною пылью, и какъ они у него на бѣгу развѣвались, такъ ихъ снопомъ и заморозило.

— А гдѣ же твой треухъ?

— Кинулъ.

— Для чего?

— А что ты мнѣ денегъ не далъ.

— Ну, говорю, я тебѣ, точно, забылъ денегъ дать,— это я дурно сдѣлалъ, но какой же жестокій человѣкъ этотъ хозяинъ, который тебѣ не повѣрилъ и въ такую стыдь съ тебя шапку снялъ.

— Съ меня шапки никто не снималъ.

— А какъ же это было?

— Я ее самъ кинулъ.

И разсказалъ мнѣ, что онъ по примѣткѣ весь день бѣжалъ, юрту нашелъ,—въ юртѣ медвѣдь лежитъ, а хозяевъ дома нѣтъ.

— Ну?

— Думалъ, тебѣ долго ждать, бачка,—ты издохнешь.

— Ну?

— Я медвѣдь рубилъ и лапу взялъ, и назадъ бѣжалъ, а ему шапку клалъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы онъ дурно, бачка, не думалъ.

— Да вѣдь тебя этотъ хозяинъ не знаетъ.

— Этотъ, бачка, не знаетъ, а другой знаетъ.

— Который другой?

— А тотъ Хозяинъ, Который сверху смотритъ.

— Гм! Который сверху смотритъ?..

— Да, бачка, какъ же: вѣдь Онъ, бачка, все видитъ.

— Видитъ, братецъ, видитъ.

— Какъ же, бачка? — Онъ, бачка, не любитъ, кто худо сдѣлалъ.

Разсужденіе весьма близкое къ тому, какое высказалъ св. Сиринъ соблазнявшей его прелестницѣ, которая манила его къ себѣ въ домъ, а онъ приглашалъ ее согрѣшить всенародно на площади; та говоритъ: «тамъ нельзя; тамъ *люди увидятъ*», а онъ говоритъ: «я на людей-то не очень бы посмотрѣлъ, а вотъ какъ бы насъ Богъ не увидалъ? Давай-ка лучше разойдемся».

— Ну, братъ, подумалъ я, однако, и ты отъ царства небеснаго недалеко ходишь; а онъ во время сей краткой моей думы кувыркнулся въ снѣгъ.

— Прощай, говоритъ, бачка, ты лопай, а я спать хочу.

И засопѣлъ своимъ могучимъ обычаемъ.

Это уже было темно; надъ нами опять разостлалось черное небо и по немъ, какъ искры по смолѣ, засверкали безлучныя звѣзды.

Я тогда уже немножко пренитался, то-есть проглотилъ нѣсколько кусочковъ сырого мяса, и стоялъ съ медвѣжьимъ окорокомъ на рукахъ надъ спящимъ дикаремъ и вопрошалъ себя:

— Что за загадочное странствіе совершаетъ этотъ чистый, высокій духъ въ этомъ неуклюжемъ тѣлѣ и въ этой ужасной пустынѣ? Зачѣмъ онъ воплощенъ здѣсь, а не въ странахъ, благословенныхъ природою? Для чего умъ его такъ скуденъ, что не можетъ открыть ему Творца въ болѣе пространномъ и ясномъ понятіи? Для чего, о Боже, лишенъ онъ возможности благодарить Тебя за просвѣщеніе его свѣтомъ Твоего Евангелія? Для чего въ рукѣ моей нѣтъ средствъ, чтобы возродить его новымъ торжественнымъ рожденіемъ съ усыновленіемъ Тебѣ Христомъ Твоимъ? Должна же быть на все это воля Твоя; если Ты, въ семъ печальномъ его состояніи, вразумляешь его какимъ-то дивнымъ свѣтомъ свыше, то я вѣрю, что сей свѣтъ ума его есть даръ Твой! Владыко мой, како уразумѣю: что сотворю, да не прогнѣвлю Тебя и не оскорблю сего моего искренняго?

И въ этомъ раздумьѣ не замѣтилъ я, какъ небо вдругъ

вспыхнуло, загорѣлось и облило насъ волшебнымъ свѣтомъ: все приняло опять огромные, фантастическіе размѣры и мой спящій избавитель представлялся мнѣ очарованнымъ могучимъ сказочнымъ богатыремъ. Я пригнулся къ нему и сталъ его разсматривать, словно никогда его до сей поры не видѣлъ, и что я скажу вамъ?—онъ мнѣ показался прекраснѣ. Мнилось мнѣ, что это былъ тотъ, на чьей шеѣ обитаетъ сила; тотъ, чья смертная нога идетъ въ путь, котораго не знаютъ хищныя птицы; тотъ, передъ кѣмъ бѣжитъ ужасъ, сократившій меня до безсилія и уловившій меня, какъ въ петлю, въ мой собственный замыслъ. Скудно слово его, но зато онъ не можетъ утѣшать скорбное сердце движеніемъ губъ, а слово его, это—искра въ движеніи его сердца. Какъ краснорѣчива его добродѣтель и кто рѣшится огорчить его?... Во всякомъ разѣ не я. Нѣтъ, живъ Господь, огорчившій ради его душу мою, это буду не я. Пусть плечо мое отпадетъ отъ спины моей и рука моя отломится отъ моего локтя, если я подниму ее на сего бѣдняка и на бѣдный родъ его! Прости меня, блаженный Августинъ, а я и тогда разномыслилъ съ тобою, и сейчасъ съ тобою не согласенъ, что будто «самыя добродѣтели языческія суть только скрытые пороки». Нѣтъ; сей, спасшій жизнь мою, сдѣлалъ это не по чему иному, какъ по добродѣтели, самоотверженному состраданію и благородству; онъ, не зная апостольскаго завѣта Петра, «мужался ради меня (своего недруга) и предавалъ душу свою въ благотвореніе». Онъ покинулъ свой треухъ и бѣжалъ сутки въ ледяной шапкѣ, конечно, движимый не однимъ *естественнымъ* чувствомъ состраданія ко мнѣ, а имѣя также religio, — дорожа *воссоединеніемъ* съ тѣмъ Хозяиномъ, «Который сверху смотритъ». Что же я съ нимъ сотворю теперь? возьму ли я у него эту религію и разобью ее, когда другой, лучшей и сладостнѣйшей, я лишенъ возможности дать ему, доколѣ «слова путаютъ смыслъ смертнаго», а дѣлъ, для плѣненія его, показать невозможно? Неужто я стану страхомъ его нудить, или выгодою защиты обольщать? Никогда, да не будетъ онъ, какъ Емморъ и Сихемъ, обрѣзавшіеся ради дочерей и скотовъ Іаковлевыхъ! Скотовъ и дочерей вѣрою пріобрѣтающіе — не вѣру, а дочерей и скотовъ только пріобрящутъ и семидалъ отъ рукъ ихъ будетъ Тебѣ яко же и кровь свиная. А гдѣ же мои средства его воспитать, его

просѣтить, когда нѣтъ ихъ, этихъ средствъ, и все какъ бы нарочито такъ устроено, чтобы имъ не быть въ моихъ рукахъ? Нѣтъ; вѣрно, правъ мой Кирiакъ: здѣсь печать, которой несвободною рукой не распечатаешь,—и благъ мнѣ по мысли пришелъ совѣтъ Аввакума пророка: «аще умедлитъ, потерпи ему, яко идый пріидетъ и не умедлитъ». Ей, гряди, Христосъ, ей, гряди Самъ въ сіе сердце чистое, въ сію душу смирную; а доколѣ медлишь, доколѣ не изволишь сего... пусть милы ему будутъ эти снѣжныя глыбы его долинъ, пусть въ свой день онъ скончается, сброся жизнь, какъ лоза—дозрѣвшую ягоду, какъ дикая маслина—цвѣтокъ свой... Не мнѣ ставить въ колоды ноги его и преслѣдовать его стези, когда Самъ Сый написалъ перстомъ Своимъ законъ любви въ сердцѣ его и отвелъ его въ сторону отъ дѣлъ гнѣва. Авва Отче, сообщай Себя любящему Тебя, а не испытующему, и пребудь благословенъ до вѣка такимъ, какимъ Ты по благости Своей дозволилъ и мнѣ, и ему, и каждому по-своему постигать волю Твою. Нѣтъ больше смятенія въ сердцѣ моемъ: вѣрю, что Ты открылъ ему Себя, сколько ему надо, и онъ знаетъ Тебя, какъ и все Тебя знаетъ:

Largior hic campos aether et lumine vestit
Purpureo, solemque suum, sua sidera norunt!

подсказалъ моей памяти старый Виргилій,—и я поклонился у изголовья моего дикаря лицомъ до низу и, ставъ на колѣни, благословилъ его и, покрывъ его мерзлую голову своею полою, сналъ съ нимъ рядомъ такъ, какъ бы я спалъ, обнявшись съ пустыннымъ ангеломъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Досказывать ли вамъ конецъ? Онъ не мудренѣе начала.

Когда мы проснулись, дикарь подладилъ подъ меня принесенныя имъ лыжи, вырубилъ мнѣ шестъ, всунулъ въ руки и научилъ, какъ его держать; потомъ подпоясалъ меня веревкою, взялъ се за конецъ и поволокъ за собою.

Спросите: куда? — Прежде всего за медвѣжатину долгъ платить. Тамъ мы надѣялись взять собакъ и ѣхать далѣе; но поѣхали не туда, куда вначалѣ влекла меня моя неопытная затѣя. Въ дымной юртѣ нашего кредитора ждало меня еще одно поученіе, имѣвшее весьма рѣшительное значеніе на всю мою послѣдующую дѣятельность. Въ томъ

было дѣло, что хозяинъ, которому мой дикарь шапку покипулъ, совсѣмъ не на охоту въ то время ходилъ, когда прибѣгалъ мой избавитель, а онъ выручалъ моего Кириака, котораго обрѣлъ брошеннаго его крещенымъ проводникомъ среди пустыни. Да, господа, тутъ въ юртѣ, близъ тусклаго вонючаго огня, я нашелъ моего честнаго старца, и въ какомъ ужасномъ, сердце сжимающемъ, положеніи! Онъ весь обмерзъ; его чѣмъ-то смазали, и онъ еще живъ былъ, но ужасный запахъ, который обдалъ меня при приближеніи къ нему, сказалъ мнѣ, что духъ, стерегшій домъ сей, отходитъ. Я поднялъ покрывавшую его оленью шкуру и ужаснулся: гангрена отдѣлила все мясо его ногъ отъ кости, но онъ еще смотрѣлъ и говорилъ. Узнавъ меня, онъ прошепталъ:

— Здравствуй, владыко!

Въ несказанномъ ужасѣ я глядѣлъ на него и не находилъ словъ.

— Я ждалъ тебя, вотъ ты и пришелъ; ну, слава Богу. Видѣлъ степь? Какова показалась?.. Ничего, — живъ будешь, опытъ имѣть будешь.

— Прости, говорю, меня, отецъ Кириакъ, что я тебя сюда завелъ.

— Полно, владыко. Благословенъ будь приходъ твой сюда; опытъ получилъ и живи, а меня скорѣй исповѣдуй.

— Хорошо, говорю, сейчасъ; гдѣ же у тебя Святые Дары,—они вѣдь съ тобой были?

— Со мной были, отвѣчаетъ, да нѣтъ ихъ.

— Гдѣ же они?

— Ихъ дикарь съѣлъ.

— Что ты говоришь!

— Да!.. съѣлъ! Ну, что говоритъ, — темный человѣкъ... спутанъ умъ... Не могъ его удержать... говоритъ: «попа встрѣчу,—онъ меня проститъ». Что говорить?.. все спуталъ...

— Неужто же, говорю, онъ и муро съѣлъ!

— Все съѣлъ, и губочку съѣлъ, и дароносицу унесъ, и меня бросилъ... вѣритъ, что «попъ проститъ»... Что говорить?.. спутанъ умъ... простимъ ему это, владыко, — пусть только насъ Христосъ проститъ. Дай слово мнѣ не искать его, бѣднаго, или... если отыщешь его...

— Простить?

— Да; Христа ради прости и... какъ пріѣдешь домой, гляди, вражкамъ ничего о немъ не сказывай, а то они, лу-

кавые, пожалуй, надъ бѣднякомъ-то свою ревность покажутъ. Пожалуйста, не сказывай.

Я далъ слово и, опустясь возлѣ умирающаго на колѣни, сталъ его исповѣдывать; а въ это самое время въ полную людей юрту вскочила пестрая шаманка, заколотила въ свой бубенъ; ей пошли подражать на деревянномъ камертонѣ и еще на какомъ-то непонятномъ инструментѣ, типа того времени, когда племена и народы, по гласу трубы и всякаго рода муссикіи, повергались ницъ передъ истуканомъ деирскаго поля,—и началось дикое торжество.

Это моленіе шло за насъ и за наше избавленіе, когда имъ, можетъ-быть, лучше было бы молиться за свое отъ насъ избавленіе, и я, архіерей, присутствовалъ при этомъ моленіи, а отецъ Кириакъ отдавалъ при немъ свой духъ Богу, и не то молился, не то судился съ Нимъ, какъ Іереміи пророкъ, или договаривался, какъ истинный свящонасъ евангельскій, не словами, а какими-то воздыханіями неизглаголанными.

— Умилосердись,— шепталъ онъ. — Прими меня теперь, какъ одного изъ наемниковъ Твоихъ! Насталъ часъ... возврати мнѣ мой прежній образъ и наслѣдіе... не дай мнѣ быть злымъ дьяволомъ въ адѣ; потопи грѣхи мои въ крови Іисуса, пошли меня къ Нему!.. хочу быть прахомъ у ногъ Его... Изреки: «да будетъ такъ»...

Перевелъ духъ и опять зоветъ:

— О доброта... о простота... о любовь!.. о радость моя!.. Іисусе!.. вотъ я бѣгу къ Тебѣ, какъ Никодимъ, ночью; вари во мнѣ, открой дверь... дай мнѣ слышать Бога, ходящаго и глаголющаго!.. Вотъ... риза Твоя уже въ рукахъ моихъ... сокрушн стегно мое... но я не отпущу Тебя... доколѣ не благословишь со мной всѣхъ.

Люблю эту *русскую* молитву, какъ она еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ вылилась у нашего Златоуста, Кирила въ Туровѣ, которою онъ и намъ завѣщалъ «не токмо за свои молитися, но и за чужія, и не за единыя христіаны, но и за иновѣрныя, да быша ся обратили къ Богу». Милый старикъ мой. Кириакъ, такъ и молился, — *за всѣхъ* дерзалъ: всѣхъ, говоритъ, благослови, а то не отпущу Тебя!» Что съ такимъ чудакомъ подѣлаешь?

Съ сими словами потянулся онъ — точно поволокся за Христовою ризою,—и улетѣлъ... Такъ мнѣ и до сихъ поръ

представляется, что онъ все держится, виситъ и носится за Нимъ, прося: «благослови *всѣхъ*, *а то — не отстану*». Дерзкій старичокъ этотъ своего, пожалуй, допросится; а Тотъ по добротѣ Своей ему не откажетъ. У насъ вѣдь это все in sancta simplicitate *семейно* со Христомъ дѣлается. Понимаемъ мы Его, или нѣтъ, объ этомъ толкуйте, какъ знаете, но а что мы живемъ съ Нимъ запросто—это-то уже очень, кажется, неоспоримо. А Онъ простоту сильно любитъ...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Я схоронилъ Кириака подъ глыбой земли, на берегу замерзшаго ручья, и тутъ же узналъ отъ дикарей гнусную новость, что мой успѣшный зырянинъ крестилъ... стыдно сказать *—съ упощеніемъ*, по-просту—съ водочкой. Стыдомъ это въ моихъ глазахъ все это дѣло покрыло и не захотѣлъ я этого крестителя видѣть и слышать о немъ, а повернулъ назадъ къ городу, съ рѣшимостью сѣсть въ своемъ монастырѣ за книги, безъ конхъ монаху въ праздномысліи — смертная гибель, а въ промежуткахъ времени смирно стричь ставленниковъ, да дьячихъ съ мужьями мирить: но за святое дѣло, которое всвятѣ совершать нельзя кое-какъ, лучше совсѣмъ не трогаться,—«не давать безумія Богу».

Такъ я и сдѣлалъ,—и вернулся въ монастырь умудренный опытомъ, что многострадальные миссіонеры мои люди добрые и слава Богу, что они такіе, а не иные.

Теперь я ясно видѣлъ, что добрая слабость простительнѣе ревности не по разуму—въ томъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ средства приложить ревность разумную. А что таковая невозможна,—въ этомъ убѣждала меня дожидавшаяся меня въ монастырѣ бумага, въ коей мнѣ сообщалось «къ свѣдѣнію», что въ Сибири, кромѣ 580 буддійскихъ ламъ, состоящихъ въ штатѣ при тридцати четырехъ кумирняхъ, допускаются еще ламы сверхштатные. Что же? вѣдь я не Канюшкевичъ или не Арсеній Мацѣевичъ, — я епископъ школы новой и съ кляпомъ во рту въ Ревелѣ сидѣть не хочу, какъ Арсеній сидѣлъ, да отъ этого и проку нѣтъ... Я принялъ извѣстіе объ усиленіи ламъ «къ свѣдѣнію», и только вытребовалъ, какъ могъ поскорѣе, къ себѣ назадъ изъ степей зырянина и, навѣсивъ ему за успѣхи набедренникъ, яко мечъ духовный, оставилъ его въ городѣ при соборѣ ризничимъ и наблюдателемъ за перезолоткою иконостаса; а своихъ лѣшиненькихъ

миссіонеровъ собралъ, да, въ поясъ имъ поклонясь, сказалъ:

— Простите меня, отцы и братія, что вашу доброту не понималъ.

— Богъ, говоритъ, проститъ.

— Ну, молъ, спасибо, что вы милостивы, и будьте отнынѣ вездѣ и всегда паче всего милостивы и Богъ милосердія будетъ на дѣлахъ вашихъ.

И съ тѣхъ поръ во все мое остальное, довольно продолжительное, пребываніе въ Сибири я никогда не смущался, если тихій трудъ монхъ проповѣдниковъ не давалъ столь любимыхъ великосвѣтскими религіозными нетерпѣливцами эффектныхъ результатовъ. Когда не было такихъ эффектовъ, я былъ покоенъ, что «водоносы по очереди наполняются»; но когда случайно у того или у другого изъ миссіонеровъ являлась вдругъ большая цифра... я, признаюсь вамъ, чувствовалъ себя тревожно... Мнѣ припоминался то мой зырянинъ, то оный гвардейскій крститель Ушаковъ, либо совѣтникъ Ярцевъ, которые были еще благоноспѣшнѣе, понеже у нихъ, якоже и во дни Владиміра, «благочестіе со страхомъ бѣ сопряжено», и инородцы у нихъ, еще до пріѣзда миссіонеровъ, уже просили крещенія... Да только что же изъ всей ихъ этой борзости и «благочестія, со страхомъ сопряженнаго», вышло?—Мерзость запустѣнія стала по святымъ мѣстамъ, гдѣ были купели сихъ борзыхъ крестильниковъ и... въ этомъ путалось все — и умъ, и сердце, и понятія людей, и я, худой архіерей, не могъ съ этимъ ничего сдѣлать, да и хорошій ничего не сдѣлаетъ, пока... пока, такъ-сказать, мы всерьезъ станемъ заниматься вѣрою, а не кичиться ею фарисейски, для блезира. Вотъ, господа, въ какомъ положеніи бываемъ мы, русскіе крестители, и не отъ того, чай, что не понимаемъ Христа, а именно отъ того, что мы Его понимаемъ и не хотимъ, чтобы имя Его хулилось во языцѣхъ. И такъ я и жилъ уже, не лютуя съ прежнею прытью, а терпѣливо и даже, можетъ-быть, лѣностно влача кресты, отъ Христа и не отъ Христа на меня ниспадавшіе, изъ коихъ замѣчательнѣйшимъ былъ тотъ, что я, ревностно принявшись за изученіе буддизма, самъ ученіемъ моего зырянина прослылъ за потаеннаго буддиста... Такъ это при мнѣ и осталось, хотя я, впрочемъ, ревность своего зырянина не стѣснялъ и предоставлялъ ему орудовать испытанными, по своей вѣрности, пріемами князя

Андрея Боголюбскаго, о коихъ выкликалъ надъ его гробомъ Кузьма домочадецъ: «придетъ, дескать, бывало, язычникъ, ты велишь его весть въ ризницу, — *пусть смотритъ на наше истинное христіанство*». И я зырянину предоставилъ, кого онъ хочетъ, водить въ ризницу и все собранное тамъ отъ нашего съ нимъ «истиннаго христіанства» со тщаніемъ показывать... И было все это хорошо и довольно дѣйственно; наше «истинное христіанство» одобряли, но только, разумѣется, можетъ-быть, моему зырянину казалось скучно по два да по три человѣка крестить, да и впрямь оно скучно. Вотъ и до настоящаго русскаго слова договорился: «скучно»! Скучно, господа, тогда было бороться съ самодовольнымъ невѣжествомъ, терпѣвшимъ вѣру только какъ политическое средство; зато теперь, можетъ-быть, еще скучнѣе бороться съ равнодушіемъ тѣхъ, которые замѣсто того, чтобы другимъ свѣтить, по удачному выраженію того же Маціевича, «*сами насилу въруютъ...*» А вы, вѣдь, современные умные люди, все думаете: «эхъ, плохи наши епархіальные архіереи! Что они дѣлаютъ? Ничего они, наши архіереи, не дѣлаютъ». Не хочу за всѣхъ заступаться: многіе изъ насъ, дѣйствительно, очень немощны стали: подъ крестами спотыкаются, падаютъ и уже не то, что кто-нибудь — заправскій воротила, а даже иной рора mitratus для нихъ въ своемъ родѣ владыкой становится, и все это, разумѣется, изъ того, «что ми хощете дати», но, а спросилъ бы я васъ: что ихъ до этого довело? Не то ли именно, что они, ваши епархіальные архіереи, обращены въ администраторовъ и *ничего* живого не могутъ теперь дѣлать? И знаете: вы, можетъ-быть, большою благодарностію имъ обязаны, что они въ эту пору ничего не дѣлаютъ. А то они скрутили бы вамъ клейменымъ ремнемъ такія бремена неудобоносимыя, что, Богъ вѣсть, разсѣлся ли бы хребетъ вдребезги, или разлетѣлся бы ремень пополамъ; но мы вѣдь *консерваторы:* бережемъ, какъ можемъ, «свободу, сею же Христосъ насъ свободи», отъ таковыхъ «содѣйствій»... Вотъ, господа, почему мы слабо дѣйствуемъ и содѣйствуемъ. Не колите же намъ глазъ бывшими іерархами, какъ св. Гурій и другіе. Св. Гурій умѣлъ просвѣщать — это правда; да вѣдь онъ для того и ѣхалъ-то въ дикій край хорошо оснаряженъ: съ наказомъ и съ правомъ «привлекать народъ ласкою, кормами, *заступленіемъ* передъ

[illegible]стями, *печалованіемъ* за вины передъ воеводами и судьями»; «*онъ обязанъ былъ*» участвовать съ правителями въ совѣтѣ; а нашъ сегодняшній архіерей даже съ своимъ вѣдомъ архіереемъ не воленъ о дѣлахъ посовѣщаться; ему словно ни о чемъ не надо думать: за него есть кому думать, а онъ обязанъ только все принять «*къ сведѣнію*». Чего же вы отъ него хотите, если ему нынѣ самому за себя уже негдѣ стало печаловаться?.. Эхъ, твори, Господи, волю Свою... Что можетъ еще дѣлаться, то какъ-то пока само дѣлается, и я это видѣлъ подъ конецъ моего пастырства въ Сибири. Пріѣзжаетъ разъ ко мнѣ одинъ миссіонеръ и говоритъ, что онъ напалъ на кочевье въ томъ мѣстѣ, гдѣ я зарылъ моего Киріака, и тамъ у ручья цѣлую толпу окрестилъ въ «Киріакова Бога», какъ крестился нѣкогда человѣкъ во имя «Бога Іустинова». Добрый народъ у костей добраго старца возлюбилъ и понялъ Бога, сотворившаго сего добряка, и самъ захотѣлъ служить Богу, создавшему такое душевное «изящество».

И за это велѣлъ Киріаку такой здоровый дубовый крестъ поставить, что отъ него не отрекся бы и галицкій князь Владимірко, вмѣнявшій ни во что цѣлованіе креста малаго; водвигли мы Киріаку крестъ вдвое больше всего зырянина, — и это было самое послѣднее мое распоряженіе по сибирской паствѣ.

Не знаю, кто этотъ крестъ срубитъ, или уже до сихъ поръ и срубилъ его: буддійскіе ли ламы, или русскіе чиновники,—да, впрочемъ, это все равно...

Вотъ вамъ разсказъ мой и конченъ. Судите всѣхъ насъ, въ чемъ видите, — оправдываться не стану, а одно скажу, что мой простой Киріакъ понималъ Христа навѣрно не хуже тѣхъ нашихъ заѣзжихъ проповѣдниковъ, которые бряцаютъ, какъ кимвалъ звенящій, въ вашихъ гостиныхъ и нашихъ зимнихъ садахъ. Тамъ имъ и присутствовать, среди женъ Лотовыхъ, изъ коихъ каждая, какихъ бы словесъ ни наслушалась, въ Сигоръ не уйдетъ, а, пофинтивъ передъ Богомъ, доколѣ у насъ очень скучненько живется, при малѣйшемъ измѣненіи въ жизни, опять къ своему Содому обернется и столбомъ станетъ. Вотъ въ чемъ и будетъ заключаться весь успѣхъ этой салонной христовщины. Что намъ до этихъ чудодѣевъ? Они хотятъ не по низу идти, а по верху летать, но, имѣя, какъ прузи, крыльца малыя, а

чревища великія, далеко не залетятъ и не прольютъ ни свѣта вѣры, ни услады утѣшенія въ туманы нашей родины, гдѣ въ добрѣ изъ добри ходитъ *нашъ* Христосъ — благій и добрый и, главное, до того терпѣливый, что даже всякаго самаго плохенькаго изъ слугъ своихъ Онъ научилъ съ покорностью смотрѣть, какъ разоряютъ Его дѣло тѣ, которые должны бы сугубо этого бояться. Мы ко всему притерпѣлися, потому что намъ уже это не первый снѣгъ на головы. Было и то, что нашъ «*Камень вѣры*» прятали, а «*Молотъ*» на него нѣмецкаго издѣлія всѣмъ въ руки совали, и стричь-то, и брить-го насъ хотѣли, и въ аббатиковъ передѣлать желали. Одинъ благодѣтель, Голицынъ, намъ свое юродское богословіе указывалъ проповѣдывать; другой, Протасовъ, намъ своимъ пальцемъ подъ самымъ носомъ грозилъ; а третій, Чебышевъ, уже всѣхъ превзошелъ, и на гостиномъ дворѣ, какъ и въ синодѣ, открыто «гнилыя слова» изрыгалъ, увѣряя всѣхъ, что «Бога нѣтъ и говорить о Немъ глупо»... А кого еще впередъ срѣтать будемъ и что намъ тотъ или другой новый нѣтухъ запоетъ, про то и гадать нельзя. Одно утѣшеніе, что всѣ они, эти радѣтели Церкви русской, ничего ей не сдѣлаютъ, потому что не равна ихъ борьба: Церковь неразорима, какъ зданіе апостольское, а въ сихъ нѣвпяхъ духъ пройдетъ и не познаютъ они мѣста своего. Но вотъ что, господа, мнѣ кажется крайне безтактно, — это то, что иные изъ этихъ, какъ ихъ нынѣ стали звать, лица высокопоставленныя, или широкоразставленныя, нашей скромности не замѣчаютъ и ея не цѣнятъ. Это, поистинѣ скажу, неблагодарно: имъ бы не резонъ нарекать на насъ, что мы терпѣливы да смирны... Будь мы понетерпѣливѣе, такъ Богъ вѣсть, не стали бы сожалѣть объ этомъ очень многіе, и больше всѣхъ тѣ, иже въ трудѣхъ не суть и съ человѣки ранъ не пріемлютъ, а, обложивъ тукомъ свои лядвіи, праздно умствуютъ, во что бы имъ начать вѣрить, чтобы было только о чемъ-нибудь умствовать. Поцѣните же вы, господа, хоть святую скромность православія и поймите, что вѣрно оно духъ Христовъ содержитъ, если терпитъ *все*, что Богу терпѣть угодно. Право, одно его смиреніе похвалы стоитъ; а живучести его надо подивиться и за нее Бога прославить.

Мы всѣ безъ уговора невольно отвѣчали:

— Аминь.

Оглавленіе

VII ТОМА.

Обойденные. (Романъ).

	стр.
Часть третья	3
На краю свѣта	101

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива" на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

НЕКУДА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИЖКАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тополь да березка.

Въ трактовомъ селѣ Отрадѣ, на постояломъ дворѣ, осло-женномъ со всѣхъ сторонъ покрытыми соломою сараями, было еще совсѣмъ темно.

Въ этой темнотѣ никакъ нельзя было отличить стоящаго здѣсь господскаго тарантаса отъ окружающихъ его телѣгъ тяжелаго троечнаго обоза. А около тарантаса ужъ ворочается какое-то существо, при этомъ что-то бурчитъ себѣ подъ носъ и о чемъ-то вздыхаетъ. Существо это кряхтитъ потому, что оно уже старо и что оно не въ силахъ нынче приподнять на дугу укладистый казанскій тарантасъ съ тою же молодецкою удалью, съ которою оно поднимало его двадцать лѣтъ назадъ, увозя съ своимъ бариномъ сосѣднюю барышню. Повертѣвшись у тарантаса, существо подошло къ окошечку постоялой горницы и слегка постучалось въ раму. На стукъ едва слышно отозвался старческій голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ нижняя половина маленькаго окошечка приподнялась и въ ней показалась маленькая, сѣдая голова съ сбившеюся на сторону повязкой.

— Что, Никитушка?—спросила старушка.

— Пора, Марина Абрамовна.

— Пора?

— Да холодкомъ-то полегче отъѣдемъ.

— Ну, пора такъ пора.

— Буди барышень-то. Я ужъ подмазалъ, закладать стану.

Никитушка опять пошелъ къ тарантасу, разобралъ лежавшій на козлахъ пукъ вожжей и исчезъ подъ темнымъ сарасмъ, гдѣ пофыркивали отдохнувшія лошади.

Черезъ полчаса тарантасъ, запряженный тройкою рослыхъ барскихъ лошадей, стоялъ у утлаго крылечка. Въ горницѣ было попрежнему темно и на крыльцѣ никто не показывался. Никитушка нерѣдко позѣвывалъ, покрещивалъ ротъ и съ привычною кучерскою терпѣливостью смотрѣлъ на троечниковъ, засуетившихся около своихъ возовъ. Наконецъ, на высокомъ порогѣ двери показалась стройная дѣвушка, покрытая большимъ шейнымъ платкомъ, который плотно охватывалъ ея молодую головку, перекрещивался на свѣжей груди и крѣпкимъ узломъ былъ завязанъ сзади. Въ рукахъ у дѣвушки былъ дорожный мѣшокъ и двѣ подушки въ ситцевыхъ наволочкахъ.

— Здравствуй, Никита,—привѣтливо сказала дѣвушка, пронося въ дверь свою ношу.

— Здравствуйте, барышня, — отвѣчалъ сѣдой Никитушка.—Что́ это вы сами-то таскаете?

— Да такъ, это вѣдь легкое.

— Дайте, матушка, я уложу.

И Никитушка, соскочивъ съ козелъ, принялъ изъ рукъ барышни дорожный мѣшокъ и подушки.

— Какое утро хорошее!—проговорила дѣвушка, глядя на покрывшееся блѣднымъ утреннимъ свѣтомъ небо и загораживая ручкою зѣвающій ротикъ.

— День, матушка Евгенія Петровна, жаркій будетъ! Оводье проклятое доймета совсѣмъ.

— То-то ты насъ и поднялъ такъ рано.

— Да какъ же, матушка! Разъ, что жаръ, а другое дѣло послѣдняя станція до губерни-то. Близко, близко, а вѣдь сорокъ верстъ еще. Спознишься выѣхать, будетъ ни два, ни полтора. Завтра, вонъ, люди говорятъ, Петровъ день; добрые люди къ вечернямъ пойдутъ; Агнія Николаевнѣ и сустрѣть васъ некогда будетъ.

А пока у Никитушки шелъ этотъ разговоръ съ Евгеніей Петровной, старуха Абрамовна, разсчитавшись съ заспаннымъ дворникомъ за самоваръ, горницу, овесъ, да сѣно и заткнувъ за пазуху своего капота замшевый мѣшочекъ съ деньгами, будила другую дѣвушку, которая не оказывала

никакого вниманія къ словамъ старухи и продолжала спать сладкимъ сномъ молодости. Управившись съ собою, Марина Абрамовна завязала узелки и корзиночки, а потомъ одну за другою вытащила изъ-подъ головы спящей обѣ подушки и понесла ихъ къ тарантасу.

— Гдѣ-жъ Лиза, няня?—спросила ее Евгенія Петровна, остававшаяся все это время на крылечкѣ.

— Гдѣ-жъ, милая? Спитъ на голой лавкѣ.

— Не встала еще?—спросила съ удивленіемъ дѣвушка.

— Да вѣдь какъ всегда: не разбудишь ее.—Побуди поди, красавица моя,—добавила старуха, размѣщая по тарантасу подушки и узелки съ узелочками.

Красавица ушла съ крылечка въ горницу, а вслѣдъ за нею черезъ нѣсколько минутъ туда же ушла и Марина Абрамовна. Тарантасъ былъ совсѣмъ готовъ: только сѣсть да ѣхать. Солнышко выглянуло своимъ краснымъ глазомъ: извозчики длинною вереницею потянулись со двора. Никитушка зѣвнулъ и какъ-то невольно крякнулъ.

— Ну, что это, сударыня, глупить-то! Падаетъ какъ пьяная,—говорила старуха, поддерживая обворожительно хорошенькое семнадцатилѣтнее дитя, которое никакъ не могло разнять слипающихся глазокъ и шло, опираясь на старуху и на подругу.

— Носи ее, какъ ребеночка малаго,—говорила старуха, закрывая упавшую въ тарантасъ дѣвушку, сѣла сама впереди противъ барышень подъ фордекомъ и крикнула:—«съ Богомъ, Никитушка».

Тарантасъ, выѣхавъ со двора, покатился по ровной дорогѣ, обросшей старыми высокими ракитами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кто ѣдетъ въ тарантасѣ.

Мелодическое погромыхиванье въ тонъ подобранныхъ бубенчиковъ и тихая качка тарантаса, потряхивающагося на гибкихъ, пружинистыхъ дрогахъ, въ союзѣ съ ласкающимъ вѣеркомъ ранняго утра, навели сонъ и дрему на всѣхъ ѣдущихъ въ тарантасѣ. То густыя потемки, то сѣрый полумракъ ранняго утра не позволяли намъ разсмотрѣть этого общества, и мы сдѣлаемъ это теперь, когда единственный неспящій членъ его, кучеръ Никитушка, глядя

на лошадей, не можетъ замѣтить нашего присутствія въ тарантасѣ.

Направо, уткнувшись растрепанною, курчавою головкою въ мягкую пуховую подушку, спитъ Лизавета Егоровна Бахарева. Ей семнадцать лѣтъ, она очень стройна, но не высока ростомъ. У ней прелестные, густые каштановые волосы, вьющіеся у лба, какъ часто бываетъ у молодыхъ француженокъ. Овалъ ея лица нѣсколько круглъ, щечки дышатъ здоровымъ румянцемъ, сильно пробивающимся сквозь нѣсколько смуглый цвѣтъ ея кожи. На вискахъ видны тоненькія голубыя жилки, бьющіяся молодою кровью. Глазъ ея теперь нельзя видѣть, потому что они закрыты длинными рѣсницами, но въ институтѣ, изъ котораго она возвращается къ домашнимъ ларамъ, всегда говорили, что ни у кого нѣтъ такихъ прелестныхъ глазъ, какъ у Лизы Бахаревой. Все ея личико, съ нѣсколько вздернутымъ, такъ сказать, курносымъ, задорнымъ носикомъ, дышитъ умомъ, подвижностью и энергіей, которой читатель могъ не заподозрить въ ней, глядя, какъ она поднималась съ лавки постоялаго двора.

Другую нашу героиню мы уже видѣли на крылечкѣ. Читатель, конечно, догадался, что эти двѣ дѣвушки—героини моего романа. Глядя на сладко спящую подругу и раскачивающуюся въ старческой дремѣ Абрамовну, Евгенія Петровна тоже завела глазки и тихо уснула подъ усыпляющіе звуки бубенцовъ. Онѣ ровесницы съ Лизой Бахаревой, вмѣстѣ онѣ поступили въ одинъ институтъ, вмѣстѣ окончили курсъ и вмѣстѣ спѣшатъ на безсмѣнныхъ лошадяхъ, каждая подъ свои родныя липы. На взглядъ Евгенія Петровна кажется нѣсколько постарше Бахаревой, но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ ей тоже восемнадцатый годъ, что и Лизѣ. Марина Абрамовна недаромъ назвала Евгенію Петровну красавицей. Она, дѣйствительно, хороша, и если бы художнику нужно было изобразить на полотнѣ извѣстную дочь, кормящую грудью осужденнаго на смерть отца, то онъ не нашелъ бы лучшей натурщицы, какъ Евгенія Петровна Гловацкая. Станъ высокій, стройный и роскошный, античная грудь, античныя плечи, прелестная ручка, волосы черные, черные какъ вороново крыло, и кроткіе, умные, голубые глаза, которые такъ и смотрѣли въ душу, такъ и западали въ сердце, говоря, что мы на

«Жить *каждому* въ *своемъ* домикѣ»,—рѣшила Женни, не заходя далеко и не спрашивая, какъ бы это отучить родъ людской отъ черезчуръ корыстныхъ притязаній и дать другъ другу собственные домики.

А уѣздныя дамы все-таки лгали, называя ее дурочкой.

Она только не знала, что нельзя всѣмъ построить собственные домики и безмятежно жить въ нихъ, пока двужильный старикъ Захватъ Ивановичъ сидитъ на большой коробьѣ да похваливается, а свободная человѣчья душа ему молится: научи, молъ, меня, батюшка Захватъ Ивановичъ, какъ самому мнѣ Захватомъ стать!

Не говоря о докторѣ, Вязмитиновъ больше всѣхъ прочихъ отвѣчалъ симпатіямъ Женни. Въ немъ ей нравилась скромность, спокойствіе воззрѣній на жизнь и сердечное сожалѣніе о людяхъ лишнихъ на пиру жизни и о людяхъ, ворующихъ пироги съ жизненнаго пира.

«Скроменъ, разуменъ и трудолюбивъ...» – думала Женни.

— Не красавецъ, и не уродъ, — договаривало ей женское чувство.

А что она думала о Лизѣ? То-есть, что она стала думать въ послѣднее время?

— Лиза умница,—говорила себѣ Женни, смотря на колыхающійся початникъ.—Она героиня, она выйдетъ силой, а я... я...

Тутъ мѣшались Вязмитиновъ, отецъ, даже иногда докторъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, Татьяна и мать Гракховъ, Корде и Пелагея съ вопросомъ о соусѣ, который особенно любилъ Петръ Лукичъ.

— Вязмитиновъ много знаетъ, трудится, онъ живой человѣкъ, кругозоръ его шире, чѣмъ кругозоръ моего отца, и вѣрнѣе осмотрѣнъ, чѣмъ кругозоръ Зарницына, — разсуждала Женни.

— А докторъ?

«Да, ему ужъ помочь нельзя», — думала она и шла къ Пелагеѣ заправлять соусъ, который особенно любилъ Петръ Лукичъ, всегда возвращающійся мученикомъ изъ своей смотрительской камеры.

— Лиза что! — размышляла Женни, заправивъ соусъ и снова сѣвъ подъ своимъ окошкомъ:—Лизѣ все бы это ни на что не годилось, и ничто ее не остановило бы. Она только

напрасно думала когда-то, что моя жизнь на что-нибудь ей пригодилась бы.

«Эта жизнь ничѣмъ ее не удовлетворила бы и ни отъ чего ее не избавила бы», — подумала Женни, глядя, послѣ своей поѣздки къ Лизѣ, на просвирнину гусыню, тянувшую изъ посѣдѣлаго початника послѣдняго растительнаго гренадера.

2.

Внутренній міръ Лизы совершенно не похожъ былъ на міръ Женни.

Не было міра въ этой душѣ. Рвалась она на волю, томилась предчувствіями, изнывала въ темныхъ шарадахъ своего и чужого разума.

Мертва казалась ей книга природы; на ея вопросы не давали ей отвѣта темные люди темнаго царства.

Она страдала и искала повсюду разгадки для живыхъ, ноющихъ вопросовъ, неумолчно взывавшихъ о скорѣйшемъ рѣшеніи.

Ей тоже хотѣлось правды. Но этой правды она искала не такъ, какъ искала ея Женни.

Она искала мира, когда мира не было въ ея костяхъ.

Семья не поняла ея чистыхъ порывовъ; люди ихъ перетолковывали; друзья старались ихъ усыпить; мать кошекъ чесала; отецъ младенчествовалъ. Все обрывалось, *некуда* было дѣться.

Женни не взяла ее къ себѣ по искренней, дѣтской просьбѣ. «Нельзя», говорила. — Мать Агнія тоже говорила «опомнись»; а опомниться нужно было тамъ же, въ томъ же вертепѣ, гдѣ кошекъ чешутъ и злятъ регулярными пріемами черезъ часъ по ложкѣ.

Нельзя въ такихъ мѣстахъ опомниться.

Живыхъ людей по мысли не находилось, и началось безпорядочное чтеніе.

Выборъ недовольныхъ всегда падаетъ на книги протестующія, и чѣмъ сдержаннѣе, чѣмъ темнѣе выражается протестъ, тѣмъ онъ кажется серьёзнѣе и даже справедливѣе.

Лиза, отъ природы нѣжная, пытливая и впечатлительная, не нашла дома ничего, таки ровно ничего, кромѣ странной, почти дѣтской ласки отца, аристократическаго вниманія тетки и мягкаго бичеванія отъ всѣхъ прочихъ членовъ своей семьи.

Врожденныя симпатіи еще влекли ее въ семью Гловацкихъ, но куда же годились эти мечтанія?

Ей хотѣлось много понимать, учиться.

Ее повезли на балы.

Все это шло противъ ея желаній.

Она искала сочувствія и нашла это сочувствіе въ книгахъ, гдѣ личность отвергалась во имя общества, и во имя общества освобождалась личность.

И стали смѣшны ей прежнія плачевныя сцены, и сентиментально-глупа показалась собственная просьба къ Женни—увезти ее отсюда.

Застыдившись своего невиннаго прошлаго, она застыдилась и памятниковъ этого прошлаго.

Всѣ близкіе къ ней по своему положенію люди стояли памятниками прошедшихъ привязанностей.

Они были ясны и въ нихъ нечего было доискиваться; а темные намеки манили невѣдомымъ счастьемъ, шириною свободной дѣятельности.

Привязанности были принесены въ жертву стремленіямъ.

Живые люди казались мразью. Духъ виталъ въ мірѣ иныхъ людей, въ мірѣ, износившемъ вѣщіе глаголы, въ средѣ людей чести, безкорыстія и свободы.

Всѣ живыя связи съ прошедшимъ мельчали и рвались.

Безпечальное будущее народовъ рисовалось въ лучезарномъ свѣтѣ. Недомолвки расширяли эти лучи и простыя человѣческія чувства становились буржуазны, мелки, недостойны.

Лиза порѣшила, что окружающіе ее люди — «мразь», и опредѣлила, что настоящіе ея дни есть приготовительный терминъ ко вступленію въ жизнь съ настоящими представителями безкорыстнаго человѣчества, живущаго единственно для водворенія общей высокой правды.

Иногда ей бывало жалко Женни и вообще даже жалко всего этого простенькаго мірка; но что же былъ этотъ мірокъ передъ *міромъ*, который гдѣ-то носился передъ нею, міръ обаятельный, свободный и правдивый?

Лизѣ самой было смѣшно, что она еще такъ недавно могла выходить изъ себя за вздоры и биться изъ-за ничтожныхъ уступокъ въ своемъ семейномъ быту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Что на русской землѣ бываетъ.

Въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста, когда во всѣхъ церквахъ города зазвонили къ часамъ, Вязмитиновъ, по обыкновенію, зашелъ на минуточку къ Женни. Женни сидѣла на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ и работала.

— Знаете, какую новость я вамъ могу сообщить?—спросила она Вязмитинова, когда тотъ присѣлъ за ея столикомъ, и, не дождавшись его отвѣта, тотчасъ же добавила:—сегодня къ намъ Лиза будетъ.

— Вотъ какъ!

— Да и еще на цѣлую недѣлю.

— Что за благодать такая?

— Няня непремѣнно хочетъ говѣть на этой недѣлѣ.

— И Лизавета Егоровна тоже?

— Да ужъ, вѣрно, и она будетъ вмѣстѣ говѣть; тамъ, вѣдь, у нихъ церковь далеко, да и холодная.

— И вы, пожалуй, тоже?

— Я хотѣла на Страстной говѣть, но ужъ тоже отговѣю съ ними.

— Значитъ, теперь къ вамъ и глазъ не показывай.

— Отчего же это?

— Да спасаться будете.

— Это одно другому нимало не мѣшаетъ. Напротивъ, приходите почаще, чтобъ Лиза не скучала. Она сегодня пріѣдетъ къ вечеру, вы вечеромъ и приходите, и Зарницыну скажите, чтобы пришелъ.

— Хорошо-съ,—сказалъ Вязмитиновъ:—теперь пора въ классы,—добавилъ онъ, взглянувъ на часы.

— До свиданія.

— До свиданія, Евгенія Петровна.

— Вы не знаете, докторъ въ городѣ?

— Нѣтъ, кажется нѣтъ; а зайти развѣ за нимъ?

— Да, если это васъ не затруднитъ, зайдите, пожалуйста.

Въ три часа Женни увидала изъ своего окна бахаревскія сани, на которыхъ сидѣла Лиза и старуха Абрамовна.

Лиза смѣялась и, замѣтивъ въ окнѣ Женни, весело кивнула ей головой.

Гловацкая тотчасъ встала и вышла на крыльцо, въ ту же минуту, какъ передъ нимъ остановились сани.

— Ну же, ну, вылѣзай, няня, вытаскивай свой прахъто,—говорила, смѣясь, Женни.

Абрамовна медленно высвобождалась изъ саней и ничего не отвѣчала.

— Чего ты, Лиза, смѣешься?—спросила Женни.

— Да вотъ няня всю дорогу смѣшитъ.

Няня молча вынимала подушки. Она была очень недовольна, а молодой садовникъ, отряженный состоять Лизинымъ зимнимъ кучеромъ, поглядывая на барышню, лукаво улыбался.

— Что вы няню обижаете, право, — ласково замѣтила Гловацкая.

— Да что имъ, матушка, дѣлать-то, какъ не зубоскалить,—отвѣчала разсерженная старуха.

— Я вотъ хочу, Женни, вѣру перемѣнить, чтобы не говѣть никогда,—подмигнувъ глазомъ, сказала Лиза.—Правда, что и ты это одобришь? Борисъ вонъ тоже согласенъ со мною: хотимъ въ нѣмцы идти.

Абрамовна плюнула и полѣзла на крыльцо; Лиза и ея кучеръ засмѣялись, и даже Женни не могла удержаться отъ улыбки, глядя на смѣшной гнѣвъ старухи.

Прошло пять дней. Женни, Лиза и няня отговѣли. Въ эти дни ихъ навѣщали Вязмитиновъ и Зарницынъ. Доктора не было въ городѣ. Лиза была весела, спокойна, охотно разсуждала о самыхъ обыденныхъ вещахъ и даже нерѣдко шутила и смѣялась.

Женни опять казалось, что Лиза словно та же самая, что и была до отъѣзда на зиму въ городъ.

— Какъ вамъ кажется Лиза?—спрашивала она отца.

— Ничего. Я не знаю, что вы о ней сочинили себѣ: она такая же—какъ была. Посолиднѣла только, и больше ничего.

Вязмитиновъ на такой же вопросъ отвѣчалъ, что Лиза ужасно подвинулась впередъ въ познаніяхъ, но что все это у нея какъ-то мѣшается. Видно, что читать что попало,— заключилъ онъ свое мнѣніе.

Ни съ кѣмъ другимъ Женни не говорила о Лизѣ.

Въ субботу говѣльщицы причащались за ранней обѣдней. Въ этотъ день онѣ рано встали къ заутренѣ, уморились

полгода до его кончины. Всѣ глаза на этомъ балѣ были устремлены на ослѣпительную красавицу Бахареву; императоръ прошелъ съ нею полонезъ, наговорилъ любезностей ея старушкѣ-матери, не умѣвшей ничего отвѣтить государю отъ робости, и на другой день прислалъ молодой красавицѣ великолѣпный букетъ въ еще болѣе великолѣпномъ портъ-букетѣ. Съ тѣхъ поръ нынѣшняя мать Агнія заняла первое мѣсто въ своемъ свѣтѣ. Три года продолжалось ея свѣтское теченіе, два года за нею ухаживали, искали ея вниманія и ея руки, а на третій она, черезъ пятыя руки, получила изъ Петербурга маленькую записочку отъ стройнаго гвардейскаго офицера, привозившаго ей два года назадъ букетъ отъ покойнаго императора. Въ этой записочкѣ было написано только слѣдующее: «Судьба моя рѣшена самымъ печальнымъ образомъ. Не жди меня и обо мнѣ не справляйся: это только можетъ навлечь на тебя большія непріятности. Слѣдовать за мной ты не можешь, да и это только увеличило бы мои страданія. Возвращаю тебѣ твои клятвы, прошу тебя забыть меня и быть счастливою сколько можешь и какъ можешь. Блаженства, которое я ощущалъ два года, зная, что ты любишь меня болѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, достанетъ мнѣ на весь остатокъ моей жизни, и въ холодныхъ норахъ ужасной страны моего изгнанія я не забуду ни твоего чистаго взора, ни твоего прощальнаго поцѣлуя.

Твой до гроба
Князь А. Т.»

Анна Николаевна Бахарева въ этомъ случаѣ поступила такъ, какъ поступали многія героини писанныхъ и неписанныхъ романовъ ея вѣка. Она томилась, рвалась, выплакала всѣ глаза, отстояла колѣни, молясь теплой Заступницѣ міра холоднаго, просила ее спасти его и дать ей силы совладать съ страданіемъ вѣчной разлуки, и черезъ два мѣсяца стала навѣщать старую знакомую своей матери, инокиню Серафиму, черезъ полгода совсѣмъ переселилась къ ней, а еще черезъ полгода, несмотря ни на просьбы и заклинанія семейства, ни на угрозы брата похитить ее изъ монастыря силою, сдѣлалась сестрою Агніею. Съ лѣтами все это обошлось; старики, примирившись съ молодой монахиней, примерли; братъ, надъ которымъ она имѣла сильный умственный перевѣсъ, возвратясь изъ своихъ по-

ходовъ, очень подружился съ нею; и вотъ сестра Агнія уже восьмой годъ смѣнила умершую игуменью Серафиму и блюдетъ суровый уставъ пріюта неумѣвшихъ найти въ жизни ничего, кромѣ горя и страданія. Мать Агнію всѣ уважаютъ за ея умъ и за ея безупречное поведеніе по монастырской программѣ. У нея бываетъ почти весь городъ, и она каждаго встрѣчаетъ безъ всякаго лицезрѣнія, съ тѣмъ же спокойнымъ достоинствомъ, съ тою же сдержанностью, съ которою она теперь смотритъ на медленно подъѣзжающій къ ней экипажъ съ двумя милыми ей дѣвушками.

Съ боку матери Агніи стоитъ въ почтительной позѣ Марина Абрамовна; сзади ихъ, одною ступенькою выше, безотвѣтное существо, мать Манеѳа, другъ и сожительница игуменьи, и мать казначея, обѣ ужъ пожилыя женщины. Наверху же крыльца, прислонясь къ лавочкѣ, стояли двѣ десятилѣтнія дѣвочки въ черныхъ шерстяныхъ рясахъ и въ остроконечныхъ бархатныхъ шапочкахъ. Обѣ дѣвочки держали въ рукахъ чулки съ вязальными спицами.

— Какой глупый человѣкъ!—проговорила разбитымъ голосомъ мать Манеѳа, глядя на приближающійся тарантасъ.

— Кто это у тебя глупый человѣкъ?—спросила, не оборачиваясь, игуменья.

— Да Арефьичъ.

— Чѣмъ онъ такъ глупъ сталъ?

— Да какъ же не пускать.

— Ничуть это не выражаетъ его глупости. Старикъ свое дѣло дѣлаетъ. Ему такъ приказано, онъ такъ и поступаетъ. Исправный слуга, и только.

Старухи замолчали, няня вздохнула, тарантасъ остановился у крыльца передъ кельею матери Агніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Старое съ новымъ.

— Тетя! это вы, моя милая?—крикнула, выпрыгивая изъ тарантаса, Лиза Бахарева.

— Я, мой дружочекъ, я,—отвѣчала игуменья, протянувъ къ племянницѣ руки.

Обѣ обнялись и заплакали.

— Ну, полно, полно плакать, — говорила мать Агнія. — Хоть это и хорошія слезы, радостныя, а все же полно. Дай

мнѣ обнять Гешу. Поди ко мнѣ, дитя мое милое!—отнеслась она къ Гловацкой.

Съ этими словами старуха обняла Женни, стоявшую возлѣ Лизы, нѣсколько разъ поцѣловала ее, и у нея опять набѣжали слезы.

— Славная какая!—произнесла она, отодвинувъ отъ себя Гловацкую, и, держа ее за плечи, любовалась дѣвушкою съ упоеніемъ артиста. Точно мать покойница: хороша; когда-бъ и сердце тебѣ Богъ далъ материно,— добавила она, насмотрѣвшись на Женни, и протянула руку стоявшему передъ ней безъ шапки Никитушкѣ.

— Довезъ, старина, благополучно?

— Благополучно доставилъ, матушка Агнія Николаевна,— отвѣчалъ старикъ, почтительно цѣлуя игуменьину руку.

— Ну и молодецъ.

Игуменья погладила Никитушку по его сѣдой головѣ и, обратясь къ рыжей дѣвушкѣ, таскавшей изъ тарантаса вещи, скомандовала:

— Экипажъ на житный дворъ, а лошадей въ конюшню. Тройку рабочихъ пусть выведутъ пока изъ стойлъ и поставятъ подъ сараемъ, къ рѣшеткѣ. Онѣ смирны, имъ ничего не сдѣлается. А мы пойдемте въ комнаты,—обратилась она къ ожидавшимъ ее дѣвушкамъ и, взявъ за руки Лизу и Женни, повела ихъ на крыльцо.—Ахъ, и забыла совсѣмъ!— сказала игуменья, остановясь на верхней ступенькѣ. — Никитушка! винца, вѣдь, не пьешь, кажется?

— Не пью, матушка Агнія Николаевна.

— Ну, отпрягши-то, приходи ко мнѣ на кухню; я тебя велю чайкомъ попоить; вечеромъ сходи въ городъ въ баню съ дорожки; а завтра пироги будутъ. Прощай пока, управляйся, а потомъ придешь разсказать, какъ ѣхалось. Татьяну видѣлъ въ Москвѣ?

— Видѣлъ, матушка.

— Ну, что?

— Ничего, матушка, живетъ.

— Ну, съ Богомъ, управляйся, да приходи чай пить. Пойдемте, дѣтки.

Съ чистенькаго крылечка игуменьиной кельи была дверь въ такія же чистенькія, но довольно тѣсныя сѣни, съ двумя окнами по сторонамъ входной двери. Въ этихъ сѣняхъ, кромѣ двери, выходящей на крыльцо, было еще трое дверей.

Одне, направо, вели въ жилыя комнаты матери Агніи. Тутъ была маленькая проходная комната въ родѣ передней, гдѣ стоялъ большой платяной шкафъ, умывальный столикъ съ большимъ мѣднымъ тазомъ и мѣднымъ же рукомойникомъ съ подъемнымъ стержнемъ; небольшой столикъ съ привинченной къ нему швейной подушечкой и кровать рыжей келейницы, закрытая ватнымъ кашемировымъ одѣяломъ. Далѣе шла довольно большая и очень свѣтлая угловая комната въ четыре окна, по два въ каждую сторону. Здѣсь стояла длинная отоманка, обитая зеленой шерстяной матеріей, образникъ, трое тщательно закрытыхъ и заколотыхъ пялецъ, рядъ простыхъ плетеныхъ стульевъ и большіе стѣнные часы въ старинномъ футлярѣ. Въ этой комнатѣ жили и учились двѣ сиротки, которыхъ мать Агнія взяла изъ холодной избы голодныхъ родителей и которыхъ мы видѣли въ группѣ, ожидавшей на крыльцѣ нашихъ героинь. Дѣвочки здѣсь учились и здѣсь же спали ноги къ ногамъ на зеленой шерстяной отоманкѣ. Рядомъ была комната самой Агніи. Это была очень просторная горница, раздѣленная пополамъ ширмами краснаго дерева, обитыми сверху до половины зеленою тафтою. За ширмами стояла полуторная кровать игуменьи съ прекраснымъ замшевымъ матрацомъ, ночной столикъ, небольшой шкафъ съ книгами и два мягкія кресла; а по другую сторону ширмъ помѣщался богатый образникъ съ нѣсколькими лампадами, горѣвшими передъ фамильными образами въ дорогихъ ризахъ; письменный столъ, обитый зеленымъ сафьяномъ съ вытисненными по угламъ золотыми арфами, кушетка, двѣ горки съ хрусталемъ и нѣсколько креселъ! Полъ этой комнаты былъ весь обитъ войлокомъ, а сверху зеленымъ сукномъ.

Затѣмъ шелъ большой залъ, занимавшій средину домика, а потомъ комната матери Манеѳы и столовая, изъ которой шла узенькая лѣстница внизъ въ кухню.

Мать Агнія ввела своихъ дорогихъ гостей прямо въ спальню и усадила ихъ на кушетку. Это было постоянное и любимое мѣсто хозяйки.

— Чай, — сказала она матери Манеѳѣ и сѣла сама между дѣвушками.

— Давно мы не видались, дѣтки, — нѣсколько нараспѣвъ произнесла игуменья, положивъ на колѣни каждой дѣвушкѣ одну изъ своихъ бѣлыхъ, аристократическихъ рукъ.

— Давно, тетя! шесть лѣтъ,—отвѣчала Лиза.

— Да, шесть лѣтъ, друзья мои. Много воды утекло въ это время. Твоя прелестная мать умерла, Геша; Зина замужъ вышла; всѣ постарѣли и не поумнѣли.

— Зина счастлива, тетя?

— Какъ тебѣ сказать, мой другъ? Ни да, ни нѣтъ тебѣ не отвѣчу. То слышу—бранятся, жалуются другъ на друга, то мирятся. Ничего не разберу. Второй годъ замужемъ, а комедій настроила столько, что другая въ двадцать лѣтъ не успѣетъ.

— Сестра вспыльчива.

— Взбалмошна, мой другъ, а не вспыльчива. Вспыльчивость въ доброй, мягкой женщинѣ еще небольшое зло, а въ ней блажь какая-то сидитъ.

— А онъ хорошій человѣкъ?

— Такъ себѣ.

— Умный?

— Не вижу я въ немъ ума. Что за человѣкъ, когда бабы въ рукахъ удержать не умѣетъ.

— Такъ они несчастливы?

— Такимъ людямъ нечего больше дѣлать, какъ ссориться да мириться. Ничего, такъ и проживутъ, то ругаясь, то цѣлуясь, да добрыхъ людей потѣшая.

— А мама? папаша?

— Братъ очень состарѣлся, а мать все котятъ чешетъ, какъ и въ старину бывало.

— А сестра Соня?

— Съ годъ ужъ ее не видала. Не любитъ ко мнѣ, старухѣ, учащать, скучаетъ. Впрочемъ, должно быть, все съ гусарами въ амазонкѣ ѣздитъ. Болтается дѣвочка, не читаетъ ничего, ничего не любитъ.

— Вы, тетя, все такія же рѣзкія.

— Въ мои годы, другъ мой, люди не мѣняются, а если мѣняются, такъ очень дурно дѣлаютъ.

— Отчего же дурно, тетя? Никогда не поздно исправиться.

— Исправиться? — переспросила игуменья и, взглянувъ на Лизу, добавила:—ну, исправляются-то или мѣняются къ лучшему только богатыя, прямыя искреннія натуры, а кто весь вѣкъ лгалъ и себѣ, и людямъ и не исправлялся въ молодости, тому ужъ на старости лѣтъ не исправиться.

— Будто ужъ всѣ такіе лживые, тетя,—смѣясь, проговорила Лиза.

— Не всѣ, а очень многіе. Лжецовъ больше, чѣмъ всѣхъ дурныхъ людей съ иными пороками. Какъ ты думаешь, Геша? — спросила игуменья, хлопнувъ дружески по рукѣ Гловацкую.

— Не знаю, Агнія Николаевна,—отвѣчала дѣвушка.

— Гдѣ тебѣ знать, мой другъ, васъ вѣдь въ институтѣ-то какъ въ парникѣ держатъ.

— Да, это наше институтское воспитаніе ужасно, тетя,— вмѣшалась Лиза.—Теперь на него очень много нападаютъ.

— И очень дурно дѣлаютъ, что нападаютъ, — отвѣтила игуменья.

Дѣвушки взглянули на нее изумленными глазами.

— Вы же сами, тетечка, только-что сказали, что институтъ не знакомитъ съ жизнью.

— Да, я это сказала.

— Значитъ, вы не одобряете институтскаго воспитанія?

— Не одобряю.

— А находите, что нападать на институты не должно?

— Да, нахожу. Нахожу, что всѣ эти нападки неумѣстны, непрактичны, просто сказать, глупы. Семью нужно передѣлать, такъ и училища передѣлаются. А то, что институты! У насъ, что ни семья, то адъ, дрянь, болото. Въ институтахъ воспитываютъ плохо, а въ семьяхъ еще несравненно хуже. Такъ что-жъ тутъ институты? Институты необходимое зло пошлаго вѣка и больше ничего. Иди-ка, дружочекъ, умойся: самоваръ несутъ.

Лиза встала и пошла къ рукомойнику.

— Возьми тамъ губку, охвати шею-то, пыль на васъ насѣла, хоть рѣпу сѣй,—добавила она, глядя на античную шейку Гловацкой.

Пока дѣвушки умылись и поправили волосы, игуменья сдѣлала чай и ожидала ихъ за весело шипѣвшимъ самоваромъ и безукоризненно чистенькимъ чайнымъ приборомъ.

Дѣвушки, войдя, поцѣловали руки у Агніи Николаевны и усѣлись по обѣимъ сторонамъ ея кресла.

— Пойди-ка въ залу, Геша, посмотри, не увидишь ли чего-нибудь знакомаго,—сказала игуменья.

Гловацкая подошла къ дверямъ, а за нею порхнула и Лиза.

— Картина маминаго шитья! — крикнула изъ залы Гловацкая.

— Да. Это я тебѣ все берегла: возьми ее теперь. Ну, идите чай пить.

Дѣвушки опять усѣлись за столъ.

— Экая женщина-то была!—какъ бы размышляла вслухъ игуменья.

— Кто это, тетя?

— Да ея покойница мать. Что̀ это за ангелъ во плоти былъ! Вотъ ужъ именно хорошее-то и Богу нужно.

— Мать была очень добра.

— Да это истинно святая. Такихъ женщинъ немного родится на свѣтѣ.

— И папа же мой вѣдь добрякъ. Прелестный мой папа.

— Да, мы съ нимъ большіе друзья; ну, все же онъ не то. Мать твоя была великая женщина, богатырь, героиня. Доброта-то въ ней была прямая, высокая, честная, ни этихъ сентиментальностей глупыхъ, ни нервъ, ничего этого дурацкаго, чѣмъ хвалятся наши слабонервные кучера въ юбкахъ. Это была сила, способная на всякое самоотверженіе; это было существо, никогда не жившее для себя и серьезно преданное своему долгу. Да, мой другъ Геша, — добавила игуменья со вздохомъ и значительно приподнявъ свои прямыя брови:—тебѣ не нужно далеко искать образцовъ!

— Вы такъ отзываетесь о мамѣ, что я не знаю...

— Чего не знаешь?

— Я очень рада, что о моей мамѣ осталась такая добрая память.

— Да, истинно добрая.

— Но сама я...

— Что̀ ты сама?

Дѣвушка закраснѣлась и застѣнчиво проговорила:

— Я не знаю, какъ надо жить.

— Этой науки, кажется, не ты одна не знаешь. По-моему, жить надо какъ живется; меньше говорить, да больше дѣлать, и еще больше думать; не быть эгоисткой, не выкраивать изъ всего только одно свое положеніе, не обращая вниманія на обрѣзки, да главное дѣло не лгать ни себѣ, ни людямъ. Первое дѣло не лгать. Людямъ ложь вредна, а себѣ еще вреднѣе. Станешь лгать себѣ, такъ всѣхъ обманешь и сама обманешься.

— Да какъ же лгать *себѣ*, тетя?

— Ахъ, мать моя? Какъ? Ну, вотъ одна выдумаетъ, что она страдалица, другая, что она героиня, третья еще что-нибудь такое, чего вовсе нѣтъ. Увѣрятъ себя въ существованіи несуществующаго, да и пойдутъ чудеса творить, отъ которыхъ Богъ знаетъ сколько людей станутъ въ несчастныя положенія. Вотъ какъ твоя сестрица Зиночка.

— Вы, тетя, на нее нападаете, право.

— Что мнѣ, мой другъ, нападать-то! Она мнѣ не врагъ, а своя, родная. Мнѣ вовсе непріятно, какъ о ней пустые-то языки благовѣстятъ.

— Вы же сами не хвалите ея мужа.

— Такъ что жъ! не хвалю, точно не хвалю. Ну, такъ и резонъ молодой бабочкѣ сдѣлаться городскою притчею?

— Да если онъ дурной человѣкъ, тетя?

— Ну, какой есть,—сама выбрала.

— Можно ошибиться.

— Очень можно. Но изъ одной-то ошибки въ другую лѣзть не слѣдуетъ; а у насъ-то это, къ несчастію, всегда такъ и бываетъ. Сдѣлаемъ худо, а поправимъ еще хуже.

— Да въ чемъ же ея ошибки, за которыя всѣ такъ строго ее осуждаютъ?

— Въ чемъ? А вотъ въ слабоязычіи, въ болтовнѣ, въ неумѣньи скрыть отъ свѣта своего горя и во всякомъ отсутствіи желанія помочь ему, исправить свою жизнь, сдѣлать ее сносною и себѣ, и мужу.

— Это не такъ легко, я думаю.

— И не такъ ужъ очень трудно. Брыкаться не надо. Брыканьемъ ничему не поможешь, только ноги себѣ же отобьешь.

— Извините, тетя; вы, мнѣ кажется, оправдываете семейный деспотизмъ.

— Въ иныхъ случаяхъ, да, оправдываю.

— Въ какихъ же это, тетя, случаяхъ?

— Напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ хранитъ слабыхъ и неопытныхъ членовъ семьи отъ заблужденій и ошибокъ.

Дѣвушка немного покраснѣла и сказала:

— Значитъ, вы оправдываете рабство женщины?

— Изъ чего же это значитъ?

— Да какъ же! Вы оправдываете, какъ сейчасъ сказали,

въ иныхъ случаяхъ деспотизмъ; а четверть часа тому назадъ замѣтили, что мужъ моей сестры не умѣетъ держать ее въ рукахъ.

— Ну такъ что жъ такое?

— Это значитъ оправдывать рабство женщины въ семьѣ?

У Лизы раздувались ноздри, и она безпрерывно откидывала за уши постоянно разбѣгавшіяся кудри.

— Нѣтъ, милая, это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ признавать необходимость въ семьѣ одного авторитета.

— Ну, да. Признавать законность воли одного надъ стремленіями другихъ! Что жъ это, не деспотизмъ развѣ?

— Ничуть не деспотизмъ.

— А что же? Что же это такое? Я должна жить какъ мнѣ прикажутъ?

— Отчего же не такъ, какъ тебѣ посовѣтуютъ?

— Да, если это дружескій совѣтъ равнаго лица, а не приказаніе, какъ вы называете, авторитета.

— Слушайся совѣта, такъ онъ не перейдетъ въ приказаніе.

— А если перейдетъ?

— Ну, ты же будешь виновата. Значитъ, не умѣла держать себя.

— Этакъ у васъ всегда сильный правъ: равенства, значитъ, нѣтъ.

— Равенства нѣтъ.

— И это вамъ нравится?

— Это нравится вѣрно природѣ. Спроси ее, зачѣмъ одинъ умнѣе другого, зачѣмъ одинъ полезнѣе другого обществу.

— Природа глупа.

— Ну, какая есть.

— Гм! Это ужасно.

— Что это ужасно?

— Повиноваться, и только повиноваться!

— Нѣтъ, не только: можно и жить, и любить, и дѣлать другихъ счастливыми.

— Все повинуясь?

— Повинуясь,—повинуясь разуму.

— Своему,—да; я это понимаю.

— Или другому, если этотъ разумъ яснѣе твоего, опытнѣе твоего и имѣетъ всѣ основанія желать твоего блага.

— А если нѣтъ?

— Тогда повелѣвай имъ сама.

— Господи! Какъ странно вы смотрите, тетя, на жизнь. Или будь деспотомъ, или рабомъ. Приказывай, или повинуйся. Мужъ глава, значитъ, какъ это читается.

— Въ большинствѣ случаевъ.

— И не выходи изъ его воли?

— Да. Если эта воля разумна, не выходи изъ нея. Иначе: не станешь признавать надъ собой одной воли, одного голоса, придется узнать ихъ надъ собою нѣсколько, и далеко не столь искреннихъ и честныхъ.

— Извините, тетя, что я скажу вамъ?

— Пожалуйста.

Лиза немного задумалась и, закраснѣвшись, сказала:

— Вы отстали отъ современнаго образа мыслей.

Выслушавъ это замѣчаніе, игуменья спокойно собрала со стола нѣсколько крошечекъ бѣлаго хлѣба и, ссыпавъ ихъ въ полоскательную чашку, спросила:

— А ты къ чему пристала, глядя на свѣтъ сквозь закрашенныя стекла института?

— Мы читали, мы говорили тоже, не безпокойтесь.

— Нѣтъ: не могу не безпокоиться, потому что вижу въ твоей головкѣ всѣ эти бредни-то новыя. Я тоже вѣдь говорю съ людьми-то, и врядъ ли такъ ужъ очень отстала, что и судить не имѣю права. Я только не пристала къ пралямъ и не разсталась со смысломъ. Я знаю эти, какъ ты называешь, взгляды-то. Двухъ лѣтъ еще нѣтъ, какъ ея братецъ вотъ тутъ же, на этомъ самомъ мѣстѣ, все развивалъ мнѣ ваши идеи новыя. Все вздоръ какой-то! Не пойму ничего. — Пріѣхалъ Ипполитъ изъ университета,— обратилась она къ Гловацкой:—ну, и зашелъ ко мнѣ. Вижу мальчикъ, совсѣмъ еще мальчикъ—восемнадцать лѣтъ вѣдь всего. А ломается, кривляется. Пушкина на первыхъ же шагахъ обругалъ, отца раскритиковалъ: зачѣмъ, зачѣмъ, говоритъ, анахоретомъ живетъ? — Для тебя же съ сестрой, говорю, батюшка такъ живетъ. — Отъ науки отсталъ, говоритъ. Ну, глупъ отецъ, однимъ словомъ, а онъ уменъ; тутъ же при мнѣ и при двухъ сестрахъ, очень почтенныхъ женщинахъ, монастыри обругалъ, назвалъ насъ устрицами, приросшими къ своимъ раковинамъ. Богъ знаетъ, что такое? Школы хорошей нѣтъ этому мальчику.

— Что жъ, онъ вѣдь, можетъ-быть, говорилъ правду?— замѣтила Лиза.

— Правду, говоришь, говорилъ?

— Да.

Тетка немножко насупилась.

— И правду надо знать какъ говорить.

— Вы же сами говорите всѣмъ правду.

— Да, то-то, я говорю, надо знать какъ говорить правду-то, а не осуждать за глаза отца родного, при чужихъ людяхъ.

— Онъ, вѣрно, и не осуждалъ, а разбиралъ, анализировалъ.

— Насъ, старухъ, изругалъ ни къ стру, ни къ смотру. Вреднѣйшіе мы люди, тунеядицы.

— Монастыри, тетя, — отжившія учрежденія. Это всѣ говорятъ.

— А почему это они отжившія учрежденія, смѣю спросить?

— Потому, что люди должны трудиться, а не сидѣть запершись, ничего не дѣлая.

— Кто жъ это вамъ сказалъ, что здѣсь ничего не дѣлаютъ? Не угодно ли присмотрѣться самой-то тебѣ поближе. Можетъ-быть, здѣсь еще болѣе работаютъ, чѣмъ гдѣ-нибудь. У насъ каждая почти однимъ своимъ трудомъ живетъ.

— А въ мірѣ она бы втрое болѣе могла трудиться.

— Или совсѣмъ бы не могла.

— Это отчего?

— Отъ многаго. Отъ неспособности сжиться съ этимъ міромъ-то; отъ неумѣнья отстоять себя; отъ недостатка силъ бороться съ тѣмъ, что не всякій поборетъ. Есть люди, которымъ нужно, просто необходимо такое безмятежное пристанище, и пристанище это существуетъ, а если не отжила еще потребность въ этихъ учрежденіяхъ, то, значитъ, всякій молокососъ не имѣетъ и права называть ихъ отжившими и поносить въ глаза людямъ, дорожащимъ своимъ тихимъ пріютомъ.

— Вы сейчасъ обвиняли ея брата въ томъ, что онъ осуждаетъ людей въ глаза, а теперь обвиняете его въ томъ, что онъ говоритъ правду въ глаза. Какъ же говорить ее нужно?

Мать Агніи совсѣмъ вспыхнула.

— Говорить надо съ умомъ,—замѣтила она рѣзко.

— Да я тутъ, собственно, не вижу глупости.

— Очень жаль, что ты не видишь неблаговоспитанности и мѣщанства.

— Что жъ, и мѣщане люди, тетя?

— Да, люди, люди неблаговоспитанные, несносные, люди, вносящіе въ жизнь гадкую мѣщанскую дрязгу.

— Стало-быть, они совсѣмъ ужъ не того стоятъ, чего мы?

— Совсѣмъ не того, чего стоятъ всѣ люди благовоспитанные, щадящіе человѣка въ человѣкѣ. То люди, а то *мѣщане*.

Лиза встала со стула, сдѣлала ироническую гримасу и, пожавъ плечами, проговорила:

— Не понимаю, какъ такой взглядъ согласовать съ идеею христіанскаго равенства.

— Не понимаешь?

— Не понимаю.

— Очень просто. Всѣ мы равны передъ Богомъ.

— Только-то?

— И только. Мѣщанство всегда останется мѣщанствомъ.

— Какъ ты думаешь объ этомъ, Женни? — спросила Лиза, стоя лицомъ къ открытому окну.

Но прежде чѣмъ Женни успѣла что-нибудь отвѣтить, мать Агнія отвѣтила за нее:

— Геша не будетъ такъ дерзка, чтобы произносить приговоръ о томъ, чего она сама еще хорошо не знаетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Молодой пересадокъ.

Большой монастырскій колоколъ гудѣлъ и заливался, призывая сестеръ безмятежнаго пристанища къ вечерней молитвѣ и долгому, праздничному всенощному бдѣнію. По длиннымъ дощатымъ мосткамъ, перекрещивавшимъ во всѣхъ направленіяхъ монастырскій дворъ и такимъ образомъ поддерживавшимъ при всякой погодѣ удобное сообщеніе между кельями и церковью, потянулись сестры. Много ихъ было подъ началомъ матери Агніи. Лиза сѣла у окна въ теткиной спальнѣ и глядѣла на проходившія мимо ея черныя фигуры. Шли тихимъ, солиднымъ шагомъ пожилыя монахини въ такихъ шапкахъ и такихъ же вуаляхъ, какъ носила мать Агнія и мать Манеѳа; прошли три еще болѣе суровыя фигуры въ длинныхъ мантіяхъ, далеко волокшихся сзади длинными шлейфами; шли такъ же чинно и поту-

пивъ глаза въ землю молодыя послушницы въ черныхъ, остроконечныхъ шапочкахъ. Между послѣдними было много очень, очень молодыхъ существъ, въ которыхъ молодая жизнь жадно глядѣла сквозь опущенные глазки. Новы были впечатлѣнія, толпившіяся въ головкахъ Лизы и Женни, стоявшей тутъ же за кресломъ подруги и вмѣстѣ съ нею находившейся подъ страннымъ вліяніемъ монастырской суеты. Веселый звонъ колоколовъ, розовое вечернее небо, свѣжій воздухъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, окружающихъ каждую келью, и эти черныя фигуры, то согбенныя и закутанныя въ черныя покрывала, то молодыя и стройныя, съ миловидными личиками и потупленными глазами: все это было ново для нашихъ героинь и все это располагало ихъ къ задумчивости и молчанію. Наконецъ, кончился третій трезвонъ; двѣ молоденькія послушницы, съ большими книгами подъ руками, шибко пробѣжали къ церкви, а за дверью матери Агніи чистый, молодой контральтъ произнесъ нараспѣвъ: «Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ».

— Аминь, — отвѣчала мать Агнія, оканчивавшая прикалываніе своего вуаля.

Въ дверь вошла молодая, очаровательно милая монахиня и, быстро подойдя къ игуменьѣ, поцѣловала ея руку.

— Здравствуй, Ѳеоктиста! Посмотри-ка, аккуратно ли я закололась сзади.

— Хорошо вездѣ, матушка, — отвѣчала миловидная черница, внимательно осматривая игуменью.

— Все готово?

— Уже началъ положили.

— Ну, пойдемъ,—давай мантію.

Сестра Ѳеоктиста сняла со стѣны мантію и накинула ее на плечи игуменьи. Мать Агнія была сурово-величественна въ этой длинной мантіи. Даже самое лицо ея какъ-то преобразилось: ничего на немъ не было теперь, кромѣ сухости и равнодушія ко всему окружающему міру.

— Ну, до свиданія, дѣти, — сказала она, подавая руки оставшимся у окна дѣвушкамъ.

— А мы развѣ не пойдемъ въ церковь?—спросила Лиза.

— Какъ хотите. Вы устали, служба сегодня долгая будетъ, оставайтесь дома.

— Лучше пойдемъ и мы, постоимъ сколько намъ захочется.

— Ну, хорошо. Позовите Марину и поправьтесь тутъ, а я сейчасъ пришлю за вами сестру Ѳеоктисту, она васъ проводитъ въ церковь.

По мосткамъ опустѣлаго двора шла строгою поступью мать Агнія, а за нею, держась нѣсколько сзади ея лѣваго плеча и потупивъ въ землю прелестные голубые глазки, брела сестра Ѳеоктиста.

— Ахъ, какая хорошенькая!—сказала Лиза вслѣдъ прошедшимъ монахинямъ.

— Чудо, что такое,—подтвердила Гловацкая.

— Это вы про сестру Ѳеоктисту изволите говорить, барышня? — вмѣшалась весноватая бѣлица, камеръ-юнгфера матери Агніи.

— Вотъ про эту монахиню,—отвѣтила Гловацкая.

— Это она и есть сестра Ѳеоктиста-съ.

— Прехорошенькая.

— Это, барышня, въ міру красоту-то наблюдаютъ; а здѣсь всѣ равны, что Ѳеоктиста, что другая какая.

— Давно она въ монастырѣ?

— Третій годъ, матушка; третій годъ, овдовѣвши, какъ въ монастырь пошла. Она вѣдь еще въ маломъ постригѣ.

— Что же она тутъ при тетушкѣ?—спросила Лиза.

— Такъ, тетенька любятъ, чтобы она при нихъ находилась.—Адъютантомъ своимъ называютъ ее.

— Развѣ она съ тетушкой живетъ?

— Нѣтъ, у нея есть своя полкелья, а только, когда въ церковь, или когда у тетеньки гости бываютъ, такъ ужъ сестра Ѳеоктиста при нихъ.

— Зачѣмъ же это?

— Такъ... Тетенькѣ такъ угодно.

— Она знакома была тетушкѣ прежде, что ль?

— Не могу вамъ про это доложить, — да нѣтъ, врядъ, чтобы была знакома. Она вѣдь изъ простыхъ, изъ города Брянскова, изъ купецкой семьи. Да простые такіе купцы-то, не то, чтобы какъ вонъ наши губернскіе или московскіе. Совсѣмъ изъ простого званія.

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!— раздалось опять за дверью. Весноватая бѣлица твердо возгласила: «Аминь», и на порогѣ показалась сестра Ѳеоктиста.

— Спаси васъ Господи и помилуй, — проговорила она, подходя къ дѣвушкамъ и смиренно придерживая одною ру-

кою полу рясы, а другою собирая длинныя шелковыя четки съ крестомъ и изящными волокнистыми кистями.

— Здравствуйте, здравствуйте,—привѣтливо отвѣчали въ одинъ голосъ обѣ дѣвушки.

Ѳеоктиста добродушно поцѣловала обѣихъ и опять поклонилась.

— Вотъ вы уже пришли; а мы еще не готовы совсѣмъ,—извините насъ, пожалуйста.

Сестра Ѳеоктиста ласково улыбнулась и сказала:

— Ничего-съ: я посижу, подожду,—и она сѣла на кончикѣ дивана.

— Много мірскихъ въ церкви?—спросила сестру Ѳеоктисту продолжавшая торчать здѣсь бѣлица.

— Много. Яблоку упасть негдѣ. Очень тѣсно въ храмѣ.

— Пошлите, пожалуйста, нашу няню, — попросила Лизы бѣлицу, послѣ чего та тотчасъ же вышла, а вслѣдъ затѣмъ появилась Марина Абрамовна.

Старуха, растопыривъ руки, несла въ нихъ только-что выправленныя утюгомъ бѣлыя платьица барышень и другія принадлежности ихъ туалета.

— Одѣвайтесь, матушки, а то къ шапочному разбору придете, — говорила Марина Абрамовна, кладя на столъ принесенныя вещи.

Дѣвушки стали одѣваться, няня помогала то той, то другой.

— Дайте я вамъ помогу, — сказала сестра Ѳеоктиста, положивъ въ уголъ дивана свои четки.

Дѣвушки вѣжливо отклоняли ея услужливость.

— Нѣтъ, что жъ такое, я помогу. Развѣ это трудно?

И сестра Ѳеоктиста, встряхнувъ бѣлую, крахмальную юбку, набросила ее на Гловацкую.

— Благодарю васъ, душка моя,—отвѣчала, закраснѣвшись, дѣвушка и, обернувшись, поцѣловала два раза молодую монахиню.

А монахиня опять заворочалась въ накрахмаленныхъ вещахъ и одѣвала Женни въ то же самое время, какъ Абрамовна снаряжала Лизу.

— Какъ нынче манишки-то стали шить! Совсѣмъ какъ мужчинская рубашка,—говорила сестра Ѳеоктиста, оправляя надѣтую на Женни манишку.

— Вамъ нравится этотъ фасонъ?

— Нѣтъ, я такъ говорю; легче какъ будто, а то бывало у насъ все шнурки, да шнурочки.

— Вы давно въ монастырѣ?

— Давно. Ужъ и не помню когда, — отвѣчала, смѣясь, Ѳеоктиста.—Три года ужъ.

— И нескучно вамъ?

— О чемъ скучать-то?—Спаси Господи и помилуй!

Сестра Ѳеоктиста глубоко вздохнула и въ серединѣ двухъ минутъ отправилась въ церковь. Въ церкви была страшная давка и духота. Сестра Ѳеоктиста насилу провела Лизу съ Женей впередъ къ рѣшеткѣ, окружающей амвонъ, и отошла къ особенному возвышенію, на которомъ неподвижно стояла строгая игуменья. Воздухъ въ церкви все болѣе и болѣе сгущался отъ запаха жарко горящихъ въ огромномъ количествѣ восковыхъ свѣчъ, ладана и дыханія плотной толпы молящагося народа. Передъ началомъ стихиръ мать Агнія незамѣтно кивнула пальцемъ сестрѣ Ѳеоктистѣ. Та подошла къ ней, сдѣлала поясной поклонъ и подставила ухо, а потомъ опять поклонилась тѣмъ же пояснымъ поклономъ и стала тихонько пробираться къ нашимъ героинямъ.

— Мать игуменья безпокоятся за васъ, — шепнула она дѣвушкамъ. — Онѣ велѣли мнѣ проводить васъ домой; вы устали, васъ Богъ проститъ; вамъ отдохнуть нужно.

— Пойдемте,—такъ же шопотомъ отвѣчали обѣ дѣвушки и стали пробираться вслѣдъ за Ѳеоктистою къ выходу.

На дворѣ стояли густыя сумерки.

— Чаю напьетесь? — спросила сестра Ѳеоктиста, входя на крыльцо келіи.

— По правдѣ сказать, такъ всего болѣе спать хочется,— отвѣчала Лиза.

— Ну, такъ Христосъ съ вами, спите. Прощайте, Господь съ вами.

— А нѣтъ, зайдите, зайдите,—заговорили дѣвушки.

— Раздуйте самоварчикъ, — сказала входя сестра Ѳеоктиста.—Ну, такъ спать? — добавила она, обратясь къ дѣвицамъ.

— Лежать, сестра Ѳеоктиста,—отвѣчала Лиза.

— Ну, ложитесь, покатайтесь, поваляйтесь, расправьте косточки, а я вамъ душепарочки волью.

— Милая! какая вы милая! — сказала Лиза и крѣпко, взасосъ, по-институтски, поцѣловала монахиню.

— Чѣмъ такъ вамъ мила стала? Голуби вы мои! Раздѣвайтесь-ка, да на постельку.

Истомленныя дорогою дѣвушки начали спѣшно разоблачаться.

— Гдѣ же лечь?—спросила Лиза.

— На постель, на постель, мой ангелъ. Тетушка такъ сказала,—отвѣчала сестра Ѳеоктиста.

— Валимся! — проговорила Лиза и, забросивъ за уши свои кудри, упала на мягкую теткину постель. За нею съ краю легла тихо Гловацкая.

— Ну, и отлично. Теперь я подамъ чайку.

— Зачѣмъ же вы сами, сестра Ѳеоктиста?

— Да что жъ за бѣда. Я и сама напьюсь съ вами.

Чаекъ подали, и дѣвушки, облокотясь на подушечки, стали пить. Сестра Ѳеоктиста усѣлась въ ногахъ, на кровати.

Дѣвушки, утомленныя шестидневной дорогой, очень рады были мягкой постелькѣ и не хотѣли чаю. Сестра Ѳеоктиста налила имъ по второй чашкѣ, но эти чашки стояли нетронутыя и стыли на столикѣ.

— Кушайте!

— Не хочется,—отвѣчали обѣ дѣвушки.

— Ну, почивайте. Всенощная еще не скоро кончится. Часа полтора еще пройдетъ, почивайте, а я пойду.

— Нѣтъ, посидите съ нами, вы вѣдь тоже устали, тамъ духота такая въ церкви.

— Сестра Ѳеоктиста! Какъ вы думаете, можно покурить потихоньку?

— Охъ, не знаю, право.

— Вѣдь никто не взойдетъ?

— Не знаю.

Лиза спрыгнула съ кровати, зажгла папироску и сѣла у печки.

— Не тянетъ что-то.

— Труба, вѣрно, закрыта отъ грома. Я открою сейчасъ,— и Ѳеоктиста открыла трубу.

Женни тоже покурила, и обѣ дѣвушки снова улеглись.

— Душно точно, голова такъ и кружится, да это ничего, Господь подкрѣпляетъ, я привыкла ужъ, — говорила Ѳеоктиста, продолжая прерванный разговоръ о церковной духотѣ.

— Какъ вы успѣли привыкнуть такъ скоро?— спросила, внимательно глядя на сестру Ѳеоктисту, Лиза.

— М-мъ! Такъ привыкла, потому что здѣсь вѣдь хорошо.
— Чѣмъ же хорошо?
— Тихо такъ, хорошо.
Вышла пауза.
— И вы никогда не скучаете?—спросила Женни.
— Чего скучать, надо Богу молиться, а не скучать.
— Иногда противъ воли скучается.
Сестра Ѳеоктиста вздохнула.
— Молитвой надо ограждать себя,—проговорила она тихо.
— А если нельзя молиться?—спросила быстро Лиза.
— Отчего нельзя?
— Если не спокоенъ, разстроенъ, взволнованъ.
— Тутъ-то и молиться.
— Вы это на себѣ испытали когда-нибудь?
— Какъ же. Искушенія тоже бываютъ большія и въ монастырѣ.
— Интриги?
— Какъ изволите?
— Интриги, говорю, есть? — Сплетни, ссоры, клеветы,— пояснила Лиза.
— А! Ну, все надо перенесть! на то покаяніе, на то монастырь.
— А есть это все?
— Какъ вамъ сказать?— отвѣчала Ѳеоктиста съ самымъ простодушнымъ выраженіемъ на своемъ добромъ, хорошеньком личикѣ.—Бываетъ, врагъ смущаетъ человѣка, все по слабости по нашей. Тутъ вѣдь не то, чтобъ какъ со злости говорится что, или дѣлается.
— А все врагъ смущаетъ?
— Все по слабости нашей.
— Вы зачѣмъ пошли въ монастырь-то?
— Какъ изволите?—переспросила сестра Ѳеоктиста.
Лиза повторила свой вопросъ.
— Такъ, пошла да и только.
— Дурно вамъ было дома, что-ль?
— М-мъ... такъ. Мужъ померъ, дитя померло, тятенька померъ, я и пошла.
— Развѣ никого больше не оставалось у васъ, и состоянія никакого не было?
— Нѣтъ, видите,—повернувшись лицомъ къ Лизѣ и взявъ ее за колѣно, начала сестра Ѳеоктиста:—я вѣдь вотъ цер-

ковная, ну, понимаете, православная, т. е. по-нашему, по русскому закону крещена, ну, только тятенька мой жили мы въ нуждѣ большой. Городокъ нашъ маленькій, а тятенька, на волю откупившись, тутъ домикъ въ долгъ тоже купили, хотѣли трактирчикъ открыть, такъ какъ они были поваромъ, ну, не пошло. Только приказные судейскіе когда придутъ, да и то все въ долгъ больше, а помѣщики все на почтовую станцію заѣзжали. Такъ, бывало, и плиты по недѣлѣ цѣлой не разводимъ. Ну, я ужъ была на возрастѣ, шестнадцатый годокъ мнѣ шелъ; матери не было, братецъ въ лакейской должности гдѣ-то въ Петербургѣ, у важнаго лица, говорятъ, служитъ, только отцу они не помогали. Извѣстно въ этакой столицѣ, самимъ имъ что, я думаю, нужно, въ большомъ-то домѣ!

Ѳеоктиста вздохнула и, помолчавъ, продолжала:

— Женіховъ у насъ мало, да и то всѣ глядятъ на богатенькихъ, а мы же опять и въ мѣщанство-то только приписались, да и бѣдность. Очень тятенька покойникъ обо мнѣ печалился. Ну, а тутъ, такъ черезъ улицу отъ насъ купцы жили, — тоже недавно они въ силу пошли, изъ мѣщанъ, а только ужъ богатые были; всѣмъ торговали: солью, хлѣбомъ, желѣзомъ, всякимъ, всякимъ товаромъ. У насъ вѣдь, по нашему маленькому мѣсту, нѣтъ этихъ магазиновъ, а все вмѣстѣ всѣмъ торгуютъ. Только были эти купцы старовѣры... не нашего, значитъ, закона, поповъ къ себѣ не принимаютъ, а безъ поповъ. Ну, какъ тамъ, Богъ самъ знаетъ, какъ это сдѣлалось, только этотъ купеческій сынъ Естифей Ефимычъ вздумалъ ко мнѣ присвататься. Изъ себя былъ какой, вѣдь, молодецъ; всякая бы, то-есть всякая, всякая у насъ, въ городѣ-то, за него пошла; ну, а онъ ко мнѣ сватался. Въ домѣ-то что у нихъ изъ-за этого было, страсти Божьи, какъ, бывало, разскажутъ. Мать у него была почтенная старуха, древняя такая и строгая. Я-то тогда дѣвчонка была, ничего этого не понимала. Ужъ не знаю, какъ тамъ покойничекъ Естифей-то Ефимычъ все это съ маменькой своей уладилъ, только такъ о спажинкахъ прислали къ тятенькѣ сватовъ.

— Ну?

— Ну, и выдали меня замужъ, въ церкви такъ въ нашей вѣнчали, по-нашему. А тутъ я годочекъ всего одинъ съ мужемъ-то пожила, да и овдовѣла, дитя родилось, да

умерло, все, какъ говорила вамъ, — тятенька тоже померли еще прежде.

— А вы въ монастырь и пошли?

— Да и пошла вотъ.

— А съ мужемъ вы счастливы были?

— Извѣстно какъ замужемъ. Сама хорошо себя ведешь, такъ и тебѣ хорошо. Я жъ мужа почитала и онъ меня жалѣлъ. Только свекровь очень ужъ строгая была. Страсть какія онѣ были суровыя.

— Обижала она васъ?

— Нѣтъ, обиды чтобъ такъ не было, а все, разумѣется, за вѣру мою, да за бѣдность сердились, все мужа, бывало, урекаютъ, что взялъ неровню; ну, а мнѣ мужа жаль, я, бывало, и заплачу. Вотъ изъ чего было, все изъ моей дурости.—Жарко каково!— проговорила Ѳеоктиста, откинувъ съ плеча креповое покрывало.

— Снимите шапку.

— И то.

Ѳеоктиста сняла бархатную шапку, и золотисто-русая коса, вырвавшись изъ-подъ сдерживавшей ее шапки, разсыпалась по черной рясѣ.

— Господи, какое великолѣпіе!—вскрикнула Лиза.

— Что это вы?

— Смотри, смотри, Женни, какіе волосы!

— Что вы, что вы это,—закраснѣвшись, лепетала сестра Ѳеоктиста и протянула руку къ только-что снятой шапкѣ; но Лиза схватила ее за руки и, любуясь монахиней, нѣсколько разъ крѣпко ее поцѣловала. Женни тоже не отказалась отъ этого удовольствія и, перегнувъ къ себѣ стройный станъ Ѳеоктисты, обѣ дѣвушки съ восторгомъ цѣловали ее своими свѣжими устами.

— Что это вы?—опять пролепетала монахиня.

— Какая вы красавица, сестра Ѳеоктиста.

— Спаси Господи и помилуй; что это вамъ вздумалось! Искушеніе съ вами, съ мірскими, право.

Сестра Ѳеоктиста набожно перекрестилась и добавила:

— Ну, такъ вотъ я вамъ ужъ доскажу. Вышедши замужъ-то, я затяжелѣла; ну, брюхомъ-то мнѣ то того, то другого смерть вотъ какъ хочется. А Великій постъ былъ: у насъ въ домѣ, какъ вотъ словно въ монастырѣ, опричь грибовъ ничего не варили, да и то по середамъ и по пят-

ницамъ безъ масла. Маменька строго это соблюдала. А мнѣ то это икры захочется, то рыбы соленой, да такъ захочется, что вотъ просто душенька моя выходитъ. Я, бывало, это Естифею Ефимовичу ночью скажу, а онъ днемъ припасетъ, пронесетъ мнѣ въ карманѣ, а какъ спать ляжемъ съ нимъ, я пологомъ задернусь на кровати, да и ѣмъ. Грѣхъ это такъ ѣсть-то, Богу помолимшись, ну, а я ужъ никакъ стерпѣть не могла. Брюхомъ это часто у женщинъ бываетъ. Ну, и наказалъ же меня Господь за мои за эти за глупости! Охъ-хо-хо!

Ѳеоктиста утерла слезы, наполнившія длинныя рѣсницы ея большихъ голубыхъ глазъ, и продолжала:

— Въ самый въ Страстной вторникъ задумалось мнѣ про селянку съ рыбой. Вотъ умираю, хочу селянку съ севрюжинкой, да и только. Пришелъ мужъ изъ лавки, легли спать, я ему это и сказываю про свое про хотѣнье-то. Что ты, говоритъ, дура, какіе дни! Люди теперь хлѣба мало вкушаютъ, а ты что задумала? Молись, говоритъ, больше, все пройдетъ. А я вмѣсто молитвы-то цѣловать его да упрашивать: голубчикъ, говорю, соколъ мой ясный, Естифей Ефимычъ! уважь ты меня разъ, я тебя сто разъ уважу. Пристаю къ нему: ручки, ножки, говорю, тебѣ перецѣлую, только уважь, покорми ты меня селяночкой. Знала я, что какъ пристанешь къ нему лаской, безпремѣнно онъ тебѣ сдѣлаетъ. Смотрю, точно ужъ, говоритъ, только какъ, говоритъ, пронести? Пронести никакъ нельзя. Это и правда. Рыбу тамъ или икру можно какъ въ карманѣ пронесть, а селянку жидкую никакъ нельзя. Такъ я это въ горѣ и заснула. Утромъ, гляжу, мужъ толкъ меня подъ бокъ: прибѣжи, говоритъ, часовъ въ двѣнадцать въ лавку. Я догадалась, опять-таки его расцѣловала. Охъ, Боже, Боже мой, Боже мой! великая я грѣшница передъ Тобою!.. Жду не дождусь. Только пробило одиннадцать часовъ, я и стала надѣвать шубейку, чтобъ къ мужу-то идти, да только-что хотѣла поставить ногу на порогъ, а въ двери нашъ молодецъ изъ лавки, какъ есть полотно блѣдный. Что ты, что ты, Герасимъ? — спрашиваемъ его съ маменькой, а онъ и слова не выговоритъ. — Что, молъ, пожаръ, что ли? Въ окно такъ-то смотримъ, а онъ глядѣлъ-глядѣлъ на насъ, да разомъ какъ крикнетъ: хозяинъ, говоритъ, Естифей Ефимычъ потонули. — Какъ потонулъ? гдѣ? — Къ городничему, гово-

рить, за рѣку чего-то пошли, сказали, что коли Ѳедосья Ивановна, — это я-то, — придетъ, чтобъ его въ чуланчикѣ подождали, а тутъ, слышимъ, кричать на берегу: обломился, обломился, потонулъ. Побѣгли,—ничего ужъ не видно, только дыра во льду и водой сравнялась, а приступить нельзя, весь ледъ иструхъ. Ничего тутъ ужъ я и не помню. Побѣгли къ городничему, и городничій самъ пришелъ. Онъ, говоритъ, у меня не былъ, а былъ у повара, севрюги кусокъ принесъ, просилъ селянку сварить. Это въ трактиръ-то на станцію ему нельзя было идти, далеко, да и боязно, встрѣтишь кого изъ своихъ, онъ, мой голубчикъ, и пошелъ мнѣ селяночку-то эту, проклятую, готовить къ городническому повару, да торопился, на мостъ-то далеко, онъ льдомъ хотѣлъ, грѣхъ и случился. Во всемъ я передо всѣми повинилась. Что тутъ только мнѣ было! Боже мой, Господи! Хуже меня по цѣлому городу человѣка не ставили. И точно, что стоило. А ужъ свекровь, бывало, какъ начнетъ: силы небесныя, что только она говорила! И змѣя-то я, и блудница вавилонская, сѣдящая при водахъ на звѣрѣ червленнѣ,—чего только не говорила она съ горя. Разумѣется, мать, больно ей было, одинъ сынъ только, и того лишилась. И не знаю я, какъ ужъ это все я только пережила! А только мнѣ даже лучше было, что меня ругала маменька. А тутъ ужъ безъ покойника я родила дѣвочку, — хорошенькая такая была, да черезъ двѣ недѣли померла. Какъ я ни старалась маменькѣ угождать, все ужъ не могла ей угодить: противна я ей ужъ очень стала. Какъ я ей въ глаза, она сейчасъ: иди, иди, еретица проклятая! Гонитъ меня. Думала въ тятенькинъ домикъ перейти, что онъ мнѣ оставилъ—маменька еще пуще осерчала: развратничать, говоритъ, захотѣла, полюбовниковъ на свободѣ собирать хочется. Я и стала проситься въ монастырь, да вотъ и живу.

— А домикъ вашъ?

— Такъ свекровь его взяла, а мнѣ тутъ полкельи поставила.

— И ничего вамъ не даютъ?

— Нѣтъ, на что же мнѣ, я работаю. Мнѣ развѣ много нужно?

— Зачѣмъ же вы ей отдали?

— Да пусть. На что мнѣ. Такъ оставила ей.

— И тутъ вамъ, говорите, хорошо?

— Хорошо, молюсь да работаю, что жъ мнѣ. Конечно, иной разъ...

— Что, скучно?

— Нѣтъ, спаси Господи и помилуй! А все вотъ за эту... за красоту-то, что вы говорите. Не то, такъ то выдумаютъ.

— Что жъ, кому мѣшаетъ ваша красота?

— Да такъ, нѣтъ это по злобѣ! Такъ врагъ-то смущаетъ. Онъ вѣдь въ мірѣ такъ не смущаетъ, а здѣсь, гдѣ блюдутся, онъ тутъ и вередуетъ.

— Вамъ жаль вашего мужа?

— Очень жаль! Ахъ, какъ жаль. И гдѣ онъ, гдѣ его тѣло-то понесли быстрыя воды весеннія. Молюсь я, молюсь за него, а все не смолить мнѣ моего грѣха.

— Вы его любили?

— Какъ же не любить мужа!

— А дитя тоже жаль?

— Не знаю ужъ какъ и сказать, кого больше жаль! Дитя жаль, да все не такъ, все усну, такъ забуду, а мужа и во снѣ-то не забуду. И во снѣ онъ меня мучитъ. Молюсь, молюсь Создателю: Господи, упокой Ты его, отжени отъ меня грѣхъ мой. А только усну, только заведу глаза, а онъ надо мною стоитъ. Вотъ совсѣмъ стоитъ. Чувствую, холодный такой, мокрый весь, синій, какъ извѣстно, утопленникъ, а потомъ будто бѣлѣетъ; лицо опять человѣческое становится, глазами смотритъ все на меня и совсѣмъ какъ живой, совсѣмъ живой. Просто вотъ беретъ меня за плечи, цѣлуетъ, Феня, говоритъ, моя, другъ мой!

Сестра Ѳеоктиста остановилась, долго смотрѣла молча въ одну точку темной стѣны и потомъ неожиданно, дернувъ на себѣ ряску, тревожно проговорила:

— Кудри его черныя вотъ такъ по лицу по моему... Ахъ ты, Господи! Боже мой! Когда жъ эти сны кончатся? Когда Ты успокоишь и его душеньку, и меня, грѣшницу нераскаянную.

Тихо, безъ всякаго движенія сидѣла на постели монахиня, устремивъ полные благоговѣйныхъ слезъ глаза на озаренное лампадой распятіе, молча смотрѣли на нее дѣвушки. Всенощная кончилась, подъ окномъ послышались шаги и голосъ игумены, возвращавшейся съ матерью Манефой. Сестра Ѳеоктиста быстро встала, надѣла свою шапку

съ покрываломъ и, поцѣловавъ обѣихъ дѣвицъ, быстро скользнула за двери игуменьиной кельи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ ночной тишинѣ.

Глубоко запалъ въ молодыя сердца нашихъ героинь простодушный разсказъ сестры Ѳеоктисты. Ни слова имъ не хотѣлось говорить, и ни слова онѣ не сказали по ея уходѣ.

Мать Агнія тихо вошла въ комнату, гдѣ спали маленькія дѣвочки, тихонько пріотворила дверь въ свою спальню, и видя, что тамъ только горятъ лампады и ничего не слышно, заключила, что гости ея уснули, и, затворивъ опять дверь, позвала бѣлицу.

— Умыться и раздѣться, — сказала она вошедшей дѣвушкѣ.

— Тамъ приготовлено-съ.

— Перенести сюда, да тише, не разбуди дѣтей.

Въ спальню вошла бѣлица и тихонько понесла оттуда умывальный приборъ.

— Пили чай?—спросила игуменья вполголоса.

— Кушали, матушка.

— Давно легли?

— Давно-съ, только они не спали должно-быть.

— Отчего?

— Сестра Ѳеоктиста все у нихъ тамъ сидѣла на кровати, только вотъ сейчасъ выскочила.

— Спасибо ей.

— Все разговаривали съ нею.

— Молодые люди, поговорить хотятъ.

— Да-съ, все про мужа говорили.

— Про какого мужа?

— Про Ѳеоктистинова.

— Что жъ они говорили?

— Все Ѳеоктиста разсказывала, какъ жила у своихъ въ міру.

— Ну?

— А онѣ, барышни, все слушали. Все про сны какіе-то сказывала имъ, что мужа видитъ.

— Это ты слышала?

— Какъ же-съ!

— Сходи-ко къ ней, чтобъ завтра, какъ встанетъ... пораньше бъ встала и пришла ко мнѣ.

— Слушаю-съ!

— Давай умываться!

Послышались плески воды.

— Лихаревская Аннушка заходила отдохнуть,—говорила, подавая умываться, бѣлица.

— Ну и что жъ?

— Барыня-то ихняя вернулась.

— Вернулась?

— Вернулась, говоритъ, и прямо мужу въ ноги.

— Ну?

— Простилъ-съ, говоритъ, во всемъ.

— Дуракъ! — какъ бы про себя замѣтила мать Агнія и, сѣвъ на стулъ, начала тщательно вытираться полотенцемъ.

— А у матери Варсонофьи опять баталія была съ этой съ новой бѣлицей, что изъ дворянокъ, вотъ что мать-то отдала.

— За что это?

— Все дворянствомъ своимъ кичится, стало-быть. У васъ, говоритъ, все необразованіе, кляузы, говоритъ, наушничество. Такая ядовитая дѣвушка, Богъ съ ней совсѣмъ.

— Вѣрно, досадили ей.

— Не знаю-съ.

— Варсонофія-то сама хороша. Вели-ка завтра этой бѣлицѣ за часами у ранней на поклоны стать. Скажи, что я приказала безъ разсужденій.

— Слушаю-съ.

— Давай чистить зубы.

Бѣлица опять взошла на цыпочкахъ въ спальню и опять вышла.

— Что это у тебя въ той рукѣ?—спросила игуменья.

— Соръ какой-то... бумажку у печки какую-то подняла.

— Покажи.

Бѣлица подала окурочекъ тоненькой папироски, засунутый дѣвушками въ печку.

— Откуда это?

— Барышни, вѣрно, курили.

— Не забудь, чтобъ рано была у меня Θеоктиста.

— Слушаю-съ.

Игуменья положила окурочекъ папиросы въ карманъ своей ряски.

— А Никита былъ здѣсь?

— Какъ же-съ.

— Я его и видѣть не успѣла. А ты сказала казначеѣ, чтобъ отправила Татьянѣ на почту что я приказала?

— Виновата, запомнила-съ, завтра скажу. Плохо ей, Татьянѣ-то бѣдной. Мужа-то ея теперь въ пожарную команду перевели; все одна, недостатки, говоритъ, страшные терпитъ.

— Бѣдная женщина.

— Да-съ. На васъ, говоритъ, только и надѣется. Грѣхъ, говоритъ, будетъ барышнѣ: я имъ всей душой служила, а онѣ и забыли. Таково-то, говоритъ, господское сердце.

— Врешь.

— Право. Никитушка сказывалъ, что очень обижается.

— Врешь, говорю тебѣ.—Къ брату давно поѣхали дать знать, что барышни прибыли?

— Передъ вторымъ звономъ Борисъ поѣхалъ.

— Отчего такъ долго собирался?

— Сѣдло, говоритъ, никуда не годится, никакой, говоритъ, сбруи нѣтъ. Подъ бабьимъ начальствомъ жить — лучше, говоритъ, камни ворочать. На весь житный дворъ зѣвалъ.

— Его ужъ давно пора со двора долой. А гусаръ не былъ?—совсѣмъ понизивъ голосъ, спросила игуменья.

— Нѣтъ-съ, нынче не было его. Я все смотрѣла, какъ народъ проходилъ и выходилъ, а только его не было: врать не хочу.

— То-то. Если ты только врешь на нее...

— Вотъ убей меня Богъ на семъ мѣстѣ!

— Ну, ужъ половину соврала. Я съ ней говорила и изъ глазъ ея вижу, что она ничего не знаетъ и въ помышленіи не имѣетъ.

— Да вѣдь я и не докладала, что она чѣмъ-нибудь тутъ причина, а я только...

— Врешь, докладывала.

— Нѣтъ, матушка, вѣрно говорю: не докладывала я ничего о ней, а только докладала точно, что онъ это, какъ взойдетъ въ храмъ Божій, такъ уставитъ въ нее свои бѣльмы поганыя и такъ и не сводитъ.

— Глядѣть никому нельзя запретить, а если другое что...

— Нѣтъ, другого прочаго до сихъ поръ точно, что ужъ не замѣчала, такъ не замѣчала, и грѣха брать на себя не хочу.

— А что Дороѳея!

— Трезвонитъ-съ.

— Г-мъ! усмирилась?

— Нѣтъ-съ. И ни вотъ капельной капельки.

— Все свое.

— Умру, говоритъ, а правду буду говорить. Мнѣ, говоритъ, сработать на себя ничего некогда, пусть казначею за покупками посылаютъ. На то она, говоритъ, казначея, на то есть лошади, а я не кульеръ какой-нибудь, чтобъ летать. Нравная женщина!

— Я ее успокою.

— Владыкѣ, говоритъ, буду жаловаться. Хочетъ въ другой монастырь проситься.

— Что-о! въ другой монастырь?

— Да-съ. Такъ разсуждала.

— Въ другой монастырь! А! ну, посмотримъ, какъ ее переведутъ въ другой монастырь. Разуй меня и иди спать,— добавила игуменья.

Лиза повернулась на кровати и шепнула:

— Вонъ оно, мѣщанство-то!

— Да, — также шопотомъ отвѣчала Женни, и дѣвушки, завернувшись въ одѣяло, обнялись другъ съ другомъ.

А мать Агнія тихо вошла, перекрестила ихъ, поцѣловала въ головы, потомъ тихо перешла за перегородку, упала на колѣни и начала читать положенную монастырскимъ уставомъ полунощницу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Родныя липы.

Село Мерево отстоитъ сорокъ верстъ отъ губернскаго города и семь отъ уѣзднаго, въ которомъ отецъ Гловацкій служитъ смотрителемъ уѣзднаго училища. Село Мерево стоитъ на самой почтовой дорогѣ. Въ немъ около двухсотъ крестьянскихъ дворовъ, каменная церковь и два помѣщичьи дома. Одинъ изъ господскихъ домовъ, построенный на крутомъ, обрывистомъ берегу рѣки, принадлежитъ вдовѣ камергера Мерева, а другой, утопающій въ зелени сада, разросшагося на роскошной почвѣ лугового берега рѣки Рыбницы, кавалерійскому полковнику и мѣстному уѣздному предводителю дворянства Егору Николаевичу Бахареву. Деревня вытянута по обѣ стороны рѣки, и какъ разъ про-

тивъ сада Бахаревыхъ, доходящаго до самаго берега, черезъ рѣку есть мостъ.

Былъ девятый часъ вечера. Если бъ я былъ поэтъ, да еще хорошій поэтъ, я бы непремѣнно описалъ вамъ, каковъ былъ въ этотъ вечеръ воздухъ и какъ хорошо было въ такое время сидѣть на лавочкѣ подъ высокимъ частоколомъ бахаревскаго сада, глядя на зеркальную поверхность тихой рѣки и запоздалыхъ овецъ, съ блеяніемъ перебѣгавшихъ по опустѣвшему мосту. Кругомъ тихо, тихо, и все надвигается сгущающійся сумракъ, а между тѣмъ какъ-то все видишь: только всѣ предметы принимаютъ какіе-то гигантскіе размѣры, какіе-то фантастическіе образы. Верстовой столбъ представляется великаномъ и совсѣмъ какъ будто идетъ, какъ будто вотъ-вотъ нагонитъ; надбрежная ракита смотритъ горою, и запоздалая овца, торопливо перебѣгающая по разошедшимся половицамъ моста, такъ хорошо и такъ звучно стучитъ своими копытками, что никакъ не хочется вѣрить, будто есть люди, равнодушные къ красотамъ природы, люди, способные то же самое чувствовать, сидя вечеромъ на каменномъ порожкѣ инвалиднаго дома, что чувствуешь только припоминая эти милыя, теплыя ночи, когда и сонная рѣка, покрывающаяся туманной дымкой, колеблющаяся возлѣ вашихъ ногъ луговая травка и коростель, дерущій свое горло на противоположномъ косогорѣ, говорятъ вамъ: мы всѣ одно, мы всѣ природа, будемъ тихи теперь, теперь такая пора тихая. Въ деревняхъ мало такихъ индифферентныхъ людей и то, всего чаще, это бываютъ или барышни, или барыни. Деревенскій человѣкъ, какъ бы ни мала была степень его созерцательности, какъ бы ни велики были гнетущія его нужды и заботы, всегда чутокъ къ тому, что происходитъ въ природѣ. Никогда онъ утромъ не приметъ къ сердцу извѣстнаго вопроса такъ, какъ приметъ его въ густыя сумерки или въ палящій полдень.

Итакъ, подъ высокимъ частоколомъ бахаревскаго сада, надъ самою рѣкою, была прилажена длинная дощатая скамейка, на которой теперь сидитъ цѣлое общество. Егоръ Николаевичъ Бахаревъ, высокій, плотный мужчина, съ огромнѣйшими сѣдыми усищами, толстымъ славянскимъ носомъ, дѣтски веселыми и дѣтски простодушными голубыми глазами. На лѣвой щекѣ у него широкій бѣлый шрамъ отъ сабельнаго удара. Одѣтъ онъ въ голубую гусарскую

венгерку съ довольно полинялыми шнурами и въ форменной военной фуражкѣ. Онъ куритъ огромную нѣмецкую трубку, выпуская изъ-подъ своихъ сѣдыхъ, прокопченыхъ усищъ цѣлыя облака дыма, который по тихому вѣтерку прямо ползетъ на лицо сидящихъ возлѣ Бахарева дамъ и отъ котораго дамы, ничего не говоря, безцеремонно отмахиваются платками. Въ колѣняхъ у него сидитъ старая легавая сука, Сумбека, стоившая будто бы когда-то тысячу рублей, которую Егору Николаевичу нѣсколько разъ за нее даже и давали, но ни разу не дали. Бахаревъ сидитъ вторымъ отъ края; справа отъ него помѣщаются четыре женщины и въ концѣ ихъ одна стоящая фигура мужескаго рода, а слѣва сидитъ очень высокій и очень тонкій человѣкъ, одѣтый совершенно такъ, какъ одѣваются польскіе ксендзы: длинный черный сюртукъ до пятъ, черный двубортный жилетъ и черныя панталоны, заправленныя въ голенища козловыхъ сапожекъ, а по жилету часовой шнурокъ, сплетенный изъ русыхъ женскихъ волосъ. Онъ уже совсѣмъ сѣдъ, гладко выбритъ и коротко стрижется. Въ живыхъ черныхъ глазахъ этого лица видно много уцѣлѣвшаго огня и нѣжности, а характерные заломы въ углахъ тонкихъ губъ говорятъ о силѣ воли и сдержанности. Это смотритель уѣзднаго училища, Петръ Лукичъ Гловацкій. Возлѣ Гловацкаго, заложивъ за спину руки, стоитъ вольнонаемный конторщикъ, мѣщанинъ Наркизъ Ѳеодоровъ Перепелицынъ. Ему лѣтъ подъ пятьдесятъ, онъ полонъ, приземистъ, съ совершенно краснымъ лицомъ и синебагровымъ носомъ, вводящимъ всѣхъ въ заблужденіе насчетъ его склонности къ спиртнымъ напиткамъ, которыхъ Перепелицынъ не пилъ отъ роду. Онъ въ синемъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ и штанахъ бланжеваго трико. Слѣва стоитъ законная супруга предводителя, пріобрѣтенная посредствомъ ночного похищенія, Ольга Сергѣевна, въ бѣломъ чепцѣ очень стараго и очень своеобычнаго фасона, въ марселиновомъ темненькомъ платьѣ безъ кринолина и въ большомъ красномъ французскомъ платкѣ, въ который она безпрестанно самымъ тщательнымъ образомъ закутывала съ головы до ногъ свою сухощавую фигурку. Рядомъ съ матерью сидитъ старшая дочь хозяевъ, Зинаида Егоровна, второй годъ вышедшая замужъ за помѣщика Шатохина, очень недурная собою особа съ блѣдно-сахарнымъ лицомъ и капризною

верхнею губкою; потомъ матушка попадья, — очень полная женщина въ очень узкомъ темненькомъ платьѣ, и ея дочь, очень тоненькая, миловидная дѣвушка въ очень широкомъ платьѣ, а, наконецъ, Соня Бахарева. Она нѣсколько похожа на сестру Зину и нѣсколько напоминаетъ Лизу, но все-таки она болѣе сестра Зины, чѣмъ Лизы. У нея очень хорошіе каштановые волосы и очаровательный свѣженькій ротикъ. Вообще, это барышня, какихъ много: существо мелочно-самолюбивое, тирански-жестокое и сентиментально-мечтательное. Такое существо, которое, пока растетъ, такъ ничего въ немъ нѣтъ, а вырастетъ — станетъ ни швецъ, ни жнецъ, ни въ дуду игрецъ. Противъ Сони и дочери священника сидитъ на зеленой муравкѣ человѣкъ лѣтъ двадцати восьми или тридцати; на немъ парусинное пальто, такія же панталоны и пикейный жилетъ съ турецкими букетами, а на головѣ ветхая студенческая фуражка съ голубымъ околышемъ и просаленнымъ дномъ. Это кандидатъ юридическихъ наукъ Юстинъ Феликсовичъ Помада. Наружность кандидата весьма симпатична, но очень непрезентабельна: онъ невысокъ ростомъ, сутулъ, съ широкою, впалой грудью, огромными руками и большою головою съ волосами самаго неопредѣленнаго цвѣта. Эта голова составляетъ самую рѣзкую особенность всей фигуры Юстина Помады: она у него постоянно какъ будто падаетъ и въ этомъ паденіи тянетъ его то въ ту, то въ другую сторону, безъ всякаго на то соизволенія ея владѣльца.

Все это общество, сидя противъ меревскаго моста, ожидало нашихъ героинь, и нѣкоторые изъ его членовъ уже начинали терять терпѣніе.

— Вѣрно, не пріѣдутъ сегодня, — замѣтила матушка попадья, опасаясь, чтобы батрачка безъ нея не поставила квасить неочередный кубанъ.

— Очень можетъ быть,—поддержала ее Ольга Сергѣевна, по мнѣнію которой ни одинъ разумный человѣкъ вечеромъ не долженъ былъ оставаться надъ водою.

— Вовсе этого не можетъ быть,—возразилъ Бахаревъ:— сестра пишетъ, что онѣ выѣдутъ тотчасъ послѣ обѣда; — значитъ, ужъ если считать самое позднее, такъ это будетъ часа въ четыре, въ пять. Тутъ около пятидесяти верстъ; ну, пять часовъ проѣдутъ и будутъ.

— А можетъ-быть раздумали, — слабо возразила Ольга Сергѣевна.

— Не можетъ этого быть, потому что это было бы глупо, а Агнія дурить не охотница.

— Въ дорогѣ что-нибудь могло случиться скорѣе, — проговорилъ сквозь зубы Гловацкій.

— Это такъ; это могло случиться: лошади и экипажъ сдѣлали большую дорогу, а у Никиты пустосвята вѣтеръ въ башкѣ ходитъ,—не осмотрѣлъ навѣрное.

— Верхового не послать ли-съ навстрѣчу? — предложилъ Перепелицынъ.

— Ну... подождемъ часочекъ еще: если не будетъ ихъ, тогда нужно будетъ послать.

— Чѣмъ посылать, такъ лучше жъ самимъ ѣхать,—опять процѣдилъ Гловацкій.

— И то правда. Только если мы съ Петромъ Лукичемъ уѣдемъ, такъ ты, Нарцизъ, смотри! Не моргай тутъ... дѣйствуй. Чтобъ все какъ говорилъ... понимаешь: хлопсъ-хлопсъ, и готово.

— Понимаю-съ.

— То-то, а то вѣдь тамъ, небось, въ носки жарятъ.

— Какъ можно-съ?

— Ну, да, толкуй: можно-съ... Эхъ, Зина, Алексѣя-то твоего нѣтъ!

— Да, нѣтъ,—простонала Зина.

— Чудакъ, право, какой! Семейная, можно сказать, радость, а онъ запропастился.

Зина глубоко вздохнула, склонила на бокъ головку и, скручивая пальчиками кисточку своей мантильи, печально обиженнымъ тономъ снова простонала:

— Я ужъ къ этому давно привыкла.

— Давно-о?—спросилъ старикъ.

— Да. Это всегда такъ. Стоитъ мнѣ пожелать чего-нибудь отъ мужа, и этого ни за что не будетъ.

— Что ты вздоръ-то говоришь, матушка! Алексѣй мужикъ добрый, честный, а ты ему жена, а не метресса какая-нибудь, что онъ тебѣ на зло все будетъ дѣлать.

— Какой ты странный, Егоръ Николаевичъ,—томно вмѣшалась Ольга Сергѣевна:—ужъ вѣрно женщина имѣетъ причины такъ говорить, когда говоритъ.

— Нѣтъ, это еще не вѣрно.

— Неужто же женщина, любящее, преданное, самоотверженное существо, станетъ лгать, выдумывать, клеветать на человѣка, съ которымъ она соединена неразрывными узами! Странны ваши сужденія о дочери, Егоръ Николаевичъ.

— А ваши еще страннѣе и еще вреднѣе. Дуйте, дуйте ей, сударыня, въ уши-то, что она несчастная, ну и въ самомъ дѣлѣ увидите несчастную. Москва вѣдь отъ грошовой свѣчи сгорѣла. Вы вотъ сегодня все выболтали ужъ, такъ и беретесь снова за старую пѣсню.

— Я не болтаю, какъ вы выражаетесь, и не дую никому въ уши, а я...

Но въ это время за горою послышались ритмическіе удары копытъ скачущей лошади и вслѣдъ за тѣмъ показался знакомый всадникъ, несшійся во весь опоръ къ спуску.

— Костикъ! — вскрикнулъ Бахаревъ, быстро поднимаясь въ тревогѣ со скамейки.

— Онъ-съ,—такъ же тревожно отвѣчалъ конторщикъ.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и торопливо пошли къ мосту.

Между тѣмъ форейторъ Костикъ, проскакавъ половину моста, замѣтилъ господъ и, поднявъ фуражку, кричалъ:

— Ѣдутъ! Ѣдутъ!

— Ѣдутъ? Гдѣ ѣдутъ? — спрашивалъ Бахаревъ, теряясь отъ волненія.

— Сейчасъ ѣдутъ, за меревскими овинами ужъ.

— А! за овинами... Боже мой!.. Смотри, Нарцизъ... ахъ, Боже...—и старикъ побѣжалъ рысью по мосту, вдогонку за Гловацкимъ, который уже шагалъ на той сторонѣ рѣки, наискось по направленію къ довольно крутому спиралеобразному спуску.

Дамы шли тоже такъ торопливо, что Ольга Сергѣевна, нѣсколько разъ споткнувшись на подолъ своего длиннаго платья, наконецъ пріостановилась и, обратясь къ младшей дочери, сказала:

— Мнѣ неловко совсѣмъ идти съ Матузалевной, понеси ее, пожалуйста, Сонечка. Да нѣтъ, ты ее задушишь; ты все это какъ-то такъ дѣлаешь, Богъ тебя знаетъ! Саша, дружочекъ, понесите, пожалуйста, вы мою Матузалевну.

Священническая дочь приняла изъ-подъ шали Ольги Сергѣевны бѣлую кошку и положила ее на свои руки.

— Осторожнѣй, дружочекъ, она не такъ здорова,—скоро-

— Мужики и купцы покупаютъ земли и становятся такими же помѣщиками, какъ и вы, и мы, и Рюриковичи, и Гедиминовичи,—досказалъ Стугинъ.

— Ну... вѣдь въ васъ, князь, въ самомъ есть частица рюриковской крови,—добродушно замѣтила Онучина.

— У него она, кажется, въ дѣтствѣ вся носомъ вытекла,—сказала княгиня, не то съ неуваженіемъ къ рюриковской крови, не то съ легкой ироніей надъ сыномъ.

Старая Онучина опять понюхала табаку и тихо молвила:

— Говорятъ... не помню, отъ кого-то я слышала: разводы ужъ будто у насъ скоро будутъ?

— Едва ли скоро. По крайней мѣрѣ, я ничего не слыхалъ о разводахъ,—отвѣчалъ князь.

— Это удивительно! Твой дядюшка только о нихъ и умѣетъ говорить,—опять вставила Стугина.

Князь улыбнулся и отвѣтилъ, что Онучина говоритъ совсѣмъ не о полковыхъ разводахъ.

— Ахъ, простите, пожалуйста!—серьезно извинялась княгиня. — Мнѣ, когда говорятъ о Россіи и тутъ же о разводахъ — всегда представляется плацпарадъ, трубы и мой братъ, Кесарь Степанычъ, съ крашеными усами. Да и на что намъ другіе разводы?—Совсѣмъ не нужно.

— Совершенно лишнее,—поддерживалъ князь. — У насъ есть новые люди, которые будутъ безъ всего обходиться.

— Это *нигилисты*?—воскликнула m-lle Вѣра.—Ахъ, разскажите, князь, пожалуйста, что вы знаете объ этихъ забавныхъ людяхъ?

Князь не имѣлъ о нигилистахъ чудовищныхъ понятій, ходившихъ насчетъ этого страннаго народа въ нѣкоторыхъ общественныхъ кружкахъ Петербурга. Онъ разсказывалъ очень много курьезнаго о нхъ нравахъ, обычаяхъ, стремленіяхъ и образѣ жизни. Всѣ слушали этотъ разсказъ съ большимъ вниманіемъ; особенно слѣдилъ за нимъ Долинскій, который узнавалъ въ разсказѣ развитіе идей, оставленныхъ имъ въ Россіи еще въ зародышѣ, и старая княгиня Стугина, Серафима Григорьевна, тоже слушала, даже и очень неравнодушно. Она не одинъ разъ перебивала Стугина вопросомъ:

— Ну, а позвольте, князь... Какъ же они того, что, бишь, я хотѣла это спросить?..

Стугинъ останавливался.

— Да, вспомнила.—Какъ они этакъ...

— Живутъ?

— Нѣтъ, не живутъ, а, напримѣръ, если съ ними встрѣтишься, какъ они... въ какомъ родѣ?

Князь не совсѣмъ понялъ вопросъ; но его мать спокойно посмотрѣла черезъ свои очки и подсказала:

— Я думаю, должно-быть что-нибудь въ родѣ Ягу, которые у Свифта.

— Что это за Ягу, княгиня?

— Ну, будто не помните, что Гуливеръ видѣлъ? На которыхъ лошади-то ѣздили? Ну, люди такіе, или нелюди такіе: лохматые, грязные?

— Ну, что это?—воскликнула Серафима Григорьевна.— Неужто, князь, они, въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ родѣ?

— Немножко,—отвѣчалъ, смѣясь, Стугинъ.

— Полагаю, трудно довольно отличить коня отъ всадника,—поддержала сына княгиня.

— Ну, что это! Это ужъ даже непріятно! — опять воскликнула Онучина, воображая, вѣроятно, какъ косматые петербургскіе Ягу лазятъ по деревьямъ въ Лѣтнемъ саду, или на елагинскомъ пуантѣ и швыряютъ сверху всякими нечистотами.—И женщины такія жъ бываютъ? — спросила она черезъ секунду.

— Два пола въ каждомъ родѣ должны быть необходимо— иначе родъ погибнетъ.

— Это ужасно! А, впрочемъ, вѣдь я какъ-то читала, что гориллы въ Африкѣ, или шампанье, тоже будто уносятъ къ себѣ женщинъ?

Серафима Григорьевна вся содрогнулась.

Князь Сергій очень распространился насчетъ отношеній нигилистокъ къ нигилистамъ и, владѣя хорошо языкомъ, разсказалъ нѣсколько очень забавныхъ анекдотовъ.

— Дуры!—произнесла, по окончаніи разсказа, Серафима Григорьевна.

— И пожить-то какъ слѣдуетъ не умѣютъ! — смотря черезъ очки, добавила княгиня.

— Но это все презабавно,—замѣтила Вѣра Сергѣевна и вышла съ молодымъ княземъ на террасу.

— Довоспиталась сторонушка! дозрѣла! Скотный дворъ настоящій дѣлается!—презрительно уронила Стугина.

Серафима Григорьевна понюхала съ особеннымъ удовольствіемъ табачку и, улыбнувшись, спросила:

— Вы, Елена Степановна, помните Вастилу?

— Княжну Палагею Никитишну? — спросила, немножко надвинувъ брови, Стугина.

— Да.

— Ну, кто жъ ея не помнитъ.

— Но, впрочемъ, та вѣдь... то все-таки совсѣмъ въ другомъ родѣ?

— Ну, еще бы!

Старушки объ задумались.

— Или княгиню Марѳу Викторовну въ ту пору, какъ она съ своимъ мужемъ разсталась? — спросила Серафима Григорьевна опять черезъ минуту.

— Ужъ именно!—отвѣчала, покачавъ головой, Стугина.

— Бѣсъ въ нее вселился. Очень ужъ проказила!

— Проказила княгиня; но какъ хороша-то была!

Серафима Григорьевна съ умиленіемъ смотрѣла на стѣну, вообразивъ передъ собою воспоминаемую княгиню Марѳу Викторовну.

Теперь, въ свою очередь, Стугина понюхала табачку и, какъ бы нехотя, спросила:

— Да, была хороша, точно... да съ кѣмъ, бишь, она изъ Россіи-то пропала?

— Изъ Россіи?—Изъ Россіи она уѣхала съ этимъ... какъ его?.. ну, да все равно—съ французскимъ актеромъ, а потомъ была наѣздницей въ циркѣ, въ Лондонѣ; а послѣ князя Петра, ужъ за границей, ужъ самой сорокъ лѣтъ было, съ молоденькой и съ прехорошенькой женой развела... Такая грѣховодница!

— А потомъ-то! потомъ-то! — опять воскликнула, оживляясь, Серафима Григорьевна.

— Да, съ галерникомъ, я слышала, въ Алжиръ бѣжала.

— Страшный былъ такой!

— Помню я его — арабъ, весь оливковой, носъ, глаза... весь страсть неистовая! Точно, что чудо какъ былъ интересенъ. Она и съ арабами, вѣдь, кажется, кочевала. Кажется, такъ? Ее тамъ встрѣтилъ одинъ мой знакомый путешественникъ—давно это, ужъ лѣтъ двадцать. У какого-то шейха, говорятъ, была любовницею, что ли.

— Да, да, да; и имъ-то, и этимъ шейхомъ-то даже какъ

ребенкомъ управляла!—подсказывала, все болѣе оживляясь и двигаясь на креслѣ, Серафима Григорьевна.

— Или княжна Агриппина Лукинишна!—произнесла она черезъ минуту, смотря пристально въ глаза Стугиной.

— Княжна Содомская, какъ называлъ ее дядя Леонъ,— проронила въ видахъ поясненія Стугина.—Не люблю ея.

— За что, княгиня?

— Такъ, ужъ черезчуръ какъ-то она... спеціалистка была великая.

— Ну, не говорите этого, душечка княгиня; въ Сибири она себя вела, можетъ-быть, какъ никто.

— Что же это именно? что за мужемъ въ ссылку-то пошла? Очень великое дѣло.

— Нѣтъ-съ, мало что пошла, а какъ жила? что вынесла?

— Я думаю, ничуть не больше другихъ.

— Сама бѣлье ему стирала, сама щи варила, въ юртѣ какой-то жила...

— Ну, и что жъ тутъ такого? что жъ тутъ такого удивительнаго?

— Да вонъ кузенъ Grégoire — вы знаете, вѣдь его послѣ амнистіи тоже возвратили.

— Слышала.

— Говоритъ, что всѣ они — эти несчастные декабристы, которые были вмѣстѣ, иначе ее и не звали, какъ матерью: идемъ, говоритъ, бывало, на работу изъ казармы — зимою, въ полѣ темно еще, а она сидитъ на снѣжку съ корзиной и лепешки намъ раздаетъ—всякому по лепешкѣ. А мы, бывало: мама, мама, мама, наша родная, кричимъ и лѣземъ хоть на лету ручку ея поцѣловать.

Серафима Григорьевна сморгнула слезу и кашлянула.

— Какъ, бывало, увидимъ ее, — продолжала Серафима Григорьевна: — какъ только еще издали завидимъ ее, всѣ бѣжимъ и кричимъ: «мама наша идетъ! родная идетъ!»— совсѣмъ какъ галченята.

Серафима Григорьевна не совладѣла съ слезой и должна была отвернуться.

— Это прекрасно все, — начала тихо Стугина: — только героизма-то все-таки тутъ никакого нѣтъ. Бабки наши умѣли терпѣть, какъ имъ ноздри рвали и руки выворачивали, а тутъ — что жъ тутъ такого, скажите на милость?.. Еще бы въ несчастіи бросить!

— А вѣдь бросаютъ же, княгиня,—возразила, поворачиваясь, Серафима Григорьевна.

— Приказничихи или поповны, очень можетъ быть—не стану спорить.

— Ну, нѣтъ, княгиня, я знаю... я вотъ теперь слышала про одну, совсѣмъ не приказничиху, а...

— Ахъ, помилуйте, ma chère Серафима Григорьевна! не знаю, кого вы такую знаете, или про кого слышали; но во всякомъ случаѣ, если это не приказничиха, такъ какая-нибудь другая personne méprisable, о которой все-таки говорить не стоитъ.

Серафима Григорьевна помолчала и потомъ, смакуя каждое свое слово, произнесла:

— А я, какъ вы хотите, все опять къ княжнѣ Агрипинѣ. Какъ тамъ хотите говорите, ну, а все... изъ этакой роскоши... изъ свѣта... и въ какую-то дымную юрту... Ужасно!

— Вы это такъ говорите, какъ будто бы вы сами не пошли бы ни за что?

— Ахъ, нѣтъ; Боже меня сохрани? Не дай Богъ такого несчастья; но, разумѣется, пошла бы.

— Ну, такъ что же вы такъ восхваляете княжну Агрипину Лукинишну! Конечно, все-таки и она была не бишка какая-нибудь, а все-таки женщина; но вѣдь, повторяю, если такія ничтожныя вещи ставить женщинѣ въ особую заслугу, такъ, я думаю, очень много найдется имѣющихъ совершенно такія же права на дань точно такого же изумленія.

— Ахъ, Боже мой! представьте, я вѣдь совершенно забыла, что вѣдь и вы тоже...

— Да я что тамъ была—безъ году недѣлю... а, впрочемъ, да: бѣлье мужу тоже стирала и даже послѣ мужниной смерти пироги нашимъ арестантамъ верстъ за семь въ лоткѣ носила.

— Но снѣгу!

— Какой наивный вопросъ, ma chère Серафима Григорьевна!— Княгиня весело засмѣялась. — Вы, пожалуйста, не сердитесь, что я смѣюсь: я вспомнила, какъ вы боитесь снѣгу.

— Ахъ, ужасъ! Зима это... это... оцѣпенѣніе; это... я просто не знаю, что̀ это такое.

Стугина смотрѣла въ открытую дверь и вспомнила что-то особенно для нея милое и почтенное.

— Нѣтъ, вотъ,—сказала она, вздохнувъ:—вотъ графиню Нину, да ея гувернантку... Какъ она называлась: Eugénie, или Eudoxie, этихъ женщинъ стоитъ вспомнить и передъ именами ихъ поклониться.

Въ комнатѣ наступила минута безмолвной тишины, какъ бы въ память этихъ двухъ женщинъ, передъ одними именами которыхъ хотѣла поклониться непреклонная, сѣдая голова Стугиной.

— Въ этотъ разъ, когда вы были въ Россіи, вы не видали графини Нины? — спросила она послѣ паузы Онучину.

— Нѣтъ, не удалось мнѣ побывать за Москвою.

— Сестра моя, Анна, была у нея въ монастырѣ. Пишетъ, что это живой мертвецъ, совершенная, говоритъ, адамова голова, обтянутая желтой кожей.

Серафима Григорьевна опять повернулась на креслѣ и, глядя въ растворенное окно, нервно обрывала на колѣнѣ зелено-сѣрый, бархатный листочекъ «Люби-да-помни».

— Да,— произнесла она черезъ минуту:— да, умѣли кутить, но и любить умѣли.

— Люди были; «былъ вѣкъ богатырей», какъ написалъ Давыдовъ.

— А нынче все это... какая-то...

— Дребедень,—рѣшила княгиня.

— Все это какъ-то... что-то такое хотятъ дѣлать, и все...

— Наши старыя платья напзнанку, по бѣдности своей, донашиваютъ, — закончила княгиня, поправляя на вискахъ свои сѣдыя букли.

— И этотъ царь!— проговорила она, складывая съ умиленіемъ свои аристократическія руки и снова улетая въ свое прошедшее.—Этотъ божественный, прекрасный Александръ Павловичъ! этотъ благороднѣйшій рыцарь! этотъ джентльменъ съ головы до ногъ!

— Какіе люди и какое время было!

— То-то, добавляйте, пожалуйста, всегда: *было*,—заключила Стугина.

Старушки помолчали, поносились въ сферѣ давно минувшаго; потихоньку вздохнули и опять взошли въ свое сѣдое настоящее. Самъ Ларошфуко, такъ хорошо знавшій о чемъ сожалѣютъ подъ старость женщины, не совсѣмъ бы вѣрно разгадалъ эти два тихіе, сдержанные вздоха, со всею бѣ-

шеною силою молодости вырвавшіеся изъ родившей ихъ отцвѣтшей, старушечьей груди.

Во время этой бесѣды, безмолвнымъ слушателемъ которой оставался одинъ Долинскій, на тепло прогрѣтую землю спустился сине-розовый итальянскій вечеръ; Вѣра Сергѣевна съ молодымъ Стугинымъ вернулись съ террасы и всѣмъ вздумалось пройтись къ морю. Дорогой княгиня совсѣмъ потеряла свой желчный тонъ и даже очень оживилась; она разсказала нѣсколько скабрезныхъ исторіекъ изъ маловѣдомаго намъ міра и вѣка, и каждая изъ этихъ исторіекъ была гораздо интереснѣе свѣтскихъ романовъ одной русской писательницы, по мнѣнію которой влюбленный человѣкъ «хорошаго тона» въ самую горячечную минуту страсти ничего не можетъ сдѣлать умнѣе, какъ съ большимъ жаромъ поцѣловать ея руку и *прочесть ей слѣдующее стихотвореніе Альфреда Мюссе*. Стихотвореніе это я не выписываю, опасаясь, чтобы оно не ко времени не припомнилось кому-нибудь изъ моихъ читателей, которому еще суждено въ жизни увидѣть

Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Я не хочу, чтобъ эти прекрасные стихи заставили впечатлительнаго несчастливца возненавидѣть очень хорошаго поэта Альфреда Мюссе.

Долинскій слушалъ разсказы княгини, порою смѣялся и вообще былъ занятъ, былъ заинтересованъ ими не меньше всѣхъ прочихъ слушателей. Онъ возвратился домой въ такомъ веселомъ расположеніи духа, въ какомъ не чувствовалъ себя еще ни разу съ самой смерти Доры.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Не куется, а плющится.

Долинскій зажегъ у себя огонь и прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, потомъ раздѣлся и легъ въ постель, размышляя о добромъ старомъ времени. Онъ уснулъ подъ впечатлѣніями, навѣянными на него разсказомъ строгихъ старушекъ.

— «Вотъ взойдетъ въ свою пору Вѣра Сергѣевна,—думалъ онъ, засыпая:—и она, пожалуй, будетъ дѣлать такія же чудеса. Отчего же ей ихъ и не дѣлать?.. А теперь она еще, кажется, дѣвушка хорошая. Любить ей очень хочется,

говорила Даша, да почему Даша это могла знать?.. Вздоръ это... А какая у нея, однако, фигура! Рукая какая... У Доры была крошечная лапка, но не такая. И какая грація во всемъ! Раса, значитъ.—Конечно, онѣ не рождены для вдохновеній и молитвъ; но бедуинкой—на арабскомъ конѣ разъѣзжать съ оливковымъ шейхомъ...» И вотъ видится Долинскому Вѣра Сергѣевна на огневомъ арабскомъ конѣ, а возлѣ нея статный шейхъ въ бѣломъ плащѣ, и этотъ шейхъ самъ онъ Долинскій. «Поскачемъ», говоритъ ему Вѣра Сергѣевна, и они несутся, несутся; кругомъ палящій зной, въ сонномъ воздухѣ тихо дремлютъ одинокія пальмы; изъ мелкаго кустарника выскочилъ желтый левъ, прыгнулъ и, притаясь, легъ вровень съ травою. — «Не отставай!» говоритъ ему Вѣра Сергѣевна, оскорбляя своего скакуна ударомъ. «Не отставай!» повторяетъ она, унося отъ него далѣе. «Не отставай же, не отставай!» кричитъ она чуть слышно, вовсе исчезая изъ его глазъ за красною чертою огненнаго горизонта. Конь Долинскаго ни съ мѣста, онъ храпитъ и пятится. На небѣ темнѣетъ, надвигаетъ ночь, лошадь Долинскаго все дрожитъ, все мнется и на немъ самомъ не плащъ, а бѣлый холщевый саванъ, и лошадь его ужъ совсѣмъ не лошадь, а сѣрый волкъ. «Утки крякнули, берега вякнули, море взболталось, тростники всколыхались, просыпается гамаюнъ - птица, шевелится зеленый боръ», заласкалъ, стукая челюстями, сѣрый волкъ. «Хочешь, я спою тебѣ веселую пѣсенку?» спрашиваетъ сѣрый волкъ и, не дожидаясь отвѣта, затягиваетъ: «Вѣчная память, вѣчная память». «Ничто, мой другъ, не вѣчно подъ луною!» съ веселымъ хохотомъ прокричала бѣшено пронесшаяся мимо его на своемъ скакунѣ Вѣра Сергѣевна. «Ничто, мой другъ, не вѣчно подъ лупою», внушительно разсказываетъ Долинскому долговязый шейхъ, раскачиваясь на высокомъ сѣдлѣ. Долинскій только хотѣлъ вглядѣться въ этого шейха, но того уже не было, и его бѣлый бурнусъ развѣвается въ темнотѣ возлѣ стройной фигуры Вѣры Сергѣевны.

Долинскій хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ около него зашевелилась трава, вдругъ она начала расти и расти, такъ что слышно было, какъ она растетъ. Росла она шибко и высоко—выше роста человѣческаго; изъ нея отовсюду безпрестанно вылетали огненные свѣтляки и во всѣхъ направленіяхъ описывали правильныя, блестящія параболы; въ

неподвижномъ воздухѣ спирался невыносимый зной и удушающій запахъ зеленыхъ майскихъ мушекъ.

Долинскій задыхался, а свѣтляки передъ нимъ все мелькали, и зеленыя майки качались на гнутыхъ стебляхъ травы и наполняли своимъ удушливымъ запахомъ неподвижный воздухъ, а трава все растетъ, растетъ и ужъ Долинскому и нечѣмъ дышать, и негдѣ повернуться. Отъ страшной, жгучей боли въ груди онъ болѣзненно вскрикнулъ, но голосъ его беззвучно замеръ въ сонномъ воздухѣ пустыни, и только переросшая траву задумчивая пальма тихо покачала ему своей печальной головкой.

Долинскій проснулся, тяжело вздохнулъ и оглянулъ комнату. Стѣны чуть сѣрѣли слабымъ превосходнымъ мерцаніемъ и прямо передъ лицомъ Долинскаго едва обрисовывалась на гвоздѣ соломенная шляпа Доры. «Дайте мнѣ, пожалуйста, эту шляпу», попросила его Вѣра Сергѣевна, чуть только онъ заснулъ снова. «Я скакала, ахъ, какъ я скакала цѣлую ночь!» весело говорила она ему, вся пылая свѣжимъ румянцемъ: «и вообразите, я потеряла мою шляпу въ Африкѣ. — Тамъ теперь растетъ ужасная трава, въ которой ничего нельзя найти. Вы знаете эту траву?»

— «О, я ее очень хорошо знаю», подумалъ Долинскій.

— А если знаешь,—заговорила Вѣра Сергѣевна, — такъ подавай же мнѣ скорѣй, скорѣе подавай мнѣ эту шляпу своей мертвой Доры. Голосъ у Вѣры Сергѣевны былъ рѣзкій, какъ трескъ дѣтскаго барабана, но такой голосъ, что нервы его трепетали и мышцы сами спѣшили исполнять ея капризы.—Тише, тише! закричала ему Вѣра Сергѣевна, когда Долинскій коснулся руками полей Дорушкиной шляпы. Долинскій оглянулся.—Развѣ не видишь, что тамъ паутина? Тамъ пауки сидятъ, мерзкіе, скверные пауки живутъ въ этой гадкой шляпѣ! И ты думалъ, что я ее надѣну! И ты это думалъ!.. Ха, ха, ха! — Вѣра Сергѣевна захохотала.— Пауки? Зачѣмъ же пауки? подумалъ обиженный Долинскій и пристально взглянулъ на шляпу. Съ полей ея почти до земли падалъ длинный газовый вуаль, а подъ дымкой этого вуаля что-то бѣлѣлось. Еще секунда, и тихо, какъ легкая туманная картина, подъ нимъ обрисовывается мертвая головка Доры. Глаза ея закрыты, на лицѣ могильная сѣрая пыль и подъ ней суровая печать смерти, синія уста шевелятся безъ звука. Откуда-то взялся сѣрый большой паукъ, торо-

пливо закосилъ всѣми своими длинными ногами, проворно пробѣжалъ по мертвому лицу и скрылся на плечѣ въ золотыхъ кудряхъ. На лбу ворочала скользкими усиками сѣрая гнѣзная мокрица. Вездѣ была сѣро-зеленоватая плѣсень, отовсюду несло холодомъ и могилой.

— «Мѣсяцъ свѣтитъ, мертвецъ ѣдетъ, не боишься ли ты меня, добрый молодецъ?»—спрашиваетъ Дора.

Голосъ у нея не рѣзкій, какъ у Вѣры Сергѣевны, а какой-то гулкій, круглозвучный, словно запоздалая цапля тяжело машетъ крыльями, пролетая темной ночью надъ сонным болотомъ. И въ самомъ дѣлѣ, это совсѣмъ даже не голосъ. Уста мертвой не движутся, а могильная пыль не шевелится ни на одномъ мускулѣ ея лица, и только тяжелыя вѣки медленно распахиваются, открываютъ на мгновеніе злые, зеленые, лишенные всякаго блеска глаза, и опять такъ же медленно захлопываются, но зеленые зрачки все съ тою же злостью смотрятъ изъ-подъ верхняго вѣка.

— Чѣмъ же ты обижена? Скажи, чѣмъ оскорбилъ я тебя?—протягивая руки, спрашивалъ Долинскій, но вмѣсто отвѣта у него надъ самымъ ухомъ прогорланилъ пѣтухъ, и вдругъ все сникло. Долинскій проснулся.

На дворѣ было утро, подъ окномъ расхаживалъ голосистый красный пѣтухъ, а изъ маленькаго чулана за палисадникомъ раздавалось веселое кудахтанье двухъ фаворитныхъ куръ домовитой француженки.

Свѣжее утро не произвело на Долинскаго хорошаго вліянія; онъ всталъ сумрачный и разстроенный: долго ходилъ въ большомъ безпокойствѣ изъ угла въ уголъ и, наконецъ, сѣлъ за работу.

— Madame Бюжаръ! — сказалъ онъ, когда француженка подала ему кофе:—я впередъ не буду поднимать шторы.

— Bon,—отвѣчала хозяйка.

— А вы, madame Бюжаръ, если кто меня будетъ спрашивать, говорите всѣмъ, что я боленъ.

— C'est bien, monsieur.

— Что я ушелъ куда-нибудь или уѣхалъ,—ну, какъ тамъ хотите.

— C'est ça, monsieur.

— Hélas! pauvre diable, comme il est triste! — говорила француженка, выходя отъ постояльца и съ состраданіемъ качая своей сѣдой головою.

Долинскій въ этотъ день работалъ по обыкновенію, до самыхъ сумерекъ. Никто его не отвлекалъ и не безпокоилъ. Передъ вечеромъ m-me Бюжаръ принесла ему обѣдъ.

— Madame, — сказалъ онъ ей: — не носите мнѣ болѣе обѣда.

— Mon Dieu! не хотите ли вы уморить себя голодомъ.

— Нѣтъ, я боленъ. Вы мнѣ покупайте немножко зелени и хлѣба. Я болѣе ничего не могу ѣсть.

Француженка молча смотрѣла на него во всѣ глаза.

— Adieu, madame Бюжаръ, — сказалъ онъ, взявъ и пожавъ ея руку.

Старуха только изумлялась.

— Это чортъ знаетъ что такое,—говорилъ порывисто, вскочивъ и торопливо запирая на ключъ свою дверь, Долинскій.—Какое мнѣ дѣло до этихъ барынь и до ихъ тамъ какихъ-то подвиговъ? что мнѣ тамъ такое!—повторялъ онъ, кипятясь и съ негодованіемъ бѣгая изъ угла въ уголъ.—Что мнѣ за дѣло до ихъ какихъ-то свѣтскихъ скандаловъ, или до какихъ-то Ягу! У меня пропало, *пропало* съ земли все, чѣмъ мнѣ милъ былъ свѣтъ бѣлый, а я буду утѣшаться! Буду смѣяться! слушать! разговаривать! О чемъ мнѣ разговаривать, когда *все умерло*, сгинуло, пропало, *сгнило*...

Онъ сердито повернулъ въ сторону, сѣлъ къ столу и упорно, не разгибаясь, работалъ до вечера. Къ сумеркамъ Долинскій, значительно успокоенный, снова долго ходилъ изъ угла въ уголъ по залѣ. Машинально онъ иногда останавливался передъ какою-нибудь одною вещью, осматривалъ ее, трогалъ рукою и опять шелъ далѣе, до новаго желанія тронуться до чего-нибудь другого. Остановясь у столика, на которомъ стояла лампа, онъ вытащилъ изъ-подъ нея небольшую книжечку избранныхъ мыслей изъ ученія Спинозы, перелистовалъ небрежно страницы и вдругъ остановился. Между двумя печатными листками, спокойно и молчаливо притаясь, лежалъ листокъ почтовой бумаги, на которомъ было сдѣлано нѣсколько короткихъ замѣтокъ рукою Доры, и въ концѣ послѣдней замѣтки прибавлено: «сегодня до 87-й стр.». Стояло число, недавнее за три дня до ея смерти.

Долинскій посмотрѣлъ замѣтки и, подойдя къ окну, пробѣжалъ три страницы далѣе Дорушкиной закладки, отнесъ

книгу на столъ въ комнату Доры и самъ снова вышелъ въ залу. Въ его маленькой, одинокой квартирѣ было совершенно тихо. Городской шумъ только изрѣдка доносился сюда съ легкимъ вѣтеркомъ черезъ открытую форточку и въ ту же минуту замиралъ.

Настала ночь. Взошедшая луна, ударяя въ стекла окна, кидала на полъ три полосы блѣднаго свѣта. Въ воздухѣ было свѣжо; съ надворья пахло померанцами и розой. Въ форточку, весело гудя, влетѣлъ ночной жукъ, шибко треснулся съ разлета о стѣну, зажужжалъ и отчаянно завертѣлся на своихъ роговыхъ надкрыльяхъ.

Долинскій остановился, бережно взялъ со стола барахтавшагося на спинкѣ жука и поднесъ его на ладони къ открытой форточкѣ. Жукъ дрыгнулъ своими пружинистыми ножками, широко разставилъ въ стороны крылья, загудѣлъ и понесся. Съ надворья въ лицо Долинскому пахнула ароматная струя чрезмѣрно теплаго воздуха; ласково шевельнула она его сухими волосами, какъ будто что-то шепнула на ухо и безслѣдно разлилась по комнатѣ.

— Собака... кошка... мышь — жива, а нѣтъ Корделіи! Вотъ этотъ жукъ летаетъ лунной ночью, а Дора мертвая лежитъ въ сырой могилѣ!—мелькнуло въ головѣ Долинскаго.

Онъ продолжалъ стоять у окна и глядѣлъ въ открытую форточку на дремлющіе въ тѣни кусты и цвѣточныя клумбы. Луна била ему прямо въ лицо и ярко обливала своимъ желтымъ свѣтомъ всю верхнюю часть его тѣла.

Если бы въ это время кто-нибудь увидѣлъ въ форточкѣ его красивое до мертвенности блѣдное лицо, эффектно освѣщенное луною, тотъ непремѣнно отскочилъ бы отъ него въ сторону, и поневолѣ вспомнилъ бы одну изъ очаровательныхъ легендъ о душахъ, бродящихъ на землѣ въ ожиданіи прощенія своихъ земныхъ согрѣшеній. Уставшіе глаза Долинскаго смотрѣли съ тихою грустью и безпредѣльною добротою, и какъ-то совсѣмъ ничего земного не было въ этомъ взглядѣ; въ лицѣ его тоже ни одинъ мускулъ не двигался, и даже, кажется, самое сердце не билось. Это былъ Наль, разлученный съ своей Дамаянти; это было воплощеніе идеи духа, для котораго нѣмы всѣ пѣсни земли, который знаетъ другія пѣсни и полонъ томительнаго желанія снова услышать ихъ памятные звуки.

Долинскій, въ самомъ дѣлѣ, не былъ съ самимъ собою.

Словно на волшебныхъ крыльяхъ воспоминаніе его облетало все ему нѣкогда милое, все живущее далеко и спящее въ своихъ тихихъ гробахъ. Дѣтство, сердитый старикъ Днѣпръ, раздольная заднѣпровская пойма, облитая такимъ же серебристымъ свѣтомъ; сестра съ курчавой головкой, братъ, отецъ въ синихъ очкахъ съ огромной четьи-минеей, мать, Анна Михайловна, Дора—все ему было гораздо ближе, чѣмъ онъ самъ себѣ и окошная рама, о которую онъ опирался головою. Онъ совсѣмъ видѣлъ эту широкую пойму, эти песчаные острова, заросшіе густой лозою, которой вольнолюбивый черторей каждую полночь начинаетъ разсказывать про ту чудную долю—минувшую, когда пойма цѣлымъ Днѣпромъ умывалась, а въ головы горы клала и стенью укрывалась; видѣлъ онъ и темный, черный боръ, заканчивающій картину; онъ совсѣмъ видѣлъ Анну Михайловну, слышалъ, что она говоритъ, зналъ, что она думаетъ: онъ видѣлъ мать и чувствовалъ ея присутствіе; съ нимъ неразлучна была Дора. Они были гдѣ-то. *Гдѣ же?* Гдѣ-то, гдѣ и онъ; да и что за дѣло, гдѣ?.. Но она есть; она существуетъ... — *Умерла!*—говоритъ себѣ Долинскій, стоя въ своемъ прежнемъ положеніи.—И что жъ такое, что умерла?—Нѣтъ ея; *совсѣмъ нѣтъ*—сгнила... Эта воля, эта душа, этотъ умъ — все, все это *сгнило*... Столько жизни пропало безъ слѣда... что жъ я люблю теперь... въ чемъ тѣла нѣтъ, нѣтъ жизни; ни тѣни нѣтъ, ни звука слабаго...

Среди жуткаго ночного безмолвія, за спиною Долинскаго что-то тихо треснуло и зазвучало, какъ лопнувшая гитарная квинта. Долинскій вздрогнулъ и прижался къ оконницѣ. Безпокойно и съ неувѣренностью оглянулся онъ назадъ: все было тихо; мѣсяцъ прихотливо ложился широкими свѣтлыми полосами на блестящій полъ, и на одной половинѣ едва означалась новая, тоненькая трещина, которой, однако, нельзя было замѣтить при лунномъ полусвѣтѣ.

Долинскій вздохнулъ, обернулся и снова спокойно сталъ къ окошку.

— Легко какъ поддаваться суевѣрному страху! — разсуждалъ онъ, стоя попрежнему у открытой форточки.—Треснетъ что-нибудь въ пустой комнатѣ — и вздрогнешь, и готовъ пугаться, а воображеніе, по дѣтской привычкѣ, сейчасъ и подрисовываетъ, въ головѣ вдругъ пролетитъ то одно, то другое, и готовъ вѣрить, что все, что кажется, то будто

непремѣнно и есть... Милые, чистые, теплые всякою вѣрою тѣтскіе годы! Куда вы минули? Куда унеслись безвозвратно?.. Все безвозвратно... Ушло и нѣтъ его, а между тѣмъ, оно живетъ въ душѣ — былое... *Въ душѣ!..* Ну, въ *чемъ-то*, вѣдь вотъ живетъ же Дора во мнѣ самомъ, въ моей любви и мукахъ... Странная мысль! Луна одна все та же, вѣчно, а мнѣ сдается, что я ее видалъ совсѣмъ когда-то не такою... Вонъ этотъ бѣлый мотылёкъ, что съ сумерекъ уснулъ на розовомъ листочкѣ, и дремлетъ, облитый дрожащимъ, лунным свѣтомъ, неужто чувствуетъ его точь-въ-точь, какъ и я?.. А можетъ-быть, что та же самая луна ему совсѣмъ иной казалась, когда, дней пять назадъ, подъ листочкомъ онъ спалъ безкрылою козявкой?.. Навѣрно такъ; его глаза теперь, конечно, видятъ все иначе и все теперь въ его сознаніи стоитъ совсѣмъ иначе... Два шага человѣческихъ съ трудомъ переползалъ онъ въ сутки и немощный выматывалъ себѣ тяжелый саванъ, и вотъ теперь— какая прелесть! два крылышка, навыкатъ глазки, жизнь въ свѣтломъ воздухѣ; воздушная любовь и сладкій сонъ на розовой постели... А онъ вѣдь, въ сущности, все тотъ же... Онъ измѣнился, да, но къ лучшему, конечно. А жукъ, который прилетѣлъ съ надворья, а я, а всѣ мы? Мы сгнить должны. Законъ природы... странно! Природа дышитъ и обновляется въ своемъ торжественномъ безсмертьи; луна ея сегодня свѣтитъ, какъ свѣтила въ ту ночь, которою въ ея глазахъ убитъ былъ братомъ Авель; и червячки съ козявками по смерти также оживаютъ, а Авель, а человѣкъ— кѣнецъ земной природы, гніетъ безслѣдно... Гдѣ Соломонъ, гдѣ эта савская царица, которая такъ рабски пила, чтобъ положить свою дань благоговѣнія къ ногамъ царя и исполина мысли?.. Неужто исчезли оба — и этотъ царь, и эта савская царица исчезли!.. Точно такъ исчезли, какъ дуралей какой-нибудь, который разгрызалъ лѣсной орѣхъ съ гораздо бо́льшимъ размышленіемъ, чѣмъ повторялъ по наслыху, что «ничто не ново подъ луною»? Не можетъ быть. Приходило ли этому дураку въ голову, какой страшный смыслъ, какая ужасная загадка положена въ этихъ пяти словахъ, которыя болталъ его языкъ? А такъ сказать, сболтнуть «ничто не ново подъ луной»—вѣдь, кажется, и очень будто просто! И всего *только пять* словъ... и мозгъ вертится, изнемогаетъ мозгъ передъ ними и... нѣтъ яснаго

отвѣта... Противорѣчій нить все путается больше, и вѣрить на слово приходится, что все живущее не ново...

Не ново!.. Нѣтъ новаго, такъ старое жъ пропасть не можетъ... Все въ экономіи природы должно существовать и самое гніеніе... одинъ пріемъ... одинъ процессъ и снова жизнь... Козявки нѣтъ — летаетъ мотылекъ; умершій Соломонъ не новъ былъ подъ луною и каждый такъ... Быть-можетъ, я ужъ жилъ когда-то? Порой вѣдь что-то помнится жъ такое, чего никакъ себѣ растолковать не можешь, какой-то свѣтъ, такой совсѣмъ не солнечный, не огненный, не лунный; слова беззвучныя и звуки страннаго значенія... Быть-можетъ, что Картушъ шнырялъ когда-нибудь лисицей прежде, иль волкомъ рыщетъ нынче Пугачевъ; Іуда въ кардинальской шапкѣ, а Каинъ въ обществѣ моравскихъ братій, и на одной ногѣ въ лѣсу стоитъ Ньютонъ дервишемъ. Самъ я, я думаю, что я, лѣтъ тридцать какъ всего возникшее твореньс, а можетъ-быть... я жилъ еще въ Картушѣ, въ Магометѣ, или въ томъ трусѣ, который прибѣжалъ одинъ изъ термопильскаго ущелья!.. Да, наконецъ, въ моемъ отцѣ иль матери... Прямая вещь! Быть-можетъ, Соломона мысль меня смущаетъ и волнуетъ совсѣмъ не случаемъ, не спроста! Вѣдь Соломонъ живетъ? Живетъ, конечно! Не ново здѣсь ничто, такъ старому нельзя погибнуть, ибо иначе, какъ ничто не ново? Матерія! матерія и сила!.. Да вѣдь поэзія, лиризмъ — вѣдь тоже силы... А пѣсня! Неужели жъ не сила? А музыка, которая вліяетъ на животныхъ, которую приходятъ слушать рыбы!.. А эта странная гармонія рѣчей, которыхъ «значенье пусто и ничтожно, а имъ безъ волненья внимать невозможно»? Да мало ли чего еще!.. Не всѣ жъ матеріи такъ тонки, что ихъ нашъ глазъ способенъ видѣть и отличать... Исторія видѣній, сновъ, предчувствій ясна совсѣмъ не столько, чтобы рѣшить, одно ли то живетъ, что мѣста требуетъ въ пространствѣ. А если Соломонъ теперь такъ тонокъ, такъ прозраченъ, что можетъ стать передъ моимъ окномъ и не заслонить отъ глазъ моихъ листка, гдѣ дремлетъ этотъ мотылекъ? Не новъ онъ будетъ, но иной. Кто докажетъ мнѣ, что его нѣтъ?.. Вѣдь что жъ такое скептицизмъ? Ну, фараонова тощайшая корова, которая, сожравъ свою тучнѣйшую сестру, все такъ тоща, что сердце у нея стучитъ по голымъ ребрамъ?.. Вѣдь позволительно же вѣрить въ то, по

крайней мѣрѣ, что по землѣ ходили лица, устъ своихъ не осквернявшія ни лестью и ни ложью... Неужто я живу только пока я ѣмъ, ношу сюртукъ и сплю? Жизнь вѣчная вѣчна. какъ эта вся природа, какъ мысль, живущая въ смѣняющихъ другъ друга поколѣніяхъ. Читала Дора Спиноза и умерла, не дочитавъ половины. Шутила, говорила, что выучится думать хорошенько, вотъ и выучилась. Вотъ печатный Спиноза цѣлъ и на столѣ развернутый лежалъ все время съ ея смерти, а ея нѣтъ... Я вотъ теперь три листка просмотрѣлъ подалѣе, подалѣе того, гдѣ остановилась Дора, и что жъ она теперь: на три страницы далѣе или ближе отъ Спинозы? Иль, можетъ-быть, она оттуда видитъ и читаетъ? Иль, можетъ-быть, не сны одни мнѣ снятся, а въ самомъ дѣлѣ, для нея не нужны двери и, измѣненная, она владѣетъ средствомъ съ струею воздуха влетать сюда, здѣсь быть со мной и снова носиться и даже черныя фигурки буквъ способна различать... Нелѣпый бредъ! Луна меня тревожитъ: лучи ея какъ будто падаютъ мнѣ прямо въ мозгъ и въ сердце. Что умерло, то спитъ и не придетъ перевернуть рукой забытую страницу.

Долинскій хотѣлъ отойти отъ окна и вдругъ страшно вздрогнулъ и по тѣлу его побѣжали мурашки. Въ комнатѣ покойной Доры тихо и отчетливо перевернулась страница.

— Дѣтскій страхъ!.. мечта, послышалось мнѣ, иль просто вѣтеръ дунулъ, — говорилъ себѣ Долинскій, стараясь взять надъ собою силу, а паническій, суевѣрный страхъ самъ предупреждалъ его, а онъ бралъ его за плечи, двигалъ на головѣ его волосы и чрезъ мгновеніе донесъ до его слуха столь же спокойный и столь же отчетливый звукъ отъ оборота второй страницы.

— Вторая,—шепнулъ дрожащими отъ ужаса губами Долинскій:—ихъ три: такъ третья, что ли, будетъ тоже?

Третья страница зашелестила, не спѣша перевалилась и, шурша, легла на открытую половину.

— А тридцать-первый реформатскій полкъ правильно ретировался и отступалъ къ образцовой фермѣ,—прошло вдругъ въ головѣ Долинскаго.

— Что за нелѣпость, что за вздоръ такой, какой полкъ маршировалъ?—шепталъ онъ, стараясь удерживать себя и поворачивая свое лицо отъ окна въ комнату.

— Тамъ нѣтъ никого, — сказалъ онъ, и только что хо-

тѣлъ сдѣлать одинъ рѣшительный шагъ, какъ скрѣпчавшій передъ зарею вѣтерокъ разомъ надулъ тяжелыя дверныя занавѣси изъ Дашиной комнаты, полы драпировки далеко выдвинулись и запарусили.

— Кто тамъ, кто ходитъ здѣсь? — отчаянно крикнулъ первымъ, испуганнымъ голосомъ Долинскій.

— Уйдите отъ меня!—добавилъ онъ черезъ секунду, не сводя остраго, встревоженнаго взгляда съ длинныхъ полъ, которыя все колыхались, таинственно двигались, какъ будто кто-то въ нихъ путался и, разомъ распахнувшись, защелкали своими взвившимися углами, какъ щелкаютъ дѣтскія, бумажныя хлопушки, а по стекламъ противоположнаго окна мелькнуло нѣсколько блѣдныхъ, тонкихъ линій, брошенныхъ заходящей луною, и вдругъ все стемнѣло; передъ Долинскимъ выросла огромная мрачная стѣна, подъ стѣной могильные кресты, заросшіе глухой крапивой, по стѣнѣ медленно идетъ въ бѣломъ саванѣ Дора.

— Ахъ, уйди ты! уйди! — подумалъ больной, и стѣна, и Дора тотчасъ же исчезли отъ его думы, но зато въ темной аркѣ бѣлаго камина загорѣлся пріятный голубоватый огонь и передъ этимъ огнемъ на полу, граціозно закинувъ подъ голову руки, лежала какая-то совершенно незнакомая красивая женщина.

— Этого ничего нѣтъ,—понималъ Долинскій. Онъ отвернулся къ окну и оторопѣлъ еще болѣе: тамъ, высоко-высоко на небѣ, стояла его собственная темная тѣнь колоссальнѣйшихъ размѣровъ, а тутъ сбоку, возлѣ самой его щеки, смотрѣло на него чье-то блѣдное, смѣющееся лицо.

Разстроенное воображеніе Долинскаго долѣе не выдержало. Ему представились какія-то блѣдныя, прозрачныя тѣни — тѣни, толпящіяся въ движущихся занавѣсахъ, тѣни подъ шторою окна; вся комната полна тѣнями: тѣни у него на плечахъ и въ немъ самомъ: все тѣни, тѣни... Онъ отчаянно пожался къ окну и сильно подавленное стекло разлетѣлось вдребезги.

— А тридцать-первый реформатскій полкъ правильно ретировался и отступалъ къ образцовой фермѣ,—стояло у него въ головѣ, и затѣмъ онъ ничего не помнилъ.

Прохладный, утренній воздухъ, врываясь въ разбитое окно и форточку, мало-по-малу освѣжилъ больную голову Долинскаго. Онъ приподнялъ лицо и медленно оглянулся.

На дворѣ сѣрѣло, между крышъ на востокѣ неба прорѣзалась блѣдно-розовая полоска и на узенькой дощечкѣ, подъ низенькимъ фронтономъ плоской крыши, гулко ворковалъ проснувшійся голубь. Сильная нервная возбужденность Долинскаго смѣнилась необычайной слабостью, выражавшеюся во всей его распускавшейся фигурѣ и совершенно угасающемъ взорѣ.

— Жизнь!.. иная жизнь! жизнь вѣчная! — шепталъ онъ, какъ бы что-то ловя и преслѣдуя глазами, какъ бы стараясь что-то прозрѣть въ тонкомъ сѣро-розовомъ свѣтѣ подъ бѣлымъ потолкомъ пустой комнаты.

Только протяжно и съ безконечнымъ покоемъ пронесся по свѣтлому, утреннему небу одинъ тихій звонъ маленькаго колокола съ круглой башни ближайшей церкви. Долинскій вздрогнулъ.

— Зоветъ!—прошепталъ онъ, складывая на груди своей руки.

Колоколъ черезъ минуту опять прозвучалъ еще тише и еще призывнѣй.

— Зоветъ! зоветъ!—повторилъ больной, и блѣдное лицо его сразу приняло строгое, серьезное выраженіе, какое бываетъ у нѣкоторыхъ мертвецовъ.

— Создатель! пощади мой разумъ!—произнесъ онъ тверже черезъ минуту и, какъ немощный больной, держась стѣны, побрелъ къ своей постели.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Иной путь.

Бѣжали дни за днями. Изъ нихъ составлялись недѣли и мѣсяцы—Долинскій никуда не показывался. Къ нему нѣсколько разъ заходилъ Кириллъ Опучинъ; раза три заходила даже Вѣра Сергѣевна, но madame Бюжаръ, тщательно оберегая своего страннаго постояльца, никого къ нему не допускала. Вѣра Сергѣевна въ первый мѣсяцъ исчезновенія Долинскаго послала ему нѣсколько записокъ, которыми приглашала его придти, потому что ей «скучно»; въ другой она даже говорила ему, что «хочетъ его видѣть» и, наконецъ, она писала: «Я очень разстроена. У меня горе, въ которомъ мнѣ не къ кому прибѣгнуть, не съ кѣмъ посовѣтоваться, кромѣ васъ! Васъ это можетъ удивить, если вы думаете, что я только свѣтская кукла и ничего болѣе. Если

вы такъ думаете, то вы очень ошибаетесь. Но во всякомъ случаѣ, что бы вы ни думали обо мнѣ, я вамъ говорю, что у меня горе, большое горе. Чѣмъ я ничтожнѣе, тѣмъ оно для меня тяжелѣе. Мнѣ приходится бороться съ тяжелыми для меня требованіями и мнѣ не съ кѣмъ обдумать моего положенія, не съ кѣмъ сказать слова. Вы—человѣкъ съ сердцемъ и человѣкъ любившій; умоляю васъ, помогите мнѣ хоть однимъ теплымъ словомъ! Если вы не хотите быть у насъ, если не хотите у насъ съ кѣмъ-нибудь встрѣтиться, то завтра попозже въ сумерки, какъ стемнѣетъ, будьте на томъ мѣстѣ, гдѣ мы съ вами гуляли вдвоемъ утромъ, и ждите меня—я найду случай уйти изъ дома.

«Надѣюсь, что у васъ недостанетъ холодности отказать мнѣ въ такой небольшой, но важной для меня услугѣ, хоть, наконецъ, изъ снисхожденія къ моему полу. Помните, что я буду ждать васъ и что мнѣ страшно будетъ возвращаться одной ночью. Письмо сожгите».

Трудно поручиться, достало ли бы у Долинскаго холодности не исполнить просьбу Вѣры Сергѣевны, если бы онъ прочелъ это посланіе; но онъ не читалъ ни одного изъ ея писемъ. Какъ только m-me Бюжаръ подавала ему конвертъ, надписанный рукою Вѣры Сергѣевны, онъ судорожно сминалъ его въ своей рукѣ, уходилъ въ уголъ, тщательно сжигалъ нераспечатанный конвертъ, растиралъ испепелившуюся бумагу и пускалъ пыль за свою оконную форточку. Онъ боялся всего, что можетъ хоть на одно мгновеніе отрывать его отъ думъ, сѣтованій и таинственнаго міра, создаваемаго его мистической фантазіей. Наконецъ, всѣ его оставили. Онъ былъ очень этому радъ. Окончивъ работу, онъ съ восторженностью началъ изучать пророковъ и жилъ совершеннымъ затворникомъ. А тѣмъ временемъ настала осень, получилось разрѣшеніе перевезти гробъ Даши въ Россію и прислали деньги за напечатанную повѣсть Долинскаго, которая въ свое время многихъ поражала своею оригинальностью и носила сильный отпечатокъ душевнаго настроенія автора.

Долинскому приходилось выйти изъ своего заточенія и дѣйствовать.

На другой же день, по полученіи послѣдней возможности отправить тѣло Даши, онъ впервые вышелъ очень рано изъ дома. Выхлопотавъ позволеніе вынуть гробъ и перевезя его

на желѣзную дорогу, Долинскій просидѣлъ самъ цѣлую ночь на пустомъ, отдаленномъ концѣ длинной платформы, гдѣ поставили черный сундукъ, зловѣщая фигура котораго будила въ проходившихъ тяжелое чувство смерти и заставляла ихъ бѣжать отъ этого страннаго багажа.

Долинскій не замѣчалъ ничего этого. Онъ сидѣлъ у сундука, облокотясь на него рукою, и, казалось, очень спокойно отдыхалъ отъ дневныхъ хлопотъ и бѣготни по поводу перевозки. На дворѣ совсѣмъ меркло; мимо платформы торопливо проходили къ домамъ разные рабочіе люди; прошло нѣсколько дѣвушекъ, которыя съ ужасомъ и съ любопытствомъ взглядывали на мрачный сундукъ и на одинокую фигуру Долинскаго, и вдругъ сначала шли удвоеннымъ шагомъ, а потомъ бѣжали, кутая свои головы широкими коричневыми платками и путаясь въ длинныхъ юбкахъ платьевъ. Еще позже забѣжало нѣсколько рѣзвившихся послѣ ужина мальчиковъ, и эти глянули и, забывъ свои крики, какъ бы по сигналу, молча ударились во всю мочь въ сторону. Ночь спустилась; заря совсѣмъ погасла и кругомъ все окутала темная мгла; на темно-синемъ небѣ не было ни звѣздочки, въ тихомъ воздухѣ ни звука.

Откуда-то прошла большая лохматая собака съ недоглоданною костью и, улегшись, взяла ее между передними лапами. Слышно было, какъ зубы стукнули о кость и какъ треснулъ оторванный лоскутъ мяса, но вдругъ собака потянула чутьемъ, глянула на черный сундукъ, быстро вскочила, взвизгнула, зарычала тихонько и со всѣхъ ногъ бросилась въ темное поле, оставивъ свою недоглоданную кость на платформѣ.

Когда рано утромъ тронулся поѣздъ, взявшій съ собою тѣло Доры, Долинскій спокойно поклонился ему вслѣдъ до самой до земли и еще спокойнѣе побрелъ домой.

Распорядясь такимъ образомъ, Долинскій часу въ одиннадцатомъ отправился къ Онучинымъ. Неожиданное появленіе его всѣхъ очень удивило, Долинскій также могъ бы здѣсь кое-чему удивиться.

Кирилла Сергѣевича онъ засталъ за газетами на террасѣ.

— Батюшки мои! Вы ли это, Несторъ Игнатьичъ?— вскричалъ добродушный ботаникъ, подавая ему обѣ свои руки.—Вѣра!

— Ну,—послышалось лѣниво изъ залы.

— Несторъ Игнатычъ воскресъ и является.

Изъ залы не было никакого отвѣта и никто не показывался.

— Я принесъ вамъ мой долгъ, Кириллъ Сергѣичъ. Сколько я вамъ долженъ?—началъ Долинскій.

— Позвольте, пожалуйста! Что это, въ самомъ дѣлѣ, такое? годъ пропадаетъ и чуть перенесъ ногу, сейчасъ ужъ о долгѣ.

— Тороплюсь, Кириллъ Сергѣичъ.

— Куда это?

— Я сегодня ѣду.

— Какъ ѣдете!

— То-есть уѣзжаю. Совсѣмъ уѣзжаю, Кириллъ Сергѣичъ.

— Батюшки свѣты! Да надѣюсь, хоть пообѣдаете же вѣдь вы съ нами?

— Нѣтъ, не могу... у меня еще дѣла.

Ботаникъ посмотрѣлъ на него удивленными глазами, дескать: «а должно-быть ты, братъ, скверно кончишь», и вынулъ изъ кармана своего пиджака записную книжечку.

— За вами всего тысяча франковъ,—сказалъ онъ, перечеркивая карандашомъ страницу.

Долинскій досталъ изъ бумажника вексель на банкирскій домъ и нѣсколько наполеондоровъ и подалъ ихъ Онучину.

— Большое спасибо вамъ,—сказалъ онъ, сжавъ при этомъ его руку.

— Постойте же; вѣдь все же, думаю, захотите, по крайней мѣрѣ, проститься съ сестрою и съ матушкой?

— Да, какъ же, какъ же, непремѣнно,—отвѣчалъ Долинскій.

Онучинъ пошелъ съ террасы въ залу, Долинскій за нимъ.

Въ залѣ, въ которую они вошли, стоялъ у окна какой-то пожилой господинъ съ волосами, крашеными въ свѣтло-русую краску, и нѣмецкимъ лицомъ, и съ нимъ Вѣра Сергѣевна. Пожилой господинъ сіялъ самою благопріятною улыбкою и, стоя передъ m-lle Онучиной лицомъ къ окну, разсказывалъ ей что-то такое, что, судя по утомленному лицу и разсѣянному взгляду Вѣры Сергѣевны, не только нимало ее не интересовало, но, напротивъ, нудило ее и раздражало. Она стояла прислонясь къ косяку окна, и, сложивъ руки на груди, безучастно смотрѣла по комнатѣ. Подъ глазами Вѣры Сергѣевны были два большія синева-

тыя пятна, и ея живое, задорное личико нѣсколько затуманилось и поблѣднѣло.

Она взглянула на Долинскаго весьма холодно и едва кивнула ему головою въ отвѣтъ на его привѣтствіе.

— Баронъ фонъ-Якобовскій и г. Долинскій,—отрекомендовалъ Кириллъ Сергѣевичъ другъ другу пожилого господина и Долинскаго.

Баронъ фонъ-Якобовскій раскланялся очень въ мѣру и очень въ мѣру улыбнулся.

— Членъ русскаго посольства въ N..—произнесъ вполголоса Онучинъ, проходя съ Долинскимъ черезъ гостиную въ кабинетъ матери.

Серафима Григорьевна сидѣла въ большомъ мягкомъ креслѣ, съ лорнетомъ въ рукѣ, читала новый нумеръ парижскаго L'Union Chrétienne.

— Ахъ, Несторъ Игнатьичъ!— воскликнула она очень радушно.—Мы васъ совсѣмъ было ужъ и изъ живыхъ выключили. Садитесь поближе; ну, что? Ну, какъ вы нынче въ своемъ здоровьѣ?

Долинскій поблагодарилъ за вниманіе, присѣлъ около хозяйкинаго кресла и у нихъ пошелъ обыкновенный полуформенный разговоръ.

— А у насъ есть маленькая новость,— сказала, наконецъ, тихонько улыбаясь, Серафима Григорьевна.—Съ вами, какъ съ нашимъ добрымъ другомъ, мы можемъ и подѣлиться, потому что вы ужъ вѣрно порадуетесь съ нами.

Долинскій никакъ не могъ понять, какимъ случаемъ онъ попалъ въ добрые друзья къ Онучинымъ; но, глядя на счастливое лицо старухи, предлагающей открыть ему радостную семейную вѣсть, довольно низко поклонился и сказалъ какое-то приличное обстоятельствамъ слово.

— Да, вотъ, нашъ добрый Несторъ Игнатьичъ, наша Вѣрушка дѣлаетъ очень хорошую партію,—произнесла Серафима Григорьевна.

— Выходитъ замужъ Вѣра Сергѣевна?

— Да, выходитъ. Это еще наша семейная тайна, но ужъ мы дали слово. Вы видѣли барона фонъ-Якобовскаго?

— Да, насъ сейчасъ познакомилъ Кириллъ Сергѣичъ.

— Вотъ это ея женихъ! Какъ видите, онъ еще très galant, et tout ça... уменъ, принадлежитъ къ обществу и членъ посольства. Вѣра будетъ имѣть въ свѣтѣ очень хорошее положеніе.

— Да, конечно,—отвѣчалъ Долинскій.

— Вы знаете, онъ лифляндскій баронъ.

— Гм!

— Да, у него тамъ имѣніе около Риги. Они вѣдь, эти лифляндцы, знаете, не такъ, какъ мы русскіе; мы все ѣдимъ другъ-друга да мараемъ, а они лѣсенкой.

— Да, это такъ.

— Лѣсенкой, лѣсенкой, знаете. Одинъ за другимъ цапъ-царапъ, цапъ-царапъ—и всѣ наверху.

Долинскій, въ качествѣ добраго друга, сколько умѣлъ, порадовался семейному счастью Онучиныхъ и сталъ прощаться со старушкой. Несмотря на всѣ просьбы Серафимы Григорьевны, онъ отказался отъ обѣда.

— Ну, Богъ съ вами, если не хотите съ нами проститься какъ слѣдуетъ.

— Ей-Богу, не могу, тороплюсь,—извинялся Долинскій.

Старушка положила на столъ нумеръ L'Union Chrétienne и пошла проводить Долинскаго.

— Вы къ намъ зимою въ Петербургѣ заходите, — говорила необыкновенно счастливая и веселая старуха, когда Долинскій пожалъ въ залѣ руку Вѣры Сергѣевны и пробурчалъ ей какое-то поздравленіе. — Мы вамъ всегда будемъ рады.

— Мы принимаемъ всѣхъ по четвергамъ, — сухо проговорила Вѣра Сергѣевна.

— Да и такъ запросто когда-нибудь, — звала Серафима Григорьевна.

Долинскій раскланялся, скользнулъ за двери и на улицѣ вздохнулъ свободно.

— Очень жалкій человѣкъ, — говорила барону фонъ-Якобовскому умиленная ниспосланной ей благодатью Серафима Григорьевна вслѣдъ за ушедшимъ Долинскимъ. — Былъ у него какой-то романъ съ довольно простой дѣвушкой, онъ схоронилъ ее и вотъ никакъ не утѣшится.

— Онъ такъ и смотритъ влюбленнымъ въ луну, — отвѣчалъ, въ мѣру улыбаясь, баронъ фонъ-Якобовскій.

Вѣра Сергѣевна не принимала въ этомъ разговорѣ никакого участія, лицо ея попрежнему оставалось холодно и гордо, и только въ глазахъ можно было подмѣтить слабый свѣтъ горечи и досады на все ее окружающее.

Вѣра Сергѣевна выходила замужъ не то, чтобы насильно, но и не своей охотой.

Долинскій, возвратясь домой, засталъ свои чемоданы совершенно уложенными и готовыми. Не снимая шляпы и пальто, онъ дружески расцѣловалъ m-me Бюжаръ и уѣхалъ на желѣзную дорогу за два часа до отправленія поѣзда.

— Вы въ Петербургъ? — спрашивала его, совсѣмъ прощаясь, madame Бюжаръ.

Долинскій какъ будто не разслышалъ и вмѣсто отвѣта крикнулъ:

— Adieu, madame.

Въ ожиданіи поѣзда, онъ, въ тревожномъ раздумьѣ, бѣгалъ по пустой платформѣ амбаркадера, останавливался, фралея за лобъ, и какъ только открылась касса для перваго очереднаго поѣзда, взялъ мѣсто въ Парижъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Батиньельскія голубятни.

Несторъ Игнатьевичъ въ Парижѣ поселился въ крошечной комнаткѣ пятаго этажа одного большого дома въ Батиньелѣ. Занятое имъ помѣщеніе было далеко не изъ роскошныхъ и не изъ комфортабельныхъ. Вся комнатка Долинскаго имѣла около четырехъ аршинъ въ квадратѣ, съ однимъ небольшимъ, высокопродѣланнымъ окномъ и неуклюжимъ дымящимъ каминомъ, на которомъ, вмѣсто необходимыхъ часовъ съ бронзовымъ пастушкомъ, пренеловко растегивающимъ корсетъ своей бронзовой пастушки, одиноко торчалъ молящійся гипсовый амуръ, весь немилосердно засиженный мухами. Меблировка этой комнаты состояла изъ небольшого круглаго столика, кровати съ дешевыми ситцевыми занавѣсами, какого-то историческаго комода, на которомъ было выцарапано: Beuharnais, Oginsky, Podwysocky, Ian, nalit wody w zban, и многое множество другихъ историческихъ и неисторическихъ именъ, болѣе или менѣе удачно и тщательно произведенныхъ гвоздемъ и рукою скучавшаго и, вѣроятно, нищенствовавшаго жильца. Кромѣ этихъ вещей, въ комнатѣ находилось три кресла: одно — временъ Лудовика XIV (это было самое удобное), одно — временъ первой республики и третье — временъ нынѣшней имперіи. Послѣднее было кресло дешевое, простой базарной работы и могло стоять только будучи при-

ставленнымъ въ уголъ, ибо всѣ его ножки давнымъ-давно шатались и расползались въ разныя стороны. Зато все это обходилось неимовѣрно дешево. Цѣлая такая комната, съ креслами трехъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ французской государственной жизни, съ водой и прислугой (которой, впрочемъ, de facto не существовало), отдавалась за пятнадцать франковъ въ мѣсяцъ. Такихъ каморокъ, по сторонамъ довольно широкаго и довольно длиннаго коридора, едва освѣщавшагося по концамъ двумя полукруглыми окнами, было около тридцати. Каждая изъ нихъ была отдѣлена одна отъ другой дощатою, или пластинною, толсто оштукатуренными перегородками, черезъ которую, однако, можно было свободно постучать и даже покричать своему сосѣду. Обитателями этихъ покоевъ были люди самые разнокалиберные; но все-таки можно сказать, что преимущественно здѣсь обитали швеи, цвѣточницы, вообще молодыя, легко смотрящія на тяжелую жизнь, дѣвушки и молодые, а иногда и не совсѣмъ молодые, даже иногда и совсѣмъ старые люди, самыхъ разнообразныхъ профессій. На каждой изъ сѣрыхъ дверей этихъ маленькихъ конурокъ грязноватою желтою краскою написаны подъ-рядъ свои нумера, а на нѣкоторыхъ есть и другія надписи, сдѣланныя просто кускомъ мѣла. Послѣднія надписи бываютъ *постоянныя*, красующіяся иногда цѣлые мѣсяцы, и *временныя*, появляющіяся и исчезающія въ одинъ и тотъ же день, въ который появляются. Очень рѣдко случается, что подобная надпись переживаетъ сутки и никогда двухъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ мѣловыя начертанія, гласящія: «Cécile», «Pélagie», «Mathilde», la couturière, «Psyché», «Nymphe des bois», «Pol et Pepol», «Anaxagou— étudiant», «Le petit Mathusalem» или: «Frappez fort s'il vous plait!» и т. п.

Временныя же, преимущественно однодневныя надписи, болѣе все въ слѣдующемъ родѣ: «Je n'ai point d'habit», «Cela est probable», «J'en suis furieux!!!» (внизу неимовѣрный вензель), «Pouvez-vous me dire, où il demeure?» (опять вензель, или четная буква), «Je crains, que la machine ne sorte des rails», «Nous serons revenus de bonne heure», и т. п. Иногда на дверяхъ отсутствующей хозяйки являются надписи и болѣе прямого значенія, напримѣръ, подъ именемъ какой-нибудь швеи Клемансъ и цвѣточницы

Арно, вдругъ въ одинъ прекрасный день является вопросъ: «Pouvez-vous nous loger pour cette nuit?» подписано «F. et R.» или: «Je n'ai presque rien mangé depuis deux jours.— Que faire?»

На дверяхъ комнаты, занятой Долинскимъ, стояло просто «№ 11», и ничего болѣе. Съ правой стороны на дверяхъ подъ № 12 было написано еще «Marie et Augustine—gantières», а съ лѣвой подъ № 10—«Népomucène Zaionczek—le prêtre».

Въ жилищахъ этого рода, сосѣди по комнатѣ имѣютъ для каждаго жильца свое и даже весьма немаловажное значеніе. Вообще веселый, непретендательный, ссудливый сосѣдъ, не успѣетъ водвориться, какъ снискиваетъ себѣ доброе расположеніе своихъ ближайшихъ сосѣдей и особенно сосѣдокъ, изъ которыхъ одна, а иногда и двѣ непремѣнно разсчитываютъ въ самомъ непродолжительномъ времени (иногда даже съ перваго же дня) сдѣлаться его любовницей. Зато плохой, вздорливый и придирчивый сосѣдъ — чистое несчастье. Сами гризеты чаще всего начинаютъ бояться такихъ господъ, избѣгаютъ съ ними встрѣчи и даютъ имъ разныя ядовитыя клички; но выжить строптиваго жильца «изъ коридора» гризеты никакъ не сумѣютъ. Это удается только тогда, если «весь коридоръ» обозлится (что бываетъ довольно рѣдко), или если строптивый человѣкъ надоѣстъ ближайшимъ своимъ сосѣдямъ изъ студентовъ.

Перчаточницы Augustine и Marie были молодыя, веселыя, безпечныя дѣвочки, бѣгавшія за работой въ улицу Loret и распѣвавшія дома съ утра до ночи скабрезныя пѣсенки непризнанныхъ поэтовъ Латинскаго квартала. Объ эти дѣвочки были очень хорошенькія и очень хорошія особы, съ которыми можно было прожить цѣлую жизнь въ отношеніяхъ самыхъ пріятельскихъ, если бы не было очевидной опасности, что пріязнь скоро перейдетъ въ чувство болѣе теплое и грѣшное. Marie и Augustine были тоже очень довольны своимъ «одиннадцатымъ нумеромъ», но только съ одной стороны. Имъ очень нравилась его скромность, услужливость, готовность подѣлиться кофе, сыромъ, хлѣбомъ и т. п. Но что это былъ за сосѣдъ, съ которымъ ни пойти, ни поѣхать, ни посидѣть вмѣстѣ, который не позоветъ ни къ себѣ, ни самъ не придетъ поболтать? «Un ours», прозвали его гризеты, и очень часто на него дулись. Но, не-

смотря на нелюдимость Долинскаго, и Augustine, и Marie, и даже всѣ другія жилицы коридора со второго же дня появленія его здѣсь положили, что онъ bon homme и что его надо приласкать—даже непремѣнно надо.

Зато № 10, m-r le prêtre Népomucène Zaionczek, давно стоялъ поперекъ горла рѣшительно всѣмъ своимъ ближайшимъ сосѣдямъ. Это былъ несносный, желчный старикъ съ сѣрыми, сухими глазами, острымъ, выдающимся впередъ подбородкомъ и загнутыми внизъ углами губъ. Гризеты называли его «полиціймейстеромъ» и отворачивались отъ него какъ только онъ показывался въ коридорѣ. M-r le prêtre Zaionczek обыкновенно сидѣлъ дома. Онъ выходилъ только два, много три раза въ недѣлю въ существующую на Батиньелѣ польскую школу и разъ вечеромъ въ воскресенье ѣздилъ на омнибусѣ куда-то къ St.-Sulpice. Все остальное время онъ проводилъ въ своей комнаткѣ и постоянно или читалъ, или дѣлалъ какія-то выписки. Его посѣщали здѣсь довольно странные люди и нѣсколько пышныхъ грандіозныхъ дамъ, которыхъ онъ провожалъ, называя графинями и княгинями. Сосѣдями Zaionczeka было замѣчено, что всѣ его гости были исключительно поляки и польки. Личность и положеніе Заіончека возбуждали вниманіе и любопытство всѣхъ голубей и голубокъ этой парижской голубятни, но никто не имѣлъ этого любопытства настолько, чтобы упорно стремиться къ уясненію, что, въ самомъ дѣлѣ, за птица этотъ m-r le prêtre Zaionczek и что такое онъ дѣлаетъ, зачѣмъ сидитъ на этомъ батиньельскомъ чердакѣ? Давно, еще вскорѣ за тѣмъ, какъ Заіончекъ здѣсь поселился, кто-то болтнулъ вдругъ, что m-r le prêtre Zaionczek гадатель, что онъ отлично гадаетъ на картахъ и можетъ предсказать все, за сколько вамъ угодно лѣтъ впередъ. Нѣсколько человѣкъ повторили эту тонкую догадку и къ вечеру того же дня, двѣ или три гризеты, трясясь и замирая, собирались идти и попросить суроваго Заіончека погадать имъ о запропавшихъ любовникахъ. Но вдругъ разнеслась вѣсть, что Monsieur le professeur Grélot, который живетъ здѣсь на голубятнѣ уже болѣе трехъ лѣтъ и котораго всѣ гризеты называютъ grand papa и считаютъ своимъ оракуломъ, выслушавъ явившееся насчетъ Заіончека соображеніе, сомнительно покачалъ головою. Всѣ тотчасъ тоже сами покачали головами и съ тѣхъ поръ вовсе оставили добиваться, что

такое этотъ загадочный m-r le prêtre, а продолжали называть его попрежнему «полиціймейстеромъ». Это названіе желчный старикъ получилъ потому, что его сварливый характеръ и привычка повелѣвать не давали ему покоя и на батиньельскомъ чердакѣ. Чуть только гдѣ-нибудь по сосѣдству къ его номеру, послѣ десяти часовъ вечера слышался откуда-нибудь веселый разговоръ, смѣхъ, или хотя самый ничтожный шумъ, m-r le prêtre выходилъ въ коридоръ со свѣчою въ рукѣ, неуклонно текъ къ двери, изъ-за которой раздавались голоса, и, постучавъ своими костлявыми пальцами, грозно возглашалъ: «Ne faites point tant de bruit!» и затѣмъ держалъ столь же мѣрное теченіе къ своему номеру, съ полною увѣренностью, что обезпокоившій его шумъ непремѣнно прекратится. И шумъ, точно, прекращался. Съ жильцами этой батиньельской вершины, m-r le prêtre не имѣлъ никакого сообщества, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ тутъ поселился, отъ него никто не слыхалъ болѣе, кромѣ: «Ne faites point de bruit». Въ комнатѣ Заіончека тоже никто изъ здѣшнихъ жильцовъ никогда не былъ и комната эта была предметомъ постояннаго любопытства, потому что madame Vache, единственная слуга и надзирательница этой вышки, разсказывала объ этой комнатѣ что-то столь заманчивое, что у всѣхъ почти одновременно родилось непобѣдимое желаніе взглянуть на чудеса этого неприступнаго покоя. Нѣкоторыми отчаянными смѣльчаками обоего пола (по преимуществу прекраснаго) съ тѣхъ поръ было предпринято нѣсколько очень обдуманныхъ экспедицій съ спеціальною цѣлію осмотрѣть полиціймейстерскую берлогу, но всѣ эти попытки обыкновенно оставались совершенно безуспѣшными. Въ присутствіи Заіончека объ этомъ невозможно было и думать, потому что нѣсколькихъ дерзкихъ, являвшихся къ нему попросить взаймы свѣчи или спичекъ, онъ, не открывая двери, безъ всякой церемоніи посылалъ прямо къ какому-нибудь крупному чорту, или разомъ ко сто тысячамъ рядовыхъ дьяволовъ. А уходя изъ дому, Заіончекъ постоянно уносилъ ключъ съ собою. Любопытные видали въ замочную скважину: дорогой варшавскій коверъ на полу этой комнаты; окно, задернутое зеленою тафтяною занавѣскою, большой черный крестъ съ бѣлымъ изображеніемъ распятаго Спасителя и низенькій налой краснаго дерева, съ зеленою бархатною подушкой

внизу и большою развернутою книгою на верхней наклонной доскѣ.

Въ существѣ комната Заіончека и не имѣла ничего необыкновеннаго. Конечно, сравнительно она была очень недурно меблирована, застлана мягкимъ ковромъ, увѣшана картинами, всегда чисто убрана и далеко превосходила прохладныя и пустоватыя каморки другихъ бѣдныхъ жильцовъ голубятни, но все-таки она далеко не могла оправдать восторженныхъ описаній madame Vache.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Батиньельскіе отшельники.

Долинскій, поселившись на Батиньелѣ, разсчитывалъ здѣсь найти болѣе покоя, чѣмъ въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ онъ могъ бы жить при своихъ скудныхъ средствахъ, о восполненіи которыхъ нимало не намѣренъ былъ много заботиться.

Съ самаго пріѣзда въ Парижъ онъ не повидался ни съ однимъ изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ, а прямо занялъ одиннадцатый нумеръ между Заіончекомъ и двумя хорошенькими перчаточницами, и засѣлъ въ этой комнатѣ почти безвыходно. Несторъ Игнатьевичъ не писалъ изъ своего убѣжища никакихъ писемъ никому и самъ ни отъ кого не получалъ ни строчки. Выходилъ онъ иногда въ недѣлю разъ, иногда разъ въ мѣсяцъ и всегда возвращался съ какою-нибудь новою книгою. Каждый его выходъ всегда значилъ ни болѣе, ни менѣе, что новая книга прочитана и потребовалась другая. M-r le prêtre Zaionczek, встрѣтясь два или три раза съ своимъ новымъ сосѣдомъ, посмотрѣлъ на него самымъ недружелюбнымъ образомъ. Казалось, Заіончекъ досадовалъ, что Долинскій такъ долго лишаетъ его удовольствія хоть разъ закричать у его дверей:

— Ne faites pas de bruit.

Изъ ближайшихъ сосѣдей Нестора Игнатьевича короче другихъ его знали m-lle Augustine и Marie, но и m-lle Augustine скоро перестала обращать на него всякое вниманіе и занялась другимъ сосѣдомъ-студентомъ, помѣстившимся въ № 13, и только одинокая Marie никакъ не могла простить Долинскому его невниманія. Она часто стучалась къ нему вечерами, находя что-нибудь попросить или возвратить. Всегда она находила ласковый отвѣтъ, услужливость

и болѣе ничего. Marie выходила нѣсколько разъ, оглядываясь и поводя своими говорящими плечиками; Долинскій оставался спокойнымъ и протягивалъ руку къ оставленной книгѣ.

— Что̀ это вы читаете, добрый сосѣдъ? — спрашивала иногда Marie и, любопытствуя, смотрѣла на корешокъ книги. Тамъ всегда стояло что-нибудь въ такомъ родѣ: «La religion primitive des Indo-Europeens par m-r Flotard», или «Bible populaire», или что-нибудь такое же.

M-lle Marie терялась, что̀ это за удивительный экземпляръ, этотъ ея смирный сосѣдъ.

— Ну, что твой баккалавръ? — освѣдомлялась иногда у нея, возвращаясь изъ тринадцатаго нумера, m-lle Augustine.

— Rien,—отвѣчала, кусая губки, Marie.

— Tiens! — презрительно восклицала недоумѣвающая m-lle Augustine.

— Ничего онъ не сто̀итъ, — порѣшила, наконецъ, m-lle Marie и дала себѣ слово перестать думать о сосѣдѣ и найти кого-нибудь другого.

— Онъ вѣрно совсѣмъ глупъ, — говорила она, жалуясь подругѣ.

— C'est vrai, — небрежно отвѣчала Augustine, занятая своею новою любовью въ тринадцатомъ нумерѣ.

Въ одну темную осеннюю ночь, когда въ коридорѣ была совершенная тишина, въ дверь у перчаточницъ кто-то тихонько постучался. Marie, ночевавшая одна на двуспальной постели, которою онѣ владѣли изъ-полу съ своей подругой, приподнялась на локотокъ и тихонько спросила:

— Qui va là?

— C'est moi, — отвѣчалъ такъ же тихо голосъ изъ-за дверей.

— Mais quel moi donc?

— Mais puisque je vous repète que c'est moi, votre voisin du numéro onze.

— Tiens! — прошептала про себя Marie и, лукаво разсмѣявшись съ соблюденіемъ всякой тишины, отвѣчала:

— Mais je suis au lit, monsieur!.. Que désirez-vous?.. Qu'y a-t-il à votre service?

— Une allumette, mademoiselle,—тихо отвѣчалъ Долинскій. — Уронилъ мой ключъ и не могу его отыскать безъ огня.

— Un brin de feu?

— Oui, une allumette, s'il vous plait.

Marie еще сердечнѣе разсмѣялась, откинула крючокъ и, впустивъ сосѣда, снова кувыркнулась въ свою постельку.

— Спички тамъ на комодѣ,—произнесла она, лукаво выглядывая однимъ смѣющимся глазкомъ изъ-подъ одѣяла.

Долинскій поискалъ на каминѣ спичекъ, взялъ коробочекъ, поблагодарилъ сосѣдку и, не смотря на нее, пошелъ къ двери.

M-lle Marie быстро вскочила.

— Это чортъ знаетъ что такое! — крикнула она вспыльчиво вслѣдъ Долинскому.

— Что?—спросилъ онъ, остановясь.

— Нужно быть глупѣе доски, чтобы входить ночью въ комнату женщины съ желаніемъ получить одну зажигательную спичку.

Долинскій, ни слова не отвѣчая, тихо притворилъ двери.

M-lle Marie сердито щелкнула крючкомъ, а Долинскій, несмотря на поздній часъ ночи, усѣлся у себя за столикомъ со вновь принесенною книгою. Это была одна изъ брошюръ о Юмѣ.

Прошло мѣсяца три; на батиньельскихъ вершинахъ все шло попрежнему. Единственная перемѣна заключалась въ томъ, что pigeon изъ тринадцатаго нумера прискучилъ любовью бѣдной Augustine и оставленная colombine, написавъ на дверяхъ измѣнника, что онъ «свинья, уродъ и мерзавецъ», стала спокойно встрѣчаться съ замѣнившею ее новою подругою тринадцатаго нумера и спала у себя съ m-lle Marie.

Одинъ разъ Долинскій возвращался домой часу въ пятомъ самаго ненастнаго зимняго дня. Холодный мелкій дождикъ, вперемежку съ ледянистой мглою и маленькими хлопочками мокраго снѣга, пробили его насквозь, пока онъ добрался на имперіалѣ омнибуса отъ rue de Saine, изъ Латинскаго квартала, до своихъ батиньельскихъ вершинъ.

Спустясь по осклизшимъ трехпогибельнымъ ступенямъ съ имперіала, Долинскій торопливо пробѣжалъ двѣ улицы и сталъ подниматься на свою лѣстницу. Онъ очень озябъ въ своемъ сильно поношенномъ пальтишкѣ и дрожалъ; подъ мышкой у него было нѣсколько книгъ и брошюръ, плохо увернутыхъ въ газетную бумагу.

На лѣстницѣ Долинскій обогналъ Заіончека и, не обращая на него вниманія, бѣжалъ далѣе, чтобы скорѣе развести у себя огонь и согрѣться у камина. Второпяхъ онъ не замѣтилъ, какъ у него изъ-подъ руки выскользнули и упали двѣ книжки. M-r le prêtre Zaionczek не спѣша поднялъ эти книги и не спѣша развернулъ ихъ. Обѣ книги были польскія: одна «Historja Kosciola Ruskiego, Ksiedza Fr. Gusty» (исторія русской церкви, сочиненная католическимъ священникомъ Густою), а другая—мистическія бредни Тавянскаго, извѣстнѣйшаго мистика, имѣвшаго столь печальное вліяніе на прекраснѣйшій умъ Мицкевича и давшаго совершенно иное направленіе послѣдней дѣятельности поэта.

M-r le prêtre Zaionczek взялъ обѣ эти книги и, держа ихъ въ рукѣ, постучалъ въ двери Долинскаго.

— Entrez,—отозвался Несторъ Игнатьевичъ.

Вошелъ m-r le prêtre Zaionczek.

— To ksiegi pana dobrodzieja?—спросилъ онъ Долинскаго по-польски.

— Мои; очень вамъ благодаренъ,—отвѣчалъ кое-какъ на томъ же языкѣ давно отвыкшій отъ него Долинскій.

— Вы занимаетесь религіозною литературой?

— Да... такъ... немного,—отвѣчалъ, нѣсколько конфузясь, Долинскій.

— Пусть вамъ поможетъ Богъ, — говорилъ, сжимая его руку, Заіончекъ, и добавилъ: — жатвы много, а дѣтей мало есть.

Съ этихъ поръ началось знакомство Долинскаго съ Заіончекомъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Новое масло въ плошку.

M-r le prêtre, по отношенію къ своему новому знакомству, явился совсѣмъ не такимъ, какимъ онъ былъ ко всѣмъ прочимъ жильцамъ вышки. Онъ самъ предложилъ Долинскому нѣсколько рѣдкихъ книгъ, и, столкнувшись съ нимъ однажды вечеромъ у своей двери, попросилъ его зайти къ себѣ. Долинскій не отказался, и только-что они вошли въ комнату Заіончека, дававшую всѣмъ чувствовать, что здѣсь живетъ католическая духовная особа, какъ въ двери постучался новый гость. Это была съ головы до ногъ закутан-

пая въ бархатъ и кружева молодая, высокая дама съ очень красивымъ лицомъ, несомнѣнно польскаго происхожденія. Она только-что переступила порогъ, какъ сложила на груди свои античныя руки, преклонила колѣна и произнесла:

— Niech bedzie pochwlony Iezus Christus.

— Na wieki wieków, Amen,—отвѣтилъ Заіончекъ и подалъ дамѣ руку.

Та встала, поцѣловала руку Заіончека, подняла къ небу свои большіе голубые глаза, полные благоговѣйнаго страха, и сказала:

— Я на минуту къ вамъ, мой отецъ.

Долинскій хотѣлъ выйти. M-r le prêtre ласково его удержалъ за руку и еще ласковѣе сказалъ:

— Мои добрыя дѣти никогда не мѣшаютъ другъ другу.

Попавшій въ число добрыхъ дѣтей Заіончека Долинскій остался.

Пышная дама заговорила по-итальянски о какомъ-то семейномъ горѣ.

Долинскій старался не слушать этого разговора.

Онъ подошелъ къ этажеркѣ и разсматривалъ книги Заіончека. Прежде всего ему попалась въ руки «Dictionnaire des missions catholiques, Lacroix et Dzunkowskoy»; Долинскій взялъ другую книгу. Это была: «Histoire diplomatique des conclaves depuis Martin V jucqu'à Pie IX, Petrugelli de la Gatina». Далѣе онъ развернулъ большое in-folio «Acta Sanctorum». На столѣ лежалъ развернутый IV томъ этой книги: Ioannes Rollandus, Godefridus Stenschenius, Societatis Iesu theologi.

Пока Долинскій перелистывалъ эту книгу, приводя себѣ на память давно забытое значеніе многихъ латинскихъ словъ, дама стала прощаться съ Заіончекомъ.

— Тотъ, кто доводитъ тебя до этого, большее наказаніе пріиметъ и рука Провидѣнія давно тебя благословила,—говорилъ, напутствуя ее, m-r le prêtre, держащійся, какъ видно, съ Провидѣніемъ совсѣмъ za panibrata.

Дама опять поцѣловала руку Заіончека.

— Прощайте, дочь моя,—отвѣчалъ ласково суровый m-r le prêtre и пошелъ провожать свою восхитительно-прекрасную дочь.

Долинскій попалъ въ самый центръ польскихъ мистиковъ. Это общество жило въ Парижѣ очень разсѣянно, всѣ члены

ихъ въ насмѣшку назывались «Tawianczykami» отъ имени того же извѣстнаго мистика Тавянскаго, котораго они считались послѣдователями. *Тавянчиковъ* считалось довольно много въ Парижѣ; они имѣли здѣсь свои собранія и своихъ представителей, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ m-r le prêtre Zaionczek. Іезуиты смотрѣли на этихъ «тавянчиковъ» довольно снисходительно, и даже, кажется, дружелюбно. Нѣкоторые полагали, что парижскіе іезуиты одно время даже надѣялись найти въ Tawianczykach нѣкоторое противодѣйствіе противъ пугающаго святыхъ отцовъ матеріализма. Но Tawianczyki вообще не оправдали этихъ надеждъ «общества Іисусова», или, по крайней мѣрѣ, оправдали его въ самой незначительной мѣрѣ. «Tawianczyki» не распустили сильныхъ вѣтвей никуда далѣе Парижа, и даже не нашли сочувствія въ самой Польшѣ. Среди парижскихъ тавянчиковъ встрѣчались большею частію старички и женщины (молодыя и старыя), нерѣдко принадлежащія къ самымъ лучшимъ польскимъ фамиліямъ. Между передовыми послѣдователями Тавянскаго встрѣчались люди довольно странные, въ мистическомъ тавянизмѣ которыхъ нерѣдко сквозило что-то іезуитское. Таковъ, между многими подобными, былъ извѣстный намъ m-r le prêtre Zaionczek, эмигрантъ, появившійся между парижскими тавянчиками откуда-то съ Волыни и въ самое короткое время получившій у нихъ весьма большое значеніе. Былъ ли m-r le prêtre Zaionczek дѣйствительно такимъ мистикомъ, какимъ онъ представлялся, или это съ его стороны было одно притворство, рѣшить было невозможно. Онъ съ глубокою задушевностью говорилъ о своихъ мистическихъ вѣрованіяхъ, состоялъ въ непосредственныхъ отношеніяхъ съ замогильнымъ міромъ, и въ то же время негласно основалъ въ Парижѣ «Союзъ христіанскаго братства». Члены это союза едва ли понимали что-нибудь о цѣли своего соединенія. Союзъ этотъ состоялъ изъ избранныхъ Заіончекомъ представителей всѣхъ христіанскихъ исповѣданій. Тутъ были: французы, англичане, испанцы, поляки, чехи (въ качествѣ представителей непризнаннаго гуссизма), итальянцы и даже русскіе-уніаты. Собранія союза обыкновенно происходили по вечерамъ въ воскресенье, близъ St.-Sulpice, въ домѣ самой рьяной тавянистки, княгини Голензовской, той самой дамы, которую мы видѣли у Заіончека. Члены союза со-

бирались въ особой комнатѣ, обитой съ потолка до низу тонкимъ чернымъ сукномъ съ бѣлыми атласными карнизами по панелямъ. На стѣнѣ вверху, прямо противъ входа, была вышита гладью бѣлымъ шелкомъ большая мертвая голова съ крупною латинскою надписью: «Memento mori!» Посреди комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый чернымъ сукномъ съ бѣлыми каймами и бѣлою же бахромою. По угламъ этой траурной скатерти опять были вышиты бѣлымъ мертвыя головы и вокругъ надъ всею каймою какія-то латинскія изреченія. Около этого стола стояли тяжелыя дубовыя скамейки и въ одномъ концѣ высокое рѣзное кресло съ твердымъ, ничѣмъ не покрытымъ сидѣньемъ, а возлѣ него въ ногахъ маленькая деревянная скамеечка. На рѣзномъ креслѣ было мѣсто Заіончека, въ ногахъ у него на низенькой деревянной скамейкѣ садилась прекрасная хозяйка дома, а на скамьяхъ размѣщались члены.

Познакомясь съ Долинскимъ и открывъ въ немъ сильное мистическое настроеніе, m-r le prêtre Zaionczek умѣлъ очень искусно расшевелить его больныя раны и овладѣть его слабымъ духомъ.

— Не желалъ бы я врагу человѣчества такого внутренняго состоянія, каково должно быть твое,—сказалъ ему Заіончекъ, незамѣтно выпытавъ у него грызущую его тайну.

— Молись, молись; будемъ вмѣстѣ молиться за тебя,—говорилъ онъ Долинскому.

— Ты крѣпко вѣришь въ загробную жизнь? — спрашивалъ онъ сотый разъ Долинскаго и, получая въ сотый разъ утвердительный отвѣтъ, говорилъ:—вѣрь, сынъ мой, и вѣрь, что между нами и тѣми, которые отошли отъ насъ, не порваны связи самаго тѣснаго общенія.

По цѣлымъ вечерамъ Заіончекъ разсказывалъ разстроенному Долинскому самые картинные образцы таинственнаго общенія замогильнаго міра съ міромъ живущимъ и довелъ его больную душу до самаго высокаго мистическаго настроенія. Долинскій считалъ себя первымъ грѣшникомъ въ мірѣ и незамѣтно начиналъ ощущать себя въ такомъ близкомъ общеніи съ таинственными существами иного міра, въ какомъ высказывалъ себя самъ Заіончекъ.

Достигнувъ такого вліянія на Долинскаго, Заіончекъ сообщилъ ему о существованіи въ Парижѣ «Союза христіанскаго братства», и *велѣлъ* ему быть готовымъ вступить въ

братство въ качествѣ грѣшнаго члена Wschodniego Kosciola (восточной церкви). Долинскій былъ введенъ въ таинственную комнату засѣданій и представленъ оригинальному собранію, въ которомъ никто не называлъ другъ друга по фамиліи, а произносилъ только «братъ Яковъ», или «братъ Северинъ», или «сестра Урсула» и т. д.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Русскій Tawianczyk.

Долинскій, живучи въ сторонѣ отъ людей, съ одними терзаніями своей несговорчивой совѣсти, мистическими книгами, да еще болѣе мистическими тавянчиками, дошелъ самъ до непостижимаго мистицизма. Онъ уже не видалъ Доры и даже рѣдко вспоминалъ о ней, но зато совершенно привыкъ спокойно и съ вѣрою слушать, когда Заіончекъ говорилъ дома и у графини Голензовской отъ лица святыхъ и вообще людей давно отшедшихъ отъ міра. Въ засѣданіяхъ «христіанскаго союза», Заіончекъ говорилъ нѣсколько менѣе о своихъ общеніяхъ со святыми и съ мертвыми грѣшниками, но все-таки держался, по обыкновенію, таинственно.

Въ обществѣ, главнымъ образомъ, положено было избѣгать всякаго слова о превосходствѣ того или другого христіанскаго исповѣданія надъ прочими. «Всѣ дѣти одного отца, нашего Бога, и овцы одного великаго пастыря, положившаго животъ свой за люди», было начертано огненными буквами на бѣлыхъ матовыхъ абажурахъ подсвѣчниковъ съ тремя свѣчами, какіе становились передъ каждымъ членомъ. Всѣ должны были помнить этотъ принципъ терпимости и никогда не касаться вопроса о догматическомъ разногласіи христіанскихъ исповѣданій.

По словамъ Заіончека, цѣлью общества было: *изысканіе средствъ къ освобожденію и соединенію христіанскихъ народовъ путемъ вѣры.* Задача эта многимъ представлялась весьма темною и даже вовсе непонятною, но, тѣмъ не менѣе, члены терпѣливо выслушивали, какъ Заіончекъ, стоя въ концѣ стола передъ составленною имъ картою «христіанскаго міра», излагалъ мистическія соображенія насчетъ «рокового развѣтвленія христіанства по свѣту, съ таинственными божескими цѣлями, для осуществленія которыхъ Господь сзываетъ своихъ избранныхъ». Женщины, слушая

Заіончека, поднимали очи къ небу и шептали молитвы, а мужчины, одни — набожно задумывались, другіе — внимательно слѣдили за ораторомъ и, очевидно, старались прозрѣть, что̀ за смыслъ долженъ скрываться за этими хитросплетеніями. Пораженный тяжестью своей утраты, изнывая передъ неизслѣдимою пучиною своего нравственнаго грѣха, Долинскій былъ въ этомъ собраніи самымъ молчаливымъ членомъ Wschodniego Kosciola.

Онъ только самъ все наэлектризировывался мистицизмомъ и во всякомъ самомъ ничтожномъ событіи склоненъ былъ видѣть или особые пути Божіи, или нарочитые происки дьявольскіе.

Жилъ Долинскій до крайности умѣренно, получая не болѣе семидесяти-пяти франковъ въ мѣсяцъ, съ двухъ ничтожныхъ уроковъ, доставленныхъ ему Заіончекомъ. И за это занятіе Долинскій принялся только тогда, когда въ его карманѣ уже не было ни одного су изъ денегъ, съ которыми онъ пріѣхалъ въ Парижъ. Онъ жадно берегъ свое время и все его цѣликомъ отдалъ чтенію и своимъ мистическимъ размышленіямъ. Деньги и всякія другія блага міра сего не имѣли въ его глазахъ ровно никакой цѣны. Со всѣмъ живущимъ у него тоже не было ничего общаго. Міръ человѣческій для него былъ только міръ грѣха и преступленія, и собственное прошедшее представлялось ему однимъ сплошнымъ, безконечнымъ грѣхомъ. Долинскій утратилъ всякую способность къ какому бы то ни было анализу и бралъ все на вѣру, во всемъ видѣлъ законъ неотразимой таинственной необходимости и не взывалъ болѣе ни къ своему разуму, ни къ волѣ. Онъ даже не замѣчалъ противорѣчій, весьма ярко высказывавшихся въ поступкахъ Заіончека. Онъ ни разу не задумался надъ тѣмъ, что въ христіанскомъ обществѣ, основанномъ вѣротерпимѣйшимъ патеромъ, не было ни одного лютеранина. Онъ даже не придалъ никакого значенія тому, что m-r le prêtre, сидя разъ передъ каминомъ въ комнатѣ Долинскаго, случайно взялъ иллюстрированную книжку Puaux: «Vie de Calvin», развернулъ ее, пересмотрѣлъ портреты и съ омерзѣніемъ бросилъ безцеремонно въ огонь.

Обстоятельствамъ угодно было, чтобы, задавленный своимъ и наноснымъ мистицизмомъ, Долинскій сравнялся съ княгинею Голензовскою и прочими мистическими фанатич-

ками, вѣровавшими во всевѣдѣніе и сверхъестественное могущество Заіончека.

Прошла половина поста. Бѣшеный день французскаго demi-carême угасалъ среди пьяныхъ пѣсенъ; по улицамъ сновали пьяные студенты, пьяные блузники, пьяныя дѣвочки. Въ погребахъ, ресторанахъ и во всякихъ такихъ мѣстахъ были балы, на которыхъ гризеты вознаграждали себя за трехнедѣльное demi-смиреніе. Парижъ бѣсился и пьяный вспоминалъ свою утраченную свободу.

Зато на извѣстной намъ голубятнѣ, въ Батиньелѣ, было необыкновенно тихо, всѣ пижоны и коломбины разлетѣлись. Кромѣ Заіончека и Долинскаго не было дома ни одного жильца: все пило, бродило и бѣсновалось. Вдругъ патеръ Заіончекъ вошелъ въ комнату Долинскаго.

По торжественной походкѣ и особенной праздничной солидности, лежавшей на каждомъ движеніи Заіончека, можно было легко замѣтить, что monsieur le prêtre находится въ нѣкоторомъ духовномъ восхищеніи. Это восторженное состояніе овладѣвало патеромъ довольно рѣдко, и то единственно лишь въ такихъ случаяхъ, когда ему удавалось приплетать какую-нибудь необыкновенно ловкую, по его мнѣнію, нетельку къ раскинутымъ имъ силкамъ и тенетамъ. Въ такія минуты, Заіончекъ, несмотря на всю свою желчность и сухость, одушевлялся, заносился какъ поэтъ, какъ пламенный импровизаторъ, безпрестанно впадалъ въ открытый разладъ съ логикой, и, какъ какой-нибудь дикій вождь полчищъ несмѣтныхъ, пускалъ безъ всякаго такта въ борьбу множество нужныхъ и ненужныхъ силъ.

Впадая въ подобное расположеніе, патеръ всегда ощущалъ неотразимую потребность дать передъ кѣмъ-нибудь изъ вѣрующихъ генеральное сраженіе своимъ врагамъ, причемъ враги его—*раціоналисты*, допускались къ этимъ сраженіямъ только заочно и, разумѣется, всегда были немилосердно побиваемы на-голову.

Пестовая ночь demi-carême не давала покоя патеру, хотя онъ и очень крѣпко, и очень рано заперся на своей половинѣ. Кричащій, поющій, пляшущій и бѣснующійся Парижъ давалъ о себѣ знать и сюда. Парижъ не лакомился, а обжирался наслажденіями, какъ морская губка, онъ каждою своею точкою всасывалъ изъ опустившейся тьмы всю нужную сладость грѣха и удовольствій. Заіончекъ чувство-

валъ это и не могъ себѣ представить переплета, въ который можно-бъ всунуть всѣ листы, съ записанными грѣхами этой ночи. Книга эта должна быть велика, какъ Парижъ, какъ міръ!.. Нѣтъ, больше міра, потому что міръ обновляется, а она должна быть вѣчна; ея гигантскія застежки не должны закрываться ни на одну короткую секунду, потому что и одной короткой секунды не прожить безъ грѣха тлѣнному міру.

— Какъ это такъ?.. Какъ это тамъ все? — задумалъ и, вставши, заходилъ по комнатѣ Заіончекъ.

Сердитый, онъ нѣсколько разъ вскидывалъ своими сухими глазами на темныя стекла длиннаго окна, въ пазы и щели котораго долетали съ улицъ раздражавшіе его звуки, и каждый разъ, въ каждомъ квадратѣ оконнаго переплета, ему мерещились цѣлыя группы рожъ: намалеванныхъ, накрашенныхъ, богопротивнѣйшихъ, веселыхъ рожъ въ дурацкихъ колпакахъ, зеленыхъ парикахъ и самыхъ прихотливыхъ мушкахъ.

— Да-съ, ну, такъ какъ же это тамъ все? — говорилъ онѣ Заіончеку, кривя губы, дергая носами и посылая ему вызывающія улыбки.

M-r le prêtre послалъ за это самъ милліонъ дьяволовъ во всемъ виноватымъ *раціоналистамъ*, задернулъ ридо и заходилъ по комнатѣ еще скорѣе и еще сердитѣе.

Прошло полчаса, и Заіончекъ вдругъ выпрямился, остановился и медленно вынулъ изъ кармана фуляровый платокъ, съ выбитымъ на немъ планомъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ Европѣ. Прошла еще минута, и Заіончекъ просіялъ вовсе; онъ тихо высморкался (что у него въ извѣстныхъ случаяхъ замѣняло улыбку), повернулся на одной ногѣ и, съ солиднѣйшимъ выраженіемъ лица, отправился къ Долинскому.

— Мнѣ очень, однакоже, нравятся вотъ эти господа,— началъ онъ, усаживаясь передъ каминомъ.

Долинскій посмотрѣлъ на него съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

— Я говорю объ этихъ бѣльмистыхъ сычахъ, — продолжалъ Заіончекъ, подкинувъ въ каминъ лопатку глянцовитаго угля.—Мнѣ, я говорю, очень они нравятся съ своими *знаніями*. Вотъ именно, вотъ эти самые господа, которые про все-то знаютъ, которымъ законы природы очень извѣстны.

Заіончекъ пару секундъ помолчалъ и, приподнимаясь съ значительной миною съ кресла, воскликнулъ:

— А я имъ говорю, что *они* сычи ночные, что они лупоглазые, бѣльмистые сычи, которымъ ихъ бѣльма ничего не даютъ видѣть при Божьемъ свѣтѣ! Ночь! ночь имъ нужна! Вотъ тогда, когда изъ темныхъ норъ на землю выползаютъ ночные ежи, кроты слѣпые, землеройки, а въ сонномъ воздухѣ непопыри шмыгаютъ — тогда имъ жизнь, тогда имъ жизнь, канальямъ!.. И вотъ же чортъ ихъ не возьметъ и не ѣстъ вмѣсто сардинокъ!

Заіончекъ остановился въ ужасѣ надъ этимъ непростительнымъ упущеніемъ чорта.

— Прекрасная, весьма прекрасная будетъ эта минута, когда... фффуу — одно дуновенье, и передъ каждымъ вся эта картина его мерзости напишется и напишется ярко, отчетливо, безъ чернилъ, безъ красокъ и безъ всякихъ фотографій.

Долинскій молчалъ.

— Что такое *одъ*?—произнесъ протяжно съ приставленнымъ ко лбу пальцемъ Заіончекъ. — Одъ: ну, *одъ! одъ!* ну, прекрасно-съ; ну, да что же такое, наконецъ, этотъ *одъ*? Надъ нужно же, наконецъ, знать, *что* онъ? *откуда* онъ? *зачѣмъ* онъ? Вѣдь нельзя же такъ сказать: «*одъ* есть невѣсомое тѣло», да и ничего больше. Съ нихъ, съ сычей, этихъ ночныхъ, пускай и будетъ этого довольно, но отчего же это такъ и для другихъ-то должно оставаться, я васъ спрашиваю?

Заіончекъ остановился съ высоко поднятыми плечами передъ Долинскимъ. Черезъ минуту онъ сталъ медленно опускать плечи, вытянувъ впередъ руки, полузакрывъ вѣками свои сухіе глаза и, потянувшись грудью на руки, произнесъ: *вотъ онъ!*

Долинскій попрежнему смотрѣлъ на патера, совершенно спокойно.

— Въ какомъ я положеніи есть, въ такомъ онъ тончайшимъ, невѣсомымъ тѣломъ отъ меня и отдѣляется, — продолжалъ Заіончекъ. (Сказавъ это, патеръ сдѣлалъ въ молчаніи два различныя движенія руками, какъ бы отражая отъ себя куда-то два различныя изображенія; потомъ дунулъ, напряженно посмотрѣлъ вслѣдъ за своимъ дуновеніемъ и заговорилъ двумя нотами ниже). Одъ отдѣлился и летитъ;

онъ — я, но тонкое... невѣсомое. Теперь воздухъ передастъ это эѳиру: эѳиръ — далѣе. Все это летитъ, летитъ вѣка, тысячелѣтія летитъ, и по извѣстнымъ тамъ законамъ отпечатывается, наконецъ, на какой-нибудь огромной, самой далекой планетѣ. Міръ рушится; земля распадается золою; наши плотскіе глаза выгорѣли, мы видимъ далеко, и вотъ тебѣ передъ тобой *твоя картина*. Ты весь въ ней, съ тѣхъ поръ, какъ бабка перерѣзала тебѣ пуповину, до моего послѣдняго «аминь» надъ твоей могилой. Ты это?.. Нѣтъ, не отречешься; весь ты тамъ со своей исторіей. И эта ночь, и эта ночь сугубаго разврата, кровосмѣшенья и всякаго содомскаго грѣха! — вскрикнулъ громко патеръ. — Она вся тамъ печатается, нынче, — докончилъ онъ однимъ шипящимъ придыханіемъ и, вывернувъ Долинскаго за рукавъ къ окну, грозно указалъ ему на темное небо, слегка подкрашенное міріадами рожковъ горящаго въ городѣ газа.

— Вотъ какъ пишется книга! Вотъ какъ отмѣчаются слѣды всѣхъ этихъ летучихъ мышей ночныхъ, всѣхъ этихъ кротиковъ, всѣхъ этихъ землероекъ!

Сказавши это съ особымъ эффектомъ, Заіончекъ такъ же порывисто выбросилъ руку Долинскаго, какъ взялъ ее, и заходилъ по комнатѣ. Освобожденный Долинскій тотчасъ же сѣлъ верхомъ на свой стулъ и, положивъ подбородокъ на спинку, молча смотрѣлъ на патера, безъ любопытства, безъ вниманія и безъ участія.

— Да, это такъ; это несомнѣнно такъ! — утверждалъ себя въ это время вслухъ патеръ. — Да, солнце и солнца. Пространства очень много... Душамъ роскошно плавать. Онѣ всѣ смотрятъ внизъ: лица всегда спокойныя; имъ все равно... Что здѣсь дѣлается, это имъ все равно: это ихъ не тревожитъ... имъ это мерзость, гниль. Я вижу... видны мнѣ оттуда всѣ эти умники, всѣ эти конкубины, всѣ эти черви, въ гною зеленомъ, въ смрадѣ, поднимающемъ рвоту! — Мерзко!

«Да, тому, кто въ годы постоянные вошелъ, тому женская прелесть даже и скверна», мелькнуло въ головѣ Долинскаго, и вдругъ причудилась ему Москва, ея Малый театръ, купецъ Толстогораздовъ, живая жизнь съ людьми живыми, и всѣ вы, всепрощающіе, всезабывающіе, незлобивые люди русскіе, и сама ты, наша плакучая береза, наша ораная Русь-просторная. Всѣ вы, странныя, жгучія воспо-

манія, все это разомъ толкнулось въ его сердце, и что-то новое, или, лучше сказать, что-то давно забытое, гдѣ-то тихо зазвенѣло ему манящими, путеводными колокольчиками.

Долинскій на мгновеніе смутился и черезъ другое такое же летучее мгновеніе невыразимо обрадовался, ощутивъ, что память его падаетъ, какъ надтреснувшая пружина, и спокойная тупость ложится по всѣмъ краямъ воображенія.

«Но, впрочемъ, это все... непонятно», подумалъ онъ сквозь сонъ, и съ наслажденіемъ почувствовалъ, что мозгъ его все крѣпче и крѣпче усваиваетъ себѣ самыя спокойныя привычки.

Долго еще патеръ сидѣлъ у Долинскаго и грѣлъ передъ его каминомъ свои толстыя, упругія ляжки; много еще разсказывалъ онъ объ одѣ, о плавающихъ душахъ, о сверхъестественныхъ явленіяхъ, и о томъ, что сверхъестественное не есть противоестественное, а есть только непонятное, и что пониманіе свое можно расширить и уяснить до безконечности, что душу и думы человѣка можно видѣть такъ же, какъ его носъ и подбородокъ. Долинскій слабо вслушивался въ весь этотъ сумбуръ и чувствовалъ, что онъ самъ уже давно не отъ міра сего, что онъ давно плыветъ въ пространствѣ, и съ краями срѣзь полонъ всяческаго равнодушія ко всему, что видитъ и слышитъ.

Но, наконецъ, усталъ и патеръ; онъ взглянулъ на свой толстый хронометръ, зѣвнулъ и, потянувшись передъ огнемъ, отправился къ своему ложу.

Какъ только Заіончекъ вышелъ за двери, Долинскій спокойно подвинулъ къ себѣ оставленную при входѣ патера книгу и началъ ее читать съ невозмутимымъ, холоднымъ вниманіемъ.

Часы въ коридорѣ пробили два.

Долинскій уже хотѣлъ ложиться въ постель, какъ въ его дверь кто-то слегка стукнулъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Искушенія.

— Кто тамъ? — тихо спросилъ Долинскій, удивленный такимъ позднимъ посѣщеніемъ.

— Мы, ваши сосѣдки,—отвѣчалъ ему такъ же тихо молодой женскій голосъ.

— Что вамъ угодно, mesdames?

— Спичку, спичку; мы возвратились съ бала и у насъ огня нѣтъ.

Долинскій отворилъ дверь.

Передъ нимъ стояли обѣ его сосѣдки, въ широкихъ панталончикахъ изъ ярко-цвѣтной тафты, обшитыхъ съ боковъ дешевенькими кружевами; въ прозрачныхъ рубашечкахъ, съ непозволительно-спущенными воротниками, и въ цвѣтныхъ шелковыхъ колпачкахъ, ухарски-заломленныхъ на туго-завитыхъ и напудренныхъ головкахъ. Въ рукахъ у одной была зажженная стеариновая свѣчка, а у другой— литръ краснаго вина и тонкая, въ аршинъ длинная, итальянская колбаса.

Не успѣлъ Долинскій выговорить ни одного слова, обѣ дѣвушки вскочили въ его комнату и весело захохотали.

— Мы пришли къ вамъ, любезный сосѣдъ, сломать съ вами постъ.—Рады вы намъ?—прощебетала m-lle Augustine.

Она поставила на столъ высокую бутылку, сѣла верхомъ на стулъ республики и, положивъ локти на его спинку, откусила большой кусокъ колбасы, выплюнула кожицу и начала усердно жевать мясо.

— Цѣломудренный Іосифъ! — воскликнула Marie, повалившись на постель Долинскаго и выкинувъ ногами неимовѣрный крендель: — хотите я вамъ представлю Жоко или бразильскую обезьяну?

Долинскій стоялъ неподвижно посреди своей комнаты. Онъ замѣтилъ, что обѣ дѣвушки пьяны, и не зналъ, что ему съ ними дѣлать.

Гризеты, смотря на него, помирали со смѣху.

— Tiens!—вы, кажется, собираетесь насъ выбросить?— спрашивала одна.

— Нѣтъ, мой другъ, онъ читаетъ молитву отъ злого духа,—утверждала другая.

— Нѣтъ... Я ничего,—отвѣчалъ растерянный Долинскій, который, дѣйствительно, думалъ о происках злого духа.

— Ну, такъ садитесь. Мы веселились, плясали, ѣздили, но все-таки вспомнили: что-то дѣлаетъ нашъ бѣдный сосѣдъ?

Marie вскочила съ постели, взяла Долинскаго однимъ пальчикомъ подъ бороду, посмотрѣла ему въ глаза и сказала:

— Онъ, право, еще очень и очень годится.

— Любезенъ, какъ бѣлый медвѣдь,—отвѣчала Augustine, глотая новый кусокъ колбасы.

— Мы принесли съ собой вина и ужинъ, однѣмъ очень скучно, мы пришли къ вамъ. Садитесь,—командовала Marie и, толкнувъ Долинскаго въ кресло королевства, сама вспрыгнула на его колѣни и обняла его за шею.

— Позвольте, — просилъ ее Долинскій, стараясь снять ея руку.

— Та-та-та, совсѣмъ не нужно,—отвѣчала дѣвушка, отпихивая локтемъ его руку, а другою рукою наливая стаканъ вина и поднося его къ губамъ Долинскаго.

— Я не пью.

— Не пьешь! Cochon! не пьетъ въ demi-carême. Я на голову вылью.

Дѣвушка подняла стаканъ и слегка наклонила его на бокъ. Долинскій выхватилъ его у нея изъ рукъ и выпилъ половину. Гризета проглотила остальное и, быстро повернувшись на колѣняхъ Долинскаго, сдѣлала сладострастное движеніе головой и бровью.

— Посмотрите, какое у нея плечико,—произнесла Augustine, толкнувъ сзади голое плечо Marie къ губамъ Долинскаго.

— Tiens! я думаю, это не такъ худо въ demi-carême!— говорила она, смѣясь и глядя, какъ Marie, весело закусивъ губки, держитъ у себя подъ плечикомъ голову растерявшагося мистика.

— Пусть будетъ тьма и любовь!—воскликнула Augustine, дунувъ на свѣчу и оставляя комнату при слабѣйшемъ освѣщеніи дотлѣвшаго камина.

— Пусть будетъ свѣтъ и разумъ! — произнесъ другой голосъ, и на порогѣ показалась суровая фигура Заіончека. Онъ былъ въ бѣлыхъ ночныхъ панталонахъ, красной вязаной фуфайкѣ и синемъ спальномъ колпакѣ. Въ одной его рукѣ была зажженая свѣча, въ другой — толстый красный шнуръ, которымъ m-r le prêtre обыкновенно подпоясывался по халату.

— Вонъ, къ ста-тысячамъ чертей отсюда, гнилыя дочери грѣха! — крикнулъ онъ на дѣвушекъ, для которыхъ всегда было страшно и ненавистно его появленіе.

Marie испугалась. Она соскользнула съ колѣнъ неподвижно сидѣвшаго Долинскаго, пируэтомъ перелетѣла его комнату и исчезла за дверью. Augustine направилась за нею. Пропуская мимо себя послѣднюю, m-r le prêtre съ

злостью очень сильно ударилъ ее шнуркомъ по тоненькимъ тафтянымъ панталончикамъ.

— Vous m'etourdissez! — подпрыгнувъ отъ боли, крикнула гризета и скрылась за подругою въ дверь своей комнаты.

— Ne faites plus de bruit! —проговорилъ у нихъ запертой двери черезъ минуту Заіончекъ.

— Pas beaucoup, pas beaucoup!—отвѣчали гризеты.

Заіончекъ зашелъ въ комнату одинокаго Долинскаго, стоявшаго надъ оставленными гризетами виномъ и колбасою.

— Я неспокоенъ былъ съ тѣхъ поръ, какъ легъ въ постель, и мой тревожный духъ во-время послалъ меня туда, гдѣ я былъ нуженъ, — проговорилъ онъ.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ Долинскій:—я совсѣмъ не зналъ, что мнѣ съ ними дѣлать.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы окончилъ здѣсь совершенно поглощенный мистицизмомъ Долинскій, если бы судьбѣ не угодно было подставить Долинскому новую штуку.

Одинъ разъ, возвратясь съ урока, онъ засталъ у себя на столѣ письмо, доставленное ему по городской почтѣ.

Долинскій наморщилъ лобъ. Рука, которою былъ надписанъ конвертъ, на первый взглядъ показалась ему незнакомою, и онъ долго не хотѣлъ читать этого письма. Но, наконецъ, сломалъ печать, досталъ листокъ и остолбенѣлъ. Записка была писана несомнѣнно Анною Михайловною.

«Я вчера вечеромъ пріѣхала въ Парижъ и пробуду здѣсь всего около недѣли,—писала Долинскому Анна Михайловна. — Поэтому, если вы хотите со мною видѣться, приходите въ Hôtel Corneille, противъ Одеона, № 16. Я дома до одиннадцати часовъ утра и съ семи часовъ вечера. Во все это время я очень рада буду васъ видѣть».

Долинскій отбросилъ отъ себя эту записку, потомъ схватилъ ее и перечиталъ снова. На дворѣ былъ седьмой часъ въ исходѣ. Долинскій хотѣлъ пойти къ Заіончеку, но вмѣсто того только побѣгалъ по комнатѣ, схватилъ свою шляпу и опрометью бросился къ мѣсту, гдѣ останавливается омнибусъ, проходящій по Латинскому кварталу.

Долинскій бѣжалъ по улицѣ съ сильно бьющимся сердцемъ и спирающимся дыханіемъ.

— Жизнь! жизнь! — говорилъ онъ себѣ. — Какъ давно я не чувствовалъ тебя такъ сильно и такъ близко!

Какъ только омнибусъ тронулся съ мѣста, Долинскій вдругъ посмотрѣлъ на Парижъ, какъ мы смотримъ на мѣста, которыя должны скоро покинуть; почувствовалъ себя вдругъ отрѣзаннымъ отъ Заіончека, отъ перечитанныхъ мистическихъ бредней и блѣдныхъ созданій своего больного духа. Жизнь, жизнь, ея обаятельное очарованіе снова поманило изстрадавшагося, разбитаго мистика, и, завидѣвъ на темнѣющемъ вечернемъ небѣ сѣрый силуэтъ Одеона, Долинскій вздрогнулъ и схватился за сердце.

Черезъ двѣ минуты онъ стоялъ на лѣстницѣ отеля Корнеля и чувствовалъ, что у него гнутся и дрожатъ колѣни.

«Что я скажу ей? Какъ я взгляну на нее?—думалъ Долинскій, взявшись рукою за ручку звонка у 16 №. — Можетъ-быть, лучше, если бы теперь ея не было еще дома?» разсуждалъ онъ, чувствуя, что всѣ силы его оставляютъ, и робко потянулъ колокольчикъ.

— Entrez!— произнесъ изъ номера знакомый голосъ.

Несторъ Игнатьевичъ пріотворилъ дверь и спотыкнулся.

— Не будетъ добра,—сказалъ онъ себѣ съ досадою, тревожась незабытою съ дѣтства примѣтой.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Заблудшая овца и ея пастушка.

Отворивъ дверь изъ коридора, Долинскій очутился въ крошечной, чистенькой передней, отдѣленной тяжелою драпировкою отъ довольно большой, хорошо меблированной и ярко освѣщенной комнаты. Прямо противъ приподнятыхъ полосъ матеріи, раздѣлявшей номеръ, стоялъ ломберный столъ, покрытый чистою, бѣлою салфеткой; на немъ весело кипящій самоваръ и по бокамъ его двѣ стеариновыя свѣчи въ высокихъ блестящихъ шандалахъ, а за столомъ, въ глубинѣ дивана, сидѣла сама Анна Михайловна. При входѣ Долинскаго, который очень долго копался, снимая свои калоши, она выдвинула изъ-за самовара свою голову и, заслонивъ ладонью глаза, внимательно смотрѣла въ переднюю.

На Аннѣ Михайловнѣ было черное шелковое платье, съ высокимъ лифомъ и безъ всякой отдѣлки, да бѣлый воротничокъ около шеи.

Долинскій, наконецъ, показался между полами драпировки, закрылъ рукою свои глаза и остановился, какъ вкопанный.

Анна Михайловна теперь его узнала; она покраснѣла и смотрѣла на него молча.

— Я не смѣю глядѣть на тебя,—тихо произнесъ, не отнимая отъ глазъ руки, Долинскій.

Анна Михайловна не отвѣчала ни слова и продолжала съ любопытствомъ смотрѣть на его исхудавшую фигуру и ветхое коричневое пальто, на которомъ вытертые швы обозначались желто-бѣлыми полосами.

— Прости!—еще тише произнесъ Долинскій.

Съ этимъ словомъ онъ опустился на колѣни, поставилъ передъ собою свою шляпу, досталъ изъ кармана довольно грязноватый платокъ и обтеръ имъ выступившій на лбу потъ.

Анна Михайловна неспокойно поднялась съ своего мѣста и, молча, прошлась два или три раза по комнатѣ.

— Встаньте, пожалуйста,—проговорила она Долинскому.

— Прости, — проговорилъ онъ еще тише и не трогаясь съ мѣста.

— Встаньте,—сказала опять Анна Михайловна.

Долинскій медленно приподнялся и, взявъ въ руки свою шляпу, снова сталъ, опустя голову, на томъ же самомъ мѣстѣ.

Анна Михайловна во все это время не могла оправиться отъ перваго волненія. Пройдясь еще раза два по комнатѣ, она повернула къ окну и старалась незамѣтно утереть слезы.

— Не извиненія, а христіанской милости, прощенія...— началъ было снова Долинскій.

— Не надо! не надо! Пожалуйста, ни о чемъ этомъ говорить не надо!—нервно перебила его Анна Михайловна и, вынувъ изъ кармана платокъ, вытерла глаза и спокойно сѣла къ самовару.

— Что жъ вы стоите у двери?—спросила она, не смотря на Долинскаго.

Тотъ сдѣлалъ шагъ впередъ, поставилъ себѣ стулъ и сѣлъ молча.

— Какъ вы здѣсь живете? — спросила его черезъ минуту Анна Михайловна, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе.

— Худо,—отвѣчалъ Долинскій.

Анна Михайловна молча подала ему чашку чаю.

— И давно вы здѣсь?—спросила она послѣ новой паузы.

— Скоро полтора года.

— Чѣмъ же вы занимаетесь?

Долинскій подумалъ, чѣмъ онъ занимается, и отвѣчалъ:

— Даю уроки.

— Мы съ Ильей Макарычемъ о васъ долго справлялись; нѣсколько разъ писали вамъ въ Ниццу, письма приходили назадъ.

— Да меня тамъ, вѣрно, ужъ не было.

— Илья Макарычъ кланяется вамъ,—сказала Анна Михайловна послѣ паузы.

— Спасибо ему,—отвѣчалъ Долинскій.

— Вашъ редакторъ нѣсколько разъ о васъ спрашивалъ Илью Макарыча.

— Богъ съ ними со всѣми.

Анна Михайловна посмотрѣла на испитое лицо Долинскаго и, остановивъ глаза на бѣломъ швѣ его рукава, сказала:

— Какъ вы бережливы! Это у васъ еще петербургское пальто?

— Да, очень прочная матерія,—отвѣчалъ Долинскій.

Анна Михайловна посмотрѣла на него еще пристальнѣе и спросила:

— Не хотите ли вы стаканъ вина?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не пью вина.

— Можетъ-быть, рому къ чаю?

Долинскій взглянулъ на нее и отвѣтилъ:

— Вы, можетъ-быть, подозрѣваете, что я началъ пить?

— Нѣтъ, я такъ просто спросила, — сказала Анна Михайловна и покраснѣла.

Долинскій видѣлъ, что онъ отгадалъ ея мысль, и спокойно добавилъ:

— Я ничего не пью.

— Скажи же, пожалуйста, отчего ты такъ... похудѣлъ, постарѣлъ... опустился?

— Горе, тоска меня съѣли.

Анна Михайловна покатала въ пальцахъ хлѣбный шарикъ и, повертывая его въ двухъ пальцахъ передъ свѣчкою, сказала:

— Невозвратимаго ни воротить, ни поправить невозможно.

— Я не знаю, что съ собой дѣлать? Что мнѣ дѣлать, чтобы примирить себя съ собою?

стану злая, стану демономъ, чудовищемъ, звѣремъ... или я... чортъ знаетъ чего надѣлаю.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Перчатка поднята.

Узнавъ, что мужъ очень сердится и начинаетъ похлопывать дверями, Ольга Сергѣевна рѣшилась выздоровѣть и выйти къ столу. Она умѣла доѣзжать Егора Николаевича истерическими фокусами, но все-таки сильно побаивалась заходить далеко. Храбрый эксъ-гусаръ, опутанный слезливыми бабами, обыкновенно терпѣливо сносилъ подобныя сцены и, по безпредѣльной своей добротѣ, никогда не умѣлъ остановить ихъ прежде, чѣмъ эти сцены совершенно выводили его изъ терпѣнія. Но зато, когда визгъ, стоны, суетливая бѣготня прислуги выводили его изъ терпѣнія, онъ, громко хлопнувъ дверью, уходилъ въ свою комнату и порывисто бѣгалъ по ней изъ угла въ уголъ. Если же еще съ полчаса исторія въ домѣ не прекращалась, то двери кабинета обыкновенно съ шумомъ распахивались, Егоръ Николаевичъ выбѣгалъ оттуда дрожащій и съ растрепанными волосами. Онъ стремительно достигалъ комнаты, гдѣ истеричничала Ольга Сергѣевна, громовымъ словомъ и многозначительнымъ движеніемъ чубука выгонялъ вонъ изъ этой комнаты всякую живую душу и затѣмъ держалъ къ корчившей ноги больной такую рѣчь:

— Вамъ мѣшаютъ успокоиться, и я васъ запру на ключъ, пока вы не перестанете.

Затѣмъ эксъ-гусаръ выходилъ за дверь, оставляя больную на постели одну-одинешеньку. Manu intrepida поворачивалъ онъ ключъ въ дверномъ замкѣ и, усѣвшись на первое ближайшее кресло, дымилъ какъ паровозъ, выкуривая трубку за трубкой, до тѣхъ поръ, пока за дверью не начинали стихать истерическіе стоны. Сначала, когда Ольга Сергѣевна была гораздо моложе и еще питала нѣкоторыя надежды хоть разъ выйти съ достоинствомъ изъ своего замкнутаго положенія, Бахареву иногда приходилось долгонько ожидать конца женинныхъ припадковъ; но разъ отъ раза, по мѣрѣ того, какъ взбѣшенный гусаръ прибѣгалъ къ своему оригинальному лѣченію, оно у него все шло удачнѣе. Не успѣетъ, бывало, Бахаревъ, усѣвшись у двери, докурить первой трубки, какъ уже вмѣсто безпорядочныхъ облаковъ дыма выпуститъ изо рта

стройное, правильное колечко, что обыкновенно служило несомнѣннымъ признакомъ, что Егоръ Николаевичъ ровно черезъ двѣ минуты встанетъ, повернетъ обратно ключъ въ двери, а потомъ уйдетъ въ свою комнату, велитъ запрягать себѣ лошадей и уѣдетъ дня на два, на три въ городъ заниматься дѣлами по предводительской канцеляріи и дворянской опекѣ. У Егора Николаевича никакъ нельзя было добиться: подозрѣваетъ ли онъ свою жену въ истерическомъ притворствѣ, или считаетъ свой способъ лѣченія надежнымъ средствомъ противъ дѣйствительной истерики, но онъ неуклонно слѣдовалъ своему правилу до счастливаго дня своей серебряной свадьбы. А теперь, когда Абрамовна доложила Ольгѣ Сергѣевнѣ, что «баринъ хлопнули дверью и ушли къ себѣ», Ольга Сергѣевна опасалась, что Егоръ Николаевичъ не измѣнитъ себѣ и до золотой свадьбы. Хорошо зная, что должно наступить послѣ маневра, о которомъ ей доложила Абрамовна, Ольга Сергѣевна простонала:

— Только не бѣгайте Бога ради, не суетитесь; голову всю мнѣ разломали своимъ безтолковымъ снованьемъ. Мечутся безъ толку изъ угла въ уголъ, словно угорѣлыя кошки, право.

Произнеся такую рѣчь, Ольга Сергѣевна будто успокоилась, полежала и потомъ спросила:

— А кормили ли сегодня кошечекъ-то?

— Какъ же, maman, кормили,—отвѣчала Софи.

— То-то. Матузалевнѣ надо было сырого мясца дать: она все еще нездорова; ее не надо кормить вареным. Дайте-ка мнѣ туфли и шлафоръ, я попробую встать. Бока отлежала.

Проба оказалась удачной. Ольга Сергѣевна встала, перешла съ постели на кресло и не надѣла бѣлаго шлафора, а потребовала темненькій капотикъ.

— Скучно здѣсь,—говорила она, посматривая на дверь:—дайте я попробую выйти къ столу.

Вторая проба была опять удачна не менѣе первой. Ольга Сергѣевна безопасно достигла столовой, поклонилась мужу, потомъ помолилась передъ образомъ и сѣла за столъ на свое обыкновенное мѣсто.

Взглянувъ на наплаканные глаза Лизы, она сдѣлала страдальческую мину матери, оскорбленной непочтительною дочерью, и стала разливать супъ съ кнелью.

— Вы не боитесь ли раздумать? — спросила его Анна Михайловна.

— Я!.. Нѣтъ, съ какой же стати раздумать?

— То-то.

— Мнѣ здѣсь нечего дѣлать.

«А что я буду дѣлать тамъ? Какое мое положеніе? Послѣ всего того, что было, чѣмъ должна быть для меня эта женщина! — размышлялъ онъ, глядя на ходящую по комнатѣ Анну Михайловну.—Чѣмъ она для меня можетъ быть?.. Нѣтъ, не чѣмъ *можетъ*, а чѣмъ она должна быть? А почему же именно должна?.. Опять все какая-то путаница!»

Долинскій тревожно всталъ и простился съ Анной Михайловной.

— До утра,—сказала она ему.

— До утра, — отвѣчалъ онъ, холодно и почтительно цѣлуя ея руку.

Войдя въ свою комнату, Долинскій, не зажигая огня, бросилъ шляпу и повалился впотьмахъ совсѣмъ одѣтый въ постель.

— Нѣтъ, — воскликнулъ онъ часа черезъ два, быстро вскочивъ съ постели. — Нѣтъ! нѣтъ! Я знаю тебя; я знаю, я знаю тебя, змѣиная мысль!—повторялъ онъ въ ужасѣ и, выскочивъ изъ своей комнаты, постучался въ двери Заіончека.

— Помогите мнѣ, спасите меня!—сказалъ онъ, бросаясь къ патеру.

— Чтобы лѣчить язвы, прежде надо ихъ видѣть, — проговорилъ Заіончекъ, торопливо вставая съ постели. — Открой мнѣ свою душу.

Долинскій разсказалъ о всемъ случившемся съ нимъ въ эти дни.

— Отецъ мой! Отецъ мой! — повторилъ онъ, заплакавъ и ломая руки:—я не хочу лгать... въ моей груди... теперь, когда лежалъ я одинъ на постели, когда я молился, когда я звалъ къ себѣ на помощь Бога... Ужасно!.. Мнѣ показалось... я почувствовалъ, что *жить хочу*, что мертвое все умерло совсѣмъ; что нѣтъ его нигдѣ, и эта женщина живая... для меня дороже неба; что я люблю ее гораздо больше, чѣмъ мою душу, чѣмъ даже...

— Глупецъ!—рѣзкимъ, змѣинымъ придыханіемъ шепнулъ Заіончекъ, зажимая ротъ Долинскому своей рукою.

— Нѣтъ силъ... страдать... терпѣть и ждать... чего? чего,

скажите? Мой умъ погибъ, и самъ я гибну... Неужто-жъ это жизнь? Вѣдь дьяволъ такъ не мучится, какъ измучилъ себя я въ этомъ тѣлѣ!

— Дрянная персть земная непокорна.

— Нѣтъ, я покоренъ.

— А путь готовъ давно.

— И гдѣ же онъ?

— Онъ?.. Пойдемъ, я покажу его: путь вѣрный примириться съ жизнью.

— Нѣтъ, убѣжать отъ неё...

— И убѣжать ея.

Долинскій только опустилъ голову.

Черезъ полчаса меркнущіе фонари Батиньеля короткими мгновеніями освѣщали двѣ торопливо шедшія фигуры: одна изъ нихъ, сильная и тяжелая, принадлежала Заіончеку; другая слабая и колеблющаяся—Долинскому.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Кто въ чемъ остался.

Анна Михайловна напрасно ждала Долинскаго и утромъ, и къ обѣду, и къ вечеру. Его не было цѣлый день. На другое утро она написала ему записку и ждала къ вечеру отвѣта или, лучше сказать, она ждала самого Долинскаго. Ожиданія были напрасны. Прошелъ еще цѣлый день — не приходило ни отвѣта, не бывалъ и самъ Долинскій, а по условію, вечеромъ слѣдующаго дня, нужно было выѣзжать въ Россію.

Анна Михайловна находилась въ большомъ затрудненіи. Часу въ восьмомъ вечера она надѣла бурнусъ и шляпу, взяла фіакръ и велѣла ѣхать на Батиньель.

Съ большимъ трудомъ она отыскала квартиру Долинскаго и постучалась у его двери. Отвѣта не было. Анна Михайловна постучала второй разъ. Въ темный коридоръ отворилась дверь изъ № 10-го и на порогѣ показался во всю свою нелѣпую вышину m-r le prêtre Zaionczek.

— Что вамъ здѣсь нужно?—сердито спросилъ онъ Анну Михайловну по-русски, произнося каждое слово съ особеннымъ твердымъ удареніемъ.

— Мнѣ нужно господина Долинскаго.

— Его нѣтъ здѣсь: онъ здѣсь не живетъ, — отвѣчалъ патеръ.

— Гдѣ же онъ живетъ?

Патеръ сдѣлалъ шагъ назадъ въ свою комнату и, ткнувъ въ руки Аннѣ Михайловнѣ какую-то бумажку, сказалъ:

— Отправляйтесь-ка домой.

Дверь номера захлопнулась, и Анна Михайловна осталась одна въ грязномъ коридорѣ, слабо освѣщенномъ подслѣповатою плошкою. Она разорвала конвертъ и подошла къ огню. При трепетномъ мерцаніи плошки нельзя было прочесть ничего, что̀ написано блѣдными чернилами.

Анна Михайловна нетерпѣливо сунула въ карманъ бумажку, сѣла въ фіакръ и велѣла ѣхать домой.

Въ своемъ номерѣ она зажгла свѣчу и, держа въ дрожащихъ рукахъ бумажку, прочла: «Я не могу ѣхать съ вами. Не ожидайте меня и не ищите. Я сегодня же оставляю Францію и буду далеко молиться о васъ и о мірѣ».

Анна Михайловна осталась на одномъ мѣстѣ, какъ остолбенѣлая. На другой день ея уже не было въ Парижѣ.

Прошло болѣе двухъ лѣтъ. Анна Михайловна попрежнему жила и хозяйничала въ Петербургѣ. О Долинскомъ не было ни слуха, ни духа.

За Анной Михайловной многіе пріударяли самымъ серьезнымъ образомъ и, наконецъ, одинъ статскій совѣтникъ предлагалъ ей свою руку и сердце. Анна Михайловна ко всѣмъ этимъ исканіямъ оставалась совершенно равнодушною. Она до сихъ поръ очень хороша и ведетъ жизнь совершенно уединенную. Ее можно видѣть только въ магазинѣ или во Владимірской церкви за раннею обѣднею.

Анна Анисимовна съ своими дѣтьми живетъ у Анны Михайловны въ бывшихъ комнатахъ Долинскаго. Отношенія ихъ съ Анной Михайловной самыя дружескія. Анна Анисимовна никогда ничего не говоритъ хозяйкѣ ни о Дорушкѣ, ни о Долинскомъ, но каждое воскресенье приноситъ съ собою отъ ранней обѣдни вынутую заупокойную просфору. Долинскаго она терпѣть не можетъ, и при каждомъ случайномъ воспоминаніи о немъ, лицо ея судорожно передвигается и принимаетъ выраженіе суровое, даже мстительное.

M-lle Alexandrine тоже попрежнему живетъ у Анны Михайловны, и нынче больше, чѣмъ когда-нибудь, считаетъ свою хозяйку совершенною дурою.

Илья Макаровичъ нимало не измѣнился. Онъ по-старому льетъ пули и суетится. Глядя на Анну Михайловну, какъ она, при всемъ желаніи казаться счастливою и спокойною, часто живетъ ничего не видя и не слыша и по цѣлымъ часамъ сидитъ задумчиво, склонивъ голову на руку, онъ часто повторяетъ себѣ:

— За что, про что только все это развѣялось и пропало?

— Да полюбите вы кого-нибудь! — говоритъ онъ иногда, подмѣчая несносную тоску въ глазахъ Анны Михайловны.

— Погодите еще, сѣдого волоса жду, — отвѣчаетъ она, стараясь улыбаться.

Жена Долинскаго живетъ на Арбатѣ въ собственномъ двухъэтажномъ домѣ и держитъ въ рукахъ своего сѣдого благодѣтеля. Викторинушку выдали замужъ за вдоваго квартальнаго. Она пожила годъ съ мужемъ, овдовѣла и снова вышла за молодого врача больницы, учрежденной какимъ-то «человѣколюбивымъ обществомъ», которое Матроска безъ всякой задней мысли называетъ обыкновенно «самолюбивымъ обществомъ». Сама же Матроска состоитъ у старшей дочери въ ключницахъ; зять-лѣкарь не пускаетъ ее къ себѣ на порогъ.

Вырвичъ и Шпандорчукъ, благодаря Бога, живы и здоровы. Они теперь служатъ гайдуками, или держимордами при какомъ-то приставѣ исполнительныхъ дѣлъ по вѣдомству нигилистической полиціи, и уже были два раза въ дѣлѣ, а за третьимъ, слышно, будутъ отправлены въ смирительный домъ. Имена ихъ, вѣроятно, передадутся исторіи, такъ какъ они впервые запротестовали противъ уничтоженія въ Россіи тѣлеснаго наказанія и считаютъ его одною изъ необходимыхъ мѣръ нравственнаго исправленія. Положеніе этихъ людей вообще самое нерадостное; Дорушкино предсказаніе надъ ними сбывается: они рѣшительно не знаютъ, за что имъ зацѣпиться и на какой колоколъ себя повѣсить. Взять тягло въ толокѣ житейской — руки ихъ лѣнивы и слабы; міряне ихъ не замѣчаютъ; «мыслящіе реалисты», къ которымъ они жмутся и которыхъ увѣряютъ въ своей съ ними солидарности, тоже сторонятся отъ нихъ и чураются. Стоятъ эти бѣдные, «заплаканные» люди въ сторонѣ ото всего живого, стоятъ потерянно, какъ тѣ іудейскіе воины, которыхъ вождь покинулъ у потока и повелъ впередъ только однихъ локавшихъ по-песьи. Стоять

они даже не ожидая, что къ нимъ придетъ новый Гедеонъ, который выжметъ передъ ними руно и разобьетъ водоносъ свой, а растерявшись измышляютъ только, какъ бы еще что-нибудь почуднѣе выкинуть въ своей старой, нигилистической куркѣ.

Вѣра Сергѣевна Онучина возбуждаетъ всеобщую зависть и удивленіе. Она нынче одна изъ блистательнѣйшихъ дамъ самаго представительнаго русскаго посольства. Мужа своего она терпѣть не можетъ, но и весьма равнодушно относится ко всѣмъ искательствамъ свѣтскихъ львовъ и онагровъ. По столичной хроникѣ, ея теплымъ вниманіемъ до сихъ поръ пользуется только одинъ primo tenore итальянской оперы. Что будетъ далѣе—пока неизвѣстно. Серафима Григорьевна читаетъ сочиненія аббата Гёте и проклинаетъ Ренана. Кириллъ Сергѣевичъ сдѣлался туристомъ. Онъ объѣхалъ западный берегъ Африки и путешествовалъ по всей Америкѣ. Недавно онъ возвратился въ Петербургъ и привезъ первое и послѣднее извѣстіе о Долинскомъ. Онучинъ видѣлъ Нестора Игнатьича съ іезуитскими миссіонерами въ Парагваѣ. По словамъ Кирилла Сергѣевича, на всѣ вопросы, которые онъ дѣлалъ Долинскому, тотъ съ ненарушимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ только: «memento mori!»

Пара строкъ вмѣсто эпилога.

Хищная возвратная горячка, вычеркнувшая прошедшею зимою такъ много человѣческихъ именъ изъ списка живыхъ питерщиковъ, отвела сажень приневской тундры для синьоры Луизы. Безпокойная подруга Ильи Макаровича улеглась на вѣчный покой въ холодной могилѣ на Смоленскомъ кладбищѣ, оставивъ художнику пятилѣтняго сына, восьмилѣтнюю дочь и вексель, взятый ею когда-то въ обезпеченіе себѣ вѣрной любви до гроба. Илья Макаровичъ совсѣмъ засуетился съ сиротами и надѣлалъ бы Богъ-вѣсть какой чепухи, если бы въ спасеніе дѣтей не вступилась Анна Михайловна. Она взяла ихъ къ себѣ и возится съ ними какъ лучшая мать. Илья Макаровичъ прибѣгаетъ теперь сюда каждый день взглянуть на своихъ ребятокъ, восторгается ими, поучаетъ ихъ любви и почтенію къ Аннѣ Михайловнѣ; цѣлуетъ ихъ черненькія головенки и нерѣдко плачетъ надъ ними. Онъ совсѣмъ не можетъ сладить съ

теперешнимъ своимъ одиночествомъ и, по собственному его выраженію, «нудится жизнью», скучаетъ ею. Недавно (читатель совершенно удобно можетъ вообразить, что это было вчера вечеромъ), Илья Макаровичъ явился къ Аннѣ Михайловнѣ съ лицомъ блѣднымъ, озабоченнымъ и серьезнымъ.

— Что съ вами, милый Илья Макаровичъ? — спросила его съ своимъ всегдашнимъ теплымъ участіемъ Анна Михайловна, трогаясь рукою за плечо художника.

Илья Макаровичъ быстро поцѣловалъ ея руку, отбѣжалъ въ сторону и заморгалъ.

— Что съ вами такое сегодня? — переспросила, снова подходя къ нему и кладя ему на плечи свои ласковыя руки, Анна Михайловна.

— Со мной-съ?.. Со мной, Анна Михайловна, ничего. Со мной то же, что со всѣми: скучно очень.

Анна Михайловна тихо покачала головою и тихо сказала:

— Не весело; это правда.

— Анна Михайловна! — началъ, быстро оправляясь, художникъ: — у насъ ужъ такіе годы, что...

— Изъ ума выживать пора?

— Ахъ, нѣтъ-съ! то-то именно нѣтъ-съ. Въ наши годы можно о себѣ серьезнѣй думать. Просто разбитые мы всѣ люди: ни счастья у насъ, ни радостей у насъ, утромъ ждешь вечера, съ вечера ночь къ утру торопишь, жить ни при чемъ, а руки на себя наложить подло. Это что же это такое? Это просто терзанье, а не жизнь.

Тихая улыбка улетѣла съ лица Анны Михайловны, и она смотрѣла въ глаза художнику очень серьезно.

— А между тѣмъ... знаете что, Анна Михайловна... Не разсердитесь только вы Христа-ради?

— Я никогда не сержусь.

— Будьте матерью моимъ дѣтямъ: выйдите за меня замужъ, ей-Богу, ей-Богу я буду... хорошимъ человѣкомъ,— проговорилъ со страхомъ и надеждою Журавка и сильно прижалъ къ дрожащимъ и теплымъ губамъ Анны Михайловнину руку.

Анна Михайловна смотрѣла на художника попрежнему тихо и серьезно.

— Илья Макарычъ! — начала она ему послѣ минутной паузы. — Во-первыхъ, вы ободритесь и не конфузьтесь. Не

жалѣйте, пожалуйста, что вы мнѣ это сказали (она взяла его ладонью подъ подбородокъ и приподняла его опущенную голову). Вы ничѣмъ меня не обрадовали, но и ничѣмъ не обидѣли: сердиться на васъ мнѣ не за что; но только оставьте вы это, мой милый; оставьте объ этомъ думать.

— Да вѣдь я-жъ бы любилъ васъ!—произнесъ совсѣмъ сквозь слезы Журавка, сжимая между своими руками руку Анны Михайловны и цѣлуя концы ея пальцевъ.

— Знаю, знаю, Илья Макарычъ, и вѣрю вамъ,—отвѣчала Анна Михайловна, матерински лаская его голову.

— Вѣдь выходятъ же замужъ и...—художникъ остановился.

— *Не любя*,—досказала Анна Михайловна.—Да, милый Илья Макарычъ, выходятъ, и очень-очень дурно дѣлаютъ. Неужто вы хвалите тѣхъ, которыя такъ выходятъ?

— Нѣтъ... это я... такъ сказалъ,—отвѣчалъ, глотая слезы, Журавка.

— Такъ сказали? Да, я увѣрена, что вы въ эту минуту обо мнѣ не подумали. Но скажите же теперь, мой другъ, если вы нехорошаго мнѣнія о женщинахъ, которыя выходятъ замужъ *не любя* своего будущаго мужа, — то какого же вы были бы мнѣнія о женщинѣ, которая выйдетъ замужъ, любя не того, кого она будетъ называть мужемъ?

— Но вѣдь *его* нѣту; *онъ пропалъ*... погибъ.

— Погибшіе еще болѣе жалки.

— Да нѣтъ же, поймите вы, что вѣдь нѣтъ его совсѣмъ на свѣтѣ,—говорилъ, плача какъ ребенокъ, Журавка.

Анна Михайловна слегка наморщила брови и впервые въ жизни едва не разсердилась. Она положила свою руку на темя Ильи Макаровича, порывисто придвинула его ухо къ своему сердцу и сказала:

— Слышите? Это *онъ* стучитъ тамъ своимъ дорожнымъ посохомъ.

НА КРАЮ СВѢТА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Раннимъ вечеромъ, на святкахъ, мы сидѣли за чайнымъ столомъ въ большой голубой гостиной архіерейскаго дома. Насъ было семь человѣкъ, восьмой нашъ хозяинъ, тогда уже весьма престарѣлый архіепископъ, больной и немощный. Гости были люди просвѣщенные и между ними шелъ интересный разговоръ о нашей вѣрѣ и о нашемъ невѣріи, о нашемъ проповѣдничествѣ въ храмахъ и о просвѣтительныхъ трудахъ нашихъ миссій на Востокѣ. Въ числѣ собесѣдниковъ находился нѣкто флота-капитанъ Б., очень добрый человѣкъ, но большой нападчикъ на русское духовенство. Онъ твердилъ, что наши миссіонеры совершенно неспособны къ своему дѣлу, и радовался, что правительство разрѣшило теперь трудиться на пользу Слова Божія чужеземнымъ евангелическимъ пасторамъ. Б. выражалъ твердую увѣренность, что эти проповѣдники будутъ у насъ имѣть огромный успѣхъ не среди однихъ евреевъ и докажутъ, какъ два и два—четыре, неспособность русскаго духовенства къ миссіонерской проповѣди.

Нашъ почтенный хозяинъ, въ продолженіе этого разговора, хранилъ глубое молчаніе: онъ сидѣлъ съ покрытыми пледомъ ногами въ своемъ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ и, повидимому, думалъ о чемъ-то другомъ; но когда Б. кончилъ, старый владыка вздохнулъ и проговорилъ:

— Мнѣ кажется, господа, что вы господина капитана напрасно бы стали оспаривать; я думаю, что онъ правъ: чужеземные миссіонеры положительно должны имѣть у насъ большой успѣхъ.

— Я очень счастливъ, владыко, что вы раздѣляете мое мнѣніе,—отвѣчалъ капитанъ Б. и, сдѣлавъ вслѣдъ за симъ нѣсколько самыхъ благопристойныхъ и тонкихъ комплиментовъ извѣстной образованности ума и благородству характера архіерея, добавилъ:

— Ваше высокопреосвященство, разумѣется, лучше меня знаете всѣ недостатки русской Церкви, гдѣ, конечно, среди духовенства есть люди и очень умные, и очень добрые,—я этого никакъ не стану оспаривать, но они едва ли понимаютъ Христа. Ихъ положеніе и прочее... заставляетъ ихъ толковать все... слишкомъ узко.

Архіерей посмотрѣлъ на него, улыбнулся и отвѣтилъ:

— Да, господинъ капитанъ, скромность моя не оскорбится признать, что я, можетъ-быть, не хуже васъ знаю всѣ скорби Церкви; но справедливость была бы оскорблена, если бы я рѣшился признать вмѣстѣ съ вами, что въ Россіи Господа Христа понимаютъ менѣе, чѣмъ въ Тюбингенѣ, Лондонѣ или Женевѣ.

— Объ этомъ, владыко, еще можно спорить.

Архіерей снова улыбнулся и сказалъ:

— А вы, я вижу, охочи спорить. Что съ вами дѣлать! Отъ спора мы воздержимся, а бесѣдовать—давайте.

И съ этимъ словомъ онъ взялъ со стола большой, богато украшенный рѣзьбою изъ слоновой кости, альбомъ и, раскрывъ его, сказалъ:

— Вотъ нашъ Господь!—Зову васъ посмотрѣть! Здѣсь я собралъ много изображеній Его лица. Вотъ Онъ сидитъ у кладезя съ женой самаритянской — работа дивная; художникъ, надо думать, понималъ и лицо, и моментъ.

— Да; мнѣ тоже кажется, владыко, что это сдѣлано съ понятіемъ,—отвѣчалъ Б.

— Однако, нѣтъ ли здѣсь въ Божественномъ лицѣ излишней мягкости? не кажется ли вамъ, что Ему ужъ слишкомъ все равно, сколько эта женщина имѣла мужей и что нынѣшній мужъ ей не мужъ?

Всѣ молчали; архіерей это замѣтилъ и продолжалъ:

— Мнѣ кажется, сюда немного строгаго вниманія было бы чертой нелишнею.

— Вы правы, можетъ-быть, владыко.

— Распространенная картина; мнѣ доводилось ее часто видѣть по преимуществу у дамъ. Посмотримъ далѣе. Опять

великій мастеръ. Христа цѣлуетъ здѣсь Іуда. Какъ кажется вамъ здѣсь Господень ликъ? Какая сдержанность и доброта! Не правда ли? Прекрасное изображеніе!

— Прекрасный ликъ!

— Однако, не слишкомъ ли много здѣсь усилія сдерживаться? Смотрите: лѣвая щека, мнѣ кажется, дрожитъ и на устахъ какъ бы гадливость.

— Конечно, это есть, владыко.

— О, да; да вѣдь Іуда ея ужъ, разумѣется, и стоилъ; и рабъ, и льстецъ — онъ очень могъ ее вызвать у всякаго... только, впрочемъ, не у Христа, Который ничѣмъ не брезговалъ, а всѣхъ жалѣлъ. Ну, мы этого пропустимъ; Онъ насъ, кажется, не совсѣмъ удовлетворяетъ, хотя я знаю одного большого сановника, который мнѣ говорилъ, что онъ удачнѣе этого изображенія Христа представить себѣ не можетъ. Вотъ вновь Христосъ и тоже кисть великая писала. — Тиціанъ: передъ Господомъ стоитъ коварный фарисей съ динаріемъ. Смотрите-ка: какой лукавый старецъ, но Христосъ... Христосъ... Охъ, я боюсь! смотрите: нѣтъ ли тутъ презрѣнія на Его лицѣ?

— Оно и быть могло, владыко!

— Могло, не спорю: старецъ гадокъ; но я, молясь, такимъ себѣ не мыслю Господа и думаю, что это неудобно? Не правда ли?

Мы отвѣчали согласіемъ, находя, что представлять лицо Христа въ такомъ выраженіи неудобно, особенно возноса къ Нему молитвы.

— Совершенно съ вами въ этомъ согласенъ, и даже припоминаю себѣ объ этомъ споръ мой нѣкогда съ однимъ дипломатомъ, которому *этотъ* Христосъ только и нравился; но, впрочемъ, что же?.. моментъ дипломатическій. Но пойдемте далѣе: вотъ тутъ уже, съ этихъ мѣстъ у меня начинаются одинокія изображенія Господа, безъ сосѣдей. Вотъ вамъ снимокъ съ прекрасной головы скульптора Кауера: хорошъ, хорошъ! — ни слова; но мнѣ, воля ваша, эта академическая голова напоминаетъ гораздо менѣе Христа, чѣмъ Платона. Вотъ Онъ, еще... какой страдалецъ... какой ужасный видъ придалъ Ему Метсу!.. Не понимаю, зачѣмъ онъ Его такъ избилъ, изсѣкъ и искровянилъ?.. Это, право, ужасно! Опухли вѣки, кровь и синяки... весь духъ, кажется, изъ Него выбитъ и на одно страдающее тѣло ужъ смотрѣть

даже страшно... Перевернемъ скорѣй. Онъ тутъ внушаетъ только состраданіе, и ничего болѣе. — Вотъ вамъ Лафонъ, можетъ-быть, и небольшой художникъ, да на многихъ нынче хорошо потрафилъ; онъ, какъ видите, понялъ Христа иначе, чѣмъ всѣ предыдущіе, и иначе Его себѣ и намъ представилъ: фигура стройная и привлекательная, ликъ добрый, голубиный, взглядъ подъ чистымъ лбомъ, и какъ легко волнуются здѣсь кудри: тутъ локоны, тутъ эти пѣтушки, крутясь, легли на лбу. Красиво, право! а на рукѣ Его пылаетъ сердце, обвитое терновою лозою. Это «Sacré coeur», что отцы іезуиты проповѣдуютъ; мнѣ кто-то сказывалъ, что они и вдохновляли сего господина Лафона чертить это изображеніе; но оно, впрочемъ, нравится и тѣмъ, которые думаютъ, что у нихъ нѣтъ ничего общаго съ отцами іезуитами. Помню, мнѣ какъ-то разъ, въ лютый морозъ, довелось заѣхать въ Петербургѣ къ одному русскому князю, который показывалъ мнѣ чудеса своихъ палатъ, и вотъ тамъ, не совсѣмъ на мѣстѣ — въ зимнемъ саду, я увидѣлъ впервые этого Христа. Картина въ рамочкѣ стояла на столѣ, передъ которымъ сидѣла княгиня и мечтала Прекрасная была обстановка: пальмы, аурумы, бананы, шебечутъ и порхаютъ птички, и она мечтаетъ. О чемъ? Она мнѣ сказала:—«ищетъ Христа». Я тогда и всмотрѣлся въ это изображеніе. Дѣйствительно, смотрите, какъ Онъ эффектно выходитъ, или, лучше сказать, износится изъ этой тьмы; за Нимъ ничего: ни этихъ пророковъ, которые докучали всѣмъ, бѣгая въ своихъ лохмотьяхъ и цѣпляясь даже за царскія колесницы,— ничего этого нѣтъ, а только тьма... тьма фантазіи. Эта дама,—пошли ей Богъ здоровья,—первая мнѣ и объяснила тайну, какъ находить Христа, послѣ чего я и не спорю съ господиномъ капитаномъ, что иностранные проповѣдники у насъ не однимъ жидамъ Его покажутъ, а всѣмъ, кому хочется, чтобы Онъ пришелъ подъ пальмы и бананы слушать канареекъ. Только Онъ ли туда придетъ? Не пришелъ бы подъ Его слѣдъ кто другой къ нимъ? Признаюсь вамъ, я этому щеголеватому канареечному Христу охотно предпочелъ бы вотъ эту жидоватую главу Гверчино, хотя и она говоритъ мнѣ только о добромъ и восторженномъ раввинѣ, котораго, по опредѣленію господина Ренана, можно было любить и съ удовольствіемъ слушать... И вотъ вамъ, сколько пониманій и представленій о Томъ, Кто одинъ всѣмъ намъ

на потребу! Закроемъ теперь все это и оберните́сь къ углу, къ которому стоите спиною: опять ликъ Христовъ и уже на сей разъ это именно не лицо,—а ликъ. Типическое русское изображеніе Господа: взглядъ прямъ и простъ, темя возвышенное, что̀, какъ извѣстно, и по системѣ Лафатера означаетъ способность возвышеннаго богопочтенія; въ ликѣ есть выраженіе, но нѣтъ страстей. Какъ достигали такой прелести изображенія наши старые мастера?—это осталось ихъ тайной, которая и умерла вмѣстѣ съ ними и съ ихъ отверженнымъ искусствомъ. Просто—до невозможности желать простѣйшаго въ искусствѣ: черты чуть слегка означены, а впечатлѣніе полно; муживоватъ Онъ, правда, но при всемъ томъ Ему подобаетъ поклоненіе, и какъ кому угодно, а по-моему, нашъ простодушный мастеръ лучше всѣхъ *понялъ*—Кого ему надо было написать. Муживоватъ Онъ, повторяю вамъ, и въ зимній садъ Его не позовутъ послушать канареекъ, да что̀ бѣды! — гдѣ Онъ какимъ открылся, тамъ такимъ и ходитъ; а къ намъ зашелъ Онъ въ рабьемъ зракѣ и такъ и ходитъ, не имѣя, гдѣ главы приклонить отъ Петербурга до Камчатки. Знать Ему это нравится принимать съ нами поношенія отъ тѣхъ, кто пьетъ кровь Его и ее же проливаетъ. И вотъ, въ эту же мѣру, въ какую, по-моему, проще и удачнѣе наше народное искусство поняло внѣшнія черты Христова изображенія, и народный духъ нашъ, можетъ-быть, ближе къ истинѣ постигъ и внутреннія черты Его характера. Не хотите ли, я вамъ разскажу нѣкоторый, можетъ-быть не лишенный интереса, анекдотъ на этотъ случай.

— Ахъ, сдѣлайте милость, владыко; мы всѣ васъ просимъ объ этомъ!

— А, просите?—такъ и прекрасно: тогда и я васъ прошу слушать и не перебивать, что̀ я начну сказывать довольно издали.

Мы откашлянулись, поправились на мѣстахъ, чтобы не шевелиться, и архіерей началъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Мы должны, господа, мысленно перенестись за много лѣтъ назадъ: это будетъ относиться къ тому времени, когда я еще, можно сказать, довольно молодымъ человѣкомъ, былъ поставленъ во епископы, въ весьма отдаленную си-

бирскую епархію. Я былъ отъ природы нрава пылкаго и любилъ, чтобы у меня было много дѣла, а потому не только не опечалился, а даже очень обрадовался этому дальнему назначенію. Слава Богу, думалъ я, что мнѣ хотя для начала-то выпало на долю не только ставленниковъ стричь, да пьяныхъ дьячковъ разбирать, а настоящее живое дѣло, которымъ можно съ любовію заняться. Я разумѣлъ именно то наше малоуспѣшное миссіонерство, о которомъ господинъ капитанъ изволилъ вспомнить въ началѣ нашей сегодняшней бесѣды. Ѣхалъ я къ своему мѣсту, пылая рвеніемъ и съ планами самыми обширными, и сразу же было и всю свою энергію остудилъ и, что еще важнѣе, — чуть-чуть было самаго дѣла не перепортилъ, если бы мнѣ не данъ былъ спасительный урокъ въ одномъ чудесномъ событіи.

— Чудесное!—воскликнулъ кто-то изъ слушателей, позабывъ условіе не перебивать разсказа; но нашъ снисходительный хозяинъ за это не разсердился и отвѣчалъ:

— Да, господа, обмолвясь словомъ, могу его не брать назадъ: въ томъ, что со мною случилось и о чемъ началъ вамъ разсказывать—не безъ чудесъ, и чудеса эти начали мнѣ являться чуть не съ самаго перваго дня моего прибытія въ мою полудикую епархію. Первое дѣло, съ котораго начинаетъ свою дѣятельность русскій архіерей, куда бы онъ ни попалъ, конечно есть обозрѣніе внѣшности храмовъ и богослуженія, — къ этому обратился и я: велѣлъ, чтобы вездѣ были приняты прочь съ престоловъ лишніе евангелія и кресты, благодаря которымъ эти престолы у насъ часто превращаются въ какія-то выставки магазина церковной утвари. Заказалъ себѣ столько ковриковъ съ орлецами, сколько нужно было, чтобы они лежали на своихъ мѣстахъ, чтобы не шмыгали у меня съ ними подъ носомъ, подбрасывая ихъ подъ ноги. Съ усиліемъ и подъ страхомъ штрафовъ воздерживалъ дьяконовъ не ловить меня во время служенія за локти и не забираться рядомъ со мною на горнее мѣсто, а наипаче всего не надѣлять тумаками и подзагривками бѣдныхъ ставленниковъ, у которыхъ оттого, послѣ пріятія благодати Святаго Духа, недѣли по двѣ, и загорбокъ, и шея болитъ. И никто изъ васъ мнѣ не повѣритъ, сколько все это стоитъ труда и какія приноситъ досады, особенно человѣку нетерпѣливому, какимъ я тогда былъ и остаюсь таковымъ же, къ моему стыду, отчасти и

доселѣ. Окончилось съ этимъ,— надо было приниматься за второе архіерейское дѣло первой важности: удостовѣриться, умѣютъ ли причетники читать, хоть ужъ если не по писанному, то, по крайней мѣрѣ, по печатному. Эти экзамены долго меня занялн и сильно досаждали мнѣ, а порою и смѣшили. Безграмотный, или, по крайней мѣрѣ, «*неписьменный*» дьячокъ или понамарь и теперь еще, пожалуй, отыщется въ селѣ или въ уѣздномъ городишкѣ и внутри Россіи, что и оказалось, когда имъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пришлось въ первый разъ расписываться въ полученіи жалованья. Но тогда,—во время оно, да еще въ Сибири,—это было явленіе самое обыкновенное. Я ихъ велѣлъ учить; они на меня, разумѣется, плакались и прозвали меня «лютымъ»; приходы жаловались, что нѣтъ чтецовъ, что архіерей «церкви разоряетъ». Что тутъ дѣлать! я сталъ отпускать на мѣста такихъ дьячковъ, которые хоть на намять читать умѣли, и—о, Боже!—что за людей я видѣлъ! Косые, хромые, гугнявые, юродивые и даже... какіе-то одержимые. Одинъ, вмѣсто «Пріидите, поклонимся Цареви Нашему Богу», закрывъ глаза, какъ перепелъ, колотилъ: «плитимбоу, плитимбоу» и заливался этимъ такъ, что удержать его невозможно. Другой—уже это именно былъ одержимый,—онъ такъ искусился въ скорохватѣ, что съ какимъ-нибудь извѣстнымъ словомъ у него являлась своя ассоціація идей, которой онъ никакъ не могъ не подчиняться. Такое слово для него было, напримѣръ, «на небеси». Начнетъ читать: «Иже на всякое время, на всякій часъ на небеси»... и вдругъ у него что-то въ головѣ защелкнетъ, и онъ продолжаетъ: «да святится Имя Твое, да пріидетъ царствіе». Что я съ этимъ тираномъ ни мучился, все было тщетно! Велѣлъ ему по книгѣ читать,—читаетъ: «Иже на всякое время, на всякій часъ на небеси», но вдругъ закрылъ книгу и пошелъ «да святится имя Твое», и залопоталъ до конца, и возглашаетъ «отъ лукаваго». Только тутъ и остановиться могъ: оказалось, что онъ не умѣетъ читать. За грамотностью дьячковъ очередь переходитъ къ благонравію семинаристовъ и опять начинаются чудеса. Семинарія была до того распущена, воспитанники пьянствовали и до того безчинствовали, что, напримѣръ, одинъ философъ, при инспекторѣ, кончая вечернія молитвы, прочелъ: «упованіе мое, Отецъ, прибѣжище мое Сынъ, по-

кровъ мой Духъ Святый: Троица Святая,—*мое вамъ почтеніе*»; а въ богословскомъ классѣ другая исторія: одинъ послѣ обѣда благодаритъ, «яко насытилъ земныхъ благъ», и проситъ не лишить и «небеснаго царствія», а ему изъ толпы кричатъ: «Свинья! нажрался, да еще въ царство небесное просишься».

Надо было подыскать какъ можно скорѣе инспектора, подходящаго подъ мой духъ,—тоже лютаго; при большой спѣшности и небольшомъ выборѣ попался такой: лютости въ немъ оказалось довольно, но уже зато ничего другого не спрашивай.

— Я, говоритъ, ваше преосвященство, приму все это по-военному, чтобы сразу...

— Хорошо,— отвѣчаю:—примись по-военному...

Онъ и принялся и съ того началъ, что молитвы распорядился не читать, но пѣть хоромъ, дабы устранить всякія шалости, и то пѣть по его командѣ. Взойдетъ онъ при полномъ молчаніи и, пока не скомандуетъ, всѣ безмолвствуютъ; скомандуетъ: «молитву!» и запоютъ. Но этотъ уже очень «по-военному» уставилъ; скомандуетъ «молит-в-у-у!» Семинаристы только запоютъ «Очи всѣхъ Господи на Ти упов...»—онъ на половинѣ слова кричитъ: «Ст-о-ой» и подзываетъ одного:

— Фроловъ, поди сюда!

Тотъ подходитъ.

— Ты Багрѣевъ?

— Нѣтъ-съ, я Фроловъ.

— А-а: ты Фроловъ?! Отчего же это я думалъ, что ты Багрѣевъ?

Опять хохотъ и опять ко мнѣ жалобы. Нѣтъ, вижу—не годится этотъ съ военными пріемами, и нашелъ кое-какъ цивилиста, который былъ хотя не столь лютъ, но благоразумнѣе дѣйствовалъ: передъ учениками притворялся самымъ слабымъ добрякомъ, а мнѣ все ябедничалъ и повсюду разсказывалъ ужасы о моемъ звѣрствѣ. Я это зналъ и, видя, что эта мѣра оказывается дѣйствительною, не претилъ его системѣ.

Насилу этихъ своею «лютостію» въ повиновеніе привелъ, въ зрѣломъ возрастѣ чудеса пошли: доносятъ мнѣ, что въ соборнаго протоіерея возъ сѣна въ середину въѣхалъ и не можетъ выѣхать. Посылаю узнавать; говорятъ: дѣйствительно

такъ. Протопопъ былъ тучный: послѣ обѣдни крестилъ въ купеческомъ домѣ и вдоволь облѣпихою угостился, а что отъ этой облѣпихи, что отъ другой тамошней ягоды, дикуши, хмель самый тяжелый и глупый. То и съ этимъ сталось: пришелъ домой, часа четыре заснулъ, всталъ и, выпивъ жбанъ квасу, легъ грудью на окно, чтобы поговорить съ кѣмъ-то, кто внизу стоялъ, и вдругъ... возъ съ сѣномъ въ него въѣхалъ. Вѣдь все это глупое такое, что даже противно сдѣлается, а раздѣлается, такъ, пожалуй, еще противнѣй станетъ. На другой день келейникъ подаетъ мнѣ сапоги и докладываетъ, что «слава Богу, говоритъ, изъ отца протопопа возъ съ сѣномъ уже выѣхалъ».

— Очень радъ, говорю, таковой радости; но подай-ка мнѣ эту исторію обстоятельно.

Оказывается, что протопопъ, имѣвшій двухъ-этажный домъ, легъ на окно, подъ которымъ были ворота, и въ нихъ въ эту минуту въѣхалъ возъ съ сѣномъ, причемъ ему, отъ облѣпихи и отъ сна до одури, показалось, что это въ него въѣхало. Невѣроятно, но, однако, такъ было: credo, quia absurdum.

Какъ же сего дивотворнаго мужа спасли?

А тоже дивотворно: встать онъ ни за что не соглашался, потому что въ немъ возъ сидитъ; лѣкарь не находилъ лѣкарства противъ сего недуга. Тогда шаманку призвали; та повертѣлась, постучала и велѣла на дворѣ возъ сѣна наложить и назадъ выѣхать; больной принялъ, что это изъ него выѣхало, и исцѣлѣлъ.

Ну, послѣ этого дѣлайте съ нимъ, что хотите, а онъ свое уже сдѣлалъ: и людей насмѣшилъ, и шаманку призвалъ идольскими чарами его пользовать; а такія вещи тамъ не въ мѣшечкѣ лежатъ, а по дорожкѣ бѣжатъ. «Что до попы,—они ничего не значатъ и сами нашихъ шаманокъ зовутъ шайтана отгонять». И идутъ себѣ да идутъ этакія глупости. Долго я приправлялъ, какъ могъ, сіи дымящія лампады, и приходская часть мнѣ черезъ нихъ невыносимо надокучила; но зато насталъ давно желанный и вожделѣнный мигъ, когда я могъ всего себя посвятить трудамъ по просвѣщенію дикихъ овецъ моей паствы, пасущихся безъ пастыря.

«Забралъ я себѣ всѣ касающіяся этой части бумаги и присѣлъ за нихъ вплотную, такъ что и отъ стола не отхожу».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Ознакомясь съ миссіонерскими отчетностями, я остался всею дѣятельностію недоволенъ болѣе, чѣмъ дѣятельностію моего приходскаго духовенства: обращеній въ христіанство было чрезвычайно мало, да и то ясно было, что добрая доля этихъ обращеній значилась только на бумагѣ. На самомъ же дѣлѣ одни изъ крещеныхъ снова возвращались въ свою прежнюю вѣру, — ламайскую или шаманскую; а другіе дѣлали изъ всѣхъ этихъ вѣръ самое странное и нелѣпое смѣшеніе: они молились и Христу съ Его апостолами, и Буддѣ съ его буддисидами, да тенгеринами, и войлочнымъ сумочкамъ съ шаманскими ангонами. Двоевѣріе держалось не у однихъ кочевниковъ, а почти и повсемѣстно въ моей паствѣ, которая не представляла отдѣльной вѣтви какой-нибудь одной народности, а какіе-то щепы и осколки Богъ вѣсть когда и откуда сюда попавшихъ племенныхъ разновидностей, бѣдныхъ по языку и еще болѣе бѣдныхъ по понятіямъ и фантазіи. Видя, что все, касающееся миссіонерства, находится здѣсь въ такомъ хаосѣ, я возымѣлъ объ этихъ моихъ сотрудникахъ мнѣніе самое невыгодное и обошелся съ ними нетерпѣливо сурово. Вообще, я сталъ очень раздражителенъ, и данное мнѣ прозвище «лютаго» начало мнѣ приличествовать. Особенно испыталъ на себѣ печать моего гнѣвливаго нетерпѣнія бѣдный монастырекъ, который я избралъ для своего жительства и при которомъ желалъ основать школу для мѣстныхъ инородцевъ. Разспросивъ чернецовъ, я узналъ, что въ городѣ почти всѣ говорятъ по-якутски, но изъ моихъ иноковъ изо всѣхъ поинородчески говоритъ только одинъ очень престарѣлый іеромонахъ, отецъ Кириакъ, да и тотъ къ дѣлу проповѣди не годится, а если и годится, то, хоть его убей, не хочетъ идти къ дикимъ проповѣдывать.

— Что это, спрашиваю, за ослушникъ, и какъ онъ смѣетъ? Сказать ему, что я этого не люблю и не потерплю.

Но экклезіархъ мнѣ отвѣчаетъ, что слова мои передастъ, но послушанія отъ Кириака не ожидаетъ, потому что это уже ему не первое:—что и два мои быстро другъ за другомъ смѣнившіеся предмѣстника съ нимъ строгость пробовали, но онъ уперся и одно отвѣчаетъ:

— «Душу за моего Христа положить радъ, а крестить

тамъ (то-есть въ пустыняхъ) не стану». Даже, говоритъ, самъ просилъ лучше сана его лишить, но туда не посылать. И отъ священнодѣйствія много лѣтъ былъ за это ослушаніе запрещенъ, но нимало тѣмъ не тяготился, а, напротивъ, съ радостью несъ самую простую службу: то сторожемъ, то въ звонарнѣ. И всѣми любимъ: и братіей, и мірянами, и даже язычниками.

— Какъ? удивляюсь: неужто даже и язычниками?

— Да, владыко, и язычники къ нему иные заходятъ.

— За какимъ же дѣломъ?

— Уважаютъ его какъ-то изстари, когда еще онъ на проповѣдь ѣздилъ въ прежнее время.

— Да каковъ онъ былъ въ то, въ прежнее-то время?

— Прежде самый успѣшный миссіонеръ былъ и множество людей обращалъ.

— Что же ему такое сдѣлалось? отчего онъ бросилъ эту дѣятельность?

— Понять нельзя, владыко; вдругъ ему что-то приключилось: вернулся изъ степей, принесъ въ алтарь мурницу и дароносицу и говоритъ:—Ставлю и не возьму опять, доколѣ не придетъ часъ.

— Какой же ему нуженъ часъ? что онъ подъ симъ разумѣетъ?

— Не знаю, владыко.

— Да неужто же вы у него никто этого не добивались? О. роде лукавый, доколѣ живу съ вами и терплю васъ? Какъ васъ это ничто дѣла касающееся не интересуетъ? Помните себѣ, что если тѣхъ, кои ни горячи, ни холодны, Господь обѣщалъ изблевать съ устъ своихъ, то чего удостоитесь вы, совершенно холодные?

Но мой экклезіархъ оправдывается:

— Всячески, говоритъ, владыко, мы у него любопытствовали, но онъ одно отвѣчаетъ: — «Нѣтъ, говоритъ, дѣтушки, это дѣло не шутка,—это страшное... я на это смотрѣть не могу».

А что такое страшное, на это экклезіархъ не могъ мнѣ ничего обстоятельнаго отвѣтить, а сказалъ только, что «полагаемъ-де такъ, что отцу Кириаку при проповѣди какое-либо откровеніе было». Меня это разсердило. Признаюсь вамъ, я недолюбливаю этотъ ассортиментъ «слывущихъ», которые вживѣ чудеса творятъ и непосредственными от-

кровеніями хвалятся, и причины имѣю ихъ недолюбливать. А потому я сейчасъ же потребовалъ этого строптиваго Кіріака къ себѣ и, не довольствуясь тѣмъ, что уже достаточно слылъ грознымъ и лютымъ, взялъ да еще принасупился: былъ готовъ опалить его гнѣвомъ, какъ только покажется. Но пришелъ къ моимъ очамъ монашекъ, такой маленькій, такой тихій, что не на кого и взоровъ метать; одѣтъ въ облинялой коленкоровой рясѣ, клобукъ толстымъ сукномъ покрытъ, собой черненькій, востролицынькій, а входитъ бодро, безъ всякаго подобострастія, и первый меня привѣтствуетъ:

— Здравствуй, владыко!

Я не отвѣчаю на его привѣтствіе, а начинаю сурово:

— Ты что̀ это здѣсь чудишь, пріятель?

— Какъ, говоритъ, владыко? Прости, будь милостивъ: я маленько на ухо тугъ—не все дослышалъ.

Я еще погромче повторилъ.

— Теперь, молъ, понялъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, ничего не понялъ.

— А почему ты съ проповѣдью идти не хочешь и крестить инородцевъ избѣгаешь?

— Я, говоритъ, владыко, ѣздилъ и крестилъ, пока опыта не имѣлъ.

— Да, молъ; а опытъ получивши и пересталъ?

— Пересталъ.

— Что̀ же сему за причина?

Вздохнулъ и отвѣчаетъ:

— Въ сердцѣ моемъ сія причина, владыко, и Сердцевѣдецъ ее видитъ, что велика она и мнѣ, немощному, неносильна... Не могу!

И съ симъ въ ноги мнѣ поклонился.

Я его поднялъ и говорю:

— Ты мнѣ не кланяйся, а объясни: что̀ ты откровеніе, что ли, какое получилъ, или съ самимъ Богомъ бесѣдовалъ?

Онъ съ кроткою укоризною отвѣчаетъ:

— Не смѣйся, владыко; я не Моисей, Божій избранникъ, чтобы мнѣ съ Богомъ бесѣдовать; тебѣ грѣхъ такъ думать.

Я устыдился своего пыла и смягчился, и говорю ему:

— Такъ что же? за чѣмъ дѣло?

— А за тѣмъ, видно, и дѣло, отвѣчаетъ, что я не Мои-

сей, что я, владыко, робокъ и свою силу-мѣру знаю: изъ Египта-то языческаго я вывесть—выведу, а Чермнаго моря не разсѣку и изъ степи не выведу, и воздвигну простыя сердца на ропотъ къ преобидѣ Духа Святаго.

Видя этакую образность въ его живой рѣчи, я было заключилъ, что онъ, вѣроятно, самъ изъ раскольниковъ, и спрашиваю:

— Да ты самъ-то какимъ чудомъ въ единеніе съ Церковью приведенъ?

— Я, отвѣчаетъ, въ единеніи съ нею съ моего младенчества и пребуду въ немъ даже до гроба.

И разсказалъ мнѣ препростое и престранное свое происхожденіе. Отецъ у него былъ попъ, рано овдовѣлъ; поѣнчалъ какую-то незаконную свадьбу и былъ лишенъ мѣста, да такъ, что всю жизнь потомъ не могъ себѣ его нигдѣ отыскать, а состоялъ при нѣкоей пожилой важной дамѣ, которая всю жизнь съ мѣста на мѣсто ѣздила и, боясь умереть безъ покаянія, для этого случая сего попа при себѣ возила. Ѣдетъ она, — онъ на передней лавочкѣ съ нею въ каретѣ сидитъ; а она въ домъ войдетъ,—онъ въ передней съ лакеями ее ожидаетъ. И можете себѣ вообразить человѣка, у котораго этакая была вся жизнь! А между тѣмъ, онъ, не имѣя уже своего алтаря, питался буквально отъ своей дароносицы, которая съ нимъ за пазухою путешествовала, и на сынишку онъ у этой дамы какія-то крохи вымаливалъ, чтобы въ училищѣ его содержать. Такъ они и въ Сибирь попали: барыня сюда поѣхала дочь навѣстить, которая была тутъ за губернаторомъ замужемъ, и попа съ дароносицей на передней лавочкѣ привезла. Но какъ путь былъ далекій, да къ тому же еще барыня тутъ долго оставаться собиралась, то попикъ, любя сынишку, не согласился безъ него ѣхать. Барыня подумала-подумала — и, видя, что сей родительскихъ чувствъ не переупрямить, согласилась и взяла съ собою и мальчишку. Такъ онъ сзади за каретою переѣхалъ изъ Европы въ Азію, имѣя при семъ путевымъ долгомъ охранять своимъ присутствіемъ привязанный на запяткахъ чемоданъ, на которомъ и самого его привязали, дабы сонный не свалился. Тутъ и его барыня, и его отецъ умерли, а онъ остался, за бѣдностію курса не кончилъ, въ солдаты попалъ, этапъ водилъ. Имѣя мѣткій глазъ, по приказанію начальства, не цѣлясь, въ догонъ за

какимъ-то бѣглымъ пулю пустилъ и безъ всякаго желанія, на свое горе, убилъ того, и съ той поры онъ все страдалъ, все мучился и, сдѣлавшись негоднымъ къ службѣ, въ монахи пошелъ, гдѣ его отличное поведеніе было замѣчено, а знаніе инородческаго языка и его религіозность побудили склонить его къ миссіонерству.

Выслушалъ я эту простую, но трогательную повѣсть старика и стало мнѣ его до жуткости жалко, и чтобы перемѣнить съ нимъ тонъ, я ему говорю:

— Такъ, стало-быть, это, что подозрѣваютъ, будто ты чудеса какія-нибудь видѣлъ, это неправда?

Но онъ отвѣчаетъ:

— Отчего же, владыко, неправда?

— Какъ?.. такъ ты видѣлъ чудеса?

— Кто же, владыко, чудесъ не видѣлъ?

— Однако?

— Что, однако? Куда ни глянь — все чудо: вода ходитъ въ облакѣ, воздухъ землю держитъ, какъ перышко; вотъ мы съ тобою прахъ и пепелъ, а движимся и мыслимъ, и то мнѣ чудесно; а умремъ и прахъ разсыпется, а духъ пойдетъ къ Тому, Кто его въ насъ заключилъ. И то мнѣ чудно: какъ онъ нагъ безо всего пойдетъ? кто ему крыла дастъ яко голубицѣ, да полетитъ и почіетъ?

— Ну, это-то, молъ, мы оставимъ другимъ разсуждать, а ты скажи мнѣ, не вияя умомъ: не было ли съ тобою въ жизни какихъ-либо необычайныхъ явленій, или чего иного въ семъ родѣ?

— Было отчасти и это.

— Что же такое?

— Очень, говоритъ, владыко, съ дѣтства я былъ взысканъ Божіей милостію и недостойно получалъ дважды чудесныя заступленія.

— Гм? разсказывай.

— Первый разъ это было, владыко, въ сущемъ младенчествѣ. Въ третьемъ классѣ я былъ еще и очень мнѣ въ поле гулять идти хотѣлось. Мы, трое мальчишекъ, пошли у смотрителя рекреацію просить, да не выпросили и рѣшились солгать, а зачинщикъ всему тому я былъ. «Давай, говорю, ребята, всѣхъ обманемъ, побѣжимъ и закричимъ: отпустилъ, отпустилъ!» Такъ и сдѣлали: всѣ съ нашего слова и разбѣжались изъ классовъ и пошли гулять и ку-

наться, да рыбчинку ловить. А къ вечеру на меня страхъ и напалъ: что мнѣ будетъ, какъ домой вернемся?—запоретъ смотритель. Прихожу и гляжу — уже и розги въ лохани стоятъ; я скорѣй драла, да въ баню, спрятался подъ полокъ, да и ну молиться: «Господи! хотя нельзя, чтобы меня не пороть, но сдѣлай, чтобы не пороли!» И такъ усердно объ этомъ въ жару вѣры молился, что даже запотѣлъ и обезсилѣлъ; но тутъ вдругъ на меня чудной прохладой тихой повѣяло и у сердца какъ голубокъ тепленькій запевелился, и сталъ я вѣрить въ невозможность спасенія какъ въ возможное, и покой ощутилъ, и такую отвагу, что вотъ не боюсь ничего, да и кончено! И взялъ да и спать легъ: а просыпаюсь, слышу, товарищи-ребятишки весело кричатъ: «Кирюшка! Кирюшка! гдѣ ты? вылѣзай скорѣй, — тебя пороть не будутъ, ревизоръ пріѣхалъ и насъ гулять отпустилъ».

— Чудо, говорю, твое простое.

— Просто и есть, владыко, какъ сама Троица во единицѣ—простое существо,—отвѣчалъ онъ и съ неописаннѣйшимъ блаженствомъ во взорѣ добавилъ:

— Да вѣдь какъ я, владыко, Его чувствовалъ-то! Какъ пришелъ-то Онъ, батюшка мой, отрадненькій! удивилъ и обрадовалъ. Самъ суди: всей вселенной Онъ не обхватитъ, а видя ребячью скорбь, подъ банный полочекъ къ мальченкѣ подползъ въ дусѣ хлада тонка и за пазушкой обиталъ...

Я вамъ долженъ признаться, что я болѣе всякихъ представленій о Божествѣ люблю этого, нашего *русскаго Бога*, который творитъ себѣ обитель «за пазушкой». Тутъ, что намъ господа греки ни толкуй, и какъ ни доказывай, что мы имъ обязаны тѣмъ, что и Бога черезъ нихъ знаемъ,— и не они намъ Его открыли:—не въ ихъ пышномъ византійствѣ мы обрѣли Его въ дымѣ кажденій, а Онъ у насъ свой притоманный и по-нашему, попросту, всюду ходитъ, и подъ банный полочекъ безъ ладана въ дусѣ хлада тонка проникнетъ, и за теплой пазухой голубкомъ пріоборкается.

— Продолжай, говорю, отецъ Киріакъ,—о другомъ чудѣ разсказа жду.

— Сейчасъ и про другое, владыко. Это было, какъ я сталъ уже дальше отъ Него, помаловѣрнѣе,—это было, какъ я сюда за каретою ѣхалъ. Взять меня надо было изъ рос-

сійскаго училища и сюда перевести передъ самымъ экзаменомъ. Я не боялся, потому что первымъ ученикомъ былъ и меня бы безъ экзамена въ семинарію приняли; а смотритель возьми, да и напиши мнѣ свидѣтельство во всемъ *посредственное*. «Это, говоритъ, нарочно, для нашей славы, чтобы тебя тамъ экзаменовать стали и увидали, каковыхъ мы за посредственныхъ считаемъ». Горе было намъ съ отцомъ ужаснос; а къ тому же, хотя отецъ меня и заставлялъ, чтобы я дорогою, на запяткахъ сидя, учился, но я разъ заснулъ и, черезъ рѣчку вбродъ переѣзжая, всѣ книжки свои потерялъ. Самъ горько плачучи, отецъ прежестоко меня за это на постояломъ дворѣ выпоролъ; а все-таки, пока мы до Сибири доѣхали, я все позабылъ и начинаю опять по-ребячьи молиться: «Господи, помоги! сдѣлай, чтобы меня безъ экзамена приняли». Нѣтъ; какъ Его ни просилъ, посмотрѣли на мое свидѣтельство и велѣли на экзаменъ идти. Прихожу печальный; всѣ ребята веселые и въ чехарду другъ черезъ дружку прыгаютъ,— одинъ я такой, да еще другой, тощій-претощій мальчишка сидитъ, не учится, такъ, отъ слабости, говоритъ: «лихорадка забила». А я сижу, гляжу въ книгу и начинаю въ умѣ перекоряться съ Господомъ: «ну, что же? думаю, вѣдь ужъ какъ я Тебя просилъ, а Ты вотъ ничего и не сдѣлалъ!» И съ этимъ всталъ, чтобы пойти воды напиться, а меня какъ что-то по самой серединѣ камеры хлопъ по затылку и на полъ бросило... Я подумалъ: это вѣрно за наказаніе! помочь-то Богъ мнѣ ничего не помогъ, а вотъ еще и ударилъ. Анъ, смотрю, нѣтъ: это просто тотъ больной мальчикъ черезъ меня прыгнуть вздумалъ, да не осилилъ, и самъ упалъ и меня сбилъ. А другіе мнѣ говорятъ: «гляди-ка, чужакъ, у тебя рука-то мотается». Попробовалъ, а рука сломана. Повели меня въ больницу и положили, а отецъ туда пришелъ и говоритъ: «не тужи, Кирюша, тебя зато теперь безъ экзамена приняли». Тутъ я и понялъ, какъ Богъ-то все устроилъ, и плакать сталъ... А экзаменъ-то легкій, прелегкій былъ, такъ что я его шутя бы и выдержалъ. Значитъ: не зналъ я, дурачокъ, чего просилъ, но и то исполнено, да еще съ вразумленіемъ.

— Ахъ, ты, говорю, отецъ Кириакъ, отецъ Кириакъ? да ты человѣкъ преутѣшительный!..—Расцѣловалъ я его неоднократно, отпустилъ, и, ни о чемъ болѣе не разспрашивая,

велѣлъ ему съ завтрашняго же дня ходить ко мнѣ, учить меня тунгузскому и якутскому языку.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Но отступивъ со своею суровостію отъ Киріака, я зато напустился на прочихъ монаховъ своего монастырька, отъ коихъ, по правдѣ сказать, не видалъ ни Киріакова простодушія и никакого дѣла на службу вѣры полезнаго: живутъ себѣ этакимъ, такъ сказать, форпостомъ христіанства въ краю язычниковъ, а ничего, лѣнивцы, не дѣлаютъ, — даже языку туземному ни одинъ не озаботился научиться.

Шунялъ я ихъ, шунялъ келейно и, наконецъ, съ амвона на нихъ громыхнулъ словомъ царя Ивана къ преподобному Гурію, что «напрасно-де именуютъ чернецовъ ангелами, — нѣтъ имъ съ ангелами сравненія, ни какого-либо подобія, а должны они уподобляться апостоламъ, которыхъ Христосъ послалъ учить и крестить!»

Киріакъ приходитъ ко мнѣ на другой день урокъ давать и прямо мнѣ въ ноги:

— Что ты? что ты? говорю, подымая его; учителю благій, тебѣ это не довлѣетъ ученику въ ноги кланяться.

— Нѣтъ, владыко, ужъ очень ты меня утѣшилъ, такъ утѣшилъ, что я и въ жизнь не чаялъ такого утѣшенія!

— Да чѣмъ, говорю, Божій человѣкъ, ты такъ мною обрадованъ?

— А что велишь монахамъ учиться, да идучи *впередъ учить, а потомъ крестить;* ты правъ, владыко, что такой порядокъ устроилъ, его и Христосъ велѣлъ и приточникъ поучаетъ: «идѣже нѣсть ученія души, нѣсть добра». Крестить-то они всѣ могучи, а обучить слову нѣтяги.

— Ну, ужъ это, говорю, ты меня, братъ, кажется, шире понялъ, чѣмъ я говорилъ; этакъ, вѣдь, по-твоему и дѣтей бы не надо крестить.

— Дѣти христіанскія другое дѣло, владыко.

— Ну да; и предковъ бы нашихъ князь Владиміръ не окрестилъ, если бы долго отъ нихъ научености ждалъ.

А онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— Эхъ, владыко, да вѣдь и впрямь бы ихъ, можетъ, прежде поучить лучше было. А то, самъ, чай, въ лѣтописи читалъ,—все больно скоро варомъ вскипѣло, «понеже благочестіе его со страхомъ бѣ сопряжено». Платонъ митропо-

литъ мудро сказалъ: «Владиміръ поспѣшилъ, а греки слукавили,—невѣждъ ненаученыхъ окрестили». Что намъ ихъ спѣшкѣ съ лукавствомъ слѣдовать? вѣдь они, знаешь, «льстивы даже до сего дня». Итакъ, во Христа-то мы крестимся, да во Христа не облекаемся. Тщетно это такъ крестить, владыко!

— Какъ, говорю, тщетно, отецъ Кириакъ, что ты это, батюшка, проповѣдуешь?

— А что же, отвѣчаетъ, владыко?—вѣдь это благочестивой тростью писано, что одно водное крещеніе невѣждѣ къ пріобрѣтенію жизни вѣчной не служитъ.

Посмотрѣлъ я на него и говорю серьезно:

— Послушай, отецъ Кириакъ, вѣдь ты еретичествуешь.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, во мнѣ нѣтъ ереси, я по тайноводству святого Кирилла Іерусалимскаго правовѣрно говорю: «Симонъ волховъ въ купѣли тѣло омочи водою, но сердце не просвѣти духомъ, и снидѣ, и изыде тѣломъ, а душою не спогребеся, и не возста». Что окрестился, что выкупался, все равно христіаниномъ не былъ. Живъ Господь и жива душа твоя, владыко,—вспомни, развѣ не писано: будутъ и крещеные, которые услышатъ «не вѣмъ васъ», и некрещеные, которые отъ дѣлъ совѣсти оправдятся и внидутъ, яко хранившіе правду и истину. Неужели же ты сіе отметаешь?

Ну, думаю, подождемъ объ этомъ бесѣдовать, и говорю:

— Давай-ка, говорю, братъ, не іерусалимскому, а дикарскому языку учиться, бери указку, да не больно сердись, если я не толковъ буду.

— Я не сердитъ, владыко, отвѣчаетъ.—И точно, удивительно былъ благодушный и откровенный старикъ и прекрасно училъ меня. Толково и быстро открылъ онъ мнѣ всѣ таинства, какъ постичь эту молвь, такую бѣдную и немногословную, что ее едва ли можно и языкомъ назвать. Во всякомъ разѣ это не болѣе какъ языкъ жизни животной, а не жизни умственной; а между тѣмъ усвоить его очень трудно: обороты рѣчи, краткіе и непериодическіе, дѣлаютъ крайне затруднительнымъ переводы на эту молвь всякаго текста, изложеннаго по правиламъ языка выработаннаго, со сложными періодами и подчиненными предложеніями; а выраженія поэтическія и фигуральныя на него вовсе не переводимы, да и понятія, ими выражаемыя, остались бы для этого бѣднаго люда недоступны. Какъ раз-

сказать имъ смыслъ словъ: «будьте хитры, какъ зміи, и незлобивы, какъ голуби», когда они и ни змѣи, и ни голубя никогда не видали и даже представить ихъ себѣ не могутъ. Нельзя имъ подобрать словъ: ни мученикъ, ни креститель, ни предтеча, а Пресвятую Дѣву, если перевести по ихнему словами *шочмо Абя*, то выйдетъ не наша Богородица, а какое-то шаманское божество женскаго пола,— короче сказать, — *болтня*. Про заслуги же св. крови, или про другія тайны вѣры еще труднѣе говорить, а строить имъ какую-нибудь богословскую систему, или просто слово молвить о рожденіи безъ мужа, отъ дѣвы, — и думать нечего: — они или ничего не поймутъ, и это самое лучшее, а то, пожалуй, еще прямо въ глаза расхохочутся.

Все это мнѣ передалъ Киріакъ и передалъ такъ превосходно, что я, узнавъ духъ языка, постигъ и весь духъ этого бѣднаго народа; и что всего мнѣ было самому надъ собою забавнѣе, что Киріакъ съ меня самымъ незамѣтнымъ образомъ всю мою напускную суровость сбилъ: между нами установились отношенія самыя пріятныя, легкія и такія шутливыя, что я, держась сего шутливаго тона, при концѣ своихъ уроковъ, велѣлъ горшокъ каши сварить, положилъ на него серебряный рубль денегъ, да чернаго сукна на рясу, и понесъ все это, какъ выученикъ, къ Киріаку въ келью.

Онъ жилъ подъ колокольнею въ такой маленькой кельѣ, что какъ я вошелъ туда, такъ двоимъ и повернуться негдѣ, а своды прямо на темя давятъ; но все тутъ опрятно, и даже на полутемномъ окнѣ съ рѣшеткою, въ разбитомъ ваpистомъ горшкѣ, астра цвѣтетъ.

Киріака я засталъ за дѣломъ,—онъ низалъ что-то изъ рыбьей чешуи и нашивалъ на холстикъ.

— Что ты это, говорю, стряпаешь?

— Уборчики, владыко.

— Какіе уборчики?

— А вотъ дѣвчонкамъ маленькимъ дикарскимъ уборчики: онѣ на ярмарку пріѣзжаютъ, я имъ и дарю.

— Это ты язычницъ невѣрныхъ радуешь?

— И-и, владыко! полно-ка тебѣ все такъ: «невѣрные», да «невѣрные»; всѣхъ одинъ Господь создалъ; жалѣть ихъ, слѣпыхъ, надо.

— Просвѣщать, отецъ Киріакъ.

— Просвѣтить, говоритъ, хорошо это, владыко, просвѣтить. Просвѣти, просвѣти,—и зашепталъ: «да просвѣтится свѣтъ твой предъ человѣки, когда увидятъ добрыя твоя дѣла».

— А я вотъ, говорю, къ тебѣ съ поклономъ пришелъ и за выучку горшокъ каши принесъ.

— Ну, что же, хорошо, говоритъ; садись же и самъ при горшкѣ посиди,—гость будешь.

Усадилъ онъ меня на обрубочекъ, самъ сѣлъ на другой, а кашу мою на скамью поставилъ и говоритъ:

— Ну, покушай у меня, владыко; твоимъ же добромъ да тебѣ же челомъ.

Стали мы ѣсть со старикомъ кашу и разговорились.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Меня, по правдѣ сказать, очень занимало, что̀ такое отклонило Киріака отъ его успѣшной миссіонерской дѣятельности и заставило такъ странно, по тогдашнему моему взгляду,—почти преступно, или, во всякомъ случаѣ, соблазнительно относиться къ этому дѣлу.

— О чемъ, говорю, станемъ бесѣдовать? — къ доброму привѣту хороша и бесѣда добрая. Скажи же мнѣ: не знаешь ли ты, какъ намъ научить вѣрѣ вотъ этихъ инородцевъ, которыхъ ты все подъ свою защиту берешь?

— А учить надо, владыко, учить, да отъ добраго житія примѣръ имъ показать.

— Да гдѣ же мы съ тобою ихъ будемъ учить?

— Не знаю, владыко; къ нимъ бы надо съ наученіемъ идти.

— То-то и есть.

— Да, учить надо, владыко; и утромъ сѣять сѣмя, и вечеромъ не давать отдыха рукѣ,—все сѣять.

— Хорошо говоришь,—отчего же ты такъ не дѣлаешь?

— Освободи, владыко, не спрашивай.

— Нѣтъ, ужъ разскажи.

— А требуешь разсказать, такъ поясни: зачѣмъ мнѣ туда идти?

— Учить и крестить.

— Учить?—учить-то, владыко, неспособно.

— Отчего? врагъ, что ли, не даетъ?

— Нѣ-ѣтъ! что̀ врагъ,—велика ли онъ для крещенаго человѣка особа: его однимъ пальчикомъ перекрести, онъ и сгинетъ; а вражки мѣшаютъ,—вотъ бѣда!

— Что это за вражки?

— А вотъ куцые одѣтели, отцы благодѣтели, приказные, чиновные, съ приписью подьячіе.

— Эти, стало быть, самого врага сильнѣй?

— Какъ же можно: сей родъ, знаешь, ничѣмъ не изымается, даже ни молитвою, ни постомъ.

— Ну, такъ надо, значитъ, просто крестить, какъ всѣ крестятъ.

— Крестить...—проговорилъ за мною Кириакъ, и—вдругъ замолчалъ и улыбнулся.

— Что же? продолжай.

Улыбка сошла съ губъ Кириака, и онъ съ серьезною и даже суровою миной добавилъ:

— Нѣтъ, я скорохватомъ не хочу это дѣлать, владыко.

— Что-о-о!

— Я не хочу этого такъ дѣлать, владыко, вотъ что!—отвѣчалъ онъ твердо и опять улыбнулся.

— Чего ты смѣешься? говорю. — А если я тебѣ велю крестить?

— Не послушаю, — отвѣчалъ онъ, добродушно улыбнувшись, и, фамильярно хлопнувъ меня рукою по колѣну, заговорилъ:

— Слушай, владыко: читалъ ты или нѣтъ,—есть въ житіяхъ одна славная повѣсть.

Но я его перебилъ и говорю:

— Поосвободи, пожалуйста, меня съ житіями: здѣсь о словѣ Божіемъ, а не о преданіяхъ человѣческихъ. Вы, чернецы, знаете, что въ житіяхъ можно и того, и другого достать, и потому и любите все изъ житій хватать.

А онъ отвѣчаетъ:

— Дай же мнѣ, владыко, кончить; можетъ я и изъ житій что-нибудь прикладно скажу.

И разсказалъ старую исторію изъ первыхъ христіанскихъ вѣковъ о двухъ друзьяхъ, — христіанинѣ и язычникѣ, изъ коихъ первый часто говорилъ послѣднему о христіанствѣ и такъ ему этимъ надокучилъ, что тотъ, будучи до тѣхъ поръ равнодушенъ, вдругъ сталъ ругаться и изрыгать самыя злыя хулы на Христа и на христіанство, а при этомъ его подхватилъ конь и убилъ. Другъ, христіанинъ, видѣлъ въ этомъ чудо и былъ въ ужасѣ, что другъ его, язычникъ, оставилъ жизнь въ такомъ враждебномъ ко Христу настрое-

нін. Христіанинъ сокрушался объ этомъ и горько плакалъ, говоря: лучше бы я ему совсѣмъ ничего о Христѣ не говорилъ,—онъ бы тогда на Него не раздражался и отвѣта бы въ томъ не далъ. Но, къ утѣшенію его, онъ извѣстился духовно, что другъ его принятъ Христомъ, потому что, когда язычнику никто не докучалъ настойчивостію, то онъ самъ съ собою размышлялъ о Христѣ и призвалъ Его въ своемъ послѣднемъ вздохѣ.

— А Тотъ, говоритъ, тутъ и былъ у его сердца: сейчасъ и обнялъ и обитель далъ.

— Это опять, значитъ, все дѣло свертѣлось «за пазушкой»?

— Да, за пазушкой.

— Вотъ это-то, говорю, твоя бѣда, отецъ Киріакъ, что ты все на пазуху-то уже очень располагаешься.

— Ахъ, владыко, да какъ же на нее не полагаться: тайны-то уже тамъ очень большія творятся,—вся благодать оттуда идетъ: и материно молоко дѣтопитательное, и любовь тамъ живетъ, и вѣра. Вѣрь,—такъ, владыко. Тамъ она, вся тамъ; сердцемъ однимъ ее только и вызовешь, а не разумомъ. Разумъ ее не созидаетъ, а разрушаетъ: онъ родитъ сомнѣнія, владыко, а вѣра покой даетъ, радость даетъ... Это, я тебѣ скажу, меня обильно утѣшаетъ; ты вотъ глядишь какъ дѣло идетъ, да сердишься, а я все радуюсь.

— Чему же ты радуешься?

— А тому, что все добро зѣло.

— Что такое: добро зѣло?

— Все, владыко: и что намъ указано, и что отъ насъ сокрыто. Я думаю такъ, владыко, что мы всѣ на одинъ ширъ идемъ.

— Говори, сдѣлай милость, яснѣй: ты водное крещеніе-то просто-на-просто совсѣмъ отметаешь, что ли?

— Ну вотъ: и отметаю! Эхъ, владыко, владыко! сколько я лѣтъ томился, все ждалъ человѣка, съ которымъ бы о духовномъ свободно по духу побесѣдовать, и, узнавъ тебя, думалъ, что вотъ такого дождался; а и ты сейчасъ, какъ стрянчій, за слово смелешься! Что тебѣ надо?—слово всяко ложь и я тожъ. Я ничего не отметаю; а ты обсуди, какіе мнѣ приклады разные приходятъ,—и отъ любви, а не отъ ненависти. Яви терпѣніе,—вслушайся.

— Хорошо, отвѣчаю, буду слушать, что ты хочешь проповѣдывать.

— Ну, вотъ мы съ тобою крещены,—ну, это и хорошо; намъ этимъ какъ билетъ данъ на миръ; мы и идемъ, и знаемъ, что мы званы, потому что у насъ и билетъ есть.

— Ну!

— Ну, а теперь видимъ, что рядомъ съ нами туда же бредетъ человѣчекъ безъ билета. Мы думаемъ, «вотъ дурачокъ! напрасно онъ идетъ:—не пустятъ его! Придетъ, а его привратники вонъ выгонятъ». А придемъ и увидимъ: привратники-то его погонятъ, что билета нѣтъ, а хозяинъ увидитъ, да, можетъ-быть, и пустить велитъ,—скажетъ: «ничего, что билета нѣтъ,—я его и такъ знаю: пожалуй, входи», да и введетъ, да еще, гляди, лучше иного, который съ билетомъ пришелъ, станетъ чествовать.

— Ты, говорю, это имъ такъ и внушаешь?

— Нѣтъ; что имъ это внушать? это я только про себя такъ о всѣхъ разсуждаю, по Христовой доброти, да мудрости.

— Да то-то; мудрость-то Его ты понимаешь ли?

— Гдѣ, владыко, понимать! — ее не поймешь, а такъ... что сердце чувствуетъ, говорю. Я, когда мнѣ что нужно сдѣлать, сейчасъ себя въ умѣ спрашиваю; можно ли это сдѣлать во славу Христову? Если можно, такъ дѣлаю, а если нельзя—того не хочу дѣлать.

— Въ этомъ, значитъ, твой главный катехизисъ?

— Въ этомъ, владыко, и главный, и неглавный, — весь въ этомъ; для простыхъ сердецъ это, владыко, куда какъ сподручно! — просто вѣдь это: водкой во славу Христову упиваться нельзя, драться и красть во славу Христову нельзя, человѣка безъ помощи бросить нельзя... И дикари это скоро понимаютъ и хвалятъ: «хорошъ, говорятъ, вашъ Христосикъ—праведный», — по-ихнему это такъ выходитъ.

— Что же... это, пожалуй, хоть и такъ—хорошо.

— Ничего, владыко,—изрядно; а вотъ что мнѣ нехорошо кажется: какъ придутъ новокрещенцы въ городъ и видятъ все, что тутъ крещеные дѣлаютъ, и спрашиваютъ: можно ли то во славу Христову дѣлать? что имъ отвѣчать, владыко? христіане это тутъ живутъ или нехристи? Сказать «не христи»—стыдно, назвать христіанами — грѣха страшно.

— Какъ же ты отвѣчаешь?

Киріакъ только рукой махнулъ и прошепталъ:

— Ничего не говорю, а... плачу только.

Я понялъ, что его религіозная мораль попала въ столкновеніе съ своего рода «политикою». Онъ Тертулліана «О зрѣлищахъ» читалъ и вывелъ, что «во славу Христову» нельзя ни въ театры ходить, ни танцовать, ни въ карты играть, ни многаго иного творить, безъ чего современные намъ, наружные христіане уже обходиться не умѣютъ. Онъ былъ своего рода новаторъ и, видя этотъ обветшавшій міръ, стыдился его и чаялъ новаго, полнаго духа и истины.

Какъ я ему это намекнулъ, онъ мнѣ сейчасъ и поддакнулъ.

— Да, говоритъ, да, эти люди плоть; — а что плоть - то показывать? — ее надо закрывать. Пусть хотя не хулится черезъ нихъ имя Христово въ языцѣхъ.

— А зачѣмъ это къ тебѣ, говорятъ, будто инородцы и до сихъ поръ приходятъ?

— Вѣрятъ мнѣ и приходятъ.

— То-то; зачѣмъ?

— Поспорятъ когда или поссорятся, и идутъ:—разбери, говорятъ, по-христосикову.

— Ты и разбираешь?

— Да, я обычай ихъ знаю; а умъ Христовъ приложу и скажу, какъ быть.

— Они и примутъ?

— Примутъ: — они Его справедливость любятъ. А другой разъ больные приходятъ или бѣсные, — просятъ помолиться.

— Какъ же ты бѣсныхъ лѣчишь? отчитываешь, что ли?

— Нѣтъ, владыко; такъ помолюсь, да успокою.

— Вѣдь на это ихъ шаманы слывутъ искусниками.

— Такъ, владыко:—не ровенъ шаманъ; иные и впрямь не мало тайныхъ силъ природныхъ знаютъ; ну, да вѣдь и шаманы ничего... Они меня знаютъ и иные сами ко мнѣ людей шлютъ.

— Откуда же у тебя и съ шаманами пріязнь?

— А вотъ какъ: ламы буддійскіе на нихъ гоненіе сдѣлали,—ихъ, этихъ шамановъ, тогда наши чиновники много въ острогъ забрали, а въ острогѣ дикому человѣку скучно:—съ иными Богъ вѣсть что дѣлается. Ну, я, грѣшникъ, въ острогъ ходилъ, калачиковъ для нихъ по купцамъ выпрашивалъ и словцомъ утѣшалъ.

— Ну, и что же?

— Благодарны, берутъ Христа ради и хвалятъ Его: хорошъ, говорятъ, — добръ. Да ты молчи, владыко, они сами не чуютъ, какъ края ризы Его касаются.

— Да вѣдь какъ, говорю, касаются - то? все, вѣдь, это безъ толку!

— И, владыко! что ты все сразу такъ сунешься! Божіе дѣло своей ходой, безъ суеты идетъ. Не шесть ли водоносовъ было на пиру въ Каннѣ, а вѣдь не всѣ ихъ, чай, сразу наполнили, а одинъ за другимъ наливали; Христосъ, батюшка, самъ уже на что великъ чудотворецъ, а и то слѣпому жиду прежде поплевалъ на глаза, а потомъ открылъ ихъ; а эти вѣдь еще слѣпѣе жида. Что отъ нихъ сразу-то много требовать? Пусть за краекъ Его ризочки держатся,— доброту Его чувствуютъ, а онъ ихъ Самъ къ себѣ уволочетъ.

— Ну, вотъ, уже и «уволочетъ»!

— А что же?

— Да какія ты слова-то неумѣстныя употребляешь.

— А чѣмъ, владыко, неумѣстное, — слово препростое. Онъ, благодѣтель нашъ, вѣдь и Самъ не боярскаго рода, за простоту не судится. Родъ Его кто исповѣсть; а Онъ съ пастухами ходилъ, съ грѣшниками гулялъ и шелудивой овцой не брезговалъ, а гдѣ найдетъ ее, взвалитъ Себѣ, какъ она есть, на святыя рамена и тащитъ къ Отцу. Ну, а Тотъ... что Ему дѣлать? — не хочетъ многострадательнаго сына огорчить, — замарашку ради Его на дворъ овчій пуститъ.

— Ну, говорю, хорошо; въ катехизаторы, ты, братъ Кириакъ, совсѣмъ не годишься, а въ крестители ты, хоть и еретичествуешь немножко, однако пригоденъ и, какъ себѣ хочешь, а я тебя снаряжу крестить.

Но Кириакъ ужасно взволновался и разстроился.

— Помилуй, говоритъ, владыко: къ чему тебѣ меня нудить? Да запретитъ тебѣ Христосъ это сдѣлать! И ничего изъ этого не послѣдуетъ, ничего, ничего и ничего!

— Отчего же это такъ?

— Такъ; потому что сія дверь для насъ затворена.

— Кто же ее затворилъ?

— А Тотъ, Который имѣетъ ключъ Давидовъ: «отверзаяй и никтоже отворитъ, затворяяй и никтоже отверзетъ». Или ты Апокалипсисъ позабылъ?

— Кириакъ, говорю, многія книги безумнымъ тя творятъ.

— Нѣтъ, владыко, я не безуменъ, а ты меня если не послушаешь, то людей обидишь и Духа Святаго оскорбишь, и только однихъ церковныхъ приказныхъ обрадуешь, чтобы имъ въ своихъ отчетахъ больше лгать да хвастать.

Я его пересталъ слушать, однако не оставлялъ мысли современемъ его перекапризить и непремѣнно его послать. Но что бы вы думали? — вѣдь не одинъ простосердечный ветхозавѣтный Аммосъ, собирая ягоды, вдругъ сталъ пророчествовать, — и мой Кириакъ мнѣ напророчилъ, и его слова: «да запретитъ тебѣ Христосъ» начали дѣйствовать. Въ это самое время я, какъ нарочно, получилъ изъ Петербурга извѣщеніе, что, по тамошнему благоусмотрѣнію, у насъ, въ Сибири, увеличивается число буддійскихъ капищъ и удваиваются штаты ламъ. Я хоть и въ русской землѣ рожденъ и пріученъ былъ не дивиться никакимъ неожиданностямъ, но, признаюсь, этотъ порядокъ contra jus et fas изумилъ меня, а что̀ гораздо хуже, — онъ совсѣмъ съ толку сбивалъ бѣдныхъ новокрещенцевъ и, можетъ-быть, еще большей жалости достойныхъ миссіонеровъ. Вѣсть съ этимъ радостнымъ событіемъ, во вредъ христіанству и въ пользу буддизма, какъ вихремъ разнеслась по всему краю. Для ея распространенія скакали лошади, скакали олени, скакали собаки, и Сибирь оповѣстилась, что «все преодолѣвшій и все отвергшій» богъ Фо въ Петербургѣ «одолѣлъ и отвергъ и Христосика». Торжествующіе ламы увѣряли, что уже все наше верховное правительство и самъ нашъ Далай Лама, то-есть митрополитъ, приняли буддійскую вѣру. Перепугались миссіонеры, извѣстясь о семъ; не знали, что̀ имъ дѣлать; иные изъ нихъ, кажется, отчасти сомнѣвались: ужъ и впрямь не повернуло ли въ Петербургѣ дѣло на ламайскую сторону, какъ оно въ то тонкое и каверзливое время поворачивало на католическую, а нынѣ, въ сію многодумную и дурашливую пору поворачиваетъ на спиритскую. Только нынче оно, разумѣется, совершается спокойнѣе, потому что теперь кумиръ хотя и ледащенькій выбранъ, но зато теперь и противъ этого рожна прать никому не охота; а тогда еще этой хладнокровной выдержки недоставало во многихъ и, въ числѣ прочихъ, во мнѣ грѣшномъ. Я не могъ равнодушно смотрѣть на моихъ бѣдныхъ крестителей, которые *тышкомъ* плелись изъ степей ко мнѣ подъ защиту. Имъ однимъ по всему краю не было ни ло-

шадиной клячи, ни оленя, ни собаки, и они, Богъ ихъ знаетъ какъ, лѣзли пѣшіе по сугробамъ и пришли оборванные, обмаранные, истинно уже не какъ іереи Бога вышняго, а какъ настоящіе калѣки-перехожіе. Чиновники и зауряды все управленіе, безъ зазрѣнія совѣсти, покровительствовали ламамъ. Мнѣ приходилось сражаться съ губернаторомъ, чтобы сей христіанскій бояринъ хотя малость остепенялъ своихъ пособниковъ, дабы они, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ открыто радѣли буддизму. Губернаторъ, какъ водится, обижался, и у насъ съ нимъ закипѣла жестокая стычка: я ему на его чиновниковъ жалуюсь, — онъ мнѣ на моихъ миссіонеровъ пишетъ, что «никто-де имъ не мѣшаетъ, а они-де сами лѣнивые и неискусные». А мои дезертировавшіе миссіонеры, въ свою очередь, пищатъ, что имъ хотя, точно, рты тряпками не затыкаютъ, но нигдѣ ни лошадей, ни оленей не даютъ, потому что по степямъ всюду всѣ люди ламъ боятся.

— Ламы, говорятъ, богаты,—они чиновниковъ деньгами дарятъ, а намъ дарить нечѣмъ.

Что же мнѣ было можно имъ въ утѣшеніе сказать? Синоду, что ли, обѣщать представить, чтобы лавры и монастыри, имѣя «деньги многи», подѣлились съ нашею бѣдностію и какую-нибудь сумму на взятки приказнымъ отпустили, но боялся, что въ большихъ залахъ въ синодѣ это, чего добраго, за неумѣстное сочтутъ и, помолясь Богу, во вспомоществованіе на взятки мнѣ откажутъ, пожалуй. А къ тому же еще и это средство въ нашихъ рукахъ могло быть ненадежно: апостолы мои въ самихъ себѣ такую слабость мнѣ открыли, которая, въ связи съ обстоятельствами, получала очень важное значеніе.

— Насъ, говорятъ, за дикарей жалость беретъ; изъ нихъ съ этой возней совсѣмъ послѣдній толкъ выбьютъ; нынче мы ихъ крестимъ, завтра ламы его обращаютъ и велятъ Христа порицать, а за штрафъ все, что попало, у нихъ берутъ. Обнищаетъ бѣдный народъ и въ скотѣ, и въ своемъ скудномъ разумѣ, — всѣ вѣры перепуталъ и на всѣ колѣна хромаетъ, а на насъ плачется.

Киріакъ этою борьбою очень интересовался и, пользуясь моимъ расположеніемъ, не разъ останавливалъ меня вопросами:

— Что тебѣ, владыко, вражки пишутъ? или:

— Что ты, владыко, вражкамъ написалъ?

Разъ даже онъ явился ко мнѣ съ просьбою:

— Посовѣтуйся со мною, владыко, какъ будешь вражкамъ писать?

Это было по случаю тому, что губернаторъ мнѣ ставилъ на видъ, что въ сосѣдней епархіи, при тѣхъ же обстоятельствахъ, въ какихъ я находился, проповѣдь и крещеніе совершаются успѣшно, причемъ указывалъ мнѣ на какого-то миссіонера Петра, изъ зырянъ, который цѣлыми массами крститъ инородцевъ.

Такое обстоятельство меня смутило, и я спросилъ сосѣдняго архіерея: такъ ли это?

Тотъ отвѣчалъ, что, дѣйствительно, у него есть зырянинъ, попъ Петръ, который два раза ѣздилъ на проповѣдь и въ первый разъ «всѣ кресты раскрестилъ», а во второй вдвое больше крестовъ взялъ и опять недостало,—съ одного на другого на шеи перевѣшивалъ.

Кириакъ, какъ это услышалъ, такъ и всплакался.

— Боже мой,—говоритъ, откуда еще ко всѣмъ бѣдамъ пришелъ сюда сей коварный строитель? Онъ Христа въ Его же церкви да Его же кровью затопитъ! Охъ, бѣда! помилосердуй, владыко,—проси скорѣе архіерея, чтобы онъ унялъ своего слугу вѣрнаго,—оставилъ бы въ церкви силъ хоть на сѣмена.

— Ты, говорю, отецъ Кириакъ, вздоръ говоришь; могу ли я отъ столь хвальной ревности человѣка удерживать?

— Ахъ, нѣтъ, молитъ, владыко, проси; вѣдь это тебѣ непонятно, а я такъ знаю, что, значитъ, теперь тамъ въ степяхъ дѣлается. Это все не Христу, а вражкамъ его служба тамъ идетъ. Зальютъ, зальютъ они Его, голубчика, кровью и на сто лишнихъ лѣтъ отъ Него народъ отпугаютъ.

Я, разумѣется, Кириака не послушалъ, а напротивъ—написалъ къ сосѣднему архіерею, чтобы онъ далъ мнѣ своего зырянина на подержаніе, или, какъ сибирскіе аристократы по-французски говорятъ: «о прока». Сосѣдъ мой архіерей въ это время уже, отбывъ сибирскую эпитимью, перемѣщался въ Россію и не постоялъ за своего досужаго крестителя. Зырянинъ былъ мнѣ присланъ: такой большебородый, словоохотливый и, что называется, весь до дна маслянъ. Я его сейчасъ же отправилъ въ степь, а недѣли черезъ двѣ отъ него уже и радостныя вѣсти имѣлъ: доно-

силъ онъ мнѣ, что крестить народъ на всѣ стороны. Одного онъ опасался: достанетъ ли у него крестовъ, которыхъ забралъ съ собою весьма изрядную коробку? Изъ сего я, не ошибаясь, могъ заключить, что уловъ въ мережи сего счастливаго ловца попадаетъ чрезвычайно обильный.

Вотъ, думаю, когда я досталъ себѣ, наконецъ, къ этому дѣлу настоящаго мастера! И очень былъ этому радъ, да и какъ радъ-то! Откровенно скажу вамъ,—съ самой казенной точки зрѣнія,—потому что... и архіерей вѣдь тоже, господа, человѣкъ, и ему надокучитъ, когда одна власть пристастъ: «крести», а другая — «пусти»... Ну, ихъ совсѣмъ! скорѣй какъ-нибудь кончить въ одну сторону, и какъ попался ловкій крститель, такъ пусть уже заурядъ все крестить, авось, и людямъ спокойнѣе станетъ.

Но Кириакъ не раздѣлялъ моего взгляда, и разъ иду я вечеромъ черезъ дворъ изъ бани и встрѣчаю его; онъ остановился и привѣтствуетъ меня:

— Здравствуй, владыко!

— Здравствуй, говорю, отецъ Кириакъ.

— Хорошо ли вымылся?

— Хорошо.

— А зырянина-то отмылъ ли?

Я разсердился.

— Это, говорю, что за глупость?

А онъ опять про зырянина.

— Онъ безжалостный, говоритъ, — онъ и у насъ теперь такъ креститъ, какъ за Байкаломъ крестилъ; его крестниковъ черезъ это только мучаютъ, а они на Христа, батюшку, плачутся. Грѣхъ всѣмъ вамъ, а тебѣ больше всѣхъ грѣхъ, владыко!

Я Кириака счелъ за грубіяна, но слова-то его мнѣ все-таки въ душу запали. Что въ самомъ дѣлѣ? онъ, вѣдь, старикъ основательный, — на вѣтеръ болтать не станетъ: въ чемъ же тутъ секретъ? — какъ, въ самомъ дѣлѣ, взятый мною «о прока» досужій зырянинъ крестить? Я имѣлъ понятіе о религіозности зырянъ; они по преимуществу храмоздатели, — церкви у нихъ повсюду отличныя и даже богатыя, но изъ всѣхъ глаголемыхъ христіанъ на свѣтѣ они, должно сознаться, самые внѣшніе. Ни къ кому столько, какъ къ нимъ, не идетъ опредѣленіе, что у нихъ «Богъ въ однихъ лишь образахъ, а не въ убѣжденіяхъ человѣка»; но,

вѣдь, не жжетъ же этотъ зырянинъ дикарей огнемъ, чтобы они крестились? Быть этого не можетъ! Въ чемъ же тутъ дѣло? отчего зырянинъ успѣваетъ, а русскіе не умѣютъ, и отчего я этого о-сю пору не знаю?

— А все оттого, владыко,—пришло мнѣ на мысль,—что ты и тебѣ подобные себялюбивы да важны: «деньги многи» собираете, да только подъ колокольнымъ звономъ разъѣзжаете, а про дальнія мѣста своей паствы мало думаете и о нихъ по слухамъ судите. На безсиліе свое на родной землѣ нарекаете, а сами все звѣзды хватать норовите, да вопрошаете: «что ми хощете дати, да азъ вамъ предамъ?» Берегись-ка, братъ, какъ бы и ты не таковъ же сталъ?

И ходилъ я, ходилъ этотъ вечеръ съ своею думою по моей пустой скучной залѣ, и до тѣхъ поръ доходился, пока вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль: пробѣжать самому пустыню.

Такимъ образомъ я надѣялся уяснить себѣ, если не все, то, по крайней мѣрѣ, очень многое. Да, признаюсь вамъ, и освѣжиться хотѣлось.

Для совершенія этого пути мнѣ, при моей неопытности, нуженъ былъ товарищъ, который хорошо бы зналъ инородческій языкъ; но какого же товарища лучше желать, какъ Киріака? И, не откладывая этого по своей нетерпѣливости въ долгій ящикъ, я призвалъ Киріака къ себѣ, открылъ ему свой планъ и велѣлъ собираться.

Онъ не противорѣчилъ, а, напротивъ, казалось, былъ даже очень радъ и, улыбаясь, повторялъ:

— Богъ въ помощь! Богъ въ помощь!

Откладывать было незачѣмъ, и мы на другое же утро рапымъ-рано отпѣли обѣденку, одѣлись оба по-туземному и выѣхали, держа путь къ самому сѣверу, гдѣ мой зырянинъ апостольствовалъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Лихо прокатили мы первый день на доброй тройкѣ и все бесѣдовали съ отцомъ Киріакомъ. Любезный старикъ разсказывалъ мнѣ интересныя исторіи изъ инородческихъ религіозныхъ преданій, изъ коихъ меня особенно занимала повѣсть о пятистахъ путешественникахъ, которые, подъ руководствомъ одного книжника, по-ихнему—«обушія», пустились путешествовать по землѣ въ то еще время, когда «побѣдившій силу бѣсовскую и отринувшій всѣ слабости»

богъ Шигемуни гостепріимствовалъ «непочатыми яствами» въ Ширвасѣ. Повѣсть эта тѣмъ интересна, что въ ней чувствуется весь складъ и духъ религіозной фантазіи этого народа. Пятьсотъ путниковъ, предводимые обушіемъ, встрѣчаютъ духа, который, чтобы устрашить ихъ, принимаетъ самый ужасный и отвратительный видъ и спрашиваетъ: «есть ли у васъ такія чудовища?»—«Есть гораздо страшнѣе», отвѣчалъ обушій.—«Кто же они?»—«Всѣ тѣ, которые завистливы, жадны, лживы и мстительны; они, по смерти, становятся чудовищами гораздо тебя страшнѣе и гаже». Духъ скрылся и, превратясь гдѣ-то въ человѣка, такого сухого и тощаго, что даже жилы его пристали къ костямъ, опять появился предъ путниками и говоритъ: «Есть ли у васъ такіе люди?» — «Какъ же, отвѣчаетъ обушій, гораздо суше тебя есть,—таковы всѣ, любящіе почести».

— Гм!—перебилъ я Кіріака:—это, говорю, смотри, уже не на насъ ли, архіереевъ, мораль пущена?

— А Богъ вѣсть, владыко,—и продолжаетъ:—По нѣкоторомъ времени духъ явился въ видѣ прекраснаго юноши и говоритъ: «А вотъ такіе у васъ есть ли?»—Какъ же, отвѣчаетъ обушій,—между людьми есть несравненно тебя прекраснѣе,—это тѣ, которые имѣютъ острое понятіе и, очистивъ свои чувства, благоговѣютъ къ тремъ изяществамъ: Богу, вѣрѣ и святости. Сіи столь тебя красивѣе, что ты предъ ними никуда не годишься». Духъ разсердился и сталъ экзаменовать обушія другими манерами. Онъ зачерпнулъ въ горсть воды:—«Гдѣ, говоритъ, больше воды: въ морѣ или въ горсти?» — «Въ горсти болѣе», отвѣчалъ обушій.—«Докажи».—«Ну, и докажу: по видимому судя, кажется въ морѣ, дѣйствительно, болѣе воды, чѣмъ въ горсти, но когда придетъ время разрушенія міра и изъ нынѣшняго солнца выступитъ другое, огнепалящее, то оно изсушитъ на землѣ всѣ воды,—и большія, и малыя: и моря, и ручьи, и потоки, и сама Сумберъ-гора (Атласъ) разсыплется; а кто при жизни напоилъ своею горстью уста жаждущаго или обмылъ своею рукою раны нищаго, того горсть воды семь солнцъ не изсушатъ, а напротивъ того, будутъ только ее расширять и тѣмъ самымъ увеличивать»...—Право, какъ вы хотите, а вѣдь это не совсѣмъ глупо, господа?—вопросилъ, пріостановясь на минуту, разсказчикъ,—а? Нѣтъ, взаправду, какъ вы это находите?

ложью, лѣнью и всякой мерзостью. На великое несчастіе этихъ людей, у нихъ не было во-время силы отречься отъ приставшихъ къ нимъ шутовъ. Они были болѣе честны, чѣмъ политически опытны, и забывали, что одинъ Донъ-Кихотъ можетъ убить цѣлую идею рыцарства. Такъ и случилось. Шуты насмѣшили людей, дураки ихъ разсердили. Началось ренегатство и во время стремительнаго бѣга назадъ люди забыли, что гонитъ ихъ не пошлость дураковъ и шутовъ, а тупость общества, да собственная трусость. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сдѣлаться смѣшнымъ значитъ потерять многое; но развѣ менѣе смѣшны другіе? Развѣ передъ ними нельзя поставить Сквозника-Дмухановскаго и заставить его спросить ихъ: «чего смѣетесь? Надъ собой смѣетесь?».

Честная горсть людей, не приготовленныхъ къ честному общественному служенію, но полюбившихъ добро и возненавидѣвшихъ ложь и всѣ лживыя положенія, виновата своею нерѣшительностью отречься отъ приставшихъ къ ней дурачковъ; она виновата недостаткомъ *самообличенія*. За пренебреженіе этой силой она горько наказана, вѣроятно, къ истинному сожалѣнію всѣхъ умныхъ и въ то же время добрыхъ сыновъ Россіи. Но все-таки нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ людяхъ виновниковъ всей современной лжи, такъ же какъ нѣтъ основанія винить ихъ и въ заводѣ шутовъ и дураковъ, ибо шуты и дураки подъ различными знаменами фигурировали всегда и будутъ фигурировать до вѣка.

Въ описываемую нами эпоху, когда ни одно изъ смѣшныхъ и, конечно, скоропреходящихъ стремленій людей, лишенныхъ серьезнаго смысла, не проявлялось съ нынѣшнею рѣзкостью, когда общество слѣпо вѣрило Бѣлинскому, даже въ томъ, напримѣръ, что «самый почтенный мундиръ есть черный фракъ русскаго литератора», добрые люди изъ деморализованныхъ сыновъ нашей страны стремились просто къ добру. Они не стремились окреститься во имя какой бы то ни было теоріи, а просто, наивно и честно желали добра и горѣли нетерпѣніемъ всячески ему содѣйствовать. Плана у нихъ никакого не было, о крутыхъ, костоломныхъ поворотахъ во имя теорій имъ вовсе не думалось. Шло только дѣло о правдѣ въ жизни.

Первымъ шагомъ въ этомъ періодѣ былъ сепаратизмъ

со всѣмъ симпатизировавшимъ завѣтамъ прошедшаго. Къ этому сепаратизму принадлежали почти всѣ знакомыя намъ до сихъ поръ лица нашего романа. Ему по-своему сочувствовалъ Егоръ Николаевичъ Бахаревъ и Петръ Лукичъ, пугавшійся всякой обличительной замѣтки; Вязмитиновъ, сидѣвшій надъ исторіей, и Зарницынъ, продергивавшій уѣздныя величины; докторъ, обличающій свое безсиліе выбиться изъ сферы взяточничества, и мать Агнія, вѣрная традиціямъ лѣтъ своей юности. На сторонѣ старыхъ интересовъ оставалась масса людей, которыхъ, по ихъ способностямъ, Эдуардъ Уитти справедливо называетъ разрядомъ плутовъ или дураковъ. Это было большинство. Ольга Сергѣевна, Зина, Софи оставались съ большинствомъ и жили его жизнью.

Женни и Лиза вовсе не принадлежали къ прошлому и не имѣли съ нимъ никакой связи.

По обстоятельствамъ, Женни должна была познакомиться съ нѣкоторыми мѣстными дамами и дѣвицами, но изъ этого знакомства ничего не вышло. Однѣ рѣшили, что она много о себѣ думаетъ; другія, что она ехидная-преехидная: все молчитъ да выслушиваетъ; третьи даже считали ее на этомъ же основаніи интриганкой, а четвертыя, наконецъ, не соглашаясь ни съ однимъ изъ трехъ вышеприведенныхъ мнѣній, утверждали, что она просто дура и кокетка. Около нея, говорили послѣднія, лебезятъ два молодыхъ учителя, стараясь поддѣлаться къ отцу, а она думаетъ, что это за ней увиваются, и дуетъ губы.

Но, тѣмъ не менѣе, Женни, однако, сильно интересовала собою бѣдныя живыми интересами головы уѣздныхъ барынь и барышень. Однѣ ея платья и шляпы доставляли слишкомъ тощую пищу для алчущей сплетни, и потому за ея особою былъ приставленъ особый шпіонъ. Въ этой должности состояла дочь почтеннаго сослуживца Гловацкаго, восемнадцатилѣтняя полногрудая Лурлея, Ольга Григорьевна Саренко. Григорій Ильичъ Саренко, родомъ изъ бориспольскихъ дворянъ, дослуживалъ двадцать пятый годъ учителемъ уѣзднаго училища. Онъ былъ старъ, глупъ, довольно подловатъ и считалъ себя столпомъ училища. Онъ добивался себѣ какого-то особаго уваженія отъ Вязмитинова и Зарницына и, не получая онаго, по временамъ строчилъ на нихъ секретныя кляузы въ дирекцію училищъ. Дочь свою

Усѣлись мы такъ, подоткнулись малицами, сверху по колѣнамъ оленьими кожами застегнулись и поскакали.

Ѣзда эта была гораздо быстрѣе, чѣмъ на оленяхъ, но зато сидѣть такъ худо, что у меня съ непривычки черезъ часъ же страшно спину разломило. Поглядываю на Киріака— онъ сидитъ какъ воткнутый столбушекъ, а я такъ и вихляюсь по сторонамъ,—все балансъ хочу удержать, и за этой гимнастикой даже не могъ и поговорить съ моимъ проводникомъ. Узналъ только, что онъ крещеный и окрещенъ недавно моимъ зырянином, а поэкзаменовать его не успѣлъ. Къ вечеру я такъ измучился, что совсѣмъ держаться не могъ и пожаловался Киріаку.

— Плохо, говорю: меня что-то сразу уже очень растатало.

— А все это оттого, отвѣчаетъ, что ты меня не слушалъ, — не съ тѣмъ ѣдешь, съ которымъ я тебя сажалъ: этотъ лучше правитъ, покойнѣе. Яви ласку: пересядь завтра.

— Хорошо, говорю, изволь, пересяду, — и точно, пересѣлъ и опять ѣдемъ.

Не знаю: понавыкъ ли я за прошлый день держаться на этихъ рожнахъ, или, дѣйствительно, этотъ проводникъ лучше своимъ орстелемъ правилъ, только мнѣ спокойнѣе ѣхалось, такъ что я даже могъ и побесѣдовать.

Спрашиваю его: крещеный онъ или нѣтъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, бачка, моя некрещена, моя счастливая.

— Чѣмъ же ты такъ счастливъ?

— Счастливая, бачка; меня, бачка, Дзолъ-Дзаягачи дала, бачка. Она меня, бачка, бережетъ.

Дзолъ-Дзаягачи у шаманистовъ такая богиня, дарующая дѣтей и пекущаяся будто бы о счастіи и здоровьѣ тѣхъ, которыя у нея вымолены.

— Такъ что же, говорю, а почему же не креститься-то?

— А она, бачка, меня не дастъ крестить.

— Кто это? Дзолъ-Дзаягачи?

— Да, бачка, не даетъ.

— Ага, ну, хорошо, что ты мнѣ это сказалъ.

— Какъ же, бачка, хорошо?

— Да вотъ я тебя за это, на зло твоей Дзолъ-Дзаягачи, и велю окрестить.

— Что ты, бачка? зачѣмъ Дзолъ-Дзаягачи сердить? — она разсердится,—дуть станетъ.

— Очень она мнѣ нужна, твоя Дзоль-Дзаягачи: окрещу, да и баста.

— Нѣтъ, бачка, она не дастъ обижать.

— Да какая тебѣ, глупому, въ этомъ обида?

— Какъ же, бачка, меня крестить? — мнѣ много обида, бачка: зайсанъ придетъ — меня крещенаго бить будетъ, шаманъ придетъ—опять бить будетъ, лама придетъ—тоже бить будетъ и олешковъ сгонитъ. Большая, бачка, обида будетъ.

— Не смѣютъ они этого дѣлать.

— Какъ, бачка, не смѣютъ? смѣютъ, бачка, все возьмутъ; у меня дядю, бачка, уже разорили... Какъ же, бачка, разорили и брата, бачка, разорили.

— Развѣ у тебя есть братъ крещеный?

— Какъ же, бачка, есть братъ, бачка, есть.

— И онъ крещеный?

— Какъ же, бачка, крещеный, два раза крещеный.

— Что такое? два раза крещеный? Развѣ по два раза крестятъ?

— Какъ же, бачка, крестятъ.

— Врешь!

— Нѣтъ, бачка, вѣрно: онъ одинъ разъ за себя крестился, а одинъ разъ, бачка, за меня.

— Какъ за тебя? Что ты это за вздоръ мнѣ разсказываешь?

— Какой, бачка, вздоръ!—не вздоръ: я, бачка, отъ попа спрятался, а братъ за меня крестился.

— Для чего же вы такъ смошенничали?

— Потому, бачка, что онъ добрый.

— Кто это: братъ-то твой, что ли?

— Да, бачка, братъ. Онъ сказалъ: «я все равно уже пропалъ, — окрещенъ, а ты спрячься, — я еще окрещусь»; и спрятался.

— И гдѣ же онъ теперь, твой братъ?

— Опять, бачка, креститься побѣжалъ.

— Куда же этого его, бездѣльника, понесло?

— А туда, бачка, гдѣ нынѣ, слыхать, твердый попъ сидитъ.

— Ишь ты! Что же ему до этого попа за дѣло?

— А свои у насъ тамъ, бачка, свои люди живутъ, хорошіе, бачка, люди; какъ же? ему, бачка, жаль... онъ ихъ жалѣетъ, бачка,—за нихъ креститься побѣжалъ.

— Да что же это за шайтанъ, этотъ твой братъ? Какъ онъ это смѣетъ дѣлать?

— А что, бачка? ничего: ему, бачка, ужъ все равно, а тѣхъ, бачка, зайсанъ бить не будетъ и лама оленьковъ не сгонитъ.

— Гм! надо, однако, твоего досужаго брата на примѣту взять. Скажи-ка мнѣ, какъ его зовутъ?

— Куська-Демякъ, бачка.

— Кузьма или Демьянъ?

— Нѣтъ, бачка,—Куська-Демякъ.

— Да; по-твоему чище, — Куська-Демякъ или мѣди пятакъ,—только это два имени.

— Нѣтъ, бачка, одно.

— Я тебѣ говорю—два!

— Нѣтъ, бачка, одно.

— Ну, тебѣ, видно, и это лучше знать.

— Какъ же, бачка, мнѣ лучше.

— Но это его Кузьмой и Демьяномъ при первомъ или при второмъ крещеніи назвали?

Вылупился и не понимаетъ; но, когда я ему повторилъ, онъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Такъ, бачка: это какъ онъ за меня крестился, тогда его стали Куська-Демякъ дразнить.

— Ну, а послѣ перваго-то крещенія вы какъ его дразнили?

— Не знаю, бачка,—забылъ.

— Но онъ-то, чай, это знаетъ?

— Нѣтъ, бачка, и онъ позабылъ.

— Быть, говорю, этого не можетъ!

— Нѣтъ, бачка,—вѣрно, позабылъ.

— А вотъ я его велю разыскать и разспрошу.

— Разыщи, бачка, разыщи; и онъ скажетъ, что позабылъ.

— Да только уже я его, братъ, какъ разыщу, такъ самъ зайсану отдамъ.

— Ничего, бачка; ему теперь, бачка, никто ничего, — онъ пропащій.

— Черезъ что же это онъ пропащій-то? Черезъ то, что окрестился, что ли?

— Да, бачка; его шаманъ гонитъ, у него лама олешки забралъ, ему свой никто не вѣритъ.

— Отчего не вѣритъ?

— Нельзя, бачка, крещеному вѣрить,—никто не вѣритъ.
— Что ты, дикій глупецъ, врешь! Отчего нельзя крещеному вѣрить? Развѣ крещеный васъ, идолопоклонниковъ, хуже?
— Отчего, бачка, хуже?—одинъ человѣкъ.
— Вотъ видишь, и самъ согласенъ, что не хуже?
— Не знаю, бачка, — ты говоришь, что не хуже, и я говорю; а вѣрить нельзя.
— Почему же ему нельзя вѣрить?
— Потому, бачка, что ему попъ грѣхъ прощаетъ.
— Ну, такъ что же тутъ худого? неужто же лучше безъ прощенія оставаться?
— Какъ можно, бачка, безъ прощенія оставаться! Это нельзя, бачка. Надо прощенье просить.
— Ну, такъ я же тебя не понимаю; о чемъ ты толкуешь?
— Такъ, бачка, говорю: крещеный своруетъ, попу скажетъ, а попъ его, бачка, проститъ; онъ и невѣрный, бачка, черезъ это у людей станетъ.
— Ишь ты какой вздоръ несешь! А по-твоему это, небось, не годится?
— Этакъ, бачка, не годится у насъ, не годится.
— А по-вашему какъ бы надо?
— Такъ, бачка: у кого укралъ, тому назадъ принеси и прости проси; человѣкъ проститъ и Богъ проститъ.
— Да, вѣдь, и попъ человѣкъ: отчего же онъ не можетъ простить.
— Отчего же, бачка, не можетъ простить?—и попъ можетъ. Кто у попа укралъ, того, бачка, и попъ можетъ простить?
— А если у другого укралъ, такъ онъ не можетъ простить?
— Какъ же, бачка? — нельзя, бачка: неправда, бачка, будетъ; невѣрный человѣкъ, бачка, вездѣ пойдетъ.

Ахъ, ты, думаю, чучело этакое неумытое, какія себѣ построенія настроилъ!—и спрашиваю далѣе:

— А ты про Господа Іисуса Христа-то что-нибудь слыхалъ?
— Какъ же, бачка,—слыхалъ.
— Что же ты про Него слыхалъ?
— По водѣ, бачка, ходилъ.
— Гм! ну, хорошо—ходилъ; а еще что?
— Свинью, бачка, въ морѣ топилъ.

— А болѣе сего?

— Ничего, бачка,—хорошъ, жалостливъ, бачка, былъ.

— Ну, какъ же жалостливъ? Что онъ дѣлалъ?

— Слѣпому на глаза, бачка, плевалъ, — слѣпой видѣлъ; хлѣбца и рыбка народца кормилъ.

— Однако, ты, братъ, много знаешь.

— Какъ же, бачка,—много знаю.

— Кто же тебѣ все это разсказалъ?

— А люди, бачка, говорятъ.

— Ваши люди?

— Люди-то? Какъ же, бачка,—наши, наши.

— А они отъ кого слышали?

— Не знаю, бачка.

— Ну, а не знаешь ли ты, зачѣмъ Христосъ сюда на землю приходилъ?

Думалъ онъ, думалъ,—и ничего не отвѣтилъ.

— Не знаешь? говорю.

— Не знаю.

Я ему все православіе и объяснилъ, а онъ не то слушаетъ, не то нѣтъ, а самъ все на собакъ поглядываетъ, да орстелемъ машетъ.

— Ну, понялъ ли, спрашиваю, что я тебѣ говорилъ?

— Какъ же, бачка, понялъ: свинью въ морѣ топилъ, слѣпому на глаза плевалъ, — слѣпой видѣлъ, хлѣбца-рыбка народца далъ.

Засѣли ему въ лобъ эти свиньи въ морѣ, слѣпой да рыбка, а дальше никакъ и не поднимется... И припомнились мнѣ Кириаковы слова о ихъ жалкомъ умѣ и о томъ, что они сами не замѣчаютъ, какъ края ризы касаются. Что же? и этотъ, пожалуй, крайка коснулся, но ужъ именно только коснулся, — чуть-чуть дотронулся; но какъ бы ему болѣе дать за него ухватиться? И вотъ я и попробовалъ съ нимъ какъ можно проще побесѣдовать о благѣ Христова примѣра и о цѣли Его страданія, — но мой слушатель все одинаково невозмутимо орстелемъ помахиваетъ. Трудно мнѣ было себя обольщать: вижу, что онъ ничего не понимаетъ.

— Ничего, спрашиваю, не понялъ?

— Ничего, бачка, — все правду врешь; жаль Его: Онъ хорошъ, Христосикъ.

— Хорошъ?

— Хорошъ, бачка, не надо Его обижать.

— Вотъ ты бы Его и любилъ.
— Какъ, бачка, Его не любить?
— Что? ты можешь Его любить?
— Какъ же, бачка,—я, бачка, Его и всегда люблю.
— Ну, вотъ и молодецъ.
— Спасибо, бачка.
— Теперь, значитъ, тебѣ остается креститься: Онъ и тебя спасетъ.

Дикарь молчитъ.

— Что же, говорю, пріятель: что ты замолчалъ?
— Нѣтъ, бачка.
— Что такое «нѣтъ, бачка»?
— Не спасетъ, бачка; за Него зайсанъ бьетъ, шаманъ бьетъ, лама олешковъ сгонитъ.
— Да; вотъ главная бѣда!
— Бѣда, бачка.
— А ты и бѣду потерпи за Христа.
— На что, бачка, — Онъ, бачка, жалостливый: какъ я дохнуть буду, Ему Самому меня жаль станетъ. На что Его обижать!

Хотѣлъ-было сказать ему, что если онъ вѣритъ, что Христосъ его пожалѣетъ, то пусть вѣритъ, что Онъ же его можетъ и спасти,—но воздержался, чтобы опять про зайсана да про ламу не слушать. Ясно, что Христосъ у этого человѣка былъ въ числѣ его добрыхъ и даже самыхъ добрыхъ божествъ, да только не изъ сильныхъ: добръ, да не силенъ,—не заступается,—ни отъ зайсана, ни отъ ламы не защищаетъ. Что же тутъ дѣлать? какъ дикаря переубѣрить въ этомъ, когда Христову сторону поддержать не съ кѣмъ, а для той много подпоръ? Католическій проповѣдникъ въ такомъ случаѣ схитрилъ бы, какъ они въ Китаѣ хитрили: положилъ бы Буддѣ къ ногамъ крестикъ, да и кланялся и, ассимилировавъ и Христа, и Будду, кичился бы успѣхомъ; а другой новаторъ втолковалъ бы такого Христа, что въ Него и вѣрить нечего, а только... думай о Немъ благопристойно и—хорошъ будешь. Но тутъ и это трудно: чѣмъ этотъ мой молодецъ станетъ раздумывать, когда у него вся думалка комомъ смерзлась и ему ее отгаять негдѣ.

Припомнилось мнѣ, какъ Карлъ Эккартсгаузенъ превосходно, въ самыхъ простыхъ сравненіяхъ, умѣлъ пред-

ставлять простымъ людямъ великость жертвы Христова пришествія на землю, сравнивая это, какъ бы кто изъ свободныхъ людей, по любви къ заключеннымъ злодѣямъ, самъ съ ними заключался, чтобы терпѣть ихъ злонравіе. Очень просто и хорошо; но вѣдь у моего слушателя, благодаря обстоятельствамъ, нѣтъ бо́льшихъ злодѣевъ, какъ тѣ, отъ кого онъ бѣгаетъ изъ страха, чтобы его не окрестили; нѣтъ у него такого мѣста, которое могло бы произвести ужасъ въ сравненіи съ страшнымъ мѣстомъ его всегдашняго обитанія... Ничего съ нимъ не подѣлаешь,—ни Массильономъ, ни Бурдалу, ни Эккартсгаузеномъ. Вонъ онъ тебѣ тычетъ орстелемъ въ снѣгъ да помахиваетъ, рожа обмылкомъ—ничего не выражаетъ; въ глядѣлкахъ, которыя стыдъ глазами звать,—ни въ одномъ ни искры душевнаго свѣта; самые звуки словъ, выходящихъ изъ его гортани, какіе-то мертвые: въ горѣ ли, въ радости ли—все одно произношеніе, вялое и безстрастное,—половину слова гдѣ-то въ глоткѣ выговоритъ, половину въ зубахъ сожметъ. Гдѣ ему съ этими средствами искать отвлеченныхъ истинъ и что̀ ему въ нихъ? Они ему бремя: ему надо вымирать со всѣмъ родомъ своимъ, какъ вымерли ацтеки, вымираютъ индѣйцы... Ужасный законъ! Какое счастье, что онъ его не знаетъ,—и знай тычетъ себѣ орстелемъ,—тычетъ направо, тычетъ налѣво; не знаетъ, куда меня мчитъ, зачѣмъ мчитъ и зачѣмъ, какъ дитя простой душою, открываетъ мнѣ, во вредъ себѣ, свои завѣтныя тайны... Малъ весь талантъ его и... благо ему: мало съ него спросится... А онъ все несется, несется въ безбрежную даль, и машетъ своимъ орстелемъ, который, мигая передъ моими глазами, началъ дѣйствовать на меня, какъ маятникъ. Меня замаячило; эти мѣрные взмахи, какъ магнетизерскіе пассы, меня путали сонною сѣтью; подъ темя тѣснилась дрема, и я тихо и сладко уснулъ,—уснулъ для того, чтобы проснуться въ положеніи, отъ котораго да сохранитъ Господь всякую душу живую!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Я спалъ очень крѣпко и, вѣроятно, довольно долго, но вдругъ мнѣ показалось, что меня какъ будто что-то толкнуло и я сижу, накренясь на бокъ. Я въ полуснѣ еще хотѣлъ поправиться, но вижу, что меня опять кто-то по-

[illegible]нулъ назадъ; а вокругъ все воетъ... Что такое? Хочу [illegible]смотрѣть, но нечѣмъ смотрѣть,—глаза не открываются. [illegible]у своего дикаря.

— Эй, ты, пріятель! гдѣ ты?

А онъ на самое ухо кричитъ мнѣ:

— Прочкнись, бачка,—прочкнись скорѣй! застынешь!

— Да что это я, говорю, не могу глазъ открыть?

— Сейчасъ, бачка, откроешь.

И съ этими словами—что бы вы думали?—взялъ да мнѣ [illegible] глаза и плюнулъ, и ну своимъ оленьимъ рукавомъ тереть.

— Что ты дѣлаешь?

— Глаза тебѣ, бачка, протираю.

— Пошелъ ты, дуракъ...

— Нѣтъ, погоди, бачка,—не я дуракъ, а ты сейчасъ [illegible]дѣть станешь.

И точно, какъ онъ провелъ мнѣ своимъ оленьимъ рукавомъ по лицу, мои смерзшіяся вѣки оттаяли и открылись. [illegible] для чего? что было видѣть? Я не знаю, можетъ ли [illegible]ть страшнѣе въ аду: вокругъ мгла была непроницаемая, [illegible]проглядная темь—и вся она была, какъ живая: она тряслась и дрожала, какъ чудовище,—сплошная масса льдистой [illegible] была его тѣло, останавливающій жизнь холодъ—его [illegible]ханіе. Да, это была смерть въ одномъ изъ самыхъ грозных своихъ явленій и, встрѣтясь съ ней лицомъ къ лицу, [illegible] ужаснулся.

Все, что я могъ проговорить, это былъ вопросъ о Ки[illegible]кѣ,—гдѣ онъ? Но говорить было такъ трудно, что дикарь [illegible]чего не слышалъ. Тутъ я замѣтилъ, что онъ, говоря мнѣ, [illegible]нибался и кричалъ мнѣ подъ треухъ въ самое ухо, и самъ [illegible] подъ треухъ ему закричалъ:

— А гдѣ наши другія сани?

— Не знаю, бачка,—насъ разбило.

— Какъ разбило?

— Разбило, бачка.

И хотѣлъ этому не вѣрить; хотѣлъ оглянуться, но никуда, [illegible] ни одну сторону не видать ничего: кругомъ адъ темный [illegible] кромѣшный. Подъ самымъ моимъ бокомъ у саней что-то [illegible]шилось, какъ клубъ, но не было никакихъ средствъ [illegible]дѣть, что это такое. Спрашиваю дикаря, что это. Тотъ [illegible]вѣчаетъ:

— А это, бачка, собачки спутались,—грѣются.

И вслѣдъ затѣмъ онъ сдѣлалъ въ этой тьмѣ какое-то движеніе и говоритъ:

— Падай, бачка!

— Куда падать?

— Вотъ сюда, бачка,—въ снѣгъ падай.

— Погоди, говорю.

Мнѣ еще не вѣрилось, что я потерялъ своего Кирiака, и я привсталъ изъ саней и хотѣлъ позвать его, но меня въ то же мгновеніе и сразу же задушило, точно какъ заткнуло всего этою ледяною пылью, и я повалился въ снѣгъ, причемъ довольно больно ударился головой о санную грядку. Подняться у меня не было никакихъ силъ, да и мой дикарь мнѣ не далъ бы этого сдѣлать. Онъ придержалъ меня и говоритъ:

— Лежи, бачка, смирно лежи, не околѣешь: снѣгъ замететъ, тепло будетъ; а то околѣешь. Лежи!

Ничего не оставалось, какъ его слушаться; и я лежу и не трогаюсь, а онъ сволокъ съ салазокъ оленью шкуру, бросилъ ее на меня и самъ подъ нее же подобрался.

— Вотъ теперь, говоритъ, бачка, хорошо будетъ.

Но это «хорошо» было такъ скверно, что я въ ту же минуту долженъ былъ какъ можно рѣшительнѣе отворотиться отъ моего сосѣда въ другую сторону, ибо присутствіе его на близкомъ разстояніи было невыносимо. Четвородневный Лазарь въ Виоанской пещерѣ не могъ отвратительнѣе смердѣть, чѣмъ этотъ живой человѣкъ; это было что-то хуже трупа,—это была смѣсь вонючей оленьей шкуры, остраго человѣчьяго пота, коноти и сырой гнили, юколы, рыбьяго жира и грязи... О, Боже, о, бѣдный я человѣкъ! Какъ мнѣ былъ противенъ этотъ, по образу Твоему созданный, братъ мой! О, какъ бы охотно я выскочилъ изъ этой вонючей могилы, въ которую онъ меня рядомъ съ собою укладывалъ, если бы только сила и мочь стоять въ этомъ метущемся адскомъ хаосѣ! Но ничего похожаго на такую возможность нельзя было и ждать,—и надо было покориться.

Мой дикарь замѣтилъ, что я отъ него отвернулся, и говоритъ:

— Погоди, бачка, ты не туда морду клалъ;—ты вотъ сюда клади морду, вмѣстѣ дуть будемъ,—тепло станетъ.

Это даже слушать казалось ужасно!

Я притворился, что его не слышу, но онъ вдругъ какъ-то напружинился, какъ клопъ, перекатился чрезъ меня и легъ прямо носъ къ носу, и ну дышать мнѣ въ лицо съ ужаснымъ самомъ и зловоніемъ. Сопѣлъ онъ тоже необычайно, точно кузнечный мѣхъ. Я никакъ не могъ этого стершѣть и рѣшился добиться, чтобы этого не было.

— Дыши, говорю, какъ-нибудь потише.

— А что? ничего, бачка, я не устану: я тебѣ, бачка, морду грѣю.

«Мордою» его я, разумѣется, не обижался, потому что не до амбиціи мнѣ было въ это время, да и, повторяю вамъ, у нихъ для оттѣнка такихъ излишнихъ тонкостей, чтобы отличать звѣриную морду отъ человѣческаго лица, и отдѣльныхъ словъ еще не заведено. Все морда: у него самого морда, у жены его морда, у его оленя морда, и у его бога Шигемони морда, — почему же у архіерея не быть мордѣ? Это моему преосвященству снести было не трудно, но вотъ что трудно было: сносить это его дыханіе съ этой смердючей юколой и какимъ-то другимъ отвратительнымъ зловоніемъ, — вѣроятно, зловоніемъ его собственнаго желудка, — противъ этого я никакъ не могъ стоять.

— Довольно, говорю, — перестань; ты меня согрѣлъ, теперь болѣе не сопи.

— Нѣтъ, бачка, сопѣть—теплѣй будетъ.

— Нѣтъ, пожалуйста, не надо: и такъ надоѣлъ,—не надо!

— Ну, не надо, бачка, не надо. Теперь спать будемъ.

— Спи.

— И ты, бачка, спи.

И въ эту же секунду, какъ это выговорилъ, точно мунштрованная лошадь, которая сразу въ галопъ принимаетъ, такъ и онъ сразу же уснулъ и сразу же захрапѣлъ. Да, вѣдь, какъ же, злодѣй, захрапѣлъ! Я, признаюсь вамъ, съ дѣтства страшный врагъ соннаго храпа, и гдѣ въ комнатѣ хоть одинъ храпливый человѣкъ есть, я уже мученикъ и ни за что уснуть не могу; а такъ какъ у насъ, въ семинаріи и академіи, разумѣется, было много храпуновъ, и я ихъ поневолѣ много и прилежно слушивалъ, то, не въ смѣхъ вамъ сказать, я вывелъ себѣ о храпѣ свои наблюденія: по храпу, увѣряю васъ, все равно, какъ по голосу и по походкѣ, можно судить о темпераментѣ и о характерѣ человѣка. Увѣряю васъ, это такъ: задорный человѣкъ — онъ и

храпитъ задорно, точно онъ и во снѣ сердится; а товарищъ у меня по академіи весельчакъ и франтъ былъ, — такъ тотъ и храпѣлъ какъ-то франтовски: — этакъ весело какъ-то, съ присвистомъ, точно въ своемъ городѣ въ соборъ идетъ новый сюртукъ обновлять. Его, бывало, даже изъ другихъ камеръ слушать приходили и одобряли его искусство. Но теперешній мой дикій сосѣдъ такую положительную музыку завелъ, что я никогда ни такого обширнаго діапазона, ни такого темпа еще не наблюдалъ и не слыхивалъ: точно какъ будто сильный густой рой гудитъ и въ звонкій сухой улей о стѣнки мягко бьется. Прекрасно этакъ, солидно, ритмически и мѣрно: у-у-у-у-бумъ, бумъ, бумъ, у-у-у-у-бумъ, бумъ, бумъ... По моимъ наблюденіямъ, надлежало бы вывести, что это дѣйствуетъ человѣкъ обстоятельный, надежный; но, лиха бѣда, мнѣ не до наблюденій было: онъ такъ одолѣлъ совсѣмъ, разбойникъ, этимъ гуломъ! Терпѣлъ-терпѣлъ я, наконецъ, не выдержалъ, — толкнулъ его въ ребра.

— Не храни, говорю.

— А что, бачка? зачѣмъ не храпѣть?

— Да ты ужасно храпишь: спать мнѣ не даешь.

— А ты самъ захрапи.

— Да я не умѣю храпѣть.

— А я, бачка, умѣю,—и опять сразу въ галопъ загудѣлъ.

Что ты съ этакимъ мастеромъ станешь дѣлать? Что ужъ тутъ съ такимъ человѣкомъ спорить, который во всемъ превосходитъ: и о крещеньи больше меня знаетъ, по сколько разъ крестятъ, и объ именахъ свѣдущъ, и храпѣть умѣетъ, а я не умѣю; во всемъ передо мною преферансъ получаетъ,—надо ему и честь, и мѣсто дать.

Попятился я отъ него, какъ могъ, немножко въ сторону, провелъ съ трудомъ руку за подрясникъ и пожалъ репетиръ: часы прозвонили всего три и три четверти. Это, значитъ, еще былъ день; вьюга, конечно, пойдетъ на всю ночь, можетъ-быть, и больше... Сибирскія вьюги, вѣдь, продолжительны. Можете себѣ представить, каково имѣть все это въ перспективѣ! А между тѣмъ, положеніе мое все становилось ужаснѣе: сверху насъ, вѣрно, уже хорошо укрыло снѣгомъ и въ логовѣ нашемъ стало не только тепло, а даже душно; но зато и отвратительныя, вонючія испаренія становились все гуще, — отъ этого спертаго смрада у меня занимало

дыханіе и очень жаль, что это сдѣлалось не сразу, потому что тогда я не испыталъ бы и сотой доли тѣхъ мученій, которыя ощутилъ, приведя себя въ память, что съ моимъ отцомъ Кириакомъ пропала и моя бутылка съ подправленною коньякомъ водою и вся наша провизія... Я ясно видѣлъ, что если я не задохнусь здѣсь, какъ въ Черной Пещерѣ, то мнѣ, навѣрно, грозитъ самая ужасная, самая мучительная изъ всѣхъ смертей,—голодная смерть и жажда, которая уже начала надо мною свое терзательство. О, какъ я теперь жалѣлъ, что не остался мерзнуть наверху и залѣзъ въ этотъ снѣжный гробъ, гдѣ мы двое лежали въ такой тѣснотѣ и подъ такимъ прессомъ, что всѣ мои усилія приподняться и встать были совершенно напрасны!

Съ величайшимъ трудомъ я доставалъ изъ-подъ своего плеча кусочки снѣгу и жадно глоталъ ихъ, одинъ за другимъ, но—увы!—это меня нимало не облегчало—напротивъ. Это возбуждало у меня тошноту и несносное жженіе въ горлѣ и желудкѣ, а особенно около сердца; затылокъ у меня трещалъ, въ ушахъ стоялъ звонъ и глаза гнело и выпирало на лобъ. А между тѣмъ докучный рой гудѣлъ все гуще и гуще, и все звонче пчелки бились объ улей. Такое ужасное состояніе продолжалось, пока часовой репетиръ сказалъ семь, — и затѣмъ я больше ничего не помню, потому что потерялъ сознаніе.

Это было величайшее счастіе, какое могло посѣтить меня въ моемъ настоящемъ бѣдственномъ положеніи. Не знаю, отдыхалъ ли я въ это время сколько-нибудь физически, но я, по крайней мѣрѣ, не мучился представленіемъ о томъ, что меня ожидало впереди и что въ дѣйствительности, по ужасу своему, должно было далеко превзойти всѣ представленія встревоженной фантазіи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Когда я пришелъ въ чувства, пчелиный рой отлетѣлъ, и я увидѣлъ себя на днѣ глубокой, снѣжной ямы; я лежалъ на самомъ ея днѣ, съ вытянутыми руками и ногами и не чувствовалъ ничего: ни холоду, ни голоду, ни жажды;—рѣшительно ничего! Только голова моя была до того мутна и безтолкова, что мнѣ порядочнаго труда стоило привести себѣ на память все, что со мною произошло, и въ какомъ я теперь нахожусь положеніи. Но, наконецъ, все это вы-

ясниlось, и первая мысль, которая мнѣ пришла въ эту пору, была та, что мой дикарь очнулся ранѣе меня и улизнулъ одинъ, а меня бросилъ.

Оно, по здравому сужденію, ему такъ бы и стоило со мною сдѣлать, особенно послѣ того, какъ я ему вчера нагрозилъ и его крестить, и брата его Кузьму-Демьяна разыскивать; но онъ, по своему язычеству, не такъ поступилъ. Чуть я, съ трудомъ двинувъ моими набрякшими членами, сѣлъ на днѣ моей разрытой могилы, какъ увидѣлъ я его шагахъ въ тридцати отъ меня. Онъ стоялъ подъ большимъ заиндивѣлымъ деревомъ и довольно забавно кривлялся, а надъ нимъ, на длинномъ суку, висѣла собака, у которой изъ распоротаго брюха ползли внизъ теплыя черева.

Я догадался, что это онъ жертву или, по-ихнему, таплгу принесъ, и, по правдѣ сказать, не возропталъ, что это жертвоприношеніе его здѣсь задержало, пока я проснулся, и помѣшало ему меня бросить. А я вполнѣ былъ увѣренъ, что этотъ язычникъ непремѣнно долженъ былъ имѣть такое нехристіанское намѣреніе, и завидовалъ отцу Кирiаку, который терпитъ теперь свою бѣду, но крайней мѣрѣ, хоть съ человѣкомъ крещенымъ, который все же долженъ быть благонадежнѣе моего нехриста. И отъ тяжкаго ли моего положенія, что ли, во мнѣ родилось даже такое подозрѣніе, что не слукавилъ ли со мною отецъ Кирiакъ и, предусматривая всѣ больше меня ему извѣстныя случайности сибирскихъ путешествій, подъ видомъ доброжелательства подсудобилъ мнѣ язычника, а себѣ отобралъ христіанина? Не похоже это, конечно, было на отца Кирiака, и мнѣ даже и сейчасъ, когда я это вспоминаю, стыдно становится сей моей подозрительности; но что дѣлать, когда она явилась?

Вылѣзъ я изъ снѣжной ямы и сталъ подбираться къ моему дикарю; онъ услыхалъ, какъ снѣгъ захрустѣлъ подъ моими ногами, и обернулся, но сейчасъ же опять сталъ продолжать попрежнему свои тайнодѣйствія.

— Ну, не довольно ли тебѣ кивать-то?—сказалъ я, постоявъ возлѣ него съ минуту.

— Довольно, бачка,—и сейчасъ же пошелъ къ санямъ и началъ нѣплять въ шорки остальныхъ собаченокъ. Закладка была готова, и мы поѣхали.

— Кому ты это тамъ таплгу далъ?—спросилъ я его, махнувъ назадъ головою.

— А не знаю, бачка.

— Да собачку-то ты кому пожертвовалъ: Богу или чортушайтану?

— Шайтану, бачка, какъ же,—шайтану.

— За что же ты его угостилъ?

— А за то, бачка, что онъ насъ не заморозилъ: я ему, бачка, за это собачку далъ,—пусть его лопаетъ.

— Гм! да онъ-то пусть лопаетъ,—не облопается, а собаченку жаль.

— Чего, бачка, жаль: собачка плохая, скоро бы дохнуть стала; ничего, бачка,—пусть его беретъ—лопаетъ.

— Да; такъ ты съ расчетомъ: дохленькую ему далъ...

— Какъ же, бачка.

— А скажи, пожалуйста: куда мы это теперь ѣдемъ?

— Не знаю, бачка—слѣдъ ищемъ.

— А гдѣ мой попъ—товарищъ?

— Не знаю, бачка.

— Какъ же намъ его найти?

— Не знаю, бачка.

— Можетъ-быть, онъ замерзъ?

— Зачѣмъ, бачка, замерзъ: снѣгъ есть — не замерзнетъ.

Я вспомнилъ опять, что съ Кириакомъ есть еще и бутылка съ согрѣвающимъ питьемъ, и провизія, и — успокоился. Со мною ничего этого не было, а я теперь охотно ѣлъ бы хоть собачьей юколы, но боялся о ней спросить, потому что не увѣренъ былъ, есть ли она съ нами.

Цѣлый день мы кружили какъ-то зря; я это видѣлъ—если не по безстрастному лицу моего возницы, то по неспокойнымъ, неровнымъ и тревожнымъ движеніямъ его собакъ, которыя все какъ-то прыгали, суетились и безпрестанно метались изъ стороны въ сторону. Моему дикарю съ ними было много хлопотъ, но его неизмѣнное безстрастное равнодушіе не покидало его ни на минуту: онъ только работалъ своимъ орстелемъ какъ будто съ нѣсколько большимъ вниманіемъ, безъ котораго намъ, конечно, въ этотъ день сто разъ быть бы выброшенными и остаться либо среди степи, либо гдѣ-нибудь подъ лѣсами, мимо которыхъ мы пробѣжали.

Но вотъ вдругъ одна собачка ткнулась мордою въ снѣгъ, прыгнула задними лапами и пала. Дикарь, разумѣется, лучше меня зналъ, что это значитъ и какою угрожаетъ

намъ новою бѣдою, но не выразилъ ни страха, ни смущенія: такъ же, какъ и всегда, онъ твердою, но безстрастною рукою застремилъ въ снѣгъ свой орстель и далъ мнѣ держать этотъ якорь нашего спасенія, а самъ поспѣшно сошелъ съ саней, вынулъ изнемогшаго пса изъ хомутика и потащилъ его взадъ, за сани. Я думалъ, что онъ хочетъ пришибить и закинуть куда-нибудь этого пса; но, оглянувшись, увидѣлъ, что и эта собака уже виситъ на деревѣ и изъ нея опять ползутъ внизъ кровавыя черева. Отвратительное зрѣлище!

— Это что опять?—крикнулъ я ему.

— А шайтану ее, бачка.

— Ну, братъ, довольно будетъ съ твоего шайтана; много ему по двѣ собаки на день ѣсть.

— Ничего, бачка, пусть лопаетъ.

— Нѣтъ, не «ничего», говорю; а если ты ихъ такъ будешь колоть, то ты ихъ всѣхъ шайтану переколешь.

— Я, бачка, ему тѣхъ даю, которыя дохнутъ.

— А ты бы ихъ лучше покормилъ.

— Нечѣмъ, бачка.

— Вотъ оно что! — это сказалось то самое, чего я и боялся.

А короткій день уже опять клонился къ вечеру и остальныя собаченки, видимо, совсѣмъ устали, изъ силъ выбились и начали какъ-то дико похаркивать и садиться. И вдругъ еще одна пала, а прочія всѣ, какъ по уговору, всѣ сразу сѣли на хвосты и завыли, точно тризну по ней правили.

Дикарь мой всталъ и хотѣлъ вздернуть шайтану третью собаку, но я ему этого на сей разъ уже рѣшительно не позволилъ. Такъ надоѣло мнѣ на это смотрѣть, да и казалось, что эта мерзость какъ будто увеличивала ужасъ нашего положенія.

— Оставь, говорю, и не смѣй трогать: пусть издыхаетъ какъ ей пришлось.

Онъ и спорить не сталъ, но зато съ обычнымъ ему, самымъ невозмутимымъ спокойствіемъ выкинулъ самую неожиданную штуку. Онъ молча застремилъ свой орстель впереди саней и всѣхъ собаченокъ, одну за другою, отцѣпилъ и пустилъ ихъ на волю. Оголодалые псы словно забыли истому: они взвизгнули, глухо затявкали и понеслись всей стаей въ одну сторону и въ минуту же скрылись въ

лѣсу за дальнимъ перелогомъ. Все это сталось такъ скоро, какъ въ сказкѣ объ Ильѣ-Муромцѣ сказывается: «какъ садился Илья на копя, всѣ видѣли, а какъ уѣхалъ, того никто не видалъ». Наша двигательная сила насъ оставила: мы *отышли:* отъ десятка нашихъ, еще такъ недавно бодрыхъ собаченокъ, при насъ оставалась только одна, издохшая, которая валялась у нашихъ ногъ въ своемъ хомутишкѣ.

Дикарь мой стоялъ на этомъ позорищѣ, облокотясь на свой орстель и съ тѣмъ же безстрастіемъ смотрѣлъ себѣ на ноги.

— Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—воскликнулъ я.

— Пустилъ, бачка.

— Вижу, что пустилъ; а придутъ ли онѣ назадъ?

— Нѣтъ, бачка, не придутъ,—онѣ одичаютъ.

— Для чего же, для чего ты ихъ спустилъ?

— Лопать, бачка, хотятъ, — пусть звѣрька изловятъ,— лопать будутъ.

— А мы съ тобою что будемъ лопать?

— Ничего, бачка.

— Ахъ ты, извергъ!

Онъ, вѣрно, не понялъ и ничего мнѣ не отвѣчалъ, но воткнулъ въ снѣгъ свой орстель и пошелъ. Никто бы не отгадалъ, куда и зачѣмъ онъ отъ меня удалился. Я его окликалъ, звалъ его вернуться назадъ, но онъ, только взглянувъ на меня своимъ тупымъ взглядомъ, прорычалъ: «молчи, бачка», и побрелъ дальше. Скоро и онъ исчезъ за опушкой, и я остался одинъ-одинёшенекъ.

Надо ли вамъ распространяться о томъ, какъ ужасно было мое положеніе или, можетъ-быть, вы лучше поймете весь этотъ ужасъ изъ того, что я не думалъ ни о чемъ, кромѣ того, что я голоденъ, что мнѣ хочется не ѣсть, въ человѣческомъ смыслѣ желанія пищи, а жрать, какъ голодному волку. Я вынулъ мои часы, подавилъ репетиръ и былъ пораженъ новымъ сюрпризомъ: мои часы стояли,—чего съ ними никогда не случалось на заводѣ. Дрожащими руками я вложилъ въ нихъ ключъ и удостовѣрился, что онѣ стали потому, что весь заводъ сошелъ; а онѣ ходили около двухъ сутокъ на одномъ заводѣ. Это мнѣ открывало, что мы, ночуя подъ снѣгомъ, пролежали въ своей ледяной могилѣ *болье чьмъ сутки*! Сколько же? — можетъ-быть, двое,

можетъ-быть, трое? Я болѣе не удивлялся, что я такъ мучительно страдаю отъ голода... Я, значитъ, не ѣлъ, по крайней мѣрѣ, третьи сутки и, сообразивъ это, почувствовалъ свой терзающій голодъ еще ожесточеннѣе.

Ѣсть, что-нибудь ѣсть!—нечистое, гадкое, лишь бы ѣсть!—вотъ все, что я понималъ, отчаянно водя вокругъ себя полными нестерпимой муки глазами.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Мы стояли на плоскомъ возвышеніи; за нами была огромная, безбрежная степь, а впереди безконечное ея продолженіе; вправо обозначалась занесенная снѣгомъ низменность и перевалъ, за которымъ далеко синѣла на горизонтѣ гряда лѣса, куда скрылись наши собаки. Влѣво шла другая лѣсная опушка, вдоль которой мы ѣхали, пока вся наша сбруя не разстроилась. Сами мы стояли какъ разъ подъ большимъ сугробомъ, который, видно, намело на пригорокъ, покрытый высокими, подъ самое небо уходящими пихтами и елинами. Томимый голодомъ, я стылъ, сидя на краю саней, и, не обращая вниманія ни на что окружающее, не замѣтилъ, когда здѣсь очутился возлѣ меня мой дикарь. Я не видалъ ни того, какъ онъ подошелъ, ни того, какъ онъ, молча, сѣлъ рядомъ со мною; теперь же, когда я обратилъ на него вниманіе, онъ сидѣлъ, поставивъ орстель въ колѣна, а руки завелъ за теплую малицу. Ни одна черта его лица не измѣнилась, ни одинъ мускулъ не двигался и глаза не выражали ничего, кромѣ тупой и спокойной покорности.

Я взглянулъ на него и ни о чемъ его не спросилъ, а онъ, какъ до сихъ поръ никогда первый не заговаривалъ, и теперь не заговорилъ. Такъ мы и осмеркли, такъ и просидѣли рядомъ безконечную темную ночь, не сказавъ другъ другу ни одного слова.

Но чуть на небѣ начало слегка сѣрѣть, дикарь тихо поднялся съ саней, заложилъ руки поглубже за пазуху и опять побрелъ вдоль по опушкѣ. Долго онъ не бывалъ назадъ, и долго видѣлъ, какъ онъ бродилъ и все останавливался: станетъ и что-то долго-долго на деревьяхъ разглядываетъ, и опять дальше потянетъ. И такъ онъ, наконецъ, скрылся съ моихъ глазъ, а потомъ опять такъ же тихо и безстрастно возвращается и прямо съ прихода лѣзетъ подъ сани и начинаетъ тамъ что-то настропать или разстропать.

— Что ты, спрашиваю, тамъ дѣлаешь? — и при этомъ непріятно открываю, какъ у меня спалъ и даже совсѣмъ перемѣнился мой голосъ, между тѣмъ мой дикарь какъ прежде говорилъ, такъ и теперь такъ же, перекусывая звуки, отрываетъ.

— Лыжи, бачка, достаю.

— Лыжи!—воскликнулъ я въ ужасѣ, тутъ только во всемъ значеніи понявъ, что такое значитъ «навострить лыжи».— Зачѣмъ ты лыжи достаешь?

— Сейчасъ убѣгу.

— Ахъ, ты, разбойникъ, думаю: куда же ты это побѣжишь?

— На правую руку, бачка, уóбгу.

— Зачѣмъ же ты туда побѣжишь?

— Лопать тебѣ принесу.

— Врешь, говорю,—ты меня здѣсь кинуть хочешь.

Но онъ нимало не смутился и отвѣчаетъ:

— Нѣтъ, я тебѣ лопать принесу.

— Гдѣ же ты мнѣ лопать возьмешь?

— Не знаю, бачка.

— Какъ же не знаешь: куда же ты бѣжишь?

— На праву руку.

— Кто же тамъ на правой рукѣ?

— Не знаю, бачка.

— А не знаешь, такъ чего же ты бѣжишь?

— Примѣту нашелъ,—чумъ есть.

— Врешь, говорю, любезный, ты меня одного здѣсь бросить хочешь.

— Нѣтъ; я лопать принесу.

— Ну, ступай, только ужъ лучше не ври, а иди себѣ куда знаешь.

— Зачѣмъ, бачка, врать, не хорошо врать.

— Очень, братъ, не хорошо, а ты врешь.

— Нѣтъ, бачка, не вру! поди со мной; я тебѣ примѣтку покажу.

И, зацѣпивъ лыжи и орстель, онъ поволокъ ихъ за собою и меня взялъ за руку, привелъ къ одному дереву и спрашиваетъ:

— Видишь, бачка?

— Что же, говорю, дерево вижу,—больше ничего.

— А вонъ, на большомъ суку вѣтка на вѣткѣ,—видишь?

— Ну, что же такое? вижу, есть вѣтка,—вѣрно вѣтеръ ее сюда забросилъ.

— Какой, бачка, вѣтеръ; это не вѣтеръ, а добрый человѣкъ ее посадилъ,—въ ту руку чумъ есть.

Ну, очевидное дѣло, что или онъ меня обманываетъ, или самъ обманывается; но что же мнѣ дѣлать?—силой мнѣ его не удержать, да и зачѣмъ я его стану удерживать? Не все ли равно, что одному, что вдвоемъ умирать съ холоду и голоду? Пусть бѣжитъ и спасается, если можетъ спастись,—и говорю ему по-монашески: «спасайся, братъ!»

А онъ спокойно отвѣчаетъ: «спасибо, бачка», и съ этимъ утвердился на лыжахъ, заложилъ орстель на плечи, шаркнулъ разъ ногой, шаркнулъ два,—и побѣжалъ. Черезъ минуту его уже и не видно стало, и я остался одинъ-одинёшенекъ среди снѣга, холода и совсѣмъ уже изнурившаго меня мучительнаго голода.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Небольшой зимній сибирскій день я пробродилъ около саней, то присаживаясь, то снова поднимаясь, когда холодъ пересиливалъ несносныя муки голода. Ходилъ я, разумѣется, потихоньку, потому что и силъ у меня не было, да и отъ сильнаго движенія скорѣе устаешь, и тогда еще скорѣе стынешь.

Бродя все вблизи того мѣста, гдѣ меня кинулъ мой дикарь, я не разъ подходилъ и къ тому дереву, на которомъ онъ мнѣ указывалъ примѣтную вѣтку: прилежно я ее разсматривалъ и все еще болѣе убѣждался, что это просто вѣтка, заброшенная сюда вѣтромъ съ другого дерева.

— Обманулъ, говорилъ я себѣ, обманулъ онъ меня, да и не поставится ему это въ грѣхъ: зачѣмъ ему было пропадать вмѣстѣ со мною, безъ всякой для меня пользы?

И нужно ли вамъ разсказывать, какъ тяжело и мучительно дологъ мнѣ казался этотъ куцый день? Я не вѣрилъ ни въ какую возможность спасенія и ждалъ смерти; но гдѣ она? зачѣмъ медлитъ и когда-то еще соберется припожаловать? Сколько я еще натерзаюсь прежде, чѣмъ она меня обласкаетъ и успокоитъ мои мученія?.. Скоро я сталъ замѣчать, что у меня начинаетъ минутами изнемогать зрѣніе: вдругъ всѣ предметы какъ бы сольются и пропадутъ въ какой-то сѣрой мглѣ, но потомъ опять вдругъ и неожиданно разъяснитъ... Кажется, это происходитъ просто отъ усталости, но не знаю, какую роль здѣсь играетъ перемѣна

въ освѣщеніи: чуть освѣщеніе перемѣнится, становится снова видно, и видно очень ясно и далеко, а потомъ опять затуманитъ. На часокъ выпрыгнувшее за далекими холмами солнышко стало обливать покрывавшій эти холмы снѣгъ удивительно чистымъ розовымъ свѣтомъ,—это бываетъ тамъ передъ вечеромъ, послѣ чего солнце сейчасъ же быстро и скрывается, и розовый свѣтъ тогда смѣняется самою дивною синевою. Такъ было и теперь: вокругъ меня вблизи все засинѣло, какъ будто сапфириою пылью обсыпалось, — гдѣ рытвинка, гдѣ ножной слѣдъ, или такъ просто палкою въ снѣгъ ткнуто, — вездѣ какъ сизый дымокъ заклубился и черезъ малое время этой игры все сразу смеркло: степь какъ опрокинутою чашей покрыло и потомъ опять облегчаетъ... сѣрѣетъ... Съ этою послѣднею перемѣною, какъ исчезъ и сей удивительный голубой свѣтъ и перебѣжала мгновенная тьма, на моихъ усталыхъ глазахъ въ сѣрой мглѣ пошли отражаться разные удивительные степные фокусы. Всѣ предметы начали принимать невѣроятные, огромные размѣры и очертанія: наши салазки торчали какъ корабельный остовъ; заиндивѣлая дохлая собака казалась спящимъ бѣлымъ медвѣдемъ, а деревья какъ бы ожили и стали переходить съ мѣста на мѣсто... И все это такъ живо и интересно, что я, несмотря на мое печальное положеніе, готовъ былъ бы во все это съ любопытствомъ всматриваться, если бы не одно странное обстоятельство, которое меня отпугнуло отъ моихъ наблюденій и, пробудя во мнѣ новый страхъ, оживило съ нимъ вмѣстѣ и инстинктъ самосохраненія. Предъ моими глазами, вдали, въ полутьмѣ, что-то мелькнуло, какъ темная стрѣла, потомъ другая, третья, и послѣдъ затѣмъ въ воздухѣ раздался протяжный жалобный вой.

Я мигомъ сообразилъ, что это или волки, или наши отпущенныя собаки, которыя, вѣроятно, ничего съѣдомаго не нашли и звѣря не затравили, а, истомясь голодомъ, вспомнили о своей околѣвшей подругѣ и хотятъ воспользоваться ея трупомъ. Во всякомъ случаѣ, тѣ ли это, или другіе, оголодавшіе ли псы, или волки, но они моему преимуществу спуска не дадутъ, и хотя мнѣ по разуму собственно было бы легче быть сразу растерзаннымъ, чѣмъ долго томиться голодомъ, однако инстинктъ самосохраненія велитъ свое, и я съ ловкостью и быстротою, какихъ, при-

знаться сказать, никогда за собою не зналъ и отъ себя не чаялъ, взобрался въ своемъ тяжеломъ убранствѣ на самый верхъ дерева, какъ векша, и тогда лишь опомнился, когда выше было некуда лѣзть. Передо мною открывалась цѣлая необъятность и снѣга, и темнаго, какъ густая накипь, неба, на которомъ, изъ далекой непроглядной тьмы, зардѣлись красноватыя, безлучныя звѣзды; а пока я окинулъ все это взглядомъ, внизу, почти у самаго корня моего дерева, произошла какая-то свалка: рванье, стонъ, опять потасовка, и опять стонъ, и вотъ опять во тьмѣ мелькнули врозсыпь стрѣлы, и сразу все стихло, какъ будто ничего и не бывало. Настала такая невозмутимая тишина, что я слышалъ и свой собственный пульсъ внутри себя, и свое дыханіе: оно какъ-то шумитъ, какъ сѣно, а если сильно вздохнуть, то точно электрическая искра тихо пощелкиваетъ въ невыносимо-разрѣженномъ морозномъ воздухѣ, такомъ сухомъ и такомъ холодномъ, что даже мои волосы на бородѣ насквозь промерзли, кололись, какъ проволоки, и ломались; я даже сейчасъ чувствую ознобъ при этомъ воспоминаніи, которому всегда помогаютъ мои съ той поры испорченныя ноги. Внизу, можетъ-быть, было немножко теплѣе, а можетъ-быть, и нѣтъ; но я во всякомъ случаѣ не вѣрилъ, что нашествіе хищниковъ тамъ не повторится, и рѣшилъ до утра не сходить съ дерева. Это было не страшнѣе, чѣмъ закопаться подъ снѣгомъ съ моимъ зловоннымъ товарищемъ, да и, вообще, что уже могло быть страшнѣе всего моего теперешняго положенія? Я только выбралъ поразбросистѣе развѣтвленіе и усѣлся на немъ, какъ въ довольно спокойномъ креслѣ, такъ что если бы даже мнѣ и вздремнулось, то я ни за что не упалъ бы; а впрочемъ, для большей безопасности, я крѣпко обхватилъ одинъ сукъ руками и завелъ ихъ обѣ поглубже за манишку. Позиція была хорошо выбрана и хорошо устроена: я сидѣлъ, какъ примерзлый старый сычъ, на котораго, вѣроятно, похожъ былъ и съ виду. Часы мои давно уже не шли, но отсюда для меня были прекрасно открыты Оріонъ и Плеяды—эти небесные часы, по которымъ я теперь могъ вести счетъ времени моихъ мученій. Я этимъ и занялся: сначала вычислилъ себѣ приблизительно данную минуту, а потомъ, такъ, просто, безъ всякой цѣли, долго-долго глядѣлъ на эти странныя звѣзды, на совершенно черномъ небѣ, пока онѣ стали слабѣть и

изъ золотыхъ сдѣлались мѣдяными и, наконецъ, совсѣмъ потемнѣли и сгасли.

Настало утро, такое же сѣрое и безрадостное. Мои часы, поставленные мною по распоряженію Плесядъ, показали девять. Голодъ все ожесточался и мучилъ меня невыносимо: я уже не чувствовалъ ни томящаго запаха яствъ и никакого воспоминанія о вкусѣ пищи, а у меня просто была голодная боль: мой пустой желудокъ сучило и скручивало какъ веревку и причиняло мнѣ мученія невыносимыя.

Безъ всякой надежды найти что-нибудь съѣстное, я спустился съ дерева и сталъ бродить. Въ одномъ мѣстѣ я поднялъ на снѣгу еловую шишку. Сначала думалъ, не кедровая ли и нѣтъ ли въ ней орѣшковъ, но оказалось, просто-на-просто обыкновенная еловая шишка. Я разломилъ ее, досталъ изъ нея зернышко и проглотилъ, но смолистый запахъ былъ такъ противенъ, что и пустой желудокъ не принялъ этого зерна и отъ того боли мои только усилились. Въ это время я замѣтилъ, что около нашихъ брошенныхъ саней въ разныхъ направленіяхъ было множество недавнихъ слѣдовъ и что наша дохлая собака исчезла. За нею теперь, очевидно, былъ на очереди мой трупъ, на который сбѣжатся тѣ же волки и такъ же скоро и хищно его между собою раздѣлятъ. Только когда же это будетъ? Неужели еще сутки? А ну, какъ еще болѣе?—Нѣтъ. Я припомнилъ себѣ одного фанатика-запощеванца, который заморилъ себя голодомъ во славу Христову; онъ имѣлъ духъ отмѣчать дни своего томленія и насчиталъ ихъ девять... Это ужасно! Но тотъ голодалъ въ теплѣ, а я подвергаюсь всему при жестокомъ холодѣ,—это, конечно, должно дѣлать большую разницу. Силы мои меня совсѣмъ оставили,—я уже не могъ согрѣвать себя движеніемъ и сѣлъ на сани. Даже сознаніе моей участи меня какъ будто покинуло: я чувствовалъ на вѣкахъ моихъ тѣнь смерти и томился только тѣмъ, что она такъ медленно уводитъ меня въ путь невозвратный. Вы поймете, что я такъ искренно желалъ уйти изъ этой мерзлой пустыни въ сборный домъ всѣхъ живущихъ и нимало не сожалѣлъ, что здѣсь, въ этой студеной тьмѣ, я постелю постель мою. Цѣпь мыслей моихъ порвалась, кувшинъ разбился и колесо надъ колодцемъ обрушилось: ни мыслей, ни даже обращенія къ небу въ самыхъ

привычныхъ формахъ, — нечего, негдѣ и нечѣмъ стало почерпнуть. Я это сознаlъ и вздохнулъ.

Авва Отче! не могу даже изнести Тебѣ покаянія, но Ты Самъ сдвинулъ свѣтильникъ мой съ мѣста, Самъ и поручись за меня передъ Собою!

Это была вся моя молитва, которую я могъ собрать въ умѣ моемъ, и затѣмъ ничего не помню, какъ шелъ этотъ день. Всеконечно, съ твердостію могу уповать, что онъ былъ такой же точно, какъ и тотъ, что̀ минулъ. Казалось мнѣ только, что я въ этотъ день видѣлъ будто бы вдали отъ себя два живыя существа, и это будто были двѣ какія-то птицы; онѣ мнѣ казались ростомъ съ сорокъ и статью похожія на сороку, но съ сквернымъ лохматымъ перомъ, въ родѣ совинаго. Передъ самымъ закатомъ солнца онѣ слетѣли откуда-то съ дерева на снѣгъ, походили и улетѣли. Но, можетъ-быть, мнѣ это только казалось въ моихъ предсмертныхъ галлюцинаціяхъ; однако, казалось это такъ живо, что я слѣдилъ за ихъ полетомъ и видѣлъ, какъ онѣ гдѣ-то вдали скрылись, какъ будто растаяли. Усталые глаза мои, дойдя до этого мѣста, такъ на немъ и стали, и остолбенѣли. Но что̀ бы вамъ думалось? — вдругъ я начинаю замѣчать въ этомъ направленіи какую-то странную точку, которой, кажется, здѣсь прежде не было. Притомъ же казалось, что она какъ будто движется, — хоть это было такъ незамѣтно, что движеніе ея скорѣй можно было отличать внутреннимъ чутьемъ, а не глазами, но я былъ увѣренъ, что она движется.

Надежда на спасеніе заговорила, и всѣ муки мои не въ силахъ были перекричать и заглушить ее; точка все росла и все яснѣе, и яснѣе опредѣлялась на этомъ удивительно нѣжно-розовомъ фонѣ. Миражъ ли это, столь возможный въ семъ пустынномъ мѣстѣ, при такомъ капризномъ освѣщеніи, или это, дѣйствительно, что-то живое спѣшитъ ко мнѣ, но оно во всякомъ случаѣ летитъ прямо на меня, и именно не идетъ, а летитъ: я вижу, какъ *оно* чертитъ, наконецъ, различаю фигуру—вижу у нея ноги,—я вижу, какъ онѣ штрихуютъ одна за другою и... вслѣдъ затѣмъ, снова быстро перехожу отъ радости къ отчаянію. Да; это не миражъ— я его слишкомъ явно вижу, но зато это и не человѣкъ, какъ и не звѣрь. Вообще на землѣ нѣтъ во плоти ни одного такого существа, которое походило бы на это волшебное,

фантастическое видѣніе, какое на меня надвигало, словно сгущаясь, складываясь, или, какъ господа спириты говорятъ нынѣ, «матеріализуясь» изъ игривыхъ топовъ мерзлой атмосферы. Или меня обманываетъ мой глазъ и мое воображеніе, или, кто что ни говори, а это духъ. Какой? Кто ты? Неужто это мой отецъ Киріакъ спѣшитъ мнѣ навстрѣчу изъ царства мертвыхъ... А можетъ быть мы оба уже *тамъ*?.. неужто я уже и кончилъ переходъ? Какъ хорошо! какъ любопытенъ этотъ духъ, этотъ мой новый согражданинъ въ новой жизни! Опишу его вамъ какъ умѣю: ко мнѣ плыла крылатая, гигантская фигура, которая вся съ головы до пятъ была облечена въ хитонъ серебряной парчи и вся искрилась; на головѣ огромнѣйшій, казалось, чуть ли не въ сажень вышины, уборъ, который горѣлъ, какъ будто весь сплошь усыпанъ былъ брильянтами или точно это цѣльная брильянтовая митра... Все это точно у богато-убраннаго индійскаго идола, и, въ довершеніе сего сходства съ идоломъ и съ фантастическимъ его явленіемъ, изъ-подъ ногъ моего дивнаго гостя брызжутъ искры серебристой пыли, по которой онъ точно несется на легкомъ облакѣ, по меньшей мѣрѣ, какъ сказочный Гермесъ.

И вотъ, пока я его разсматривалъ, онъ, этотъ удивительный духъ, все ближе, ближе, и — вотъ, наконецъ, совсѣмъ близко, и еще моментъ, и онъ, обрызгавъ всего меня снѣжной пылью, воткнулъ передо мною свой волшебный жезлъ и воскликнулъ:

— Здравствуй, бачка!

Я не вѣрилъ ни своимъ глазамъ, ни своему слуху: удивительный духъ этотъ былъ, конечно, онъ, — мой дикарь! Теперь въ этомъ нельзя было болѣе ошибаться: вотъ подъ ногами его тѣ же самыя лыжи, на которыхъ онъ убѣжалъ, за плечами другія; передо мною воткнутъ въ снѣгъ его орстель, а на рукахъ у него цѣлая медвѣжья ляжка, совсѣмъ и съ шерстью, и со всей когтистой лапой. Но во что онъ убранъ, во что онъ преобразился?

Не дожидая съ моей стороны никакого отвѣта на свое привѣтствіе, онъ сунулъ мнѣ къ лицу эту медвѣжатину и, промычавъ:

— Лопай, бачка!—самъ сѣлъ на сани и началъ снимать съ своихъ ногъ лыжи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Я припалъ къ окороку и грызъ, и сосалъ сырое мясо, стараясь утолить терзавшій меня голодъ, и въ то же время смотрѣлъ на моего избавителя.

Что это такое было у него на головѣ, которая оставалась все въ томъ же дивномъ блестящемъ, высокомъ уборѣ,— никакъ я этого не могъ разобрать, и говорю:

— Послушай, что это у тебя на головѣ?

— А это, отвѣчаетъ, то, что ты мнѣ денегъ не далъ.

Признаюсь, я не совсѣмъ понялъ, что онъ мнѣ этимъ хотѣлъ сказать, но всматриваюсь въ него внимательнѣе — и открываю, что этотъ его высокій брильянтовый головной уборъ есть не что иное, какъ его же собственные длинные волосы: всѣ ихъ пропушило насквозь снѣжною пылью, и какъ они у него на бѣгу развѣвались, такъ ихъ снопомъ и заморозило.

— А гдѣ же твой треухъ?

— Кинулъ.

— Для чего?

— А что ты мнѣ денегъ не далъ.

— Ну, говорю, я тебѣ, точно, забылъ денегъ дать,—это я дурно сдѣлалъ, но какой же жестокій человѣкъ этотъ хозяинъ, который тебѣ не повѣрилъ и въ такую стыдь съ тебя шапку снялъ.

— Съ меня шапки никто не снималъ.

— А какъ же это было?

— Я ее самъ кинулъ.

И разсказалъ мнѣ, что онъ по примѣткѣ весь день бѣжалъ, юрту нашелъ,—въ юртѣ медвѣдь лежитъ, а хозяевъ дома нѣтъ.

— Ну?

— Думалъ, тебѣ долго ждать, бачка,—ты издохнешь.

— Ну?

— Я медвѣдь рубилъ и лапу взялъ, и назадъ бѣжалъ, а ему шапку клалъ.

— Зачѣмъ?

— Чтобы онъ дурно, бачка, не думалъ.

— Да вѣдь тебя этотъ хозяинъ не знаетъ.

— Этотъ, бачка, не знаетъ, а другой знаетъ.

— Который другой?

— А тотъ Хозяинъ, Который сверху смотритъ.

— Гм! Который сверху смотритъ?..

— Да, бачка, какъ же: вѣдь Онъ, бачка, все видитъ.

— Видитъ, братецъ, видитъ.

— Какъ же, бачка? — Онъ, бачка, не любитъ, кто худо сдѣлалъ.

Разсужденіе весьма близкое къ тому, какое высказалъ св. Сиринъ соблазнявшей его прелестницѣ, которая манила его къ себѣ въ домъ, а онъ приглашалъ ее согрѣшить всенародно на площади; та говоритъ: «тамъ нельзя; тамъ *люди увидятъ*», а онъ говоритъ: «я на людей-то не очень бы посмотрѣлъ, а вотъ какъ бы насъ Богъ не увидалъ? давай-ка лучше разойдемся».

— Ну, братъ, подумалъ я, однако, и ты отъ царства небеснаго недалеко ходишь; а онъ во время сей краткой моей думы кувыркнулся въ снѣгъ.

— Прощай, говоритъ, бачка, ты лопай, а я спать хочу.

И засопѣлъ своимъ могучимъ обычаемъ.

Это уже было темно; надъ нами опять разостлалось черное небо и по немъ, какъ искры по смолѣ, засверкали безлучныя звѣзды.

Я тогда уже немножко пренитался, то-есть проглотилъ нѣсколько кусочковъ сырого мяса, и стоялъ съ медвѣжьимъ окорокомъ на рукахъ надъ спящимъ дикаремъ и вопрошалъ себя:

— Что за загадочное странствіе совершаетъ этотъ чистый, высокій духъ въ этомъ неуклюжемъ тѣлѣ и въ этой ужасной пустынѣ? Зачѣмъ онъ воплощенъ здѣсь, а не въ странахъ, благословенныхъ природою? Для чего умъ его такъ скуденъ, что не можетъ открыть ему Творца въ болѣе пространномъ и ясномъ понятіи? Для чего, о Боже, лишенъ онъ возможности благодарить Тебя за просвѣщеніе его свѣтомъ Твоего Евангелія? Для чего въ рукѣ моей нѣтъ средствъ, чтобы возродить его новымъ торжественнымъ рожденіемъ съ усыновленіемъ Тебѣ Христомъ Твоимъ? Должна же быть на все это воля Твоя; если Ты, въ семъ печальномъ его состояніи, вразумляешь его какимъ-то дивнымъ свѣтомъ свыше, то я вѣрю, что сей свѣтъ ума его есть даръ Твой! Владыко мой, како уразумѣю: что сотворю, да не прогнѣвлю Тебя и не оскорблю сего моего искренняго?

И въ этомъ раздумьѣ не замѣтилъ я, какъ небо вдругъ

вспыхнуло, загорѣлось и облило насъ волшебнымъ свѣтомъ: все приняло опять огромные, фантастическіе размѣры и мой спящій избавитель представлялся мнѣ очарованнымъ могучимъ сказочнымъ богатыремъ. Я пригнулся къ нему и сталъ его разсматривать, словно никогда его до сей поры не видѣлъ, и что я скажу вамъ?—онъ мнѣ показался прекрасенъ. Мнилось мнѣ, что это былъ тотъ, на чьей шеѣ обитаетъ сила; тотъ, чья смертная нога идетъ въ путь, котораго не знаютъ хищныя птицы; тотъ, передъ кѣмъ бѣжитъ ужасъ, сократившій меня до безсилія и уловившій меня, какъ въ петлю, въ мой собственный замыслъ. Скудно слово его, но зато онъ не можетъ утѣшать скорбное сердце движеніемъ губъ, а слово его, это—искра въ движеніи его сердца. Какъ краснорѣчива его добродѣтель и кто рѣшится огорчить его?... Во всякомъ разѣ не я. Нѣтъ, живъ Господь, огорчившій ради его душу мою, это буду не я. Пусть плечо мое отпадетъ отъ спины моей и рука моя отломится отъ моего локтя, если я подниму ее на сего бѣдняка и на бѣдный родъ его! Прости меня, блаженный Августинъ, а я и тогда разномыслилъ съ тобою, и сейчасъ съ тобою не согласенъ, что будто «самыя добродѣтели языческія суть только скрытые пороки». Нѣтъ; сей, спасшій жизнь мою, сдѣлалъ это не по чему иному, какъ по добродѣтели, самоотверженному состраданію и благородству; онъ, не зная апостольскаго завѣта Петра, «мужался ради меня (своего недруга) и предавалъ душу свою въ благотвореніе». Онъ покинулъ свой треухъ и бѣжалъ сутки въ ледяной шапкѣ, конечно, движимый не однимъ *естественнымъ* чувствомъ состраданія ко мнѣ, а имѣя также religio, — дорожа *воссоединеніемъ* съ тѣмъ Хозяиномъ, «Который сверху смотритъ». Что же я съ нимъ сотворю теперь? возьму ли я у него эту религію и разобью ее, когда другой, лучшей и сладостнѣйшей, я лишенъ возможности дать ему, доколѣ «слова путаютъ смыслъ смертнаго», а дѣлъ, для плѣненія его, показать невозможно? Неужто я стану страхомъ его нудить, или выгодою защиты обольщать? Никогда, да не будетъ онъ, какъ Емморъ и Сихемъ, обрѣзавшіеся ради дочерей и скотовъ Іаковлевыхъ! Скотовъ и дочерей вѣрою пріобрѣтающіе — не вѣру, а дочерей и скотовъ только пріобрящутъ и семидалъ отъ рукъ ихъ будетъ Тебѣ яко же и кровь свиная. А гдѣ же мои средства его воспитать, его

просѣтить, когда нѣтъ ихъ, этихъ средствъ, и все какъ бы нарочито такъ устроено, чтобы имъ не быть въ моихъ рукахъ? Нѣтъ; вѣрно, правъ мой Кириакъ: здѣсь печать, которой несвободною рукой не распечатаешь,—и благъ мнѣ по мысли пришелъ совѣтъ Аввакума пророка: «аще умедлитъ, потерпи ему, яко идый пріидетъ и не умедлитъ». Ей, гряди, Христосъ, ей, гряди Самъ въ сіе сердце чистое, къ сію душу смирную; а доколѣ медлишь, доколѣ не изволишь сего... пусть милы ему будутъ эти снѣжныя глыбы его долинъ, пусть въ свой день онъ скончается, сбросивъ жизнь, какъ лоза—дозрѣвшую ягоду, какъ дикая маслина—цвѣтокъ свой... Не мнѣ ставить въ колоды ноги его и преслѣдовать его стези, когда Самъ Сый написалъ перстомъ Своимъ законъ любви въ сердцѣ его и отвелъ его въ сторону отъ дѣлъ гнѣва. Авва Отче, сообщай Себя любящему Тебя, а не испытующему, и пребудь благословенъ до вѣка такимъ, какимъ Ты по благости Своей дозволилъ и мнѣ, и ему, и каждому по-своему постигать волю Твою. Нѣтъ больше смятенія въ сердцѣ моемъ: вѣрю, что Ты открылъ ему Себя, сколько ему надо, и онъ знаетъ Тебя, какъ и все Тебя знаетъ:

Largior hic campos aether et lumine vestit
Purpureo, solemque suum, sua sidera norunt!

подсказалъ моей памяти старый Виргилій,—и я поклонился у изголовья моего дикаря лицомъ до низу и, ставъ на колѣни, благословилъ его и, покрывъ его мерзлую голову своею полою, спалъ съ нимъ рядомъ такъ, какъ бы я спалъ, обнявшись съ пустыннымъ ангеломъ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Досказывать ли вамъ конецъ? Онъ не мудренѣе начала.

Когда мы проснулись, дикарь подладилъ подъ меня принесенныя имъ лыжи, вырубилъ мнѣ шестъ, всунулъ въ руки и научилъ, какъ его держать; потомъ подпоясалъ меня веревкою, взялъ ее за конецъ и поволокъ за собою.

Спросите: куда? — Прежде всего за медвѣжатину долгъ платить. Тамъ мы надѣялись взять собакъ и ѣхать далѣе; но поѣхали не туда, куда вначалѣ влекла меня моя неопытная затѣя. Въ дымной юртѣ нашего кредитора ждало меня еще одно поученіе, имѣвшее весьма рѣшительное значеніе на всю мою послѣдующую дѣятельность. Въ томъ

было дѣло, что хозяинъ, которому мой дикарь шапку покинулъ, совсѣмъ не на охоту въ то время ходилъ, когда прибѣгалъ мой избавитель, а онъ выручалъ моего Кириака, котораго обрѣлъ брошеннаго его крещенымъ проводникомъ среди пустыни. Да, господа, тутъ въ юртѣ, близъ тусклаго вонючаго огня, я нашелъ моего честнаго старца, и въ какомъ ужасномъ, сердце сжимающемъ, положеніи! Онъ весь обмерзъ; его чѣмъ-то смазали, и онъ еще живъ былъ, но ужасный запахъ, который обдалъ меня при приближеніи къ нему, сказалъ мнѣ, что духъ, стерегшій домъ сей, отходитъ. Я поднялъ покрывавшую его оленью шкуру и ужаснулся: гангрена отдѣлила все мясо его ногъ отъ кости, но онъ еще смотрѣлъ и говорилъ. Узнавъ меня, онъ прошепталъ:

— Здравствуй, владыко!

Въ несказанномъ ужасѣ я глядѣлъ на него и не находилъ словъ.

— Я ждалъ тебя, вотъ ты и пришелъ; ну, слава Богу. Видѣлъ степь? Какова показалась?.. Ничего, — живъ будешь, опытъ имѣть будешь.

— Прости, говорю, меня, отецъ Кириакъ, что я тебя сюда завелъ.

— Полно, владыко. Благословенъ будь приходъ твой сюда; опытъ получилъ и живи, а меня скорѣй исповѣдуй.

— Хорошо, говорю, сейчасъ; гдѣ же у тебя Святые Дары,—они вѣдь съ тобой были?

— Со мной были, отвѣчаетъ, да нѣтъ ихъ.

— Гдѣ же они?

— Ихъ дикарь съѣлъ.

— Что ты говоришь!

— Да!.. съѣлъ! Ну, что говорить, — темный человѣкъ... спутанъ умъ... Не могъ его удержать... говоритъ: «попа встрѣчу,—онъ меня проститъ». Что говорить?.. все спуталъ...

— Неужто же, говорю, онъ и муро съѣлъ!

— Все съѣлъ, и губочку съѣлъ, и дароносицу унесъ, и меня бросилъ... вѣритъ, что «попъ проститъ»... Что говорить?.. спутанъ умъ... простимъ ему это, владыко, — пусть только насъ Христосъ проститъ. Дай слово мнѣ не искать его, бѣднаго, или... если отыщешь его...

— Простить?

— Да; Христа ради прости и... какъ пріѣдешь домой, гляди, вражкамъ ничего о немъ не сказывай, а то они, лу-

кавые, пожалуй, надъ бѣднякомъ-то свою ревность покажутъ. Пожалуйста, не сказывай.

Я далъ слово и, опустясь возлѣ умирающаго на колѣни, сталъ его исповѣдывать; а въ это самое время въ полную людей юрту вскочила пестрая шаманка, заколотила въ свой бубенъ; ей пошли подражать на деревянномъ камертонѣ и еще на какомъ-то непонятномъ инструментѣ, типа того времени, когда племена и народы, по гласу трубы и всякаго рода муссикіи, повергались ницъ передъ истуканомъ дейрскаго поля,—и началось дикое торжество.

Это моленіе шло за насъ и за наше избавленіе, когда намъ, можетъ-быть, лучше было бы молиться за свое отъ насъ избавленіе, и я, архіерей, присутствовалъ при этомъ моленіи, а отецъ Кириакъ отдавалъ при немъ свой духъ Богу, и не то молился, не то судился съ Нимъ, какъ Іеремія пророкъ, или договаривался, какъ истинный свинопасъ евангельскій, не словами, а какими-то воздыханіями неизглаголанными.

— Умилосердись,— шепталъ онъ. — Прими меня теперь, какъ одного изъ наемниковъ Твоихъ! Насталъ часъ... возврати мнѣ мой прежній образъ и наслѣдіе... не дай мнѣ быть злымъ дьяволомъ въ адѣ; потопи грѣхи мои въ крови Іисуса, пошли меня къ Нему!.. хочу быть прахомъ у ногъ Его... Изреки: «да будетъ такъ»...

Перевелъ духъ и опять зоветъ:

— О доброта... о простота... о любовь!.. о радость моя!.. Іисусе!.. вотъ я бѣгу къ Тебѣ, какъ Никодимъ, ночью; вари во мнѣ, открой дверь... дай мнѣ слышать Бога, ходящаго и глаголющаго!.. Вотъ... риза Твоя уже въ рукахъ моихъ... окрушни стегно мое... но я не отпущу Тебя... доколѣ не благословишь со мной всѣхъ.

Люблю эту *русскую* молитву, какъ она еще въ двѣнадцатомъ вѣкѣ вылилась у нашего Златоуста, Курила въ Туровѣ, которою онъ и намъ завѣщалъ «не токмо за свои молитися, но и за чужія, и не за единыя христіаны, но и за иновѣрныя, да быша ся обратили къ Богу». Милый старикъ мой, Кириакъ, такъ и молился, — *за всѣхъ* дерзалъ: «Господи, говоритъ, благослови, а то не отпущу Тебя!» Что съ такимъ чудакомъ подѣлаешь?

Съ сими словами потянулся онъ — точно поволокся за Христовою ризою,—и улетѣлъ... Такъ мнѣ и до сихъ поръ

представляется, что онъ все держится, виситъ и носится за Нимъ, прося: «благослови *всѣхъ, а то — не отстану*». Дерзкій старичокъ этотъ своего, пожалуй, допросится; а Тотъ по добротѣ Своей ему не откажетъ. У насъ вѣдь это все in sancta simplicitate *семейно* со Христомъ дѣлается. Понимаемъ мы Его, или нѣтъ, объ этомъ толкуйте, какъ знаете, но а что мы живемъ съ Нимъ запросто—это-то уже очень, кажется, неоспоримо. А Онъ простоту сильно любитъ...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Я схоронилъ Киріака подъ глыбой земли, на берегу замерзшаго ручья, и тутъ же узналъ отъ дикарей гнусную новость, что мой успѣшный зырянинъ крестилъ... стыдно сказать—*съ угощеніемъ*, по-просту—съ водочкой. Стыдомъ это въ моихъ глазахъ все это дѣло покрыло и не захотѣлъ я этого крестителя видѣть и слышать о немъ, а повернулъ назадъ къ городу, съ рѣшимостью сѣсть въ своемъ монастырѣ за книги, безъ коихъ монаху въ праздномысліи—смертная гибель, а въ промежуткахъ времени смирно стричь ставленниковъ, да дьячихъ съ мужьями мирить: но за святое дѣло, которое всвятѣ совершать нельзя кое-какъ, лучше совсѣмъ не трогаться,—«не давать безумія Богу».

Такъ я и сдѣлалъ,—и вернулся въ монастырь умудренный опытомъ, что многострадальные миссіонеры мои люди добрые и слава Богу, что они такіе, а не иные.

Теперь я ясно видѣлъ, что добрая слабость простительнѣе ревности не по разуму—въ томъ дѣлѣ, гдѣ нѣтъ средствъ приложить ревность разумную. А что таковая невозможна,—въ этомъ убѣждала меня дожидавшаяся меня въ монастырѣ бумага, въ коей мнѣ сообщалось «къ свѣдѣнію», что въ Сибири, кромѣ 580 буддійскихъ ламъ, состоящихъ въ штатѣ при тридцати четырехъ кумирняхъ, допускаются еще ламы сверхштатные. Что же? вѣдь я не Канюшкевичъ или не Арсеній Мацѣевичъ, — я епископъ школы новой и съ кляномъ во рту въ Ревелѣ сидѣть не хочу, какъ Арсеній сидѣлъ, да отъ этого и проку нѣтъ... Я принялъ извѣстіе объ усиленіи ламъ «къ свѣдѣнію», и только вытребовалъ, какъ могъ поскорѣе, къ себѣ назадъ изъ степей зырянина и, навѣсивъ ему за успѣхи набедренникъ, яко мечъ духовный, оставилъ его въ городѣ при соборѣ ризничимъ и наблюдателемъ за перезолоткою иконостаса; а своихъ лѣнивенькихъ

миссіонеровъ собралъ, да, въ поясъ имъ поклонясь, сказалъ:

— Простите меня, отцы и братія, что вашу доброту не понималъ.

— Богъ, говорятъ, проститъ.

— Ну, молъ, спасибо, что вы милостивы, и будьте отнынѣ вездѣ и всегда паче всего милостивы и Богъ милосердія будетъ на дѣлахъ вашихъ.

И съ тѣхъ поръ во все мое остальное, довольно продолжительное, пребываніе въ Сибири я никогда не смущался, если тихій трудъ моихъ проповѣдниковъ не давалъ столь любимыхъ великосвѣтскими религіозными нетерпѣливцами эффектныхъ результатовъ. Когда не было такихъ эффектовъ, я былъ покоенъ, что «водоносы по очереди наполняются»; но когда случайно у того или у другого изъ миссіонеровъ являлась вдругъ большая цифра... я, признаюсь вамъ, чувствовалъ себя тревожно... Мнѣ припоминался то мой зырянинъ, то оный гвардейскій креститель Ушаковъ, либо совѣтникъ Ярцевъ, которые были еще благоноспѣшнѣе, понеже у нихъ, якоже и во дни Владиміра, «благочестіе со страхомъ бѣ сопряжено», и инородцы у нихъ, еще до пріѣзда миссіонеровъ, уже просили крещенія... Да только что же изъ всей ихъ этой борзости и «благочестія, со страхомъ сопряженнаго», вышло?—Мерзость запустѣнія стала по святымъ мѣстамъ, гдѣ были купели сихъ борзыхъ крестильниковъ и... въ этомъ путалось все — и умъ, и сердце, и понятія людей, и я, худой архіерей, не могъ съ этимъ ничего сдѣлать, да и хорошій ничего не сдѣлаетъ, пока... пока, такъ-сказать, мы всерьезъ станемъ заниматься вѣрою, а не кичиться ею фарисейски, для блезира. Вотъ, господа, въ какомъ положеніи бываемъ мы, русскіе крестители, и не отъ того, чай, что не понимаемъ Христа, а именно отъ того, что мы Его понимаемъ и не хотимъ, чтобы имя Его хулилось во языцѣхъ. И такъ я и жилъ уже, не лютуя съ прежнею прытью, а терпѣливо и даже, можетъ-быть, лѣностно влача кресты, отъ Христа и не отъ Христа на меня ниспадавшіе, изъ коихъ замѣчательнѣйшимъ былъ тотъ, что я, ревностно принявшись за изученіе буддизма, самъ ученіемъ моего зырянина прослылъ за потаеннаго буддиста... Такъ это при мнѣ и осталось, хотя я, впрочемъ, ревность своего зырянина не стѣснялъ и предоставлялъ ему орудовать испытанными, по своей вѣрности, пріемами князя

Андрея Боголюбскаго, о коихъ выкликалъ надъ его гробомъ Кузьма домочадецъ: «придетъ, дескать, бывало, язычникъ, ты велишь его весть въ ризницу, — *пусть смотритъ на наше истинное христіанство*». И я зырянину предоставилъ, кого онъ хочетъ, водить въ ризницу и все собранное тамъ отъ нашего съ нимъ «истиннаго христіанства» со тщаніемъ показывать... И было все это хорошо и довольно дѣйственно; наше «истинное христіанство» одобряли, но только, разумѣется, можетъ-быть, моему зырянину казалось скучно по два да по три человѣка крестить, да и вирямъ оно скучно. Вотъ и до настоящаго русскаго слова договорился: «скучно»! Скучно, господа, тогда было бороться съ самодовольнымъ невѣжествомъ, терпѣвшимъ вѣру только какъ политическое средство; зато теперь, можетъ-быть, еще скучнѣе бороться съ равнодушіемъ тѣхъ, которые замѣсто того, чтобы другимъ свѣтить, по удачному выраженію того же Маціевича, «*сами насилу вьруютъ*...» А вы, вѣдь, современные умные люди, все думаете: «эхъ, плохи наши епархіальные архіереи! Что они дѣлаютъ? Ничего они, наши архіереи, не дѣлаютъ». Не хочу за всѣхъ заступаться: многіе изъ насъ, дѣйствительно, очень немощны стали: подъ крестами спотыкаются, падаютъ и уже не то, что кто-нибудь — заправскій воротила, а даже иной рора mitratus для нихъ въ своемъ родѣ владыкой становится, и все это, разумѣется, изъ того, «что ми хощете дати», но, а спросилъ бы я васъ: что ихъ до этого довело? Не то ли именно, что они, ваши епархіальные архіереи, обращены въ администраторовъ и *ничего* живого не могутъ теперь дѣлать? И знаете: вы, можетъ-быть, большою благодарностію имъ обязаны, что они въ эту пору ничего не дѣлаютъ. А то они скрутили бы вамъ клейменымъ ремнемъ такія бремена неудоборосимыя, что, Богъ вѣсть, разсѣлся ли бы хребетъ вдребезги, или разлетѣлся бы ремень пополамъ; но мы вѣдь *консерваторы:* бережемъ, какъ можемъ, «свободу, ею же Христосъ насъ свободи», отъ таковыхъ «содѣйствій»... Вотъ, господа, почему мы слабо дѣйствуемъ и содѣйствуемъ. Не колите же намъ глазъ бывшими іерархами, какъ св. Гурій и другіе. Св. Гурій умѣлъ просвѣщать — это правда; да вѣдь онъ для того и ѣхалъ-то въ дикій край хорошо оснаряженъ: съ наказомъ и съ правомъ «привлекать народъ ласкою, кормами, *заступленіемъ* передъ

властями, *печалованіемъ* за вины передъ воеводами и судьями»; «*онъ обязанъ былъ*» участвовать съ правителями въ совѣтѣ; а вашъ сегодняшній архіерей даже съ своимъ сосѣдомъ архіереемъ не воленъ о дѣлахъ посовѣщаться; ему словно ни о чемъ не надо думать: за него есть кому думать, а онъ обязанъ только все принять «*къ свѣдѣнію*». Чего же вы отъ него хотите, если ему нынѣ самому за себя уже негдѣ стало печаловаться?.. Эхъ, твори, Господи, волю Свою... Что̀ можетъ еще дѣлаться, то какъ-то пока само дѣлается, и я это видѣлъ подъ конецъ моего пастырства въ Сибири. Пріѣзжаетъ разъ ко мнѣ одинъ миссіонеръ и говоритъ, что онъ напалъ на кочевье въ томъ мѣстѣ, гдѣ я зарылъ моего Киріака, и тамъ у ручья цѣлую толпу окрестилъ въ «Киріакова Бога», какъ крестился нѣкогда человѣкъ во имя «Бога Іустинова». Добрый народъ у костей добраго старца возлюбилъ и понялъ Бога, сотворившаго сего добряка, и самъ захотѣлъ служить Богу, создавшему такое душевное «изящество».

Я за это велѣлъ Киріаку такой здоровый дубовый крестъ поставить, что отъ него не отрекся бы и галицкій князь Владимірко, вмѣнявшій ни во что цѣлованіе креста малаго; воздвигли мы Киріаку крестъ вдвое больше всего зырянина, — и это было самое послѣднее мое распоряженіе по сибирской паствѣ.

Не знаю, кто этотъ крестъ срубитъ, или уже до сихъ поръ и срубилъ его: буддійскіе ли ламы, или русскіе чиновники,—да, впрочемъ, это все равно...

Вотъ вамъ разсказъ мой и конченъ. Судите всѣхъ насъ, въ чемъ видите, — оправдываться не стану, а одно скажу, что мой простой Киріакъ понималъ Христа навѣрно не хуже тѣхъ нашихъ заѣзжихъ проповѣдниковъ, которые брянчаютъ, какъ кимвалъ звенящій, въ вашихъ гостиныхъ и вашихъ зимнихъ садахъ. Тамъ имъ и присутствовать, среди женъ Лотовыхъ, изъ конхъ каждая, какихъ бы словесъ ни наслушалась, въ Сигоръ не уйдетъ, а, пофинтивъ передъ Богомъ, доколѣ у насъ очень скучненько живется, при маѣйшемъ измѣненіи въ жизни, опять къ своему Содому обернется и столбомъ станетъ. Вотъ въ чемъ и будетъ заключаться весь успѣхъ этой салонной христовщины. Что̀ намъ до этихъ чудодѣевъ? Они хотятъ не по низу идти, а по верху летать, но, имѣя, какъ прузи, крылья малыя, а

чревища великія, далеко не залетятъ и не пролютъ ни свѣта вѣры, ни услады утѣшенія въ туманы нашей родины, гдѣ въ дебрь изъ дебри ходитъ *нашъ* Христосъ — благій и добрый и, главное, до того терпѣливый, что даже всякаго самаго плохенькаго изъ слугъ своихъ Онъ научилъ съ покорностью смотрѣть, какъ разоряютъ Его дѣло тѣ, которые должны бы сугубо этого бояться. Мы ко всему притерпѣлися, потому что намъ уже это не первый снѣгъ на головы. Было и то, что нашъ «*Камень вѣры*» прятали, а «*Молотъ*» на него нѣмецкаго издѣлія всѣмъ въ руки совали, и стричь-то, и брить-то насъ хотѣли, и въ аббатиковъ передѣлать желали. Одинъ благодѣтель, Голицынъ, намъ свое юродское богословіе указывалъ проповѣдывать; другой, Протасовъ, намъ своимъ пальцемъ подъ самымъ носомъ грозилъ; а третій, Чебышевъ, уже всѣхъ превзошелъ, и на гостиномъ дворѣ, какъ и въ синодѣ, открыто «гнилыя слова» изрыгалъ, увѣряя всѣхъ, что «Бога нѣтъ и говорить о Немъ глупо»... А кого еще впередъ срѣтать будемъ и что намъ тотъ или другой новый нѣтухъ запоетъ, про то и гадать нельзя. Одно утѣшеніе, что всѣ они, эти радѣтели Церкви русской, ничего ей не сдѣлаютъ, потому что не равна ихъ борьба: Церковь неразорима, какъ зданіе апостольское, а въ сихъ нѣвнях духъ пройдетъ и не познаютъ они мѣста своего. Но вотъ что, господа, мнѣ кажется крайне безтактно, — это то, что иные изъ этихъ, какъ ихъ нынѣ стали звать, лица высокопоставленныя, или широкоразставленныя, нашей скромности не замѣчаютъ и ея не цѣнятъ. Это, поистинѣ скажу, неблагодарно: имъ бы не резонъ нарекать на насъ, что мы терпѣливы да смирны... Будь мы понетерпѣливѣе, такъ Богъ вѣсть, не стали бы сожалѣть объ этомъ очень многіе, и больше всѣхъ тѣ, иже въ трудѣхъ не суть и съ человѣки ранъ не пріемлютъ, а, обложивъ тукомъ свои лядвіи, праздно умствуютъ, во что бы имъ начать вѣрить, чтобы было только о чемъ-нибудь умствовать. Поцѣните же вы, господа, хоть святую скромность православія и поймите, что вѣрно оно духъ Христовъ содержитъ, если терпитъ *все*, что Богу терпѣть угодно. Право, одно его смиреніе похвалы стоитъ; а живучести его надо подивиться и за нее Бога прославить.

Мы всѣ безъ уговора невольно отвѣчали:

— Аминь.

Оглавленіе

VII тома.

Обойденные. (Романъ).

	стр.
Часть третья	3
На краю свѣта	101

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

НЕКУДА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИЖКАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Тополь да березка.

Въ трактовомъ селѣ Отрадѣ, на постояломъ дворѣ, ослопенномъ со всѣхъ сторонъ покрытыми соломою сараями, было еще совсѣмъ темно.

Въ этой темнотѣ никакъ нельзя было отличить стоящаго здѣсь господскаго тарантаса отъ окружающихъ его телѣгъ тяжелаго тросчнаго обоза. А около тарантаса ужъ ворочается какое-то существо, при этомъ что-то бурчитъ себѣ подъ носъ и о чемъ-то вздыхаетъ. Существо это кряхтитъ потому, что оно уже старо и что оно не въ силахъ нынче приподнять на дугу укладистый казанскій тарантасъ съ тою же молодецкою удалью, съ которою оно поднимало его двадцать лѣтъ назадъ, увозя съ своимъ бариномъ сосѣднюю барышню. Повертѣвшись у тарантаса, существо подошло къ окошечку постоялой горницы и слегка постучалось въ раму. На стукъ едва слышно отозвался старческій голосъ, и вслѣдъ за тѣмъ нижняя половина маленькаго окошечка приподнялась и въ ней показалась маленькая, сѣдая голова съ сбившеюся на сторону повязкой.

— Что, Никитушка?—спросила старушка.

— Пора, Марина Абрамовна.

— Пора?

— Да холодкомъ-то полегче отъѣдемъ.

— Ну, пора такъ пора.

— Буди барышень-то. Я ужъ подмазалъ, закладать стану.

Никитушка опять пошелъ къ тарантасу, разобралъ лежавшій на козлахъ пукъ вожжей и исчезъ подъ темнымъ сараемъ, гдѣ пофыркивали отдохнувшія лошади.

Черезъ полчаса тарантасъ, запряженный тройкою рослыхъ барскихъ лошадей, стоялъ у утлаго крылечка. Въ горницѣ было попрежнему темно и на крыльцѣ никто не показывался. Никитушка нерѣдко позѣвывалъ, покрещивалъ ротъ и съ привычною кучерскою терпѣливостью смотрѣлъ на троечниковъ, засуетившихся около своихъ возовъ. Наконецъ, на высокомъ порогѣ двери показалась стройная дѣвушка, покрытая большимъ шейнымъ платкомъ, который плотно охватывалъ ея молодую головку, перекрещивался на свѣжей груди и крѣпкимъ узломъ былъ завязанъ сзади. Въ рукахъ у дѣвушки былъ дорожный мѣшокъ и двѣ подушки въ ситцевыхъ наволочкахъ.

— Здравствуй, Никита,—привѣтливо сказала дѣвушка, пронося въ дверь свою ношу.

— Здравствуйте, барышня, — отвѣчалъ сѣдой Никитушка.—Что это вы сами-то таскаете?

— Да такъ, это вѣдь легкое.

— Дайте, матушка, я уложу.

И Никитушка, соскочивъ съ козелъ, принялъ изъ рукъ барышни дорожный мѣшокъ и подушки.

— Какое утро хорошее!—проговорила дѣвушка, глядя на покрывшееся блѣднымъ утреннимъ свѣтомъ небо и загораживая ручкою зѣвающій ротикъ.

— День, матушка Евгенія Петровна, жаркій будетъ! Оводье проклятое доймета совсѣмъ.

— То-то ты насъ и поднялъ такъ рано.

— Да какъ же, матушка! Разъ, что жаръ, а другое дѣло послѣдняя станція до губерни-то. Близко, близко, а вѣдь сорокъ верстъ еще. Спознишься выѣхать, будетъ ни два, ни полтора. Завтра, вонъ, люди говорятъ, Петровъ день; добрые люди къ вечернямъ пойдутъ; Агнія Николаевнѣ и сустрѣть васъ некогда будетъ.

А пока у Никитушки шелъ этотъ разговоръ съ Евгеніей Петровной, старуха Абрамовна, разсчитавшись съ заспаннымъ дворникомъ за самоваръ, горницу, овесъ, да сѣно и заткнувъ за пазуху своего капота замшевый мѣшочекъ съ деньгами, будила другую дѣвушку, которая не оказывала

никакого вниманія къ словамъ старухи и продолжала спать сладкимъ сномъ молодости. Управившись съ собою, Марина Абрамовна завязала узелки и корзиночки, а потомъ одну за другою вытащила изъ-подъ головы спящей обѣ подушки и понесла ихъ къ тарантасу.

— Гдѣ-жъ Лиза, няня?—спросила ее Евгенія Петровна, остававшаяся все это время на крылечкѣ.

— Гдѣ-жъ, милая? Спитъ на голой лавкѣ.

— Не встала еще?—спросила съ удивленіемъ дѣвушка.

— Да вѣдь какъ всегда: не разбудишь ее.—Побуди поди, красавица моя,—добавила старуха, размѣщая по тарантасу подушки и узелки съ узелочками.

Красавица ушла съ крылечка въ горницу, а вслѣдъ за нею черезъ нѣсколько минутъ туда же ушла и Марина Абрамовна. Тарантасъ былъ совсѣмъ готовъ: только сѣсть да ѣхать. Солнышко выглянуло своимъ краснымъ глазомъ; извозчики длинною вереницею потянулись со двора. Никитушка зѣвнулъ и какъ-то невольно крякнулъ.

— Ну, что это, сударыня, глупить-то! Падаетъ какъ пьяная,—говорила старуха, поддерживая обворожительно хорошенькое семнадцатилѣтнее дитя, которое никакъ не могло разнять слипающихся глазокъ и шло, опираясь на старуху и на подругу.

— Носи ее, какъ ребеночка малаго,—говорила старуха, закрывая упавшую въ тарантасъ дѣвушку, сѣла сама впереди противъ барышень подъ фордекомъ и крикнула:—«съ Богомъ, Никитушка».

Тарантасъ, выѣхавъ со двора, покатился по ровной дорогѣ, обросшей старыми высокими ракитами.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кто ѣдетъ въ тарантасѣ.

Мелодическое погромыхиванье въ тонъ подобранныхъ бубенчиковъ и тихая качка тарантаса, потряхивающагося на гибкихъ, пружинистыхъ дрогахъ, въ союзѣ съ ласкающимъ вѣткомъ ранняго утра, навели сонъ и дрему на всѣхъ ѣдущихъ въ тарантасѣ. То густыя потемки, то сѣрый полумракъ ранняго утра не позволяли намъ разсмотрѣть этого общества, и мы сдѣлаемъ это теперь, когда единственный неспящій членъ его, кучеръ Никитушка, глядя

на лошадей, не можетъ замѣтить нашего присутствія въ тарантасѣ.

Направо, уткнувшись растрепанною, курчавою головкою въ мягкую пуховую подушку, спитъ Лизавета Егоровна Бахарева. Ей семнадцать лѣтъ, она очень стройна, но не высока ростомъ. У ней прелестные, густые каштановые волосы, вьющіеся у лба, какъ часто бываетъ у молодыхъ француженокъ. Овалъ ея лица нѣсколько круглъ, щечки дышатъ здоровымъ румянцемъ, сильно пробивающимся сквозь нѣсколько смуглый цвѣтъ ея кожи. На вискахъ видны тоненькія голубыя жилки, бьющіяся молодою кровью. Глазъ ея теперь нельзя видѣть, потому что они закрыты длинными рѣсницами, но въ институтѣ, изъ котораго она возвращается къ домашнимъ ларамъ, всегда говорили, что ни у кого нѣтъ такихъ прелестныхъ глазъ, какъ у Лизы Бахаревой. Все ея личико, съ нѣсколько вздернутымъ, такъ сказать, курносымъ, задорнымъ носикомъ, дышитъ умомъ, подвижностью и энергіей, которой читатель могъ не заподозрить въ ней, глядя, какъ она поднималась съ лавки постоялаго двора.

Другую нашу героиню мы уже видѣли на крылечкѣ. Читатель, конечно, догадался, что эти двѣ дѣвушки—героини моего романа. Глядя на сладко спящую подругу и раскачивающуюся въ старческой дремѣ Абрамовну, Евгенія Петровна тоже завела глазки и тихо уснула подъ усыпляющіе звуки бубенцовъ. Онѣ ровесницы съ Лизой Бахаревой, вмѣстѣ онѣ поступили въ одинъ институтъ, вмѣстѣ окончили курсъ и вмѣстѣ спѣшатъ на безсмѣнныхъ лошадяхъ, каждая подъ свои родныя липы. На взглядъ Евгенія Петровна кажется нѣсколько постарше Бахаревой, но это только такъ кажется. На самомъ дѣлѣ ей тоже восемнадцатый годъ, что и Лизѣ. Марина Абрамовна недаромъ назвала Евгенію Петровну красавицей. Она, дѣйствительно, хороша, и если бы художнику нужно было изобразить на полотнѣ извѣстную дочь, кормящую грудью осужденнаго на смерть отца, то онъ не нашелъ бы лучшей натурщицы, какъ Евгенія Петровна Гловацкая. Станъ высокій, стройный и роскошный, античная грудь, античныя плечи, прелестная ручка, волосы черные, черные какъ вороново крыло, и кроткіе, умные, голубые глаза, которые такъ и смотрѣли въ душу, такъ и западали въ сердце, говоря, что мы на

все смотримъ и все видимъ, мы не боимся страстей, но отъ дерзкаго взора они въ насъ не вспыхнутъ пожаромъ. Вообще въ ея лицѣ много спокойной рѣшимости и силы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней много и той женственности, которая прежде всего ищетъ раздѣла, ласки и сочувствія. Теперь она спитъ, обнявъ Лизу, и голова ея, скатившись съ подушки, лежитъ на плечикѣ подруги, которая и передъ нею кажется существомъ ребенкомъ.

Нянѣ, Маринѣ Абрамовнѣ, пятьдесятъ лѣтъ. Она московская солдатка, давно близкая слуга семьи Бахаревыхъ, съ которою не разлучается уже болѣе двадцати лѣтъ. О ней говорятъ, что она съ душкомъ, но женщина умная и честная.

Кучеръ Никитушка, лѣтъ пять тому назадъ, прожилъ полстолѣтія. Когда ему было тридцать лѣтъ, онъ участвовалъ съ Егоромъ Бахаревымъ въ похищеніи у одного сосѣдняго помѣщика дочери Ольги Сергѣевны, съ которою потомъ его баринъ сочетался бракомъ въ своей полковой церкви, и навсегда забылъ услугу, оказанную ему при этомъ случаѣ Никитушкою. Никитушка ходилъ съ бариномъ и барынею по походамъ, выучился готовить гусарское печенье, чистить сапоги и няньчить барышню Лизавету Егоровну, которую онъ теперь везетъ домой послѣ долголѣтняго отсутствія. Своего у Никитушки ничего не было: ни жены, ни дѣтей, ни кола, ни двора, и онъ самъ о себѣ говорилъ, что онъ человѣкъ походный. Цѣлый вѣкъ онъ изжилъ таскаючись и только лѣтъ съ восемь пріютился осѣдло, примостивъ себѣ кроватку въ одномъ порожнемъ стойлѣ господской конюшни. Тутъ онъ спалъ лѣто и зиму съ старой собакой, Розкой, которую щенкомъ укралъ шутки ради у одного венгерскаго пана въ 1849 году. На барина своего, отставного полковника Егора Николаевича Бахарева, онъ смотрѣлъ глазами солдатъ прошлаго времени, неизвѣстно за что считалъ его своимъ благодѣтелемъ и отцомъ-командиромъ, разумѣя, что повиноваться ему не только за страхъ, но и за совѣсть самъ Богъ повелѣваетъ.

Кругло говоря, и Никитушка, и Марина Абрамовна были вымирающіе типы той старой русской прислуги, которая рабски-снисходительно относилась къ своимъ господамъ и гордилась своею имъ преданностью. И тотъ, и другая сочли за высочайшимъ преступленіемъ, достойнымъ, если не

смертной казни, то, по крайней мѣрѣ, церковной анаѳемы, если бы они упустили какой-нибудь интересъ дома Бахаревыхъ, или дома смотрителя уѣзднаго училища, Гловацкаго. Дружба старика Бахарева со старикомъ Гловацкимъ, у котораго Бахаревъ нанималъ постоянную квартиру, необходимую ему по званію безсмѣннаго уѣзднаго предводителя дворянства, внушала имъ священное почтеніе и къ старику Гловацкому, и къ его Женичкѣ, подругѣ и пріятельницѣ Лизы.

Теперь тарантасъ нашъ путешествуетъ отъ Москвы уже шестой день и ему остается проѣхать еще верстъ около ста до уѣзднаго города, въ которомъ растутъ родныя липы нашихъ барышень. Но на дорогѣ у нихъ уже близехонько есть перепутье.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пріютъ безмятежный.

Спокойное движеніе тарантаса по мягкой грунтовой дорогѣ, со въѣзда въ московскія ворота губернскаго города, вдругъ замѣнилось несноснымъ подкидываніемъ экипажа по широко разошедшимся, неровнымъ плитамъ безобразнѣйшей мостовой и разбудило разомъ всѣхъ трехъ женщинъ. На дворѣ былъ одиннадцатый часъ утра.

— Городъ?—спросила, проворно вскочивъ, Лиза Бахарева.

— Городъ, матушка, городъ,—отвѣчала старуха.

— Городъ! Женни, городъ, пріѣхали, — щебетала Лизавета Егоровна, толкая уже проснувшуюся Гловацкую.

— Тоже мостовою зовется,—замѣтила Лиза.

— И, матушка, все лучше болота, что̀ у насъ-то въ городѣ,—проговорила няня.

— Да у насъ, няня, развѣ городъ?

— А что жъ у насъ такое, красавица?

— Чортъ знаетъ что!

— Ну, ты ужъ хоть у тетеньки-то этого своего чернаго-то не поминай! Пріучили тебя экую гадость вспоминать!

Дѣвушки засмѣялись, и Гловацкая, вставши, стала приводить себя въ порядокъ.

Между тѣмъ, тарантасъ, прыгая по каменнымъ волнамъ губернской мостовой, проѣхалъ московскую улицу, курскую, кромскую площадь, затѣмъ стрѣлецкую слободу, снова покатился по мягкому выгону и черезъ полверсты отъ курской заставы остановился у стѣнъ дѣвичьяго монастыря.

Монастырь стоялъ за городомъ на совершенно ровномъ, какъ скатерть, зеленомъ выгонѣ. Онъ былъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ красною кирпичною стѣною, на которой по угламъ были выстроены четыре такія же красныя кирпичныя башенки. Кругомъ никакого жилища. Только въ одной сторонѣ двѣ вѣтряныя мельницы лѣниво махали своими безобразными крыльями. Ничего живописнаго не было въ положеніи этого подгороднаго монастыря: какъ-то потерянно смотрѣлъ онъ своими красными башенками, на которыя не было сдѣлано даже и всходовъ. Ничего-таки, ровно ничего тамъ не было располагающаго ни къ мечтѣ, ни къ самоуглубленію. Это не то, что пустынная обитель, гдѣ есть рядъ келій, темный проходъ, часовня у святыхъ воротъ, съ чудотворною иконою, и возлѣ ключъ воды студеной, — это было скучное, сухое мѣсто.

Въ двухъ стѣнахъ монастыря были сдѣланы ворота, изъ которыхъ одни были постоянно заперты, а у другихъ стояла часовенка. Въ этой часовенкѣ всегда сидѣла монашка, вязавшая чулокъ и звонившая колокольчикомъ, придѣланнымъ къ кошельку на длинной ручкѣ, когда мимо часовенки брелъ какой-нибудь прохожій. Возлѣ часовни, въ самыхъ темныхъ воротахъ постоянно сидѣлъ на скамеечкѣ семидесятилѣтній солдатъ, у котораго еще, впрочемъ, осталось во рту три зуба. Онъ тоже обыкновенно вязалъ шерстяной чулокъ, взапуски съ монашкой, сидѣвшей въ часовнѣ. Каждый вечеръ они мѣрялись, кто больше навязалъ, и монашка говорила: «я, Арефьичъ, сегодня больше твоего связла», или Арефьичъ объявлялъ: «сегодня я, мать, больше тебя связъ».

Завидя подъѣзжавшій тарантасъ, Арефьичъ вскинулъ своими старческими глазами и опять въ его рукахъ запрыгали чулочные прутья; но когда лошадиныя головы дерзостно просунулись въ самыя ворота, старикъ громко спросилъ:

— Кого надо?

— Своихъ, своихъ, — отвѣчалъ, не обращая большого вниманія на этотъ окликъ, Никитушка.

— Кого своихъ? — переспросилъ Арефьичъ и, отбросивъ на скамейку чулокъ, схватилъ за поводъ лѣвую пристяжную.

Монашка изъ часовни выскочила и, позванивая колокольчикомъ, съ недоумѣніемъ смотрѣла на происходившую сцену. Изъ экипажа послышался веселый хохотъ.

— Что ты! лѣшій! аль тебѣ высадило?—кричалъ съ козелъ Никитушка на остановившагося въ рѣшительной позѣ привратника.

— Да, такъ, на то я сторожъ... на то здѣсь поставленъ...— шамшилъ беззубый Арефьичъ, и глаза его разгорались тѣмъ особеннымъ огнемъ, который замѣчается у солдатъ, входящихъ въ дикое озлобленіе при видѣ гордаго, но безсильнаго врага.

— Чего, чортъ слѣпой, не пустишь-то?

— Не пущу,—задыхаясь, но рѣшительно отвѣтилъ опять Арефьичъ.—Позови кого тебѣ надо къ воротамъ, а не ѣзди.

— А, крупа поганая, что ты, не видишь?..

— Да чьи такія вы будете? Изъ какихъ мѣстовъ-то? — пропищала часовенная монашка, просовывая въ тарантасъ кошелекъ съ звонкомъ и свою голову.

— Да Бахаревскія, Бахаревскія, что-й-то вы словно не видите, я барышень къ тётенькѣ изъ Москвы везу, а вы не пускаете. — Стой, Никитушка, тутъ, я сейчасъ сама къ Агніи Николаевнѣ доступлю.—Старуха стала спускать ноги изъ тарантаса и, почуявъ землю, заколтыхала къ кельямъ. Никитушка остановился, монастырскій сторожъ не выпускалъ изъ руки поводьевъ пристяжного коня, а монашка опять всунулась въ тарантасъ.

— Изъ Москвы ѣдете-то?—спросила она барышень.

— Женни, тебя спрашиваютъ,—сказала Лиза и, продолжая лѣниться, смотрѣла на тиковый потолокъ фордека.

Головацкая посмотрѣла на Лизу и вѣжливо отвѣтила монахинѣ:

— Изъ Москвы.

— Въ ученьѣ были?

— Да, въ институтѣ.

Монахиня помолчала, а черезъ нѣсколько минутъ опять спросила:

— А теперь къ кому же ѣдете?

— Домой, къ родителямъ,—отвѣчала Женни.

— Сродственниковъ имѣете?

— Да.

— Зачѣмъ это у васъ въ ворота не пускаютъ? — повернувшись къ говорившимъ, спросила Лиза.

— Какъ, матушка?

— Не пускаютъ зачѣмъ? кого боятся? кого караулятъ?

— Н... ну, такое распоряженіе отъ мать-игуменьи.

По монастырскому двору рысью бѣжала высокая, весноватая дѣвушка, въ черномъ коленкоровомъ платьѣ, съ сбившимся съ головы чернымъ шерстянымъ платкомъ.

— Пусти! пусти! Что еще за глупости такія, выдумалъ не пущать!—кричала она Арефьичу.

— Я на то здѣсь поставленъ... а велятъ, я и пущу, — отвѣтилъ солдатъ и отошелъ въ сторону.

Рыжая, весноватая дѣвушка мигомъ вспрыгнула въ тарантасъ и быстро поцѣловала руки обѣихъ барышень, прежде чѣмъ тѣ успѣли ихъ спрятать. Тарантасъ поѣхалъ.

— А тётенька-то какъ обрадовались: на крыльцо ужъ вышли встрѣчать, ожидаютъ васъ. — У насъ завтра престолъ, владыко будутъ сами служить; закуска будетъ и мірскіе изъ города будутъ, — трещала дѣвушка скороговоркою.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Мать Агнія.

На высокомъ, чистенькомъ крыльцѣ небольшого, но очень чистаго деревяннаго домика, окруженнаго со всѣхъ сторонъ акаціею, сиренью, пестрыми клумбами однолѣтнихъ цвѣтовъ и не менѣе пестрою деревянною рѣшеткою, стояли четыре женщины и двѣ молоденькія дѣвочки. Три изъ этихъ женщинъ были монахини, а четвертая наша знакомая, Марина Абрамовна. Впереди, на самой нижней ступенькѣ чистенькаго крылечка рисовалась высокая строгая фигура въ черной шелковой рясѣ и бархатной шапочкѣ съ креповыми оборками и длиннымъ креповымъ вуалемъ. Это была игуменья и настоятельница монастыря, Агнія Николаевна, родная сестра Егора Николаевича Бахарева и, слѣдовательно, по немъ родная тетка Лизы. Ей было лѣтъ сорокъ пять, но на видъ казалось не болѣе сорока. Въ ея большихъ черныхъ глазахъ виднѣлась смѣлая душа, гордая своею силою и своимъ прошлымъ страданіемъ, оттиснутымъ стальнымъ штемпелемъ времени на пергаментномъ лбу игуменьи. Когда матери Агніи было восемнадцать лѣтъ, она яркою звѣздою взошла на аристократическій небосклонъ такъ-называемаго свѣта. Первый ея выѣздъ въ качествѣ взрослой дѣвицы былъ на великолѣпный балъ, данный дворянствомъ покойному императору Александру Первому, за

полгода до его кончины. Всѣ глаза на этомъ балѣ были устремлены на ослѣпительную красавицу Бахареву; императоръ прошелъ съ нею полонезъ, наговорилъ любезностей ея старушкѣ-матери, не умѣвшей ничего отвѣтить государю отъ робости, и на другой день прислалъ молодой красавицѣ великолѣпный букетъ въ еще болѣе великолѣпномъ порть-букетѣ. Съ тѣхъ поръ нынѣшняя мать Агнія заняла первое мѣсто въ своемъ свѣтѣ. Три года продолжалось ея свѣтское теченіе, два года за нею ухаживали, искали ея вниманія и ея руки, а на третій она, черезъ пятыя руки, получила изъ Петербурга маленькую записочку отъ стройнаго гвардейскаго офицера, привозившаго ей два года назадъ букетъ отъ покойнаго императора. Въ этой записочкѣ было написано только слѣдующее: «Судьба моя рѣшена самымъ печальнымъ образомъ. Не жди меня и обо мнѣ не справляйся: это только можетъ навлечь на тебя большія непріятности. Слѣдовать за мной ты не можешь, да и это только увеличило бы мои страданія. Возвращаю тебѣ твои клятвы, прошу тебя забыть меня и быть счастливою сколько можешь и какъ можешь. Блаженства, которое я ощущалъ два года, зная, что ты любишь меня болѣе всѣхъ людей на свѣтѣ, достанетъ мнѣ на весь остатокъ моей жизни, и въ холодныхъ норахъ ужасной страны моего изгнанія я не забуду ни твоего чистаго взора, ни твоего прощальнаго поцѣлуя.

Твой до гроба
Князь А. Т.»

Анна Николаевна Бахарева въ этомъ случаѣ поступила такъ, какъ поступали многія героини писанныхъ и неписанныхъ романовъ ея вѣка. Она томилась, рвалась, выплакала всѣ глаза, отстояла колѣни, молясь теплой Заступницѣ міра холоднаго, просила ее спасти его и дать ей силы совладать съ страданіемъ вѣчной разлуки, и черезъ два мѣсяца стала навѣщать старую знакомую своей матери, инокиню Серафиму, черезъ полгода совсѣмъ переселилась къ ней, а еще черезъ полгода, несмотря ни на просьбы и заклинанія семейства, ни на угрозы брата похитить ее изъ монастыря силою, сдѣлалась сестрою Агніею. Съ лѣтами все это обошлось; старики, примирившись съ молодой монахиней, примерли; братъ, надъ которымъ она имѣла сильный умственный перевѣсъ, возвратясь изъ своихъ по-

ходовъ, очень подружился съ нею; и вотъ сестра Агнія уже восьмой годъ смѣнила умершую игуменью Серафиму и блюдетъ суровый уставъ пріюта неумѣвшихъ найти въ жизни ничего, кромѣ горя и страданія. Мать Агнію всѣ уважаютъ за ея умъ и за ея безупречное поведеніе по монастырской программѣ. У нея бываетъ почти весь городъ, и она каждаго встрѣчаетъ безъ всякаго лицезрѣнія, съ тѣмъ же спокойнымъ достоинствомъ, съ тою же сдержанностью, съ которою она теперь смотритъ на медленно подъѣзжающій къ ней экипажъ съ двумя милыми ей дѣвушками.

Съ боку матери Агніи стоитъ въ почтительной позѣ Марина Абрамовна; сзади ихъ, одною ступенькою выше, безотвѣтное существо, мать Манеоа, другъ и сожительница игуменьи, и мать казначея, обѣ ужъ пожилыя женщины. Наверху же крыльца, прислонясь къ лавочкѣ, стояли двѣ десятилѣтнія дѣвочки въ черныхъ шерстяныхъ рясахъ и въ остроконечныхъ бархатныхъ шапочкахъ. Обѣ дѣвочки держали въ рукахъ чулки съ вязальными спицами.

— Какой глупый человѣкъ!—проговорила разбитымъ голосомъ мать Манеоа, глядя на приближающійся тарантасъ.

— Кто это у тебя глупый человѣкъ?—спросила, не оборачиваясь, игуменья.

— Да Арефьичъ.

— Чѣмъ онъ такъ глупъ сталъ?

— Да какъ же не пускать.

— Ничуть это не выражаетъ его глупости. Старикъ свое дѣло дѣлаетъ. Ему такъ приказано. онъ такъ и поступаетъ. Исправный слуга, и только.

Старухи замолчали, няня вздохнула, тарантасъ остановился у крыльца передъ кельею матери Агніи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Старое съ новымъ.

— Тетя! это вы. моя милая?—крикнула, выпрыгивая изъ тарантаса, Лиза Бахарева.

— Я, мой дружочекъ, я,—отвѣчала игуменья, протянувъ къ племянницѣ руки.

Обѣ обнялись и заплакали.

— Ну, полно, полно плакать, — говорила мать Агнія. — Хоть это и хорошія слезы, радостныя, а все же полно. Дай

мнѣ обнять Гешу. Поди ко мнѣ, дитя мое милое!—отнеслась она къ Гловацкой.

Съ этими словами старуха обняла Женни, стоявшую возлѣ Лизы, нѣсколько разъ поцѣловала ее, и у нея опять набѣжали слезы.

— Славная какая!—произнесла она, отодвинувъ отъ себя Гловацкую, и, держа ее за плечи, любовалась дѣвушкою съ упоеніемъ артиста. Точно мать покойница: хороша; когда-бъ и сердце тебѣ Богъ далъ материно,— добавила она, насмотрѣвшись на Женни, и протянула руку стоявшему передъ ней безъ шапки Никитушкѣ.

— Довезъ, старина, благополучно?

— Благополучно доставилъ, матушка Агнія Николаевна,— отвѣчалъ старикъ, почтительно цѣлуя игуменьину руку.

— Ну и молодецъ.

Игуменья погладила Никитушку по его сѣдой головѣ и, обратясь къ рыжей дѣвушкѣ, таскавшей изъ тарантаса вещи, скомандовала:

— Экипажъ на житный дворъ, а лошадей въ конюшню. Тройку рабочихъ пусть выведутъ пока изъ стойлъ и поставятъ подъ сараемъ, къ рѣшеткѣ. Онѣ смирны, имъ ничего не сдѣлается. А мы пойдемте въ комнаты,—обратилась она къ ожидавшимъ ее дѣвушкамъ и, взявъ за руки Лизу и Женни, повела ихъ на крыльцо.—Ахъ, и забыла совсѣмъ!— сказала игуменья, остановясь на верхней ступенькѣ. — Никитушка! винца, вѣдь, не пьешь, кажется?

— Не пью, матушка Агнія Николаевна.

— Ну, отпрягши-то, приходи ко мнѣ на кухню; я тебя велю чайкомъ попоить; вечеромъ сходи въ городъ въ баню съ дорожки; а завтра пироги будутъ. Прощай пока, управляйся, а потомъ придешь разсказать, какъ ѣхалось. Татьяну видѣлъ въ Москвѣ?

— Видѣлъ, матушка.

— Ну, что?

— Ничего, матушка, живетъ.

— Ну, съ Богомъ, управляйся, да приходи чай пить. Пойдемте, дѣтки.

Съ чистенькаго крылечка игуменьиной кельи была дверь въ такія же чистенькія, но довольно тѣсныя сѣни, съ двумя окнами по сторонамъ входной двери. Въ этихъ сѣняхъ, кромѣ двери, выходящей на крыльцо, было еще трое дверей.

Однѣ, направо, вели въ жилыя комнаты матери Агніи. Тутъ была маленькая проходная комната въ родѣ передней, гдѣ стоялъ большой платяной шкафъ, умывальный столикъ съ большимъ мѣднымъ тазомъ и мѣднымъ же рукомойникомъ съ подъемнымъ стержнемъ; небольшой столикъ съ привинченной къ нему шивейной подушечкой и кровать рыжей колейницы, закрытая ватнымъ кашемировымъ одѣяломъ. Далѣе шла довольно большая и очень свѣтлая угловая комната въ четыре окна, по два въ каждую сторону. Здѣсь стояла длинная отоманка, обитая зеленой шерстяной матеріей, образникъ, трое тщательно закрытыхъ и заколотыхъ пялецъ, рядъ простыхъ плетеныхъ стульевъ и большіе стѣнные часы въ старинномъ футлярѣ. Въ этой комнатѣ жили и учились двѣ сиротки, которыхъ мать Агнія взяла изъ холодной избы голодныхъ родителей и которыхъ мы видѣли въ группѣ, ожидавшей на крыльцѣ нашихъ героинь. Дѣвочки здѣсь учились и здѣсь же спали ноги къ ногамъ на зеленой шерстяной отоманкѣ. Рядомъ была комната самой Агніи. Это была очень просторная горница, раздѣленная пополамъ ширмами краснаго дерева, обитыми сверху до половины зеленою тафтою. За ширмами стояла полуторная кровать игуменьи съ прекраснымъ замшевымъ матрацомъ, ночной столикъ, небольшой шкафъ съ книгами и два мягкія кресла; а по другую сторону ширмъ помѣщался богатый образникъ съ нѣсколькими лампадами, горѣвшими передъ фамильными образами въ дорогихъ ризахъ; письменный столъ, обитый зеленымъ сафьяномъ съ вытисненными по угламъ золотыми арфами, кушетка, двѣ горки съ хрусталемъ и нѣсколько креселъ! Полъ этой комнаты былъ весь обитъ войлокомъ, а сверху зеленымъ сукномъ.

Затѣмъ шелъ большой залъ, занимавшій средину домика, а потомъ комната матери Манеѳы и столовая, изъ которой шла узенькая лѣстница внизъ въ кухню.

Мать Агнія ввела своихъ дорогихъ гостей прямо въ спальню и усадила ихъ на кушетку. Это было постоянное и любимое мѣсто хозяйки.

— Чай, — сказала она матери Манеѳѣ и сѣла сама между дѣвушками.

— Давно мы не видались, дѣтки, — нѣсколько нараспѣвъ произнесла игуменья, положивъ на колѣни каждой дѣвушкѣ одну изъ своихъ бѣлыхъ, аристократическихъ рукъ.

— Давно, тетя! шесть лѣтъ,—отвѣчала Лиза.

— Да, шесть лѣтъ, друзья мои. Много воды утекло въ это время. Твоя прелестная мать умерла, Геша; Зина замужъ вышла; всѣ постарѣли и не поумнѣли.

— Зина счастлива, тетя?

— Какъ тебѣ сказать, мой другъ? Ни да, ни нѣтъ тебѣ не отвѣчу. То слышу—бранятся, жалуются другъ на друга, то мирятся. Ничего не разберу. Второй годъ замужемъ, а комедій настроила столько, что другая въ двадцать лѣтъ не успѣетъ.

— Сестра вспыльчива.

— Взбалмошна, мой другъ, а не вспыльчива. Вспыльчивость въ доброй, мягкой женщинѣ еще небольшое зло, а въ ней блажь какая-то сидитъ.

— А онъ хорошій человѣкъ?

— Такъ себѣ.

— Умный?

— Не вижу я въ немъ ума. Что за человѣкъ, когда бабы въ рукахъ удержать не умѣетъ.

— Такъ они несчастливы?

— Такимъ людямъ нечего больше дѣлать, какъ ссориться да мириться. Ничего, такъ и проживутъ, то ругаясь, то цѣлуясь, да добрыхъ людей потѣшая.

— А мама? папаша?

— Братъ очень состарѣлся, а мать все котятъ чешетъ, какъ и въ старину бывало.

— А сестра Соня?

— Съ годъ ужъ ее не видала. Не любитъ ко мнѣ, старухѣ, учащать, скучаетъ. Впрочемъ, должно быть, все съ гусарами въ амазонкѣ ѣздитъ. Болтается дѣвочка, не читаетъ ничего, ничего не любитъ.

— Вы, тетя, все такія же рѣзкія.

— Въ мои годы, другъ мой, люди не мѣняются, а если мѣняются, такъ очень дурно дѣлаютъ.

— Отчего же дурно, тетя? Никогда не поздно исправиться.

— Исправиться? — переспросила игуменья и, взглянувъ на Лизу, добавила:—ну, исправляются-то или мѣняются къ лучшему только богатыя, прямыя искреннія натуры, а кто весь вѣкъ лгалъ и себѣ, и людямъ и не исправлялся въ молодости, тому ужъ на старости лѣтъ не исправиться.

— Будто ужъ всѣ такіе лживые, тетя,—смѣясь, проговорила Лиза.

— Не всѣ, а очень многіе. Лжецовъ больше, чѣмъ всѣхъ дурныхъ людей съ иными пороками. Какъ ты думаешь, Геша? — спросила игуменья, хлопнувъ дружески по рукѣ Гловацкую.

— Не знаю, Агнія Николаевна,—отвѣчала дѣвушка.

— Гдѣ тебѣ знать, мой другъ, васъ вѣдь въ институтѣ-то какъ въ парникѣ держатъ.

— Да, это наше институтское воспитаніе ужасно, тетя,— вмѣшалась Лиза.—Теперь на него очень много нападаютъ.

— И очень дурно дѣлаютъ, что нападаютъ, — отвѣтила игуменья.

Дѣвушки взглянули на нее изумленными глазами.

— Вы же сами, тетечка, только-что сказали, что институтъ не знакомитъ съ жизнью.

— Да, я это сказала.

— Значитъ, вы не одобряете институтскаго воспитанія?

— Не одобряю.

— А находите, что нападать на институты не должно?

— Да, нахожу. Нахожу, что всѣ эти нападки неумѣстны, непрактичны, просто сказать, глупы. Семью нужно передѣлать, такъ и училища передѣлаются. А то, что институты! У насъ, что ни семья, то адъ, дрянь, болото. Въ институтахъ воспитываютъ плохо, а въ семьяхъ еще несравненно хуже. Такъ что-жъ тутъ институты? Институты необходимое зло поплаго вѣка и больше ничего. Иди-ка, дружочекъ, умойся: самоваръ несутъ.

Лиза встала и пошла къ рукомойнику.

— Возьми тамъ губку, охвати шею-то, пыль на васъ насѣла, хоть рѣпу сѣй,—добавила она, глядя на античную шейку Гловацкой.

Пока дѣвушки умылись и поправили волосы, игуменья сдѣлала чай и ожидала ихъ за весело шипѣвшимъ самоваромъ и безукоризненно чистенькимъ чайнымъ приборомъ.

Дѣвушки, войдя, поцѣловали руки у Агніи Николаевны и усѣлись по обѣимъ сторонамъ ея кресла.

— Пойди-ка въ залу, Геша, посмотри, не увидишь ли чего-нибудь знакомаго,—сказала игуменья.

Гловацкая подошла къ дверямъ, а за нею порхнула и Лиза.

— Картина маминаго шитья! — крикнула изъ залы Головацкая.

— Да. Это я тебѣ все берегла: возьми ее теперь. Ну, идите чай пить.

Дѣвушки опять усѣлись за столъ.

— Экая женщина-то была!—какъ бы размышляла вслухъ игуменья.

— Кто это, тетя?

— Да ея покойница мать. Что̀ это за ангелъ во плоти былъ! Вотъ ужъ именно хорошее-то и Богу нужно.

— Мать была очень добра.

— Да это истинно святая. Такихъ женщинъ немного родится на свѣтѣ.

— И папа же мой вѣдь добрякъ. Прелестный мой папа.

— Да, мы съ нимъ большіе друзья; ну, все же онъ не то. Мать твоя была великая женщина, богатырь, героиня. Доброта-то въ ней была прямая, высокая, честная, ни этихъ сентиментальностей глупыхъ, ни нервъ, ничего этого дурацкаго, чѣмъ хвалятся наши слабонервные кучера въ юбкахъ. Это была сила, способная на всякое самоотверженіе; это было существо, никогда не жившее для себя и серьезно преданное своему долгу. Да, мой другъ Геша, — добавила игуменья со вздохомъ и значительно приподнявъ свои прямыя брови:—тебѣ не нужно далеко искать образцовъ!

— Вы такъ отзываетесь о мамѣ, что я не знаю...

— Чего не знаешь?

— Я очень рада, что о моей мамѣ осталась такая добрая память.

— Да, истинно добрая.

— Но сама я...

— Что̀ ты сама?

Дѣвушка закраснѣлась и застѣнчиво проговорила:

— Я не знаю, какъ надо жить.

— Этой науки, кажется, не ты одна не знаешь. По-моему, жить надо какъ живется; меньше говорить, да больше дѣлать, и еще больше думать; не быть эгоисткой, не выкраивать изъ всего только одно свое положеніе, не обращая вниманія на обрѣзки, да главное дѣло не лгать ни себѣ, ни людямъ. Первое дѣло не лгать. Людямъ ложь вредна, а себѣ еще вреднѣе. Станешь лгать себѣ, такъ всѣхъ обманешь и сама обманешься.

— Да какъ же лгать *себѣ*, тетя?

— Ахъ, мать моя? Какъ? Ну, вотъ одна выдумаетъ, что она страдалица, другая, что она героиня, третья еще что-нибудь такое, чего вовсе нѣтъ. Увѣрятъ себя въ существованіи несуществующаго, да и пойдутъ чудеса творить, отъ которыхъ Богъ знаетъ сколько людей станутъ въ несчастныя положенія. Вотъ какъ твоя сестрица Зиночка.

— Вы, тетя, на нее нападаете, право.

— Что мнѣ, мой другъ, нападать-то! Она мнѣ не врагъ, а своя, родная. Мнѣ вовсе непріятно, какъ о ней пустые-то языки благовѣстятъ.

— Вы же сами не хвалите ея мужа.

— Такъ что жъ! не хвалю, точно не хвалю. Ну, такъ и резонъ молодой бабочкѣ сдѣлаться городскою притчею?

— Да если онъ дурной человѣкъ, тетя?

— Ну, какой есть,—сама выбрала.

— Можно ошибиться.

— Очень можно. Но изъ одной-то ошибки въ другую лѣзть не слѣдуетъ; а у насъ-то это, къ несчастію, всегда такъ и бываетъ. Сдѣлаемъ худо, а поправимъ еще хуже.

— Да въ чемъ же ея ошибки, за которыя всѣ такъ строго ее осуждаютъ?

— Въ чемъ? А вотъ въ слабоязычіи, въ болтовнѣ, въ неумѣньи скрыть отъ свѣта своего горя и во всякомъ отсутствіи желанія помочь ему, исправить свою жизнь, сдѣлать ее сносною и себѣ, и мужу.

— Это не такъ легко, я думаю.

— И не такъ ужъ очень трудно. Брыкаться не надо. Брыканьемъ ничему не поможешь, только ноги себѣ же отобьешь.

— Извините, тетя; вы, мнѣ кажется, оправдываете семейный деспотизмъ.

— Въ иныхъ случаяхъ, да, оправдываю.

— Въ какихъ же это, тетя, случаяхъ?

— Напримѣръ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ хранитъ слабыхъ и неопытныхъ членовъ семьи отъ заблужденій и ошибокъ.

Дѣвушка немного покраснѣла и сказала:

— Значитъ, вы оправдываете рабство женщины?

— Изъ чего же это значитъ?

— Да какъ же! Вы оправдываете, какъ сейчасъ сказали,

въ иныхъ случаяхъ деспотизмъ; а четверть часа тому назадъ замѣтили, что мужъ моей сестры не умѣетъ держать ее въ рукахъ.

— Ну такъ что жъ такое?

— Это значитъ оправдывать рабство женщины въ семьѣ?

У Лизы раздувались ноздри, и она безпрерывно откидывала за уши постоянно разбѣгавшіяся кудри.

— Нѣтъ, милая, это значитъ ни болѣе, ни менѣе, какъ признавать необходимость въ семьѣ одного авторитета.

— Ну, да. Признавать законность воли одного надъ стремленіями другихъ! Что жъ это, не деспотизмъ развѣ?

— Ничуть не деспотизмъ.

— А что же? Что же это такое? Я должна жить какъ мнѣ прикажутъ?

— Отчего же не такъ, какъ тебѣ посовѣтуютъ?

— Да, если это дружескій совѣтъ равнаго лица, а не приказаніе, какъ вы называете, авторитета.

— Слушайся совѣта, такъ онъ не перейдетъ въ приказаніе.

— А если перейдетъ?

— Ну, ты же будешь виновата. Значитъ, не умѣла держать себя.

— Этакъ у васъ всегда сильный правъ: равенства, значитъ, нѣтъ.

— Равенства нѣтъ.

— И это вамъ нравится?

— Это нравится вѣрно природѣ. Спроси ее, зачѣмъ одинъ умнѣе другого, зачѣмъ одинъ полезнѣе другого обществу.

— Природа глупа.

— Ну, какая есть.

— Гм! Это ужасно.

— Что это ужасно?

— Повиноваться, и только повиноваться!

— Нѣтъ, не только: можно и жить, и любить, и дѣлать другихъ счастливыми.

— Все повинуясь?

— Повинуясь,—повинуясь разуму.

— Своему,—да; я это понимаю.

— Или другому, если этотъ разумъ яснѣе твоего, опытнѣе твоего и имѣетъ всѣ основанія желать твоего блага.

— А если нѣтъ?

— Тогда повелѣвай имъ сама.

— Господи! Какъ странно вы смотрите, тетя, на жизнь. Или будь деспотомъ, или рабомъ. Приказывай, или повинуйся. Мужъ глава, значитъ, какъ это читается.

— Въ большинствѣ случаевъ.

— И не выходи изъ его воли?

— Да. Если эта воля разумна, не выходи изъ нея. Иначе: не станешь признавать надъ собой одной воли, одного голоса, придется узнать ихъ надъ собою нѣсколько, и далеко не столь искреннихъ и честныхъ.

— Извините, тетя, что я скажу вамъ?

— Пожалуйста.

Лиза немного задумалась и, закраснѣвшись, сказала:

— Вы отстали отъ современнаго образа мыслей.

Выслушавъ это замѣчаніе, игуменья спокойно собрала со стола нѣсколько крошечекъ бѣлаго хлѣба и, ссыпавъ ихъ въ полоскательную чашку, спросила:

— А ты къ чему пристала, глядя на свѣтъ сквозь закрашенныя стекла института?

— Мы читали, мы говорили тоже, не безпокойтесь.

— Нѣтъ: не могу не безпокоиться, потому что вижу въ твоей головкѣ всѣ эти бредни-то новыя. Я тоже вѣдь говорю съ людьми-то, и врядъ ли такъ ужъ очень отстала, что и судить не имѣю права. Я только не пристала къ пралямъ и не разсталась со смысломъ. Я знаю эти, какъ ты называешь, взгляды-то. Двухъ лѣтъ еще нѣтъ, какъ ея братецъ вотъ тутъ же, на этомъ самомъ мѣстѣ, все развивалъ мнѣ ваши идеи новыя. Все вздоръ какой-то! Не поймешь ничего. — Пріѣхалъ Ипполитъ изъ университета,— обратилась она къ Гловацкой:—ну, и зашелъ ко мнѣ. Вижу мальчикъ, совсѣмъ еще мальчикъ—восемнадцать лѣтъ вѣдь всего. А ломается, кривляется. Пушкина на первыхъ же шагахъ обругалъ, отца раскритиковалъ: зачѣмъ, зачѣмъ, говоритъ, анахоретомъ живетъ? — Для тебя же съ сестрой, говорю, батюшка такъ живетъ. — Отъ науки отсталъ, говоритъ. Ну, глупъ отецъ, однимъ словомъ, а онъ уменъ; тутъ же при мнѣ и при двухъ сестрахъ, очень почтенныхъ женщинахъ, монастыри обругалъ, назвалъ насъ устрицами, приросшими къ своимъ раковинамъ. Богъ знаетъ, что такое? Школы хорошей нѣтъ этому мальчику.

— Что жъ, онъ вѣдь, можетъ-быть, говорилъ правду?— замѣтила Лиза.

— Правду. говоришь, говорилъ?

— Да.

Тетка немножко насупилась.

— И правду надо знать какъ говорить.

— Вы же сами говорите всѣмъ правду.

— Да, то-то, я говорю, надо знать какъ говорить правду-то, а не осуждать за глаза отца родного, при чужихъ людяхъ.

— Онъ, вѣрно, и не осуждалъ, а разбиралъ, анализировалъ.

— Насъ, старухъ, изругалъ ни къ стру, ни къ смотру. Вреднѣйшіе мы люди, тунеядцы.

— Монастыри, тетя, — отжившія учрежденія. Это всѣ говорятъ.

— А почему это они отжившія учрежденія, смѣю спросить?

— Потому, что люди должны трудиться, а не сидѣть запершись, ничего не дѣлая.

— Кто жъ это вамъ сказалъ, что здѣсь ничего не дѣлаютъ? Не угодно ли присмотрѣться самой-то тебѣ поближе. Можетъ-быть, здѣсь еще болѣе работаютъ, чѣмъ гдѣ-нибудь. У насъ каждая почти однимъ своимъ трудомъ живетъ.

— А въ мірѣ она бы втрое болѣе могла трудиться.

— Или совсѣмъ бы не могла.

— Это отчего?

— Отъ многаго. Отъ неспособности сжиться съ этимъ міромъ-то; отъ неумѣнья отстоять себя; отъ недостатка силъ бороться съ тѣмъ, что не всякій поборетъ. Есть люди, которымъ нужно, просто необходимо такое безмятежное пристанище, и пристанище это существуетъ, а если не отжила еще потребность въ этихъ учрежденіяхъ, то, значитъ, всякій молокососъ не имѣетъ и права называть ихъ отжившими и поносить въ глаза людямъ, дорожащимъ своимъ тихимъ пріютомъ.

— Вы сейчасъ обвиняли ея брата въ томъ, что онъ осуждаетъ людей въ глаза, а теперь обвиняете его въ томъ, что онъ говоритъ правду въ глаза. Какъ же говорить ее нужно?

Мать Агніи совсѣмъ вспыхнула.

— Говорить надо съ умомъ,—замѣтила она рѣзко.

— Да я тутъ, собственно, не вижу глупости.

— Очень жаль, что ты не видишь неблаговоспитанности и мѣщанства.

— Что жъ, и мѣщане люди, тетя?

— Да, люди, люди неблаговоспитанные, несносные, люди, вносящіе въ жизнь гадкую мѣщанскую дрязгу.

— Стало-быть, они совсѣмъ ужъ не того стоятъ, чего мы?

— Совсѣмъ не того, чего стоятъ всѣ люди благовоспитанные, щадящіе человѣка въ человѣкѣ. То люди, а то *мѣщане*.

Лиза встала со стула, сдѣлала ироническую гримасу и, пожавъ плечами, проговорила:

— Не понимаю, какъ такой взглядъ согласовать съ идеею христіанскаго равенства.

— Не понимаешь?

— Не понимаю.

— Очень просто. Всѣ мы равны передъ Богомъ.

— Только-то?

— И только. Мѣщанство всегда останется мѣщанствомъ.

— Какъ ты думаешь объ этомъ, Женни? — спросила Лиза, стоя лицомъ къ открытому окну.

Но прежде чѣмъ Женни успѣла что-нибудь отвѣтить, мать Агнія отвѣтила за нее:

— Геша не будетъ такъ дерзка, чтобы произносить приговоръ о томъ, чего она сама еще хорошо не знаетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Молодой пересадокъ.

Большой монастырскій колоколъ гудѣлъ и заливался, призывая сестеръ безмятежнаго пристанища къ вечерней молитвѣ и долгому, праздничному всенощному бдѣнію. По длиннымъ дощатымъ мосткамъ, перекрещивавшимъ во всѣхъ направленіяхъ монастырскій дворъ и такимъ образомъ поддерживавшимъ при всякой погодѣ удобное сообщеніе между кельями и церковью, потянулись сестры. Много ихъ было подъ началомъ матери Агніи. Лиза сѣла у окна въ теткиной спальнѣ и глядѣла на проходившія мимо ея черныя фигуры. Шли тихимъ, солиднымъ шагомъ пожилыя монахини въ такихъ шапкахъ и такихъ же вуаляхъ, какъ носила мать Агнія и мать Манеѳа; прошли три еще болѣе суровыя фигуры въ длинныхъ мантіяхъ, далеко волокшихся сзади длинными шлейфами; шли такъ же чинно и поту-

пивъ глаза въ землю молодыя послушницы въ черныхъ, остроконечныхъ шапочкахъ. Между послѣдними было много очень, очень молодыхъ существъ, въ которыхъ молодая жизнь жадно глядѣла сквозь опущенные глазки. Новы были впечатлѣнія, толпившіяся въ головкахъ Лизы и Женни, стоявшей тутъ же за кресломъ подруги и вмѣстѣ съ нею находившейся подъ страннымъ вліяніемъ монастырской суеты. Веселый звонъ колоколовъ, розовое вечернее небо, свѣжій воздухъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ, окружающихъ каждую келью, и эти черныя фигуры, то согбенныя и закутанныя въ черныя покрывала, то молодыя и стройныя, съ миловидными личиками и потупленными глазами: все это было ново для нашихъ героинь и все это располагало ихъ къ задумчивости и молчанію. Наконецъ, кончился третій трезвонъ; двѣ молоденькія послушницы, съ большими книгами подъ руками, шибко пробѣжали къ церкви, а за дверью матери Агніи чистый, молодой контральтъ произнесъ нараспѣвъ: «Господи, Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ».

— Аминь, — отвѣчала мать Агнія, оканчивавшая прикалываніе своего вуаля.

Въ дверь вошла молодая, очаровательно милая монахиня и, быстро подойдя къ игуменьѣ, поцѣловала ея руку.

— Здравствуй, Ѳеоктиста! Посмотри-ка, аккуратно ли я закололась сзади.

— Хорошо вездѣ, матушка, — отвѣчала миловидная черница, внимательно осматривая игуменью.

— Все готово?

— Уже началъ положили.

— Ну, пойдемъ,—давай мантію.

Сестра Ѳеоктиста сняла со стѣны мантію и накинула ее на плечи игуменьи. Мать Агнія была сурово-величественна въ этой длинной мантіи. Даже самое лицо ея какъ-то преобразилось: ничего на немъ не было теперь, кромѣ сухости и равнодушія ко всему окружающему міру.

— Ну, до свиданія, дѣти, — сказала она, подавая руки оставшимся у окна дѣвушкамъ.

— А мы развѣ не пойдемъ въ церковь?—спросила Лиза.

— Какъ хотите. Вы устали, служба сегодня долгая будетъ, оставайтесь дома.

— Лучше пойдемъ и мы, постоимъ сколько намъ захочется.

— Ну, хорошо. Позовите Марину и поправьтесь тутъ, а я сейчасъ пришлю за вами сестру Ѳеоктисту, она васъ проведетъ въ церковь.

По мосткамъ опустѣлаго двора шла строгою поступью мать Агнія, а за нею, держась нѣсколько сзади ея лѣваго плеча и потупивъ въ землю прелестные голубые глазки, брела сестра Ѳеоктиста.

— Ахъ, какая хорошенькая!—сказала Лиза вслѣдъ проходящимъ монахинямъ.

— Чудо, что такое,— подтвердила Гловацкая.

— Это вы про сестру Ѳеоктисту изволите говорить, барышня? — вмѣшалась весноватая бѣлица, камеръ-юнгфера матери Агніи.

— Вотъ про эту монахиню,—отвѣтила Гловацкая.

— Это она и есть сестра Ѳеоктиста-съ.

— Прехорошенькая.

— Это, барышня, въ міру красоту-то наблюдаютъ; а здѣсь всѣ равны, что Ѳеоктиста, что другая какая.

— Давно она въ монастырѣ?

— Третій годъ, матушка; третій годъ, овдовѣвши, какъ въ монастырь пошла. Она вѣдь еще въ маломъ постригѣ.

— Что же она тутъ при тетушкѣ?—спросила Лиза.

— Такъ, тетенька любятъ, чтобы она при нихъ находилась.—Адъютантомъ своимъ называютъ ее.

— Развѣ она съ тетушкой живетъ?

— Нѣтъ, у нея есть своя полкелья, а только, когда въ церковь, или когда у тетеньки гости бываютъ, такъ ужъ сестра Ѳеоктиста при нихъ.

— Зачѣмъ же это?

— Такъ... Тетенькѣ такъ угодно.

— Она знакома была тетушкѣ прежде, что ль?

— Не могу вамъ про это доложить, — да нѣтъ, врядъ, чтобы была знакома. Она вѣдь изъ простыхъ, изъ города Брянскова, изъ купецкой семьи. Да простые такіе купцы-то, не то, чтобы какъ вонъ наши губернскіе или московскіе. Совсѣмъ изъ простого званія.

— Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ!— раздалось опять за дверью. Весноватая бѣлица твердо возгласила: «Аминь», и на порогѣ показалась сестра Ѳеоктиста.

— Спаси васъ Господи и помилуй, — проговорила она, подходя къ дѣвушкамъ и смиренно придерживая одною ру-

кою полу рясы, а другою собирая длинныя шелковыя четки съ крестомъ и изящными волокнистыми кистями.

— Здравствуйте, здравствуйте,—привѣтливо отвѣчали въ одинъ голосъ обѣ дѣвушки.

Ѳеоктиста добродушно поцѣловала обѣихъ и опять поклонилась.

— Вотъ вы уже пришли; а мы еще не готовы совсѣмъ,—извините насъ, пожалуйста.

Сестра Ѳеоктиста ласково улыбнулась и сказала:

— Ничего-съ: я посижу, подожду, и она сѣла на кончикѣ дивана.

— Много мірскихъ въ церкви?—спросила сестру Ѳеоктисту продолжавшая торчать здѣсь бѣлица.

— Много. Яблоку упасть негдѣ. Очень тѣсно въ храмѣ.

— Пошлите, пожалуйста, нашу няню, — попросила Лиза бѣлицу, послѣ чего та тотчасъ же вышла, а вслѣдъ затѣмъ появилась Марина Абрамовна.

Старуха, растопыривъ руки, несла въ нихъ только-что выправленныя утюгомъ бѣлыя платьица барышень и другія принадлежности ихъ туалета.

— Одѣвайтесь, матушки, а то къ шапочному разбору придете, — говорила Марина Абрамовна, кладя на столъ принесенныя вещи.

Дѣвушки стали одѣваться, няня помогала то той, то другой.

— Дайте я вамъ помогу, — сказала сестра Ѳеоктиста, положивъ въ уголъ дивана свои четки.

Дѣвушки вѣжливо отклоняли ея услужливость.

— Нѣтъ, что жъ такое, я помогу. Развѣ это трудно?

И сестра Ѳеоктиста, встряхнувъ бѣлую, крахмальную юбку, набросила ее на Гловацкую.

— Благодарю васъ, душка моя,—отвѣчала, закраснѣвшись, дѣвушка и, обернувшись, поцѣловала два раза молодую монахиню.

А монахиня опять заворочалась въ накрахмаленныхъ вещахъ и одѣвала Женни въ то же самое время, какъ Абрамовна снаряжала Лизу.

— Какъ нынче манишки-то стали шить! Совсѣмъ какъ мужчинская рубашка,—говорила сестра Ѳеоктиста, оправляя надѣтую на Женни манишку.

— Вамъ нравится этотъ фасонъ?

— Нѣтъ, я такъ говорю; легче какъ будто, а то бывало у насъ все шнурки, да шнурочки.

— Вы давно въ монастырѣ?

— Давно. Ужъ и не помню когда, — отвѣчала, смѣясь, Ѳеоктиста.—Три года ужъ.

— И нескучно вамъ?

— О чемъ скучать-то?—Спаси Господи и помилуй!

Сестра Ѳеоктиста глубоко вздохнула и въ серединѣ двухъ вещъ отправилась въ церковь. Въ церкви была страшная давка и духота. Сестра Ѳеоктиста насилу провела Лизу съ Женей впередъ къ рѣшеткѣ, окружающей амвонъ, и отошла къ особенному возвышенію, на которомъ неподвижно стояла строгая игуменья. Воздухъ въ церкви все болѣе и болѣе сгущался отъ запаха жарко горящихъ въ огромномъ количествѣ восковыхъ свѣчъ, ладана и дыханія плотной толпы молящагося народа. Передъ началомъ стихиръ мать Агнія незамѣтно кивнула пальцемъ сестрѣ Ѳеоктистѣ. Та подошла къ ней, сдѣлала поясной поклонъ и подставила ухо, а потомъ опять поклонилась тѣмъ же пояснымъ поклономъ и стала тихонько пробираться къ нашимъ героинямъ.

— Мать игуменья безпокоятся за васъ, — шепнула она дѣвушкамъ. — Онѣ велѣли мнѣ проводить васъ домой; вы устали, васъ Богъ проститъ; вамъ отдохнуть нужно.

— Пойдемте,—такъ же шопотомъ отвѣчали обѣ дѣвушки и стали пробираться вслѣдъ за Ѳеоктистою къ выходу.

На дворѣ стояли густыя сумерки.

— Чаю напьетесь? — спросила сестра Ѳеоктиста, входя на крыльцо кельи.

— По правдѣ сказать, такъ всего болѣе спать хочется,— отвѣчала Лиза.

— Ну, такъ Христосъ съ вами, спите. Прощайте, Господь съ вами.

— А нѣтъ, зайдите, зайдите,—заговорили дѣвушки.

— Раздуйте самоварчикъ, — сказала входя сестра Ѳеоктиста.—Ну, такъ спать? — добавила она, обратясь къ дѣвицамъ.

— Лежать, сестра Ѳеоктиста,—отвѣчала Лиза.

— Ну, ложитесь, покатайтесь, поваляйтесь, расправьте косточки, а я вамъ душепарочки волью.

— Милая! какая вы милая! — сказала Лиза и крѣпко, взасосъ, по-институтски, поцѣловала монахиню.

— Чѣмъ такъ вамъ мила стала? Голуби вы мои! Раздѣвайтесь-ка, да на постельку.

Истомленныя дорогою дѣвушки начали спѣшно разоблачаться.

— Гдѣ же лечь?—спросила Лиза.

— На постель, на постель, мой ангелъ. Тетушка такъ сказала,—отвѣчала сестра Ѳеоктиста.

— Валимся! — проговорила Лиза и, забросивъ за уши свои кудри, упала на мягкую теткину постель. За нею съ краю легла тихо Гловацкая.

— Ну, и отлично. Теперь я подамъ чайку.

— Зачѣмъ же вы сами, сестра Ѳеоктиста?

— Да что жъ за бѣда. Я и сама напьюсь съ вами.

Чаекъ подали, и дѣвушки, облокотясь на подушечки, стали пить. Сестра Ѳеоктиста усѣлась въ ногахъ, на кровати.

Дѣвушки, утомленныя шестидневной дорогой, очень рады были мягкой постелькѣ и не хотѣли чаю. Сестра Ѳеоктиста налила имъ по второй чашкѣ, но эти чашки стояли нетронутыя и стыли на столикѣ.

— Кушайте!

— Не хочется,—отвѣчали обѣ дѣвушки.

— Ну, почивайте. Всенощная еще не скоро кончится. Часа полтора еще пройдетъ, почивайте, а я пойду.

— Нѣтъ, посидите съ нами, вы вѣдь тоже устали, тамъ духота такая въ церкви.

— Сестра Ѳеоктиста! Какъ вы думаете, можно покурить потихоньку?

— Охъ, не знаю, право.

— Вѣдь никто не взойдетъ?

— Не знаю.

Лиза спрыгнула съ кровати, зажгла папироску и сѣла у печки.

— Не тянетъ что-то.

— Труба, вѣрно, закрыта отъ грома. Я открою сейчасъ,— и Ѳеоктиста открыла трубу.

Женни тоже покурила, и обѣ дѣвушки снова улеглись.

— Душно точно, голова такъ и кружится, да это ничего, Господь подкрѣпляетъ, я привыкла ужъ, — говорила Ѳеоктиста, продолжая прерванный разговоръ о церковной духотѣ.

— Какъ вы успѣли привыкнуть такъ скоро?— спросила, внимательно глядя на сестру Ѳеоктисту, Лиза.

— М-мъ! Такъ привыкла, потому что здѣсь вѣдь хорошо.
— Чѣмъ же хорошо?
— Тихо такъ, хорошо.
Вышла пауза.
— И вы никогда не скучаете?—спросила Женни.
— Чего скучать, надо Богу молиться, а не скучать.
— Иногда противъ воли скучается.
Сестра Ѳеоктиста вздохнула.
— Молитвой надо ограждать себя,—проговорила она тихо.
— А если нельзя молиться?—спросила быстро Лиза.
— Отчего нельзя?
— Если не спокоенъ, разстроенъ, взволнованъ.
— Тутъ-то и молиться.
— Вы это на себѣ испытали когда-нибудь?
— Какъ же. Искушенія тоже бываютъ большія и въ монастырѣ.
— Интриги?
— Какъ изволите?
— Интриги, говорю, есть? — Сплетни, ссоры, клеветы,— пояснила Лиза.
— А! Ну, все надо перенесть! на то покаяніе, на то монастырь.
— А есть это все?
— Какъ вамъ сказать?—отвѣчала Ѳеоктиста съ самымъ простодушнымъ выраженіемъ на своемъ добромъ, хорошенькомъ личикѣ.—Бываетъ, врагъ смущаетъ человѣка, все по слабости по нашей. Тутъ вѣдь не то, чтобъ какъ со злости говорится что, или дѣлается.
— А все врагъ смущаетъ?
— Все по слабости нашей.
— Вы зачѣмъ пошли въ монастырь-то?
— Какъ изволите?—переспросила сестра Ѳеоктиста.
Лиза повторила свой вопросъ.
— Такъ, пошла да и только.
— Дурно вамъ было дома, что-ль?
— М-мъ... такъ. Мужъ померъ, дитя померло, тятенька померъ, я и пошла.
— Развѣ никого больше не оставалось у васъ, и состоянія никакого не было?
— Нѣтъ, видите,—и повернувшись лицомъ къ Лизѣ и взявъ ее за колѣно, начала сестра Ѳеоктиста:—я вѣдь вотъ цер-

ковная. ну, понимаете, православная, т. е. по-нашему, по русскому закону крещена, ну, только тятенька мой жили мы въ нуждѣ большой. Городокъ нашъ маленькій, а тятенька, на волю откупившись, тутъ домикъ въ долгъ тоже купили, хотѣли трактирчикъ открыть, такъ какъ они были поваромъ, ну, не пошло. Только приказные судейскіе когда придутъ, да и то все въ долгъ больше, а помѣщики все на почтовую станцію заѣзжали. Такъ, бывало, и плиты по недѣлѣ цѣлой не разводимъ. Ну, я ужъ была на возрастѣ, шестнадцатый годокъ мнѣ шелъ; матери не было, братецъ въ лакейской должности гдѣ-то въ Петербургѣ, у важнаго лица, говорятъ, служитъ, только отцу они не помогали. Извѣстно въ этакой столицѣ, самимъ имъ что, я думаю, нужно, въ большомъ-то домѣ!

Ѳеоктиста вздохнула и, помолчавъ, продолжала:

— Женіховъ у насъ мало, да и то всѣ глядятъ на богатенькихъ, а мы же опять и въ мѣщанство-то только приписались, да и бѣдность. Очень тятенька покойникъ обо мнѣ печалился. Ну, а тутъ, такъ черезъ улицу отъ насъ купцы жили, — тоже недавно они въ силу пошли, изъ мѣщанъ, а только ужъ богатые были; всѣмъ торговали: солью, хлѣбомъ, желѣзомъ, всякимъ, всякимъ товаромъ. У насъ вѣдь, по нашему маленькому мѣсту, нѣтъ этихъ магазиновъ, а все вмѣстѣ всѣмъ торгуютъ. Только были эти купцы старовѣры... не нашего, значитъ, закона, поповъ къ себѣ не принимаютъ, а все безъ поповъ. Ну, какъ тамъ, Богъ самъ знаетъ, какъ это сдѣлалось, только этотъ купеческій сынъ Естифей Ефимычъ вздумалъ ко мнѣ присвататься. Изъ себя былъ какой, вѣдь, молодецъ; всякая бы, то-есть всякая, всякая у насъ, въ городѣ-то, за него пошла; ну, а онъ ко мнѣ сватался. Въ домѣ-то что у нихъ изъ-за этого было, страсти Божьи, какъ, бывало, разскажутъ. Мать у него была почтенная старуха, древняя такая и строгая. Я-то тогда дѣвчонка была, ничего этого не понимала. Ужъ не знаю, какъ тамъ покойничекъ Естифей-то Ефимычъ все это съ маменькой своей уладилъ, только такъ о спажинкахъ прислали къ тятенькѣ сватовъ.

— Ну?

— Ну, и выдали меня замужъ, въ церкви такъ въ нашей вѣнчали, по-нашему. А тутъ я годочекъ всего одинъ съ мужемъ-то пожила, да и овдовѣла, дитя родилось, да

умерло, все, какъ говорила вамъ, — тятенька тоже померли еще прежде.

— А вы въ монастырь и пошли?

— Да и пошла вотъ.

— А съ мужемъ вы счастливы были?

— Извѣстно какъ замужемъ. Сама хорошо себя ведешь, такъ и тебѣ хорошо. Я жъ мужа почитала и онъ меня жалѣлъ. Только свекровь очень ужъ строгая была. Страсть какія онѣ были суровыя.

— Обижала она васъ?

— Нѣтъ, обиды чтобъ такъ не было, а все, разумѣется, за вѣру мою, да за бѣдность сердились, все мужа, бывало, урекаютъ, что взялъ неровню; ну, а мнѣ мужа жаль, я, бывало, и заплачу. Вотъ изъ чего было, все изъ моей дурости.—Жарко каково!—проговорила Ѳеоктиста, откинувъ съ плеча креповое покрывало.

— Снимите шапку.

— И то.

Ѳеоктиста сняла бархатную шапку, и золотисто-русая коса, вырвавшись изъ-подъ сдерживавшей ее шапки, разсыпалась по черной рясѣ.

— Господи, какое великолѣпіе!—вскрикнула Лиза.

— Что это вы?

— Смотри, смотри, Женни, какіе волосы!

— Что вы, что вы это,—закраснѣвшись, лепетала сестра Ѳеоктиста и протянула руку къ только-что снятой шапкѣ; но Лиза схватила ее за руки и, любуясь монахиней, нѣсколько разъ крѣпко ее поцѣловала. Женни тоже не отказалась отъ этого удовольствія и, перегнувъ къ себѣ стройный станъ Ѳеоктисты, обѣ дѣвушки съ восторгомъ цѣловали ее своими свѣжими устами.

— Что это вы?—опять пролепетала монахиня.

— Какая вы красавица, сестра Ѳеоктиста.

— Спаси Господи и помилуй; что это вамъ вздумалось! Искушеніе съ вами, съ мірскими, право.

Сестра Ѳеоктиста набожно перекрестилась и добавила:

— Ну, такъ вотъ я вамъ ужъ доскажу. Вышедши замужъ-то, я затяжелѣла; ну, брюхомъ-то мнѣ то того, то другого смерть вотъ какъ хочется. А Великій постъ былъ: у насъ въ домѣ, какъ вотъ словно въ монастырѣ, опричь грибовъ ничего не варили, да и то по середамъ и по пят-

ницамъ безъ масла. Маменька строго это соблюдала. А мнѣ то это икры захочется, то рыбы соленой, да такъ захочется, что вотъ просто душенька моя выходитъ. Я, бывало, это Естифею Ефимовичу ночью скажу, а онъ днемъ припасетъ, пронесетъ мнѣ въ карманѣ, а какъ спать ляжемъ съ нимъ, я пологомъ задернусь на кровати, да и ѣмъ. Грѣхъ это такъ ѣсть-то, Богу помолимшись, ну, а я ужъ никакъ стерпѣть не могла. Брюхомъ это часто у женщинъ бываетъ. Ну, и наказалъ же меня Господь за мои за эти за глупости! Охъ-хо-хо!

Ѳеоктиста утерла слезы, наполнившія длинныя рѣсницы ея большихъ голубыхъ глазъ, и продолжала:

— Въ самый въ Страстной вторникъ задумалось мнѣ про селянку съ рыбой. Вотъ умираю, хочу селянку съ севрюжинкой, да и только. Пришелъ мужъ изъ лавки, легли спать, я ему это и сказываю про свое про хотѣнье-то. Что ты, говоритъ, дура, какіе дни! Люди теперь хлѣба мало вкушаютъ, а ты что задумала? Молись, говоритъ, больше, все пройдетъ. А я вмѣсто молитвы-то цѣловать его да упрашивать: голубчикъ, говорю, соколъ мой ясный, Естифей Ефимычъ! уважь ты меня разъ, я тебя сто разъ уважу. Пристаю къ нему: ручки, ножки, говорю, тебѣ перецѣлую, только уважь, покорми ты меня селяночкой. Знала я, что какъ пристанешь къ нему лаской, безпремѣнно онъ тебѣ сдѣлаетъ. Смотрю, точно ужъ, говоритъ, только какъ, говоритъ, пронести? Пронести никакъ нельзя. Это и правда. Рыбу тамъ или икру можно какъ въ карманѣ пронесть, а селянку жидкую никакъ нельзя. Такъ я это въ горѣ и заснула. Утромъ, гляжу, мужъ толкъ меня подъ бокъ: прибѣжи, говоритъ, часовъ въ двѣнадцать въ лавку. Я догадалась, опять-таки его расцѣловала. Охъ, Боже, Боже мой, Боже мой! великая я грѣшница передъ Тобою!.. Жду не дождусь. Только пробило одиннадцать часовъ, я и стала надѣвать шубейку, чтобъ къ мужу-то идти, да только-что хотѣла поставить ногу на порогъ, а въ двери нашъ молодецъ изъ лавки, какъ есть полотно блѣдный. Что ты, что ты, Герасимъ? — спрашиваемъ его съ маменькой, а онъ и слова не выговоритъ. — Что, молъ, пожаръ, что ли? Въ окно такъ-то смотримъ, а онъ глядѣлъ-глядѣлъ на насъ, да разомъ какъ крикнетъ: хозяинъ, говоритъ, Естифей Ефимычъ потонули. — Какъ потонулъ? гдѣ? — Къ городничему, гово-

ритъ, за рѣку чего-то пошли, сказали, что коли Ѳедосья Ивановна, — это я-то, — придетъ, чтобъ его въ чуланчикѣ подождали, а тутъ, слышимъ, кричатъ на берегу: обломился, обломился, потонулъ. Побѣгли,—ничего ужъ не видно, только дыра во льду и водой сравнялась, а приступить нельзя, весь ледъ иструхъ. Ничего тутъ ужъ я и не помню. Побѣгли къ городничему, и городничій самъ пришелъ. Онъ, говоритъ, у меня не былъ, а былъ у повара, севрюги кусокъ принесъ, просилъ селянку сварить. Это въ трактиръ-то на станцію ему нельзя было идти, далеко, да и боязно, встрѣтишь кого изъ своихъ, онъ, мой голубчикъ, и пошелъ мнѣ селяночку-то эту, проклятую, готовить къ городническому повару, да торопился, на мостъ-то далеко, онъ льдомъ хотѣлъ, грѣхъ и случился. Во всемъ я передо всѣми повинилась. Что тутъ только мнѣ было! Боже мой, Господи! Хуже меня по цѣлому городу человѣка не ставили. И точно, что стоило. А ужъ свекровь, бывало, какъ начнетъ: силы небесныя, что только она говорила! И змѣя-то я, и блудница вавилонская, сѣдящая при водахъ на звѣрѣ червленнѣ,—чего только не говорила она съ горя. Разумѣется, мать, больно ей было, одинъ сынъ только, и того лишилась. И не знаю я, какъ ужъ это все я только пережила! А только мнѣ даже лучше было, что меня ругала маменька. А тутъ ужъ безъ покойника я родила дѣвочку,— хорошенькая такая была, да черезъ двѣ недѣли померла. Какъ я ни старалась маменькѣ угождать, все ужъ не могла ей угодить: противна я ей ужъ очень стала. Какъ я ей въ глаза, она сейчасъ: иди, иди, еретица проклятая! Гонитъ меня. Думала въ тятенькинъ домикъ перейти, что онъ мнѣ оставилъ—маменька еще пуще осерчала: развратничать, говоритъ, захотѣла, полюбовниковъ на свободѣ собирать хочется. Я и стала проситься въ монастырь, да вотъ и живу.

— А домикъ вашъ?

— Такъ свекровь его взяла, а мнѣ тутъ полкельи поставила.

— И ничего вамъ не даютъ?

— Нѣтъ, на что же мнѣ, я работаю. Мнѣ развѣ много нужно?

— Зачѣмъ же вы ей отдали?

— Да пусть. На что мнѣ. Такъ оставила ей.

— И тутъ вамъ, говорите, хорошо?

— Хорошо, молюсь да работаю, что жъ мнѣ. Конечно, иной разъ...

— Что, скучно?

— Нѣтъ, спаси Господи и помилуй! А все вотъ за эту... за красоту-то, что вы говорите. Не то, такъ то выдумаютъ.

— Что жъ, кому мѣшаетъ ваша красота?

— Да такъ, нѣтъ это по злобѣ! Такъ врагъ-то смущаетъ. Онъ вѣдь въ мірѣ такъ не смущаетъ, а здѣсь, гдѣ блюдутся, онъ тутъ и вередуетъ.

— Вамъ жаль вашего мужа?

— Очень жаль! Ахъ, какъ жаль. И гдѣ онъ, гдѣ его тѣло-то понесли быстрыя воды весеннія. Молюсь я, молюсь за него, а все не смолить мнѣ моего грѣха.

— Вы его любили?

— Какъ же не любить мужа!

— А дитя тоже жаль?

— Не знаю ужъ какъ и сказать, кого больше жаль! Дитя жаль, да все не такъ, все усну, такъ забуду, а мужа и во снѣ-то не забуду. И во снѣ онъ меня мучитъ. Молюсь, молюсь Создателю: Господи, упокой Ты его, отжени отъ меня грѣхъ мой. А только усну, только заведу глаза, а онъ надо мною стоитъ. Вотъ совсѣмъ стоитъ. Чувствую, холодный такой, мокрый весь, синій, какъ извѣстно, утопленникъ, а потомъ будто бѣлѣетъ; лицо опять человѣческое становится, глазами смотритъ все на меня и совсѣмъ какъ живой, совсѣмъ живой. Просто вотъ беретъ меня за плечи, цѣлуетъ, Оеня, говоритъ, моя, другъ мой!

Сестра Ѳеоктиста остановилась, долго смотрѣла молча въ одну точку темной стѣны и потомъ неожиданно, дернувъ на себѣ ряску, тревожно проговорила:

— Кудри его черныя вотъ такъ по лицу по моему... Ахъ ты, Господи! Боже мой! Когда жъ эти сны кончатся? Когда Ты успокоишь и его душеньку, и меня, грѣшницу нераскаянную.

Тихо, безъ всякаго движенія сидѣла на постели монахиня, устремивъ полные благоговѣйныхъ слезъ глаза на озаренное лампадой распятіе, молча смотрѣли на нее дѣвушки. Всенощная кончилась, подъ окномъ послышались шаги и голосъ игуменьи, возвращавшейся съ матерью Маисѳой. Сестра Ѳеоктиста быстро встала, надѣла свою шапку

съ покрываломъ и, поцѣловавъ обѣихъ дѣвицъ, быстро скользнула за двери игуменьиной кельи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ ночной тишинѣ.

Глубоко запалъ въ молодыя сердца нашихъ героинь простодушный разсказъ сестры Ѳеоктисты. Ни слова имъ не хотѣлось говорить, и ни слова онѣ не сказали по ея уходѣ.

Мать Агнія тихо вошла въ комнату, гдѣ спали маленькія дѣвочки, тихонько пріотворила дверь въ свою спальню, и видя, что тамъ только горятъ лампады и ничего не слышно, заключила, что гости ея уснули, и, затворивъ опять дверь, позвала бѣлицу.

— Умыться и раздѣться, — сказала она вошедшей дѣвушкѣ.

— Тамъ приготовлено-съ.

— Перенести сюда, да тише, не разбуди дѣтей.

Въ спальню вошла бѣлица и тихонько понесла оттуда умывальный приборъ.

— Пили чай?—спросила игуменья вполголоса.

— Кушали, матушка.

— Давно легли?

— Давно-съ, только они не спали должно-быть.

— Отчего?

— Сестра Ѳеоктиста все у нихъ тамъ сидѣла на кровати, только вотъ сейчасъ выскочила.

— Спасибо ей.

— Все разговаривали съ нею.

— Молодые люди, поговорить хотятъ.

— Да-съ, все про мужа говорили.

— Про какого мужа?

— Про Ѳеоктистинова.

— Что жъ они говорили?

— Все Ѳеоктиста разсказывала, какъ жила у своихъ въ міру.

— Ну?

— А онѣ, барышни, все слушали. Все про сны какіе-то сказывала имъ, что мужа видитъ.

— Это ты слышала?

— Какъ же-съ!

— Сходи-ко къ ней, чтобъ завтра, какъ встанетъ... пораньше бъ встала и пришла ко мнѣ.

— Слушаю-съ!

— Давай умываться!

Послышались плески воды.

— Лихаревская Аннушка заходила отдохнуть,—говорила, подавая умываться, бѣлица.

— Ну и что жъ?

— Барыня-то ихняя вернулась.

— Вернулась?

— Вернулась, говоритъ, и прямо мужу въ ноги.

— Ну?

— Простилъ-съ, говоритъ, во всемъ.

— Дуракъ! — какъ бы про себя замѣтила мать Агнія и, сѣвъ на стулъ, начала тщательно вытираться полотенцемъ.

— А у матери Варсонофьи опять баталія была съ этой съ новой бѣлицей, что изъ дворянокъ, вотъ что мать-то отдала.

— За что это?

— Все дворянствомъ своимъ кичится, стало-быть. У васъ, говоритъ, все необразованіе, кляузы, говоритъ, наушничество. Такая ядовитая дѣвушка, Богъ съ ней совсѣмъ.

— Вѣрно, досадили ей.

— Не знаю-съ.

— Варсонофія-то сама хороша. Вели-ка завтра этой бѣлицѣ за часами у ранней на поклоны стать. Скажи, что я приказала безъ разсужденій.

— Слушаю-съ.

— Давай чистить зубы.

Бѣлица опять взошла на цыпочкахъ въ спальню и опять вышла.

— Что это у тебя въ той рукѣ?—спросила игуменья.

— Соръ какой-то... бумажку у печки какую-то подняла.

— Покажи.

Бѣлица подала окурочекъ тоненькой папироски, засунутый дѣвушками въ печку.

— Откуда это?

— Барышни, вѣрно, курили.

— Не забудь, чтобъ рано была у меня Θеоктиста.

— Слушаю-съ.

Игуменья положила окурочекъ папиросы въ карманъ своей ряски.

— А Никита былъ здѣсь?

— Какъ же-съ.

— Я его и видѣть не успѣла. А ты сказала казначеѣ, чтобъ отправила Татьянѣ на почту что я приказала?

— Виновата, запомнила-съ, завтра скажу. Плохо ей, Татьянѣ-то бѣдной. Мужа-то ея теперь въ пожарную команду перевели; все одна, недостатки, говоритъ, страшные терпитъ.

— Бѣдная женщина.

— Да-съ. На васъ, говоритъ, только и надѣется. Грѣхъ, говоритъ, будетъ барышнѣ: я имъ всей душой служила, а онѣ и забыли. Таково-то, говоритъ, господское сердце.

— Врешь.

— Право. Никитушка сказывалъ, что очень обижается.

— Врешь, говорю тебѣ.—Къ брату давно поѣхали дать знать, что барышни прибыли?

— Передъ вторымъ звономъ Борисъ поѣхалъ.

— Отчего такъ долго собирался?

— Сѣдло, говоритъ, никуда не годится, никакой, говоритъ, сбруи нѣтъ. Подъ бабьимъ начальствомъ жить — лучше, говоритъ, камни ворочать. На весь житный дворъ зѣвалъ.

— Его ужъ давно пора со двора долой. А гусаръ не былъ?—совсѣмъ понизивъ голосъ, спросила игуменья.

— Нѣтъ-съ, нынче не было его. Я все смотрѣла, какъ народъ проходилъ и выходилъ, а только его не было: врать не хочу.

— То-то. Если ты только врешь на нее...

— Вотъ убей меня Богъ на семъ мѣстѣ!

— Ну, ужъ половину соврала. Я съ ней говорила и изъ глазъ ея вижу, что она ничего не знаетъ и въ помышленіи не имѣетъ.

— Да вѣдь я и не докладала, что она чѣмъ-нибудь тутъ причина, а я только...

— Врешь, докладывала.

— Нѣтъ, матушка, вѣрно говорю: не докладывала я ничего о ней, а только докладала точно, что онъ это, какъ взойдетъ въ храмъ Божій, такъ уставитъ въ нее свои бѣльмы поганыя и такъ и не сводитъ.

— Глядѣть никому нельзя запретить, а если другое что...

— Нѣтъ, другого прочаго до сихъ поръ точно, что ужъ не замѣчала, такъ не замѣчала, и грѣха брать на себя не хочу.

— А что Дорооея!

— Трезвонитъ-съ.

— Г-мъ! усмирилась?

— Нѣтъ-съ. И ни вотъ капельной капельки.

— Все свое.

— Умру, говоритъ, а правду буду говорить. Мнѣ, говоритъ, сработать на себя ничего некогда, пусть казначею за покупками посылаютъ. На то она, говоритъ, казначея, на то есть лошади, а я не кульеръ какой-нибудь, чтобъ летать. Нравная женщина!

— Я ее успокою.

— Владыкѣ, говоритъ, буду жаловаться. Хочетъ въ другой монастырь проситься.

— Что-о! въ другой монастырь?

— Да-съ. Такъ разсуждала.

— Въ другой монастырь! А! ну, посмотримъ, какъ ее переведутъ въ другой монастырь. Разуй меня и иди спать,— добавила игуменья.

Лиза повернулась на кровати и шепнула:

— Вонъ оно, мѣщанство-то!

— Да, — также шопотомъ отвѣчала Женни, и дѣвушки, завернувшись въ одѣяло, обнялись другъ съ другомъ.

А мать Агнія тихо вошла, перекрестила ихъ, поцѣловала въ головы, потомъ тихо перешла за перегородку, упала на колѣни и начала читать положенную монастырскимъ уставомъ полунощницу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Родныя липы.

Село Мерево отстоитъ сорокъ верстъ отъ губернскаго города и семь отъ уѣзднаго, въ которомъ отецъ Гловацкій служитъ смотрителемъ уѣзднаго училища. Село Мерево стоитъ на самой почтовой дорогѣ. Въ немъ около двухсотъ крестьянскихъ дворовъ, каменная церковь и два помѣщичьи дома. Одинъ изъ господскихъ домовъ, построенный на крутомъ, обрывистомъ берегу рѣки, принадлежитъ вдовѣ камергера Мерева, а другой, утопающій въ зелени сада, разросшагося на роскошной почвѣ лугового берега рѣки Рыбницы, кавалерійскому полковнику и мѣстному уѣздному предводителю дворянства Егору Николаевичу Бахареву. Деревня вытянута по обѣ стороны рѣки, и какъ разъ про-

тивъ сада Бахаревыхъ, доходящаго до самаго берега, черезъ рѣку есть мостъ.

Былъ девятый часъ вечера. Если бъ я былъ поэтъ, да еще хорошій поэтъ, я бы непремѣнно описалъ вамъ, каковъ былъ въ этотъ вечеръ воздухъ и какъ хорошо было въ такое время сидѣть на лавочкѣ подъ высокимъ частоколомъ бахаревскаго сада, глядя на зеркальную поверхность тихой рѣки и запоздалыхъ овецъ, съ блеяніемъ перебѣгавшихъ по опустѣвшему мосту. Кругомъ тихо, тихо, и все надвигается сгущающійся сумракъ, а между тѣмъ какъ-то все видишь: только всѣ предметы принимаютъ какіе-то гигантскіе размѣры, какіе-то фантастическіе образы. Верстовой столбъ представляется великаномъ и совсѣмъ какъ будто идетъ, какъ будто вотъ-вотъ нагонитъ; надбрежная ракита смотритъ горою, и запоздалая овца, торопливо перебѣгающая по разошедшимся половицамъ моста, такъ хорошо и такъ звучно стучитъ своими копытками, что никакъ не хочется вѣрить, будто есть люди, равнодушные къ красотамъ природы, люди, способные то же самое чувствовать, сидя вечеромъ на каменномъ порожкѣ инвалиднаго дома, что̀ чувствуешь только припоминая эти милыя, теплыя ночи, когда и сонная рѣка, покрывающаяся туманной дымкой, колеблющаяся возлѣ вашихъ ногъ луговая травка и коростель, дерущій свое горло на противоположномъ косогорѣ, говорятъ вамъ: мы всѣ одно, мы всѣ природа, будемъ тихи теперь, теперь такая пора тихая. Въ деревняхъ мало такихъ индифферентныхъ людей и то, всего чаще, это бываютъ или барышни, или барыни. Деревенскій человѣкъ, какъ бы ни мала была степень его созерцательности, какъ бы ни велики были гнетущія его нужды и заботы, всегда чутокъ къ тому, что происходитъ въ природѣ. Никогда онъ утромъ не приметъ къ сердцу извѣстнаго вопроса такъ, какъ приметъ его въ густыя сумерки или въ палящій полдень.

Итакъ, подъ высокимъ частоколомъ бахаревскаго сада, надъ самою рѣкою, была прилажена длинная дощатая скамейка, на которой теперь сидитъ цѣлое общество. Егоръ Николаевичъ Бахаревъ, высокій, плотный мужчина, съ огромнѣйшими сѣдыми усищами, толстымъ славянскимъ носомъ, дѣтски веселыми и дѣтски простодушными голубыми глазами. На лѣвой щекѣ у него широкій бѣлый шрамъ отъ сабельнаго удара. Одѣтъ онъ въ голубую гусарскую

венгерку съ довольно полинялыми шнурами и въ форменной военной фуражкѣ. Онъ куритъ огромную нѣмецкую трубку, выпуская изъ-подъ своихъ сѣдыхъ, прокопченыхъ усищъ цѣлыя облака дыма, который по тихому вѣтерку прямо ползетъ на лицо сидящихъ возлѣ Бахарева дамъ и отъ котораго дамы, ничего не говоря, безцеремонно отмахиваются платками. Въ колѣняхъ у него сидитъ старая легавая сука, Сумбека, стоившая будто бы когда-то тысячу рублей, которую Егору Николаевичу нѣсколько разъ за нее даже и давали, но ни разу не дали. Бахаревъ сидитъ вторымъ отъ края; справа отъ него помѣщаются четыре женщины и въ концѣ ихъ одна стоящая фигура мужескаго рода, а слѣва сидитъ очень высокій и очень тонкій человѣкъ, одѣтый совершенно такъ, какъ одѣваются польскіе ксендзы: длинный черный сюртукъ до пятъ, черный двубортный жилетъ и черныя панталоны, заправленныя въ голенища козловыхъ сапожекъ, а по жилету часовой шнурокъ, сплетенный изъ русыхъ женскихъ волосъ. Онъ уже совсѣмъ сѣдъ, гладко выбритъ и коротко стрижется. Въ живыхъ черныхъ глазахъ этого лица видно много уцѣлѣвшаго огня и нѣжности, а характерные заломы въ углахъ тонкихъ губъ говорятъ о силѣ воли и сдержанности. Это смотритель уѣзднаго училища, Петръ Лукичъ Гловацкій. Возлѣ Гловацкаго, заложивъ за спину руки, стоитъ вольнонаемный конторщикъ, мѣщанинъ Наркизъ Ѳеодоровъ Перепелицынъ. Ему лѣтъ подъ пятьдесятъ, онъ полонъ, приземистъ, съ совершенно краснымъ лицомъ и синебагровымъ носомъ, вводящимъ всѣхъ въ заблужденіе насчетъ его склонности къ спиртнымъ напиткамъ, которыхъ Перепелицынъ не пилъ отъ роду. Онъ въ синемъ сюртукѣ, бѣломъ жилетѣ и штанахъ бланжеваго трико. Слѣва стоитъ законная супруга предводителя, пріобрѣтенная посредствомъ ночного похищенія, Ольга Сергѣевна, въ бѣломъ чепцѣ очень стараго и очень своеобычнаго фасона, въ марселиновомъ темненькомъ платьѣ безъ кринолина и въ большомъ красномъ французскомъ платкѣ, въ который она безпрестанно самымъ тщательнымъ образомъ закутывала съ головы до ногъ свою сухощавую фигурку. Рядомъ съ матерью сидитъ старшая дочь хозяевъ, Зинаида Егоровна, второй годъ вышедшая замужъ за помѣщика Шатохина, очень недурная собою особа съ блѣдно-сахарнымъ лицомъ и капризною

верхнею губкою; потомъ матушка попадья, — очень полная женщина въ очень узкомъ темненькомъ платьѣ, и ея дочь, очень тоненькая, миловидная дѣвушка въ очень широкомъ платьѣ, а, наконецъ, Соня Бахарева. Она нѣсколько похожа на сестру Зину и нѣсколько напоминаетъ Лизу, но все-таки она болѣе сестра Зины, чѣмъ Лизы. У нея очень хорошіе каштановые волосы и очаровательный свѣженькій ротикъ. Вообще, это барышня, какихъ много: существо мелочно-самолюбивое, тирански-жестокое и сентиментально-мечтательное. Такое существо, которое, пока растетъ, такъ ничего въ немъ нѣтъ, а вырастетъ — станетъ ни швецъ, ни жнецъ, ни въ дуду игрецъ. Противъ Сони и дочери священника сидитъ на зеленой муравкѣ человѣкъ лѣтъ двадцати восьми или тридцати; на немъ парусинное пальто, такія же панталоны и пикейный жилетъ съ турецкими букетами, а на головѣ ветхая студенческая фуражка съ голубымъ околышемъ и просаленнымъ днемъ. Это кандидатъ юридическихъ наукъ Юстинъ Феликсовичъ Помада. Наружность кандидата весьма симпатична, но очень непрезентабельна: онъ невысокъ ростомъ, сутулъ, съ широкою, впалой грудью, огромными руками и большою головою съ волосами самаго неопредѣленнаго цвѣта. Эта голова составляетъ самую рѣзкую особенность всей фигуры Юстина Помады: она у него постоянно какъ будто падаетъ и въ этомъ паденіи тянетъ его то въ ту, то въ другую сторону, безъ всякаго на то соизволенія ея владѣльца.

Все это общество, сидя противъ меревскаго моста, оживляло нашихъ героинь, и нѣкоторые изъ его членовъ уже начинали терять терпѣніе.

— Вѣрно, не пріѣдутъ сегодня, — замѣтила матушка попадья, опасаясь, чтобы батрачка безъ нея не поставила лишній неочередный кубанъ.

— Очень можетъ быть,—поддержала ее Ольга Сергѣевна, по мнѣнію которой ни одинъ разумный человѣкъ вечеромъ не долженъ былъ оставаться надъ водою.

— Вовсе этого не можетъ быть,—возразилъ Бахаревъ:— сестра пишетъ, что онѣ выѣдутъ тотчасъ послѣ обѣда; — значитъ, ужъ если считать самое позднее, такъ это будетъ часа въ четыре, въ пять. Тутъ около пятидесяти верстъ; ну, пять часовъ проѣдутъ и будутъ.

— А можетъ-быть раздумали, — слабо возразила Ольга Сергѣевна.

— Не можетъ этого быть, потому что это было бы глупо, а Агнія дурить не охотница.

— Въ дорогѣ что-нибудь могло случиться скорѣе, — проговорилъ сквозь зубы Гловацкій.

— Это такъ; это могло случиться: лошади и экипажъ сдѣлали большую дорогу, а у Никиты пустосвята вѣтеръ въ башкѣ ходитъ,—не осмотрѣлъ навѣрное.

— Верхового не послать ли-съ навстрѣчу? — предложилъ Перепелицынъ.

— Ну... подождемъ часочекъ еще: если не будетъ ихъ, тогда нужно будетъ послать.

— Чѣмъ посылать, такъ лучше жъ самимъ ѣхать,—опять процѣдилъ Гловацкій.

— И то правда. Только если мы съ Петромъ Лукичемъ уѣдемъ, такъ ты, Нарцизъ, смотри! Не моргай тутъ... дѣйствуй. Чтобъ все какъ говорилъ... понимаешь: хлопсъ-хлопсъ, и готово.

— Понимаю-съ.

— То-то, а то вѣдь тамъ, небось, въ носки жарятъ.

— Какъ можно-съ?

— Ну, да, толкуй: можно-съ... Эхъ, Зина, Алексѣя-то твоего нѣтъ!

— Да, нѣтъ,—простонала Зина.

— Чудакъ, право, какой! Семейная, можно сказать, радость, а онъ запропастился.

Зина глубоко вздохнула, склонила на бокъ головку и, скручивая пальчиками кисточку своей мантильи, печально обиженнымъ тономъ снова простонала:

— Я ужъ къ этому давно привыкла.

— Давно-о?—спросилъ старикъ.

— Да. Это всегда такъ. Стоитъ мнѣ пожелать чего-нибудь отъ мужа, и этого ни за что не будетъ.

— Что ты вздоръ-то говоришь, матушка! Алексѣй мужикъ добрый, честный, а ты ему жена, а не метресса какая-нибудь, что онъ тебѣ на зло все будетъ дѣлать.

— Какой ты странный, Егоръ Николаевичъ,—томно вмѣшалась Ольга Сергѣевна:—ужъ вѣрно женщина имѣетъ причины такъ говорить, когда говоритъ.

— Нѣтъ, это еще не вѣрно.

— Неужто же женщина, любящее, преданное, самоотверженное существо, станетъ лгать, выдумывать, клеветать на человѣка, съ которымъ она соединена неразрывными узами! Странны ваши сужденія о дочери, Егоръ Николаевичъ.

— А ваши еще страннѣе и еще вреднѣе. Дуйте, дуйте ей, сударыня, въ уши-то, что она несчастная, ну и въ самомъ дѣлѣ увидите несчастную. Москва вѣдь отъ грошовой свѣчи сгорѣла. Вы вотъ сегодня все выболтали ужъ, такъ и беретесь снова за старую пѣсню.

— Я не болтаю, какъ вы выражаетесь, и не дую никому въ уши, а я...

Но въ это время за горою послышались ритмическіе удары копытъ скачущей лошади и вслѣдъ за тѣмъ показался знакомый всадникъ, несшійся во весь опоръ къ спуску.

— Костикъ! — вскрикнулъ Бахаревъ, быстро поднимаясь въ тревогѣ со скамейки.

— Онъ-съ,—такъ же тревожно отвѣчалъ конторщикъ.

Всѣ встали съ своихъ мѣстъ и торопливо пошли къ мосту.

Между тѣмъ форейторъ Костикъ, проскакавъ половину моста, замѣтилъ господъ и, поднявъ фуражку, кричалъ:

— Ѣдутъ! ѣдутъ!

— Ѣдутъ? Гдѣ ѣдутъ? — спрашивалъ Бахаревъ, теряясь отъ волненія.

— Сейчасъ ѣдутъ, за меревскими овинами ужъ.

— А! за овинами... Боже мой!.. Смотри, Нарцизъ... ахъ, Боже...—и старикъ побѣжалъ рысью по мосту, вдогонку за Гловацкимъ, который уже шагалъ на той сторонѣ рѣки, наискось по направленію къ довольно крутому спиралеобразному спуску.

Дамы шли тоже такъ торопливо, что Ольга Сергѣевна, нѣсколько разъ споткнувшись на подолъ своего длиннаго платья, наконецъ пріостановилась и, обратясь къ младшей дочери, сказала:

— Мнѣ неловко совсѣмъ идти съ Матузалевной, понеси ее, пожалуйста, Сонечка. Да нѣтъ, ты ее задушишь; ты все это какъ-то такъ дѣлаешь, Богъ тебя знаетъ! Саша, дружочекъ, понесите, пожалуйста, вы мою Матузалевну.

Священническая дочь приняла изъ-подъ шали Ольги Сергѣевны бѣлую кошку и положила ее на свои руки.

— Осторожнѣй, дружочекъ, она не такъ здорова,—скоро-

говоркою добавила Ольга Сергѣевна и, приподнявъ передъ своего платья, засѣменила вдогонку за опередившими ее дочерьми и попадьею.

Кандидата уже не было съ ними. Увидѣвъ бѣгущихъ стариковъ, онъ самъ не выдержалъ и, не размышляя долго, во всѣ лопатки ударился навстрѣчу ѣдущимъ.

Три лица, бросившіяся на гору, всѣ разбились другъ съ другомъ. На половинѣ спуска, отдуваясь и качаясь отъ одышки, стоялъ Бахаревъ, стараясь разстегнуть скорѣе шнуры своей венгерки, чтобы вдохнуть болѣе воздуха; немного впереди его торопливо шелъ Гловацкій, но тоже безпрестанно спотыкался и задыхался. Немощная плоть стариковъ плохо повиновалась бодрости духа. Зато Помада, уже преодолѣвъ самую большую крутизну горы, настоящимъ орловскимъ рысакомъ несся по болѣе отлогой косинѣ верхней части спуска. Онъ ни на одно мгновенье не призадумался, что онъ скажетъ дѣвушкамъ, которыя его никогда не видали въ глаза и которыхъ онъ вовсе не знаетъ. Завидя впереди на дорогѣ двѣ бѣлѣвшіяся фигуры, онъ удвоилъ рысь и въ одно мгновеніе сталъ противъ дѣвушекъ, нѣсколько испуганныхъ и еще болѣе удивленныхъ его появленіемъ.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ, задыхаясь, и затѣмъ не могъ вспомнить ни одного слова.

— Здравствуйте,—растерянно отвѣчали дѣвицы.

Помада снялъ фуражку, обтеръ ея дномъ раскраснѣвшееся лицо и совсѣмъ растерялся.

— Кто вы?—спросила Лиза.

— Я?.. Тутъ ждутъ... идутъ вотъ сейчасъ... идите...

— Кто? гдѣ ждетъ?

— Ваши.

Дѣвушки пошли, за ними пошелъ молча Помада, а сзади ихъ, изъ-за перваго поворота спуска, заскрипѣлъ заторможеннымъ колесомъ тарантасъ.

— Евгенія! дочь! Женичка! — раздалось впереди, и изъ окружающей ночной темноты выдѣлилась длинная фигура.

Гловацкая отгадала отцовскій голосъ, вскрикнула, бросилась къ этой фигурѣ и, охвативъ своими античными руками худую шею отца, плакала на его груди тѣми слезами, которыми, по сказанію нашего народа, ангелы Божіи радуются на небесахъ. И ни Помада, ни Лиза, безотчетно остановив-

шіеся въ молчаніи при этой сценѣ, не замѣтили, какъ къ нимъ колтыхалъ ускореннымъ, но не скорымъ шагомъ, Бахаревъ. Онъ не могъ ни слова произнесть отъ удушья и, не добѣжавъ пяти шаговъ до дочери, сдѣлалъ надъ собой отчаянное усиліе. Онъ какъ-то прохрипѣлъ:—«Лизокъ мой!»—и, прежде чѣмъ дѣвушка успѣла сдѣлать къ нему шагъ, споткнулся и упалъ прямо къ ея ногамъ.

— Папа, милый мой, вы зашиблись?—спрашивала Лиза, наклонясь къ отцу и обнимая его.

— Нѣтъ... ничего... споткнулся... старъ становлюсь,—лепеталъ эксъ-гусаръ голосомъ, прерывающимся отъ радостныхъ слезъ и удушья.

— Вставайте же, милый вы мой.

— Постой... это ничего... дай мнѣ еще поцѣловать твои ручки, Лизокъ... Это... ничего... охъ!

Бахаревъ стоялъ на колѣняхъ на пыльной дорогѣ и цѣловалъ дочернины руки, а Лиза, опустившись къ нему, цѣловала его сѣдую голову. Обѣ пары давно-давно не были такъ счастливы и обѣ плакали. Между тѣмъ подошли дамы, и пріѣзжія дѣвушки стали переходить изъ объятій въ объятія. Старики, прійдя въ себя послѣ перваго волненія, обняли другъ друга, поцѣловались, опять заплакали, и все общество, осыпая другъ друга разспросами, шумно отправилось подъ гору. Внѣ всякой радости и внѣ всякаго вниманія оставался одинъ Юстинъ Помада, шедшій нѣсколько въ сторонѣ, пошевеливая по временамъ свою пропотѣвшую подъ масляной фуражкой куафюру.

У самаго моста, гдѣ кончался спускъ, общество нагнало тарантасъ, возлѣ котораго стояла Марина Абрамовна, глядя, какъ Никитушка отцѣплялъ отъ колеса тормозъ, прилаженный еще по допотопному манеру.

— Здорово, ребятки!—крикнулъ Егоръ Николаевичъ, поровнявшись съ тарантасомъ.

— Здравствуйте, батюшка Егоръ Николаевичъ,—отозвались Никитушка и Марина Абрамовна, устремляясь поцѣловать барскую руку.

— Здравствуй, Марина Мнишекъ, здравствуй, Никита Пустосвятъ,—говорилъ Бахаревъ, цѣлуясь съ слугами.—Какъ ѣхали?

— Ничего, батюшка, ѣхали слава Богу.

— Ну, ѣхали, такъ и поѣзжайте. Маршъ! — скомандовалъ онъ.

Тарантасъ поѣхалъ, стуча по мостовинамъ; господа пошли сбоку его по лѣвую сторону, а Юстинъ Помада съ неопредѣленнымъ чувствомъ одиночества, неумолчно вопіющимъ въ человѣкѣ при видѣ людского счастія, безотчетно перешелъ на другую сторону моста и, крутя у себя передъ носомъ сорванный стебелекъ подорожника, брелъ одиноко, смотря на мѣрную выступку усталой пристяжной.

«Что жъ,—размышлялъ самъ съ собою Помада.—Стоитъ вѣдь вытерпѣть только. Вѣдь не можетъ же быть, чтобъ на мою долю таки-такъ ужъ никакой радости, никакого счастья. Отчего?.. Жизнь, люди, встрѣчи, вѣдь разныя встрѣчи бываютъ!.. Случай какой-нибудь неожиданный... вѣдь бываютъ же всякіе случаи...»

Эти размышленія Помады были неожиданно прерваны молніей, блеснувшей справа изъ-за частокола бахаревскаго сада и раздавшимся тотчасъ же залпомъ изъ пяти ружей. Лошади храпнули, метнулись въ сторону и прежде чѣмъ Помада могъ что-нибудь сообразить, взвившаяся на дыбы пристяжная подобрала его подъ себя и, обломивъ утлыя перила, вмѣстѣ съ нимъ свалилась съ моста въ рѣку.

— Что такое? что такое? Рѣжьте скорѣй постромки!— крикнулъ Бахаревъ, подскочивъ къ испуганнымъ лошадямъ и держа за поводъ дрожащую коренную, между тѣмъ какъ упавшая пристяжная барахталась, стоя по брюхо въ водѣ, съ оторваннымъ поводомъ и одною только постромкою. Набѣжали люди, благополучно свели съ моста тарантасъ и вывели, не входя вовсе въ воду, упавшую пристяжную.

— Водить ее, водить теперь, гонять; она напилась воды горячая!—кричалъ старый кавалеристъ.

— Слушаемъ, батюшка, погоняемъ.

— Слушаемъ! что надѣлали? Черти?

— Мы, Егоръ Николаевичъ, выслушамши ваше приказаніе...

— Что приказаніе?—кричалъ разсерженный и сконфуженный старикъ.

— Такъ какъ было ваше на то приказаніе.

— Какое мое приказаніе? Такого приказанія не было.

— Выпалить приказывали-съ.

— Выпалить,—ну, что же! Гдѣ я приказывалъ выпалить? Я приказалъ салютъ сдѣлать, какъ съ моста съѣдутъ, а вы...

— Не спопашились, Егоръ Николаевичъ.

Тѣмъ и кончилось дѣло на чистомъ воздухѣ. Въ большой свѣтлой залѣ сконфуженнаго Егора Николаевича встрѣтилъ улыбающійся Гловацкій.

— Ну, что, обморокъ небось?—спросилъ его вполголоса Бахаревъ.

— Ничего, ничего,—отвѣчалъ Гловацкій:—все ужъ прошло; дѣти умываться пошли. Все прошло.

— Ну-у,—Бахаревъ перекрестился, и проговорилъ:—слава въ вышнихъ Богу, что на землѣ миръ,—бросилъ на столъ свою фуражку.

— Угораздило же тебя выдумать такую штуку; хорошо, что тѣмъ все и кончилось,—смѣясь, замѣтилъ Гловацкій.

— И не говори лучше! Чортъ ихъ зналъ, что они и этого не сумѣютъ.

— Да этого нужно было ожидать.

— Ну, полно,—знаешь: и на Машку бываетъ промашка. Пойдемъ-ка къ дѣтямъ. А дѣти-то!

— Что дѣти?

— Большія совсѣмъ.

— Дождались, Петръ Пустынникъ.

— Дождались, драбантъ, дождался.

Старики пошли коридоромъ на женскую половину и просидѣли тамъ до полночи. Въ двѣнадцать часовъ поужинали, повторивъ полный обѣдъ, и разошлись спать по своимъ комнатамъ. Во всемъ домѣ разомъ погасли всѣ огни и всѣ заснули мертвымъ сномъ, кромѣ одной Ольги Сергѣевны, которая долго молилась въ своей спальнѣ, потомъ внимательно осмотрѣла въ ней всѣ закоулочки и, отзыбнувъ дверь въ комнату пріѣхавшихъ дѣвицъ, тихонько проговорила:

— Лизочка, нѣтъ ли у тебя моей Матузалевны?

Но Лизочка уже спала, какъ убитая, и, къ крайнему затрудненію матери, ничего ей не отвѣтила.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Университетскій антикъ прошлаго десятилѣтія.

Какъ только кандидатъ Юстинъ Помада пришелъ въ состояніе, въ которомъ былъ способенъ сознать, что въ

самомъ дѣлѣ въ жизни бываютъ неожиданные и довольно странные случаи, онъ отодвинулся отъ мокрой сваи и хотѣлъ идти къ берегу, но жестокая боль въ плечѣ и въ боку тотчасъ же остановила его. Онъ снова охватилъ ослизшую, мокрую сваю и, прислонясь къ ней лбомъ, остановился въ почти безчувственномъ состояніи. Платье его было все мокро; онъ стоялъ въ холодной водѣ по самый животъ, и ноги его крѣпко увязли въ илистой грязи, покрывающей дно Рыбницы. На небѣ начинало сѣрѣть и по водѣ заклубился легонькій парокъ. Помада дрожалъ всѣмъ тѣломъ и не могъ удержать прыгающихъ челюстей; а въ головѣ у него и стучало, и звенѣло, и все сознавалось какъ-то смутно и неясно. Бѣднякъ то забывался, то снова вспоминалъ, что онъ въ рѣкѣ, изъ которой ему надо выйти и идти домой. Но тутъ, при первой же попыткѣ вывязить затянутыя иломъ ноги, несносная боль снова останавливала его, и онъ снова забывался. Наконецъ, кандидатъ собралъ свои послѣднія силы и, не покидая сваи, началъ истихоньку высвобождать свои ноги. Мало-по-малу онъ вытянулъ изъ ила одну ногу, потомъ другую, и наконецъ, стиснувъ отъ боли зубы, сдѣлалъ одинъ шагъ, потомъ ступилъ еще десять шаговъ и выбрелъ на берегъ. Ступивъ на землю, Помада остановился, потрогалъ себя за лѣвое плечо, за ребра и опять двинулся; но, дойдя до моста, снова остановился. Оглянувъ свой костюмъ и улыбнувшись, Помада проговорилъ:

— Какъ есть чортъ изъ болота, — и, вздохнувъ, поплелся по направленію къ дому камергерши Меревой.

На господскомъ дворѣ еще все спало. Только старая легавая собака, стоявшая у коновязи, передъ которою чистили лошадей, увидя входящаго кандидата, зѣвнула, сгорбилась, потомъ вытянулась и опять стала укладываться, выбирая посуше мѣстечко на росной травѣ. Дворъ, принадлежащій къ дому камергерши, былъ не изъ модныхъ, не изъ новыхъ помѣщичьихъ дворовъ. Онъ былъ очень великъ, но со всѣхъ сторонъ обнесенъ различными хозяйственными строеніями. Большой одноэтажный домъ, немножко похожій снаружи на уѣздную городскую больницу, занималъ почти цѣлую сторону этого двора. Окна парадныхъ комнатъ дома выходили на гору, на которой былъ разбитъ новый англійскій садъ, и подъ ней катилась свѣтлая Рыбница, а всѣ жилыя и

вообще непарадныя комнаты смотрѣли на дворъ. Тутъ же со двора были построены въ рядъ четыре подъѣзда: парадный, съ котораго былъ ходъ на мужскую половину, женскій чистый, женскій черный и, наконецъ, такъ-называемый ковровый подъѣздъ, которымъ ходили въ комнаты, занимаемыя постоянно швеями, кружевницами и коверщицами, экстренно—гостями женскаго пола и приживалками. По лѣвой сторонѣ двора, прямо противъ воротъ, тянулся рядъ службъ; тутъ были конюшни, денники, сараи, ледникъ, погребъ и нѣсколько амбаровъ. Какъ разъ противъ дома, по ту сторону двора, тянулась длинная рѣшетка, отгораживавшая дворъ отъ стараго сада, а съ четвертой стороны двора стояла кухня, прачечная, людская, контора, ткацкая и столярная. Всѣ эти заведенія помѣщались въ трехъ флигеляхъ, по два въ каждомъ. Всѣ три флигеля были, что называется, ростъ въ ростъ, колосъ въ колосъ и голосъ въ голосъ. Фундаменты сѣрые, стѣны желтыя, оконницы бѣлыя, крыши красныя. Три окна въ рядъ, посрединѣ крыльцо, и опять три окна.

Въ одномъ изъ этихъ флигелей обиталъ Юстинъ Помада. Онъ занималъ два дощатые чуланчика въ флигелѣ, вмѣщавшемъ контору и столярную.

Стоитъ разсказать, какъ Юстинъ Помада попалъ въ эти чуланчики, а при этомъ разсказать кое-что и о прошедшемъ кандидата, съ которымъ мы еще не разъ встрѣтимся въ нашемъ романѣ.

Юстинъ Помада происходилъ отъ польскаго шляхтича Феликса Антонова Помады и его законной жены Констанціи Августовны Помады. Отецъ кандидата, прикосновенный какимъ-то бокомъ къ польскому возстанію 1831 года, былъ сосланъ съ женою и малолѣтнимъ Юстиномъ въ одинъ изъ великороссійскихъ губернскихъ городовъ. Феликсъ Помада былъ человѣкъ очень добрый, но довольно пустой. Долго онъ не находилъ себѣ въ ссылкѣ никакого занятія. Наконецъ-то, наконецъ онъ какъ-то опредѣлился писаремъ въ магистратъ и побиралъ тамъ маленькія, невинныя взяточки, которыя, не столько по любви къ пьянству, сколько по слабости характера, тотчасъ же послѣ присутствія пропивалъ съ своими магистратскими товарищами въ трактирѣ «Адріанополь» купца Лямина. Всю семью содержала мать Юстина. Молодая, еще очень хорошенькая женщина и очень

нѣжная мать, Констанція Помада съ горемъ видѣла, что на мужа ни ей, ни сыну надѣяться нечего, сообразила, что слезами здѣсь ничему не поможешь, а жалобами еще того менѣе и стала изобрѣтать себѣ профессію. Она умѣла довольно скоро и бойко играть на фортепіано легкія вещицы, и особенно знала танцовальную музыку: это она и сдѣлала своимъ ремесломъ. Днями она бѣгала по купеческимъ домамъ, давая полтинные уроки толстоногимъ дщерямъ русскаго купечества, а по вечерамъ часто играла за два цѣлковыхъ на балахъ и танцовальныхъ вечеринкахъ у того же купечества и вообще у губернскаго demi-mond'a. Въ городѣ даже славились ея мазурки и у нея постоянно было столько работы, что она однѣми своими руками могла пропитать пьянаго мужа и маленькаго Юстина. По одиннадцатому году, она записала сына въ гимназію и содержала его всѣ семь лѣтъ до окончанія курса, освобождаясь по протекціи предводителя только отъ взноса пяти рублей въ годъ за сынино ученіе. Феликсъ Помада умеръ отъ перепоя, когда сынъ его былъ еще въ третьемъ классѣ; но его смерть не произвела никакого ущерба въ труженическомъ бюджетѣ вдовы, и она, собирая зернышко къ зернышку, успѣла накопить около ста рублей, назначавшихся на отправку Юстина въ харьковскій университетъ. Въ Харьковѣ у вдовы былъ братъ, служившій чѣмъ-то по винному откупу. Къ нему и былъ отправленъ восемнадцатилѣтній Юстинъ съ гимназическимъ аттестатомъ, письмомъ, облитымъ материнскими слезами, ста рублями и тысячью благословеній. Проводивъ сына, мать Помады взяла квартирку еще потѣснѣе и еще болѣе обрѣзала свои расходы. Все она гоношила, чтобы хоть время отъ времени послать что-нибудь своему милому Юськѣ. Но не велики были и вообще-то ея достатки, а съ отъѣздомъ Юстина они и еще стали убавляться. Молодое купечество и юный demi-monde стали замѣчать, что «нортится Помада; выдохлась», что нѣтъ въ ея игрѣ прежней удали, прежняго огня. И точно, словно какіе-то болѣзненные стоны прорывались у нея иной разъ въ самыхъ отчаянныхъ и самыхъ залихватскихъ любовныхъ мазуркахъ танцоровъ, а къ тому же еще въ городъ пріѣхалъ молодой таперъ-нѣмецъ; началась конкуренція, отодвинувшая вдову далеко на задній планъ, и она черезъ два года послѣ отъѣзда Юстина тихо скончалась, шепча горячую молитву за

сына. Юстину въ Харьковѣ жилось трудно, но занимался онъ съ страшнымъ усердіемъ. Юридическій факультетъ, по которому онъ подвизался, въ то время въ Харьковѣ былъ изъ рукъ вонъ плохъ, и Юстинъ Помада долженъ былъ многое брать самъ, копаясь въ источникахъ. Жилъ онъ у дяди въ каморкѣ, иногда обѣдалъ, а иногда нѣтъ, участія не видалъ ни отъ кого и былъ постояннымъ предметомъ насмѣшекъ за свою неуклюжесть и необычайную влюбчивость, обыкновенно весьма неудачную. Уроковъ Помада никакъ не могъ набрать и имѣлъ только два урока въ домѣ богатаго купца Конопатина, который платилъ ему восемь рублей въ мѣсяцъ за работу съ восемью безтолковыми ослятами.

Это составляло всѣ доходы Помады, и онъ былъ весьма этимъ доволенъ. Онъ былъ, впрочемъ, вѣчно всѣмъ доволенъ, и это составляло, въ одно и то же время, и отличительную черту его характера, и залогъ его счастья въ несчастіи.

Юстинъ Помада только одинъ разъ горевалъ во все время университетскаго курса. Это было, когда онъ получилъ отъ стараго друга своей матери письмо за черной печатью, а тяжелой посылкой образокъ Остробрамской Божіей Матери, Которой его поручала, умирая, покойная страдалица. Но потомъ опять все пошло своимъ порядкомъ по-старому. Юстинъ Помада ходилъ на лекціи, давалъ уроки и былъ снова тѣмъ же дѣтски-наивнымъ и безпечнымъ «Корнишономъ», какимъ его всегда знали товарищи, давшіе ему эту кличку. Въ основѣ его безпечности лежала непоколебимая вѣра въ судьбу, поддерживавшая въ немъ самыя неясныя и самыя смѣлыя надежды.

— Все это вздоръ передъ вѣчностью, — говорилъ онъ товарищамъ, указывавшимъ ему на худой сапогъ или лопнувшій подъ мышкою сюртукъ.

Помада оставался спокойнымъ даже тогда, когда инспекторъ, завидѣвъ его лопнувшій сюртукъ, командовалъ ему:

— Извольте отправиться на двое сутокъ въ карцеръ за этотъ безпорядокъ.

Такъ Юстинъ Помада окончилъ курсъ и получилъ кандидатскій дипломъ.

Надо было куда-нибудь пристраиваться. На первый разъ это очень поразило Помаду. Потомъ онъ и здѣсь успокоился,

рѣшилъ, что пока онъ еще поживетъ уроками, «а тѣмъ временемъ что-нибудь да подвернется».

И точно, «тѣмъ временемъ» подвернулась вотъ какая оказія. Встрѣтилъ Помаду на улицу тотъ самый инспекторъ, который такъ часто сажалъ его въ карцеръ за прорванный подъ мышками сюртукъ, да и говоритъ:

— Не хотите ли вы мѣста брать? Очень, очень хорошее мѣсто: у очень богатой дамы одного мальчика приготовить въ пажескій корпусъ.

Юстинъ Помада такъ и подпрыгнулъ. Не столько его обрадовало мѣсто, сколько нечаянность этого предложенія, въ которой онъ видѣлъ давно ожидаемую имъ заботливость судьбы. Мѣсто было точно хорошее: Помадѣ давали триста рублей, помѣщеніе, прислугу и все содержаніе у помѣщицы, вдовы камергера, Меревой. Онъ мигомъ собрался и «пошилъ» себѣ «цивильный» сюртукъ, «брюндели», пальто и отправился, какъ говорятъ въ Харьковѣ, «въ Россію», въ извѣстное намъ село Мерево.

Это было за семь лѣтъ передъ тѣмъ, какъ мы встрѣтились съ Юстиномъ Помадою подъ частоколомъ бахаревскаго сада.

Два года промелькнули для Помады какъ одинъ день счастливый. Другой, въ его положеніи, можетъ-быть, нашелъ бы много непріятнаго, другого задѣвали бы и высокомѣрное, нѣсколько презрительное третированіе камергерши, и совершенное игнорированіе его личности жирнымъ управителемъ изъ дворовыхъ, и холопское нахальство камергерской прислуги, и неумѣстныя шутки барченка, но Помада ничего этого не замѣчалъ. Его плѣняли поля, то цвѣтущія и колеблющіяся переливами зрѣющихъ хлѣбовъ, то блестящія дѣвственною чистотою бѣлаго снѣга, и онъ жилъ да поживалъ, любя эти поля и читая получавшіеся въ камергерскомъ домѣ, по заведенному изстари порядку, журналы, которыхъ, тоже по изстари заведенному порядку, никто въ цѣломъ домѣ никогда не читалъ. А «тѣмъ временемъ» ученикъ Помады пришелъ въ подобающій возрастъ, и толстый управитель сталъ собираться въ Петербургъ для представленія его въ пажескій корпусъ. Старуха камергерша давно никуда не выѣзжала и почти никого не принимала къ себѣ, находя всѣхъ сосѣдей людьми, недостойными ея знакомства. Съ нею жили три компань-

онки, внучекъ, котораго приготовлялъ къ корпусу Помада, и внучка, дѣвочка лѣтъ семи. Мать этихъ дѣтей, разставшись съ мужемъ, вѣтрилась гдѣ-то за границей и о ней здѣсь никто не думалъ.

Съ отъѣздомъ ученика въ Питеръ, Помада было опять призадумался, что съ собой дѣлать, но добрая камергерша позвала его какъ-то къ себѣ и сказала:

— Monsieur Pomada! Если вы не имѣете никакихъ опредѣленныхъ плановъ насчетъ себя, то не хотите ли вы пока заняться съ Леночкой? Она еще мала, серьезно учить ее рано еще, но вы можете ее такъ, шутя... ну, понимаете... поучивать, читать ей чистописаніе... Я, право, дурно говорю по-русски, но вы меня понимаете?

Помада отозвался, что совершенно понимаетъ, и остался читать дѣвочкѣ чистописаніе.

«А тѣмъ временемъ,—думалъ онъ,—что-нибудь и опять трафится».

Такъ опять уплылъ годъ и другой, и Юстинъ Помада все читалъ чистописаніе. Въ это время камергерша только два раза имѣла съ нимъ разговоръ, касавшійся его личности. Въ первый разъ, черезъ годъ послѣ отправленія внучка, она объявила Помадѣ, что она приказала управителю расчесть его за прошлый годъ по сту пятидесяти рублей, прибавивъ при этомъ:

— Вы сами, monsieur Помада, знаете, что за Леночку нельзя платить столько, сколько я платила за Теодора.

А во второй разъ, опять черезъ годъ, она сказала ему, что намѣрена освѣжить стѣны въ домѣ новыми бумажками и потому проситъ его перейти на нѣкоторое время въ конторскій флигель. Юстина Помаду перевели въ два дощатые чулана, устроенные при столярной въ конторскомъ флигелѣ, и такъ онъ тутъ и остался на застольной, несмотря на то, что стѣны его бывшихъ комнатъ въ домѣ уже второй разъ подговаривались, чтобы ихъ послѣ трехъ лѣтъ снова освѣжили бумажками. А «тѣмъ временемъ» въ село перевели новаго священника съ молодой дочкой. Бахаревъ лѣтомъ сталъ жить въ деревнѣ, Помада познакомился съ нимъ на охотѣ и сдѣлался ежедневнымъ посѣтителемъ бахаревскаго дома. И семья священника, и семья Бахарева не питали къ Помадѣ особеннаго расположенія, но привыкли къ нему какъ-то и считали его своимъ человѣкомъ. Помада

былъ этимъ очень доволенъ и, по нѣжности своей натуры, на-смерть привязался ко всѣмъ членамъ этихъ семействъ совершенно безразличною привязанностью. Онъ любилъ и самого прямодушнаго Бахарева, и его пискливую половину, и слабонервную Зину, и пустую Софи, и матушку попадью, и веселаго отца Александра, посвящавшаго все свое свободное время изобрѣтенію perpetuum mobili. Особымъ расположеніемъ Помады пользовался только одинъ уѣздный врачъ, Дмитрій Петровичъ Розановъ, лѣкарь cum euximia laude. Онъ былъ лѣтъ на пять старѣе кандидата, составилъ себѣ въ уѣздѣ весьма мудреную репутацію и имѣлъ неотразимый авторитетъ надъ Юстиномъ Помадой. Помада часто съ нимъ спорилъ и возмущался противъ его «грубыхъ положеній», но очень хорошо зналъ, что послѣ его матери Розановъ единственное лицо въ мірѣ, которое его любитъ, и самъ любилъ его безъ мѣры. Управитель ненавидѣлъ Помаду Богъ вѣсть за что, и дворня его тоже не любила. Даже столярный ученикъ, пятнадцатилѣтній мальчикъ Епифанька, отряженный для услугъ Помадѣ, ненавидѣлъ его отъ всего сердца и повиновался только изъ страха, что неравно наѣдетъ лѣкарь и оттаскаетъ его, Епифаньку, за виски. Кого бы вы ни спросили о Помадѣ, какой онъ человѣкъ,—старъ и малъ отвѣтитъ только: «такъ, изъ поляковъ», и словно въ этомъ «изъ поляковъ» высказывалось категорическое обвиненіе Помады въ такомъ проступкѣ, послѣ котораго о немъ ужъ и говорить не стоило. А въ существѣ-то Помаду никакъ нельзя было и назвать полякомъ. Выросши въ Россіи и воспитавшись въ русскихъ училищахъ, онъ былъ совершенно русскій и даже самъ не считалъ себя полякомъ. Отецъ на него не имѣлъ никакого вліянія, и если что въ немъ отражалось отъ его дѣтской семейной жизни, то это развѣ вліяніе матери, которая жила вѣчными упованіями на справедливость рока.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранила все дѣтскую вѣру.

Но какъ бы тамъ ни было, а только Помаду въ меревскомъ дворѣ такъ ни за что, ни про что, а никто не любилъ. До такой степени не любили его, что когда онъ, протащившись мокрый по двору, простоналъ у двери: «отворите,

Бога ради, скорѣе», столяръ Алексѣй, слышавшій этотъ стонъ съ перваго раза, заставилъ его простонать еще десять разъ, прежде чѣмъ протянулъ съ примостка руку и отсунулъ клямку.

— Епифаньку, сдѣлай милость, пошли, Алексѣй, — простоналъ снова Помада, перенося за порогъ ногу.

— Спитъ Епифанька. Гдѣ теперь вставать ребенку,— отвѣчалъ столяръ, посылающій этого же Епифаньку ночью за шесть верстъ къ своей разлапушкѣ.

— Побуди, Бога ради,—я расшибся на-смерть.

— Гдѣ такъ?

— О, Господи! Да полно тебѣ разспрашивать, — побуди, говорю.

Столяръ сталъ чесаться, а Помада вошелъ въ свои апартаменты.

Въ первой комнатѣ, имѣвшей три шага въ квадратѣ, у него стоялъ ушатъ съ водой, плетеный стулъ съ продавленной плетенкой и мочальная швабра. Тутъ же выходило устье варистой печи, задернутое полоской диконькаго, пестраго ситца, навѣшеннаго на шнурочкѣ. Во второй комнатѣ стояла желтая, деревянная кроватка, покрытая кашемировымъ одѣяломъ, съ одною подушкою въ довольно грязной наволочкѣ, черный столикъ съ большою круглою чернильницею синяго стекла, полки съ книгами, три стула и старая, довольно хорошая отоманка, на которой обыкновенно, заѣзжая къ Помадѣ, спалъ лѣкарь Розановъ.

Кандидатъ, какъ вошелъ, такъ и упалъ на кровать и громко вскрикнулъ отъ ужасной боли въ плечѣ и колѣнѣ.

Долго лежалъ онъ, весь мокрый, охая и стоная, прежде чѣмъ на порогѣ показался Епифанька и недовольнымъ тономъ пробурчалъ:

— Что вамъ нужно?

— Гдѣ ты бываешь, паршивый? — сквозь зубы проговорилъ Помада.

— Гдѣ? Напрасно не сидѣлъ для васъ всю ночь.

— Стащи съ меня сапоги.

Мальчикъ глянулъ на сапоги и сказалъ:

— Гдѣ это такъ вобрались?

— Я расшибся; потише, Бога ради.

Вволю накричался Помада, пока его раздѣлъ Епифанька, и упалъ безъ памяти на жесткій тюфякъ.

Въ обѣдъ пришла костоправка, старушка - однодворка. Стали будить Помаду, но онъ ничего не слыхалъ. У него былъ глубокій обморокъ, вслѣдъ за которымъ почти непосредственно начался жестокій бредъ и страшный пароксизмъ лихорадки.

Такое состояніе у больного не прекращалось цѣлыя сутки; костоправка растерялась и не знала, что̀ дѣлать. На другое утро доложили камергершѣ, что учитель ночью гдѣ-то расшибся и лежитъ теперь безъ ума, безъ разума. Та испугалась и послала въ городъ за Розановымъ, а между тѣмъ старуха, не предвидя никакой возможности разобрать, что̀ дѣлается въ плечевомъ сочлененіи подъ высоко-поднявшеюся опухолью, все «вспаривала» больному плечо разными травками да муравками. Не нашли Розанова въ городѣ, — былъ гдѣ-то на слѣдствіи, а Помада все оставался въ прежнемъ состояніи, переходя изъ лихорадки въ обморокъ, а изъ обморока въ лихорадку. И страшно стоналъ онъ, и хотѣлось ему метаться, но при первомъ движеніи нестерпимая боль останавливала его, и онъ снова впадалъ въ безпамятство.

На третьи сутки, въ то самое время, какъ Егоръ Николаевичъ Бахаревъ, возсѣдая за прощальнымъ завтракомъ, по случаю отъѣзда Женни Гловацкой и ея отца въ уѣздный городокъ, вспомнилъ о Помадѣ, Помада въ первый разъ пришелъ въ себя, открылъ глаза, повелъ ими по комнатѣ и, посмотрѣвъ на костоправку, заснулъ снова. До вечера онъ спалъ спокойно, и вечеромъ, снова проснувшись, попросилъ чаю.

Ему подали чай, но онъ не могъ поднять руки, и старуха поила его съ блюдца.

— Что̀, Николавна? — проговорилъ онъ, обращаясь къ давно ему знакомой костоправкѣ.

— Что, батюшка?

— Худо мнѣ, Николавна.

— Ничего, батюшка, пройдетъ,—и не то, да проходитъ.

— А что у меня такое?

— Ничего, родной.

— Сломано что, или свихнуто?

— Опухъ очень большой, кормилецъ, ничего знать подъ нимъ, подъ опухомъ-то, нельзя.

— Гдѣ опухоль?—тихо спросилъ Помада.

— Да вотъ плечико-то, видишь, какъ разнесло.

— А!

— Да, вздумались все.

Больной снова завелъ глаза, но ему ужъ не спалось.

— Николавна!—позвалъ онъ.

— Что, батюшка?

— Ты за мной хорошо глядѣла?

— Какъ же не глядѣть!

— То-то. Я тебя за это награждать желаю.

— Спасибо, кормилецъ. Я здли всякаго, здли всякаго завсегда готова, что только могу...

— Я тебѣ штаны подарю,—тихо перебилъ ее съ легкой улыбкой Помада.

— Штаны-ы?—спросила старуха.

— Да. Суконныя,—важныя штаны, со штрипками.

— На что мнѣ твои штаны?

— Зимой будешь ходить. Я тебя научу, что тамъ передѣлать придется. Теплынь будетъ!

— Охъ ты!

— Чего?

— Полно. Нѣтъ я изъ корысти какой! А то взаправду хоть и подари: я себѣ безрукавочку такую, курточку сошью; подари. Только я, вѣдь, не изъ-за этого. Я что умѣю, тѣмъ завсегда готова.

— Да жаль, что ничего не умѣешь-то.

— Ну,—что умѣю, родной.

— Да что жъ умѣешь? Вонъ видишь, говоришь: «опухъ великъ», ничего не разберешь, значитъ.

— Точно, опухъ ужъ очень вздулся, великъ.

— Ахъ!

Помада вздохнулъ и хотѣлъ повернуться лицомъ къ стѣнѣ, но боль его удержала и онъ снова остался въ прежнемъ положеніи.

Наступила и ночь темная. Старуха зажгла свѣчечку и усѣлась у столика. Помада вспомнилъ мать, ея ласки теплыя, веселую жизнь университетскую, и скучно, скучно ему становилось.

«Что же это, однако, будетъ со мной?» — думалъ онъ и спросилъ:

— А что со мною будетъ, Николавна?

— Ничего, милый, — дохтарь завтра, баютъ, пріѣдетъ. Онъ сичасъ узнаетъ.

— Онъ, значитъ, больше твоего знаетъ?

— Ну,—ученые люди, или мы?

— А ты-то что со мной дѣлала?

— Вспаривала,—что жъ еще дѣлать? Опухъ великъ, ничего нельзя дѣлать.

— Сѣномъ парила?

— Нѣтъ, травками.

— То-то, изъ сѣна?

— Все-то ты пересмѣшничаешь надо мной.

— Да развѣ не все равно травы, что у тебя, что на сѣнникѣ?

Старуха сощипнула со свѣчи, потомъ потянула губы, потомъ вздохнула и проговорила:

— Нѣтъ, милый, есть травы тоже рѣдкія.

— Да ты-то ихъ, Николавна, не знаешь?

— Ну, какъ не знать!

— Ну, разскажи, какія ты знаешь травы рѣдкія-то, что въ сѣнѣ ихъ нѣтъ?

— Что въ сѣнѣ-то нѣтъ! Мало ли ихъ!

— Ну!

— Да мало ли ихъ!

— Да ну же, разскажи, Николавна,—спать не хочется.

— Ну, вотъ тебѣ хошь бы первая теперь трава есть, называется коптырь-трава, растетъ она корешкомъ вверхъ.

Помада засмѣялся и охнулъ.

— Чего ты?

— Ну, какая трава корешкомъ вверхъ можетъ расти?

— А вотъ же растетъ и цвѣты у нея подъ землей цвѣтутъ.

Помада опять охнулъ и махнулъ рукой, удерживая смѣхъ, причинявшій ему боль.

— Что? не вѣришь? А полисада-трава вонъ и совсѣмъ безъ корня.

— Полно, Николавна,—не смѣши.

— Я и не на смѣхъ это говорю. Есть всякія травы. Напримѣръ, теперь, кто хорошо знается, опять находятъ лепестанъ-траву. Такая мокрая трава называется. Что ты ее больше сушишь, то она больше мокнетъ.

— Охъ, будетъ, Николавна, — вздоръ какой ты разсказываешь.

— Нѣтъ, другъ ты мой, не вздоръ это, не вздоръ. Есть всякія травы на свѣтѣ. Есть и въ травахъ-то своя разница. Иная трава больше стоитъ у Господа, а другая — меньше. Иная одно опредѣленіе отъ Бога имѣетъ, а иная и два, и три, и нѣсколько. Есть вотъ трава, такъ называется Адамова голова. Растетъ она возлѣ сильныхъ, рамедныхъ болотъ кустиками, по пяти и по девяти листовъ. Растетъ она въ четыре вершка, вотъ эстакенькая вотъ будетъ. — Старуха показала вершка четыре отъ столика. — Твѣтъ у этой у травы алый, алый, въ родѣ даже какъ синій. И когда она расцвѣтетъ, страсть тутъ какъ хороша бываетъ. И этую траву рвутъ со крестомъ, говоря Отчу и помилуй мя, Боже, — или же какихъ другихъ тридцать молитвъ святыхъ. Этой-то вотъ травой что можно сдѣлать на свѣтѣ! Все ею можно сдѣлать. Этой травой пользуютъ испорченнаго человѣка, или у кого нѣтъ плоду дѣтямъ, то дать той женщинѣ пить,—сейчасъ отъ этого будетъ плодъ. Если жъ опять кто хочетъ видѣть дьявола, то пусть возьметъ онъ корень этой травы и положитъ его на сорокъ дней за престолъ, а потомъ возьметъ, ушьетъ въ ладанку, да при себѣ и носитъ,—только чтобъ во всякой чистотѣ,— то и увидитъ онъ дьяволовъ воздушныхъ и водяныхъ... Или опять на случай пріостановленія мельницы, то вода остановится, гдѣ только пожелаешь. Это трава богатая, любимая у Бога травка, и называется эта травка во всѣхъ травахъ царь... Спишь, родной?

Старуха нагнулась къ больному, который сладко уснулъ подъ ея говоръ, перекрестила его три раза древнимъ большимъ крестомъ и, свернувшись ежичкомъ на отоманкѣ, уснула тѣмъ спокойнымъ сномъ, какимъ врядъ ли намъ съ вами, читатель, придется засыпать въ ея лѣта.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Лѣтнее утро.

Стояло сѣрое лѣтнее утро. Тучъ на небѣ не было, но и солнце не выглядывало, воздухъ едва колебался тихими, несмѣлыми порывами чрезмѣрно теплаго вѣтерка. Такія лѣтнія утра въ серединной Россіи необыкновенно благопріятно дѣйствуютъ на всякое живое существо, до изнеможенія согрѣтое знойными днями. Такимъ утрамъ обыкновенно предшествуютъ теплыя, безлунныя ночи, хорошо зна-

комыя охотникамъ на перепеловъ. Чудныя дѣла дѣлаются съ этой птицей въ такія чудныя ночи! Всегда падкій на сладострастную приманку, перепелъ тутъ какъ будто совсѣмъ одурѣваетъ отъ неукротимыхъ влеченій своего крошечнаго организма. Заслышавъ манящій кликъ залегшаго въ хлѣбахъ вабильщика, онъ мигомъ срывается съ мѣста и мчится на роковое свиданіе, толкаясь сѣрою головкою о розовые корешки растущихъ хлѣбовъ. Только разставишь сѣтку, только уляжешься и начнешь вабить, подражая голосу перепелки, а ужъ гдѣ-то, загончика за два, за три откликается пернатый Донъ-Жуанъ. Въ другое время, въ свѣтлую лунную ночь его все-таки нужно поманивать умненечко, осторожно, соображая предательскій звукъ съ разстояніемъ жертвы; а въ теплыя безлунныя ночи, предшествующія сѣрымъ днямъ, птица совершенно ошалѣваетъ отъ сладострастья. Тутъ не нужно съ нею никакой осторожности. Не успѣешь сообразить, какъ далеко находится птица, отозвавшаяся на первую поманку, и поманишь ее потише, думая, что она все-таки еще далеко, а она уже отзывается близехонько. Кликнешь потихоньку въ другой разъ—больше уже и вабить не надо. Сладострастно-нетерпѣливое оханье слышится въ двухъ шагахъ, и между розовыхъ корней хлѣба лѣзетъ перепелъ. Тутъ онъ уже не мчится сумасшедшимъ бедуиномъ, а какъ-то плетется, тяжело дыша и безпрестанно оглядываясь во всѣ стороны. Еще разъ поманить его уже никакъ невозможно, потому что самый тихій звукъ вабилки заведетъ птицу дальше чѣмъ нужно. Тутъ только лежишь и, удерживая смѣхъ, смотришь подъ сѣтку, а перепелъ все лѣзетъ, лѣзетъ, шумя стебельками хлѣба, и вдругъ предстаетъ глазамъ охотника въ самомъ смѣшномъ видѣ. Кто имѣлъ счастье живать лѣтомъ на Крестовскомъ или преимущественно въ деревнѣ Коломягѣ и кто бродилъ раннимъ утромъ по тощимъ полямъ, начинающимся за этою деревнею, тотъ легко можетъ представить себѣ нашихъ перепеловъ. Для этого стоитъ припомнить чиннаго петербургскаго нѣмца, преслѣдующаго рано, на зорькѣ, крестьянскихъ дѣвушекъ. Нѣмецъ то бѣжитъ полемъ, то присядетъ въ рожь, такъ, что его совсѣмъ тамъ не видно, то надъ колосьями снова мелькнетъ его черная шляпа; и вдругъ, заслышавъ веселый хохотъ совсѣмъ въ другой сторонѣ, онъ встанетъ, вздохнетъ и, никого не видя глазами, водитъ во

всѣ стороны своимъ тевтонскимъ клювомъ. Панталонишки у него всѣ подтрепаны отъ утренней росы, оживившей тощія, холодныя поля; фалды сюртучка тоже мокры, руки красны, колѣна трясутся отъ безпрестанныхъ пригинаній и прискакиваній, а свернутый трубкой ротъ совершенно сухъ отъ тревогъ и томленья. Таковъ бываетъ и перепелъ, когда, прекращая стремительный бедуинскій бѣгъ между розовыми корешками высокихъ тоненькихъ стеблей, онъ таетъ отъ нетерпѣливаго желанія угасить пламень пожирающей его страсти. Толчется пернатый сластолюбецъ во всѣ стороны и глаза его не докладываютъ ему ни о какой опасности. Онъ весь мокръ, сѣренькія перышки на его маленькихъ голеняхъ слиплись и свернулись; мокрый хвостикъ вытянулся въ двѣ фрачныя фалдочки; крылышки то трепещутся, оживляясь страстью, то отпадаютъ и тащатся, окончательно затрепываясь мокрою полевою пылью; головенка вся взъерошена, а крошечное сердчишко тревожно бьется, и сильно спирается въ маленькомъ зобикѣ скорое дыханіе. Метнется отуманенная страстью пташка туда, метнется сюда и вдругъ на вашей щекѣ чувствуется прикосновеніе ея холодныхъ лапокъ и мокраго, затрепаннаго фрачка, а надъ ухомъ раздастся сладострастный вздохъ. Надо имѣть много равнодушія, чтобы не разсмѣяться въ такую минуту. Самый серьезный русскій мужичокъ, вабящій перепеловъ въ то время, когда ему нужно бы дать покой своимъ усталымъ членамъ, всегда добродушно относится къ обтрепанному франту. «Ахъ ты, поганецъ, этакой!» скажетъ онъ съ ласковой улыбкой и тихонько опуститъ пернатаго фертика въ рѣшето, надшитое холщевымъ мѣшечкомъ.

Такая чудотворящая ночь предшествовала тому покойному утру, въ которое Петръ Лукичъ Гловацкій выѣхалъ съ дочерью изъ Мерева въ свой уѣздный городъ. Отъ всякой другой поры подобныя утра отличаются, между прочимъ, совершенно особеннымъ вліяніемъ на человѣческую натуру. Человѣкъ въ такую пору бываетъ какъ-то спокоенъ, тихъ и безкорыстенъ. Даже ярмарочные купцы, проѣзжая на возахъ своего гнилого товара, не складаютъ тогда въ головахъ барышей и прибытковъ и не клюютъ носомъ, предаваясь соблазнительнымъ мечтамъ о ловкомъ банкротствѣ, а ѣдутъ молча, смотря то на поле, волнующееся подъ легкимъ набѣгомъ теплаго вѣтерка, то на задумчиво стоящія

деревья, то на тонкій парокъ, поднимающійся съ соннаго озерца или рѣчки.

Рѣдко самая заскорузлая торговая душа захочетъ нарушить этотъ покой отдыхающей природы и перемолвиться словомъ съ товарищемъ или приказчикомъ. Да и то заговоритъ эта душа не о себѣ, не о своихъ хлопотахъ, а о той же спокойной природѣ.

— Ишь, птица-то полетѣла,—скажетъ ярмарочникъ, слѣдя за поднявшейся изъ хлѣбовъ птахою.

— Да,—отвѣтитъ товарищъ или приказчикъ.

И опять ѣдутъ тихо.

— Должно, у нея тутъ гдѣ-нибудь дѣти есть,—опять замѣтилъ приказчикъ.

— А можетъ и перелетная.

— Да, можетъ что и перелетная, — предположитъ приказчикъ.

И опять разговоръ оборвется, и опять ѣдутъ тихо.

Женни съ отцомъ ѣхала совсѣмъ молча. Старикъ только иногда взглядывалъ на дочь, улыбался совершенно счастливой улыбкой и снова впадалъ въ чисто созерцательное настроеніе. Женни была очень серьезна, и спокойная задумчивость придавала новую прелесть ея свѣжему личику.

На половинѣ короткой дороги отъ Мерева къ городу ихъ встрѣтилъ меревскій Нарцисъ.

Конторщикъ скоро шелъ по опушкѣ мелкаго кустарника и, завидѣвъ Петра Лукича, быстро направился къ дорогѣ.

— Здравствуйте, батюшка Петръ Лукичъ!—кричалъ онъ, снимая широкодонный картузъ съ четыреугольнымъ козырькомъ.

— Здравствуйте, Наркисъ Григорьевичъ,—отвѣчалъ Гловацкій.

Лошадь остановилась.

— Охотился?

— Да, половилъ перепелочковъ немножко, Петръ Лукичъ.

— Ты самъ-то, братъ, точно перепелъ,— улыбаясь замѣтилъ смотритель.

— Да вѣдь, батюшка, отрепишься съ ними, съ безпутниками. Это ужъ такая дичь низкая.

Нарцисъ, точно, былъ похожъ на перепела. Пыль и полевой соръ насѣли на его росные сапоги и заправленныя

въ голенища панталоны; синій сюртучокъ его тоже былъ мокръ и мѣстами сильно запачканъ.

За плечами у конторщика моталась перепелиная сѣтка и рѣшето съ перепелами.

— Что-жъ, какъ полевалъ?

— Много-таки, батюшка, наловилъ. Нынче они глупы въ такую-то ночь бываютъ,—сами лѣзутъ.

— На что ихъ ловятъ?—спросила Женни.

— А вотъ, матушка, на жаркое, пашкеты тоже готовятъ и въ торговлю идутъ они.

— Вы ими торгуете?

— Я?—Нѣтъ, я такъ только, для охоты ловлю ихъ. Иной съ нѣвомъ удается, ну того содержу, а то такъ.

— Выпускаете?

— Нѣтъ, на что выпускать? — Да вотъ позвольте вамъ, сударыня, презентовать на новоселье.

— На что же они мнѣ?

— На что угодно, матушка.

— Ну, бери, Женни, на новоселье.

Нарцисъ поставилъ на колѣни дѣвушки рѣшето съ перепелами и, простившись, пошелъ своей дорогой, а дрожки покатились къ городу, который точно выросъ передъ Гловацкими, какъ только они обогнули маленькій лѣсной островочекъ.

— Узнаешь, Женичка? Вонъ соборная глава, а это Иванъ Крестителя куполъ: узнаешь?

— Какое все маленькое это стало, — задумчиво проговорила Женни.

— Маленькое! Это тебѣ такъ кажется послѣ Москвы. Все такое же, какъ и было. Ты смотри, смотри, вонъ судьи домъ, вонъ бойницы за городомъ, гдѣ скотъ бьютъ, вонъ каланча. Каланча-то, видишь желтую каланчу? Это надъ городническимъ домомъ.

Женни все смотрѣла впередъ и ручкою безотчетно выпускала одного перепела за другимъ.

— Э, да ты ихъ почти всѣхъ повыпустила, — замѣтилъ Гловацкій.

— Да. Смотрите-ка, смотрите.

Женни вынула еще одну птичку, и еще одну, и еще одну. На лицѣ ея выражалось совершенное, дѣтское счастье, когда она слѣдила за отлетавшими съ ея руки перепелами.

— Ты ихъ всѣхъ выпустишь?

— Всѣхъ выпущу,—весело отвѣтила она, раскрывая разомъ приплитый къ рѣшету бездонный мѣшокъ.

Перепела засуетились, увидя надъ собою вольное небо, вмѣсто грязной холщевой покрышки, жались другъ къ другу, присѣдали на ножкахъ, и одинъ за другимъ быстро поднимались на воздухъ.

— Вотъ теперь славно,—проговорила она, ставя въ ноги пустое рѣшето.—Хорошо, что я взяла ихъ.

— Дитя ты, Женичка.

— Отчего же, папа, дитя; пусть ихъ летаютъ на волѣ.

— Ихъ завтра опять поймаютъ.

— Нѣтъ, ужъ они теперь не попадутся.

Гловацкій засмѣялся. Въ его сѣдой головѣ мелькнула мысль о страстяхъ, о ловушкахъ, и веселая улыбка замѣнилась выраженіемъ тревогой отцовской заботы.

— Боже, Господи милосердый, спаси и сохрани ее! — прошепталъ онъ, когда дрожки остановились у воротъ уѣзднаго училища.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Колыбельный уголокъ.

Петръ Лукичъ Гловацкій съ самаго дня своей женитьбы отдавалъ Женинъ приданый домъ внаймы, а самъ постоянно обиталъ въ небольшомъ каменномъ флигелькѣ подвѣдомственнаго ему уѣзднаго училища. Въ этотъ самый каменный флигель, двадцать три года тому назадъ, онъ привезъ изъ церкви молодую жену, здѣсь родилась Женни, отсюда же Женни увезли въ институтъ и отсюда же унесли на кладбище ея мать, о которой такъ тепло вспоминала игуменья. Училищный флигель состоялъ всего изъ пяти очень хорошихъ комнатъ, выходившихъ частью на чистенькій, всегда усыпанный желтымъ пескомъ дворъ уѣзднаго училища, а частью въ старый густой садъ, тоже принадлежащій училищу, и наконецъ, изъ трехъ оконъ залы была видна огибавшая городъ рѣчка Саванка. На дворѣ училища было постоянно очень тихо, но все-таки дворъ два раза въ день оглашался веселыми, рѣзкими голосами школьниковъ, а ужъ зато въ саду, начинавшемся за смотрительскимъ флигелемъ, постоянно царила ненарушимая, глубокая тишина. Въ этотъ садъ выходили два окна залы (два другія

окна этой комнаты выходили на берегъ рѣчки, за которою кончался городъ и начинался безконечный заливной лугъ), да въ этотъ же садъ смотрѣли окна маленькой гостиной съ стеклянною дверью и угловой комнаты, бывшей нѣкогда спальнею смотрительши, а нынче будуаромъ, кабинетомъ и спальнею ея дочери. Рядомъ съ этой комнатой былъ кабинетъ смотрителя, изъ котораго можно было обозрѣвать весь дворъ и окна классныхъ комнатъ, а далѣе, между кабинетомъ и передней, находился очень просторный покой со множествомъ книгъ, уставленныхъ въ высокихъ шкафахъ, четыреугольнымъ столомъ, застланнымъ зеленымъ сукномъ, и двумя сафьянными отоманками. Только и всего помѣщенія было въ смотрительской квартирѣ! Но зато все въ ней было такъ чисто, такъ уютно, что никому даже въ голову не пришло бы желать себѣ лучшаго жилища. А ужъ о комнатѣ Женни и говорить нечего. Такая была хорошенькая, такая дѣвственная комнатка, что стоило въ ней побыть десять минутъ, чтобы начать чувствовать себя какъ-то и спокойнѣе, и выше, и чище, и нравственнѣе. Старинныя кресла и диванъ свѣтлаго березоваго выплавка, съ подушками изъ шерстяной матеріи бирюзоваго цвѣта, такого же цвѣта занавѣси на окнахъ и дверяхъ; той же березы письменный столикъ съ туалетомъ и кроватка, закрытая бѣлымъ покрываломъ, да нѣсколько растеній на окнахъ и больше ровно ничего не было въ этой комнаткѣ, а между тѣмъ всѣмъ она казалась необыкновенно полнымъ и комфортабельнымъ покоемъ.

— Вотъ твой колыбельный уголочекъ, Женичка,— сказалъ Гловацкій, введя дочь въ эту комнату.—Здѣсь стояла твоя колыбелька, а материна кровать вотъ тутъ, гдѣ и теперь стоитъ. Я ничего не трогалъ послѣ покойницы, все думалъ: пріѣдетъ Женя, тогда какъ сама хочетъ,— захочетъ, пусть измѣняетъ по своему вкусу, а не захочетъ, пусть оставитъ все по-материному.

И Евгенія Петровна зажила въ своемъ колыбельномъ уголкѣ, оставивъ здѣсь все по-старому. Только надъ березовымъ комодомъ повѣсили шитую картину, подаренную матерью Агніею, и на комодѣ появилось нѣсколько книгъ.

— Возьмешься, Женни, хозяйничать? — спросилъ Петръ Лукичъ дочь на другой день пріѣзда въ городъ.

— Какъ же, папа, непремѣнно.

— То-то, какъ хочешь. У меня хозяйство маленькое и люди честные, но, по-моему, дѣвушкѣ хорошо заняться этимъ дѣломъ.

— Разумѣется, папа, разумѣется.

— Нынче этимъ пренебрегаютъ, а напрасно, право напрасно.

— И нынче, папа, я думаю, не всѣ пренебрегаютъ: это не одинаково.

— Конечно, конечно, не всѣ, только я такъ говорю... Знаешь, — старческая слабость: все какъ ты ни гонись, а все старыя-то симпатіи, какъ старыя ноги, сзади волокутся. Впрочемъ, я не спорщикъ. Вотъ моя молодая команда, такъ тѣ горячо заварены, а, впрочемъ, ладимъ, и отлично ладимъ.

— Агнія Николаевна очень строго судитъ молодыхъ.

— Она и старымъ, другъ мой, не даетъ спуску: брюзжитъ немножко, а женщина весьма добрая, весьма добрая.

— На брата жаловалась.

Старикъ добродушно улыбнулся.

— Да, вотъ чудакъ-то! Нашелъ, гдѣ свой обличительный методъ прикладывать.

— И вы, папа, молодыхъ людей тоже, кажется, не долюбливаете?

— Отчего же, мой другъ! Только вотъ они нынче рѣзковаты становятся, точно ужъ рѣзковаты. Можетъ-быть, это намъ такъ кажется. Да вѣдь, право, нельзя все такъ круто. Старики не правы, что не умѣютъ стерпѣть, да и молодежь не права. У старости тоже есть свои права и свои привычки.—Снисходить бы не грѣшно было немножко. Я естественныхъ наукъ не знаю вовсе, а все мнѣ думается, что мозгъ, привыкшій понимать что-нибудь такъ, не можетъ скоро понимать что-нибудь иначе. Такъ что-жъ и сердиться. Надо снисходить. Народъ говоритъ, что и у воробья, и у того есть амбиція, а человѣкъ, какой бы онъ ни былъ, если только мало-мальски самостоятеленъ, все-таки не хочетъ быть поставленъ ниже всѣхъ. Вотъ хоть бы у насъ, — городокъ, вѣдь, небольшой, а таки-торговый, есть люди зажиточные, и газеты, и журналы кое-кто почитываютъ изъ купечества, и умныхъ людей не обѣгаютъ. — Старикъ улыбнулся и сквозь смѣхъ проговорилъ: — А ты знаешь, кто здѣсь зенитъ-то просвѣщенія? Это мы, я, да

учители... Ну, вѣдь, и у насъ есть учители очень молодые, вотъ, напримѣръ, Зарницынъ Алексѣй Павловичъ, всего пятый годъ курсъ кончилъ, Вязмитиновъ, тоже пять лѣтъ какъ изъ университета; люди свѣжіе и неустанно слѣдящіе и за наукой, и за литературой, и притомъ люди добросовѣстно преданные своему дѣлу, а посмотри-ка на нихъ! Ты вотъ ихъ увидишь. Вотъ какъ мало-мальски оправишься, позовемъ ихъ вечеркомъ на чаекъ. Все, вѣдь, говорю, люди, которые смотрятъ на жизнь совсѣмъ не такъ, какъ наше купечество, да даже и дворянство, а посмотри, какого о нихъ мнѣнія всѣ?—Кого ни спроси, въ одно слово скажутъ: «прекрасные люди». Какъ-то у нихъ отношенія-то къ людямъ все человѣческія. Вотъ тоже докторъ у насъ есть, Розановъ, человѣкъ со странностями и даже не безъ рѣзкостей, но и у этого самыя рѣзкости-то какъ-то, затрудняюсь, право, какъ бы тебѣ выразить это... ну, только именно рѣзки, только выказываютъ прямоту и горячность его натуры, а вовсе не стремятся смять, уничтожить, стереть человѣка. Къ его рѣзкости здѣсь всѣ привыкли и нимало ею не тяготятся, даже очень его любятъ. А тѣ, вѣдь, всѣ какъ-то... право, ужъ и совсѣмъ не умѣю назвать. Вотъ и Ипполитъ нашъ, и Звягина сынъ, и Ступинъ молодой—второй годъ пріѣзжаютъ такіе мудреные, что гляжу, гляжу на нихъ, да и руки врозь. Какъ-то будто и дико съ ними. Право, я вотъ теперь смотритель, и, слава Богу, двадцать пятый годъ, и пенсійка ужъ недалеко: всякихъ людей видалъ, и всякихъ терпѣлъ, и со всѣми сживался, ни одного учителя во всю службу не представилъ ни къ перемѣщенію, ни къ отставкѣ, а воображаю себѣ, будь у меня въ числѣ наставниковъ твой братъ, непремѣнно долженъ бы искать случая отъ него освободиться. Нельзя иначе. Дѣтей всѣхъ разберутъ, что жъ изъ этого толку будетъ? Ты вотъ познакомишься съ ними, сама ихъ разберешь. Особенно рекомендую тебѣ Николая Степановича Вязмитинова. Дивный человѣкъ! Честный, серьезный и умница. Принимай хозяйство, а я ихъ и зазову.

Не велико было хозяйство смотрителя, а весь придворный штатъ его состоялъ изъ кухарки Пелагеи, да училищнаго сторожа, отставного унтера Яковлева, исправлявшаго должность лакея и ходившаго за толстою, обезножившею отъ настоя, смотрительскою лошадью. Женни въ два дня

вошла во всю домашнюю администрацію и на ея поясѣ появился крючокъ съ ключами.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Прогрессивные люди уѣзднаго города.

— Господа! вотъ моя дочь, Женичка! рекомендую тебѣ моихъ сотоварищей: Николай Степановичъ Вязмитиновъ и Алексѣй Павловичъ Зарницынъ, — проговорилъ смотритель, представляя, разъ вечеромъ, своей дочери двухъ очень благопристойныхъ молодыхъ людей.

Оба они на видъ имѣли не болѣе какъ лѣтъ по тридцати, оба были одѣты просто. Зарницынъ былъ невысокъ ростомъ, съ розовыми щеками и живыми черными глазами. Онъ смотрѣлъ немножко денди. Вязмитиновъ, напротивъ, былъ очень стройный молодой человѣкъ, съ блѣднымъ, нѣсколько задумчивымъ лицомъ и очень скромнымъ симпатичнымъ взглядомъ. Въ немъ не было ни тѣни дендизма. Вся его особа дышала простотой, натуральностью и сдержанностью.

Женни, сидѣвшая за столомъ, на которомъ весело шумѣлъ и посвистывалъ блестящій тульскій самоваръ, встала, привѣтливо поклонилась и покраснѣла. Ее видимо конфузила непривычная роль хозяйки.

— Безъ церемоніи, господа, — прошу васъ поближе къ самовару и къ хозяйкѣ, а то я боюсь, что она со мною, старикомъ, заскучаетъ.

— Какъ вамъ не грѣхъ, папа, такъ говорить, — тихо промолвила Женни и совсѣмъ зардѣлась какъ маковый цвѣточекъ.

— Петръ Лукичъ подговаривается, чтобы ему любезность сказали, что съ нимъ до сихъ поръ люди не скучали,—проговорилъ, любезно улыбаясь, Зарницынъ.

— Да, смѣйтесь, смѣйтесь! Нѣтъ, господа, ужъ какъ тамъ ни храбрись, а пора сознаваться, что отстаю, отстаю отъ вашихъ-то понятій. Бывало, что ни читаешь, все это находишь такъ въ порядкѣ вещей и самъ понимаешь, и съ другимъ станешь говорить, и другой одинаково понимаетъ, а теперь иной разъ читаешь этакую тамъ статейку, или практическую замѣтку какую и чувствуешь, и сознаешь, что давно бы должна быть такая замѣтка, а какъ-то, Богъ его знаетъ... Просто, иной разъ глазамъ не вѣришь. Чув-

ствуешь, что правда это все, а рука-то своя ни за что бы не написала этого. Даже на подпись-то цензурную не разъ глянешь, думаешь: Господи! ужъ не такъ ли махнули, чего добраго? — А вамъ это все ничего, даже мало кажется. Я вонъ прочелъ въ приказахъ, что Павелъ Ивановичъ Чичиковъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года произведенъ изъ надворныхъ совѣтниковъ въ коллежскіе совѣтники. Дѣло самое пустое: есть такой Чичиковъ, служитъ, его за выслугу лѣтъ и повышаютъ чиномъ, а мнѣ ужъ чортъ знаетъ что показалось. Подсунули, думаю, такую исторію въ насмѣшку, а за эту насмѣшку и покатятъ на тройкахъ. Послѣ-то раздумалъ, а сначала... Нѣтъ, мы вѣдь другой школы, намъ теперь ужъ на васъ смотрѣть только, да внучатъ качать.

— А знаете, Евгенія Петровна, когда именно и по какому случаю послѣдовало отреченіе Петра Лукича отъ единомыслія съ людьми нашихъ лѣтъ?—опять, любезно осклабляясь, спросилъ Зарницынъ.

— Нѣтъ, не знаю. Папа мнѣ ничего не говорилъ объ этомъ.

— Во-первыхъ, не отъ единомыслія, а, такъ-сказать, отъ единоспособности съ вами,—замѣтилъ смотритель.

— Ну, это все равно,—перебилъ Зарницынъ.

— Нѣтъ, батюшка, Алексѣй Петровичъ, это не все равно.

— Ну, положимъ, что такъ, только произошло это въ Петрѣ Лукичѣ разомъ, въ одинъ пріемъ.

— Да, разомъ,—потому что разомъ я понялъ, что я человѣкъ неспособный дѣлать то, что самымъ спокойнымъ образомъ дѣлаютъ другіе. Представь себѣ, Женя: встаю утромъ, беру принесенныя съ почты газеты, и читаю, что какой-то господинъ Якушкинъ имѣлъ въ Псковѣ исторію съ полицейскими,—тамъ заподозрили его, посадили за клинъ, ну, и потомъ выпустили,—ну, велика важность!—Конечно, оно непріятно, да мало ли чиновниковъ за клинъ сажали. Ну, выпустятъ и уходи скорѣй, благо отвязались; а онъ, какъ вырвался, и ну все это выписывать. Валяетъ и полиціймейстера, и вице-губернатора, да вѣдь какъ! Точно.— я самъ знаю, что въ Европѣ существуетъ гласность, и понимаю, что она должна существовать, даже... между нами говоря... (смотритель оглянулся на обѣ стороны и добавилъ, понизивъ голосъ), я самъ нѣсколько разъ «*Колоколъ*» чи-

талъ и не безъ удовольствія, скажу вамъ, читалъ; но у насъ-то, на родной-то землѣ, какъ же это, думаю?—Что жъ это обо всемъ, стало-быть, люди смѣютъ говорить?—А мы смѣли объ этомъ *подумать?* — Подумать, а не то, что говорить? — Не смѣли, да и что̀ толковать о насъ! А вотъ эти господа хохочутъ, а докторъ Розановъ говоритъ: я, говоритъ, сейчасъ самого себя обличу, что, получая сто сорокъ девять рублей годового жалованья, изъ коихъ половину удерживаетъ инспекторъ управы, восполняю свой домашній бюджетъ четырьмя стами шестьюдесятью рублями взяткообразно. Ну, а я, говорю, не обличу себя, что, по недостатку средствъ, употребляю училищнаго сторожа, Яковлевича, для собственныхъ услугъ. Не могу, говорю, смѣлости нѣтъ, цѣли не вижу, да и вообще, просто, не могу. Я другой школы человѣкъ. Я могу переводить Ювенала, да, быть-можетъ, вонъ соберу систематически матеріалы для исторіи Абассидовъ, но этого не могу; я другой школы, насъ учили классически; мы литературу не принимали гражданскимъ орудіемъ; мы не пріучены дѣйствовать, и не по силамъ намъ дѣйствовать.

— Ну, однако, изъ вашей-то школы выходили и иные люди, не все о маврскихъ династіяхъ размышляли, а тоже и дѣйствовали,—замѣтилъ Зарницынъ.

— А, а! Нѣтъ, батюшка, — извините. То совсѣмъ была не наша школа,—извините.

— Конечно, — въ первый разъ проронилъ слово Вязмитиновъ.

— Точно, виноватъ, я ошибся,—оговорился Зарницынъ.

— А теперь вонъ еще новая школа заходитъ, и попомните мое слово, что скоро она скажетъ и вамъ, Алексѣй Павловичъ, и вамъ, Николай Степановичъ, да даже, чего добраго, и доктору, что всѣ вы люди отсталые, для дѣла не годитесь.

— Это несомнѣнно,—замѣтилъ опять Вязмитиновъ.

— Да, вотъ вамъ, что̀ значитъ школа-то, и не годитесь, и пронесутъ имя ваше яко зло, несмотря на то, что директоръ нынче все настаиваетъ, чтобъ я почаще навертывался на ваши уроки. И будетъ это скоро, гораздо прежде, чѣмъ вы до моихъ лѣтъ доживете. Въ наше-то время отца моего учили, что отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ, и мнѣ то же твердили, да и мой сынъ

видѣлъ, какъ я не могъ отказываться отъ головки купеческаго сахарцу; а нынче все это двинулось, пошло, и школа будетъ смѣнять школу. Такъ, Николай Степановичъ?

— По-моему такъ.

— А такъ, такъ наливай, Женни, по другому стаканчику. Тебѣ, я думаю, мой дружочекъ, наскучилъ нашъ разговоръ. Плохо мы тебя занимаемъ. У насъ все такъ, что поспоримъ, то будто какъ и дѣло сдѣлаемъ.

— Напротивъ, папа, зачѣмъ вы такъ думаете? Меня это очень занимаетъ.

— Да! Вонъ видите, школа-то: мѣсяца нѣтъ какъ съ институтской скамьи, а ее занимаетъ. Попробуйте-ка Оленьку Розанову такимъ разговоромъ занять.

— Ну, еще кого вспомнили!

— Чего, батюшка мой? Она, вѣдь, вонъ о самостоятельности тоже изволитъ разсуждать, а мужъ-то? Съ такимъ мужемъ, какъ ея, можно до многаго додуматься.

— Да что жъ это опъ хотѣлъ быть, а не идетъ? — замѣтилъ Зарницынъ.

— Идетъ, идетъ,—отвѣчалъ изъ передней довольно симпатичный мужской голосъ, и на порогѣ залы показался человѣкъ лѣтъ тридцати двухъ, невысокаго роста, немного сутуловатый, но весьма пропорціонально сложенный, съ очень хорошимъ лицомъ, въ которомъ крупность чертъ выгодно выкупалась силою выраженія. Въ этомъ лицѣ выражалась какая-то весьма пріятная смѣсь энергіи, ума, прямоты, силы и русскаго безволья и распущенности. Докторъ былъ одѣтъ очень небрежно. Платье его было все пропылено, такъ что пыль въѣлась въ него и не отчищалась, рубашка измятая, шея повязана чернымъ платкомъ, концы котораго висѣли до половины груди.

— А мы здѣсь только-что злословили васъ, докторъ,— проговорилъ Зарницынъ, протягивая врачу свою руку.

— Да чѣмъ же вамъ болѣе заниматься на гулянкахъ, какъ не злословіемъ, — отвѣчалъ докторъ, пожимая мимоходомъ поданныя ему руки.—Прошу васъ, Петръ Лукичъ, представить меня вашей дочери.

— Женичка! — нашъ докторъ. Совѣтую тебѣ заискать его расположеніе, человѣкъ весьма нужный, случайный.

— Преимущественно для мертвыхъ, съ которыми имѣю постоянныя дѣла въ теченіе пяти лѣтъ сряду, — прогово-

рилъ докторъ, развязно кланяясь дѣвушкѣ, отвѣтившей ему ласковымъ поклономъ.

— А мы ужъ думали, что вы, по обыкновенію, не сдержите слова,—замѣтилъ Гловацкій.

— Ужъ и *по обыкновенію!* Эхъ, Петръ Лукичъ! Ужъ вотъ на кого Богъ-то, на того и добрые люди. Я, Евгенія Петровна, позвольте, ужъ буду искать сегодня исключительно вашего вниманія, уповая, что свойственная человѣчеству злоба еще не успѣла достичь вашего сердца, и вы, конечно, не найдете самоуслажденія допиливать меня, чѣмъ занимается весь этотъ прекрасный городъ съ своимъ уѣздомъ и даже съ своимъ уѣзднымъ смотрителемъ, сосредоточивающимъ въ своемъ лицѣ половину всѣхъ добрыхъ свойствъ, отпущенныхъ намъ на всю нашу мѣстность.

Женни покраснѣла, слегка поклонилась и тихо проговорила:—Прикажете вамъ чаю?

— Гдѣ это васъ сегодня разобидѣли? — спросилъ смотритель.

— Вездѣ, Петръ Лукичъ, вездѣ, батюшка.

— А напримѣръ?

— А напримѣръ, исправникъ двѣсти раковъ съѣлъ и говоритъ: не могу завтра на вскрытіе ѣхать; фельдшеръ въ больницѣ бабу уморилъ ни за што, ни про што; двухъ рекрутъ на нашъ счетъ вернули; съ эскадроннымъ командиромъ разбранился; въ Хилковѣ бѣшеный волкъ человѣкъ пятнадцать на лугу искусалъ, а тутъ нѣмецъ Абрамзонъ съ женою мимо моихъ оконъ проѣхалъ,—бѣда да и только.

Всѣ, кромѣ Женни, разсмѣялись.

— Да, вамъ смѣхъ, а мнѣ хоть въ воду, такъ въ пору.

— Что-жъ вы сдѣлали?

— Что? Исправнику лошадиную кладь закатилъ и сказалъ, что если онъ завтра не поѣдетъ, то я ѣду къ другому тѣлу; бабу записалъ умершею отъ апоплексическаго удара, а фельдшеру далъ записочку къ городничему, чтобы тотъ съ нимъ позанялся; эскадронному командиру сказалъ: убирайтесь, ваше благородіе, къ чорту, я вашихъ мошенничествъ прикрывать не намѣренъ и написалъ, что слѣдовало; волка посовѣтовалъ исправнику казнить по полевому военному положенію, а отъ Ольги Александровны, взволнованной каретою нѣмца Ицки Готлибовича Абрамзона, ушелъ къ вамъ чай пить. Вотъ вамъ и все!

— Распоряженія все резонныя,—замѣтилъ Зарницынъ.

— Ну, какія есть: не хороши, другія присовѣтуйте.

— Фельдшера поучатъ, а онъ черезъ полгода другую бабу отравитъ.

— Черезъ полгода! Экую штуку сказалъ! Двѣ бабы въ годъ,—велика важность. А по-вашему не новаго ли было бы требовать?

— Конечно.

— Ну, нѣтъ, слуга покорный. Этотъ пару въ годъ отравитъ, а новый съ непривычки по парѣ въ мѣсяцъ спуститъ.—Что, батюшка, тутъ радикальничать-то? Лѣчить нечѣмъ, содержать не на что, да что и говорить! Радикальничать, такъ по-моему надо изъ земли Илью Муромца вызвать, чтобы сѣлъ онъ на коня ратнаго, взялъ въ могучія руки булаву сто-пудовую, да и пошелъ бы насъ, православныхъ, крестить по маковкамъ, не разбирая ни роду, ни сану, ни племени.—А то, что тамъ копаться! Idem per idem все будемъ Кузьма съ Демидомъ. — Нечего и людей смѣшить. Эхъ, не слушайте нашихъ мерзостей, Евгенія Петровна. Поберегите свое вниманіе для чего-нибудь лучшаго. Вы, пожалуйста, никогда не сидите съ нами. Не сидите съ моимъ другомъ, Зарницынымъ, онъ затмитъ вашъ дѣвственный умъ своей туманной экономіей счастья; не слушайте моего друга Вязмитинова, который погубитъ ваше свѣтлое мышленіе гегеліанскою ересью; не слушайте меня, преподлѣйшаго въ сношеніяхъ съ звѣрями, которые станутъ называть себя передъ вами разными кличками греко-россійскаго календаря; даже отца вашего, которому отпущена половина всѣхъ добрыхъ качествъ нашей проклятой Гоморы, и его не слушайте. Все васъ это спутаетъ, потому что все, что ни выйдетъ изъ нашихъ устъ,—или злосмрадное дыханіе антихристово, или же хитросплетенныя лукавства, уловляющія свободный разумъ. Уйдите отъ насъ, гадкихъ и вредныхъ людей, и пожалѣйте, что мы еще, къ несчастію, не самые гадкіе люди своего просвѣщеннаго времени.

— Уйди, уйди, Женичка, —смѣясь, проговорилъ Гловацкій:—и вели давать, что ты тамъ намъ поѣсть приготовила Нашъ медицинскій Гамлетъ всегда мраченъ...

— Безъ водки,—чего же было не договаривать! Я точно, Евгенія Петровна, люблю закусывать и счелъ бы позоромъ.

скрыть отъ васъ этотъ маленькій порокъ изъ обширной коллекціи моихъ пороковъ.

Женни встала и вышла въ кухню, а Яковлевичъ сталъ собирать со стола чай, за которымъ, по мѣстному обычаю, всегда почти непосредственно слѣдовала закуска.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Нежданный гость.

Въ то же время, какъ Яковлевичъ, вывернувъ кренделемъ локти, несъ подносъ, уставленный различными солеными яствами, а Пелагея, склонивъ на бокъ голову и закусивъ, въ знакъ осторожности, верхнюю губу, тащила другой подносъ съ двумя графинами разной водки, бутылкою хереса и двумя бутылками столоваго вина, по усыпанному пескомъ двору уѣзднаго училища простучалъ легкій экипажецъ. Вслѣдъ затѣмъ въ двери кухни, гдѣ Женни, засучивъ рукава, разбирала жареную индѣйку, вошелъ маленькій казачокъ и спросилъ: дома ли Евгенія Петровна?

— Дома, — отвѣтила Женни, удивленная, кто бы могъ о ней освѣдомляться въ городѣ, въ которомъ она никого не знаетъ.

— Это вы-съ?—спросилъ, осклабившись, казачокъ.

— Я, я,—кто тебя прислалъ?

— Барышня-съ къ вамъ пріѣхали.

— Какая барышня?

— Барышня, Елизавета Егоровна-съ.

— Лиза Бахарева! — въ восторгѣ воскликнула Женни, бросивъ кухонный ножъ и спѣша обтирать руки.

— Точно такъ-съ, онѣ пріѣхали,—отвѣчалъ казачокъ.

— Боже мой! гдѣ же она?

— На кабріолеткѣ-съ сидятъ.

Женни отодвинула отъ дверей казачка, выбѣжала изъ кухни и вспорхнула въ кабріолетъ, на которомъ сидѣла Лиза.

— Лиза! голубчикъ! дуся! ты ли это?

— А! видишь, я тебѣ, гадкая Женька, дѣлаю визитъ первая. Не говори, что я аристократка, — ну, поцѣлуй меня еще, еще. Ангелъ ты мой! Какъ я о тебѣ соскучилась — силъ моихъ не было ждать, пока ты пріѣдешь. У насъ гостей полонъ домъ, скука смертельная, просилась, проснлась къ тебѣ,—не пускаютъ. Папа пріѣхалъ съ поля, я сѣла въ его кабріолетъ покататься, да вотъ и прикатила къ тебѣ.

— Будто такъ?

— Право.

Дѣвушки разсмѣялись, еще разъ поцѣловались, и объ соскочили съ кабріолета.

— Я, вѣдь, только на минуточку, Женни.

— Боже мой!

— Ну да. Какая ты чудиха! Тамъ, вѣдь, съ ума посходятъ.

— Ну пойдемъ, пойдемъ.

— А вы еще не спите?

— Нѣтъ, гдѣ же спать. Всего девять часовъ и у насъ гости.

— Кто?

— Учителя и докторъ.

— Какой?

— Розановъ, кажется, его фамилія.

— Говорятъ, очень странный.

— Кажется. А ты отъ кого слышала?

— Мы съ папой ходили навѣщать этого меревскаго учителя больного, — онъ очень любитъ этого доктора и много о немъ разсказывалъ.

— А что этотъ учитель, лучше ему?

— Да, лучше, но онъ все ждетъ доктора. Впрочемъ, папа говорилъ, что у него сильный ушибъ и простуда, а больше ничего.

Дѣвушки перешли черезъ кухню въ Женину комнату.

— Ахъ, какъ у тебя здѣсь хорошо, Женни!—воскликнула, осматриваясь по сторонамъ, Лиза.

— Да,—я очень довольна.

— А я пока очень недовольна.

— У тебя хорошая комната?

— Да, хорошая, но неудобная, проходная.

— Папа! у насъ новый гость, — крикнула неожиданно Гловацкая.

— Кто, мой другъ?

— Отгадайте!

— Ну, какъ отгадаешь.

— Мой гость, собственно ко мнѣ, а не къ вамъ.

— Ну, теперь и поготово не отгадаю.

Женни открыла двери, и изумленнымъ глазамъ старика предстала Лиза Бахарева.

— Лизанька! съ кѣмъ вы, дитя мое?

— Одна.

— Нѣтъ, безъ шутокъ. Гдѣ Егоръ Николаевичъ?

— Дома съ гостями,—отвѣчала, смѣясь, Лиза.

— Въ самомъ дѣлѣ вы однѣ?

— Ахъ, какой вы странный, Петръ Лукичъ! Разумѣется, одна, съ казачкомъ Гришей.

Лиза разсказала, какъ она пріѣхала въ городъ, и добавила, что она на минуточку, что ей нужно торопиться домой.

Смотритель взялъ Лизу за руки, ввелъ ее въ залу и познакомилъ съ своими гостями, причемъ гости ограничивались однимъ молчаливымъ, вѣжливымъ поклономъ.

— Не хочешь ли чаю покушать, Лиза? Съѣшь что-нибудь; вѣдь, это я хозяйничаю.

— Ты! Ну, для тебя давай, буду ѣсть.

Дѣвушки взяли стулья и сѣли къ столу.

— Какъ у васъ весело, Петръ Лукичъ!—замѣтила Лиза.

— Какое-жъ веселье, Лизанька? такъ себѣ сошлись,—не утерпѣлъ на старости лѣтъ похвастаться товарищамъ дочкою. У васъ въ Меревѣ, я думаю, гораздо веселѣе; своя семья большая, всегда есть гости.

— Да, это правда, а все у васъ какъ-то, кажется, веселѣе выглядитъ.

— Это сегодня, а то мы все вдвоемъ съ Женней сидѣли, и еще чаще она одна. Я, напротивъ, боюсь, что она у меня заскучаетъ, журналъ для нея выписалъ. Мои-то книги, думаю, ей не по вкусу прійдутся.

— У васъ какія больше книги?

— Разный спеціальный хламъ, а изъ русскихъ только историческія.

— А у насъ цѣлый шкапъ все какой-то допотопной французской беллетристики, читать невозможно.

— А я часто видалъ, что ваши сестрицы читаютъ.

— Да, онѣ читаютъ, а мнѣ это не нравится. Мы въ институтѣ доставали разные русскіе журналы и все читали, а здѣсь ничего нѣтъ. Вы какой журналъ выписали для Женни?

— «Отечественныя Записки», — старый журналъ и все одинъ и тотъ же редакторъ, при которомъ покойникъ Бѣлинскій писалъ.

— Да, знаю. Мы все доставали въ институтѣ и «Оте-

чественныя Записки», и «Современникъ», и «Русскій Вѣстникъ», и «Библіотеку», всѣ, всѣ журналы. Я просила папу выписать мнѣ хоть одинъ теперь,—мамаша не хочетъ.

— Отчего?

— Богъ ее знаетъ! говоритъ, читай то, что читаютъ сестры, а я этого читать не могу, не нравится мнѣ.

— Женни будетъ съ вами дѣлиться своимъ журналомъ. А я вотъ буду просить Николая Степановича еще снабжать Женничку книгами изъ его библіотеки. У него много книгъ и онъ можетъ руководить Женничку, если она захочетъ заняться однимъ предметомъ. Самъ я устарѣлъ ужъ, за хлопотами да дрязгами поотсталъ отъ современной науки, а Николаю Степановичу за дочку покланяюсь.

— Если только Евгенія Петровна пожелаетъ и позволитъ, я буду очень радъ служить ей, чѣмъ могу,—вѣжливо отвѣтилъ Вязмитиновъ.

Женни поблагодарила.

— Какъ жаль, что и я не могу пользоваться вашими совѣтами!—живо замѣтила Лиза.

— Отчего же?

— Я живу въ деревнѣ, а зимой, вѣроятно, уѣдемъ въ губернскій городъ.

— Пріѣзжайте къ намъ почаще лѣтомъ, Лизанька. Тутъ вѣдь рукой подать, и будете читать съ Николаемъ Степановичемъ,—сказалъ Гловацкій.

— Въ самомъ дѣлѣ, Лиза, пріѣзжай почаще.

— Да,—хорошо, какъ можно будетъ, а не пустятъ, такъ буду сидѣть.—Ахъ, Боже мой!—сказала она, быстро вставая со стула;—я и забыла, что мнѣ пора ѣхать.

— Побудь еще, Лиза,—просила Женни.

— Нѣтъ, милая, не могу, и не говори лучше.—А вы что читаете въ училищѣ?—спросила она Вязмитинова.

— Я преподаю исторію и географію.

— Оба интересные предметы, а вы? — обратилась Лиза къ Зарницыну.

— Я учитель математики.

— Фуй, какая ужасная наука. Я выше двойки никогда не получала.

— У васъ вѣрно былъ дурной учитель, — немножко рисуясь сказалъ Зарницынъ.

— Нѣтъ, а впрочемъ, не знаю. Онъ кандидатъ, молодой

и нѣкоторыя у него хорошо учились. Вотъ Женни, напримѣръ, она всегда высшій баллъ брала. Она по всѣмъ предметамъ высшіе баллы брала. Вы знаете,—она, вѣдь, у насъ первая изъ цѣлаго выпуска,—а я первая съ другого конца. Я терпѣть не могу нѣкоторыхъ наукъ и особенно вашей математики. А вы естественныхъ наукъ не знаете? Это, говорятъ, очень интересно.

— Да, но занятіе естественными науками тоже требуетъ знанія математики.

— Будто! Вѣдь это для химиковъ или для другихъ, а такъ для любителей, я думаю, можно и безъ этой скучной математики.

— Право, я не умѣю вамъ отвѣчать на это, но думаю, что въ извѣстной мѣрѣ возможно. Впрочемъ, вотъ у насъ докторъ знатокъ естественныхъ наукъ.

— Ну, какъ не знатокъ,—проговорилъ докторъ.

— Мнѣ то же самое говорилъ о васъ меревскій учитель,—отнеслась къ нему Лиза.

— Помада! Онъ того мнѣнія, что я все на свѣтѣ знаю и все могу сдѣлать. Вы ему не вѣрьте, когда дѣло касается меня, — я его сердечная слабость. Позвольте мнѣ лучше освѣдомиться, въ какомъ онъ положеніи?

— Ему лучше, и онъ, кажется, ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

— Что жъ дѣлать. Я только узналъ о его несчастьѣ и не могу тронуться къ нему, ожидая съ минуты на минуту непремѣннаго засѣдателя, съ которымъ тотчасъ долженъ выѣхать.

— Будто вы сегодня ѣдете?—спросилъ Гловацкій.

— А какъ же! Онъ сюда за мною долженъ заѣхать: вѣдь искусанные волкомъ не ждутъ, а завтра къ обѣду назадъ и сейчасъ ѣхать съ исправникомъ. Вотъ вамъ и жизнь, и естественныя, и всякія другія науки,—добавилъ онъ, глядя на Лизу. — Что и зналъ-то когда-нибудь, и то все успѣлъ семь разъ позабыть.

— Какая странная должность!

— У насъ всѣ должности удивятъ васъ, если найдете интересъ въ нихъ всмотрѣться. Это еще не самая странная, самую странную занимаетъ Юстинъ Помада. Онъ *читаетъ чистописаніе.*

Всѣ засмѣялись.

— Право! Вы его самого разспросите о его обязанностяхъ: онъ и самъ то же самое вамъ скажетъ.

— Вотъ, Женни, фатальный нашъ пріѣздъ! Не успѣли показаться и чуть-чуть не стоили человѣку жизни,—замѣтила Лиза.

— И еще какому человѣку-то! Единственному, можетъ-быть, цѣлому человѣку на пять тысячъ верстъ кругомъ.

— А вы, докторъ, говорили, что лучшій человѣкъ здѣсь мой папа,—проговорила, немножко краснѣя, Женни.

— Это между нами: я говорилъ, Петръ Лукичъ солнце, а Помада вездѣ Антикъ. Петръ Лукичъ все-таки чего-нибудь для себя желаетъ, а тотъ, не сводя глазъ, взираетъ на птицы небесныя, какъ не жнутъ, не сѣютъ, не собираютъ въ житницы, а и сыты и одѣты. Я ужъ его пять лѣтъ сряду стараюсь испортить, да ни на одинъ шагъ въ этомъ не подвинулся. Вы обратите на него вниманіе, Лизавета Егоровна, — это дорогой экземпляръ, скоро такихъ ужъ ни за какія деньги нельзя будетъ видѣть. Онъ стоитъ вниманія и изученія не менѣе самаго допотопнаго монстра. Право. Если любите натуру, въ изученіи которой не можемъ вамъ ничѣмъ помочь ни я, ни мои просвѣщенные друзья, сообществомъ которыхъ мы здѣсь имѣемъ удовольствіе наслаждаться, то вотъ разсмотрите-ка, что такое подъ черепомъ у Юстина Помады. Говорю вамъ, это будетъ преинтереснѣйшее занятіе для вашей любознательности, далеко интереснѣйшее, чѣмъ то, о которомъ возвѣщаетъ мнѣ приближеніе вотъ этого проклятаго колокольчика, котораго, кажется, никто даже, кромѣ меня, и не слышитъ.

Изъ-за угла улицы, дѣйствительно, послышался колокольчикъ, и прежде чѣмъ онъ замолкъ у воротъ училища, докторъ всталъ, пожалъ всѣмъ руки и, взявъ фуражку, молча вышелъ за двери. Зарницынъ и Вязмитиновъ тоже стали прощаться.

— Боже, а я-то! Что жъ это я надѣлала, засидѣвшись до сихъ поръ? — тревожно проговорила Лиза, хватаясь за свою шляпку.

— Вы! Нѣтъ, ужъ вы не безпокойтесь: я вашу лошадь давно отослалъ домой и написалъ, что вы у насъ, — сказалъ, останавливая Лизу, Гловацкій.

— Что вы надѣлали, Петръ Лукичъ! Теперь забранятъ меня.

— Не бойтесь. Нынче больше бы забранили, а завтра поѣдете на моей лошади съ Женичкой, и все благополучно обойдется.

Прощаясь съ Женни, Вязмитиновъ спросилъ ее:

— Вы знакомы, Евгенія Петровна, съ сочиненіями Гизо?

— Нѣтъ, вовсе ничего не знаю.

— Хотите читать этого писателя?

— Пожалуйста. Да вы ужъ не спрашивайте. Я все прочитаю и постараюсь понять. Это вѣдь историческій писатель?

— Да.

— Пожалуйста,—я съ удовольствіемъ прочту.

Гости ушли, хозяева тоже стали прощаться.

— Ну, что, Женни, какъ тебѣ новые знакомые показались?—спросилъ Гловацкій, цѣлуя дочернину руку.

— Право, еще не думала объ этомъ, папа. Кажется, хорошіе люди.

— Она вѣдь пять лѣтъ думать будетъ, прежде чѣмъ скажетъ,—шутливо перебила Лиза:—а я вотъ вамъ сразу отвѣчу, что каждый изъ нихъ лучше, чѣмъ всѣ тѣ, которые въ эти дни пріѣзжали къ намъ и съ которыми меня знакомили.

Смотритель добродушно улыбнулся и пошелъ въ свою комнату, а дѣвушки стали раздѣваться въ комнатѣ Женни.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Семейная картина въ Меревѣ.

— Однако, что-то плохо мнѣ, Женька, — сказала Лиза, улегшись въ постель съ хозяйкою.—Ждала я этого дома, какъ Богъ знаетъ какой радости, а...

— Что жъ тамъ у васъ? — съ безпокойнымъ участіемъ спросила Женни.

— Такъ, — и разсказать тебѣ не умѣю, а какъ-то сразу тяжело мнѣ стало. Мѣсяцъ всего дома живу, а все, какъ няня говоритъ, никакъ въ стихъ не войду.

— Ты еще не осмотрѣлась.

— Боюсь, чтобъ еще хуже не было. Вотъ у тебя я съ первой минуты осмотрѣлась. У васъ хорошо, легко; а тамъ, у насъ, Богъ знаетъ... мудрено все... очень тяжело какъ-то, скучно,—невыносимо скучно.

— Что, Петръ Лукичъ?—спросила Лиза, помѣщаясь на другое утро за чайнымъ столикомъ противъ смотрителя.

— Что, Лизанька?

— Боюсь домой ѣхать.

Смотритель улыбнулся.

— Право!—продолжала Лиза.—Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ становится чего-то страшно и неловко.

— Полноте, Лизочка,—я отпущу съ вами Женни, и ничего не будетъ, ни слова никто не скажетъ.

— Да я не этого и боюсь, Петръ Лукичъ, а какъ-то это все не то, что я себѣ воображала, что я думала встрѣтить дома.

— Это вы, дитя мое, не осмотрѣлись съ нами и больше ничего.

— Нѣтъ, въ томъ-то и дѣло, что я съ *вами*-то совсѣмъ осмотрѣлась, у васъ мнѣ такъ нравится, а дома все какъ-то такъ странно—и суетливо будто, и мертво. Вообще странно.

— Потому и странно, что не привыкли.

— А какъ совсѣмъ не привыкну, Петръ Лукичъ?

Смотритель опять улыбнулся и, махнувъ рукою, проговорилъ:

— Полноте сочинять, другъ мой! —Какъ къ родной семьѣ не привыкнуть.

Тотчасъ послѣ чаю Женни и Лиза въ легкихъ соломенныхъ шляпкахъ впорхнули въ комнату Гловацкаго, расцѣловали старика и поѣхали въ Мерево, на смотрительскихъ дрожкахъ.

Былъ десятый часъ утра, день стоялъ прекрасный, теплый и безоблачный; дорога до Мерева шла почти сплошнымъ дубнячкомъ.

Дѣвушки встали съ дрожекъ и безъ малаго почти всѣ семь верстъ прошли пѣшкомъ. Свѣжее, теплое утро и ходьба прекрасно отразились на расположеніи ихъ духа и на ихъ молодыхъ, свѣжихъ лицахъ, горѣвшихъ румянцемъ усталости.

Передъ околицей Мерева онѣ оправили другъ на другѣ платья, сѣли опять на дрожки и въ самомъ веселомъ настроеніи подъѣхали къ высокому крыльцу бахаревскаго дома.

— Встали наши?—торопливо спросила, вбѣгая на крыльцо, Лиза у встрѣтившаго ее лакея.

— Баринъ вставши давно-съ, чай въ залѣ кушаетъ, а барышни еще не выходили,—отвѣчалъ лакей.

Егоръ Николаевичъ одинъ сидѣлъ въ залѣ за самоваромъ

и пилъ чай изъ большого краснаго стакана, надъ которымъ носились густые клубы табачнаго дыма.

Заслышавъ по залѣ легкій шорохъ женскаго платья, Бахаревъ быстро повернулся на стулѣ и, не выпуская изъ рукъ стакана, другою рукою погрозилъ подходившей къ нему Лизѣ.

— Шалуха, шалуха, что ты надѣлала!—говорилъ онъ съ добродушнымъ упрекомъ.

— Что, папочка?

— Я хотѣлъ-было за тобою ночью посылать, да такъ ужъ... Какъ таки можно?

— Что жъ такое, папа! Было такъ хорошо, мнѣ хотѣлось повидаться съ Женею, я и поѣхала. Я думала, что успѣю скоро возвратиться, такъ что никто и не замѣтитъ. Ну виновата, ну простите, что жъ теперь дѣлать?

— То-то, что дѣлать? — Шалунья! Я на тебя и не сержусь, а вонъ, смотри-ка, что съ матерью.

— Что съ мамашей?—тревожно спросила дѣвушка.

— Она совсѣмъ въ постель слегла.

— Боже мой! я побѣгу къ ней. Побудь здѣсь пока, Женни, съ папой.

— Ни, ни, ни!—остановилъ ее Бахаревъ.—У нея цѣлую ночь были истерики и она только передъ утромъ глаза сомкнула, не ходи къ ней, не буди ее, пусть успокоится.

— Ну, я пройду къ сестрамъ.

— Онѣ тоже объ не спали. Садитесь-ка, вотъ пейте пока чай, Богъ дастъ все обойдется. Только другой разъ не пугай такъ мать.

За дверями гостиной послышались легкіе шаги и въ залу вошла Зинаида Егоровна. Она была въ бѣломъ утреннемъ пеньюарѣ и ея роскошная, густая коса красиво покоилась въ синелевой сѣткѣ, а всегда блѣдное, болѣзненно прозрачное лицо казалось еще блѣднѣе и прозрачнѣе отъ лежавшаго на немъ слѣда безсонной ночи. Зинаида Егоровна была очень эффектна: точно средневѣковая, рыцарственная дама, мечтающая о своемъ далекомъ рыцарѣ.

Тихой, ровной поступью подошла она къ отцу, спокойно поцѣловала его руку и спокойно подставила ему для поцѣлуя свой мраморный лобъ.

— Что, Зинушка, съ матерью?—спросилъ старикъ.

— Мамѣ лучше, она успокоилась и съ семи часовъ за-

снула. Здравствуйте, Женни!—добавила Зина, обращаясь къ Гловацкой и протягивая ей руку.—Здравствуй, Лиза.

— Здравствуй, Зина.

— Позвольте, папа, — проговорила Зинаида Егоровна, взявшись за спинку отцовскаго стула, и сѣла за самоваръ.

— Чего ты такая блѣдная сегодня, Зиночка,—съ участіемъ освѣдомилась Лиза.

— Не спала ночь,—мнѣ это всегда очень вредно.

— Отчего ты не спала?

— Нельзя же всѣмъ оставить мать.

Лиза покраснѣла и закусила губку. Всѣ замолчали.

Женни чувствовала, что здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, какъ-то тяжело дышится.

Коридоромъ вошла въ залу Софи. Она не была блѣдна, какъ Зина, но тоже казалась нѣсколько утомленною.

Лиза замѣтила это, но уже ни о чемъ не спросила сестру.

Софи поцѣловала отца, потомъ сестеръ, потомъ съ нѣкоторымъ видомъ старшинства поцѣловала въ лобъ Женни и попросила себѣ чаю.

— Весело тебѣ было вчера?—спросила она Лизу, выпивъ первую чашку.

— Да, очень весело,—нѣсколько перѣшительно отвѣчала Лиза.

И опять всѣ замолчали.

— Что вашъ папа дѣлаетъ, Женни?—протянула Зинаида Егоровна.

— Онъ все въ своемъ кабинетѣ: вѣдомости какія-то составляетъ въ дирекцію.

— А вы же чѣмъ занимались все это время?

— Я? Пока еще ничѣмъ.

— Она хозяйничаетъ; у нея все такъ хорошо, такъ тихо, что не вышелъ бы изъ дома,—сочла нужнымъ сказать Лиза.

— А! это прекрасно,—опять протянула Зинаида Егоровна, и опять всѣ замолчали.

«Въ самомъ дѣлѣ, какъ здѣсь скучно!»—подумала Женни, поправивъ бретели своего платья, и стала смотрѣть въ открытое окно, изъ котораго было видно колосистое поле бурѣвшей ржи.

— Здравствуй, красавица!—проговорила за плечами у Женни старуха Абрамовна, вошедшая съ подносомъ, на

которомъ стояла высокая чайная чашка, раскрашенная синимъ съ золотомъ.

— Здравствуй, няничка! — воскликнула съ восторгомъ Женни и, обнявъ старуху, нѣсколько разъ ее поцѣловала.

— А ты, проказница, заѣхала, да и горя тебѣ мало,— съ ласковымъ упрекомъ замѣтила Лизѣ Абрамовна, пока Зина наливала чай въ матушкину чашку.

— Ахъ, полно, няня!

— Что полно? не нравится? Вотъ пожалуй-ка къ маменькѣ. Она какъ проснулась, такъ сейчасъ о тебѣ спросить изволила: видѣть тебя желаетъ.

Лиза встала и пошла къ коридору.

— Ты послушай-ка! Постой, молъ, подожди, не скачи стрекозою-то,—проговорила Абрамовна, идя вслѣдъ за Лизой по длинному и довольно темному коридору.

Лиза остановилась.

— Ишь у тебя волосы-то какъ разбрылялись,—бормотала старуха, поправляя пальцемъ свободной руки набѣжавшіе у Лизы на лобъ волосы.—Ты поди въ свою комнату, да поправься прежде, причешись, а потомъ и приходи къ родительницѣ, да не фонъ-баропомъ, а покорно приди, чувствуя, что ты мать обидѣла.

— Что вы, въ самомъ дѣлѣ, всѣ на меня?—вспыльчиво сказала долго сдерживавшаяся Лиза.

— Ахъ, мать моя! не хвалить ли прикажешь?

— Ничего я дурного не сдѣлала.

— Гостей полонъ домъ, а она, фитъ! улетѣла.

— Ну и улетѣла.

— Какъ это грустно,—говорила Женни, обращаясь къ Бахареву:—что мы съ папой удержали Лизу и надѣлали вамъ столько хлопотъ и непріятностей.

Бахаревъ выпустилъ изъ-подъ усовъ облако дыма и ничего не отвѣтилъ. Вмѣсто его, на этотъ вызовъ отвѣчала Зина.

— Вы здѣсь ничѣмъ не виноваты, Женичка, и вашъ папа тоже. Лиза сама должна была знать, что она дѣлаетъ. Она еще ребенокъ, прямо съ институтской скамьи и позволяетъ себѣ такія странныя выходки.

— Она хотѣла тотчасъ же ѣхать назадъ,—это мы ее удержали ночевать. Папа безъ ея вѣдома отослалъ лошадь. Мы думали, что у васъ никто не будетъ безпокоиться, зная, что Лиза съ нами.

— Да это вовсе не въ томъ дѣло. Здѣсь никто не сердился и не сердится, но скажите, пожалуйста, развѣ вы, Женни, оправдываете то, что сдѣлала сестра Лиза по своему легкомыслію?

Для Женни былъ очень непріятенъ такой оборотъ разговора.

— Я, право, не знаю,—отвѣчала она:—кто какое значеніе придаетъ тому, что Лиза проѣхалась ко мнѣ.

— Нѣтъ вы, Женичка, будьте прямодушнѣе, отвѣчайте прямо: сдѣлали бы вы такой поступокъ?

— Я не знаю, вздумалось ли бы мнѣ пошалить такимъ образомъ, а если бы вздумалось, то я поѣхала бы. Мнѣ кажется,—добавила Женни,—что мой отецъ не придалъ бы этому никакого серьезнаго значенія, и поэтому я нимало не охуждала бы себя за шалость, которую позволила себѣ Лиза.

— Правда, правда,—подхватилъ Бахаревъ.—Пойдутъ дуть, да раздувать и надуютъ и себѣ всякія лихія болѣсти, и другимъ безпокойство. Охъ ты, Господи! Господи!—произнесъ онъ, вставая и направляясь къ дверямъ своего кабинета:—ты ищешь только покоя, а онѣ знай исторіи разводятъ. И изъ-за чего, за что дѣвочку разогорчили!—добавилъ онъ, входя въ кабинетъ, и такъ хлопнулъ дверью, что въ залѣ задрожали стѣны.

Осторожно, на цыпочкахъ входили въ комнату Ольги Сергѣевны Зина, Софи и Женни. Женни шла сзади всѣхъ.

Оба окна въ комнатѣ у Ольги Сергѣевны были занавѣшены зелеными шерстяными занавѣсками, и только въ одномъ уголкѣ занавѣски былъ приподнятъ и приколотъ булавкой. Въ комнатѣ былъ полусвѣтъ. Ольга Сергѣевна съ нѣсколько разстроеннымъ лицомъ лежала въ кровати. Возлѣ ея подушекъ стоялъ кругленькій столикъ съ баночками, пузыречками и чашкою недопитаго чаю. Въ ногахъ, держась обѣими руками за кровать, стояла Лиза. Глаза у нея были заплаканы и ноздерки раздувались.

— Здравствуй, Женичка!—безучастно произнесла Ольга Сергѣевна, подставляя щеку наклонившейся къ ней дѣвушкѣ, и сейчасъ же непосредственно продолжала:—Положимъ, что ты еще ребенокъ, многаго не понимаешь, и потому тебѣ, разумѣется, во многомъ снисходятъ; но, помилуй скажи, что же ты за репутацію себѣ составишь? Да и не себѣ

одной: у тебя еще есть сестра дѣвушка. Положимъ опять и то, что Соничку давно знаютъ здѣсь всѣ, но все-таки ты ея сестра.

— Господи, maman! ужъ и сестрѣ я даже могу вредить, ну что же это? Будьте же, maman, хоть каплю справедливы,—не вытерпѣла Лиза.

— Ну да, я такъ и ожидала. Это цвѣточки, а будутъ еще ягодки.

— Да Боже мой, что же я такое дѣлаю? За какія вины мною всѣ недовольны? Все это за то, что къ Женни на часокъ проѣхала безъ спроса?—произнесла она сквозь душившія ее слезы.

— Лиза! Лиза!—произнесла вполголоса и качая головою Софи.

— Что?

— Оставьте ее, она не понимаетъ,—съ многозначительной гримасой простонала Ольга Сергѣевна: —она не понимаетъ, что убиваетъ родителей. Штуку отлила: исчезла ночью при сторонникъ людяхъ. Это все ничего для нея не значитъ,—оставьте ее.

Всѣ замолчали. Лиза откинула цабѣжавшіе на лобъ волосы и продолжала спокойно стоять въ прежнемъ положеніи.

— Пусть свѣтъ, люди, тяжелыми уроками научатъ тому, чего она не хочетъ понимать,—продолжала чрезъ нѣкоторое время Ольга Сергѣевна.

— Да что же понимать, maman?—совсѣмъ нетерпѣливо спросила послѣ короткой паузы Лиза. — У тети Агніи я сказала свое мнѣніе, можетъ-быть, очень невѣрное, и, можетъ-быть, очень некстати, но неужто это ужъ такой проступокъ, которымъ нужно постоянно пилить меня?

— Да,—вздохнувъ, застонала Ольга Сергѣевна. — Одну глупость сдѣлаемъ, за другую возьмемся, а тамъ за третью, за четвертую и такъ далѣе.

— Если ужъ я такъ глупа, maman, то что-жъ со мной дѣлать? Буду дѣлать глупости, мнѣ же и будетъ хуже.

— Ахъ, уйди, матушка, уйди Бога ради!—нервно вскрикнула Ольга Сергѣевна.—Не распускай при мнѣ этой своей философіи. Ты очень умна, просвѣщенна, образованна, и я не могу съ тобой говорить. Я глупа, а не ты, но у меня есть еще другія дѣти, для которыхъ нужна моя жизнь. Уйди, прошу тебя.

Лиза тихо повернулась, и твердою, спокойною поступью вышла за двери.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Перепилили.

Гловацкой очень хотѣлось выйти вслѣдъ за Лизой, но она осталась.

Ольга Сергѣевна вздохнула, сдѣлала гримасу и, обратясь къ Зинѣ, сказала:

— Накапь мнѣ на сахаръ гофманскихъ капель, да пошлите ко мнѣ Абрамовну.

Женни воспользовалась этимъ случаемъ и пошла позвать няню.

Лиза сидѣла на балконѣ, положивъ свою головку на руку. Глаза ея были полны слезъ, но она безпрестанно смаргивала эти слезы и глядѣла на разстилавшееся за рѣкою колосистое поле.

Женни подошла, поцѣловала ее въ лобъ и сѣла съ ней рядомъ на плетеный диванчикъ.

— Что тамъ теперь?—спросила Лиза.

— Ничего; Ольга Сергѣевна, кажется, хочетъ уснуть.

— Что если это такъ будетъ всегда, цѣлую жизнь?

— Ну, Богъ знаетъ что, Лиза! Ты не выдумывай себѣ, пожалуйста, горя больше, чѣмъ оно есть.

— Что-жъ это по-твоему — ничего? Можно, по-твоему, жить при такихъ сценахъ? А это первое время; первый мѣсяцъ, первый мѣсяцъ дома послѣ шестилѣтней разлуки! Боже мой! Боже мой! — воскликнула Лиза и, не удержавъ слезъ, горько заплакала.

— Полно плакать, Лиза,—уговаривала ее Гловацкая.

Лиза не могла удержаться и, зажавъ платкомъ ротъ, вся дергалась отъ сдерживаемыхъ рыданій.

— Перестань, что это! Застанутъ въ слезахъ, и еще хуже будетъ. Пойдемъ, пройдемся.

Лиза молча встала, отерла слезы и подала Женни свою руку.

Дѣвушки прошли молча длинную тополевую аллею сада и вышли черезъ калитку на берегъ, съ котораго открывался домъ и англійскій садъ камергерши Меревой.

— Какой красивый видъ отсюда!—сказала Гловацкая.

— Да, красивый, — равнодушно отвѣчала Лиза, снова обтирая платкомъ слезы, наполнившія ея глаза.

— А оттуда, изъ ея оконъ, я думаю, еще лучше.

— Богъ знаетъ,—поле и нашъ домъ, должно-быть, видны. Впрочемъ, я, право, не знаю, и меня теперь это вовсе не занимаетъ.

Дѣвушки продолжали идти молча по берегу.

— Ваши съ нею знакомы? — спросила Женни, чтобы не давать задумываться Лизѣ, у которой безпрестанно навертывались слезы.

— Съ кѣмъ?—нетерпѣливо спросила Лиза.

— Съ Меревой.

— Знакомы.

Лиза опять обтерла слезы.

— А ты познакомилась?

— Съ Меревой?

— Да.

— Нѣтъ; мы ходили къ ней съ папой, да она нездорова что-ль-то была: не приняла. Мы только были у Помады, навѣщали его. Хочешь, зайдемъ къ Помадѣ?

— Я очень рада была бы, Лиза, но какъ же это? Идти однимъ, къ чужому мужчинѣ, на чужой дворъ.

— Да что жъ такое? Ну что жъ съ нами сдѣлается?

— Ничего не сдѣлается, а пойдутъ толковать.

— Что жъ толковать? Больного развѣ нельзя навѣстить? Больныхъ всѣ навѣщаютъ. Я же была у него съ папой, отчего же мнѣ теперь не пойти съ тобою?

— Нѣтъ, я не пойду, Лиза, именно съ тобою и не пойду, потому что здоровья мы ему съ собою не принесемъ, а тебѣ ужъ такъ достанется, что и мѣста не найдешь.

— Да, вотъ это-то! — протянула, насупивъ бровки, Лиза, и опять задумалась.

— О чемъ ты все задумываешься? Брось это все, — говорила Женни.

— Да, брось! Хорошо тебѣ говорить: «брось», а сама бы попробовала слушать эти вѣчные реприманды. И отъ всѣхъ, отъ всѣхъ, рѣшительно отъ всѣхъ. Ахъ, ты, Боже мой! да что жъ это такое! И мать, и Зина, и Соничка, и даже няня. Только одинъ отецъ не брюзжитъ, а то всѣ, такъ рѣшительно всѣ. Шагъ ступлю — не такъ ступила; слово скажу—не такъ сказала; все не такъ, все имъ не нравится, и пойдетъ на цѣлый день разговоръ. Я хотѣла бы посмотрѣть на тебя на моемъ мѣстѣ; хотѣла бы видѣть, отска-

нвало ли бы отъ тебя это обращеніе, какъ отъ тебя все отскакиваетъ.

— Чего жъ ты сердишься, Лиза? Я вѣдь не виновата, что у меня такая натура. Я ледышка, какъ вы называли меня въ институтѣ, ну и что жъ мнѣ дѣлать, что я такая ледышка. Можетъ-быть, это и лучше.

— Я буду очень рада, если тебя мужъ будетъ бить,— совершенно забывшись, проговорила Лиза.

Женни поблѣднѣла, какъ бѣлый воротничокъ ея манишки, и дернула свою руку съ локтя Лизы, но тотчасъ же остановилась и съ легкимъ дрожаніемъ въ голосѣ сказала:

— Даже будешь рада!

— Да, буду рада, очень буду рада.

Женни опять подернуло, и ея блѣдное лицо вдругъ покрылось яркимъ румянцемъ.

— Ты взволнована и сама не знаешь, что говоришь, на тебя нельзя даже теперь сердиться.

— Конечно, я глупа; чего жъ на мои слова обращать вниманіе,—отвѣчала ей съ ѣдкой гримаской Лиза.

— Не придирайся, пожалуйста. Недостаетъ еще, чтобы мы вернулись надувшись другъ на друга: славная будетъ картина и тоже кстати.

— Нѣтъ, ты меня бѣсишь.

— Чѣмъ это?

Твоимъ напускнымъ равнодушіемъ, этой спокойностью какою-то. Тебѣ вѣдь отлично жить, и ты отлично живешь: у тебя все ладится и всегда все будетъ ладиться.

— Ну, такъ ты и желаешь, чтобы, для разнообразія въ моей жизни, меня билъ мой мужъ?

— Не билъ, а такъ вотъ пилилъ бы. Да вѣдь тебѣ что жъ это. Тебѣ это ничего. Ты будешь пѣшкою у мужа, и тебѣ это все равно будетъ,—будешь очень счастлива.

Женни спокойно молчала. Лиза вся дрожала отъ негодованія и, насупивъ брови, добавила:

— Да, это такъ и будетъ.

— Что это такое?

— Что будешь тряпкой, которой мужъ будетъ пыль стирать.

Женни опять немножко поблѣднѣла и произнесла:

— Ну, это мы посмотримъ.

— Нечего и смотрѣть: все такъ видно.

— Не станемъ больше спорить объ этомъ. Ты оскорблена

и срываешь на мнѣ свое сердце. Мнѣ тебя такъ жаль, что я и сказать не умѣю, но все-таки я съ тобой, для твоего удовольствія, не поссорюсь. Тебѣ нынче не удастся вытянуть у меня дерзость; но вспомни, Лиза, нянину пословицу, что вѣдь «и сырыя дрова загораются».

— И пусть,—еще болѣе насупясь, отвѣчала Лиза.

Гловацкая не отвѣтила ни слова и, дойдя до перекрестной дорожки, тихо повернула къ дому.

Лиза шла рядомъ съ подругою, все сильнѣе и сильнѣе опираясь на ея руку.

Такъ онѣ дошли молча до самаго сада. Пройдя также молча нѣсколько шаговъ по саду, у поворота къ тополевой аллеѣ Лиза остановилась, высвободила свою руку изъ руки Гловацкой и, кусая ноготокъ, съ тѣми же, однако, насупленными бровками, сказала:

— Ты на меня сердишься, Женни? Я передъ тобою очень виновата; я тебя обидѣла, прости меня.

Большіе глаза Гловацкой и ея доброе лицо приняли выраженіе какого-то неописаннаго счастья.

— Боже мой!—воскликнула она:— какое чудо! Лиза Бахарева первая попросила прощенья.

— Да, прости меня, я тебя очень обидѣла. — повторила Лиза и, бросаясь на грудь Гловацкой, зарыдала, какъ маленькій ребенокъ: — я скверная, злая и не стою твоей любви,—лепетала она, прижимаясь къ плечу подруги.

У Гловацкой тоже набѣжали слезы.

— Полно лгать,—говорила она:—ты добрая, хорошая дѣвушка; я тебя теперь еще больше люблю.

Лиза мало-по-малу стихала и, наконецъ, поднявъ голову, совсѣмъ весело взглянула въ глаза Гловацкой, отерла слезы и нѣсколько разъ ее поцѣловала.

— Пойдемъ, умоемся,—сказала Женни.

Дѣвушки снова вышли изъ сада и, взойдя на плотикъ, умылись и утерлись носовыми платками.

— Вотъ если бы насъ видѣли! —сказала Лиза съ улыбкой, которая плохо шла къ ея заплаканнымъ глазамъ.

— Ну и что жъ, ничего бы не было, если бы и видѣли.

— Какъ же! Ахъ, Женька, возьми меня, душка, съ собою. Возьми меня, возьми отсюда. Какъ мнѣ хорошо было бы съ вами. Какъ я счастлива была бы съ тобою и съ твоимъ отцомъ. Вѣдь это онъ научилъ тебя быть такой доброю.

— Нѣтъ, я вѣдь такъ родилась, такая ледышка,—смѣясь, отвѣчала Женни.

— Да, какъ же! Нѣтъ, это тебя выучили быть такой хорошей. Люди не родятся такими, какими они послѣ выходятъ. Развѣ я была когда-нибудь такая злая, гадкая, какъ сегодня?.. — У Лизы опять навернулись слезы. Она была ужъ очень разстроена: кажется, всѣ нервы ея дрожали, и она ежеминутно снова готова была расплакаться.

Женни замѣтила это и сказала:

— Ну, перестанемъ толковать, а то опять придется умываться.

— Что жъ, я говорю правду, мнѣ это больно; я никогда не забуду, что сказала тебѣ. Я вѣдь и въ ту минуту этого не чувствовала, а такъ сказала.

— Ну, развѣ я этого не знаю.

— То-то, ты не подумай, что я хоть на минуту тебя не любила.

Лиза опять расплакалась.

— Ты забудь, забудь,—говорила она сквозь слезы:— потому что я... сама ничего не помню, что я дѣлаю. Меня... такъ сильно... такъ сильно... такъ сильно... оби... обидѣли. Возьми... возьми къ себѣ, другъ мой! ангелъ мой хранитель... сох... сохрани меня.

— Что ты болтаешь, смѣшная! Какъ я тебя возьму? Здѣсь у тебя семья: отецъ, мать, сестры.

— Я ихъ буду любить, я ихъ еще... больше буду лю... бить. Тутъ я ихъ скорѣе перестану любить. Они, можетъ-быть, и доб...рые всѣ, но они такъ странно со мною об... обра...щаются. Они не хотятъ понять, что мнѣ такъ нельзя жить. Они ничего не хотятъ понимать.

— Ты только успокойся, перестань плакать-то. Они узнаютъ, какая ты добрая, и поймутъ, какъ съ тобою нужно обращаться.

— Н...нѣтъ, они не поймутъ; они никог...да, ни...ког...да не поймутъ. Тетка Агнія правду говорила. Есть, вѣрно, въ самомъ дѣлѣ семьи, гдѣ еще меньше понимаютъ, чѣмъ въ институтѣ.

Лиза, разстроенная до послѣдней степени, неожиданно бросилась на колѣни предъ Гловацкою и въ какомъ-то изступленіи проговорила:

— Ангелъ мой, возьми! Я здѣсь ихъ возненавижу, я

стану злая, стану демономъ, чудовищемъ, звѣремъ... или я... чортъ знаетъ чего надѣлаю.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Перчатка поднята.

Узнавъ, что мужъ очень сердится и начинаетъ похлопывать дверями, Ольга Сергѣевна рѣшилась выздоровѣть и выйти къ столу. Она умѣла доѣзжать Егора Николаевича истерическими фокусами, но все-таки сильно побаивалась заходить далеко. Храбрый эксъ-гусаръ, опутанный слезливыми бабами, обыкновенно терпѣливо сносилъ подобныя сцены и, по безпредѣльной своей добротѣ, никогда не умѣлъ остановить ихъ прежде, чѣмъ эти сцены совершенно выводили его изъ терпѣнія. Но зато, когда визгъ, стоны, суетливая бѣготня прислуги выводили его изъ терпѣнія, онъ, громко хлопнувъ дверью, уходилъ въ свою комнату и порывисто бѣгалъ по ней изъ угла въ уголъ. Если же еще съ полчаса исторія въ домѣ не прекращалась, то двери кабинета обыкновенно съ шумомъ распахивались, Егоръ Николаевичъ выбѣгалъ оттуда дрожащій и съ растрепанными волосами. Онъ стремительно достигалъ комнаты, гдѣ истеричничала Ольга Сергѣевна, громовымъ словомъ и многознаменательнымъ движеніемъ чубука выгонялъ вонъ изъ этой комнаты всякую живую душу и затѣмъ держалъ къ корчившей ноги больной такую рѣчь:

— Вамъ мѣшаютъ успокоиться, и я васъ запру на ключъ, пока вы не перестанете.

Затѣмъ эксъ-гусаръ выходилъ за дверь, оставляя больную на постели одну-одинешеньку. Manu intrepida поворачивалъ онъ ключъ въ дверномъ замкѣ и, усѣвшись на первое ближайшее кресло, дымилъ какъ паровозъ, выкуривая трубку за трубкой, до тѣхъ поръ, пока за дверью не начинали стихать истерическіе стоны. Сначала, когда Ольга Сергѣевна была гораздо моложе и еще питала нѣкоторыя надежды хоть разъ выйти съ достоинствомъ изъ своего замкнутаго положенія, Бахареву иногда приходилось долгонько ожидать конца женинныхъ припадковъ; но разъ отъ раза, по мѣрѣ того, какъ взбѣшенный гусаръ прибѣгалъ къ своему оригинальному лѣченію, оно у него все шло удачнѣе. Не успѣетъ, бывало, Бахаревъ, усѣвшись у двери, докурить первой трубки, какъ уже вмѣсто безпорядочныхъ облаковъ дыма выпуститъ изо рта

стройное, правильное колечко, что обыкновенно служило несомнѣннымъ признакомъ, что Егоръ Николаевичъ ровно черезъ двѣ минуты встанетъ, повернетъ обратно ключъ въ двери, а потомъ уйдетъ въ свою комнату, велитъ запрягать себѣ лошадей и уѣдетъ дня на два, на три въ городъ заниматься дѣлами по предводительской канцеляріи и дворянской опекѣ. У Егора Николаевича никакъ нельзя было добиться: подозрѣваетъ ли онъ свою жену въ истерическомъ притворствѣ, или считаетъ свой способъ лѣченія надежнымъ средствомъ противъ дѣйствительной истерики, но онъ неуклонно слѣдовалъ своему правилу до счастливаго дня своей серебряной свадьбы. А теперь, когда Абрамовна доложила Ольгѣ Сергѣевнѣ, что «баринъ хлопнули дверью и ушли къ себѣ», Ольга Сергѣевна опасалась, что Егоръ Николаевичъ не измѣнитъ себѣ и до золотой свадьбы. Хорошо зная, что должно наступить послѣ маневра, о которомъ ей доложила Абрамовна, Ольга Сергѣевна простонала:

— Только не бѣгайте Бога ради, не суетитесь; голову всю мнѣ разломали своимъ безтолковымъ снованьемъ. Мечутся безъ толку изъ угла въ уголъ, словно угорѣлыя кошки, право.

Произнеся такую рѣчь, Ольга Сергѣевна будто успокоилась, полежала и потомъ спросила:

— А кормили ли сегодня кошечекъ-то?

— Какъ же, maman, кормили,—отвѣчала Софи.

— То-то. Матузалевнѣ надо было сырого мясца дать: она все еще нездорова; ее не надо кормить вареным. Дайте-ка мнѣ туфли и шлафоръ, я попробую встать. Бока отлежала.

Проба оказалась удачной. Ольга Сергѣевна встала, перешла съ постели на кресло и не надѣла бѣлаго шлафора, а потребовала темненькій капотикъ.

— Скучно здѣсь,—говорила она, посматривая на дверь:— дайте я попробую выйти къ столу.

Вторая проба была опять удачна не менѣе первой. Ольга Сергѣевна безопасно достигла столовой, поклонилась мужу, потомъ помолилась передъ образомъ и сѣла за столъ на свое обыкновенное мѣсто.

Взглянувъ на наплаканные глаза Лизы, она сдѣлала страдальческую мину матери, оскорбленной непочтительною дочерью, и стала разливать супъ съ кнелью.

Егоръ Николаевичъ былъ мраченъ и хранилъ гробовое молчаніе. Глядя на него, всѣ тоже молчали.

— Что вы такъ мало кушаете, Женичка? — обратился, наконецъ, въ срединѣ обѣда Бахаревъ къ Гловацкой.

— Благодарю васъ, я сыта.

— То-то, вы кушайте по-нашему, по-русски, вплотную. У насъ, вѣдь, не то, что въ институтѣ: «дѣти! дѣти! чего вамъ? Картоофеллю, картоофффеллю!» — пропищалъ, какъ-то весь сократившись, Бахаревъ, какъ бы подражая въ этомъ разсказѣ какой-то директрисѣ, которая каждое утро спрашивала своихъ воспитанницъ: «дѣти, чего вамъ?» А дѣти ей всякое утро отвѣчали хоромъ: «картофелю».

Всѣ были очень рады, что буря проходитъ, и всѣ разсмѣялись. И заплаканная Лиза, и солидная Женни, и рыцарственная Зина, безцвѣтная Софи, и даже сама Ольга Сергѣевна не могла равнодушно смотрѣть на Егора Николаевича, который, продекламировавъ послѣдній разъ «картоооффеллю», остался въ принятомъ имъ на себя сокращенномъ видѣ и смотрѣлъ робкими институтскими глазами въ глаза Женни.

— Это вовсе не похоже; никогда этого у насъ не было,— смѣясь, отвѣчала Бахареву Женни.

— Какъ? какъ не было? Не было этого у васъ, Лизокъ? Не просили вы себѣ всякій день кааартоооффеллю!

— Нѣтъ, папа: насъ хорошо кормили. Теперь въ институтахъ хорошо кормятъ.

— Ну, разсказывайте, *хорошо*. Знаемъ мы это хорошо! На десять штукъ фунтъ мяса сварятъ, а то все кааартоооффеллю.

— Да нѣтъ же, папа, не знаете вы, — шутливо возразила Лиза.

— Реформы, значитъ, реформы, и до васъ дошли благодѣтельныя реформы?

— Да, теперь по всему замѣтно, что въ институтахъ иные порядки настали. Прежнихъ порядковъ ужъ нѣтъ, — какъ-то двусмысленно замѣтила Ольга Сергѣевна.

— Да, вотъ я смотрю на Евгенію Петровну: кровь съ молокомъ. Если бы старые годы — съ сердечкомъ распростись.

— Стыдно подсмѣиваться, Егоръ Николаевичъ, — замѣтила Женни и покраснѣла.

— А краснѣютъ-то нынѣшнія институтки еще такъ же точно, какъ и прежнія,—продолжалъ шутить старикъ.

— Не всѣ, папа,—весело замѣтила Лиза.

— Да, не всѣ, — вздохнувъ и принявъ угнетенный видъ, подхватила Ольга Сергѣевна. — Изъ нынѣшнихъ институтокъ есть такія, что, кажется, ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ не покраснѣютъ. О чемъ прежнія и думать-то, и разсуждать не умѣли, да и не смѣли, въ томъ нѣкоторыя изъ нынѣшнихъ съ старшими зубъ за зубъ. Ни совѣты имъ, ни наставленія, ничто не нужно. Сами все больше другихъ знаютъ и никѣмъ, и ничѣмъ не дорожатъ.

Лиза взглянула на Гловацкую и сохранила совершенное спокойствіе во все время, пока мать загинала ей эту шпильку.

За чаемъ шпигованье повторилось снова.

— Поѣдемте на озеро, Женичка. Вы вѣдь еще не были на нашемъ озерѣ. Будемъ тамъ ловить рыбу, сваримъ уху и пріѣдемъ,—предложилъ Бахаревъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, Егоръ Николаевичъ, я не могу, я сегодня должна быть дома.

— Полноте, что́ вамъ тамъ дома, съ своимъ старикомъ дѣлать? У насъ вотъ будетъ какой гусарчикъ Канивцовъ—чудо!

— Богъ съ нимъ!

— Сонька его совсѣмъ заполонила, разбойница, но вы... одно слово: veni, vidi, vici.

— Что́ это значитъ?

— Пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ.

— Ооо! Мнѣ этого пока вовсе не нужно.

— Те, те, те, не нужно! Всѣ такъ говорятъ—не нужно, а женишка порядочнаго сейчасъ и заплетутъ въ свои розовыя сѣти.

— Я вамъ не сказала, что мнѣ вовсе не нужно, а я говорю, мнѣ это *пока* не нужно.

— А, — разсмотрѣть хотите, это другое дѣло. Ну, а съ нами-то нынче оставайтесь.

— Не могу, Егоръ Николаевичъ.

— Лиза, что жъ ты не просишь?

Лиза очень боялась этого разговора и чуть внятно проговорила:

— Оставайся, Женни.

— Не могу, Лиза, не проси. Ты знаешь, ужъ если бы было можно, я не отказала бы себѣ въ удовольствіи и осталась бы съ вами.

— Вы не по-дружески ведете себя съ Лизой, Женичка,— начала Ольга Сергѣевна.—Прежнія институтки тоже такъ не поступали. Прежнія всегда старались превосходить одна другую въ великодушіи.

— Если одна пила рюмку уксуса, то другая двѣ за нее,— подхватилъ развеселившійся Бахаревъ и захохоталъ.

— Да, — продолжала Ольга Сергѣевна: — а вы вотъ не такъ. Лиза у васъ ночевала, по вашему приглашенію, а вы не удовлетворяете ея просьбы.

Лиза во время этого разговора старалась смотрѣть какъ можно спокойнѣе.

— Лизанька, вѣроятно, и совсѣмъ готова была бы у васъ остаться, а вы не хотите подарить ей одну ночку.

— Я не могу, Ольга Сергѣевна.

— Отчего же она могла?

— У меня хозяйство, я ничѣмъ не распорядилась.

— А, вы хозяйничаете!

— Не могу выдерживать. Я и за обѣдомъ едва могла промолчать на всѣ эти задиранья. Господи! укроти Ты мое сердце!—сказала Лиза, выйдя изъ-за чая.

Ольга Сергѣевна прямо изъ-за самовара ушла къ себѣ; для Гловацкой велѣли запрягать ея лошадь, а на балконъ подали душистый, розовый варенецъ.

Вся семья, кромѣ старухи, сидѣла на балконѣ. На дворѣ были густыя лѣтнія сумерки и изъ-за меревскаго сада выплывала красная луна.

— Ахъ, луна!—воскликнула Лиза.

— Что это, Лиза! точно вы не видали луны,—замѣтила Зинаида Егоровна.

— И этого нельзя?—сухо спросила Лиза.

— Не нельзя, а смѣшно. Тебя прозовутъ мечтательницею. Зачѣмъ же быть смѣшною?

Къ крыльцу подали дрожки Гловацкаго, и Женни стала надѣвать шляпку.

— Надолго теперь, Женни.

— Не знаю, Лизочка. Я постараюсь увидѣть тебя поскорѣе.

— Вы ужъ и замужъ безъ Лизы не выходите,— смѣясь проговорилъ Бахаревъ.

— Я ужъ вамъ сказала, Егоръ Николаевичъ, что мы съ Лизой еще и не собираемся замужъ.

Бахаревъ продекламировалъ:

«Золотая волюшка
Мнѣ милѣй всего,
Не надо мнѣ съ волею
Въ свѣтѣ ничего».

— Такъ ли?

— Именно такъ, Егоръ Николаевичъ?

— И ты тоже, Лизокъ?

— О, да, тысячу разъ да, папа.

— Ну вотъ, говорятъ, институтки перемѣнились! Все тѣ же, и все тѣ же у нихъ пѣсенки.

Егоръ Николаевичъ снова расхохотался. Женни простилась и вышла. Зина, Софи и Лиза проводили ее до самыхъ дрожекъ.

— Какая ты счастливица, Женни: ѣхать ночью одной по лѣсу. Ахъ, какъ хорошо!

— Боже мой! что это, въ самомъ дѣлѣ, у тебя, Лиза, то ночь, то луна, дружба... тебя, просто, никуда взять нельзя, съ тобою засмѣютъ, — произнесла по-французски Зинаида Егоровна.

Женни замѣтила при свѣтѣ луны, какъ на глазахъ Лизы блеснули слезы, но не слезы горя и отчаянія, а сердитыя, непокорныя слезы, и прежде чѣмъ она успѣла что-нибудь сообразить, та откинула волосы и рѣзко сказала:

— Ну, однако, это ужъ надоѣло. Знайте же, что мнѣ все равно не только то, что скажутъ обо мнѣ ваши знакомые, но даже и все то, что съ этой минуты станете обо мнѣ думать сами вы, и моя мать, и мой отецъ. Прощай, Женни, — добавила она и шибко взбѣжала по ступенямъ крыльца.

— Однако, какія тамъ странныя вещи, въ самомъ дѣлѣ, творятся, папа, — говорила Женни, снимая у себя въ комнатѣ шляпку.

— Что такое, Женюша?

Гловацкая разсказала отцу все происходившее на ея глазахъ въ Меревѣ.

— Это скверно, — замѣтилъ старикъ. — Чудаки, право! люди не злые, особенно Егоръ Николаевичъ, а живутъ Богъ

знаетъ какъ. Надо бы Агнесѣ Николаевнѣ это умненечко шепнуть: она направитъ все иначе, — а пока Христосъ съ тобой,—иди съ Богомъ спать, Женюшка.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Слово съ вѣсомъ.

Мать Агнія у окна своей спальни вязала нитяный чулокъ. Передъ нею на стулѣ сидѣла сестра Ѳеоктиста и разматывала съ моталки бумагу. Былъ двѣнадцатый часъ дня.

— Это, конечно, дѣлаетъ тебѣ честь, — говорила игуменья, обращаясь къ сестрѣ Ѳеоктистѣ: — а все же такъ нельзя. Я просила губернатора, чтобы тебѣ твое, что слѣдуетъ, отъ свекрови истребовали и отдали.

Ѳеоктиста не отрывала глазъ отъ работы и молчала.

Голосъ игуменьи на этотъ разъ былъ какъ-то слабѣе обыкновеннаго: ей сильно нездоровилось.

— Пока ты здорова, конечно, можешь и безъ поддержки прожить, — продолжала мать Агнія: — а помилуй Богъ, болѣзни,—тогда что?

— Я, матушка, здорова,—тихо отвѣчала Ѳеоктиста.

— Ну, да. Я объ этомъ не говорю теперь, а вѣдь живъ человѣкъ живое и думаетъ. Мало ли чѣмъ Господь можетъ посѣтить: тогда копеечка-то и понадобится.

Ѳеоктиста вздохнула.

— И опять, что̀ не въ коня кормъ-то класть, — разсуждала мать Агнія.—Другое дѣло, если бы оставила ты свое доброе роднымъ, или нероднымъ, да людямъ, которые понимали бы, что ты это дѣлаешь отъ благородства, и сами бы поучались быть поближе къ добру-то и къ Богу. Тутъ бы и говорить нечего: дѣло хорошее. А то, что̀ изъ всего этого выходитъ? Свекровь твоя ужъ навѣрное тебя же дурой считаетъ, да и весь городъ-то, мужланы-то ваши, о тебѣ того же мнѣнія. «Вонъ, молъ, дуру-то какъ обдѣлали», да и сами того же на другихъ, тебѣ подобныхъ, овцахъ искать станутъ. Подумай сама, не правду ли я говорю?

— Не знаю, матушка,—краснѣя проронила Ѳеоктиста.

Въ кельѣ наступило молчаніе.

Игуменья быстро шевелила чулочными прутками и смотрѣла на свою работу, нѣсколько надвинувъ брови и о чемъ-то напряженно размышляя. Ѳеоктиста также усердно работала и съ полчаса въ кельѣ только и было слышно,

что щелканье чулочныхъ спицъ, да ровный, усыпляющій шумъ деревянной моталки.

— Дома мать игуменья?—произнесъ среди этой тишины мужской голосъ въ передней.

Игуменья подняла на лобъ очки и, относясь къ Ѳеоктистѣ, проговорила:

— Кто бы это такой?

Ѳеоктиста немедленно встала и въ комнатѣ дѣвочекъ встрѣтилась съ Бахаревымъ, который шутливо погрозилъ ей пальцемъ и вошелъ къ игуменьѣ.

— Здравствуй, сестра!—произнесъ онъ, цѣлуя руки матери Агніи.

— Здравствуй, Егоръ!—отвѣчала игуменья, снова надѣвъ очки и снова зашевеливъ стальными спицами.

— Какъ живешь-можешь?

— Что мнѣ дѣлается? Живу, Богу молюсь, да хлѣбъ жую. Какъ вы тамъ живете?

— И мы живемъ.

— Ну, и хорошо. Къ губернатору, что ли, пріѣхалъ?

— Да, и дѣлишки кое-какія собрались, и съ тобой захотѣлось повидаться.

— Спасибо.—Чаю хочешь?

— Пожалуй.

— Ѳеоктиста! скажи тамъ,—распорядилась игуменья.

Ѳеоктиста вышла и черезъ минуту вошла снова.

— Эхъ, сестра Ѳеоктиста,—шутилъ Бахаревъ:—какъ на васъ и смотрѣть ужъ не знаю!

— Какъ изволите?—спросила спокойно ничего не разслышавшая Ѳеоктиста, но покраснѣла, зная, что Бахаревъ любитъ пройтись насчетъ ея земной красоты.

— Полно врать-то! Тоже любезничать: сѣдина въ голову, а бѣсъ въ ребро,—съ поддѣльнымъ неудовольствіемъ остановила его игуменья и, посмотрѣвъ съ артистическимъ наслажденіемъ на Ѳеоктисту, сказала: — Иди пока домой. Я тебя позову, когда будетъ нужно.

Монахиня поставила въ уголокъ моталку, положила на нее клубокъ, низко поклонилась, проговорила: «спаси васъ, Господи!» и вышла.

Братъ съ сестрою остались вдвоемъ. Весноватая келейница подала самоваръ.

— Ну, что жъ твои тамъ дѣлаютъ?—спросила игуменья, заварившъ чай и снова взявшись за чулочныя спицы.

— Да что? Не знаю, какъ тебѣ разсказать.

— Что жъ это за мудрость такая?

— Съ котораго конца начать-то, говорю, не знаю.

Игуменья подняла голову и, не переставая стучать спицами, пристально посмотрѣла черезъ свои очки на брата.

— Жена ничего,—хворала немножко,—проговорилъ Бахаревъ:—а теперь лучше; дѣти здоровы, слава Богу.

— А Зининъ мужъ? — спросила мать Агнія, смотря на брата тѣмъ же проницательнымъ взглядомъ и попрежнему стуча спицами.

— Да вотъ думалъ, не встрѣчу ли его здѣсь.

— А она у васъ все?

— У насъ пока.

Игуменья покачала неодобрительно головой и стала поднимать спущенную петлю.

— Странная ты, сестра! Гдѣ же ей, въ самомъ дѣлѣ, быть?

— Гдѣ? У мужа, я думаю.

— Да вѣдь вотъ поди же.

Бахаревъ въ недоумѣніи развелъ руками.

— Что жъ такое?

— Не ладятъ все, Богъ ихъ знаетъ.

— А вы приголубливайте дочку-то. Поди, молъ, сюда: ты у насъ паинька,—кошка дура.

— Да вѣдь что жъ дѣлать?

— Къ мужу отправить. Отрѣзанный ломоть къ хлѣбу не пристаетъ. Разъ бы, да другой увидала, что нельзя глупить, такъ и обдумалась бы; она вѣдь не дура. А то маменька съ папенькой сами потворствуютъ, бабенка и дуритъ, а потомъ и въ привычку войдетъ.

— Да я, сестра, ничего, я даже...

— Ты даже, — хорошо. Постой-ка, батюшка! Ты, вонъ тебѣ шестой десятокъ, да на хорошенькихъ-то зѣваешь, а ея мужу тридцать лѣтъ! тутъ безъ грѣха грѣхъ.—Да грѣхъ-то еще грѣхомъ, а то и сердечишко заговоритъ. Отъ капризныхъ-то женъ мужей вѣдь умѣютъ подбирать: тебѣ, молъ, милая, онъ не годится. ну, дескать, мнѣ подай. Вы объ этомъ подумали съ нѣжной маменькой-то или нѣтъ,—а?

— Да я, сестра...

— Что, братецъ?

— Я съ тобой совершенно согласенъ, даже хотѣлъ...

— Да вѣрно хотѣй не велѣлъ,—ѣдко подсказала игуменья.

— Да полно тебѣ, сестра! Я говорилъ, что это не хорошо.

— Это гадко, а не просто нехорошо. Парень слоняется изъ дома въ домъ по барынькамъ, да сударынькамъ, вездѣ ему рады. Да и отчего жъ нѣтъ? Человѣкъ молодой, не дуренъ, говорить не дуракъ, — а дома пустыя комнаты, да женины капризы помнятся: эй, глядите, друзья, пономните мое слово: будетъ у васъ эта милая Зиночка ни дѣвушка, ни вдова, ни замужняя жена.

— Да она возвратится, возвратится.

— Когда жъ это она возвратится?

— Да вотъ...

— Когда мужъ пріѣдетъ, да станетъ ублажать, ручки лизать, да упрашивать? А какъ, наконецъ, и не станетъ?—значительно моргнувъ однимъ глазомъ, закончила мать Агпія.

Бахаревъ молчалъ.

— Переломить надо эту фанаберію-то. Пусть разъ спесьто свою спрячетъ, да вернется къ мужу съ покорной головой. А то,—эй, смотри, Егоръ! — на цѣлый вѣкъ вы бабенку сгубите. И что ты-то, въ самомъ дѣлѣ, за колпакъ такой!

— Я, право, сестра, самъ бы давно ее спровадилъ, да вѣдь знаешь мой характеръ дурацкій: сценъ этихъ смерть боюсь. Вѣдь изъ себя выйду, чортъ знаетъ, что надѣлаю.

— Да что тутъ за сцены! Велѣлъ тихо-спокойно запрячь карету, объявилъ рабѣ Божіей: «поѣзжай, молъ, матушка, честью, а не поѣдешь, повезутъ поневолѣ», — вотъ и вся не долга. И поѣдетъ, какъ увидитъ, что съ ней не шутки шутятъ, и съ мужемъ изъ-за вздоровъ разъѣзжаться по пяти разъ на годъ не станетъ. Тебя же еще будетъ благодарить и носа съ прежними штуками въ отцовскій домъ, срамница этакая, не покажетъ.—А Лиза какъ?

Бахаревъ опять развелъ руками и, вытянувъ впередъ губы, отвѣчалъ:

— Да, тоже какъ-то все...

— А-а, ужъ началось! Я такъ скоро не ожидала.—Ну, что же такое?

— Съ матерью, съ сестрами все какъ-то не поладитъ. Она на нихъ, онѣ на нее... ничего не разберу. Поступки такіе какіе-то странные...

— Напримѣръ?

— Да вотъ, напримѣръ, недѣли три тому назадъ, ночью улетѣла.

— Куда это она могла улетѣть? Разскажи, батюшка мой, толкомъ.

Игуменья положила на колѣни работу и приготовилась слушать.

Бахаревъ разсказалъ извѣстную намъ исторію Лизиной поѣздки къ Гловацкимъ и остановился на отъѣздѣ Женни.

— Ну, а послѣ жъ что было?—спокойно спросила игуменья.

— За сущіе пустяки, за луну тамъ, что ли, избранила Соню и Зину, ушла, не прощаясь, наверхъ, двое сутокъ высидѣла въ своей комнатѣ; ни съ кѣмъ ни одного слова не сказала.

Игуменья улыбнулась и опять сказала:

— Ну?

— Ну, и такъ до сихъ поръ: кромѣ «да» да «нѣтъ» никто отъ нея ни одного слова не слышалъ. Я ужъ, было, и покричалъ намедни,—ничего, и глазомъ не моргнула. Ну, а потомъ мнѣ жалко ее стало, приласкалъ, и она ласково меня поцѣловала. — Теперь вотъ передъ отъѣздомъ моимъ пришла въ кабинетъ сама (чтобы не забыть еще, право), просила ей хоть какой-нибудь журналъ выписать.

— Какой же?

— Журналъ для дѣвицъ, что-ль то: тамъ у меня записано. Жена ей выбрала.

— А, Ольга Сергѣевна! Ну, она во всемъ знатокъ!

— Что жъ, все-таки мать.

— Да кто жъ говоритъ!

Игуменья медленно приподнялась, отворила старинную шифоньерку и, доставъ оттуда тридцать рублей, положила ихъ передъ братомъ, говоря:

— Вотъ, сдѣлай-ка мнѣ одолженіе, потрудись выписать Лизѣ два хорошіе журнала. Она не дитя, чтобы ей побасенки читать.

— Да зачѣмъ же это, сестра? На что жъ твои деньги? Развѣ я самъ не могу выписать для дочери?

— Ну, ты самъ можешь дѣлать, что тебѣ угодно, а это прошу сдѣлать отъ меня. А не хочешь, я и сама пошлю на почту, — добавила она, протягивая руку къ лежащимъ деньгамъ.

— Нѣтъ, зачѣмъ же ты сердишься? Я пошлю завтра же.

— Да, пожалуйста, и Лизѣ скажи, что это я ей посылаю. Пусть на здоровье читаетъ. Лучше чѣмъ стонать-то, да съ гусарами брындахлыстничать.

— Ну, ужъ ты пошла!

— Да, поѣхала.

— Какая ты, право, Агнеса! Къ тебѣ ѣдешь за совѣтомъ, за добрымъ словомъ, а ты все ищешь, какъ бы уколоть, уязвить да обидѣть.

Игуменья только перемѣнила спицу и начала новый рядъ.

— Мнѣ самому кажется, что съ Лизой нужно какъ-то не такъ.

Игуменья спокойно вязала.

— Какъ она тебѣ, сестра, показалась?

— Да что жъ — какъ мнѣ? Надо знать, какъ она вамъ показалась? Вы для нея больше, чѣмъ я.

— Да, мнѣ кажется, она добрая дѣвочка, только съ душкомъ.

— То-есть, съ характеромъ, скажи.

— Тебѣ она, видно, понравилась?

— Хорошая дѣвушка: прямая и смѣлая.

— Это еще институтское.

— Пѣтъ, это кровное, — съ нѣкоторою, едва, впрочемъ, замѣтною гордостью возразила игуменья.

— Вотъ ты все толкуешь, сестра, о справедливости, а и сама тоже несправедлива. Соничкѣ тамъ, или Зиночкѣ все въ строку, даже гусаровъ. Вѣдь не выгонять же молодыхъ людей.

— Молодыхъ повѣсъ, скажи,—перебила игуменья.

— Ну, будь по-твоему, ну, повѣсъ; а все же не выгонять ихъ изъ дому, когда дѣвушки въ домѣ.

Игуменья промолчала.

— И опять; отчего же такъ они всѣ повѣсы? Есть и очень солидные молодые люди.

— Солидные молодые люди дѣло дѣлаютъ: прежде хорошенько учатся, а потомъ хорошенько служатъ; а эти-то кое-какъ учились и кое-какъ служить норовятъ, лишь бы выслужиться. Повѣсы да и только.

— Однакоже и Гловацкій молодой тебѣ не понравился, а вѣдь онъ по ученой части идетъ.

— И по ученой части дураковъ развѣ мало? Я думаю, пожалуй, не меньше чѣмъ гдѣ-нибудь.

— Ну, о немъ, я думаю, этого нельзя сказать, — критиканъ большой, это точно.

— Дуракъ онъ большой: надѣлъ на себя какую-то либеральную хламиду и несетъ вздоръ, благо попалъ въ болото, гдѣ и трясогузъ птица. Какъ это ты, въ самомъ дѣлѣ, опустился, Егоръ, что не умѣешь ты различить наву по перьямъ. Этотъ балбеска Ипполитъ, Зина съ Соней, или Лиза, это у тебя все на одномъ кругу вертится. Ну, ты только подумай! То вральманъ, которому покажи пукъ розогъ, такъ онъ и отъ всего отречется; Зина съ Соней какія-то ныльноющія, — кто ужъ ихъ тамъ опредѣлитъ: и въ коробъ не лѣзутъ, и изъ короба не идутъ. На этотъ фруктъ нонче у насъ пора урожайная: прудъ пруди людямъ на-смѣхъ, еще ихъ вволю останется. А Лизанька—кровь! Пойми ты: *бахаревская* кровь, а не Ольги Сергѣевнина. Ты долженъ стать за Лизу. Лиза женщина, я въ ней вижу нашу гордость. Мало ли, что имъ въ ней примерещится. Ты долженъ ее защитить отъ этого пиленья-то. Вѣдь самъ знаешь, что противъ жару и камень треснетъ, а въ ней — опять тебѣ повторяю—наша кровь, бахаревская.

— Да, я это чувствую, — пріосаниваясь говорилъ Егоръ Николаевичъ:—я чувствую и понимаю.

— А понимаешь, такъ и разумѣй, какъ долженъ поступать. Горяча она очень, откровенна, пряма до смѣшного— это пройдетъ. Съ Женей пусть почаще вмѣстѣ бываютъ: дѣвушка предостойная, хотя и совсѣмъ въ другомъ родѣ. А умничать надъ нею много не позволяй. Школить-то ее нечего, какъ собаченку. Свѣтской пустотѣ сама еще подчинится, придетъ время. За женихами падать очень ужъ такъ нечего. Такія дѣвушки, какъ Лиза, на каждомъ шагу не встрѣчаются. Была бы охота, найдетъ доброхота. Придетъ пора, передѣлается, насколько сама сочтетъ нужнымъ. Изъ ничего ничего не сдѣлаешь, а она матерьялъ. Я вонъ вѣкъ свой до самаго монастыря француженкой росла, а нынче, батюшка мой, съ мужикомъ мужичка, съ купцомъ купчиха, а съ бариномъ и барыней еще быть не разучилась. Это все пустяки, а ты смотри, чтобы ее не грызли, чтобъ она не металась, бѣдняжка, нигдѣ не находя сочувствія: вотъ это твое дѣло.

— Это правда, я непремѣнно, непремѣнно.

Бахаревъ сталъ прощаться.

— Ты сегодня развѣ ѣдешь?

— Сейчасъ даже; человѣка оставлю забрать покупки да вотъ твои деньги на почту отправить, а самъ сейчасъ домой. Ну, прощай, сестра, будь здорова.

— Прощай, да смотри помни о Лизѣ-то.

— Хорошо, хорошо.

— То-то хорошо. Скажи на ушко Ольгѣ Сергѣевнѣ,—прибавила, смѣясь, игуменья:—что если Лизу будутъ обижать дома, то я ее къ себѣ въ монастырь возьму. Не смѣйся, не смѣйся, а скажи. А безъ шутокъ говорю: если увижу, что вы не хотите дать ей жить сообразно ея натурѣ, честное слово даю, что къ себѣ увезу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Слово воплощается.

Черезъ день послѣ описаннаго разговора Бахарева съ сестрою, въ Меревѣ обѣдали ранѣе обыкновеннаго, и въ то время, какъ господамъ подавали кушанье, у подъѣзда стояла легонькая бахаревская каретка, запряженная четверней небольшихъ саврасыхъ вятокъ.

За столомъ сидѣла вся семья и Юстинъ Помада, нѣсколько блѣдный и нѣсколько растерянный.

У Ольги Сергѣевны и Зины глаза были наплаканы до опухоли вѣкъ; Софи тоже была не въ своей тарелкѣ.

Одна Лиза сидѣла ровно и спокойно, какъ будто чужое лицо, до котораго прямымъ образомъ нимало не касаются никакія домашнія дрязги.

Егоръ Николаевичъ былъ твердъ тою своеобычною рѣшимостью, до которой онъ доходилъ послѣ долгихъ уклоненій, и съ которой ужъ зато его свернуть было невозможно, если его разъ перешибли. Теперь онъ ѣлъ за четверыхъ и не обращалъ ни на кого ни малѣйшаго вниманія.

Зина была одѣта въ очень кокетливо сшитое дорожное холстинковое платье; всѣ прочія были въ своихъ обыкновенныхъ нарядахъ.

Пружина безмятежнаго пріюта дѣйствовала: Зина уѣзжала къ мужу. Она энергически протестовала противъ своей высылки, еще энергичнѣе протестовала противъ этого мать ея, но всѣхъ энергичнѣе былъ Егоръ Николаевичъ. Объявивъ свою непреклонную волю, онъ ушелъ въ кабинетъ, многозначительно хлопнулъ дверью, велѣлъ кучерамъ запрягать

карету, а горничной дѣвушкѣ Зины укладывать ея вещи. Бахаревъ отдалъ эти распоряженія такимъ тономъ, что Ольга Сергѣевна только проговорила:

— Собирайся, Зипочка.

А люди стали перешептываться:

— Т-съ! баринъ гнѣвенъ!

Правду говоря, однако, всѣхъ тяжеле въ этотъ день была роль самого добросердаго барина и всѣхъ пріятнѣе роль Зины. Ей давно смерть хотѣлось возвратиться къ мужу, и теперь она получила разомъ два удовольствія: надѣвала на себя вѣнокъ страдалицы и возвращалась къ мужу, яко бы не по собственной волѣ, имѣя, однако, въ виду всѣ пріятныя стороны совмѣстнаго житья съ мужемъ, которыми весьма дорожила ея натура, неуважавшая капризовъ распущеннаго разума.

Рада была Зина, когда лошади тронули ее отъ отцовскаго крыльца, радъ былъ и Егоръ Николаевичъ, что онъ выдержалъ и поставилъ на своемъ.

«Бахаревская кровь,—думалъ онъ,—бахаревская кровь, сила, терпѣніе, настойчивость: я Бахаревъ, я настоящій Бахаревъ».

— Мишекъ! — крикнулъ онъ, подумавши это: — позвать мнѣ Марину.

Явилась Абрамовна.

— Лизочкины вещи перенесть въ Зинину комнату и устроить ей тамъ все, какъ слѣдуетъ, — скомандовалъ Бахаревъ.

Марина Абрамовна молча поглядывала то на Егора Николаевича, то на его жену.

— Слышишь?—спросилъ Егоръ Николаевичъ.

— Слушаю-съ,—отвѣчала старуха.

— Ну, и дѣлай.

— Егоръ!—простонала Ольга Сергѣевна.

— Что-съ?—отрывисто спросилъ Бахаревъ.

— Это можно послѣ.

— Это можно и сейчасъ.

— Гдѣ же будетъ помѣщаться Зина?

— У мужа.

— Но у нея не будетъ комнаты.

— Мужнинъ домъ великъ. Пока ребятъ не нарожала еще, двѣ семьи размѣстить можно.

— Но для пріѣзда.

— А! ну да. Мнишекъ, устрой такъ, чтобы Зиночкѣ было хорошо въ пріѣздъ остановиться въ теперешней Лизиной комнаткѣ.

— Слушаю-съ, — снова, посматривая на всѣхъ, проговорила Абрамовна.

— Ну, иди.

Абрамовна вышла.

— Какъ же это можно, Егоръ Николаевичъ, помѣстить Зину въ проходной комнатѣ? — запротестовала Ольга Сергѣевна.

— Га! А Лизу можно тамъ помѣстить?

— Лиза ребенокъ.

— Ну, такъ что-жъ?

— Она еще недавно въ общихъ дортуарахъ спала.

— А Зина?

— Что-жъ, Зинѣ, по вашему распоряженію, теперь негдѣ и спать будетъ.

— Негдѣ? негдѣ?—съ азартомъ спросилъ Бахаревъ.

— Конечно, негдѣ,—простонала Ольга Сергѣевна.

— У мужа въ спальнѣ, — полушопотомъ и съ грознымъ придыханіемъ произнесъ Егоръ Николаевичъ.

— Ахъ, Боже мой!..

— Что-съ?

— Ну, а на случай пріѣзда?

— О! на случай пріѣзда довольно и Лизиной комнаты. Если Лизѣ для постояннаго житья ея довольно, то ужъ для пріѣзда-то довольно ея и черезчуръ.

— Что-жъ, устроено все? — спросилъ Бахаревъ Абрамовну, сидя за вечернимъ чаемъ.

Абрамовна молчала.

— Не устроено еще?—переспросилъ Бахаревъ.

— Завтра можно, Егоръ Николаевичъ, — отвѣтила за Абрамовну Ольга Сергѣевна.

Бахаревъ допилъ стаканъ, всталъ и спокойно сказалъ:

— Лиза! иди-ка къ себѣ. Мы перенесемъ тебя съ Юстиномъ Феликсовичемъ.

И пошли, и перенесли все Лизино въ спокойную, удаленную отъ всякаго шума комнату Зины, а Зинины вещи довольно уютно уставили въ бывшей комнатѣ Лизы.

И все это своими руками.

— Вотъ живи, Лизочекъ, — возгласилъ Егоръ Николаевичъ, усѣвшись отдохнуть на табуретѣ въ новомъ помѣщеніи Лизы, когда тутъ все уже было уставлено и приведено въ порядокъ.

Лиза, хранившая мертвое молчаніе во время всѣхъ сегодняшнихъ распоряженій, при этихъ словахъ встала и поцѣловала отцовскую руку.

— Живи, голубка. Книги будутъ и покой тебѣ будетъ.

— Я завтра полочки тутъ для книгъ привѣшу, — проговорилъ Помада, сидѣвшій тутъ же на ящикѣ въ углу, и на слѣдующее утро онъ явился съ тремя книжными полочками на ремнѣ и большою, закрытою зеленою бумагою, клѣткою, въ которой сидѣлъ курскій соловей.

Полки Помада повѣсилъ по стѣнкѣ, а клѣтку съ курскимъ соловьемъ подъ окномъ.

— Отлично теперь, Лизавета Егоровна!—произнесъ онъ, забивъ послѣдній гвоздь и отойдя къ двери.

— Отлично, Юстинъ Феликсовичъ, — отвѣчала Лиза и стала уставлять на полки свои книжечки.

Такъ и зажила Лиза Бахарева.

Ставъ одинъ разъ въ разрѣзъ съ матерью и сестрами, она не умѣла съ ними сойтись снова, а онѣ этого не искали. Отецъ стоялъ за нее, но не умѣлъ найти ея прямой симпатіи. Съ Женей она видалась не часто и то на самое короткое время. Она видѣла, что у матери и сестеръ есть предубѣжденіе противъ всѣхъ ея прежнихъ привязанностей и писала Гловацкой: «Ты, Женька, не подумай, что я тебя разлюбила! Я тебя всегда буду любить. Но ты знаешь, какъ мнѣ скверно, и я не хочу, чтобы это скверное стало еще скверпѣе. А я тебя крѣпко люблю. Ты не сердись, что я къ тебѣ не ѣзжу! Меня теперь и пустили бы, да я теперь не хочу этой милости. Ты пріѣзжай ко мнѣ. У меня теперь хорошо, а пока пришли мнѣ книгъ. У меня есть три журнала, да что жъ это!»

Женни брала у Вязмитинова для Лизы—Гизо, Маколея, Милля, Шлоссера. Все это она посылала къ Лизѣ и только дивилась, какъ такъ скоро все это возвращалось съ лаконическою надписью карандашомъ: «читала», «читала» и «читала».

— Давайте еще,—просила Женни Вязмитинова.

— Право, ужъ ничего болѣе нѣтъ,—отвѣчалъ учитель.

— Хотите политическую экономію послать?—спрашивалъ Зарницынъ.

— Или логику Гегеля,—шутя добавлялъ Вязмитиновъ.

— Давайте, давайте,—отвѣчала Женни.

И ѣхали эти книжки, шутки ради, въ Мерево, а оттуда возвращались съ лаконическими надписями: «читала», «читала».

— Лиза, что это ты дѣлаешь!—спрашивала Гловацкая.

— Что, дружокъ мой?

— Ты будешь синимъ чулкомъ.

— Отчего?

— Что ты все глотаешь?

— А! ты это о книгахъ?

— Да, о книгахъ.

— Я люблю читать.

— Но нужно читать что-нибудь одно. Вязмитиновъ говоритъ, что непремѣнно нужно читать съ системой, и я это чувствую.

— Ты что же читаешь?

— Я читаю одни историческія сочиненія.

— Это хорошо.

— А ты?

— Я читаю все. Я терпѣть не могу системъ. Я очень люблю заниматься такъ, какъ занимаюсь. Я хочу жить безъ указки всегда и во всемъ.

И такъ жила Лиза до осени, до Покрова, а на Покровъ у нихъ былъ прощальный деревенскій вечеръ, за которымъ слѣдовалъ отъѣздъ въ губернскій городъ на цѣлую зиму.

На этомъ прощальномъ вечерѣ гостей было со всѣхъ волостей. Были и гусары, и помѣщики либеральные, и помѣщики изъ непосредственныхъ натуръ, и дамы уродливыя, и дамы хорошенькія, сочныя, аппетитныя и довольно рѣшительныя. Егоръ Николаевичъ ходилъ лично приглашать къ себѣ камергершу Мереву, но она, вмѣсто отвѣта на его приглашеніе, спросила:

— А Кожухова у тебя будетъ?

— Будетъ,—отвѣчалъ Бахаревъ.

— И князь будетъ?

— Какъ же, будетъ.

— Ну, батюшка, такъ что жъ ты хочешь развѣ, чтобъ на твоемъ вечерѣ скандалъ былъ?

— Боже спаси!

— То-то, я вѣдь не утерплю, спрошу эту мадамъ, гдѣ она своего мужа дѣла? Я его мальчикомъ знала и любила. Я не могу, видя ее, лишить себя случая дать ей давно слѣдующую пощечину. Такъ лучше, батюшка, и не зови меня.

Смотритель и Вязмитиновъ съ Зарницынымъ были на вечерѣ, но держались какъ-то въ сторонкѣ, а докторъ обѣщалъ быть, но не пріѣхалъ. Лиза и здѣсь, по обыкновенію, избѣгала всякихъ разговоровъ и, нехотя протанцовавъ двѣ кадрили, ушла въ свою комнату съ Женей.

— Кто этотъ молоденькій господинъ пріѣзжій?—спросила она Женни объ одномъ изъ гостей.

— Который?

— Черный, молоденькій.

— Какой-то Пархоменко.

— Нѣтъ, о Пархоменкѣ я слышала, а этотъ иностранецъ?

— Какой-то Райнеръ.

— Что онъ такое?

— Богъ его знаетъ.

— Откуда они? Изъ Петербурга?

— Да.

— У кого они гостятъ?

— Богъ ихъ знаетъ.

— Этотъ Пархоменко дурачокъ.

— Кажется.

— А Райнеръ?

— Не знаю.

— Чего бы ему сюда съ дураками? — убирая косу, проговорила Лиза и легла съ Женею спать подъ звуки безпощадно разбиваемаго внизу фортепіано.

Лиза ужъ совсѣмъ эмансипировалась изъ-подъ домашняго вліянія, и на такихъ положеніяхъ уѣхала, на третій день послѣ прощальнаго вечера, со всею своею семьею въ губернскій городъ.

— А хорошо, папа, устроилась теперь Лиза, — говорила отцу Женни, ѣдучи съ нимъ на другой день домой.

— Ну...—промычалъ Гловацкій и ничего не высказалъ.

Вечеромъ въ этотъ же день у нихъ былъ Пархоменко и Райнеръ.

Пархоменко все дергалъ носомъ, колупалъ пальцемъ глазъ и говорилъ о необходимости совершенно иныхъ во всемъ

порядковъ и разныхъ противодѣйствій консерваторамъ. Райнеръ много разсказывалъ Женни о чужихъ краяхъ, а въ особенности объ Англіи, въ которой онъ долго жилъ и которую очень хорошо зналъ.

— Боже! я тамъ всегда видѣла верхъ благоустройства,— говорила ему Женни.

— И неправомѣрности,—отвѣчалъ Райнеръ.

— Тамъ свобода.

— Номинальная. Свобода протестовать противъ голода и умирать безъ хлѣба,—спокойно отвѣчалъ Райнеръ.

— А все же свобода.

— Да. Свобода голоднаго рабства.

— А у насъ?

— У васъ есть будущее: у васъ меньше вредныхъ преданій.

— У насъ невѣжество.

— На дѣло скорѣе готовы люди односторонніе, чѣмъ переворачивающіе все на всѣ стороны.

— Гдѣ вы учились по-русски?

— Я давно знаю. Мнѣ нравился вашъ народъ и вашъ языкъ.

— Вы поговорите съ Вязмитиновымъ. Онъ здѣсь, кажется, больше всѣхъ знаетъ.

«Какой странный этотъ Райнеръ!» думала Женни, засыпая въ своей постелькѣ послѣ этого разговора.

На другой день она кормила на дворѣ куръ и слышала, какъ Вязмитиновъ, взявшись съ уличной стороны за кольцо ихъ калитки, сказалъ:

— Ну, прощайте,—добрый вамъ путь.

— Прощайте,—отвѣчалъ другой голосъ, который на первый разъ показался Женѣ незнакомымъ.

— Разсчитывайте на меня смѣло, — говорилъ Вязмитиновъ: — я готовъ на все за движеніе, конечно, за такое,— добавилъ онъ,—которое шло бы легальнымъ путемъ.

— Я увѣренъ,—отвѣчалъ голосъ.

— Только *легальнымъ* путемъ. Я не вѣрю въ успѣхъ иного движенія.

— Конечно, конечно,—отвѣчалъ снова голосъ.

— Кто съ вами былъ здѣсь за воротами? — спросила Вязмитинова Женни, не выпуская изъ рукъ чашки съ моченымъ горохомъ.

— Райнеръ,—мы съ нимъ прощались,—отвѣчалъ Вязмитиновъ.—Очень хорошій человѣкъ.

— Кто? Райнеръ?

— Да.

— Кажется. Что̀ ему здѣсь нужно? Какія у него занятія?

— Онъ путешествуетъ.

— А! Это у насъ новость? Куда жъ онъ ѣдетъ?

— Такъ ѣдетъ, съ своимъ пріятелемъ и съ Помадой. А что?

— Ничего. Онъ, въ самомъ дѣлѣ, очень образованный и очень милый человѣкъ.

— И милый?—съ полушутливой, полуѣдкой улыбкой переспросилъ Вязмитиновъ.

— И милый,—еще разъ подтвердила Женни, закраснѣвшись и нѣсколько поспѣшливо сложивъ свои губки.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Крещенскій вечеръ.

На дворѣ рано осмеркъ самый сердитый зимній день и немилосердно била сухая пурга. Въ двухъ шагахъ человѣка уже не было видно. Даже красный свѣтъ лучинъ, занылавшихъ въ крестьянскихъ хатахъ, можно было замѣтить, когда совсѣмъ ужъ ткнешься носомъ въ занесенную снѣгомъ суволоку, изъ которой бѣльмисто смотритъ обледенѣлое оконце. На господскомъ дворѣ камергерши Меревой, съ самаго начала сумерекъ, люди сбивались съ дороги: вмѣсто парадnаго крыльца дома, попадали въ садовую калитку; идучи въ мастерскую, заходили въ конюшню; отправляясь къ управительницѣ, попадали въ избу скотницы. Такая пурга была, что свѣту Божьяго не видно. А между тѣмъ не держала эта пурга по своимъ угламъ меревскую дворню. Люди, вырядившись шутами, ходили толпою изъ флигеля во флигель, пили водочку, гдѣ таковая обрѣталась, плясали, шумѣли, веселились. Особенно потѣшалъ всѣхъ новаренокъ Ефимка, привязавшій себѣ льняную бороду и устроившій изъ подушекъ аршинный горбъ, по которому его во всю ночь принимались колотить горничныя дѣвушки, какъ только онъ, по праву святочныхъ обычаевъ, запускалъ свои руки за пазуху то турчанкѣ, то цыганкѣ, то богинѣ въ вѣнцѣ, вырѣзанномъ изъ стараго штофнаго кокошника барышниной кормилицы. Словомъ,

на меревскомъ дворѣ были настоящія святки. Даже бахаревскій садовникъ и птичница пришли сюда, несмотря на пургу, и тоже переходили за ряжеными изъ кухни въ людскую, изъ людской въ контору и такъ далѣе.

— А у насъ-то теперь, — говорила бахаревская птичница:—у насъ скука пристрашенная... Прямо сказать, настоящая Сибирь, какъ есть Сибирь. Мы словно какъ въ гробу живемъ. Окна въ домѣ заперты, сугробовъ нанесло, что и не вылѣзешь: живемъ старые, да кволые. Всѣ-то наши въ городѣ, и таково-то намъ часомъ бываетъ скучно, скучно, а тутъ какъ еще псы-то ночью завоютъ, такъ инда даже будто какъ и жутко станетъ.

Между тѣмъ, какъ переряженные дворовые слонялись по меревскому двору, а сѣрые облачные столбы сухого снѣга, вздымаясь, гуляли по полямъ и дорогамъ, сквозь померзлое окно въ комнатѣ Юстина Помады постоянно мелькала взадъ и впередъ одна и та же темная фигура. Эта фигура былъ самъ Помада. Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ по своему чулану и то ворошилъ свою шевелюру, то нюхалъ зеленую вѣточку ели, или моталъ ею у себя подъ носомъ. На столѣ у него горѣла сальная свѣчка, распространяя вокругъ себя не столько свѣта, сколько зловонія; на лежанкѣ чуть-чуть пищалъ угасавшій самоваръ, и тутъ же стоялъ графинъ съ водкой и большая деревянная чашка соленыхъ и нѣсколько промерзлыхъ огурцовъ.

— Во-первыхъ, истинная любовь скромна и стыдлива, а во-вторыхъ, любовь не можетъ быть безъ уваженія,—произнесъ Помада, не прекращая своей прогулки.

— Разсказывай,—возразилъ голосъ съ кровати.

Теперь только, когда этотъ голосъ изобличалъ присутствіе въ комнатѣ Помады еще одного живого существа, можно было разсмотрѣть, что на постелѣ Помады, преспокойно растянувшись, лежалъ человѣкъ въ дубленомъ коротком полушубкѣ и, закинувъ ногу на ногу, преспокойно курилъ довольно гадкую сигару.

Всматриваясь въ эту фигуру, вы узнавали въ немъ доктора Розанова. Онъ сегодня ѣхалъ со слѣдствія, завернулъ къ Помадѣ, а тутъ поднялась кура, онъ и остался у него до утра.

— Это вѣрно,—говорилъ Помада, какъ бы еще разъ обдумавъ высказанное положеніе и убѣдившись въ его совершенной непогрѣшимости.

— Какъ не вѣрно!— иронически замѣтилъ докторъ.

— Бѣлинскій пишетъ, что любовь тогда чувство почтенное, когда предметъ любви достоинъ уваженія.

— Изъ чего и слѣдуетъ, что и Бѣлинскій могъ провираться.

— Ну, у тебя всѣ провираются.

— А всѣ!

— Ну, можно ли любить женщину, которую ты не уважаешь, которой не вѣришь?

— Не о чемъ и спрашивать. Стало-быть можно, когда люди любятъ.

— Люди черти, люди и водку любятъ.

— Дура ты, Помада, право дура, и дуракомъ-то тебя назвать грѣхъ.

Докторъ замолкъ.

— Терпѣть я тебя не могу за эту дрянную манеру. Какого ты чорта все идеальничаешь?

— Оставь ужъ лучше, чѣмъ ругаться, — замѣтилъ, обидясь, Помада.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ?

— А въ самомъ дѣлѣ, оставимъ этотъ разговоръ, да и только.

— И это можно, но ты мнѣ только скажи вотъ: ты съ уваженіемъ любишь или нѣтъ?

— Я никого не люблю исключительной любовью.

— Что врать! Самъ сто разъ сознавался, то въ Катеньку, то въ Машеньку, то въ Сашеньку, а ужъ вѣчно врѣзавшись... То-есть, вѣдь такой козелъ сладострастный, что и вообразить невозможно. Вспыхнетъ, какъ порохъ, отъ каждаго женскаго платья и пошелъ идеализировать. А корень всѣхъ этихъ привязанностей совсѣмъ сидитъ не въ уваженіи.

— А въ чемъ же по-твоему?

— Ну ужъ, братъ, не въ уваженіи.

— По-твоему, небось, чортъ знаетъ въ чемъ... въ твоихъ грязныхъ наклонностяхъ.

— Те, те, те! ты, братъ, о грязныхъ-то наклонностяхъ не фордыбачь. Противъ природы не пойдешь, а пойдешь, такъ дуракомъ и выйдешь. Да твое-то дѣло для меня объясняется вовсе не одними этими, какъ ты говоришь, грязными побужденіями. Я даже думаю, что ты, пожалуй,— чортъ тебя знаетъ, — ты, можетъ-быть, и, дѣйствительно,

способенъ любить такъ, что уважаешь. Ты прежде вотъ, я говорю, врѣжешься, а потомъ и пошелъ додумывать своей богинѣ всякія неземныя и земныя добродѣтели. Ну, не такъ, что ли?

— Конечно, не такъ.

— Какъ же это ты и Зину Бахареву уважаешь, и Соньку, и Лизу, и поповну молодую, и Гловацкую?

— Эко напуталъ!

— Чего? да развѣ ты не во всѣхъ въ нихъ влюбленъ? Какъ есть во всѣхъ. Такой ужъ, ты, братъ, сердечкинъ, и я тебя не осуждаю. Тебѣ хочется любить, ты вотъ распяться бы хотѣлъ за женщину, а никакъ это у тебя не выходитъ. Никто ни твоей любви, ни твоихъ жертвъ не принимаетъ, вотъ ты и ищешь все своихъ идеаловъ. Какое тутъ чортъ уваженіе. Развѣ, уважая Лизу Бахареву, можно уважать Зинку, или, уважая поповну, рядомъ съ ней можно уважать Гловацкую?

— Да къ чему жъ ты ихъ всѣхъ путаешь?

— Власть, братецъ мой, такую имѣю и ничѣмъ ты мнѣ этого возбранить не можешь, потому что рыльце у тебя въ пуху.

Докторъ всталъ съ постели, набилъ себѣ дорожную трубку, потомъ выпилъ рюмку водки и, перекусивъ огурецъ, снова повалился на постель.

— Все это, братецъ мой, Юстинъ Феликсовичъ, я предпринимаю въ видахъ ближайшаго достиженія твоего благополучія,—произнесъ онъ, раскуривая трубку.

— Благодарю покорно,—процѣдилъ сквозь зубы Помада, не прекращая своей безконечной протулки.

— И долженъ благодарить, потому что эта идеальность тебя до добра не доведетъ. Такъ вотъ и просидишь всю жизнь на меревскомъ дворѣ, мечтая о любви и самоотверженіи, которыхъ на твое горе здѣсь принять-то некому.

— Ну, и просижу,—спокойно отвѣчалъ Помада.

— Просидишь?—Ну и сиди, прѣй.

Помада молчалъ.

— Отличная жизнь,—продолжалъ иронически докторъ:— и преполезная тоже! Лѣтомъ около барышень цвѣточки нюхаетъ, а зиму, въ ожиданіи этого лѣтняго блаженства, бѣгаетъ по своему чулану, какъ полевой волкъ въ клѣткѣ звѣринца. Ты мнѣ вѣрь; я тебѣ вѣдь безъ всякихъ шутокъ говорю, что ты дурѣть сталъ: ты-таки и одурѣешь.

— Какой былъ, таковъ и есть, — опять процѣдилъ Помада, видимо тяготясь этимъ разговоромъ и всячески желая его окончить.

— Нѣтъ, не таковъ. Ты еще осенью былъ человѣкомъ, подававшимъ надежды проснуться, а теперь, какъ Бахаревы уѣхали, ты совсѣмъ — шутъ тебя знаетъ, на что ты похожъ,—безтолковъ совсѣмъ, милый мой, становишься. Я думалъ, что Лизавета Егоровна тебя повернетъ своей живостью, а ты, вѣрно, только и способенъ миндальничать.

Помада продолжалъ помахивать у своего носа еловою вѣточкой и молчалъ, выдерживая свое достоинство.

Докторъ всталъ, выпилъ еще рюмку водки и сталъ раздѣваться.

— У человѣка факты живые передъ глазами, а онъ ужъ и ихъ не видитъ,—говорилъ Розановъ, снимая съ себя сапоги. — Стану я факты отрицать, не выживши изъ ума! Просто одурѣваешь ты, Помада, просто одурѣваешь.

— Это ты отрицатель-то, а не я. Я все признаю, я многое признаю, чего ты не хочешь допустить.

— Напримѣръ, любовь, происходящую изъ уваженія?— смѣясь спросилъ докторъ.

— Да, что тебѣ далось нынче это уваженіе! — воскликнулъ Помада нѣсколько горячѣе обыкновеннаго.

— Сердишься! ну, значитъ, ты неправъ. А ты не сердись-ка, ты дай вотъ я съ тебя показаніе сниму и сейчасъ докажу тебѣ, что ты неправъ. Хочешь ли и можешь ли отвѣчать?

— Да я не знаю, о чемъ ты хочешь спрашивать.

— Поваръ Павелъ любитъ свою жену или нѣтъ?

— Кто жъ его знаетъ.

— Ну, а я тебѣ скажу, что и онъ ее любитъ, и она его любитъ. А теперь ты мнѣ скажи, дерутся они или нѣтъ?

— Пу, дерутся.

— Такъ и запишемъ.—Теперь Васенка любитъ мельника Родіона или не любитъ?

— Да чортъ знаетъ, о чемъ ты спрашиваешь! Почемъ я знаю, любитъ Васенка или не любитъ?

— Почемъ! А вотъ почемъ, другъ любезный, потомъ, что она при тебѣ сапоги мои цѣловала, чтобы я забраковалъ этого Родіонова въ рекрутскомъ присутствіи, когда его привезли сдавать именно за то, что онъ ей совкомъ голову

проломилъ. И не только тутъ я видѣлъ, какъ она любитъ этого разбойника, а даже видѣлъ я это и въ тѣ минуты, когда она попрекала его, кляла всѣми клятвами за то, что онъ ее сокрушилъ и состарилъ безъ поры, безъ времени, а тутъ же сейчасъ послѣдній платокъ цырюльнику съ шеи сбросила, чтобы тотъ не шельмовалъ ея соколу затылокъ. Кажется, вѣдь любитъ? А только тотъ всталъ съ подстриженнымъ затылкомъ, она ему въ лицо харкнула. «Звѣрь, говоритъ, ты, лиходѣй мой проклятый». Гдѣ жъ здѣсь твое уваженіе-то?

— Что жъ, тутъ вовсе не любовь, а сожалѣніе.

— Сожалѣніе! А зачѣмъ же она сбѣжала-то съ нимъ вмѣстѣ.

— Воли захотѣлось.

— Подъ его кулачьями-то! Ну, нѣтъ, братъ, — не воли ей захотѣлось, а любва, любва эти штуки-то отливаетъ. Воли бы ей хотѣлось, давно бы ее эскадронный пять разъ откупилъ. Это ты вѣдь тоже, чай, знаешь не меньше моего. Васенка-то, братъ... знаешь, чего стоитъ! Глазомъ поведетъ — рублемъ одаритъ. Это, вѣдь, хрящекъ бѣлый, а не косточка. А я тебѣ повторяю, что все это орудуетъ любовь, да не та любовь, что вы тамъ сочиняете, да основываете на высокихъ-то нравственныхъ качествахъ любимаго предмета, а это наша, русская, каторжная, зазнобистая любва, та любва, про которую эти адски-мучительныя пѣсни поются, за которую и душатся, и рѣжутся, и не разсуждаютъ по-вашему. Бѣлинскій-то — хоть я и позабывалъ у него многое—разсуждаетъ, вѣдь, тутъ о человѣкѣ *нравственно развитомъ*, а вы, шуты, сейчасъ при своемъ развитіи на человѣчество тотъ мундиръ и хотите напялить, въ которомъ оно ходить не умѣетъ. Я тебѣ не два, а двѣсти два примѣра покажу, гдѣ нѣтъ никакого уваженія, а любовь-то живетъ, да любовь не вашинская, не мозглявая.

— Да ты все изъ какого класса примѣры-то берешь?

— А тебѣ изъ какого? Изъ самаго высокаго?

— Что высокій! Объ немъ никто не говоритъ, о высокомъ-то. А ты мнѣ покажи такой примѣръ на человѣкѣ развитомъ, изъ средняго класса, изъ того, что вотъ считаютъ бьющеюся, живою-то жилою русскаго общества. Покажи человѣка размышляющаго. Одного человѣка такого покажи мнѣ въ такомъ положеніи.

— Ну, братъ, если одного только требуешь, такъ ужъ по этому холоду далеко не пойду отыскивать.

Докторъ снова всталъ въ одномъ бѣльѣ съ постели, остановилъ Помаду въ его стремительномъ бѣгствѣ по чулану и спросилъ:

— Ты Ольгу Александровну знаешь?

— Твою жену?

— Да, мою жену.

— Знаю.

— И хорошо знаешь?

— Да какъ же не знать!

— Уважаешь ты ее?

— Н... ну...

— Нѣтъ,—хорошо. За что ты ее не уважаешь?

— Да какъ это сказать...

— Говори!

— Да за все.

— Она разбила во мнѣ все, все.

— Вѣрю, вѣрю, братъ, — отвѣчалъ разстроенный этимъ разсказомъ Помада.

— А я ее люблю,—пожавъ плечами, произнесъ докторъ и проглотилъ еще рюмку водки.

И съ этимъ легъ въ постель, укрылся своимъ дубленымъ тулупомъ и молча повернулся къ стѣнѣ, а Юстинъ Помада, постоявъ молча надъ его кроватью, снова зашагалъ взадъ и впередъ.

За стѣною въ столярной давно прекратились звуки гармоніи и топотъ пляшущихъ святочниковъ, и на меревскомъ дворѣ все уснуло. Даже уснула носившаяся сѣрыми облачными столбами воющая русская кура, даже уснулъ и погасъ огонекъ, доѣвъ сальный огарокъ, въ комнатѣ Помады. Не спала только холодная луна. Выйдя на расчистившееся небо, она смотрѣла оттуда, хорошо ли похоронила кура тѣхъ, кто съ нею встрѣтился, идучи своимъ путемъ-дорогою. Да не спалъ еще Юстинъ Помада, который не замѣтилъ, какъ догорѣла и загасла свѣчка, и какъ причудливо разрисованное морозомъ окно озарилось блѣднымъ луннымъ свѣтомъ. Онъ все бѣгалъ и бѣгалъ по своей комнатѣ, оправдывая сдѣланное на его счетъ сравненіе съ полевымъ волкомъ, содержащимся въ тѣсной клѣткѣ.

— Дичь какая! — думалъ между прочимъ, бѣгая, По-

мада.—Всѣ идеалы мои онъ какъ-то разбиваетъ. Матеріалистъ онъ... а я? Я...

Безъ отвѣта остался этотъ вопросъ у Помады.

— Я вотъ что̀, я покажу... что жъ я покажу? что̀ это къ самой вещи? Ни одной привязанности устоявшейся, серьезной: все какъ-то, въ самомъ дѣлѣ, легко... воздушно... такъ сказать... расплывчиво. Эка натура проклятая!

— А впрочемъ, опять размышлялъ Помада:—чего-жъ у меня нѣтъ? Силы? Есть. Пойду на смерть... Эка штука! Только за кого? За что?

— Не за кого, не за кого,—рѣшилъ онъ.

— А любовь-то, въ самомъ дѣлѣ, не на уваженіи держится... Такъ на чемъ же? Онъ свою жену любитъ. Вздоръ! Онъ ее... жалѣетъ. Гдѣ любить такую эгоистичную, безсердечную женщину. Онъ матеріалистъ, даже... чортъ его знаетъ, слова не придумаешь, что̀ онъ такое... все отрицаетъ... Впрочемъ, чортъ бы меня взялъ совсѣмъ, если я что-нибудь понимаю... А скука-то, скука-то! Хоть бы и удавиться такъ въ ту же пору.

И съ этимъ словомъ Юстинъ Помада остановился, свернулъ комкомъ свой полушубочекъ, положилъ его на лежанку и, посмотрѣвъ искоса на луну, которая смотрѣла уже какимъ-то синимъ, подбитымъ глазомъ, свернулся калачикомъ и спать задумалъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

За полночь.

За полночь послышалось Помадѣ, будто кто-то стучитъ въ сѣнничную дверь.

«Сонъ, это я во снѣ вижу», подумалъ дремлющій Помада.

Стучали послѣ долго еще въ дверь, да никто не всталъ отворить ее.

«Сонъ», думалъ Помада.

Въ мерзлое стекло кто-то ударилъ пальцемъ.

Еще и еще.

«Ну, пусть же еще ударитъ, если это не сонъ», думалъ Помада, пригрѣвая бокъ на теплой лежанкѣ.

И еще ударили.

— Кто тамъ?—вскинувъ голову, спросилъ Помада.

Гулъ какой-то послышался изъ-за окна, а разобрать ничего невозможно.

— Чего?—спросилъ Помада, приложивъ теплое лицо къ намерзлому стеклу.

Опять гулъ. Человѣческій голосъ, а ничего не разберешь.

«Перепились, свиньи», подумалъ Помада, надѣвъ докторовы медвѣжьи сапоги, вздѣлъ на рукава полушубокъ и пошелъ отпирать двери холодныхъ сѣней.

— Кто?

— Свои, батюшка.

— Кто?—снова спросилъ Помада, держась за задвижку.

— Герасимъ.

— Чего ты, Герасимъ?

— Бахаревскій Герасимъ.

— Да чего?

— Къ вамъ, Юстинъ Феликсовичъ.

Помада отодвинулъ задвижку и, дрожа отъ охватившаго его холода, побѣжалъ въ свою комнату.

Не успѣлъ онъ переступить порогъ и вспрыгнуть на печку, а за нимъ Гараська бахаревскій.

— Что? Чего тебѣ ночью?—спросилъ Помада.

— Къ вашей милости, баринъ.

— Ну?

— Къ намъ пожалуйте.

— Къ кому къ вамъ?

— На барскій дворъ.

— Что тамъ такое у васъ на барскомъ дворѣ?

— Ничего, все благополучно. Барышни васъ требуютъ.

— Какая барышня?

— Лизавета Егоровна пріѣхала.

— Лизавета Егоровна?

— Точно такъ-съ.

— Лизавета Егоровна?—переспросилъ Помада.

— Точно такъ-съ, сами Лизавета Егоровна.

— Съ кѣмъ?

— Однѣ-съ.

— Одна?

— Однѣ-съ, съ покочаловскимъ-съ мужикомъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ покочаловскимъ-съ мужикомъ-съ,—наняли, да обмерзли-съ, нездоровы совсѣмъ.

— Одна?

— Съ покочаловскимъ-съ мужикомъ.

— Ну?

— Пожалуйте. Сейчасъ васъ просятъ.

— Пошелъ, пошелъ домой. Я сейчасъ... Розановъ! Розановъ! Дмитрій Петровичъ!

— Н-мъ!—протянулъ докторъ, не подавая никакой надежды на скорое пробужденіе.

— О, чортъ!—пробурчалъ Помада, надѣвая на себя попадавшуюся подъ руки сбрую, и побѣжалъ.

Бѣжитъ Помада подъ гору, по тому самому спуску, на который онъ когда-то несся орловскимъ рысакомъ навстрѣчу Женни и Лизѣ. Бѣжитъ онъ сколько есть силы, и то попадетъ въ снѣжистый перебой, что̀ пурга здѣсь позабыла, то раскатится по наглаженному полозному слѣду, на которомъ не удержались пушистыя снѣжинки. Духъ занимается у Помады. Злобствуетъ онъ, и увязая въ переносахъ, и падая на голыхъ раскатахъ, а впереди, за Рыбницей, въ ряду давно темныхъ оконъ, два окна смотрятъ словно волчьи глаза въ оврагѣ.

— Это у Егора Николаевича въ комнатѣ свѣтъ,—подумалъ Помада, увидя неподвижные волчьи глаза.

«И чудно, какъ смотрятъ эти окна,—думаетъ онъ, продолжая свою дорогу:—точно съѣсть хотятъ».

— И зачѣмъ бы это она?.. И на наемныхъ... Должно-быть... у—ахъ!—Эко чортъ! Тогда свалился, теперь завязъ, тьфу!..

И поперъ Помада прямо на волчьи очи, которыя все расходились, расходились, и наконецъ, выровнялись въ форму двухъ восьми-стекольныхъ оконъ.

«Однако, ходьба нынче!» подумалъ Юстинъ Помада и дернулъ за клямну.

Двери заперты.

— Кто?—спрашиваетъ изъ-за двери голосъ.

— Я.

— А! Барчукъ меревскій. Пустить?

Отвѣта Помада не слыхалъ, а дверь отворилась.

Кандидатъ бросилъ на оконокъ передней тулупъ и вошелъ въ залу.

— Подождите, батюшка, здѣсь немножечко,—попросила встрѣтившая его птичница и, оставивъ ему свѣчку, юркнула въ Лизѣ въ бахаревскій кабинетъ.

Слабо освѣщала большую залу одна сальная свѣчка. Хо-

рошо виденъ былъ только большой обѣденный столъ и два нижніе ряда нагроможденныхъ на немъ подъ самый потолокъ стульевъ, которые самымъ причудливымъ образомъ выставляли во всѣ стороны свои тоненькія, загнутыя ножки. А далѣе былъ мракъ, съ которымъ не хотѣлъ и бороться тщедушный огонекъ свѣчечки. Только взглянувши въ отворенную дверь гостиной, можно было почувствовать, что это не настоящій мракъ, и что есть мѣсто, гдѣ еще темнѣе. Какъ ни слаба была полоска свѣта, падавшая на полъ залы сквозь рядъ высунутыхъ стульями ножекъ, но все-таки по этому полу, прямо къ гостиной двери, ползла громадная, фантастическая тѣнь, напоминавшая какое-то многорукое чудовище изъ волшебнаго міра. Тонкія, кривыя ножки вырастали на тѣни, по мѣрѣ удаленія отъ свѣчки причудливо растягивались и не обрѣзывались, а какъ-то смѣшивались съ темнотою, словно пощупывая тамъ что-то, или кого-то подкарауливая.

Несмотря на тревожное состояніе Помады, таинственно-мрачный видъ темнаго, холоднаго покоя странно подѣйствовалъ на впечатлительную душу кандидата и даже заставилъ его на нѣкоторое время забыть о Лизѣ.

«Фу, какъ тутъ скверно!—подумалъ Помада, пожимаясь отъ холода,—ни слѣда жизни нѣтъ. Это хуже могилы».

Въ головѣ у Помады почему-то вдругъ пробѣжали дѣтскія сказки о заколдованныхъ замкахъ, о Громвалѣ, о Кикиморѣ.

«Тамъ-то, тамъ-то тьма такая!» подумалъ Помада, направляясь со свѣчою къ гостиной двери.

Здѣсь свѣчечка оказывалась еще безсильнѣе при темныхъ обояхъ комнаты. Только одинъ неуклюжій, запыленный чехолъ, окутывавшій огромную люстру съ хрустальными подвѣсками, невозможно выдѣлялся изъ густого мрака и изъ одной щелки этого чехла на Помаду смотрѣлъ крошечный огненный глазокъ. Точно Кикимора подслушала Помадины думы и затѣяла пошутить съ нимъ. «Вотъ, молъ, гдѣ я сижу-то: у меня здѣсь отлично, въ этомъ пыльномъ шалашикѣ».

Помада посмотрѣлъ на блестѣвшую хрусталинку люстры и, возвращаясь въ залу, встрѣтился съ птичницей, которая звала его къ Лизаветѣ Егоровнѣ.

Лиза была въ отцовскомъ кабинетѣ. Она сидѣла передъ

печкою, въ которой ярко пылала ржаная солома. Въ этой комнатѣ было такъ же холодно, какъ и въ гостиной, и въ залѣ, но все-таки здѣсь было много уютнѣе и на видъ даже какъ-то теплѣе. Здѣсь менѣе былъ нарушенъ живой видъ покоя: по стѣнамъ со всѣхъ сторонъ стояли довольно старые, но весьма мягкіе турецкіе диваны, обтянутые шерстяной, полосатой матеріей; старинный рѣзной шкафъ съ большою гипсовою лошадью наверху и массивный письменный столъ съ рѣзными башенками. Кромѣ того, здѣсь было нѣсколько мягкихъ табуретовъ, изъ которыхъ на одномъ теперь сидѣла и грѣлась Лиза.

Въ комнатѣ не было ни чемодана, ни дорожнаго сака и вообще ничего такого, что свидѣтельствовало бы о прибытіи человѣка за сорокъ верстъ по русскимъ дорогамъ. Въ одномъ углу на отоманкѣ валялась городская лисья шуба, крытая чернымъ атласомъ, ватный капоръ и большой ковровый платокъ; да тутъ же на полу стояли черные бархатные сапожки, а больше ничего.

— Здравствуйте!—весело, но сильно взволнованнымъ и дрожащимъ голосомъ сказала Лиза, протягивая Помадѣ свою ручку.

Помада торопливо схватилъ эту ручку, пожалъ ее и взглянулъ на Лизу сіяющимъ взоромъ, но не сказалъ ни одного слова въ отвѣтъ на ея привѣтствіе.

— Что, вы удивлены, поражены, напуганы?—тѣмъ же взволнованнымъ голосомъ и съ тою же напряженно-веселою улыбкою спросила Лиза.

Помада кашлянулъ, пожался и отвѣчалъ:

— Точно, удивленъ, Лизавета Егоровна. Какъ это вы?

— Какъ пріѣхала? А вотъ сѣла, да и пріѣхала.

Помада взялъ табуретъ, сѣлъ къ печи и, закрывъ ладонью ротъ, опять кашлянулъ.

— Здѣсь совсѣмъ холодно,—замѣтилъ онъ.

— Да, холодно, домъ настылъ, не топленъ съ осени.

— Вамъ здѣсь нельзя оставаться.

— Ну, объ этомъ будемъ разсуждать послѣ, а теперь я за вами послала, чтобы вы какъ-нибудь достали мнѣ хоть рюмку теплаго вина, горячаго чаю, хоть чего-нибудь, чего-нибудь. Я иззябла, совсѣмъ иззябла, я больна, я замерзала въ полѣ... и даже обморозилась... Я вамъ хотѣла написать объ этомъ, да... да не могла... руки вотъ насилу оттерли

снѣгомъ... да и ни бумаги, ничего нѣтъ... а люди все переврутъ...

По мѣрѣ того, какъ Лиза высказывала свое положеніе, искусственная веселость все исчезала съ ея лица, голосъ ея становился все прерывистѣе, щеки подергивало, и видно было, что она насилу удерживаетъ слезы, выжимаемыя у нея болѣзнью и крайнимъ раздраженіемъ.

Къ концу этой короткой рѣчи все лицо Лизы выражало одно живое страданіе, и, взглянувъ въ глаза этому страданію, Помада, не говоря ни слова, выскочилъ и побѣжалъ въ свою конуру, едва ли не такъ шибко, какъ онъ бѣжалъ навстрѣчу институткамъ.

Черезъ полчаса въ комнату Лизы вошли докторъ и Помада, обремененный бутылками съ уксусомъ, спиртомъ, краснымъ виномъ и нѣсколькими свертками въ бумагѣ.

Лиза смотрѣла въ огонь и ничего не слыхала. Она была очень слаба и разстроена.

— Лизавета Егоровна! — весело воскликнулъ докторъ, протягивая ей свою руку.

— А, докторъ! Вотъ встрѣча-то?—проговорила нѣсколько удивленная его появленіемъ Лиза. — И какъ кстати! Я совсѣмъ разнемогалась.

— Прозябли, я думаю, просто.

— Какое тамъ прозябла? Я замерзала, совсѣмъ замерзала. Мнѣ оттирали руки и ноги. На меня ужъ даже спячка находила.

— Гдѣ-жъ это вы?

— Дорогой,—сбился мужикъ.

Докторъ посмотрѣлъ ей пристально въ глаза и сказалъ:

— Дайте-ка руку. А что это у васъ съ глазами?—болятъ они у васъ?

— Да, это ужъ давно.

— Или вы плакали?

— И это немножко было, — отвѣтила, слегка улыбнувшись, Лиза.

— Ну, ты, Помада, грѣй вино, да хлопочи о помѣщеніи для Лизаветы Егоровны. Вамъ теперь прежде всего нужно тепло да покой, а тамъ увидимъ, что будетъ. Только здѣсь, въ нетопленномъ домѣ, вамъ ночевать нельзя.

— Нѣтъ, я здѣсь останусь. Я напьюсь чаю, вина выпью, одѣнусь шубой и велю всю ночь топить — ничего и здѣсь. Эта комната скоро согрѣется.

— Ну, нѣтъ, Лизавета Егоровна, это, ужъ, извините меня, причуды. Комната станетъ отходить, сдѣлается такой угаръ, что и головы не вынесете.

Лиза вздохнула и сказала:

— Что-жъ! можетъ быть и лучше будетъ.

— Что это, головы-то не вынесть? Ну, объ этомъ еще подумаемъ завтра. Зачѣмъ головѣ даромъ пропадать? А теперь... куда бы это помѣстить Лизавету Егоровну! Помада! ты здѣсь весь дворъ знаешь?

— Къ конторщику, у него двѣ комнаты.

— Не хочу, не хочу! — замахавъ ручкою, возразила на это предположеніе Лизавета Егоровна.

— Отчего же?

— Не хочу.

— Да отчего?—резонировалъ докторъ.

— Я не могу никого видѣть сегодня.

— А другія помѣщенія, кромѣ птичной избы, всѣ пустыя и холодныя,—замѣтилъ Помада.

— А птичная-то изба теплая, хорошая?

— Грязная, загаженная и никуда не годится.

— Пойдемъ-ка, осмотримъ.

Докторъ и Помада вышли, а Лиза, оставшись одна въ пустомъ домѣ, снова утупила въ огонь глаза и погрузилась въ странное, столбняковое состояніе.

— Батюшка мой!—говорилъ докторъ, взойдя въ жилище конторщика, который уже возсталъ отъ сна и ожидалъ разгадки страннаго появленія барышни: — сдѣлайте-ка вы милость, заложите поскорѣе лошадку, да слетайте въ городъ за дочкою Петра Лукича. Я вотъ ей пару строчекъ у васъ черкну. Да выходите-то, батюшка, сейчасъ: намъ нужно у васъ барышню помѣстить. Вы, вѣдь, не осердитесь?

— Помилуйте, я съ моимъ удовольствіемъ. Я даже самъ разсуждалъ это предложеніе сдѣлать Лизаветѣ Егоровнѣ. Я хоть гдѣ-нибудь могу, а ихъ дѣло нѣжное.

— То-то, тамъ никакъ нельзя.

— Какъ возможно? Тамъ одно слово—стыдь.

— Да. Ну-съ, шубку-то, шубку-то, да и выйдите, побудьте гдѣ-нибудь, пока лошадь заложатъ. А лампадочку-то передъ иконами поправьте: это очень хорошо.

— Все сею минутою-съ.

— Ну, и прекрасно, и птичницу сюда на минутку по-

шлите, а мы сейчасъ переведемъ Лизавету Егоровну. Только чтобъ она васъ здѣсь не застала: она вѣдь, знаете, такая... деликатная, — разсказывалъ докторъ, уже сходя съ конторскаго крылечка.

Докторъ урезонилъ Лизавету Егоровну: ее привели въ теплую комнатку конторщика, напоили горячимъ чаемъ съ виномъ, птичница вытерла ее спиртомъ и уложила на конторщикову постель, покрытую чистою простынею.

Докторъ не позволялъ Лизѣ ни о чемъ разговаривать, да она и сама не расположена была бесѣдовать. Въ комнатѣ поправили лампаду и оставили Лизу одну съ своими думами и усталостью.

Докторъ съ Помадой остались въ конторѣ, служившей преддверіемъ къ конторщикову апартаменту.

Они посидѣли съ полчаса въ совершенномъ молчаніи, перелистывая отъ скуки книги «О приходѣ и расходѣ разнаго хлѣба снопами и зерномъ». Потомъ докторъ снялъ ногою сапоги, подошелъ къ Лизиной двери и, послушавъ, какъ спитъ больная, возвратился къ столу.

— Что?—прошепталъ Помада.

— Ничего, дышитъ спокойно и спитъ. Авось, ничего не будетъ худого. Давай ложиться спать, Помада. Ложись ты на лавкѣ, а я здѣсь на столѣ прилягу, — также шопотомъ проговорилъ докторъ.

— Нѣтъ, я не лягу.

— Отчего?

— Мнѣ не хочется спать.

— Ну, какъ знаешь, а я лягу.

И докторъ, положивъ подъ голову нѣсколько книгъ «О приходѣ и расходѣ хлѣба снопами и зерномъ», легъ на столъ и закрылся своимъ полушубкомъ.

— Что бы это такое значило?—прошепталъ, наклоняясь къ самому уху доктора, Помада, тоже снявшій свои сапоги и подкравшійся къ Розанову совершенно неслышными шагами, какъ котъ изъ хрустальной лавки.

— Что такое? — спросилъ шопотомъ докторъ, быстро откинувъ съ себя полушубокъ.

Помада повторилъ свой вопросъ.

— А, шутъ этакой! Испугалъ совсѣмъ. Я думалъ ужъ не вѣсть что дѣлается.

— Ну, да, я виноватъ. Я это такъ шелъ, чтобъ не слышно. Ну, а какъ ты думаешь, что бы это такое значило?

— Я думаю, что ступай ты спать: успѣемъ еще узнать. Что тутъ отгадывать да путаться. Спи. Утро вечера мудренѣе.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Глава, нѣкоторымъ образомъ топографически-историческая.

Говорятъ, что человѣческое жилище всегда болѣе или менѣе точно выражаетъ собою характеръ людей, которые въ немъ обитаютъ. Едва ли нужно доказывать, что до извѣстной степени можно допустить справедливость этого замѣчанія. Наблюдательный и чуткій человѣкъ, осмотрѣвшись въ жильѣ людей, мало ему знакомыхъ, или даже совсѣмъ незнакомыхъ, по самымъ неуловимымъ мелочамъ въ обстановкѣ, размѣщеніи и содержаніи этого жилья, чувствуетъ, что здѣсь преобладаетъ любовь или вражда, согласіе или свара, радушіе или скупость, домовитость или расточительность.

Когда люди входили въ домъ Петра Лукича Гловацкаго, они чувствовали, что здѣсь живетъ совѣтъ и любовь, а когда эти люди знакомились съ самими хозяевами, то уже они не только чувствовали витающее здѣсь согласіе, но какъ бы созерцали олицетвореніе этого совѣта и любви въ старикѣ и его женѣ. Теперь люди чувствовали то же самое, видя Петра Лукича съ его дочерью. Женни, украшая собою тихую, предзакатную вечерю старика, умѣла всѣхъ пріобщить къ своему чистому празднеству, ввести въ свою безмятежную сферу.

До пріѣзда Женни старикъ жилъ, по собственному его выраженію, отбившимся отъ стада зубромъ: у него было чисто, тепло и пріютно, но только, со смерти жены, у него было вездѣ тихо и пусто. Тишина этого домика не зналась со скукою, но и не знала оживленія, которое снова внесла въ него съ собою Женни.

Съ пріѣздомъ Женни здѣсь все пошло жить. Ожилъ и помолодѣлъ самъ старикъ, сильнѣе зацвѣлъ старый жасминъ, обрѣзанный и подвязанный молодыми ручками; повеселѣла кухарка Пелагея, имѣвшая теперь возможность совѣщаться о соленьяхъ и вареньяхъ, и повеселѣли самыя стѣны комнаты, заслышавъ легкіе шаги граціозной Женни и ея тихій,

симпатичный голосокъ, которымъ она, оставаясь одна, иногда безотчетно пѣла для себя:

— «Когда-бъ онъ зналъ, какъ пламенной душою», или «Ты скоро меня позабудешь, а я не забуду тебя».

Въ восемь часовъ утра начинался день въ этомъ домѣ: лѣтомъ онъ начинался часомъ ранѣе. Въ восемь часовъ Женни сходилась съ отцомъ у утренняго чая, послѣ котораго старикъ тотчасъ уходилъ въ училище, а Женни заходила на кухню и черезъ полчаса являлась снова въ залѣ. Здѣсь, подъ однимъ изъ двухъ оконъ, выходившихъ на берегъ рѣчки, стоялъ ея рабочій столикъ, краснаго дерева, съ зеленымъ тафтянымъ мѣшкомъ для обрѣзковъ. За этимъ столикомъ проходили почти цѣлые дни Женни.

— Рукодѣльница наша барышня: все сидитъ, все шьетъ, все шьетъ,—приданое себѣ готовитъ,—разсказывала сосѣдямъ Пелагея.

Женни, точно, была рукодѣльница и штопала отцовскіе носки съ бо́льшимъ удовольствіемъ, чѣмъ исправникова дочь вязала бисерные кошельки и подставки къ лампамъ и подсвѣчникамъ. Вообще она стала хозяйкой не для блезиру, а взялась за дѣло плотно, безъ шума, безъ треска, тихо, но такъ солидно, что и люди, и старикъ-отецъ тотчасъ почувствовали, что въ домѣ есть настоящая хозяйка, которая все видитъ и обо всѣхъ помнитъ.

И стало всѣмъ очень хорошо въ этомъ домѣ.

Изъ окна, у котораго Женни пріютилась съ своимъ рабочимъ столикомъ, былъ если не очень хорошій, то очень просторный русскій видъ. Городокъ былъ раскинутъ по правому, высокому берегу довольно большой, но вовсе не судоходной рѣки Саванки, значащейся подъ другимъ названіемъ въ числѣ замѣчательнѣйшихъ притоковъ Оки. Лучшая улица въ городѣ была Московская, по которой проходило курское шоссе, а потомъ Рядская, на которой были десятка два лавокъ, два трактирныхъ заведенія и цырюльня съ надписью, буквально гласившею:

«Сдѣся кровъ пускаютъ и стригутъ и бреютъ Козловъ».

Знаковъ препинанія на этой вывѣскѣ не было, и мѣстные зоилы находили, что такъ оно выходитъ гораздо лучше.

Потомъ въ городѣ была еще замѣчательна улица Крупчатная, на которой приказчики и носильщики таскали кули, сбивали прохожихъ съ ногъ, или, шутки ради, *подбѣли-*

вали ихъ мучкой самой первой руки; да была еще улица Главная. Богъ ужъ знаетъ почему она такъ называлась. Разсказывали въ городѣ, что на ней когда-то стоялъ домъ самого батюшки Степана Тимоѳеевича Разина, который крѣпко засѣлъ здѣсь и зимовалъ со своими рыцарями почти цѣлую зиму. Теперь Главная улица была знаменита только тѣмъ, что по ней при малѣйшемъ дождѣ становилось море и послѣ цѣлый мѣсяцъ не было ни прохода, ни проѣзда. Затѣмъ шли закоулочки, да переулочки, пересѣкавшіе другъ друга въ самыхъ прихотливыхъ направленіяхъ. Тутъ жили прядильщики, крупчатники, мѣщане, занимавшіеся поденной работой, и мѣщане, ничѣмъ не занимавшіеся, а вѣчно полупьяные или больные съ похмелья. Съ небольшой высоты надъ этою мѣстностью царилъ высокій, каменный острогъ, наблюдая своими стеклянными глазами какъ пьетъ и сварится голодная нищета и какъ щиплетъ свою жидкую, бѣленькую бородку купецъ Никонъ Родіоновичъ Масленниковъ, попугивая то того, то другого каменнымъ мѣшечкомъ.

— Сейчасъ упеку,—говоритъ Никонъ Родіоновичъ:—чувствуй, съ кѣмъ имѣешь обращеніе!

И покажетъ рукою на острогъ.

Народъ это очень чувствовалъ и не только ходилъ безъ шапокъ передъ Масленниковыми хоромами, но и гордился имъ.

— У насъ теперь, — хвастался мѣщанинъ заѣзжему человѣку: — есть купецъ Никонъ Родіоновичъ, Масленниковъ прозывается, вотъ такъ человѣкъ! Что ты хочешь, сейчасъ онъ съ тобою можетъ сдѣлать; хочешь въ острогъ тебя посадить—посадитъ; хочешь плетюганами отшлепать, или такъ въ полицы розгамъ отодрать,—тоже сичасъ онъ тебя отдеретъ. Два слова городничему повелитъ, или записочку напишетъ, а ты ее, эту записочку, только представишь,—сичасъ тебя въ самомъ лучшемъ видѣ отдѣлаютъ. Вотъ какого себѣ человѣка имѣемъ!

— Вотъ песъ-то!—щуря глаза, замѣчалъ проѣзжій мужикъ.

— Да, братъ, повадки у него никому: первое дѣло капиталъ, а второе—рука у него.

— Н-да,—вытягивалъ проѣзжій.

— Н-да!—произносилъ въ другой тонъ мѣщанинъ.

— Ишь хоромы своротилъ какія! — кричалъ мужикъ, ѣдучи на саняхъ, другому мужику, стоявшему на колѣняхъ въ другихъ саняхъ.

— Страсть, братецъ ты мой!

— А вить что?—нашъ братъ мужикъ.

— Дыть Господь одарилъ, — вздыхая отвѣчалъ задній мужикъ.

— Извѣстно: очень ужъ, говорятъ, онъ много на церквы жертвуетъ.

— Только ужъ обмѣру у него на ссыпки очень тоже много,—замѣчалъ задній мужикъ.

— Обмѣру точно много,—задумчиво отвѣчалъ передній.

У часовенки, на площади мужики крестились, развязывали мошенки, опускали по грошу въ кружку и выѣзжали за острогъ, либо размышляя о Никонѣ Родіоновичѣ, либо распѣвая съ кокоревской водки:

— Ты заной, эхъ, ты заной, мое сердечушко, заной ретивое.

Затѣмъ, развѣ для полноты описанія, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что городъ имѣетъ пять каменныхъ приходскихъ церквей и соборъ. Соборъ славился хоромъ пѣвчихъ, содержимыхъ отъ щедротъ Никона Родіоновича, да пятисотпудовымъ колоколомъ, каждый праздникъ громко, верстъ на десять кругомъ, кричавшимъ своимъ желѣзнымъ языкомъ о рачительствѣ того же Никона Родіоновича къ благолѣпію дома Божія.

Всѣ уѣздные любители церковнаго пѣнія обыкновенно сходились въ соборъ къ ранней обѣднѣ, ибо Никонъ Родіоновичъ всегда приходилъ помолиться за ранней, и тутъ пѣли пѣвчіе. Поздней обѣдни Никонъ Родіоновичъ не любилъ и ядовито замѣчалъ, что къ поздней обѣднѣ только ходятъ приказничихи хвастаться, у кого новые башмаки есть.

Да еще была въ городѣ больница, въ которой несчастный Розановъ бился съ непреодолимыми препятствіями создать изъ нея что-нибудь похожее на лѣчебное заведеніе. Сначала онъ, по неопытности, все лѣзъ съ представленіями къ начальству, потомъ взывалъ къ просвѣщенному вниманію благороднаго дворянства, а, наконецъ, скрѣпя сердце и смиривъ духъ гордыни, отнесся къ толстому карману Никона Родіоновича. Никонъ Родіоновичъ пожертвовали два десятка верблюжьихъ халатовъ и фонарь къ подъѣзду, да на томъ и стали. Потребляемыхъ вещей Масленниковъ жертвовать не любилъ: у него было сильно развито стремленіе къ монументальности, онъ стремился къ нѣкоторому, такъ сказать, даже безсмертію: хотѣлъ жить въ будущемъ.

Хоть не въ далекомъ, да въ будущемъ, хоть пока халаты износятся и сопрѣетъ стѣна, къ которой привинтили безобразный фонарь съ скрипучимъ флюгеромъ, увеличивавшимъ своимъ скрипомъ предсмертную тоску замариваемыхъ, въ докторово отсутствіе, больныхъ.

Былъ еще за городомъ гусарскій выѣздной манежъ, состроенный изъ осиновыхъ вершинокъ и оплетенный соломенными притугами, но это было временное зданіе. Хотя губернскій архитекторъ, случайно видѣвшій счеты, во что обошелся этотъ манежъ правительству, и утверждалъ, что зданіе это весьма замѣчательно въ исторіи военныхъ построекъ, но это нимало не касается нашего романа и притомъ съ подробностью обработано уѣзднымъ учителемъ Зарницынымъ въ одной изъ его обличительныхъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*.

Болѣе въ цѣломъ городѣ не было ничего достопримѣчательнаго въ топографическомъ отношеніи, а его этнографическою стороною намъ нѣтъ нужды обременять вниманіе нашихъ читателей, поелику эта сторона не представляетъ собою никакихъ замѣчательныхъ особенностей и не выясняетъ положенія дѣйствующихъ лицъ въ романѣ.

Гловацкій, Вязмитиновъ, Зарницынъ, докторъ и даже Бахаревъ были, конечно, знакомы и съ Никономъ Родіоновичемъ, и съ властями, и съ духовенствомъ, и съ купечествомъ, но знакомство это не оказывало прямого вліянія ни на ихъ главные интересы, ни на ихъ внутреннюю жизнь. А слѣдить за косвеннымъ вліяніемъ среды на выработку нравовъ и характеровъ, значило бы заходить нѣсколько далѣе, чѣмъ требуетъ нашъ планъ и положеніе нашихъ героевъ и героинь, не стремившихся спѣться съ окружающею ихъ средою, а сосредоточивавшихъ свою жизнь въ томъ ограниченномъ кружочкѣ, которымъ мы занимались до сихъ поръ, не удаляясь надолго отъ домовъ Бахарева и Гловацкаго. Кто жилъ въ уѣздныхъ городахъ въ послѣднее время, въ послѣ-якушкинскую эпоху, когда разнеслись слухи о благодѣтельной гласности, о новосильцевскомъ обществѣ пароходства и побѣдахъ Гарибальди въ Италіи, тотъ не станетъ отвергать, что около этого знаменательнаго времени и въ уѣздныхъ городахъ, особенно въ великороссійскихъ уѣздныхъ городахъ, имѣющихъ не менѣе одного острога и пяти церквей, произошелъ весьма замѣчательный и притомъ

совершенно новый общественный сепаратизмъ. Общество распадалось не только прежнимъ дѣленіемъ на аристократію чина, аристократію капитала и плебейство, но изъ него произошло еще небывалое дотолѣ выдѣленіе такъ называемыхъ въ то время *новыхъ людей*. Выдѣленіе этого ассортимента почти одновременно происходило изъ весьма различныхъ слоевъ провинціальнаго общества. Сюда попадали нѣкоторые молодые дворяне, семинаристы, учители уѣздные, учители домашніе, чиновники самыхъ различныхъ вѣдомствъ и даже духовенство. Справедливость заставляетъ сказать, что едва ли не ранѣе прочихъ и не сильнѣе прочихъ въ это новое выдѣленіе вошли молодые учители, уѣздные и домашніе; за ними нѣсколько позже и нѣсколько слабѣе — чиновники, затѣмъ, еще моментомъ позже, зато съ неудержимымъ стремленіемъ сюда ринулись семинаристы. Молодое дворянство шло еще позже и нерѣшительнѣе; духовенство сепарировалось только въ очень небольшомъ числѣ своихъ представителей.

Все это не были рыцари безъ пятна и упрека. Прошлое ихъ большею частію отвѣчало стремленіямъ среды, отъ которой они отдѣлялись. Молодые чиновники уже имѣли руки, запачканныя взятками, учители клянчили за мѣста и нѣкоторые писали оды мерзавнѣйшимъ изъ мерзавнѣйшихъ личностей; молодое дворянство сѣкало людей и проматывало потовые гроши народа; остальные вели себя не лучше. Все это были люди, слыхавшіе изъ устъ отцовъ и матерей, что «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ». Всѣ эти люди вынесли изъ родительскаго дома одно благословеніе: «будь богатъ и знатенъ», одну заповѣдь: «дѣлай себѣ карьеру». Правда, иные слыхали при этомъ и «старайся быть честнымъ человѣкомъ», но что была эта честность и какъ было о ней стараться? Случались, конечно, и исключенія, но не ими вода освящалась въ великомъ морѣ русской жизни. Лѣзли въ купель люди прокаженные. Все, что вдругъ пошло массою, было деморализовано отъ раннихъ дней, все слышало ложь и лукавство; все было обучено искать милости, помня, что «ласковое телятко *двухъ матокъ* сосетъ». Все это сбиралось сосать двухъ матокъ и вдругъ бросило обѣихъ и побѣжало къ той, у которой вымя было сухо отъ долголѣтняго голода.

Эта эпоха возрожденія съ людьми, не получившими въ

наслѣдіе ни одного гроша, не взявшими въ напутствіе ни одного добраго завѣта, поистинѣ должна считаться одною изъ великихъ, поэтическихъ эпохъ нашей исторіи. Что влекло этихъ сепаратистовъ, какъ не чувство добра и справедливости? Кто велъ ихъ? Кто хоть на время подавилъ въ нихъ духъ обуявшаго націю себялюбія, двоедушія и продажности?

Предоставляя рѣшеніе настоящаго вопроса исторіи, съ благоговѣніемъ преклоняемся передъ рокомъ, судившимъ намъ зрѣть святую минуту пробужденія, видѣть лучшихъ людей эпохи, оплаканной въ незабвенныхъ стихахъ Хомякова, и можемъ только воскликнуть со многими: поистинѣ великъ твой Богъ, земля русская!

Перенеситесь мысленно, читатель, къ улетѣвшимъ днямъ этой поэтической эпохи. Вспомните это недавно прошедшее время, когда небольшая горсть «людей, довременно растлѣнныхъ», проснулась, задумалась и запаталась въ своемъ гражданскомъ малолѣтствѣ. Эта горсть русскихъ людей, о которой вспоминаетъ авторъ, пишущій настоящія строки, быстро росла и хотѣла расти еще быстрѣе. Въ этомъ естественномъ желаніи роста она дорожила своею численностью и, къ сожалѣнію, была слишкомъ неразборчива. Она не принимала въ расчетъ рутинной силы среды и не опасалась страшнаго вреда отъ шутовъ и дураковъ, приставшихъ къ ней по страсти къ модѣ. Зная всю тлѣнь и грязь прошлаго, она вѣрила, что проклятіе лежитъ надъ всякой неподвижностью, и собирала подъ свое знамя всѣхъ, говорившихъ о необходимости очиститься, омыться и двигаться впередъ. Она знала, что въ прошломъ ей завѣщано мало достойнаго сохраненія, и не ожидала, что почти одной ей поставятъ въ вину всю тщательно собранную ложь нашего времени.

По словамъ Хомякова, страна была

«Въ судахъ черна, неправдой черной,
И игомъ рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.»

Когда распочалась эта пора пробужденія, ясное дѣло, что новые люди этой эпохи во всемъ рвались къ новому режиму, ибо не видали возможности идти къ добру съ лестью,

ложью, лѣнью и всякой мерзостью. На великое несчастіе этихъ людей, у нихъ не было во-время силы отречься отъ приставшихъ къ нимъ шутовъ. Они были болѣе честны, чѣмъ политически опытны, и забывали, что одинъ Донъ-Кихотъ можетъ убить цѣлую идею рыцарства. Такъ и случилось. Шуты насмѣшили людей, дураки ихъ разсердили. Началось ренегатство и во время стремительнаго бѣга назадъ люди забыли, что гонитъ ихъ не пошлость дураковъ и шутовъ, а тупость общества, да собственная трусость. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сдѣлаться смѣшнымъ значитъ потерять многое; но развѣ менѣе смѣшны другіе? Развѣ передъ ними нельзя поставить Сквозника-Дмухановскаго и заставить его спросить ихъ: «чего смѣетесь? Надъ собой смѣетесь?».

Честная горсть людей, не приготовленныхъ къ честному общественному служенію, но полюбившихъ добро и возненавидѣвшихъ ложь и всѣ лживыя положенія, виновата своею нерѣшительностью отречься отъ приставшихъ къ ней дурачковъ; она виновата недостаткомъ *самообличенія*. За пренебреженіе этой силой она горько наказана, вѣроятно, къ истинному сожалѣнію всѣхъ умныхъ и въ то же время добрыхъ сыновъ Россіи. Но все-таки нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ людяхъ виновниковъ всей современной лжи, такъ же какъ нѣтъ основанія винить ихъ и въ заводѣ шутовъ и дураковъ, ибо шуты и дураки подъ различными знаменами фигурировали всегда и будутъ фигурировать до вѣка.

Въ описываемую нами эпоху, когда ни одно изъ смѣшныхъ и, конечно, скоропреходящихъ стремленій людей, лишенныхъ серьезнаго смысла, не проявлялось съ нынѣшнею рѣзкостью, когда общество слѣпо вѣрило Бѣлинскому, даже въ томъ, напримѣръ, что «самый почтенный мундиръ есть черный фракъ русскаго литератора», добрые люди изъ деморализованныхъ сыновъ нашей страны стремились просто къ добру. Они не стремились окреститься во имя какой бы то ни было теоріи, а просто, наивно и честно желали добра и горѣли нетерпѣніемъ всячески ему содѣйствовать. Плана у нихъ никакого не было, о крутыхъ, костоломныхъ поворотахъ во имя теорій имъ вовсе не думалось. Шло только дѣло о правдѣ въ жизни.

Первымъ шагомъ въ этомъ періодѣ былъ сепаратизмъ

со всѣмъ симпатизировавшимъ завѣтамъ прошедшаго. Къ этому сепаратизму принадлежали почти всѣ знакомыя намъ до сихъ поръ лица нашего романа. Ему по-своему сочувствовалъ Егоръ Николаевичъ Бахаревъ и Петръ Лукичъ, пугавшійся всякой обличительной замѣтки; Вязмитиновъ, сидѣвшій надъ исторіей, и Зарницынъ, продергивавшій уѣздныя величины; докторъ, обличающій свое безсиліе выбиться изъ сферы взяточничества, и мать Агнія, вѣрная традиціямъ лѣтъ своей юности. На сторонѣ старыхъ интересовъ оставалась масса людей, которыхъ, по ихъ способностямъ, Эдуардъ Уитти справедливо называетъ разрядомъ плутовъ или дураковъ. Это было большинство. Ольга Сергѣевна, Зина, Софи оставались съ большинствомъ и жили его жизнью.

Женни и Лиза вовсе не принадлежали къ прошлому и не имѣли съ нимъ никакой связи.

По обстоятельствамъ, Женни должна была познакомиться съ нѣкоторыми мѣстными дамами и дѣвицами, но изъ этого знакомства ничего не вышло. Однѣ рѣшили, что она много о себѣ думаетъ; другія, что она ехидная-прехидная: все молчитъ да выслушиваетъ; третьи даже считали ее на этомъ же основаніи интриганкой, а четвертыя, наконецъ, не соглашаясь ни съ однимъ изъ трехъ вышеприведенныхъ мнѣній, утверждали, что она просто дура и кокетка. Около нея, говорили послѣднія, лебезятъ два молодыхъ учителя, стараясь поддѣлаться къ отцу, а она думаетъ, что это за ней увиваются, и дуетъ губы.

Но, тѣмъ не менѣе, Женни, однако, сильно интересовала собою бѣдныя живыми интересами головы уѣздныхъ барышь и барышень. Однѣ ея платья и шляпы доставляли слишкомъ тощую пищу для алчущей сплетни, и потому за ея особою былъ приставленъ особый шпіонъ. Въ этой должности состояла дочь почтеннаго сослуживца Гловацкаго, восемнадцатилѣтняя полногрудая Лурлея, Ольга Григорьевна Саренко. Григорій Ильичъ Саренко, родомъ изъ бориспольскихъ дворянъ, дослуживалъ двадцать пятый годъ учителемъ уѣзднаго училища. Онъ былъ старъ, глупъ, довольно подловатъ и считалъ себя столпомъ училища. Онъ добивался себѣ какого-то особаго уваженія отъ Вязмитинова и Зарницына и, не получая онаго, по временамъ строчилъ на нихъ секретныя ябеды въ дирекцію училищъ. Дочь свою

онъ познакомилъ съ Женею, не ожидая на то никакого желанія со стороны пріѣзжей гостьи или ея отца. На другой же день по пріѣздѣ Женни, онъ явился подъ руку съ своей Лурлеей и отрекомендовалъ ее какъ дѣвицу, съ которой можно говорить и разсуждать обо всемъ самой просвѣщенной дѣвицѣ.

Съ тѣхъ поръ Лурлея начала часто навѣщать Женни и разносить о ней по городу всякія дрязги. Женни знала это: ее и предупреждали насчетъ дѣвицы Саренко, и даже, для вящшаго убѣжденія, сообщали, что̀ именно ею сочинено и разсказано, но Женни не обращала на все это никакого вниманія.

— Умные и честные люди, — отвѣчала она: — такимъ вздорамъ не повѣрятъ и поймутъ, что это сплетни, а о мнѣніи глупыхъ и дурныхъ людей я никогда не намѣрена заботиться.

Еще въ домъ Гловацкихъ ходила соборная дьяконица, Елена Семеновна, очень молоденькая, довольно хорошенькая и превеселая бабочка, безпрестанно цѣловавшая своего мужа и аккомпанировавшая ему на фортепіано разные, всѣми давно забытые романсы. И дьяконица, и ея мужъ, Василій Ивановичъ Александровскій, были очень добрые и простодушные люди, которые очень любили Гловацкихъ и всю ихъ компанію. Сепаратисты тоже любили молодую духовную чету за ея веселый, добрый нравъ, искренность и безобидчивость, составляющую большую рѣдкость въ уѣздныхъ обществахъ.

Такимъ образомъ къ концу перваго года, проведеннаго Женею въ отцовскомъ домѣ, ближайшій кругъ ея знакомства составляли: Вязмитиновъ, Зарницынъ, дьяконъ Александровскій съ женою, Ольга Саренко, состоявшая въ должности наблюдателя, отряженнаго дамскимъ обществомъ, и докторъ. Съ женою своею докторъ не знакомилъ Женни и вообще постоянно избѣгалъ даже всякихъ о ней разговоровъ.

Изъ этихъ лицъ чаще всѣхъ бывали у Гловацкихъ Вязмитиновъ и Зарницынъ. Рѣдкій вечеръ Женни проводила одна. Всегда къ вечернему чаю являлся тотъ или другой, а иногда и оба вмѣстѣ. Усаживались за столъ, и кто-нибудь изъ молодыхъ людей читалъ, а остальные слушали. Женни при этомъ обыкновенно работала, а Петръ Лукичъ

или растиралъ въ блюдцѣ грушевою ложечкою нюхательный табакъ, или, подпершн ладонями голову, молча глядѣлъ на Женни, замѣнившую ему всѣ радости въ жизни. Женни очень любила слушать, особенно когда читалъ Зарницынъ. Онъ, дѣйствительно, очень хорошо читалъ, хотя и вдавался въ нѣкоторую не совсѣмъ нужную декламацію. Несмотря на то, что Женни обѣщала читать все, что ей дастъ Вязмитиновъ, ея литературный вкусъ скоро сказался. Она очень тяготилась серьезнымъ чтеніемъ и вообще не долюбливала статей. Вязмитиновъ скоро это замѣтилъ и сталъ снабжать ее лучшими беллетристическими произведеніями старой и новой литературы. Выборъ всегда былъ очень разумный, изобличавшій въ Вязмитиновѣ основательное знаніе литературы и серьезное пониманіе вліянія извѣстныхъ произведеній на умъ и сердце читательницы.

Легкій родъ литературы Женѣ очень нравился, но и въ немъ она искала отдыха и удовольствія, а не зачитывалась до страсти.

Вообще она была читательница такъ себѣ, весьма не рьяная, хотя и не была равнодушна къ драматической литературѣ и поэзіи. Она даже знала наизусть цѣлыя страницы Шиллера, Гёте, Пушкина, Лермонтова и Шекспира, но все это ей нужно было для отдыха, для удовольствія; а главное у нея было—дѣло дѣлать. Это *дѣло дѣлать* у нея сводилось къ исполненію женскихъ обязанностей дома для того, чтобы всѣмъ въ домѣ было какъ можно легче, отраднѣе и лучше. И она считала эти обязанности своимъ преимущественнымъ назначеніемъ вовсе не вслѣдствіе какой-нибудь узкой теоріи, а такъ это у нея просто такъ выходило, и она такъ жила.

Зарницынъ за это упрекалъ Евгенію Петровну, указывая ей на высокое призваніе гражданки; Вязмитиновъ объ этомъ никогда не разговаривалъ, а докторъ, сдѣлавшійся жаркимъ поклонникомъ скромныхъ достоинствъ Женни, обыкновенно не давалъ сказать противъ нея ни одного слова.

— Рудинъ! Рудинъ!—кричалъ онъ на Зарницына: — все съ проповѣдями ходишь, на великое служеніе всѣхъ подбиваешь: мать Гракховъ сыновей кормила, а ты, смотри, бабки слѣпой не умори голодомъ съ проповѣдями-то.

Докторъ, впрочемъ, бывалъ у Гловацкихъ гораздо рѣже, чѣмъ Зарницынъ и Вязмитиновъ: служба не давала ему

покоя и не позволяла засиживаться въ городѣ; къ тому же, онъ часто бывалъ въ такомъ мрачномъ расположеніи духа, что бѣгалъ отъ всякаго сообщества. Недобрые люди разсказывали, что онъ въ такія полосы пилъ мертвую и лежалъ ницъ на продавленномъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ.

Когда докторъ заходилъ посидѣть вечерокъ у Гловацкихъ, тогда ужъ обыкновенно не читали, потому что у доктора всегда было что вытащить на свѣтъ изъ грязной, но не безынтересной ямы, именуемой провинціальною жизнью.

Если же къ этому собранію еще присоединялся дьяконъ и его жена, то тогда и пѣли, и спорили, и немножко безобразничали.

Кромѣ того, иногда самымъ неожиданнымъ образомъ заходили такіе жаркіе и такіе безконечные споры, что Петръ Лукичъ прекращалъ ихъ, поднимаясь со свѣчою въ рукѣ и провозглашая: «любезные мои гости! жалѣя ваше безцѣнное для васъ здоровье, никакъ не смѣю васъ болѣе удерживать»,—и всѣ расходились.

Вообще это былъ кружокъ очень короткихъ и очень другъ къ другу не взыскательныхъ людей.

Подобные кружки сепаратистовъ въ описываемую нами эпоху встрѣчались довольно нерѣдко и составляли совершенно новое явленіе въ уѣздной жизни.

Людей, входившихъ въ составъ этихъ кружковъ, связывала не солидарность матеріальныхъ интересовъ, а единственно сочувствіе совершающемуся пробужденію, общая радость каждому шагу общественнаго преуспѣянія и искреннее желаніе всѣхъ золъ прошедшему.

Поэтому короткость тогдашнихъ сепаратистовъ не парализировалась наступательными и оборонительными диверсіями, разъединившими *новыхъ людей* впослѣдствіи, и была совершенно свободна отъ нравственной нечисти и растлѣнія, вносимыхъ съ короткостью людей отходившей эпохи.

Тутъ все имѣло только свое значеніе. Было много вѣры другъ въ друга, много простоты и снисходительности, которыхъ не было у отцовъ, занимавшихъ соотвѣтственныя соціальныя амплуа, и нѣтъ у дѣтей, занимающихъ амплуа даже гораздо выгоднѣйшія для водворенія простоты и правды житейскихъ отношеній.

Уѣздный l'ancienne régime не могъ понять настоящихъ причинъ дружелюбія и короткости кружка нашихъ знакомыхъ.

Дождется, бывало, Вязмитиновъ смѣны уроковъ, идетъ къ Евгеніи Петровнѣ и молча садится противъ нея по другую сторону рабочаго столика.

Женни тоже молча взглянетъ на него своимъ ласковымъ взглядомъ и спроситъ:—Усталъ?

— Усталъ,—отвѣтитъ Вязмитиновъ.

— Не хотите ли чашку кофе, или водочки? — спроситъ Женни, попрежнему не отрывая глазъ отъ работы.

— Нѣтъ, не хочу; я такъ пришелъ отдохнуть и посмотрѣть на васъ.

Перекинутся еще десяткомъ простыхъ, малозначащихъ словъ и разойдутся до вечера.

— Евгенія Петровна! — восклицаетъ, влетая спѣшнымъ шагомъ, красивый Зарницынъ.

— Ахъ! что такое сотворилось! — улыбаясь и поднимая тѣ же ласковые глаза, спрашиваетъ Женни всегда немножко рисующагося и увлекающагося учителя.

— Умираю, Евгенія Петровна.

— Какая жалость!

— Вамъ жаль меня?

— Да какъ же?

— Читать некому будетъ?

— Да, и суетиться некому станетъ.

— Ахъ, Евгенія Петровна!—дѣлая жалкую рожицу, восклицаетъ учитель.

— Вѣрно, водочки дать?

— Съ грибочкомъ, Евгенія Петровна.

Женни засмѣется, положитъ работу и идетъ съ ключами къ завѣтному шкапику, а за ней въ самой почтительной позѣ идетъ Зарницынъ за полученіемъ изъ собственныхъ рукъ Женни рюмки травничку и маринованныхъ грибковъ на чайномъ блюдцѣ.

— Пошелъ, пошелъ, баловникъ, на свое мѣсто,—съ шутливою строгостью ворчитъ, входя, Петръ Лукичъ, относясь къ Зарницыну.—Звонокъ прозвонилъ, а онъ тутъ угощается. Что ты его, Женни, не гоняешь въ классы?

Возьметъ Гловацкій педагога тихонько за руку и ведетъ къ двери, у которой тотъ проглатываетъ послѣдніе грибки и бѣжитъ внушать уравненія съ двумя неизвѣстными, а Женни подаетъ закуску отцу и снова садится подъ окно къ своему столику.

Докторъ пойдетъ въ городъ, и куда бы онъ ни шелъ, все ему смотрительскій домъ на дорогѣ выйдетъ. Забѣжитъ на минутку, все, говоритъ, некогда, все торопится, да и просидитъ битый часъ противъ работающей Женни, разсказывая ей, какъ многимъ худо живется на бѣломъ свѣтѣ и какъ имъ могло бы житься совсѣмъ иначе, гораздо лучше, гораздо свободнѣе.

И ни разу онъ не вскипятится, разсуждая съ Женей, ни разу не впадетъ въ свой обыкновенно рѣзкій, раздражительный тонъ, а уходя, скажетъ:

— Дайте, Евгенія Петровна, поцѣловать вашу ручку.

Женни спокойно подаетъ ему свою бѣлую ручку, а онъ спокойно ее поцѣлуетъ и пойдетъ повеселѣвшій и успокоенный.

Гловацкая никогда не скучала и не тяготилась тихимъ однообразіемъ своей жизни. Напротивъ, она полюбила ее всѣмъ сердцемъ, и все ей было мило и понятно въ этой жизни. Она понимала и отца, и Вязмитинова, и доктора, и условія, въ которыхъ такъ или иначе боролись представлявшіеся ей люди, и осмыслена была развернутая передъ ея окномъ широкая страница вѣчной книги. Уйдутъ, бывало, ежедневные посѣтители, разсказавъ такой или другой случай, выразивъ ту или другую мысль, а эта мысль или этотъ разсказъ копошатся въ молодой головкѣ, складываются въ ней все опредѣленнѣе, формулируются стройно выраженнымъ вопросомъ и предстаютъ на строгій, безпристрастный судъ, не сходя съ очереди, прежде чѣмъ дождутся обстоятельнаго рѣшенія.

По колоссальной живой страницѣ, глядя на которую Евгенія Петровна задумала свои первыя дѣвичьи думы, текла тихая мелководная рѣчка съ некрутыми черноземными берегами. Берегъ, на которомъ стоялъ городъ, былъ еще нѣсколько круче, а противоположный берегъ уже почти совсѣмъ отлогъ, и съ него непосредственно начиналась огромная, кажется, только въ одной просторной Россіи возможная, пойменная луговина. Разстилалась эта луговина по тотъ бокъ рѣчки на такое далекое пространство, что большая раскольничья деревня, раскинутая у предгорья, заканчивавшаго съ одной стороны луговую пойму, изъ города представлялась чѣмъ-то въ родѣ длиннаго обоза, или даже овечьяго стада. Вообще, низенькіе деревенскіе домики ка-

зались не выше луговыхъ кочекъ, усѣвшихся на передкемъ планѣ необъятнаго луга. А когда бархатная поверхность этого луга мало-по-малу сѣрѣла, клочилась и росла, деревня вовсе исчезала и только длинные журавли ея колодцевъ медленно и важно, какъ бы по собственному произволу, то поднимали, то опускали свои шеи, точно и въ самомъ дѣлѣ были настоящіе журавли, живыя, вольныя птицы Божьи, которыхъ не гнетъ за носъ къ землѣ веревка, привязанная человѣкомъ. По горѣ росли горохъ и чечевица, далѣе влѣво шелъ глубокій оврагъ съ красно-бурыми обрывами и совершенно черными впадинами, дававшими нѣкогда пріютъ смѣлымъ удальцамъ Степана Разина, сына Тимоѳеевича. Затѣмъ шелъ старый сосновый лѣсъ, густою, черно-синею щеткою покрывавшій гору и уходившій по ней подъ самое небо; а къ этому лѣсу, кокетливо поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, подбѣгала мелководная рѣчечка, заросшая по загибинамъ то звонкимъ красноватымъ тростникомъ, махавшимъ своими переломленными листочками, то зелено-синимъ початникомъ. Много этого початника росло по мелководной рѣчкѣ Саванкѣ. Вымечется этотъ початникъ и славно смотрѣть на него издали. На однихъ стеблихъ качаются развѣсистыя кисточки съ какими-то красными узелками, точно деревенскія молодки въ бахромчатыхъ повязкахъ. А на другихъ стебляхъ все высокіе, черные, бархатистые султаны; ни-дать-ни-взять, тѣ прежніе султаны, что высоко стояли и шатались на высокихъ гренадерскихъ шапкахъ. Смирно стоятъ въ воздухѣ гордые, статные гренадеры въ высокомъ, синемъ ситникѣ, и только болѣе шаткія, спрятавшіяся въ томъ же ситникѣ молодочки кокетливо потряхиваютъ своими бахромчатыми, красноватыми повязочками. А дунетъ вѣтерокъ, гренадеры зашатаются съ какими-то рѣшительными намѣреніями, повязочки суетливо метнутся изъ стороны въ сторону, и все это вдругъ пригнется, юркнетъ въ густую чащу початника; наверху не останется ни повязочки, ни султана, и только синія лопасти холостыхъ стеблей шумятъ и передвигаются, будто давая кому-то мѣсто, будто сговариваясь о секретѣ, и стараясь что-то укрыть отъ звонкаго тростника, вѣчно шумящаго своими болтливыми листьями. Пронесется тучка, сбѣжитъ вѣтерокъ и изъ густой травы снова выпрыгиваютъ гренадерскіе султаны, и

за ними лѣниво встаютъ и застѣнчиво отряхиваются бахромчатыя повязочки.

Видъ этотъ измѣнялся нѣсколько разъ въ годъ. Онъ не похожъ былъ на наше описаніе раннею весною, когда вся пойма покрывалась мутными водами разлива; онъ иначе смотрѣлъ послѣ Петрова дня, когда по поймѣ лежали густые ряды буйнаго сѣна; иначе еще позже, когда по убранному лугу раздавались то тихое ржанье сосуночка, то неистово-страстный храпъ спутаннаго жеребца и дѣтскій крикъ малолѣтняго табунщика. Еще иначе все это смотрѣло позднею осенью, когда пойма чернѣла и покрывалась лужами, когда черные, бархатные султаны становились бѣлыми, сѣдыми, когда между ними уже не мелькали бахромчатыя повязочки и самый ситникъ валился въ воду, совершенно обнажая подопрѣвающія цибастыя ноги гренадеръ. Дулъ сѣдовласый Борей, и картина вступала въ свою послѣднюю смѣну: пойма блестѣла бѣлымъ снѣгомъ, деревня рѣзко обозначалась у подгорья, оврагъ постепенно исчезалъ подъ нивелирующею рукою пушистой зимы и просвирнины гуси, съ глупою важностью, дѣлали своей променадъ черезъ окаменѣвшую рѣку. Рѣдкій изъ сѣдыхъ гренадеровъ достоитъ до этого суроваго времени и, совершенно потерявшись, ежится бѣднымъ инвалидомъ до тѣхъ поръ, пока просвирнина старая гусыня подойдетъ къ нему, дернетъ для своего развлеченія за вымерзлую ногу и броситъ на потѣху холодному вѣтру.

Въ смотрительскомъ флигелѣ всѣ спали тихимъ, но крѣпкимъ сномъ, когда меревскій Нарцисъ заколотилъ кнутовищемъ въ наглухо-запертыя ворота.

Черезъ полчаса послѣ этого стука, кухарка, зѣвая и крестясь, вошла со свѣчою въ комнату Евгеніи Петровны.

Дѣвушку какъ громомъ поразило извѣстіе о неожиданномъ и странномъ пріѣздѣ Лизы въ Мерево. Протянувъ инстинктивно руку къ лежавшему на стулѣ возлѣ ея кровати ночному шлафору, она совершенно растерялась и не знала, что ей дѣлать.

— Прочитайте, матушка, письмо-то, — сказала ей Пелагея.

Женни бросила шлафоръ и, сидя въ постели, развернула запечатанное письмо доктора.

«Спѣшите какъ можно скорѣе въ Мерево, — писалъ док-

торъ. — Ночью неожиданно пріѣхала Лизавета Егоровна, больная, разстроенная и перезябшая. Мы ее ни о чемъ не разспрашивали, да это, кажется, и не нужно. Я останусь здѣсь до вашего пріѣзда и даже долѣе, если это будетъ необходимо; но, во всякомъ случаѣ, она очень потрясена нравственно, и вы теперь для нея всѣхъ нужнѣе.

Д. Розановъ».

Черезъ часъ Женни сѣла въ отцовскія сани. Около нея лежалъ узелокъ съ бѣльемъ, платьемъ и кое-какой домашней провизіей.

Встревоженный Петръ Лукичъ проводилъ дочь на крыльцо, перекрестилъ ее, велѣлъ Яковлевичу ѣхать поскорѣе и, возвратясь въ залу, началъ накручивать опустившіяся гири стѣнныхъ часовъ.

На дворѣ брезжилось и стоялъ жестокій крещенскій морозъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Утро мудренѣе вечера.

Въ одиннадцать часовъ довольно ненастнаго зимняго дня, наступившаго за бурною ночью, въ которую Лиза такъ неожиданно появилась въ Мерево, въ бахаревской сельской конторѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ ночью спалъ докторъ Розановъ, теперь весело кипѣлъ не совсѣмъ чистый самоваръ. Около самовара стояли четыре чайныя чашки, чайникъ, съ обдѣланнымъ въ олово носикомъ, молочный кубанъ съ нѣсколько замерзшимъ сверху настоемъ, бумажные сверточки чаю и сахару и связка баранокъ. Далѣе еще что-то было завязано въ салфеткѣ.

За самоваромъ сидѣла Женни Гловацкая, а напротивъ ея докторъ и Помада.

Женни хозяйничала.

Она была одѣта въ темно-коричневый ватошникъ, ловко подпоясанный лакированнымъ поясомъ и застегнутый спереди большими бархатными пуговицами, нашитыми отъ самаго воротника до самаго подола; на плечахъ у нея былъ большой сѣрый платокъ изъ козьяго пуха, а на головѣ бѣленькій фламандскій чепчикъ, красиво обрамлявшій своими оборками ея прелестное, разгорѣвшееся на морозѣ личико и завязанный у подбородка двумя широкими бѣлыми лопастями. Густая черная коса въ нѣсколькихъ мѣстахъ выглядывала изъ-подъ этого чепца буйными кольцами.

Евгенія Петровна была восхитительно хороша въ своемъ дорожномъ неглиже, и прелесть впечатлѣнія, производимаго ея присутствіемъ, была тѣмъ обаятельнѣе, что Женни нимало этого не замѣчала.

Прелесть эту зато ясно ощущали докторъ и Помада, и вліяніе ея на каждомъ изъ нихъ выражалось по-своему.

Евгенія Петровна пріѣхала уже около полутора часа назадъ и успѣла разспросить доктора и Помаду обо всемъ, что они знали насчетъ неожиданнаго и страннаго прибытія Лизы.

Свѣдѣнія, сообщенныя ими, разумѣется, были очень ограниченны и нимало не удовлетворили безпокойнаго любопытства дѣвушки.

Теперь уже около получаса они сидѣли за чаемъ и всѣ молчали.

Женни находилась въ глубокомъ раздумьѣ; молча она наливала подаваемые ей стаканы и молча передавала ихъ доктору или Помадѣ.

Помада пилъ чай очень медленно, хлебая его ложечкою, а докторъ съ какимъ-то неестественнымъ аппетитомъ выпивалъ чашку за чашкою и давилъ въ ладоняхъ довольно черствыя уѣздныя баранки.

— Хорошо ли это, однако, что она такъ долго спитъ?— спросила, наконецъ, шопотомъ Женни.

— Ничего, пусть спитъ, — отвѣчалъ докторъ, и опять подалъ Гловацкой опорожненную имъ чашку.

Въ контору вошла птичница, а за нею черезъ порогъ двери клубомъ перекатилось сѣдое облако холоднаго воздуха и поползло по полу.

— Лѣкаря спрашиваютъ, — проговорила птичница, относясь ко всей компаніи.

— Кто?—спросилъ докторъ.

— Генеральша прислали.

— Что ей?

— Просить велѣла безпремѣнно.

— Что бы это такое? — проговорилъ докторъ, глядя на Помаду.

Тотъ пожалъ, въ знакъ совершеннаго недоумѣнія, плечами и ничего не отвѣтилъ.

— Скажи, что буду, — рѣшилъ докторъ и махнулъ бабѣ рукою на дверь.

Птичница медленно повернулась и вышла, снова впустивъ другое, очередное облако стоявшаго за дверью холода.

— Больна она, что ли?—спросилъ докторъ.

— Не знаю,—отвѣчалъ Помада.

— Ты же вчера набиралъ тамъ вино и прочее.

— Я у ключницы выпросилъ.

За тонкою тесовою дверью скрипнула кровать.

Общество молча взглянуло на перегородку и внимательно прислушивалось.

Лиза кашлянула и еще разъ повернулась.

Гловацкая встала, положила на столъ ручникъ, которымъ вытирала чашки, и сдѣлала два шага къ двери, но докторъ остановилъ ее.

— Подождите, Евгенія Петровна, — сказалъ онъ. — Можетъ-быть, это она во снѣ ворочается. Не мѣшайте ей: ей сонъ нуженъ. Можетъ-быть, за все это она однимъ сномъ и отдѣлается.

Но вслѣдъ за симъ Лиза снова повернулась и проговорила:

— Кто тамъ шепчется? Пошлите ко мнѣ, пожалуйста, какую-нибудь женщину.

Гловацкая тихо вошла въ комнату.

— Здѣсь лампада гаснетъ и такъ воняетъ, что мочи нѣтъ дышать, — проговорила Лиза, не обращая никакого вниманія на вошедшую.

Она лежала, обернувшись къ стѣнѣ.

Женни встала на стулъ, загасила догоравшую лампаду, а потомъ подошла къ Лизѣ и остановилась у ея изголовья.

Лиза повернулась, взглянула на своего друга, откинулась назадъ и, протянувъ обѣ руки, радостно воскликнула:

— Женька! какими это судьбами?

Подруги нѣсколько разъ кряду поцѣловались.

— Какъ ты это узнала, Женька? — спрашивала между поцѣлуями Лиза.

— Мнѣ дали знать.

— Кто?

— Докторъ записку прислалъ.

— А ты и пріѣхала?

— А я и пріѣхала.

— Гадкая ты моя ледышка, — съ навернувшимися на глазахъ слезами сказала Лиза и, схвативъ Женину руку, жарко ее поцѣловала.

Потомъ объ дѣвушки снова поцѣловались и объ повеселѣли.

— Ну, чаю теперь хочешь?

— Давай, Женни, чаю.

— А одѣваться?

— Я такъ напьюсь, въ постели.

— А мужчины?—прошептала Женни.

— Что жъ, я въ порядкѣ. Зашпиль мнѣ кофту, и пусть придутъ.

— Господа,—крикнула она громко:—не угодно ли вамъ придти ко мнѣ. Мнѣ что-то вставать не хочется.

— Очень, очень угодно,—отвѣчалъ входя докторъ и поцѣловалъ поданную ему Лизою руку.

За нимъ вошелъ Помада и, по примѣру Розанова, тоже приложился къ Лизиной ручкѣ.

— Вотъ теплая простота и фамильярность! — смѣясь замѣтила Лиза:—патріархальное лобызаніе ручекъ!

— Да; у насъ по-деревенски,—отвѣтилъ докторъ.

Помада только покраснѣлъ, и голова потянула его въ уголъ.

Женни вышла въ контору налить Лизѣ чашку чаю.

— Ну, а о здоровьѣ, кажется, слава Богу, нечего спрашивать?—шутливо произнесъ докторъ.

— Кажется, нечего: совсѣмъ здорова,—отвѣчала Лиза.

— Дайте-ка руку.

Лиза подала руку.

— Ну, передразнитесь теперь.

Лиза засмѣялась и показала доктору языкъ.

— Все въ порядкѣ,—произнесъ онъ, опуская ея руку:— только вотъ что это у васъ глаза?

— Это у меня давно.

— Болятъ они у васъ?

— Да. При огнѣ только.

— Отчего же это?

— Докторъ Майеръ говорилъ, что отъ чтенія по ночамъ.

— И что же дѣлалъ съ вами этотъ почтенный докторъ Майеръ?

— Не велѣлъ читать при огнѣ.

— А вы, разумѣется, не послушались?

— А я, разумѣется, не послушалась.

— Напрасно,—тихо сказалъ Розановъ и всталъ.

— Куда вы? — спросила его Женни, входившая въ это время съ чашкою чая для Лизы.

— Пойду къ Меревой. Мое мѣсто у больныхъ, а не у здоровыхъ, — произнесъ онъ съ комическою важностью на лицѣ и въ голосѣ.

— Когда бываетъ вамъ грустно, докторъ?—смѣясь спросила Гловацкая.

— Всегда, Евгенія Петровна, всегда и, можетъ-быть, теперь болѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Этого, однако, что-то не замѣтно.

— А зачѣмъ же, Евгенія Петровна, это должно быть замѣтно?

— Да такъ... прорвется...

— Да, прорваться-то прорвется, только лучше пусть не прорывается. Пойдемъ-ка, Помада!

— Куда жъ вы его-то уводите?

— А нельзя-съ; онъ долженъ идти читать свое чистописаніе будущей графинѣ Бутылкиной. Пойдемъ, братъ, пойдемъ,—настаивалъ онъ, взявъ за рукавъ поднявшагося Помаду: — пойдемъ, отдѣлаешься скорѣе, да и къ сторонѣ. Въ городъ вмѣстѣ махнемъ къ вечеру.

Дѣвушки остались вдвоемъ.

Долго онѣ обѣ молчали.

Спокойствіе и веселость снова слетѣли съ лица Лизы, бровки ея насупились и какъ будто ломались посерединѣ.

Женни сидѣла, подпершн голову рукою, и, не сводя глазъ, смотрѣла на Лизу.

— Что жъ такое было? — спросила она ее наконецъ.— Ты разскажи, тебѣ будетъ легче, чѣмъ такъ. Сама супишься, мы ничего не понимаемъ: что это за положеніе?

Лиза молчала.

— Исторія была? — спросила, спустя нѣсколько минутъ, Гловацкая.

— Да.

— Большая?

— Нѣтъ.

— Скверная?

— То-есть, какая скверная? Въ какомъ смыслѣ?

— Ну, непріятная?

— Да; разумѣется, непріятная.

— У васъ дома?

— Нѣтъ.

— Гдѣ же?

— У губернатора на балѣ.

— Ты была на балѣ.

— Была. Это третьяго дня было.

— Ну, и что жъ такое?

— И вышла исторія.

— Изъ-за чего же?

— Изъ-за вздора, изъ глупости, изъ-за тебя, изъ-за чего ты хочешь... Только я объ этомъ нимало не жалѣю, — добавила Лиза, подумавъ.

— И изъ-за меня!

— Да, и изъ-за тебя частію.

— Ну, говори же, что̀ именно это было и какъ было?

— Я вѣдь тебѣ писала, что я довольно счастлива, что мнѣ не мѣшаютъ сидѣть дома и не заставляютъ являться ни на вечера, ни на балы?

— Ну, писала.

— Недавно это почему-то вдругъ все измѣнилось. Какъ начались выборы, мать рѣшила, что мнѣ невозможно оставаться дома, что я непремѣнно должна выѣзжать. По этому поводу шелъ цѣлый рядъ отвратительно нѣжныхъ трагикомедій. Чтобы все кончить, я уступила и стала ѣздить. Третьяго дня злая-презлая я поѣхала на балъ съ матерью и съ Софи. Одѣвая меня, мнѣ турчала въ голову няня, и тутъ, между прочимъ, я имѣла удовольствіе узнать, что мною «антересуется» этотъ молодой богачъ Игинъ. Дорогою мать запѣла. Пѣла, пѣла и допѣлась опять до Игина. Злость меня просто душила. Входимъ: въ дверяхъ встрѣчаютъ Канивцовъ и Игинъ. Канивцовъ за Софи, а тотъ берется за меня. Мнѣ стало скверно, я ему сказала какую-то дерзость. Онъ отошелъ. Зоветъ меня танцовать—я не пошла. Мать выговоръ. Я увидала, что въ одной залѣ дамы играютъ въ лото и усѣлась съ ними, чтобы избавиться отъ всевозможныхъ приглашеній. Мать совсѣмъ надулась. «Иди, говоритъ, порѣзвись, потанцуй». Я поблагодарила и говорю, что я въ выигрышѣ, что мнѣ очень везетъ, что я хочу испытать мое счастье. Мать еще болѣе надулась. Передъ ужиномъ я отошла съ Зининымъ мужемъ къ окну; стоимъ за занавѣской и болтаемъ. Онъ разсказывалъ, какъ дворяне сговаривались забаллотировать предводителя, и вдругъ

всѣ единогласно его выбрали снова, посадили на кресла, подняли, понесли по залѣ и, остановясь передъ этой дурой, предводительшей, которая сидѣла на хорахъ, ни съ того, ни съ сего тамъ что-то заорали, ура, или рады стараться.

— Ты сошлась съ Зининымъ мужемъ?—спросила Женни.

— Да. Онъ совсѣмъ не дурной человѣкъ и поумнѣе многихъ. Ну,—продолжала она, послѣ этого отступленія:—болтаемъ мы стоя, а за колонной, совсѣмъ почти возлѣ насъ начинается разговоръ, и слышу то мое, то твое имя. Это ораторствовалъ тотъ бѣлобрысый губернаторскій адъютантъ: «я, говоритъ, ее еще лѣтомъ видѣлъ, какъ она только изъ института ѣхала. Съ нею тогда была еще пріятельница, дочь какого-то смотрителя. Прелесть, батюшка, разсказываетъ, что̀ такое. Бѣлая, стройная, коса, говоритъ, такая, глаза такіе, шея такая, а плечи, плечи...»

Женни вспыхнула и прошептала: «какой дуракъ!»

— Ну, словомъ, точно лошадь тебя описываетъ, и вдобавокъ, «та, говоритъ, совсѣмъ не то, что эта; та (т. е. ты-то) совсѣмъ глупенькая...» Фу, чортъ возьми! думаю себѣ, что же это за наглецъ. А Игинъ его и спрашиваетъ (онъ все это Игину разсказывалъ): «А какого вы мнѣнія о Бахаревой?» «Такъ, говоритъ, дѣвочка ничего, смазливенькая, *годится*». Слышишь, *годится?* Годится! Ну, знаешь, что̀ это у нихъ значитъ, на ихъ скотскомъ языкѣ... Это подлость... «А объ умѣ ея, о характерѣ, что̀ вы думаете?» опять спрашиваетъ Игинъ. «Ничего; она, говоритъ, не дура, только избалована, много о себѣ думаетъ, первой умницей себя, кажется, считаетъ».—И сейчасъ же разсуждаетъ: «Но вѣдь это, говоритъ, пройдетъ; это тамъ, въ институтѣ, да дома легко прослыть умницею-то, а въ свѣтѣ какъ разъ да два щелкнуть хорошенько по курносому носику-то, такъ и опустить хохолъ». Можешь ты себѣ вообразить мое положеніе! Но стою, молчу, а онъ еще далѣе разъѣжаетъ: «я, говоритъ, если бы она мнѣ нравилась, однако, не побоялся бы на ней жениться. Я умѣю ихъ школить. Имъ только не надо давать потачки, такъ онѣ шелковыя станутъ. Я бы ее скоро молчать заставилъ. Я бы ее то, да я бы ее то заставилъ дѣлать»— только и слышно... Ну, ничего.—За ужиномъ я сѣла между Зиной и ея мужемъ и ни съ кѣмъ постороннимъ не говорила. И простились, и вышло все это прекрасно, благополучно. Но ужъ въ передней, стали мы надѣвать шубы и сапоги,

вдругъ возлѣ насъ вырастаютъ Игинъ и адъютантъ. Народу ужасъ сколько; ничего не допросишься и не дождешься. Этотъ болванчикъ съ своими услугами. Приноситъ шубы и сапоги. Я взяла у него шубу и подаю ее своему человѣку: «подержи, говорю, Алексѣй, пожалуйста», и сама надѣваю. «Отчего жъ вы мнѣ не позволили имѣть эту честь?» вдругъ обращается ко мнѣ эта мразь.—«Какую, говорю, честь?»—«Подать вамъ шубу». Я совершенно холодно отвѣчала, что лакейскія обязанности, по моему мнѣнію, никому не могутъ доставить особенной чести.—Нѣтъ-таки неймется!—«Зато, говоритъ, въ иныхъ случаяхъ онѣ могутъ доставить очень большое удовольствіе»,—и самъ осклабляется. Даже жалокъ онъ мнѣ тутъ сталъ, и я такъ-таки, совсѣмъ безъ всякой злости, ему буркнула, что «это дѣло вкуса и натуры». А онъ, вообрази ты себѣ, вѣрно тутъ свою теорію насчетъ укрощенія нравовъ вспомнилъ; вдругъ принялъ на себя этакой какой-то смѣшной, даже вовсе не свойственный ему, серьезный видъ и этакимъ, знаешь, внушающимъ тономъ и такъ, что всѣмъ слышно, говоритъ: «извините, mademoiselle, я вамъ скажу фрашеманъ, что вы слишкомъ рѣзки». Мнѣ припомнился въ эту секунду весь его пошлый разговоръ и хвастовство. Вся кровь моя бросилась въ лицо, и я ему также громко отвѣтила: «извините и меня, monsieur, я тоже скажу вамъ фрашеманъ, что вы дуракъ».

И слушательница, и разсказчица разомъ расхохотались.

— Ай, ай, ай!—протянула Гловацкая, качая головой.

— Да, айкай, сколько угодно.

— Да какъ же это ты, Лиза?

— А что же мнѣ было дѣлать?—раздражительно и съ гримасой спросила Бахарева.

— Могла бы ты иначе его остановить.

— Такъ лучше: одинъ пріемъ, и все кончено, и приставать болѣе не будетъ.

Женни опять покачала головой и спросила:

— Ну, а дальше что же было?

— А дальше дома были обмороки, стенанія, крики «опозорила», «осрамила», «обезчестила» и тому подобное. Даже отецъ закричалъ и даже...

Лиза вспыхнула и добавила дрожащимъ голосомъ:

— Даже—толкнулъ меня въ плечо. Потомъ я цѣлую ночь проплакала въ своей комнатѣ; утромъ рано одѣлась и

пошла пѣшкомъ въ монастырь посовѣтоваться съ теткой. Думала упросить тетку взять меня къ себѣ, — тамъ мнѣ все-таки съ нею было бы лучше. Но потомъ опять пришло мнѣ на мысль, что и тамъ сахаръ, хоть и въ другомъ родѣ, да и отецъ, пожалуй, упрется, не пуститъ, а тутъ покачаловскій мужикъ Сергѣй ѣдетъ.—Овесъ, что-ли, провозилъ.— Я сѣла въ сани, да вотъ и пріѣхала сюда. Только чуть не замерзла дорогой, — даже оттирали въ Покачаловѣ. Одѣта была скверно. Но ничего,—это все пройдетъ, а ужъ зато теперь меня отсюда не возьмутъ.

— Ты здѣсь рѣшила жить?

— Рѣшила.

— Одна?

— Да, до лѣта, пока наши въ городѣ, буду жить одна.

— Что-жъ это такое, мой милый докторъ, значитъ?— выславъ всѣхъ вонъ изъ комнаты, разспрашивала у Розанова камергерша Мерева.

— А ничего, матушка, ваше превосходительство, не значитъ,—отвѣчалъ Розановъ:—семейное что-нибудь, разумѣется, во что и входить-то со стороны, я думаю, нельзя. Пословица говорится: «свои собаки грызутся, а чужія подъ столъ». О здоровьѣ своемъ не извольте безпокоиться: начнется изжога—магнезіи кусочекъ скушайте и пройдетъ, а намъ туда прикажите теперь прислать бульонцу, да кусочекъ мяса.

— Какъ же, какъ же, я ужъ распорядилась.

— Вотъ русская-то натура и въ аристократкѣ, а все свое беретъ! Прежде напой и накорми, а тогда и спрашивай.

— Ну, ужъ ты льстецъ, ты наговоришь,—весело шутила задобренная камергерша.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Изъ большой тучи маленькій громъ.

Вечеромъ, когда сумракъ сливаетъ покрытыя снѣгомъ поля съ небомъ, по направленію отъ Мерева къ уѣздному городу, ѣхали двое небольшихъ пошевней. Въ переднихъ саняхъ сидѣли Лиза и Гловацкая, а въ заднихъ—докторъ въ огромной волчьей шубѣ и Помада въ вытертомъ коти-

ковомъ тулупчикѣ, который, по милости своего страннаго фасона, назывался «халатикомъ».

Дорога была очень тяжкая, снѣжная и сверху опять порошилъ снѣжокъ.

— Хорошія дѣвушки, — проговорилъ Помада, какъ бы отвѣчая на свою долгую думу.

— Да, хорошія, — отвѣчалъ молчаливый до сихъ поръ докторъ.

Можно было полагать, что и его думы бродили по тому же тракту, по которому путались мысли Помады.

— А которая изъ нихъ по-твоему лучше? — спросилъ шопотомъ Помада, обернувшись лицомъ къ воротнику докторской шубы.

— А по-твоему, какая? — спросилъ, смѣясь, докторъ.

— Я, братъ, не знаю; не могу рѣшить. Я ихъ, просто, боюсь.

Докторъ разсмѣялся.

— Ну, которой же ты больше боишься?

— Обѣихъ, братецъ ты мой, боюсь.

— Ну, а которой больше-то? Все же ты которой-нибудь больше боишься.

— Нѣтъ, равно боюсь. Эта, просто, бѣдовая; говори съ ней, да оглядывайся; а та еще хуже.

Докторъ опять разсмѣялся самымъ веселымъ смѣхомъ.

— Ну, а въ которую ты сильнѣе влюбленъ? — спросилъ онъ шопотомъ.

— Н-ну! Чортъ знаетъ, что̀ болтаешь! — отвѣчалъ Помада, толкнувъ доктора локтемъ и, подумавъ, прибавилъ: — какъ ихъ полюбить-то?

— Отчего же?

— Да такъ. Передъ этой, какъ передъ грознымъ ангеломъ стоишь, а та такая чистая, что гдѣ ты ей человѣка найдешь. Какъ къ ней съ нашими-то грязными руками прикоснуться.

Докторъ задумался.

— Вы это что̀ о насъ съ Лизой распускаете, Юстинъ Феликсовичъ? — спрашивала на другой день Гловацкая входящаго Помаду.

Это было вечеромъ, за чайнымъ столомъ.

Помада покраснѣлъ до ушей и уронилъ свою студентскую фуражку.

Всѣ сидѣвшіе за столомъ разсмѣялись. А за столомъ сидѣли: Лиза, Гловацкій, Вязмитиновъ (сдѣлавшійся давно ежедневнымъ гостемъ Гловацкихъ), докторъ и сама Женни, глядѣвшая изъ-за самовара на сконфуженнаго Помаду.

— Оправься,—скомандовалъ докторъ:—ни о чемъ иномъ идетъ рѣчь, какъ о твоей боязни предъ Лизаветой Егоровной и Евгеніей Петровной. Проболтался, сердце мое,—прости.

— Да, да, Юстинъ Феликсовичъ, чего-жъ это вы насъ боитесь-то?

— Я не говорилъ.

— А, такъ вы, докторъ, и сочинять умѣете!

— Помада! и ты, честный гражданинъ Помада, не говорилъ?—Трусъ ты,—самообличенія въ тебѣ нѣтъ.

— Чѣмъ же мы такія страшныя?—приставала Женни, развеселившаяся сегодня болѣе обыкновеннаго.

— Чистотой!—рѣшительно отвѣтилъ Помада.

— Чѣ-ѣмъ?

— Чистотой.

Опять всѣ засмѣялись.

— Такъ насъ и любить нельзя?—спросила Женни.

— «Страшно васъ любить»,—проговорилъ Помада, оправляясь и воспоминая пѣсенку, нѣкогда слышанную имъ отъ цыганокъ въ Харьковѣ.

— И отлично, Помада. Бойтесь насъ, а то, въ самомъ дѣлѣ, долго ли до грѣха,—влюбитесь. Я вѣдь, говорятъ, недурна, а Женни красавица; вы же, по общему отзыву, Сердечкинъ.

— Кто это вамъ вретъ, Лизавета Егоровна?—ожесточенно и въ то же время сильно обиженно крикнулъ Помада.

— А-а! развѣ можно такъ говорить съ дѣвушками?

— Подлость какая!—воскликнулъ Помада опять такимъ оскорбленнымъ голосомъ, что докторъ счелъ нужнымъ скорѣе перемѣнить разговоръ и спросилъ:

— А въ самомъ дѣлѣ, что же это, однако, съ вашими глазами, Лизавета Егоровна?

— Да болятъ?

— Такъ это не съ холоду только?

— Нѣтъ, давно болятъ.

— Ну, вы смотрите: это не шутка. Шутя этакъ, можно и ослѣпнуть.

— Я очень много читаю и не могу не читать. Это у меня какой-то запой. Что же мнѣ дѣлать?

— Я вамъ буду читать, — чистымъ и радостнымъ голосомъ вдругъ вызвался Помада.

И такъ счастливо, такъ преданно и такъ честно глядѣлъ Помада на Лизу, высказавъ свою просьбу заслонить ея больные глаза своими, что никто не улыбнулся. Всѣ только случайно взглянули на него, совсѣмъ съ хорошими чувствами, и лишь одна Лиза вовсе на него не взглянула, а небрежно проронила:—Хорошо, читайте.

— Дома всѣ? — крикнулъ изъ передней голосъ, заставившій вздрогнуть цѣлую компанію.

— Дома, и милости просимъ,—отвѣчалъ Гловацкій вставая и, взявъ со стола одну изъ двухъ свѣчекъ, пошелъ навстрѣчу гостю.

Лиза молча встала и пошла за Гловацкимъ.

Въ передней былъ Егоръ Николаевичъ Бахаревъ и Марина Абрамовна.

Когда Гловацкій освѣтилъ до спхъ поръ темную переднюю, Бахаревъ стоялъ, нагнувъ свою голову къ Абрамовнѣ, а она обивала своими бѣлыми, шерстяными вязенками съ синей надвязкой, густой слой снѣга, насѣвшаго въ воротникъ господской медвѣжьей шубы.

— Спѣжно, видно, стало?—спросилъ Гловацкій.

— Занесло, братъ, совсѣмъ,—отвѣчалъ Бахаревъ самымъ веселымъ тономъ.

«Ого!» подумалъ Петръ Лукичъ.

«Ого!» подумали прочіе, и всѣ повеселѣли.

— Здравствуйте! — говорилъ Бахаревъ, цѣлуя по ряду всѣхъ.—Здравствуй, Лизокъ!—добавилъ онъ, обнявъ, наконецъ, стоявшую Лизу, поцѣловалъ ее три раза и потомъ поцѣловалъ ея руку.

Возобновили чай. Разговоръ шелъ веселый и нимало не касался Лизы. Только Абрамовна поздоровалась съ нею нѣсколько сухо, тогда какъ Женни она расцѣловала и огладила ея головку.

— Кушай, няничка, — сказала Женни, подавая Абрамовнѣ въ свою спальню стаканъ чаю со сливками и большимъ ломтемъ домашней булки.

— Спасибо тебѣ, моя красавица,—отвѣчала Абрамовна и поцѣловала въ лобъ Женни.

— Кушай, няня, еще,—сказала Лиза, подавая Абрамовнѣ другой стаканъ.

— Не безпокойся, умница,—отвѣчала Абрамовна, отворачиваясь искать чего-то неположеннаго.

А Егоръ Николаевичъ разсказывалъ о выборахъ, шутилъ и вообще былъ веселъ, но избѣгалъ разговора съ дочерью. Только, выходя изъ-за ужина, когда уже не было ни Розанова, ни Вязмитинова, онъ самъ заперъ за ними дверь и ласково сказалъ:

— Я тебѣ, Лиза, привезъ Марину. Тебѣ съ нею будетъ лучше... Книги твои тоже привезъ... и есть тебѣ какая-то записочка отъ тетки Агнессы. Куда это я ее сунулъ?.. Не знаю, что она тебѣ тамъ пишетъ.

Старикъ вынулъ изъ бумажника письмо и подалъ его Лизѣ.

«Я на тебя сердита, Лиза, — писала мать Агнія племянницѣ. — Такихъ штукъ выкидывать нельзя, легкое ли дѣло, что мы передумали? Развѣ это хорошо? Посмотри ты на своего отца, который хотѣлъ тебя избранить и связать, а потомъ, какъ ребенокъ, радъ летѣть къ тебѣ на старости лѣтъ. Я тебя нимало не защищала и теперь говорю съ тобою, какъ съ женщиною, одаренною умомъ и великодушіемъ. Я говорю съ тобою какъ съ *Бахаревою* (въ этомъ мѣстѣ Лиза сдѣлала гримаску, которую нельзя было истолковать въ пользу родовыхъ аргументацій матери Агніи). Посмотри ты на старика! Онъ вѣдь весь осунулся. Развѣ это можно такъ поступать, дитя мое? Онъ не только твой отецъ, но онъ еще старикъ, цѣлую жизнь честно исполнявшій то, что ему казалось его человѣческимъ долгомъ. Ты боишься людской черноты и пошлости, бойся же, другъ мой, гадчайшаго порока въ жизни,—бойся пренебрежительности и нетерпимости, и, вѣрь или не вѣрь въ Бога, а вѣрь, что даже въ этой жизни есть неотразимый законъ возмездія, помни, что проклято то сердце, которое за любовь не умѣетъ заплатить даже состраданіемъ.

«Твоя тетка

инокиня *Агнія*».

«P. S. Никакого насилія, никакихъ рѣзкостей противъ тебя употреблено не будетъ, только не бунтуйся ты сама, Бога ради».

Прочитавъ это письмо, Лиза тщательно сложила его, сунула въ карманъ, потомъ встала, подошла къ отцу, поцѣловала его самого и поцѣловала его руку.

— Что? что, мой котенокъ?—спросилъ совсѣмъ расцвѣтшій старикъ.

— Я очень виновата передъ вами, папа.

— Да, кажется,—отвѣчалъ старикъ, смаргивая нервную слезу и притворяясь, что ему попалъ въ глаза дымъ.

— Но я не могла поступить иначе,—замѣтила Лиза.

— Ну, Богъ съ тобой, если не могла.

Лиза опять обезоружилась.

— Но все-таки я виновата,—простите меня.

Бахаревъ нагнулъ дочь къ себѣ и поцѣловалъ ее.

— Тетя пишетъ, что вы не будете меня принуждать... Позвольте мнѣ жить зиму въ деревнѣ.

— Да живи, живи! Я тебѣ нарочно Марину привезъ, и книги твои тебѣ привезъ. Живи, Богъ съ тобой, если тебѣ нравится.

Лиза снова расцѣловала отца, и семья съ гостями разошлась по своимъ комнатамъ. Бахаревъ пошелъ съ Гловацкимъ въ его кабинетъ, а Лиза пошла къ Женни.

Скоро все улеглось и заснуло.

Легко было всѣмъ засыпать, глядя вслѣдъ безпокоившей ихъ огромной тучѣ, изъ которой вышелъ такой маленькій громъ.

Только одинъ старикъ Бахаревъ часто вздыхалъ и ворочался, лежа на мягкомъ диванѣ въ кабинетѣ Гловацкаго.

Наконецъ, далеко за полночь, тоска его одолѣла: онъ всталъ, отыскалъ впотьмахъ свою трубку съ черешневымъ чубукомъ, раскурилъ ее и, тяжело вздохнувъ старою грудью, въ одномъ бѣльѣ присѣлъ въ ногахъ у Гловацкаго.

— Что ты не спишь? — спросилъ его пробудившійся Петръ Лукичъ.

— Не спится, Петруха,—растерянно отвѣчалъ старикъ.

— Перестань думать-то.

— Не могу, братъ. Жаль мнѣ ее, а никакъ ничего не пойму.

— Оставь времени дѣлать свое дѣло.

— Да что оставлять, когда ничего не пойму! Вижу, что не права она, а жаль. И что это такое? что это такое въ ней?

— Нравъ, братъ, такой! стремленія...

— Да какія же стремленія?

— То-то: вѣкъ, идеи,—все это...

— Да что за идеи-то, ты мнѣ разъясни?

— Пытливость разума, ну, безпокойство... пройдетъ все.

Бахаревъ затянулся, освѣтилъ комнату разгорѣвшимся табакомъ, потомъ, спустивъ трубку съ колѣнъ, лѣниво, но съ особеннымъ тщаніемъ и ловкостью осадилъ большимъ пальцемъ правой ноги поднявшійся изъ нея пепелъ и, тяжело вздохнувъ, побрелъ неслышными шагами на диванъ.

— Я, Лизокъ, оставилъ Николаю Степановичу деньжонокъ. Если тебѣ книги какія понадобятся, онъ тебѣ выпишетъ, — говорилъ Бахаревъ, прощаясь на другой день съ дочерью.

— Очень благодарю васъ, папа.

— Да. Я заѣду въ Мерево, обряжу тебѣ залу и мой кабинетъ, а ты тутъ погости дня два-три, пока домъ отойдетъ.

— Хорошо-съ.

— Ну, будь здорова. А къ намъ побываешь? Побывай: я лошадей тебѣ оставлю. Будь же здорова; Христосъ съ тобою.

Бахаревъ перекрестилъ дочь и уѣхалъ, а Лиза осталась одна, самостоятельною госпожею своихъ поступковъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ пустомъ домѣ.

Вся наша знакомая уѣздная молодежь не много размышляла о положеніи Лизы, но всѣ были очень рады ея переселенію въ Мерево. Надѣялись безпрестанно видѣть ее у Гловацкихъ, разсчитывали вмѣстѣ читать, гулять, спорить и вообще разгонять, чѣмъ Богъ пошлетъ, утомительное semper idem уѣздной жизни.

А дѣло вышло совсѣмъ иначе.

Лиза какъ уѣхала въ Мерево, такъ тамъ и засѣла. Правда, въ два мѣсяца она навѣстила Гловацкую раза четыре, но и то, какъ говорится, пріѣзжала словно жару хватить. Пріѣдетъ утречкомъ, посидитъ, вытребуетъ къ себѣ Вязмитинова, сообщитъ ему свои желанія насчетъ книгъ и домой собирается.

— Что это съ тобой дѣлается, Лиза? — спрашивала ее Гловацкая: — я, просто, не узнаю тебя. Сердишься ты на меня, что ли?

— За что же мнѣ на тебя сердиться, — я нимало къ тебѣ не измѣняюсь.

— Чего же ты отъ насъ скрываешься?

— Я не скрываюсь.

— То, бывало, жалуешься, что нельзя къ намъ ѣздить, а теперь едва въ двѣ недѣли разъ глаза покажешь, да и то на одну минуту. Что этому за причина?

— Какая же тутъ причина нужна? Мнѣ очень хорошо теперь у себя дома, я занимаюсь—вотъ и вся причина.

Женни и спрашивать ее перестала, а если, бывало, скажетъ ей, прощаясь: «пріѣзжай скорѣе, Лиза», то та отвѣтитъ «пріѣду», да и только.

— Что же Лизавета Егоровна?—спрашивали Гловацкую докторъ, Вязмитиновъ и Зарницынъ.

Женни краснѣла при этомъ вопросѣ. Ей было досадно, что Лиза такъ странно ставитъ дѣло.

— Ужъ не поссорились ли вы? спрашивалъ ее нѣсколько разъ отецъ.

— Фуй, папа! что вамъ за мысль пришла? — отвѣчала, вся вспыхнувъ, Женни.

— То-то, я думаю, что бы это сдѣлалось: были такіе друзья, а тутъ вдругъ и охладѣли.

Женни становилось обидно за свое чувство, безпричинно заподозрѣваемое по милости страннаго поведенія Лизы.

Это была первая непріятность, которую Женни испытала въ отцовскомъ домѣ.

Она попробовала съѣздить къ Лизѣ. Та встрѣтила ее очень привѣтливо и радушно, но Женни казалось, что и въ этой привѣтливости нѣтъ прежней теплоты и задушевности, которая ихъ связывала цѣлые годы ранней юности.

Женни старалась увѣрить себя, что это въ ней говоритъ предубѣжденіе, что Лиза точно та же, какъ и прежде, что это только въ силу предубѣжденія ей кажется, будто даже и Помада измѣнился.

Она не видала его почти два мѣсяца. Только разъ онъ прискакалъ въ городъ точно курьеръ съ запискою Лизы къ Вязмитинову, перемѣнилъ книги и опять улетѣлъ. Даже не присѣлъ и не раздѣлся.

— Некогда, некогда, — отвѣчалъ онъ на приглашеніе Женни хоть съѣсть что-нибудь и обогрѣться.

Даже къ доктору не зашелъ.

«Въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, что-нибудь спѣшное», подумала тогда Женни и не обратила на это никакого вниманія.

Зато теперь, встрѣтивъ Помаду у одинокой Лизы, она нашла, что онъ какъ-то будто вышелъ изъ своей всегдашней колеи. Во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась при Лизѣ какая-то живость и нѣсколько смѣшная суетливость. Взошелъ смѣлой, но тревожной поступью, поздоровался съ Женей и сейчасъ же началъ докладъ, что онъ прочелъ Милля и сдѣлалъ отмѣтки.

— Вотъ мѣсто замѣчательное, — началъ онъ, положивъ передъ Лизою книжку, и, указывая костянымъ ножемъ на открытую страницу, заслонивъ ладонью ротъ, читалъ черезъ Лизино плечо: «Въ каждой цивилизованной странѣ число людей, занятыхъ убыточными производствами, или ничѣмъ незанятыхъ, составляетъ, конечно, пропорцію, болѣе чѣмъ въ двадцать процентовъ сравнительно съ числомъ хлѣбопашцевъ». Четыреста двадцать четвертая страница, — закончилъ онъ, закрывая книгу, которую Лиза тотчасъ же взяла у него и стала молча перелистывать.

Помада опять бросился къ кучкѣ принесенныхъ имъ книгъ и, открывъ «Русскій Вѣстникъ», говорилъ: «А тутъ вотъ...» Помада тревожно взглянулъ на необращавшую на него никакого вниманія Лизу и затихъ. Потомъ, дождавшись, какъ она отбросила перелистываемую ею книгу, опять началъ: «а тутъ вотъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» какой драгоцѣнный выводъ въ одной статьѣ.

«Статистика въ Англіи доказываетъ, что пьяницъ женщинъ въ пять разъ менѣе, чѣмъ мужчинъ. Вообще такъ приходится:

«Одинъ пьяница на семьдесятъ четыре мужчины.

«Одна на четыреста тридцать четыре женщины.

«Одинъ на сто сорокъ пять жителей обоего пола».

— Препинтересный выводъ!—воскликнулъ Помада и продолжалъ читать далѣе:—«Отношеніе, замѣчательно совпадающее съ отношеніемъ, существующимъ между преступниками обоихъ половъ, по которому мужескихъ преступниковъ ровно *въ пять разъ болѣе женскихъ*».

— Замѣчательный выводъ! — опять воскликнулъ Помада, окинувъ взоромъ всѣхъ присутствовавшихъ и остановивъ его на Лизѣ.

— Отложите мнѣ, я это буду читать, — небрежно проговорила Лиза.

— Все-то уже, прости Господи, пересчитали; оттого-то, видно, уже скоро и считать нечего станетъ, — произнесла кропотливо Абрамовна, убирая свою работу и отправляясь накрывать на столъ.

За обѣдъ Помада сѣлъ, какъ семьянинъ. И за столомъ, и послѣ стола до самой ночи, онъ чего-то постоянно тревожился, бросался и суетливо оглядывался, чѣмъ бы и какъ услужить Лизѣ. То наливалъ ей воды, то подавалъ скамейку, или, какъ только она сходила съ одного мѣста и садилась на другое, онъ переносилъ за нею ея платокъ, книгу и костяной ножикъ.

Женни нѣсколько разъ хотѣлось улыбнуться, глядя на это пажеское служеніе Помады, но эта охота у нея пропадала тотчасъ, какъ только она взглядывала на серьезное лицо Лизы и болѣзненно тревожную внимательность кандидата къ каждому движенію ея сдвинутыхъ бровей.

Женни осталась ночевать. Вечеромъ всѣ спокойно усѣлись на отоманахъ въ бахаревскомъ кабинетѣ.

Тутъ же сидѣла и Абрамовна. Убравъ чай, она надѣла себѣ на носъ большіе очки, достала изъ шкапа толстый мотокъ питокъ и, надѣвъ его на свои старческія колѣни, начала разматывать.

Мотокъ безпрестанно соскакивалъ, какъ только старуха чуть-чуть неловко дергала нитку.

— О, прахъ тебя побери! — восклицала Абрамовна каждый разъ послѣ такого казуса.

— Тебѣ неловко, няня?—спросила Женни.

— Какая тутъ ловкость, моя красавица!—отвѣчала сердясь старуха: — ничего нѣтъ, ни моталки, ничего, ничего. Заѣхали въ виръ-болото, да и куликуемъ.

— Дай я тебѣ подержу.

— Ну, что вздоръ! И такъ размотаю. Не къ спѣху дѣло, не къ смерти грѣхъ.

— Полно, няня, церемониться, давай,—перебила Женни, чувствуя, что ей самой нечего дѣлать, и, сѣвши противъ старухи, взяла мотокъ на свои руки.

Въ одиннадцать часовъ Лиза сказала:

— Поѣсть бы нужно, няня.

Няня молча вышла и принесла два очищенные копченые рыбца и масленку съ сливочнымъ масломъ.

— Огурца нѣтъ, няня?

— Нѣту, сударыня, не принесла.

— А нельзя принести?

— Будить-то теперь бабу, да въ погребъ-то посылать.

Помада вскочилъ и взялся за свою неизмѣнную фуражку.

— Куда вы?—спросила, надвинувъ брови, Лиза.

— Къ себѣ; я сейчасъ отъ себя принесу.

— Сдѣлайте одолженіе, успокойтесь; никто васъ не проситъ о такой любезности.

Помада сконфузился, но безпрекословно повиновался и положилъ фуражку.

Тотчасъ послѣ закуски онъ сталъ прощаться. Женни подала Помадѣ руку, а Лиза на его поклонъ только сухо проговорила:

— Прощайте.

Помада вышелъ. Въ эти минуты въ немъ было что-то страдальческое, и Женни очень не понравилось, какъ Лиза съ нимъ обращается.

— Что ты имъ недовольна за что-нибудь?—спросила она.

— Нисколько. Отчего это тебѣ показалось?

— Да что за пренебреженіе такое въ обращеніи?

— Никакого пренебреженія нѣтъ: обращаюсь просто, какъ со всѣми. Ты меня извинишь, Женни, я хочу дочитать книгу, чтобы завтра ее съ тобой отправить къ Вязмитинову, а то нарочно посылать придется, — сказала Лиза, укладываясь спать и ставя возлѣ себя стулъ со свѣчкой и книгой.

— Пожалуйста, читай, — отвѣчала спокойно Женни, но въ душѣ ей это показалось очень обидно.

Дѣвушки легли на одной отоманкѣ, голова къ головѣ, а старуха напротивъ, на другомъ отоманѣ.

Она долго молилась передъ образомъ. Женни лежала молча и думала; Лиза читала. Абрамовна стояла на колѣняхъ. Въ комнатѣ было только слышно какъ шелестили листы.

— Что это, матушка! опять за свои книжечки по ночамъ берешься? Видно-таки хочется ослѣпнуть, — заворчала на Лизу старуха, окончивъ свою долгую вечернюю молитву.— Спать не хочешь,—продолжала она:—такъ хоть бы подругито постыдилась! Въ кои-то вѣки она къ тебѣ пріѣхала, а ты при ней чтеніемъ занимаешься.

— Перестань, няня; — я у Женни просила извиненія. Мнѣ надо кончить книгу.

— Ну, какъ не надо! Очень надобность большая,—къ спѣху вѣдь. Не все еще переглодала. Еще поищи по угламъ; не завалилась ли еще гдѣ какая... Ни дать, ни взять фараонская мышь,—что ни попадетъ—все сгложетъ.

— Ахъ, какъ это, наконецъ, скучно! терпѣнья нѣтъ!—сказала Лиза, сдѣлавъ движеніе и швырнувъ на колѣни книгу; но тотчасъ же взяла ее снова и продолжала читать.

Далеко за полночь читала Лиза; няня крѣпко спала; Женни, подложивъ розовый локотокъ подъ голову, думала о Лизѣ, о матери, объ отцѣ, о дѣтскихъ годахъ, и опять о Лизѣ, и о теперешней перемѣнѣ въ ея характерѣ.

«Неужто она не добрая,—думала Женни:— неужто я въ ней ошибалась?»

И Женни сейчасъ же гнала отъ себя прочь эту мысль.

«Нѣтъ,—рѣшала она:—это случайность; она все такая же и любитъ меня... А странно,—размышляла Женни далѣе:—развѣ можно забыть человѣка для книги? Нельзя. Я бы этого никакъ не могла. «Не для книги, не для бумажной книги, а для живой, всемогущей, творческой мысли, для неугасимой жажды свѣта и правды; для нихъ уне есть человѣку погибнути», говорилъ ей другой голосъ. Да, но развѣ это необходимо? развѣ это даже нужно? Развѣ исканіе свѣта и правды становится труднѣе съ сердцемъ, согрѣтымъ животворною теплотою взаимности и сочувствія?..»

— Что, нашъ «*прахъ*» спитъ?—прошептала Лиза.

Веселое, что-то прежнее звучало Женни въ этомъ шопотѣ.

Головацкая вскинула головку, а Лиза, облокотясь на подушку, держитъ у рта пальчикъ и другою рукою грозитъ ей, указывая на спящую старуху.

— Спитъ, думаешь?—еще тише спросила Лиза.

— Да, навѣрно.

— Давай, покуримъ.

— Я уже совсѣмъ отвыкла, но давай, покурю.

Лиза встала въ одной рубашкѣ, подошла неслышными шагами къ висѣвшему на гвоздѣ платью, вынула оттуда пачку съ папиросами и зажгла себѣ одну, а другую подала Женни.

— Зачѣмъ ты не куришь при ней?—прошептала Женни.

— Помилуй! начнетъ прибирать «прахъ», да «распрахъ», и конца нѣтъ.

— А добрая старуха.

— Добрѣйшая, но чудиха ужасная. Я ее иногда злю.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? Не хорошо.

— Вѣдь она не сердится, — праховъ мнѣ насулитъ, и только.

Лиза весело засмѣялась тѣмъ беззвучнымъ смѣхомъ, которымъ женщины умѣютъ смѣяться, обманывая ворчливую мать или ревниваго мужа.

Дѣвушки лежали, облокотясь на подушки другъ противъ друга, и докуривали папироски. Женни внимательно глядѣла въ умненькіе глаза Лизы, смотрѣвшіе теперь, какъ глаза ручной птицы, и въ ея веселенькое личико, безпрестанно складывавшееся въ невинную улыбку надъ обманутой старушкой.

Наконецъ, оба лица стали серьезнѣе, и дѣвушки долго молча смотрѣли другъ на друга.

— Что ты такъ смотришь, Женька? — спросила, вздохнувъ, Лиза.

— Я хотѣла тебя спросить, зачѣмъ ты стала меня чуждаться? — собиралась-было сказать Гловацкая, обрадованная добрымъ расположеніемъ Лизы, но прежде чѣмъ она успѣла выговорить вопросъ, возникшій въ ея головкѣ, Лиза погасила о подсвѣчникъ докуренную папироску и молча опустила глаза въ книгу.

Передъ Гловацкою уже опять не было прежней Лизы, передъ нею снова была Лиза, уязвившая ея чистое сердце впервые отверженнымъ безъ всякой вины чувствомъ.

Женни молча опустилась на подушку.

«Говорятъ, — думала она, стараясь уснуть: — говорятъ, нельзя опредѣлить момента, когда и отчего чувство зарождается,—а можно ли опредѣлить, когда и отчего оно гаснетъ? Приходитъ... уходитъ. Дружба придетъ, а потомъ уйдетъ. Всякая привязанность также: придетъ... уйдетъ... не удержишь. Одна любовь!.. та ужъ...» —«придетъ и уйдетъ», отвѣчалъ утомленный мозгъ, рѣшая послѣдній вопросъ вовсе не такъ, какъ его хотѣло рѣшить дѣвичье сердце Женни.

Но сердце ея не слыхало этого рѣшенія и тихо билось въ груди, обѣщавшей кому-то много-много хорошаго, прочнаго счастья.

Конецъ первой книги.

Оглавленіе

VIII ТОМА.

Некуда. Романъ въ трехъ книжкахъ.

Книга первая: **Въ провинціи.**

		стр.
I.	Тополь да березка	5
II	Кто ѣдетъ въ тарантасѣ	7
III.	Пріютъ безмятежный	10
IV	Мать Агнія	13
V.	Старое съ новымъ	15
VI.	Молодой пересадокъ	25
VII.	Въ ночной тишинѣ	37
VIII	Родныя липы	40
IX.	Университетскій антикъ прошлаго десятилѣтія	49
X.	Лѣтнее утро	61
XI.	Колыбельный уголокъ	66
XII.	Прогрессивные люди уѣзднаго города	70
XIII.	Нежданный гость	76
XIV.	Семейная картинка въ Мерсвѣ	82
XV.	Перешпилили	89
XVI.	Перчатка поднята	93
XVII.	Слово съ вѣсомъ	100
XVIII.	Слово воплощается	107
XIX.	Крещенскій вечеръ	114
XX.	За полночь	121
XXI.	Глава, нѣкоторымъ образомъ топографически-историческая	129
XXII.	Утро мудренѣе вечера	145
XXIII.	Изъ большой тучи маленькій громъ	153
XXIV.	Въ пустынномъ домѣ	159

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ДЕВЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1902.

Типографія А. Ф. Маркса, Измайл. пр., № 29.

НЕКУДА.

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ КНИЖКАХЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

(Окончаніе).

II

КНИГА ВТОРАЯ.

КНИГА ПЕРВАЯ.
ВЪ ПРОВИНЦІИ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.
Два внутренніе міра.

1.

Какъ всегда бываетъ въ жизни, что смирными и тихими людьми занимаются меньше, чѣмъ людьми смѣло заявляющими о своемъ существованіи, такъ, кажется, идетъ и въ нашемъ романѣ. Мы до сихъ поръ только слегка занимались Женею и гораздо невнимательнѣе входили въ ея жизнь, чѣмъ въ жизнь Лизы Бахаревой, тогда какъ она, по плану романа, имѣетъ не меньшее право на наше вниманіе. Мы должны были въ послѣднихъ главахъ показать ея обстановку для того, чтобы не возвращаться къ прошлому и, не рисуя читателю мелкихъ и неинтересныхъ сценъ однообразной уѣздной жизни, выяснить, при какихъ декораціяхъ и мотивахъ спокойная головка Женни доходила до составленія себѣ ясныхъ и совершенно самостоятельныхъ понятій о людяхъ и ихъ дѣятельности, о себѣ, о своихъ силахъ, о своемъ призваніи и обязанностяхъ, налагаемыхъ на нее долгомъ въ дѣйствительномъ размѣрѣ ея силъ. Наконецъ, мы должны теперь хотя на нѣсколько минутъ еще ближе подойти къ этой нашей героинѣ, потому что, едва знакомые съ нею, мы скоро потеряемъ ее изъ виду надолго, и встрѣтимся съ нею уже въ иныхъ мѣстахъ и при иныхъ обстоятельствахъ.

Въ своей черезчуръ скромной обстановкѣ, Женни, одна-

одинешенька, додумалась до многаго. Въ ней она рѣшила, что ея отецъ простой, очень честный и очень добрый человѣкъ, но не герой, точно такъ же, какъ не злодѣй; что она для него дороже всего на свѣтѣ, и что потому она станетъ жить только такимъ образомъ, чтобы заплатить старику самой теплой любовью за его любовь и освѣтить его закатывающуюся жизнь. Все другое на второмъ планѣ, думала Женни.

Уѣздное общество ей было положительно гадко, и она весьма тщательно старалась избѣгать всякаго съ нимъ сближенія, но дѣлала это чрезвычайно осторожно, во-первыхъ, чтобы не огорчить отца, проживпаго въ этомъ обществѣ свой вѣкъ, а, во-вторыхъ, и потому, что терпимость и мягкость были преобладающими чертами ея добраго права.

Кружокъ своихъ близкихъ людей она тоже понимала. Зарницынъ ей представлялся добрымъ, простодушнымъ парнемъ, съ которымъ можно легко жить въ добрыхъ отношеніяхъ, но она его находила немножко фразеромъ, немножко лгуномъ, немножко человѣкомъ смѣшнымъ и до крайности флюгернымъ. Онъ ей ни разу не приснился ночью, и она никогда не подумала, какое впечатлѣніе онъ произвелъ бы на нее, сидя съ нею tête-à-tête за ея утреннимъ чаемъ.

Дьякона Александровскаго и его хорошенькую жену Женни считала очень добрыми людьми, и ей было бы больно всякое ихъ несчастіе.

Доктора она отличала отъ многихъ. Никто изъ близкихъ уѣздныхъ знакомыхъ не рисовался такъ часто надъ туманной пеленою луга. Говорятъ, подлость есть сила. Надо прибавить: скандалъ тоже есть сила. Особенно скандалъ извѣстнаго рода есть сила у женщинъ и притомъ у самыхъ лучшихъ, у самыхъ теплыхъ женщинъ. Докторъ былъ кругомъ оскандализированъ. Въ него метали грязью и плуты, и дураки, среди которыхъ онъ грызся съ судьбою. Его не упрекали темными дѣяніями по службѣ. Онъ постоянно самъ разсказывалъ, что ему безъ взятокъ прожить нельзя, но не изъ этихъ взятокъ свивался кнутъ, которымъ хлестала его уѣздная мораль. Напротивъ, и исправникъ, и судья, и городничій, и эскадронный командиръ находили, что Розановъ «тонеръ», что выражало нѣкоторую, такъ сказать, пренебрежительность доктора къ благамъ міра сего и непріятную для многихъ его разборчивость на *родъ*

взятки. Докторъ бралъ десятую часть того, что онъ могъ бы взять на своемъ мѣстѣ, и не шелъ въ стачки тамъ, гдѣ другимъ было нужно покрыть его медицинскою подписью свою юридически административную неправду. Мстили ему болѣе собственно за эту строптивую черту его характера, но поставить ее въ прямую вину доктору и ею бить его по чемъ ни попало—было невозможно. Одинъ чиновный чудакъ повелъ семью голодать на литературномъ запощеваньѣ и изобразилъ «Полицію внѣ полиціи»; надворный совѣтникъ Щедринъ началъ разсказывать такія вещи, что снова прошелъ слухъ, будто бы народился антихристъ и «дѣйствуетъ въ совѣтницкомъ чинѣ». По газетамъ и другимъ журналамъ закопошились обличители. Неловко было старымъ взяточникамъ и обираламъ въ такое время открыто говорить доктору, что ты подлецъ за то, что ты не съ нами, и мы тебѣ дадимъ почувствовать.

Нужно было стегать доктора другимъ кнутомъ, и кнутъ этотъ не замедлили свить нѣжныя, женскія ручки слабонервныхъ уѣздныхъ барынь и барышень, а тонкіе, гнуткіе ременки для него выкроила не менѣе нѣжная ручка нимфообразной дочери купца Тихонина. Эта слабонервная дѣвица, возложившая въ первый же годъ, по пріѣздѣ доктора въ городъ, честный вѣнецъ на главу его, на третій день послѣ свадьбы пожаловалась на него своему отцу, на четвертый—замужней сестрѣ, а на пятый—женѣ уѣзднаго казначея, одѣлявшаго каждое первое число пенсіономъ всѣхъ чиновныхъ вдовушекъ города, и понамарю Ефиму, раскачивавшему каждое воскресенье желѣзный языкъ громогласнаго соборнаго колокола.

Дивное было твореніе Божіе эта Оля Тихонина.

Дивно оно для насъ тѣмъ болѣе, что всѣ ее видали въ послѣднее время въ Москвѣ, Сумахъ, Петербургѣ, Бѣлевѣ и Одессѣ, но никто, даже самъ Островскій, катаясь по темному царству, не запримѣтилъ Оли Тихониной, и не срисовалъ ее въ свой безцѣнный, мастерской альбомъ.

Во время благопотребное, тоже не здѣсь и не при здѣшней обстановкѣ, мы встрѣтимся съ этимъ простодушно-подлымъ типомъ нашей цивилизаціи, а теперь не станемъ на немъ останавливаться и пойдемъ далѣе.

Женни знала, что докторъ очень несчастенъ въ своей семейной жизни. Она знала, что его винятъ только въ двухъ

порокахъ: въ склонности къ разгулу и въ какомъ-то нелицемномъ обращеніи съ женою. Она знала также, что все это идетъ о немъ изъ его же спальни. Она знала, наконецъ, что докторъ страстно, нѣжно и безпредѣльно любитъ свою пятилѣтнюю дочь и, по первому мягкому слову, все прощаетъ своей женѣ, забывая всю дрянь и нечисть, которую она подняла на него. Женни видѣла, что онъ уменъ, горячъ сердцемъ, искренъ до дерзости, и она его искренно жалѣла.

«Можетъ ли быть, — думала она, глядя на поле, засѣянное чечевицей,—чтобы добрая, разумная женщина не сдѣлала его на цѣлый вѣкъ такимъ, какимъ онъ сидитъ передо мною? Не можетъ быть этого.—А пьянство?.. Да другіе еще болѣе его пьютъ... И развѣ женщина, если захочетъ, не замѣнитъ собою вина? Хмель — забвеніе: около женщины еще легче забываться.»

Иголка все щелкала и щелкала въ рукахъ Женни, когда она, размышляя о докторѣ, рѣшала, что ей болѣе всего жаль его, что такого человѣка воскресить и приподнять для болѣе трезвой жизни было бы отличною цѣлью для женщины.

И Женни дружилась съ докторомъ и искренно сожалѣла о его печальной судьбѣ, которой, по ея мнѣнію, помочь ужъ было невозможно.

«И зачѣмъ онъ женился?»—съ неудовольствіемъ и упрекомъ думала Женни, быстро дергая вверхъ и внизъ свою стальную иголку.

Вязмитинова она очень уважала и не видѣла въ немъ ни одной слабости, ни одного порока. Въ ея глазахъ это былъ человѣкъ, какимъ, по ея мнѣнію, слѣдовало быть человѣку.

Ее плѣняли и Гретхенъ, и пушкинская Татьяна, и мать Гракховъ, и та женщина, кормящая своею грудью отца, для которой она могла служить едва ли не лучшей натурщицей въ цѣломъ мірѣ.

Она не умѣла мыслить политически, хотя и сочувствовала Корде и брала въ идеалы мать Гракховъ.

Ей хотѣлось, чтобы всѣмъ было хорошо.

— «Пусть всѣмъ хорошо будетъ».

Вотъ былъ ея идеалъ.

— Ну, а какъ достичь этого скромнаго желанія?

«Жить *каждому* въ *своемъ* домикѣ»,—рѣшила Женни, не заходя далеко и не спрашивая, какъ бы это отучить родъ людской отъ черезчуръ корыстныхъ притязаній и дать другъ другу собственные домики.

А уѣздныя дамы все-таки лгали, называя ее дурочкой.

Она только не знала, что нельзя всѣмъ построить собственные домики и безмятежно жить въ нихъ, пока двужильный старикъ Захватъ Ивановичъ сидитъ на большой коробьѣ да похваливается, а свободная человѣчья душа ему молится: научи, молъ, меня, батюшка Захватъ Ивановичъ, какъ самому мнѣ Захватомъ стать!

Не говоря о докторѣ, Вязмитиновъ больше всѣхъ прочихъ отвѣчалъ симпатіямъ Женни. Въ немъ ей нравилась скромность, спокойствіе воззрѣній на жизнь и сердечное сожалѣніе о людяхъ лишнихъ на пиру жизни и о людяхъ, ворующихъ пироги съ жизненнаго пира.

«Скроменъ, разуменъ и трудолюбивъ...» – думала Женни.

— Не красавецъ, и не уродъ, — договаривало ей женское чувство.

А что она думала о Лизѣ? То-есть, что она стала думать въ послѣднее время?

— Лиза умница,—говорила себѣ Женни, смотря на колыхающійся початникъ.—Она героиня, она выйдетъ силой, а я... я...

Тутъ мѣшались Вязмитиновъ, отецъ, даже иногда докторъ, и вдругъ ни съ того, ни съ сего, Татьяна и мать Гракховъ, Корде и Пелагея съ вопросомъ о соусѣ, который особенно любилъ Петръ Лукичъ.

— Вязмитиновъ много знаетъ, трудится, онъ живой человѣкъ, кругозоръ его шире, чѣмъ кругозоръ моего отца, и вѣрнѣе осмотрѣнъ, чѣмъ кругозоръ Зарницына, — разсуждала Женни.

— А докторъ?

«Да, ему ужъ помочь нельзя», — думала она и шла къ Пелагеѣ заправлять соусъ, который особенно любилъ Петръ Лукичъ, всегда возвращающійся мученикомъ изъ своей смотрительской камеры.

— Лиза что! — размышляла Женни, заправивъ соусъ и снова сѣвъ подъ своимъ окошкомъ:—Лизѣ все бы это ни на что не годилось, и ничто ее не остановило бы. Она только

напрасно думала когда-то, что моя жизнь на что-нибудь ей пригодилась бы.

«Эта жизнь ничѣмъ ее не удовлетворила бы и ни отъ чего ее не избавила бы», — подумала Женни, глядя, послѣ своей поѣздки къ Лизѣ, на просвирнину гусыню, тянувшую изъ послѣдняго початника послѣдняго растительнаго гренадера.

2.

Внутренній міръ Лизы совершенно не похожъ былъ на міръ Женни.

Не было міра въ этой душѣ. Рвалась она на волю, томилась предчувствіями, изнывала въ темныхъ шарадахъ своего и чужого разума.

Мертва казалась ей книга природы; на ея вопросы не давали ей отвѣта темные люди темнаго царства.

Она страдала и искала повсюду разгадки для живыхъ, ноющихъ вопросовъ, неумолчно взывавшихъ о скорѣйшемъ рѣшеніи.

Ей тоже хотѣлось правды. Но этой правды она искала не такъ, какъ искала ея Женни.

Она искала мира, когда мира не было въ ея костяхъ.

Семья не поняла ея чистыхъ порывовъ; люди ихъ перетолковывали; друзья старались ихъ усыпить; мать кошекъ чесала; отецъ младенчествовалъ. Все обрывалось, *некуда* было дѣться.

Женни не взяла ее къ себѣ по искренней, дѣтской просьбѣ. «Нельзя», говорила. — Мать Агнія тоже говорила «опомнись»; а опомниться нужно было тамъ же, въ томъ же вертепѣ, гдѣ кошекъ чешутъ и злятъ регулярными пріемами черезъ часъ по ложкѣ.

Нельзя въ такихъ мѣстахъ опомниться.

Живыхъ людей по мысли не находилось, и началось безпорядочное чтеніе.

Выборъ недовольныхъ всегда падаетъ на книги протестующія, и чѣмъ сдержаннѣе, чѣмъ темнѣе выражается протестъ, тѣмъ онъ кажется серьёзнѣе и даже справедливѣе.

Лиза, отъ природы нѣжная, пытливая и впечатлительная, не нашла дома ничего, таки ровно ничего, кромѣ странной, почти дѣтской ласки отца, аристократическаго вниманія тетки и мягкаго бичеванія отъ всѣхъ прочихъ членовъ своей семьи.

Врожденныя симпатіи еще влекли ее въ семью Гловацкихъ, но куда же годились эти мечтанія?

Ей хотѣлось много понимать, учиться.

Ее повезли на балы.

Все это шло противъ ея желаній.

Она искала сочувствія и нашла это сочувствіе въ книгахъ, гдѣ личность отвергалась во имя общества, и во имя общества освобождалась личность.

И стали смѣшны ей прежнія плачевныя сцены, и сентиментально-глупа показалась собственная просьба къ Женни—увезти ее отсюда.

Застыдившись своего невиннаго прошлаго, она застыдилась и памятниковъ этого прошлаго.

Всѣ близкіе къ ней по своему положенію люди стояли памятниками прошедшихъ привязанностей.

Они были ясны и въ нихъ нечего было доискиваться; а темные намеки манили невѣдомымъ счастьемъ, шириною свободной дѣятельности.

Привязанности были принесены въ жертву стремленіямъ.

Живые люди казались мразью. Духъ виталъ въ мірѣ иныхъ людей, въ мірѣ, износившемъ вѣщіе глаголы, въ средѣ людей чести, безкорыстія и свободы.

Всѣ живыя связи съ прошедшимъ мельчали и рвались.

Безпечальное будущее народовъ рисовалось въ лучезарномъ свѣтѣ. Недомолвки расширяли эти лучи и простыя человѣческія чувства становились буржуазны, мелки, недостойны.

Лиза порѣшила, что окружающіе ее люди — «мразь», и опредѣлила, что настоящіе ея дни есть приготовительный терминъ ко вступленію въ жизнь съ настоящими представителями безкорыстнаго человѣчества, живущаго единственно для водворенія общей высокой правды.

Иногда ей бывало жалко Женни и вообще даже жалко всего этого простенькаго мірка; но что же былъ этотъ мірокъ передъ *міромъ*, который гдѣ-то носился передъ нею, міръ обаятельный, свободный и правдивый?

Лизѣ самой было смѣшно, что она еще такъ недавно могла выходить изъ себя за вздоры и биться изъ-за ничтожныхъ уступокъ въ своемъ семейномъ быту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Что на русской землѣ бываетъ.

Въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ Великаго поста, когда во всѣхъ церквахъ города зазвонили къ часамъ, Вязмитиновъ, по обыкновенію, зашелъ на минуточку къ Женни.

Женни сидѣла на своемъ всегдашнемъ мѣстѣ и работала.

— Знаете, какую новость я вамъ могу сообщить?—спросила она Вязмитинова, когда тотъ присѣлъ за ея столикомъ, и, не дождавшись его отвѣта, тотчасъ же добавила:—сегодня къ намъ Лиза будетъ.

— Вотъ какъ!

— Да и еще на цѣлую недѣлю.

— Что за благодать такая?

— Няня непремѣнно хочетъ говѣть на этой недѣлѣ.

— И Лизавета Егоровна тоже?

— Да ужъ, вѣрно, и она будетъ вмѣстѣ говѣть; тамъ, вѣдь, у нихъ церковь далеко, да и холодная.

— И вы, пожалуй, тоже?

— Я хотѣла на Страстной говѣть, но ужъ тоже отговѣю съ ними.

— Значитъ, теперь къ вамъ и глазъ не показывай.

— Отчего же это?

— Да спасаться будете.

— Это одно другому нимало не мѣшаетъ. Напротивъ, приходите почаще, чтобъ Лиза не скучала. Она сегодня пріѣдетъ къ вечеру, вы вечеромъ и приходите, и Зарницыну скажите, чтобы пришелъ.

— Хорошо-съ,—сказалъ Вязмитиновъ:—теперь пора въ классы,—добавилъ онъ, взглянувъ на часы.

— До свиданія.

— До свиданія, Евгенія Петровна.

— Вы не знаете, докторъ въ городѣ?

— Нѣтъ, кажется нѣтъ; а зайти развѣ за нимъ?

— Да, если это васъ не затруднитъ, зайдите, пожалуйста.

Въ три часа Женни увидала изъ своего окна бахаревскія сани, на которыхъ сидѣла Лиза и старуха Абрамовна.

Лиза смѣялась и, замѣтивъ въ окнѣ Женни, весело кивнула ей головой.

Гловацкая тотчасъ встала и вышла на крыльцо, въ ту же минуту, какъ передъ нимъ остановились сани.

— Ну же, ну, вылѣзай, няня, вытаскивай свой прахъто,—говорила, смѣясь, Женни.

Абрамовна медленно высвобождалась изъ саней и ничего не отвѣчала.

— Чего ты, Лиза, смѣешься?—спросила Женни.

— Да вотъ няня всю дорогу смѣшитъ.

Няня молча вынимала подушки. Она была очень недовольна, а молодой садовникъ, отряженный состоять Лизинымъ зимнимъ кучеромъ, поглядывая на барышню, лукаво улыбался.

— Что вы няню обижаете, право, — ласково замѣтила Гловацкая.

— Да что имъ, матушка, дѣлать-то, какъ не зубоскалить,—отвѣчала разсерженная старуха.

— Я вотъ хочу, Женни, вѣру перемѣнить, чтобы не говѣть никогда,—подмигнувъ глазомъ, сказала Лиза.—Правда, что и ты это одобришь? Борисъ вонъ тоже согласенъ со мною: хотимъ въ нѣмцы идти.

Абрамовна плюнула и полѣзла на крыльцо; Лиза и ея кучеръ засмѣялись, и даже Женни не могла удержаться отъ улыбки, глядя на смѣшной гнѣвъ старухи.

Прошло пять дней. Женни, Лиза и няня отговѣли. Въ эти дни ихъ навѣщали Вязмитиновъ и Зарницынъ. Доктора не было въ городѣ. Лиза была весела, спокойна, охотно разсуждала о самыхъ обыденныхъ вещахъ и даже нерѣдко шутила и смѣялась.

Женни опять казалось, что Лиза словно та же самая, что и была до отъѣзда на зиму въ городъ.

— Какъ вамъ кажется Лиза?—спрашивала она отца.

— Ничего. Я не знаю, что вы о ней сочинили себѣ: она такая же—какъ была. Посолиднѣла только, и больше ничего.

Вязмитиновъ на такой же вопросъ отвѣчалъ, что Лиза ужасно подвинулась впередъ въ познаніяхъ, но что все это у нея какъ-то мѣшается. Видно, что читать что попало,— заключилъ онъ свое мнѣніе.

Ни съ кѣмъ другимъ Женни не говорила о Лизѣ.

Въ субботу говѣльщицы причащались за ранней обѣдней. Въ этотъ день онѣ рано встали къ заутренѣ, уморились

и, возвратясь домой, тотчасъ послѣ чаю заснули, потомъ пообѣдали и пошли къ вечернѣ.

Зарницынъ и Вязмитиновъ зашли въ церковь, чтобы поздравить причастницъ и проводить ихъ, кстати, оттуда домой.

Погода была теплая и немножко сырая. Дулъ южный вѣтерокъ, съ крышъ капали капели, дорожки по улицамъ чернѣли и маслились, но западъ неба окрашивался холоднымъ розовымъ свѣтомъ и маленькія облачка, съ розовыми окраинами, спѣша обгоняли другъ друга.

— Будетъ морозецъ,—говорили люди, выходя отъ вечерни.

— И съ вѣтромъ,—добавляли другіе.

Посреди улицы, по мягкой, но довольно скользкой отъ саннаго натора дорожкѣ шли Женни и Лиза. Возлѣ нихъ съ обѣихъ сторонъ шли Вязмитиновъ и Зарницынъ. Няня шла сзади. Несмотря на безцеремонность и короткость своего обхожденія съ барышнями, она никогда не позволяла себѣ идти съ ними рядомъ по улицѣ.

У поворота на набережную, компанія лицомъ къ лицу встрѣтилась съ докторомъ.

Онъ велъ за руку свою дочку.

— Докторъ! докторъ! здравствуйте! — заговорили почти всѣ разомъ.

— Здравствуйте, здравствуйте,—проговорилъ докторъ съ радостью, но какъ будто отчего-то растерявшись.

Около нихъ прошла довольно стройная молодая дама въ песцовомъ салопѣ. Она вскользь, но внимательно взглянула на Женни и на Лизу, съ болѣе чѣмъ вѣжливой улыбкой отвѣтила на поклонъ учителей и, прищуривъ глаза, пошла своею дорогою.

Это была докторова жена, которую онъ поджидалъ, танцуя съ ноги на ногу съ своимъ ребенкомъ.

— Къ намъ, докторъ, сегодня,—приглашала Розанова Женни.—Мы, вотъ, всѣ идемъ къ намъ; приходите и вы.

— Хорошо, постараюсь.

— Нѣтъ, непремѣнно приходите; мы будемъ васъ ждать.

— Ну, хорошо.

— Придете?

— Приду, приду непремѣнно; вотъ только заведу домой дочку. Пойдемъ, Варюшка,—отнесся онъ къ ребенку, и они разстались.

— Такъ вотъ это его жена?—спросила Лиза

— Эта,—отвѣчалъ Зарницынъ.

— Не нравится она мнѣ.

— Вы ее не разсмотрѣли: она еще недавно была очень недурна.

— Я не о томъ говорю, а что-то нехорошо у нея лицо: эти разлетающіяся брови... собранный ротикъ, дерзкіе глазки... что-то фальшивое, эгоистическое есть въ этомъ лицѣ. Нѣтъ, не нравится,—а тебѣ, Женни?

— Что-жъ, я одну минуту ее видѣла, пока мы дали ей дорогу, но мнѣ ея лицо тоже не понравилось.

Въ передней ихъ встрѣтили Петръ Лукичъ и дьяконъ съ женою.

— Какъ это мы васъ обогнали?—спрашивалъ дьяконъ, снимая съ Женни салопъ, между тѣмъ какъ его жена цѣловала дѣвицъ своими пунцовыми губками.

— Мы тихо шли и по большой улицѣ,—отвѣчала Женни.

Въ комнатѣ были пріятныя сумерки.

Дѣвицы и дьяконица вышли въ Женнину комнату; дьяконъ открылъ фортепіано, нацупалъ октаву и, взявъ два аккорда, протяжно запѣлъ довольно пріятнымъ басомъ:

Ахъ, о чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ,
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ?

Подали свѣчи и самоваръ. Всѣ усѣлись за столомъ въ залѣ. Доктора долго ждали, но онъ не приходилъ.

Отпивши чай, всѣ перешли въ гостиную: дѣвушки и дьяконица сѣли на диванѣ, а мужчины на стульяхъ, около стола, на которомъ горѣла довольно хорошая, но очень старинная лампа.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, Василій Ивановичъ, будто вашего новаго секретаря фамилія Дюмафисъ?—спрашивалъ Зарницынъ.

— Увѣряю васъ, что Дюмафисъ,—серьезно отвѣчалъ дьяконъ.

— Что это такое? Этого не можетъ быть.

— А почему бы это, по-вашему, не можетъ быть?

— Да какъ же, помилуйте: какой изъ духовнаго званія можетъ быть Дюмафисъ?

— Стало-быть можетъ, когда есть уже.

Вошелъ докторъ и Помада.

— A! excellentissime, illustrissime atque sapientissime doctor!—привѣтствовалъ Александровскій Розанова.

Докторъ со всѣми поздоровался радушно, но довольно сухо.

Женни съ Лизою посмотрѣли на его лицо, плохо скрывающее душевное разстройство, и въ одно и то же время подумали о его женѣ.

— О чемъ вы это спорили?—спросилъ докторъ.

— Да, вотъ и кстати! Докторъ, можетъ ли быть у секретаря консисторіи фамилія Дюмафисъ? — спросилъ Зарницынъ.

— Это въ православной консисторіи или въ католической?

— Въ православной.

— Отчего же? Въ православной очень можетъ.

— А, что!—поддразнилъ дьяконъ.

— Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Разумѣется. Я вѣдь вотъ вамъ сейчасъ могу разсказать, какъ у насъ происходятъ фамиліи, такъ вы и поймете, что это можетъ быть. У насъ это на шесть категорій подраздѣляется. Первое, теперь фамиліи по праздникамъ: Рождественскій, Благовѣщенскій, Богоявленскій; второе, по высокимъ свойствамъ духа: Любомудровъ, Остромыслепскій; третье, по древнимъ мужамъ: Демосѳеновъ, Мильтіадскій, Платоновъ; четвертое, по латинскимъ качествамъ: Сапіентовъ, Аморовъ; пятое, по помѣщикамъ: помѣщикъ села, положимъ, Говоровъ, дьячокъ сына назоветъ Говоровскій; помѣщикъ будетъ Красинъ, ну, дьячковъ сынъ Красинскій. Вотъ наша помѣщица была Александрова, я, въ честь ея, Александровскій. А то, шестое, ужъ по владычней милости: Мольеровъ, Рассиновъ, Мильтоновъ, Боссюэтовъ. Такъ и Дюмафисъ. Ничего тутъ нѣтъ удивительнаго. Просто по владычней милости фамилія, въ честь французскому писателю, да и все тутъ.

Доктору и Помадѣ подали чай.

— Что вы, будто какъ невеселы, нашъ милый докторъ?— съ участіемъ спросилъ, проходя къ столу, Петръ Лукичъ.

Розановъ провелъ рукой по лбу и, вздохнувъ, сказалъ:

— Ничего, Петръ Лукичъ, усталъ очень, не такъ-то здоровится.

— Медику стыдно жаловаться на нездоровье,—замѣтила дьяконица.

Докторъ взглянулъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

Женни съ Лизою опять переглянулись и опять почему-то обѣ подумали о докторшѣ.

— Вы гдѣ это побывали цѣлую недѣльку-то?

— Сегодня утромъ вернулся изъ Коробынпа.

— Что тамъ, Катерина Ивановна нездорова?

— Что ей дѣлается! Нѣтъ, тамъ ужасное происшествіе.

— Что такое?

— Да жена мужа убила.

— Крестьянка?

— Да, молоденькая бабочка, всего другой годъ замужемъ.

— Какъ же это она его?

— Да не одного его, а двоихъ.

— Двоихъ?

— Ахъ, ты Боже мой!

— Сссс!—раздалось съ разныхъ сторонъ.

— Ну-съ, разскажите, докторъ.

— Да бабочка была такая, молоденькая и хорошенькая, другой годъ, какъ говорю вамъ, всего замужемъ еще. Сталъ мужъ къ ней съ полгода пеласковъ, бивалъ ее. Сосѣдки стали запримѣчать, что онъ тамъ за одной солдаткой молодой ухаживаетъ, ну, и разсказали ей. Она все плакала, грустила, а онъ ее, какъ водится, все еще усерднѣе, да усерднѣе за эти слезы поколачивать сталъ. Была ярмарка; люди видѣли, какъ онъ платокъ купилъ. Баба ждетъ, что вотъ, молъ, мужъ сжалился надо мною, платокъ купилъ, а платокъ въ воскресенье у солдатки на головѣ очутился. Она опять плакать; онъ ее опять колотить. На прошлой недѣлѣ пошелъ онъ въ половень копылья тесать, а топоръ позабылъ дома. Жена видитъ топоръ, да и думаетъ: что же онъ такъ пошелъ, должно-быть, забылъ; взяла топоръ, да и несетъ мужу. Приходитъ въ половень — мужа нѣтъ; туда, сюда глянула—нѣтъ нигдѣ. А тутъ въ половнѣ такъ есть плетневая загородочка для ухаботья. Тамъ всего въ поясъ вышины, или даже ниже. Она подошла къ этой перегородкѣ, да только глянула черезъ нее, а мужъ-то тамъ съ солдаткой притаившись и лежитъ. Какъ она ихъ увидала, ни одной секунды не думала. Топоръ разъ-разъ, и пошла валять.

— Ахъ!

— Га!

— Фуй!

— Боже ты мой!—раздались восклицанія.

— Обоихъ и убила?

— Только мозгъ съ ухаботьемъ перемѣшанный остался.

— Ужасное дѣло.

— Вотъ драма-то,—замѣтилъ Вязмитиновъ.

— Да. Но, вотъ видите, — вотъ старый нашъ споръ и на сцену, — вещь ужасная, борьба страстей, любовь, ревность, убійство, все есть, а драмы нѣтъ, — съ многозначительной миной проговорилъ Зарницынъ.

— А отчего же драмы нѣтъ?

— Да какая жъ драма? Что жъ, вы на сценѣ изобразите какъ онъ жену билъ, какъ та выла, глядючи на красный платокъ солдатки, а потомъ головы имъ разнесла? Какъ же это ставить на сцену! Да и борьбы-то нравственной здѣсь не представите, потому что все грубо, коротко. Все не борется, а... рѣшается. Въ такомъ быту народа у него нѣтъ своей драмы, да и быть не можетъ: у него есть уголовныя дѣла, но ужъ никакъ не драмы.

— Ну, это еще старуха на-двое гадала,—замѣтилъ сквозь зубы докторъ.

— По-вашему, что жъ, есть драма?

— Да, по-моему есть ихъ собственная драма. Повѣрьте, бабы коробьинскія отлично входятъ въ борьбу убійцы, а мы въ нее не можемъ войти.

— Да, но искусство не того требуетъ: у искусства есть свои условія.

— А имъ очень нужно ваше искусство и его условія. Вы говорите, что пришлось бы допустить побои на сценѣ, что жъ, если таково дѣло, такъ и допускайте. Только если увидятъ, что актеръ не больно бьетъ, такъ расхохочутся. А о борьбѣ-то не безпокойтесь; борьба есть, только разсказать мы про ту борьбу не сумѣемъ.

— А они сумѣютъ?

— Себѣ они это разъяснятъ толково, а намъ груба ихъ борьба,—вотъ и все.

— Да вѣдь преступленіе послѣдній шагъ, пятый актъ. Явленіе-то вѣдь стоитъ не на своихъ ногахъ, имѣетъ основаніе не въ самомъ себѣ, а въ другомъ. Происхожденіе явленій совершается при безпрерывномъ и безконечномъ посредствѣ самобытнаго элемента,—проговорилъ Вязмитиновъ.

Докторъ посмотрѣлъ на него и опять ничего не сказалъ.

— А по-моему, снова повторяю, въ народной жизни нѣтъ драмы,—настаивалъ Зарницынъ.

— Да, удобной для воспроизведенія на сценѣ, пожалуй; но вѣдь вонъ Островскій и Писемскій нашли же драму.

— Все уголовныя дѣла.

— Напримѣръ, въ *Грозѣ*-то?

— Вездѣ.

— А по-вашему, что же, такъ у насъ нѣтъ ужъ и самобытныхъ драматическихъ элементовъ?

— Конечно; цивилизація равняетъ страсти, нивелируетъ стремленія.

— Нивелируетъ стремленія?

— Разумѣется.

— О, да! Всемѣрно такъ: всѣ ступуемся, сгладимся и будемъ одного поля ягода. Не знаю, Николай Степановичъ, что на это отвѣтитъ Гегель, а по-моему нелѣпо это, не меньше теоріи крайняго національнаго обособленія.

— Однакоже, вы не станете отвергать общечеловѣческаго драматизма въ сочиненіяхъ Шекспира?

— Нѣтъ-съ, не стану. Зачѣмъ же мнѣ его отвергать?

— У всѣхъ людей натуры больше или меньше одинаковы. Воспитывайте ихъ одинаково и будетъ солидарность въ стремленіяхъ.

— Вотъ вамъ и шишка на носу туниссаго бея!

— Да, это ужъ парадоксъ,—подтвердилъ Вязмитиновъ.

— Что жъ, стало-быть, такъ и у каждаго народа своя философія?

— Ну, еще что выдумаете! Что тутъ о философіи. Говоря о философіи-то, я ужъ тоже позайму у Николая Степановича гегелевской ереси да гегелевскими словами отвѣчу вамъ, что философія невозможна тамъ, гдѣ жизнь поглощена вседневными нуждами. Зри рѣчь ученаго мужа Гегеля, произнесенную въ Берлинѣ, если не ошибаюсь, осенью 1828 года. Такъ, Николай Степановичъ?

Вязмитиновъ качнулъ утвердительно головою.

— Это по философіи,—продолжалъ докторъ:—а я вотъ вамъ еще докажу это своей методой. Можетъ-быть, c'est quelque chose de moujique, ну, да и я вѣдь не имѣю времени заниматься гуманными науками, а такъ сырыми мозгами размышляю. Вы вотъ говорите, что у необразованныхъ

людей драматической борьбы нѣтъ. А я вамъ доложу, что она есть, и есть она у каждаго такого народа своя, съ своимъ складомъ, хоть ее на театрѣ представлять, эту борьбу, и неловко. Возьмите, напримѣръ, орловскую мѣщаночку Матрешу, или Гашу, въ томъ положеніи, когда на ихъ сестру шляпу надѣваютъ, и возьмите Мину, Иду, или Берту изъ Митавы въ соотвѣтственномъ же положеніи. Миночка сейчасъ свою комнатку уберетъ, распятіе повѣситъ и Гете въ золотообрѣзномъ переплетѣ на полку поставитъ, да станетъ опускать деньги въ бронзовую копилочку. И воровствомъ, или другими мастерствами она пренебрегаетъ, а ея положеніе ей не претитъ. А наша нитъ станетъ, сторублевыми платьями со стола пролитое пиво стирастъ, материнскій образокъ къ стѣнѣ лицомъ завернетъ или совсѣмъ выпесетъ и умретъ голодная и холодная, потому что душа ея ни на одну минуту не успокаивается, ни на одну минуту не смиряется, и драматическая борьба-то идетъ къ ней цѣлый вѣкъ. Это черта или нѣтъ?

— Давно указанная и вовсе ненужная.

Зарницынъ былъ шокированъ темами докторскаго разсказа и всѣмъ было неловко выслушивать это при дѣвицахъ. Одинъ докторъ, увлеченный пылкостью своей желчной натуры, не обращалъ на это никакого вниманія.

— Вы все драматическихъ этюдовъ отыскиваете, — продолжалъ онъ. — Влѣзьте вонъ въ сердце наемщику-рекруту, да и посмотрите, что тамъ порою дѣлается. Въ простой, несложной жизни, разумѣется, борьба проста, и видны только одни конечныя проявленія, входящія въ область уголовнаго дѣла, но это совсѣмъ не значитъ, что въ жизни вовсе нѣтъ драмы.

— Я готовъ перестать спорить,—отвѣчалъ Зарницынъ:— я утверждаю только, что у *образованныхъ* людей всѣхъ націй драматическое въ жизни общее, и это вѣрно.

— И это невѣрно и сто тысячъ разъ невѣрно. «Гроза» не случится у француженки; ну, да это изъ того слоя, которому вы еще, по его невѣжеству, позволяете имѣть нѣкоторыя національныя особенности характера, а я вотъ вамъ возьму драму изъ того слоя, который сравненъ цивилизаціею-то съ Парижемъ и, пожалуй, съ Лондономъ. Я пять лѣтъ знаю эту драму, и теперь, когда послѣдняго ея актера, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, гложутъ черви, я ее раз-

скажу. Если бъ я былъ писатель, я показалъ бы не вамъ однимъ, какъ происходятъ у насъ дикія, вѣроятно, у насъ однихъ только и возможныя, драмы, да еще въ кружкѣ, который и по русски-то не больно хорошо знаетъ. А я вамъ уступлю это задаромъ: въ десяти словахъ разскажу. Была барыня молодая, умная, красавица, богатая; жила эта барыня не такъ далеко отсюда. Была у нея мать старушка, аристократка коренная, женщина отличнѣйшая, несмотря на свой аристократизмъ. Былъ у молодой барыни мужъ, ужъ такой былъ человѣкъ, что и сказать не могу,— просто прелесть, что̀ за баринъ. Поженилась эта парочка по любви и жили они душа въ душу. Барыня была женщина преданная, самоотверженная, но кипучая, огневая была натура. Пріѣхала къ ней по сосѣдству кузина изъ этихъ московскихъ, съ строгими правилами: что̀ все о морали разговариваютъ. Мужъ у нея мышей не топталъ; восемьдесятъ лѣтъ, что ли, ему было, изъ ума уже выжилъ совсѣмъ. Ну, она и приласкала кузининаго муженька, а тотъ, какъ водится, растаялъ. Пошли у нихъ шуры да муры. Жена плакать, онъ клясться, что все клевета да неправда, ничего, говоритъ, нѣтъ. Жена говоритъ: сознайся и перестань, я тебѣ все прощу,—не признается. Ну, смотри, говоритъ барыня, если мнѣ ты лжешь и я убѣждусь, что ты меня обманываешь, я себя не пощажу, но я тебя накажу такъ, что у тебя въ жизни минуты покойной не будетъ.— А прошу васъ ни на минуту не забывать, что она его любитъ до безумія; готова на крестъ за него взойти.— Жилъ у нихъ отставной пѣхотный капитанъ, такъ, въ родѣ придворнаго шута его мужъ содержалъ. Дуракъ, солдафонъ, гадкій, ну, однимъ словомъ, мерзость. Онъ ухаживалъ за барыней: цвѣты полевые ей приносилъ, записки любовныя писалъ. Все это всѣ знали и дурачились, потѣшались надъ нимъ. Назначила кузина барину rendez-vous почью. Жена это узнала и ни слова никому. Мужъ легъ въ кабинетѣ, да какъ все въ домѣ заснуло, онъ тягу. Жена услыхала, какъ скрипнула дверь и входитъ со свѣчею въ кабинетъ. Никого. Пустая кровать. Она сѣла и зарыдала. Рыдала, рыдала до истерики. Никто не входитъ. Вдругъ капитанъ этотъ проснулся и является. Брызгаетъ ее, утѣшаетъ. Она смотритъ на эту гадину и вдругъ перестала плакать. Да что̀ было-то? Мужъ воромъ лѣзетъ

въ дверь, да нишкомъ укладывается въ кровать, а жена въ одномъ бѣльѣ со свѣчей изъ капитановой комнаты выходитъ. «Теперь, говоритъ, мы квиты. Я вамъ говорила, что я себя не пощажу, вотъ вамъ и исполненіе», да и упала тутъ же замертво.

— Это французская мелодрама,—замѣтилъ Зарницынъ.

— Да какъ не мелодрама. Французская мелодрама на берегахъ Саванки. По-вашему, вѣдь, вонъ въ духовномъ вѣдомствѣ человѣкъ съ фамиліею Дюмафисъ невозможенъ, что же съ вами дѣлать. Я не виноватъ, что происшествіе, которое какой-нибудь Сарду изъ своего мозга не выколупалъ бы, на моихъ глазахъ разыгралось. Да-съ, *на моихъ глазахъ*. Вотъ эти руки кровь пускали изъ несчастныхъ рукъ, налегшихъ на собственную жизнь *изъ-за любви*, мнѣ сдается. Я сумасшедшую три года навѣщалъ, когда она въ темной комнатѣ безвыходно сидѣла; я ополоумѣвшую мать училъ выговорить хоть одно слово, кромѣ «дочь моя! да дочь моя!» Я всю эту драму просмотрѣлъ, — такъ ужъ это вышло тогда. Я видѣлъ этого несчастнаго въ послѣднюю минуту въ своемъ домѣ. Какъ онъ молилъ жену хоть солгать ему, что ничего не было. Вы знаете, что она сказала: *было все*, и захохотала тѣмъ хохотомъ, послѣ котораго людей въ матрацы сажаютъ, чтобъ головы себѣ не расшибли. Вотъ вамъ и мелодрама!

Всѣ смотрѣли въ полъ или на свои ногти. Женни была красна до ушей: въ ней говорила дѣвичья стыдливость, и только няня, молча, глядѣла на доктора, стоя у притолки. Она очень любила и самого его, и его разсказы. Да Лиза, положивъ на ладонь подбородокъ, прямо и твердо смотрѣла въ глаза разсказчику.

— Это ужасно! — проговорилъ, наконецъ, Гловацкій. — Ужасный разсказъ вашъ, докторъ! Чтобы перемѣнить впечатлѣніе, не запить ли его водочкой? Женичка, распорядись, мой другъ!

— Пейте, а я ко двору.

— Что жъ это, докторъ!

— Да нѣтъ ужъ не удерживайте, пожалуйста; я этого не выношу въ нѣкоторыя минуты.

— Ну, Богъ съ вами.

— Да. Прощайте.

— Послѣзавтра Лиза уѣзжаетъ; я надѣюсь, вы завтра придете къ намъ, — сказала, прощаясь съ докторомъ, Женни.

— Приду,—отвѣчалъ докторъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Кадриль въ двѣ пары.

Лиза крѣпко пожала докторову руку, встрѣтивъ его на другой день при входѣ въ залу Гловацкихъ. Это было воскресенье и двунадесятый праздникъ съ разрѣшеніемъ рыбы, слея, вина и прочихъ житейскихъ льготъ.

— Докторъ! — сказала Лиза, ставъ послѣ чаю у одного окна:—какіе выводы дѣлаете вы изъ вашей вчерашней исторіи и вообще изъ всего того, что вы встрѣчаете въ вашей жизни, кажется, очень богатой самыми разнообразными столкновеніями? Я все думала объ этомъ и желаю, чтобы вы мнѣ отвѣтили, потому что меня это очень занимаетъ.

— Да какіе жъ выводы, Лизавета Егоровна? Если бъ я изобрѣлъ мазь для ращенія волосъ,—употребляю слово мазь для того, чтобы не изобрѣсть помаду при Помадѣ, — то я былъ бы богаче Ротшильда; а если бы я зналъ, какъ людямъ выйти изъ ужасныхъ положеній безкровной драмы, мое имя поставили бы на челѣ человѣчества.

— Да, но у васъ есть же какая-нибудь теорія жизни?

— Нѣтъ, Лизавета Егоровна, и не хочу я имѣть ее. Теоріи-то эти, по моему мнѣнію, погубили и губятъ людей.

— Какъ же, вѣдь есть же теоріи правильныя, вѣрныя?

— Не знаю такихъ и смѣю дерзостно думать, что до сихъ поръ нѣтъ ихъ.

Лиза задумалась.

— Нынѣшняя теорія не гарантируетъ счастья.

— Не гарантируетъ, Лизавета Егоровна.

— А есть другія?

— И тѣ не гарантируютъ.

— Значитъ, теоріи невѣрны?

— Выходитъ такъ.

— А, можетъ-быть, только люди слишкомъ неспособны жить умнѣе?

— Вотъ это всего вѣрнѣе. Кто умѣетъ жить, тотъ уставится во всякой рамкѣ, а если бъ побольше было умѣлыхъ, такъ и неумѣлые поняли бы, что имъ дѣлать.

— Это такъ.

— Такъ мнѣ кажется. Мы вѣдь всѣ неумѣлые.

Лиза пристально на него посмотрѣла.

— Ну, а ваша теорія?—спросила она.

— Я вамъ сказалъ: моя теорія — жить независимо отъ теорій, только не ходить по ногамъ людямъ.

— А это не разладъ съ жизнью?

— Напротивъ, никогда такъ не легко ладить съ жизнью, какъ слушаясь ея и присматриваясь къ ней. Хотите непремѣнно имѣть знамя, ну, напишите на немъ «*испытуй и внемли*», да и живите.

— Что жъ, по-вашему выйдетъ, что всѣ заблуждаются?

— Бедламъ, Лизавета Егоровна. Давно сказано, что свѣтъ Бедламъ.

— Такъ и мы вѣдь въ этомъ Бедламѣ, — смѣясь замѣтила Лиза.

— И мы тоже.

— Значитъ, чѣмъ же вѣрнѣе ваша теорія?

— Вы слыхали, Лизавета Егоровна, про разбойника Прокрусту?

— Нѣтъ, не слыхала.

— Ну, такъ я вамъ разскажу. У Прокрусты была кровать. Кого бы онъ ни поймалъ, онъ клалъ на эту кровать. Если человѣкъ выходилъ какъ разъ въ мѣру этой кровати, то его спускали съ нея и отпускали; если же коротокъ, то вытягивали какъ разъ въ ея мѣру, а длиненъ, такъ обрубали, тоже какъ разъ въ ея мѣру. Разумѣется, и выходило, что всякаго либо повытянутъ, либо обрубятъ. Вотъ и эти теоріи-то то же самое Прокрустово ложе. Онѣ надоѣдятъ всѣмъ; повѣрьте, придетъ время, когда онѣ всѣмъ надоѣдятъ и какъ бы теоретики ни украшали свои кровати, люди отъ нихъ бѣгать станутъ. Это ужъ теперь видно. Мужчины еще и туда, и сюда. У нихъ дѣла выдуманнаго очень много. А женщины, которымъ главные, простые-то интересы въ жизни ближе, посмотрите, въ какой онѣ омутъ ихъ загонятъ. Либо ужъ тѣ соскочутъ, да сами такую еще теорію отхватаютъ, что только ахнемъ.

— Ну... постойте же еще. Я хотѣла бы знать, какъ вы смотрите на поступокъ этой женщины, о которой вы вчера разсказывали?

— Это какое-то дикое, противоестественное изступленіе, которое, однако, у нашихъ женщинъ прорывается. Богъ ихъ знаетъ, какъ у нихъ тамъ выходитъ, а выходитъ. Ухаживаетъ парень за дѣвкой, а она на него не смотритъ, другого любитъ. Вдругъ тотъ ее обманулъ, она плачетъ-

плачетъ, да разомъ въ ноги другому. «Отколошмать, проситъ, ты его, моего лиходѣя; вымажь ей, разлушницѣ, дегтемъ ворота—я тебя, ей-Богу, любить стану». И вѣдь станетъ любить. На зло ли это дѣлается, или какъ иначе, а уже черта своеобычная, какъ хотите. — Я на вчерашнюю исторію такъ и смотрю, Лизавета Егоровна, какъ на несчастье. Потому-то я предпочитаю мою теорію, что въ ней нѣтъ ни шарлатанства, ни самоувѣренности. Мнѣ одно понятно, что всѣ эти теоріи или вытягиваютъ чувства, или обрубаютъ разумъ, а я вѣрю, что человѣчество не будетъ счастливо, пока не открыто будетъ средство жить по чистому разуму, не подавляя присущаго нашей натурѣ чувства. Вотъ почему, что бы со мною ни сталось въ жизни, я никогда не стану укладывать ея на Прокрустово ложе и надѣюсь, что зато мнѣ не отчего станетъ ни бѣжать, ни пятиться.

— Докторъ! мы всѣ на васъ въ претензіи, — сказала, подходя къ нимъ. Женни: — вы философствуете здѣсь съ Лизой, а мы хотѣли бы обоихъ васъ видѣть тамъ.

— Повинуюсь,—отвѣчалъ докторъ и пошелъ въ гостиную.

Черезъ нѣсколько минутъ туда вошла и Лиза.

Дьяконъ всталъ, обнялъ жену и сказалъ:

— Ну-ка, мать дьяконица, побренчи мнѣ для праздника на фортоплясѣ.

Духовная чета вышла, и черезъ минуту въ залѣ раздался довольно смѣлый аккомпанементъ, подъ который дьяконъ запѣлъ:

Прихожу къ тому ручью,
Съ милой гдѣ гулялъ я.
Онъ бѣжитъ, я слезы лью,
Счастье убѣжало.
Томно ручеекъ журчитъ,
Дѣлитъ грусть со мною,
И какъ будто говоритъ:
Нѣтъ ея съ тобою.

— «Нѣтъ ея съ тобою», — дребезжащимъ голосомъ подтянулъ Петръ Лукичъ, подходя къ старому фортепьяно, надъ которымъ висѣлъ портретъ, подтверждавшій, что игуменья была совершенно права, находя Женни живымъ подобіемъ своей матери.

Дьяконица перемѣнила музыку и взяла другой, веселый аккордъ, подъ который дьяконъ тотчасъ запѣлъ:

Въ залѣ жарко, въ залѣ тѣсно,
Невозможно тамъ дышать;
А въ саду теперь прелестно
Пить, гулять и танцовать.

— Да, теперь тамъ очень прелестно пить, гулять и особенно танцовать по колѣно въ снѣгу,—острилъ Зарницынъ, выходя въ залу.

За нимъ вышли Женни и Вязмитиновъ.

Дьяконица заиграла вальсъ.

Зарницынъ подалъ руку Евгеніи Петровнѣ, всѣ посторонились, и пара замелькала по залѣ.

— Позвольте просить васъ,— отнесся Зарницынъ, входя въ гостиную, гдѣ оставалась въ раздумьѣ Бахарева.

Лиза тихо поднялась съ мѣста и молча подала свою руку Зарницыну.

По залѣ замелькала вторая пара.

— Папа! кадриль съ вами,—сказала Женни.

— Что ты, матушка, Богъ съ тобой. У меня ужъ ноги не ходятъ, а она въ кадриль меня тянетъ. Вонъ, бери молодыхъ.

— Докторъ, съ вами?

— Помилуйте, Евгенія Петровна, я сто лѣтъ ужъ не танцовалъ.

— Пожалуйста!

— Сдѣлайте милость, увольте.

— Фуй! дѣвушка васъ проситъ, а вы отказываетесь.

— Юстинъ Феликсовичъ, вы?

— Извольте,—отвѣчалъ Помада.

— Лиза, а ты бери Николая Степановича.

— Нѣтъ-съ, нѣтъ, я, какъ докторъ, забылъ ужъ какъ и танцуютъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше. Смѣшнѣе будетъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, нуте-ка ихъ пару неумѣлыхъ, доктора съ Николаемъ Степановичемъ, въ кадриль. Такъ и будетъ кадриль неспособныхъ,—шутилъ Петръ Лукичъ.

— Бери, Лиза. Играйте, душка, Александра Васильевна!

Женни расшалилась.

Дьяконица сыграла ритурнель.

— Ангажируйте же, господа!—крикнулъ Зарницынъ.

— Нѣтъ, позвольте, позвольте! Это вотъ какъ нужно сдѣлать,—заговорилъ дьяконъ:—вотъ мой платокъ, завязы-

ваю на одномъ уголкѣ узелочекъ; теперь, господа, извольте тянуть, кто кому достанется. Узелочекъ будетъ хоть Лизавета Егоровна. Ну-съ, смѣлѣе тяните, докторъ: кто кому достанется?

Дѣвушки стояли рядомъ.

Отступленіе было невозможно, всѣмъ хотѣлось веселиться.

Докторъ взялъ за уголокъ платка и потянулъ. На уголкѣ былъ узелочекъ.

— Господа!—весело крикнулъ дьяконъ:—по мудрому рѣшенію самой судьбы, доктору Розанову достается Лизавета Егоровна Бахарева, а Николаю Степановичу Вязмитинову—Евгенія Петровна Гловацкая.

Обѣ пары стали на мѣста. У дверей показались Абрамовна, Паланя и Яковлевичъ.

«Чортъ знаетъ, что̀ это такое!»—размышлялъ оставшійся за штатомъ Помада, укладывая въ карманъ чистый платокъ, которымъ намѣревался обернуть руку.

Случайности не забывали кандидата.

— Шэнъ! шэнъ! вырабатывайте шэнъ, Николай Степановичъ, — кричалъ Вязмитинову докторъ, отплясывая съ Лизой.

Кадриль часто путалась и, наконецъ, по милости шэновъ, танцоры совсѣмъ спутались и стали.

Всѣ смѣялись; всѣмъ было весело.

Женни вспомнила о дьяконицѣ и сказала:

— Господа, составляйте другую кадриль, я буду играть.

— Нѣтъ, пусти, я, а ты танцуй,—возразила Лиза и сѣла за фортепьяно.

Зарницынъ танцовалъ съ Женни, Помада, обернувъ платкомъ вѣчно потѣвшія у него руки, съ дьяконицей.

Окончивъ кадриль, Лиза заиграла вальсъ.

Зарницынъ понесся съ дьяконицей, а Помада съ Женни.

Докторъ подошелъ къ Абрамовнѣ, нагнулся къ ея уху, какъ бы желая шепнуть ей что-то по секрету и, неожиданно схвативъ старуху за талію, началъ вертѣть ее по залѣ, напѣвая: о мейнъ либеръ Августенъ, Августенъ, Августенъ!

Лиза едва могла играть. Обернувшись лицомъ къ оригинальной парѣ, она помирала со смѣха, такъ же какъ и вся остальная компанія.

Дьяконъ, выбивая ладонями тактъ, совсѣмъ спустился на полъ и какъ-то пищалъ отъ хохота.

У Лизы отъ смѣха глаза были полны слезъ, и она кричала:

— Прахъ, прахъ танцуетъ, вотъ онъ настоящій-то прахъ!

Къ довершенію сцены, докторъ, таская упирающуюся старуху, споткнулся на Помаду, сбилъ его съ ногъ и всѣ втроемъ полетѣли на полъ.

Музыка прекратилась. Лиза легла на клавиши и въ цѣломъ домѣ нѣсколько минутъ раздавалось:

— Охъ! ха, ха, ха! охъ, ха, ха, ха!

Няня была слишкомъ умна, чтобы сердиться, но и не хотѣла не заявить, хоть шутя, своего неудовольствія доктору. Поднимаясь, она сказала:

— Вотъ тебѣ, вертопрахъ ты этакой!

И дала весьма изрядную затрещину подвернувшемуся Юстину Помадѣ.

— О чортъ возьми, однако, что же это такое въ самомъ дѣлѣ? — вскрикнулъ Помада, выходя изъ роли комическаго лица въ балетѣ.

Общій хохотъ возобновился.

— Прости, батюшка, я, вѣдь, совсѣмъ не тебя хотѣла,— говорила старуха, обнимая и цѣлуя ни въ чемъ неповиннаго Помаду.

За полночь уже, съ шапкою въ рукѣ, дьяконъ, проходя мимо фортепьяно, не вытерпѣлъ, еще присѣлъ и запѣлъ, самъ себѣ аккомпанируя:

Сижу на бекетѣ,
Вижу все на свѣтѣ.
О, Зевесъ! помилуй меня и ее!

— «О, Зевесъ! помилуй меня и ее!» — подхватили всѣ хоромъ.

Дьяконъ допѣлъ всю эту пѣсенку съ хоральнымъ припѣвомъ и, при послѣднемъ куплетѣ, измѣнивъ этотъ припѣвъ въ слова: «О, Зевесъ! помилуй Сашеньку мою!» поцѣловалъ у жены руку и рѣшительно закрылъ фортепьяно.

— Полно, набѣсились,—сказалъ онъ.

Всѣ стали прощаться.

— Прощайте,—сказалъ докторъ, протягивая руку Бахаревой.

Лиза отвѣтила:

— До свиданія, докторъ,—и пожала его руку такъ, какъ

женщины умѣютъ это дѣлать, когда хотятъ рукою сказать: будемъ друзьями.

Никто никогда не видалъ Лизы такою оживленною и дѣтски-веселою, какъ она была въ этотъ вечеръ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Глава безъ названія.

Постъ кончался, была Страстная недѣля. Погода стояла прекрасная: дни свѣтлые, тихіе и теплые. Снѣгъ весь подернулся чернымъ тюлемъ и мѣстами показались большія прогалины, особенно по взлобочкамъ. Проходныя дорожки, съ которыхъ зимою изрѣдка сгребали лишній снѣгъ, совсѣмъ почернѣли и лежали черными лентами. Но зато шагъ со двора и окунешься въ воду, которою взялся снѣгъ. Ѣздить можно было только по шоссе. Мужички копались на дворахъ, ладя бороны да сохи, ребятишки пропускали ручейки, которыми стекали въ рѣчку всѣ плодотворные соки изъ наваленныхъ посреди двора навозныхъ кучъ. Запахъ навоза стоялъ надъ деревнями. Среди дня, казалось, что дворы топятся — такъ густы были поднимавшіяся съ нихъ испаренія. Но это никому не вредило, ни людямъ, ни животнымъ, а пѣтухи, стоя на самомъ верху кучъ теплаго, дымящагося навоза, воображали себя какими-то жрецами. Они важно топорщили свои перья, потряхивали красными гребнями и, важно закинувъ головы, возглашали: «да здравствуетъ весна, да здравствуютъ куры!»

— Изъ этого кочета прокъ будетъ; ты его, этого кочета, береги, опираясь на вилы, говорилъ женѣ мужикъ, показывая на гуляющаго по парному навозу пѣтуха.—Это настоящая птица, ласковая къ курамъ, а того рябинькаго-то безпремѣнно надыть его зарѣзать къ празднику: какъ есть онъ пустой пѣтухъ совсѣмъ, все но угламъ одинъ слоняется.

И мужикъ, плюнувъ на руки, снова ковырялъ вилами; баба, пошевеливая плечами и попявой, шла въ сѣни, а обреченный въ лапшу стоикъ поправлялъ свои бурды.

Отлично чувствуешь себя въ эту пору въ деревнѣ, хотя и живешь, зная, что за ворота двора ступить некуда. Природа облагаетъ человѣка зажорами и, по народному выраженію, не рѣка уже топитъ, а лужа.

Была такая пора въ Меревѣ. Рѣка Саванка поднялась, вспучилась, но ледъ еще не трогался.

Всѣ ставни въ бахаревскомъ домѣ были открыты и въ нѣкоторыхъ окнахъ отворены форточки.

На дворѣ вечерѣло. Няня отправилась ставить самоваръ. Лиза стояла у окна. Заложивъ назадъ свои ручки, она глядѣла на покрывавшееся вечернимъ румянцемъ небо и о чемъ-то думала; а кругомъ тишь ненарушимая.

Бахаревскій кабинетъ, въ которомъ обитала Лиза послѣ своего бѣгства, теперь снова не напоминалъ жилого покоя. Въ немъ среди пола стоялъ уложенный чемоданъ, дорожный сакъ и нѣсколько узелочковъ. Подушки, всегда покоившіяся на отоманкахъ, скинули свои бѣлыя рубашечки, и, надѣвъ ситцевые капоты песочнаго цвѣта съ лиловымъ горошкомъ, лежали какъ толстыя барыни. Онѣ своимъ глуповажнымъ видомъ говорили: прощайте; мы теперь путешественницы. На насъ завтра сядутъ и мы будемъ вояжировать, будемъ любоваться природой и дышать чистымъ воздухомъ.

— Здравствуйте, Лизавета Егоровна! — сказалъ кто-то сзади погруженной въ себя Лизы.

Дѣвушка вздрогнула отъ нечаянности и оглянулась: передъ нею стоялъ докторъ.

— Вотъ сюрпризъ-то! — сказала она привѣтливо, протягивая ему свою руку.

— Что, вы уѣзжаете?

— Да, завтра ѣду къ своимъ.

— Надолго?

— Я думаю, ужъ съ ними вмѣстѣ возвращусь. Какъ это вы догадались заѣхать?

— Ѣхалъ мимо изъ Лужковъ.

— Что, опять людей рѣзали?

— Да, опять одного человѣчка порѣзалъ и зашилъ.

Докторъ и Лиза разсмѣялись.

— Какъ вы поѣдете? Дорогъ нѣтъ совсѣмъ. Я верхомъ на своей пристяжной, да и то совсѣмъ-было и себя, и лошадь утопилъ въ зажорѣ за вашимъ садомъ.

— Да мнѣ, вѣдь, по шоссе.

— И то правда. — Вы меня чайкомъ напоите, Лизавета Егоровна?

— Какъ же, какъ же! Няня сейчасъ принесетъ самоваръ.

— Что это на васъ за странный нарядъ?

— Какъ странный?

— Вы точно турчанка.

Лиза была въ темномъ марселиновомъ платьѣ, безъ кринолина, и въ домашней длинной мѣховой шубкѣ съ горностаевымъ воротникомъ и горностаевой опушкой. Этотъ нарядъ очень шелъ къ Лизѣ.

Она оглянула себя и сказала:

— Я завтра ѣду, все уложено: это мой дорожный нарядъ. Сегодня открыли домъ, день былъ такой хорошій, я все ходила по пустымъ комнатамъ, такъ славно. Вы знаете весь нашъ домъ?

— Нѣтъ, всего не знаю.

— Хотите, пойдемте, пока еще свѣтло. Я вамъ покажу свою комнату.

Солнце, совсѣмъ спускаясь къ закату, слабо освѣщало блѣдно-оранжевымъ свѣтомъ окна и трепетно отражалось на противоположныхъ стѣнахъ. Однѣ комнаты были совершенно пусты, въ другихъ оставалась кое-какая мебель, закрытая или простынями, или просто рогожами. Только однѣ кровати не были ничѣмъ покрыты и производили непріятное впечатлѣніе своими пустыми досками.

— Вотъ и моя комната,—сказала Лиза.

— Хорошенькая комнатка.

— Да, прежде я жила вотъ въ этой; тутъ гадко и затвориться даже нельзя было. Я тутъ очень много плакала.

— Оттого, что комната нехороша?

— Нѣтъ, оттого, что глупа была.

Докторъ съ Лизой обошли весь домъ и возвратились въ залу, гдѣ Абрамовна уже наливала чай.

Старуха въ шутку избранила доктора за вертопрашество, а потомъ сказала:

— Ты вотъ дай мнѣ, а не то хоть напиши въ аптеку какой-нибудь масти, чтобы можно мнѣ промежъ крылъ себѣ ею мазать. Смерть какъ у меня промежду вотъ этихъ вотъ крылъ-то, смерть, какъ ломитъ съ вечера.

И докторъ, и Лиза были очень въ духѣ. Напившись чаю, Розановъ сталъ прощаться.

— Посидите еще,—сказала Лиза.

— Нѣтъ, не могу, Лизавета Егоровна. Если бъ могъ, я бы и самъ отъ васъ не торопился.

Совсѣмъ свечерѣло, и блѣдная луна освѣтила голубую великолѣпную ночь.

Былъ легонькій вешній морозецъ, покрывшій проталины тонкою, хрупкою слюдой.

Гость и хозяйка вышли на крыльцо. Докторъ взялъ у садовника поводъ своей лошади и протянулъ руку Лизѣ.

— Хотите, я васъ провожу до околицы,—спросила Лиза, кладя свою ручку въ протянутую ей руку доктора.

— Отказываться отъ такого милаго вниманія не смѣю, но чтобъ вы не простудились...

— Ничего, тутъ дорожка вся оттаяла, земля одна, да и я же сейчасъ надѣну калоши.

Не дожидаясь отвѣта, Лиза порхнула за дверь и черезъ минуту вышла на крыльцо въ калошахъ и большомъ мериносовомъ платкѣ.

Они пошли рядомъ; сзади ихъ, опустя голову, потягивая ноздрями воздухъ, шла на поводу осѣдланная розановская лошадь.

Какія этой порой бываютъ ночи прелестныя, нельзя разсказать тому, кто не видалъ ихъ, или, видѣвши, не чувствовалъ крѣпкаго, могучаго и обаятельнаго ихъ вліянія. Въ эти ночи, когда подъ ногою хруститъ бѣленькая слюда, раскинутая по чернымъ талинамъ, нельзя размышлять ни о грозномъ часѣ послѣдняго расчета съ жизнью, ни о ловкомъ обходѣ подводныхъ камней моря житейскаго. Даже сама досужая старушка-нужда забывается легкимъ сномъ и не слышно ея ворчливыхъ соображеній насчетъ завтрашняго дня.

Надеждъ! надеждъ! сколько темныхъ и неясныхъ, но благотворныхъ и здоровыхъ надеждъ слетаютъ къ человѣку, когда онъ дышитъ воздухомъ голубой, свѣтлой ночи, наступающей послѣ теплаго дня въ концѣ марта. «Августъ теплѣе марта», говорятъ пословица. Точно, жарки и сладострастны нѣмыя ночи августа, но нѣтъ у нихъ того таинственнаго могущества, которымъ мартовская ночь каждаго смертнаго хотя на нѣсколько мгновеній обращаетъ въ кандидата правъ Юстина Помаду.

— Какая чудесная ночь! — невольно воскликнула Лиза, выходя съ докторомъ за уголъ сада.

— Поэтическая ночь! —замѣтилъ докторъ, дыша полною грудью.

— А вы вѣрите, докторъ, въ поэзію?

— Какъ же, Лизавета Егоровна, не вѣрить въ то, что существуетъ?

— Странно! доктора всѣ матеріалисты. По крайней мѣрѣ, мнѣ они всегда такими представлялись.

— Это обнаруживаетъ въ васъ большую наблюдательность. Больше или меньше мы, дѣйствительно, всѣ матеріалисты, да и врядъ ли можно идеальничать, возясь со скальпелемъ въ разлагающейся махинѣ, именуемой человѣкомъ.

— То-то я и удивляюсь, что вы восторгаетесь почью, точно какъ Юстинъ Феликсовичъ.

Докторъ засмѣялся.

— Странны, право, бываютъ въ обществѣ многія понятія, но ужъ страннѣе того, которое досталось этому несчастному матеріализму, и придумать нельзя. Думаютъ, матеріализмъ — это ужъ могила всѣмъ радостямъ земнымъ, а наипаче радостямъ чистымъ, возвышающимъ и укрѣпляющимъ душу. Да, я говорю: *душу*. Вы не забудьте, Лизавета Егоровна, что въ ряду медицинскихъ наукъ есть психіатрія,— наука, можетъ-быть, самая поэтическая и имѣющая дѣло исключительно съ тѣмъ, что отличаетъ насъ отъ ближнихъ и дальнихъ кузеновъ нашей общей родственницы Юліи Пастраны. Странно, право,—продолжалъ онъ, помолчавъ:— будто ужъ за то, что я понимаю, какъ дѣйствуютъ на меня нѣкоторыя внѣшнія условія, я ужъ и не могу чувствовать прекраснаго. Положимъ, Юстину Помадѣ сдается, что онъ въ такую ночь вотъ безпричинно хорошо себя чувствуетъ, а еще кому-нибудь кажется, что тамъ вонъ по проталинкамъ сидятъ этакіе гномики, обязанные веселить его сердце; а я думаю, что мнѣ хорошо потому, что этотъ здоровый воздухъ сильнѣе гонитъ мою кровь, и всѣ мы все-таки чувствуемъ эту прелесть. А поэзію какъ же я стану отвергать, когда я чувствую ее и въ природѣ, и въ сочетаніи звуковъ. Какъ отвергать, что

«Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ».

Вотъ ночь, этотъ льющійся воздухъ, трепетный, робкій свѣтъ, искренній разговоръ съ молодой, чуткой женщиной,— тутъ поэзія, а тамъ вонъ проза.

— Гдѣ это?

— Въ городѣ.

Лиза задумалась и потомъ спросила:

— Вамъ, я думаю, тяжело иногда жить, докторъ?

— Да, нелегко иногда бываетъ, Лизавета Егоровна.

— Что вы не вырветесь изъ вашего положенія?

— Да какъ же изъ него вырываться? Тутъ нужно и вырываться, и прорываться, и надрываться, и разрываться, и все, что хотите.

— Ну, и что жъ такое?

— А то, что силъ у меня на это не хватитъ, да и, откровенно скажу вамъ, думаю я, что изгаженнаго въ концъ ужъ не склеишь и не поправишь.

— Какой вздоръ! Вы вѣдь еще очень молоды, я думаю.

— Да, мнѣ немного лѣтъ.

— И при вашихъ-то дарованіяхъ, въ этомъ возрастѣ, вы считаете себя уже погибшимъ и отпѣтымъ!

— Да, считаю, Лизавета Егоровна, и увѣренъ, что это на самомъ дѣлѣ. Я не могу ничего сдѣлать хорошаго: силъ нѣтъ. Я вѣдь съ дѣтства въ какомъ-то разладѣ съ жизнью. Мать при мнѣ отца поѣдомъ ѣла за то, что тотъ не умѣлъ низко кланяться; молодость моя прошла у моего дяди, такого нравственнаго развратителя, что и нѣтъ ему подобнаго. Еще тогда всѣ мои чистые порывы повытоптали. Попробовалъ полюбить всѣмъ сердцемъ... совсѣмъ чортъ знаетъ что вышло. Вся смѣлость меня оставила.

— Уѣзжайте отсюда въ столицу, ищите каѳедры, — проговорила Лиза послѣ небольшой паузы.

— А семья?

— Да, бракъ ужасное дѣло!—тихо проговорила Лиза.

— Для мужчины дѣло страшное.

— Я думаю, и для женщины.

— Ну, съ извѣстной точки зрѣнія, женщина все-таки меньшимъ рискуетъ.

— Это какъ?

— Да, напримѣръ, въ экономическомъ отношеніи женщина пріобрѣтаетъ себѣ работника и потомъ даже, въ случаѣ неудачи, у женщины, хотя мало-мальски достойной чувства, все-таки еще остается надежда встрѣтиться съ новой привязанностью и отдохнуть въ ней.

— А у мужчины развѣ не то же самое?

— Нѣтъ-съ, далеко не то самое. Женщину ея несчастіе въ бракѣ дѣлаетъ еще гораздо интереснѣе, а для женатаго

мужчины, если онъ несчастливъ, что остается? Связишки, интрижки и всякая такая гадость,—а любви нѣтъ.

— Отчего же?

— Оттого, что порядочная женщина не видитъ себѣ мѣста въ такой любви.

— Странно! Я думаю совсѣмъ напротивъ. *Порядочная*-то, т.-е. настоящая женщина, всегда найдетъ себѣ мѣсто въ такой любви.

— Это по теоріи.

— Но развѣ и эта теорія не вѣрна?

— Нѣтъ, кажется, вѣрна, да на практикѣ только не оправдывается.

— Помилуйте: развѣ можетъ быть что-нибудь пріятнѣе для женщины, какъ поднять человѣка на честную работу?

— Да только какъ-то не бываетъ этого. Это для насъ должно быть философія будущаго. Теперь же мужчина: повѣсился — мотайся, оторвался — катайся... А вонъ катитъ и Помада. Прощайте, Лизавета Егоровна.

Подъѣхалъ въ саночкахъ Помада, возвратившійся изъ города. Докторъ повидался съ нимъ и вспрыгнулъ на лошадь.

— Прощайте,—сказала ему Лиза:—только вы обдумайте нашъ разговоръ. Вы, кажется, очень ошибаетесь на этотъ разъ. По-моему, безысходныхъ положеній нѣтъ.

— Хорошо, Лизавета Егоровна, буду думать, — шутливо отвѣтилъ докторъ и поѣхалъ крупной рысью въ городъ, а Лиза съ Помадою пошли къ дому.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

На одномъ полѣ разныя ягоды.

Вязмитиновъ былъ сынъ писца изъ губернскаго правленія; воспитывался въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, потомъ, въ числѣ двухъ лучшихъ учениковъ, былъ опредѣленъ въ четвертый классъ гимназіи, оттуда въ университетъ и, наконецъ, попалъ на мѣсто учителя исторіи и географіи при знакомомъ намъ трехклассномъ уѣздномъ училищѣ. Раннее сиротство, бѣдность и крутая суровость воспитанія въ заведеніи, устроенномъ для дѣтей канцелярскихъ служителей, положили на Вязмитинова неизгладимые слѣды. Онъ былъ постоянно задумчивъ, кротокъ въ обхожденіи со всѣми, немножко застѣнчивъ, скрытенъ и даже лукавъ, но съ довольно положительнымъ умомъ и постоян-

ствомъ въ преслѣдованіи того, къ чему онъ разъ рѣшился стремиться.

О наружности Вязмитинова распространяться нечего: онъ имѣлъ довольно пріятную наружность, хотя съ того самаго дня, когда его семилѣтнимъ мальчикомъ привели въ суровое училище, онъ пріобрѣлъ странную манеру часто пожиматься и моргать глазами. Первая изъ этихъ привычекъ была усвоена ребенкомъ вслѣдствіе неловкости, ощущенной имъ въ новой курткѣ изъ толстаго сукна, съ натирающимъ до-красна воротникомъ, а вторая получена отъ безпрерывнаго опасенія ежеминутныхъ колотушекъ, затрещинъ, взвошекъ, взъефантуливанья и пришпандориванья. Но ни одна изъ этихъ привычекъ не дѣлала Вязмитинова смѣшнымъ и не отнимала у него права на званіе молодого человѣка съ пріятною наружностью.

Жилъ онъ скромно, въ двухъ комнатахъ у вдовы дьяконицы, неподалеку отъ уѣзднаго училища, и платилъ за свой столъ, квартиру, содержаніе и прислугу двѣнадцать рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Такимъ образомъ проживалъ онъ съ самаго поступленія въ должность.

Въ подобныхъ городкахъ и теперь еще живутъ съ такими средствами, съ которыми въ Петербургѣ надо бы умереть съ голоду, живя даже на Малой Охтѣ, а нѣсколько лѣтъ назадъ, еще какъ безнуждно жилось-то съ ними въ какой-нибудь Обояни, Тиму или Карачевѣ, гдѣ за пятьсотъ рублей становился цѣлый домъ, дававшій своему владѣльцу право, по испитіи третьей косушечки, говорить:

— Я, братецъ ты мой, теперь, слава-те, Господи, городской обыватель.

Дьяконицыны знакомые даже находили, что ей ужъ, кто ее знаетъ за что, въ этомъ учителѣ счастье такое Создатель спосылаетъ.

— Ну, пусть, положимъ, теперича, — разсуждали между собою пріятельницы:—двадцать пять рублей за харчи. Какія ужъ тамъ она ему даетъ харчи, ну только ужъ тамъ будемъ считать: ну, двадцать пять рублей. Ну, десять съ полтиной за комнаты: ну, тридцать пять съ полтиной. А, вѣдь, она сорокъ два рубля беретъ! За что она шесть съ полтиной беретъ? Шесть съ полтиной деньги: вѣдь это безъ пятиалтыннаго два цѣлковыхъ.

Собственные труды и безпокойства при этихъ смѣтахъ,

обыкновенно, вовсе не принимаются въ соображенія, потому что время и руки ничего не стоятъ.

При такой дешевизнѣ, бережливости и ограниченности своихъ потребностей, Вязмитиновъ умѣлъ жить такъ, что бѣдность изъ него не глядѣла ни въ одну прорѣху. Онъ былъ всегда отлично одѣтъ, въ квартирѣ у него было чисто и уютно, всегда онъ могъ выписать себѣ журналъ и нѣсколько книгъ, и даже подъ случай у него можно было позаимствоваться деньжонками, включительно отъ трехъ до двадцати пяти рублей серебромъ.

Зарницынъ, единственный сынъ мелкопомѣстной дворянской вдовы, былъ человѣкомъ другого сорта. Онъ жилъ въ одной просторной комнатѣ съ самымъ страннымъ убранствомъ, которое всячески давало посѣтителю чувствовать, что квартирантъ вчера пріѣхалъ, а завтра непремѣнно очень далеко выѣдетъ. Даже большой стѣнной коверъ, составлявшій одну изъ непослѣднихъ «шикозностей» Зарницына, висѣлъ микосъ-накось, какъ будто его здѣсь не стоило прибивать поровнѣе и покрѣпче, потому что владѣлецъ его скоро вонъ выѣдетъ.

Каковъ былъ Зарницынъ въ своей домашней обстановкѣ, таковъ онъ былъ и во всемъ. Докторъ Розановъ его напрасно обзывалъ Рудинымъ: онъ гораздо болѣе былъ Хлестаковымъ, чѣмъ Рудинымъ, а можетъ-быть и это сравненіе не совсѣмъ идетъ ему. Зарницынъ, находясь въ положеніи Хлестакова, при тогдашней средѣ, сильно тяготѣлъ бы и къ хлестаковщинѣ, и къ репетиловщинѣ. Въ эпоху, описываемую въ нашемъ романѣ, тоже нельзя сказать, чтобы онъ не тяготѣлъ къ нимъ. Но въ эту эпоху ни Репетиловъ не хвастался бы тѣмъ, что «шумимъ, братецъ, шумимъ» ни Иванъ Александровичъ Хлестаковъ не разсказывалъ бы о тридцати тысячахъ скачущихъ курьерахъ и неудержимой чиновничьей дрожкѣ, начинающейся непосредственно съ его появленіемъ въ департаментъ. Позволительно думать, что они могли хлестаковствовать и репетиловствовать совсѣмъ иначе, изобличая извѣстную солидарность натуръ съ натурою несмѣтнаго числа Зарницыныхъ (которыхъ нисколько не должно оскорблять такое сопоставленіе, ибо они никакимъ образомъ не могутъ быть почитаемы наихудшими людьми земли русской).

Зарницынъ не любилъ заниматься по-вязмитиновски,

серьезно. Онъ бралъ все кое-какъ, налетомъ, и все у него сходило. Новая весна его застала въ положеніи очень скучномъ. Ему какъ-то все принадоѣло. Онъ не зналъ, чѣмъ заняться, и началъ обличительную повѣсть съ самыми картинными намеками и съ неисчерпаемымъ моремъ гражданскаго чувства. Но повѣсть на первыхъ же порахъ запуталась въ массѣ этого новаго чувства — и стала. Зарницынъ тревожно тосковалъ, суетился, заговаривалъ о темныхъ предчувствіяхъ, о борьбѣ съ собою, наконецъ, прочитавъ нѣсколько народныхъ сценъ, появившихся въ это время въ печати, ужъ задумалъ-было коробейничать. Но милосердому року угодно было указать ему на иной путь, а на этомъ пути и развлеченіе.

Въ одно очень погожее утро одного погожаго дня, Зарницынъ получилъ съ почты письмо, служившее довольно яснымъ доказательствомъ, что мѣстный уѣздный почтмейстеръ вовсе не имѣлъ слабости Шпекина къ чужой перепискѣ.

Получивъ такое письмо, Зарницынъ выросъ на два вершка. Онъ прочелъ его разъ, прочелъ другой, наконецъ третій и побѣжалъ къ Вязмитинову.

— Что, ты на-дняхъ ничего не получалъ?—спросилъ онъ, входя и кладя фуражку.

— Ничего,—отвѣчалъ Вязмитиновъ.

— Ни откуда?

— Ни откуда.

— Гм!

— А что такое?

— Такъ.

Зарницынъ зашагалъ по комнатѣ, то улыбаясь, то приставляя ко лбу палецъ. Вязмитиновъ, зная Зарницына, далъ ему порисоваться. Походивъ, Зарницынъ остановился передъ Вязмитиновымъ и спросилъ:

— Ты помнишь этихъ двухъ господъ?

— Какихъ?—спокойно спросилъ Вязмитиновъ, моргнувъ при этомъ какимъ-то экстраординарнымъ образомъ.

— Ну, Боже мой! что были прошлой осенью на балѣ у Бахарева.

— Да тамъ много было.

— Ну, этотъ, какъ его, иностранецъ... Райнеръ?

— Помню, — съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчалъ Вязмитиновъ.

— Съ нимъ былъ молодой человѣкъ Пархоменко.

— И этого помню.

— Вотъ его письмо.

— Что жъ это такое?—спросилъ Вязмитиновъ, безучастно глядя на положенное передъ нимъ письмо.

— Читай!

Вязмитиновъ медленно развернулъ письмо.

— Вотъ отсюда читай,—указалъ Зарницынъ.

«Нужны люди, способные дѣйствовать, вести скорую подземную работу. Я былъ слишкомъ занятъ, находясь въ вашемъ городѣ, но слышалъ о васъ мелкомъ и по тѣмъ *невыгоднымъ* отзывамъ, которые доходили до меня на вашъ счетъ, вы должны быть нашъ человѣкъ, и на васъ можно разсчитывать. Надо приготовлять всѣхъ. На-дняхъ вы получите посылку: *книги.* Старайтесь ихъ распространять вездѣ, особенно между раскольниками: *они всѣ наши* и ими должно воспользоваться. Въ другихъ мѣстахъ дѣло идетъ уже очень далеко и идетъ отлично.

«Пусть моя полная подпись служитъ вамъ знакомъ моего къ вамъ довѣрія. *Вашъ Пархоменко.*

«P. S. Надѣюсь, что вы также не забудете писать все, что совершаютъ ваши безобразники. У насъ теперь это отлично устроено: опасаться нечего и на четвертый день тамъ.

«Еще P. S. Не стѣсняйтесь сообщать свѣдѣнія всякія. Тамъ послѣ разберемся, и если случится ошибка, то каждый можетъ оправдаться».

Вязмитиновъ перечелъ все письмо второй разъ и, оканчивая, произнесъ вслухъ: «а если случится ошибка, то каждый можетъ оправдаться».

— Гдѣ же это оправдаться-то?—спросилъ онъ, возвращая Зарницыну письмо.

— Да, разумѣется, тамъ же!

— А кто же знаетъ туда дорогу?

— Да вотъ дорога,—произнесъ Зарницынъ, ударивъ рукою по Пархоменковому письму.

— Да вѣдь это ты знаешь, а другіе почемъ ее знаютъ?

— Передамъ.

Вязмитинову все это казалось очень глупо, и онъ не сталъ спорить.

— Ну, что же?—спросилъ его Зарницынъ.

— Что?

— Ты готовъ содѣйствовать?

— Я?

Вязмитиновъ собирался сказать самое рѣшительное «нѣтъ», но, подумавъ, сказалъ:

— Да, пожалуй.

— Нѣтъ, не *пожалуй;* это надо дѣлать не въ видѣ уступки, а нужно дѣйствовать съ энергіей.

— Да то-то, какъ дѣйствовать? что̀ дѣлать нужно?

— Подогрѣвать, подготовлять, волновать умы.

— На подпись, что ли, склонять? что же вы полагаете-то?

— *Мы*...—Зарницыну очень пріятно прозвучало это *мы.*— Мы намѣрены пользоваться всѣмъ. Ты видишь въ письмѣ и раскольники, и помѣщики, и крестьяне. Одни пусть подписываютъ коллективную бумагу, другіе требуютъ свободы, третьи—земли... понимаешь?

— Понимаю, землю-то требовать будутъ мужики?

— Ну, да.

— Отъ тѣхъ самыхъ помѣщиковъ, которыхъ нужно склонять подписывать коллективную бумагу?

— Ну да, ну да, разумѣется. Неужто ты не понимаешь?

— Нѣтъ, теперь я понимаю: я это только сначала.

— А вотъ, вѣдь, я помню, какъ вы съ докторомъ утверждали, что этотъ Пархоменко глупъ.

— Да, это правда.

— А видишь, какой онъ человѣкъ.

— Да.

— Какъ ты думаешь: доктору сообщить? —шопотомъ спросилъ Зарницынъ.

— На что путать лишнихъ людей!

— И то правда.

Пріятели разстались.

Тотчасъ по уходѣ Зарницына, Вязмитиновъ одѣлся и, идучи въ училище, зашелъ къ доктору, съ которымъ они поговорили въ кабинетѣ и, разставаясь, Вязмитиновъ сказалъ:

— Смотрите же, Дмитрій Петровичъ, держите себя такъ же, какъ я, будто ничего знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ.

— Добре,—отвѣчалъ докторъ.

— Да Помаду надрессируйте.

— Добре, добре,—опять отвѣчалъ, запирая двери, докторъ.

Вечеромъ Вязмитиновъ писалъ очень длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, было слѣдующее мѣсто: «Вы, я

полагаю, сами согласитесь, что мы и съ вами вели себя слишкомъ легкомысленно, позволивъ себѣ обѣщать вамъ свое содѣйствіе въ дѣлѣ столь щекотливомъ. Будемъ говорить откровенно. За личность вашу намъ никто и ничто не ручается. Лицо, съ которымъ вы, по вашимъ словамъ, были такъ близки, не снабдило васъ ни одной рекомендательной строчкой, а въ уполномочіи, данномъ вами такому человѣку, какъ П— ко, мы не можемъ не видѣть или крайнѣйшей безтактности и недальновидности, или... просто— плана гораздо худшаго. Вы насъ извините, мы не подозрѣваемъ васъ въ злонамѣренности. Спаси насъ Боже! Мы вамъ вѣримъ, но служить дѣлу, начинаемому по вашей иниціативѣ, съ такими еще сотрудниками мы не можемъ. Намъ нужны старые люди; безъ нихъ ничего въ этомъ родѣ не сдѣлаешь, а они прежде всего недовѣрчивы. Письмо полковника Стопаненки *для насъ* достаточное ручательство, а для нихъ оно ничего не значитъ. Безъ ихъ же участія дѣлу не быть. При связяхъ Роз—ова мы еще надѣялись все кое-какъ подготовить исподволь и незамѣтно; но теперь, когда вашему политическому другу вздумалось ввѣрить наши планы людямъ, на скромность и выдержанность которыхъ мы не разсчитываемъ, намъ не остается ничего болѣе, какъ жалѣть объ этой ошибкѣ и посовѣтовать вамъ искать какія-нибудь другія средства для заявленія умѣренныхъ желаній, которымъ будетъ сочувствовать вся страна.

«Смѣю надѣяться, что это не испортитъ нашихъ добрыхъ отношеній другъ къ другу. Вашъ N. B.»

Письмо это было вложено въ книгу, зашитую въ холстъ и переданную черезъ приказчиковъ Никона Родіоновича его московскому повѣренному, который долженъ былъ собственноручно вручить эту посылку иностранцу Райнеру, проживающему въ домѣ купчихи Козодавлевой, вблизи Лефортовскаго дворца.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Half-yearly review.

Бахаревская придворная швея Неонила Семеновна, сидя у открытаго окна, пѣла:

Прошло лѣто, прошла осень,
Прошла теплая весна,
Наступило злое время,
То холодная зима.

Пѣсня на этотъ разъ выражала, дѣйствительно, то, что̀ прошло и что̀ наступило въ природѣ.

Тонкія паутины плелись по темнѣющему жнивью, по лиловымъ мохрамъ репейника проступала почтенная сѣдина, дикія утки сторожко смотрѣли, тихо двигаясь зарями по сонному пруду, и рѣзвая стрекоза, пропѣвъ свою веселую пору, безнадежно ползла, скользя и обрываясь съ каждаго скошеннаго стебелечка, а по небу низко-низко тащились разорванныя полы широкаго шлафора, въ которомъ разгуливалъ сѣверный волшебникъ, ожидая пока ему позволено будетъ раскрыть старые мѣхи съ холоднымъ вѣтромъ и развязать запндивѣвшій мѣшокъ съ бѣлоснѣжной зимой.

Двѣ поры года прошли для нѣкоторыхъ изъ нашихъ знакомыхъ не безслѣдно, и мы въ короткихъ словахъ опишемъ, что̀ съ кѣмъ случилось въ это время.

Бахаревы вскорѣ послѣ Святой недѣли всей семьей переѣхали изъ города въ деревню, а Гловацкіе жили, по обыкновенію, безвыѣздно въ своемъ домикѣ.

Женни оставалась тѣмъ, чѣмъ она была постоянно. Она только съ большимъ трудомъ перенесла извѣстіе, что братъ Ипполитъ, котораго и она, и отецъ съ нетерпѣніемъ ожидали къ каникуламъ, арестованъ и попалъ подъ слѣдствіе по дѣлу студентовъ, расправившихся собственнымъ судомъ съ нѣкоторымъ барономъ, оскорбившимъ одного изъ ихъ товарищей. Это обстоятельство было страшнымъ ударомъ для старика Гловацкаго. Для Женни это было еще тяжелѣе, ибо она страдала и за брата, и за отца, терзанія котораго ей не давали ни минуты покоя. Но, несмотря на все это, она крѣпилась и всячески старалась утѣшить страдающаго старика.

Вязмитиновъ безпрестанно писалъ ко всѣмъ своимъ прежнимъ университетскимъ пріятелямъ, прося ихъ разъяснить Ипполитово дѣло и слѣдить за его ходомъ. Отвѣты приходили рѣдко и далеко не удовлетворительные, а старикъ и Женни дорожили каждымъ словомъ, касающимся арестанта. Самымъ радостнымъ изъ всѣхъ извѣстій, вымоленныхъ Вязмитиновымъ во время этой томительной тревоги, былъ слухъ, что дѣло ожидаетъ прибытія сильнаго лица, въ благодушіе и мягкосердечіе котораго крѣпко вѣровали.

Ни старикъ, ни Женни, ни Вязмитиновъ не осуждали Ипполита, но сильно скорбѣли объ ожидавшей его участи.

Зарницынъ потиралъ отъ радости руки и горой стоялъ за Ипполита.

— Молодецъ! молодецъ! — говорилъ онъ. — Время словъ кончается, надо дѣйствовать и дѣйствовать. Да, надо дѣйствовать, надо. Вѣкъ жертвъ очистительныхъ просить; жертвъ вѣкъ просить!

Старикъ и Женни не возражали, они чувствовали только неутѣшную скорбь.

Доктора это обстоятельство тоже сильно поразило. Другое дѣло слышать объ извѣстномъ положеніи человѣка, котораго мы лично не знали, и совсѣмъ другое, когда въ этомъ положеніи представляется намъ человѣкъ близкій, да еще столь молодой, что привычка все заставляетъ глядѣть на него, какъ на ребенка. Доктору было жаль Ипполита; онъ злился и молчалъ. Лиза относилась къ этому дѣлу весьма спокойно.

— Что-жъ дѣлать!—сказала она, выслушавъ первый разъ отчаянный разсказъ Женни. — Береги отца, вотъ все, что ты можешь сдѣлать, а горемъ ужъ ничему не поможешь.

Возвратясь въ деревню съ семьею, послѣ непродолжительнаго житья въ городѣ, Лиза опять измѣнилась. Ея глаза совсѣмъ выздоровѣли; она теперь не раздражалась, не сердилась и даже много меньше читала, но видимо сосредоточилась въ себѣ и не то, чтобы примирилась со всѣмъ ее окружающимъ, а какъ бы не замѣчала его вовсе. Въ Лизѣ обнаружился тонкій житейскій тактъ, котораго до сихъ поръ не было. Свои холодныя, даже презрительныя отношенія къ ежедневнымъ хлопотамъ и интересамъ всѣхъ окружающихъ ее людей она выдерживала ровно, съ невозмутимымъ спокойствіемъ, никому ни въ чемъ не попереча, никого ничѣмъ не задирая. Ольга Сергѣевна находила, что Лиза упрыгалась и начинаетъ браться за умъ. Сестры тоже были ею очень довольны. Она равнодушно выслушивала всѣ ихъ заявленія, ни въ чемъ почти не возражала и давала на все самые терпимые отвѣты. Къ отцу Лиза была очень нѣжна и внимательна, къ Женни тоже. Но какъ ни спокойна была собственная натура Женни, ее не удовлетворяла спокойная внимательность Лизы. Она ничего отъ нея не требовала, старалась избѣгать всякихъ разсужденій о ней, но чуяла сердцемъ, что происходитъ въ подругѣ, и нимало не радовалась ея видимому спокойствію.

Зина, Софи и Ольга Сергѣевна были все тѣ же. Зина не могла застегнуть лифа; ходила въ широкихъ блузахъ, необыкновенно шедшихъ къ ея высокой фигурѣ, и безпрестанно совѣщалась съ докторами и акушерами. Она готовилась быть матерью, но снова уѣхала отъ мужа и проживала въ Меревѣ. Софи тосковала до-нельзя; гусары выступили и въ деревнѣ шла жизнь, невыносимая для женщинъ, подобныхъ этой барышнѣ, безучастной ко всему, кромѣ болтовни и шума. Ольга Сергѣевна Богу молилась, кошекъ чесала, иногда раскладывала граншасьянсъ и въ антрактахъ пыла. Чаще всего онѣ пыли втроемъ: Ольга Сергѣевна, Зина и Софи. Пыли онѣ обо всемъ: о предстоящихъ родахъ Зины, о грубости Егора Николаевича, объ отсутствіи женишковъ для Сони, о тоскѣ деревенской жизни и объ ехидствѣ прислуги, за которою никакъ не усмотришь. Объ Ипполитѣ Гловацкомъ онѣ не забыли, но по два раза воскликнули:

— Боже мой! Боже мой! — и успокоились на его счетъ.

Бахаревъ горячо принялъ къ сердцу горе своего пріятеля. Онъ сперва полетѣлъ къ нему, дергалъ усами, дымилъ безъ пощады, разводилъ врозь руки и говорилъ:

— Ты, того, Петруха... ты не этого... не падай духомъ. Все, братъ, надо переносить. У насъ въ полку тоже это случилось. У насъ разъ этого ротмистра разжаловали въ солдаты. Разжаловали, пять лѣтъ былъ въ солдатахъ, а потомъ отличился и опять пошелъ: теперь полиціймейстеромъ служитъ на Волгѣ; женился на нѣмкѣ и два дома собственные купилъ. Ты не огорчайся: мало ли что въ молодости бываетъ!

Петра Лукича все это нисколько не утѣшало.

Бахаревъ поѣхалъ къ сестрѣ. Мать Агнія съ большимъ вниманіемъ и участіемъ выслушала всю исторію и глубоко вздохнула.

— Что ты думаешь, сестра?—спросилъ Бахаревъ.

— Что-жъ тутъ думать: не минуетъ, бѣдняжка, красной шапки да ранца.

— Какъ бы помочь?

— Ничѣмъ тутъ не поможешь.

— Написать бы кому-нибудь.

— Ну, и что-жъ выйдетъ?

— Да все-таки...

— Ничего не сдѣлаешь, будетъ солдатомъ непремѣнно.
— Старика жаль.
— Да и его самого не меньше жаль: парень молодой.
— Онъ-то выслужится!
— Хоть и выслужится, а лучшіе годы пропали.
— Ты подумай, сестра, нельзя ли чего попробовать?
Игуменья скрестила на груди руки и задумалась.
— Тамъ кто теперь генералъ-губернаторомъ?—спросила она послѣ долгаго размышленія.
Бахаревъ назвалъ фамилію.
— Я съ его женой когда-то коротка была, да вѣдь это давно; она забыла ужъ, я думаю, что я и на свѣтѣ-то существую.
Вышла пауза.
— Попробуй, попроси,—сказалъ Бахаревъ.
— Да, я сама думаю такъ. Что-жъ: спытокъ—не убытокъ.
Игуменья медленно встала, вынула изъ комода зеленый бархатный портфель, достала листокъ бумаги, аккуратно сравняла его края и, подумавъ съ минутку, написала двѣ заглавныя строчки.
Бахаревъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ, стараясь ступать возможно тише, какъ волтижорскій и дрессированный конь, безпрестанно смотря на задумчивое лицо пишущей сестры.
Подстерегши, когда мать Агнія, дописавъ страничку, повертывала листокъ, опять тщательно сравнивая его уголышки и сглаживая сгибъ длиннымъ розовымъ ногтемъ, Бахаревъ остановился и сказалъ:
— Вѣдь, что публично-то все это надѣлали, вотъ что гадко.
— Да непублично этихъ дѣлъ и не дѣлаютъ,—спокойно отвѣчала игуменья.
— Положимъ, ну вздуй его, каналью, на конюшнѣ, ну, наконецъ, на улицѣ; а то въ такомъ зданіи!
Мать Агнія обмакнула перо и, снимая съ него приставшее волоконце, проговорила: —пословица есть, мой милый, что «дуракамъ и въ алтарѣ не спускаютъ», —и съ этимъ начала новую страницу.
— Ну, вотъ тебѣ и письмо,—посылай. Посмотримъ, что выйдетъ,—говорила игуменья, подавая брату совсѣмъ готовый конвертъ.

— Хоть бы скорѣе одинъ конецъ былъ.

— Будетъ и конецъ.

Помада кипѣлъ и весь расходовался на споры, находя средства поддерживать ихъ даже съ Зиной и Софи, не представлявшими ему никакихъ возраженій.

— За идею, за идею,—шумѣлъ онъ.—Идею должно отстаивать. Ну, что-жъ дѣлать: ну, будетъ солдатъ! Что-жъ дѣлать? За идею права нельзя не стоять; нельзя себя беречь, когда идея права попирается. Отсюда выходитъ индифферентизмъ: самое вреднѣйшее общественное явленіе. Я этого не допускаю. Прежде *идея,* потомъ я, а не я выше моей *идеи.* Отсюда я долженъ лечь за мою идею, отсюда героизмъ, общественная возбужденность, горячее служеніе идеаламъ, отсюда торжество идеаловъ, торжество идей, царство правды!

Помадѣ, обыкновенно, никто не возражалъ въ Меревѣ.

Роль Помады въ домѣ камергерши нѣсколько измѣнилась. Лѣтнее его положеніе въ домѣ Бахаревыхъ не похоже было на его зимнее здѣшнее положеніе. Лизѣ не нравилось болѣе его неотступное служеніе идеѣ, которую кандидатъ воплотилъ для себя въ Лизѣ, и она его поставила на позицію. Кандидатъ служилъ, когда его призывали къ его службѣ, но уже не пажествовалъ за Лизой, какъ это было зимою, и опять нѣсколько возвратился къ болѣе спокойному состоянію духа, которое въ прежнія времена не оставляло его во весь лѣтній сезонъ, пока Бахаревы жили въ деревнѣ.

Новая встрѣча съ давно знакомыми женскими лицами подѣйствовала на него весьма успокоительно, но во снѣ онъ все-таки часто вздрагивалъ и отчаянно искалъ то костяной ножикъ Лизы, то ея носовой платокъ или подножную скамейку.

Многостороннія удобства Лизиной комнаты не совсѣмъ выручали одинъ ея весьма непріятный недостатокъ. Лѣтомъ въ ней съ девяти или даже съ восьми часовъ до четырехъ было до такой степени жарко, что жара этого рѣшительно невозможно было выносить.

Лиза въ это время никакъ не могла оставаться въ своей комнатѣ. Каждое утро, напившись чаю, она усаживалась на легкомъ плетеномъ стулѣ подъ окномъ залы, въ которую

до самаго вечера не входило солнце. Здѣсь Лизѣ не было особенно пріютно, потому что по залѣ часто проходили и сестры, и отецъ, и безпрестанно сновали слуги; но она привыкла къ этой бѣготнѣ и не обращала на нее ровно никакого вниманія. Лиза обыкновенно спокойно шила у открытаго окна и ее никто не отвлекалъ отъ работы. Развѣ отецъ иногда придетъ и выкуритъ возлѣ нея одну изъ своихъ безчисленныхъ трубокъ и при этомъ о чемъ-нибудь перемолвится; или няня подойдетъ да посмотритъ на ея работу и что-нибудь разскажетъ, впрочемъ, для собственнаго удовольствія. Юстинъ Помада являлся къ обѣду.

Лизу теперь бросило на работу: благо глаза хорошо служили. Она не покидала иголки цѣлый день и только вечеромъ гуляла и читала въ постели. Не только трудно было найти швею прилежнѣе ея, но далеко не всякая изъ швей могла сравниться съ нею и въ искусствѣ.

Отъ полотняной сорочки и батистовой кофты до скромнаго жаконетнаго платья и шелковой мантильи, на ней все было сшито ея собственными руками. Лиза съ жадностью училась работать у Неонилы Семеновны и работала, рукъ не покладывая и ни въ чемъ уже не уступая своей учительницѣ.

— Мастерица ты такая!—говорила Марина Абрамовна, разсматривая чистую строчку, которую гнала Лиза на отцовской рубашкѣ, безкорыстно помогая въ этой работѣ Неонилѣ Семеновнѣ.

— Вы, барышня, у насъ хлѣбъ скоро отобьете, — добавляла, любуясь тою же мастерской строчкою, Неонила Семеновна.

Лиза подъ окномъ въ залѣ шила себѣ сѣренькое платье изъ суроваго батиста; было утро знойнаго дня; со стола только-что убрали завтракъ, и въ залѣ было совершенно тихо.

Въ воздухѣ стоялъ страшный зной, мигавшій надъ полями трепещущею сѣткою. Озими налились и сочное зерно быстро крѣпло, расширая эластическую ячейку усатаго колоса. Съ деревенскаго выгона, отчаянно вскидывая спутанными передними ногами, прыгали крестьянскія лошади, отмахиваясь головами и хвостами отъ насѣдавшихъ на нихъ мухъ, оводовъ и слѣпней. Деревья, какъ разслабленныя, тяжело дремали, опустивъ свои размягченные жаромъ листья, и колосистая рожь стояла неподвижнымъ зелено-

бурымъ моремъ, изнемогая подъ невыносимымъ дыханіемъ лѣтняго бога, наблюдающаго своимъ жаркимъ глазомъ за спѣшною химическою работою въ его необъятной лабораторіи. Только одни листья прибрежныхъ водорослей, то многоугольные, какъ листья «мать и мачиха», то длинные и остроконечные, какъ у нѣкоторыхъ видовъ пустынной пальмы, лѣниво покачивались, роскошничая на мелкой ряби тихо бѣжавшей рѣчки. Остальное все было утомлено, все потеряло всякую бодрость и, говоря языкомъ поэтовъ: «просило вечера скорѣе у Бога».

Лиза вшила одну кость въ спину лифа и взглянула въ открытое окно. Въ тѣни дома, лежавшей темнымъ силуэтомъ на ярко освѣщенныхъ кустахъ и клумбахъ палисадника, подъ самымъ окномъ, растянулась Никитушкина Розка. Собака тяжело дышала, высунувъ свой длинный языкъ и безпрестанно отмахиваясь отъ докучливой мухи.

— Что, Розанька?—ласково проговорила Лиза, взглянувъ на смотрѣвшую ей въ глаза собаку: — жарко тебѣ? Пойди искупайся.

Собака подобрала языкъ, потянулась и, зѣвая, отвѣтила дѣвушкѣ протяжнымъ «аиаай».

Лиза вметала другую кость и опять подняла голову. Далеко-далеко за меревскимъ садомъ по дорогѣ завиднѣлась какая-то точка. Лиза опять поработала и опять взглянула на эту точку. Точка разрасталась во что-то въ родѣ экипажа. Видна стала городская, затяжная дуга и что-то бѣлѣлось; очевидно, это была не крестьянская телѣга. Еще нѣсколько минутъ, и все это скрылось за меревскимъ садомъ, но зато вскорѣ выкатилось на спускъ въ формѣ дрожекъ, на которыхъ сидѣла дама въ бѣломъ кашемировомъ бурнусѣ и соломенной шляпкѣ.

«Кто бы эта такая? — подумала Лиза. — Женни? Нѣтъ, это не Женни; и лошадь не ихъ, и у Женни нѣтъ бѣлаго бурнуса. Охота же ѣхать въ такую жару!» — подумала она и, не тревожа себя дальнѣйшими догадками, спокойно начала зашивать накрѣпко вметанную полоску китоваго уса.

За садовою рѣшеткою послышался тяжелый топотъ лошади, аккомпанируемый сухимъ стукомъ колесъ, и дрожки остановились у крыльца Бахаревскаго дома.

Розка было поднялась, залаяла, но тотчасъ же досадливо

махнула головою, протянула «аиаай», и снова улеглась подъ свѣсившуюся травку клумбы.

Въ залу вошелъ лакей. Онъ съ замѣшательствомъ тщательно заперъ за собою дверь изъ передней и пошелъ на цыпочкахъ къ коридору, но потомъ вдругъ повернулъ къ Лизѣ и, остановясь, тихо произнесъ:

— Какая-то дама пріѣхали.

— Какая дама?—спросила Лиза.

— Незнакомыя совсѣмъ.

— Кто жъ такая?

— Ничего не сказали; барина спрашиваютъ-съ, дѣло къ нимъ имѣютъ.

— Ну, такъ чего же ты мнѣ объ этомъ говоришь? Папа въ Зининой комнатѣ,—иди и доложи.

Лакей на цыпочкахъ снова направился къ коридору, а дверь изъ передней отворилась, въ залу взошла пріѣхавшая дама и сѣла на ближайшій стулъ.

Ни Лиза, ни пріѣзжая дама не сочли нужнымъ раскланяться. Дама, усѣвшись, тотчасъ опустила свою голову на руку, а Лиза спокойно взглянула на нее при ея входѣ и снова принялась за иголку.

Пріѣзжая дама была очень молода и недурна собою. Лизѣ казалось, что она ее когда-то видѣла и даже внимательно ее разсматривала, но гдѣ именно—этого она теперь никакъ не могла вспомнить.

По коридору раздались скорые и тяжелые шаги Бахарева, и вслѣдъ затѣмъ Егоръ Николаевичъ, въ бѣломъ кителѣ съ пышнымъ батистовымъ галстучкомъ подъ шею, вступилъ въ залу.

Гостья приподнялась при его появленіи.

Эксъ-гусаръ подошелъ къ ней, вѣжливо поклонился и ожидалъ, что она скажетъ.

Лиза спокойно шила.

Дама сначала какъ будто немного потерялась и не знала что ей говорить, но тотчасъ же безсвязно начала:

— Я къ вамъ пріѣхала, какъ къ предводителю... Меня некому защитить отъ оскорбленій... У меня никого нѣтъ, и я все должна терпѣть... но я пойду всюду, а не позволю... я пойду пѣшкомъ въ Петербургъ, я скажу самому государю...

— Въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло? —спросилъ съ участіемъ предводитель.

— Мой мужъ... я его не охуждаю и не желаю ему вредить ни въ чьемъ мнѣніи, но онъ подлецъ, я это всегда скажу... я это скажу всѣмъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ. Онъ, можетъ-быть, и хорошій человѣкъ, но онъ подлецъ... И нигдѣ нѣтъ защиты! нигдѣ защиты!

Дама заплакала, удерживая платкомъ рыданія.

— Успокойтесь; Бога-ради, успокойтесь,—говорилъ мягкій старикъ. — Разскажите спокойно: кто вы, о комъ вы говорите?

— Мой мужъ—Розановъ,—произнесла, всхлипывая, дама.

— Нашъ докторъ?

— Дддааа,—простонала дама снова.

Лиза взглянула на гостью и теперь ей хорошо припомнились расходившіяся изъ-за платка брови.

Услыхавъ имя Розанова, Лиза быстро встала и начала проворно убирать свою работу.

— Что жъ такое?—спрашивалъ, между тѣмъ, Бахаревъ.

— Онъ разбойникъ, у нихъ вся семья такая и мать его—всѣ они разбойники.

— Но что я тутъ могу сдѣлать?

— Онъ меня мучитъ; я вся исхудала... мое дитя... онъ развратникъ, онъ меня... убьетъ меня.

— Позвольте; Бога-ради, успокойтесь прежде всего.

— Я не могу успокоиться.

Розанова опять закрылась и заплакала.

— Ну, сядьте, прошу васъ,—уговаривалъ ее Бахаревъ.

— Это какъ же... это невозможно... Вы предводитель, вѣдь непремѣнно должны быть разводы.

— Сядьте, прошу васъ,—успокаивалъ Бахаревъ.

По гостиной зашелестѣло шелковое платье; Лиза быстро дернула стулъ и сказала по-французски:

— Папа! да просите же къ себѣ въ кабинетъ.

— Нѣтъ, это все равно,—отозвалась Розанова:—я никого не боюсь, мнѣ нечего бояться, пусть всѣ знаютъ...

Лиза вышла и, встрѣтивъ въ гостиной Зину, сказала ей:

— Не ходи въ залу: тамъ папа занятъ.

— Съ кѣмъ?

— Тамъ съ дамой какой-то, — отвѣчала Лиза и прошла съ работою въ свою комнату.

Передъ обѣдомъ къ ней зашла Марина Абрамовна.

— Слышала ты, мать моя, камедь-то какая? — спросила старуха, опершись ладонями о Лизинъ рабочій столикъ.

— Какая?

— Дохторша-то! Экая шальная бабешка: на мужа-то чи-чи-чи такъ и стрекочитъ. А твоя маменька съ сестрицами, замѣсть того, чтобъ съудержать глупую, еще съ нею финтифанты разсуждаютъ.

— Какъ, маменька съ сестрами? — спросила удивленная Лиза.

— Да какъ же: вѣдь она у маменьки на постели лежитъ. Шнуровку ей распустили, лодеколономъ брызгаютъ.

— Гм!

Лиза незамѣтно улыбнулась.

— Камедь! — повторила нараспѣвъ старуха, обтирая полотенцемъ губы, и на ея умномъ старческомъ лицѣ тоже мелькнула ироническая улыбка.

— Этакая аларма, право! — произнесла старуха, направляясь къ двери и, вздохнувъ, добавила: — наслалъ же Господь на такого простодушнаго барина, да этакого,— прости Господи,—чорта съ рогами.

Выйдя къ обѣду, Лиза застала въ залѣ всю семью. Тутъ же была и Ольга Александровна Розанова, и Юстинъ Помада.

Розанова сидѣла подъ окномъ, окруженная Ольгой Сергѣевной и Софи. Передъ ними стоялъ, держа сзади фуражку, Помада, а Зина, съ многозначительной миной на лицѣ, тревожно ходила взадъ и впередъ по залѣ.

— Лиза! madame Розанова, очень пріятное знакомство,— проговорила Ольга Сергѣевна вошедшей дочери. — Это моя младшая дочь,—отнеслась она къ Ольгѣ Александровнѣ.

— Очень пріятно познакомиться,—проговорила Розанова съ сладкой улыбкой и тѣмъ самымъ тономъ, которымъ, по нашему соображенію, хорошая актриса должна исполнять главную роль въ пьесѣ: «Въ людяхъ ангелъ—не жена».

Лиза поклонилась молча и, подавъ мимоходомъ руку Помадѣ, стала у другого окна.

Все существо кандидата выражало полнѣйшую растерянность и смущеніе. Онъ никакъ не могъ разгадать причину внезапнаго появленія Розановой въ Бахаревскомъ домѣ.

— Когда жъ Дмитрій Петровичъ возвратился?—разспрашивалъ онъ Ольгу Александровну.

— Третьяго дня, — отвѣчала она тѣмъ же ласковымъ голосомъ изъ пьесы: «Въ людяхъ ангелъ».

— Какъ онъ только живъ съ его перелетами, — сочувственно отозвался Помада.

— О-о! онъ очень здоровъ, ему это ничего не значитъ,— отвѣчала Розанова тѣмъ же нѣжнымъ голосомъ, но съ особымъ оттѣнкомъ.

Лиза полуоборотомъ головы взглянула на собранный ротикъ и разлетающіяся бровки докторши и снова отвернулась.

— Ему, я думаю, еще веселѣе въ разъѣздахъ,—простонала Ольга Сергѣевна.

— Натура сносливая, — шутя замѣтилъ простодушный Помада.—Вода у нихъ на Волгѣ,—этакой все народъ здоровый, крѣпкій, смышленый.

— Разбойники эти поволжцы, — проговорила Ольга Александровна съ такой веселой и нѣжной улыбкой, какъ будто съ ней ничего не было и какъ будто она высказывала какую-то ласку мужу и его землякамъ.

— Нѣтъ-съ, — талантливый народъ, преталантливый народъ: сколько оттуда у насъ писателей, артистокъ, ученыхъ! Преталантливый край!—расписывалъ Помада.

Подали горячее и сѣли за столъ. За обѣдомъ Ольга Александровна совсѣмъ развеселилась и подтрунивала вмѣстѣ съ Софи надъ Помадою, который, однако, очень находчиво защищался.

— Какъ пріѣхала сюда Розанова? — спросилъ онъ, подойдя послѣ обѣда къ Лизѣ.

— Не знаю,—отвѣтила Лиза и ушла въ свою комнату.

— Няня, разскажи ты мнѣ, какъ къ вамъ Розанова пріѣхала?—отнесся Помада къ Абрамовнѣ.

— На мужа, батюшка, барину жалобу произносила. Что же хорошей дамѣ и дѣлать, какъ не на мужа жаловаться?— отвѣчала старуха.

— Ну, а съ Ольгой Сергѣевной какъ же она познакомилась?

— Дурноты да перхоты разныя приключились у барина въ кабинетѣ, ну, и сбѣжались всѣ.

— И Лизавета Егоровна?

— Эта чохъ-мохъ-то не любитъ. Да она про то-жъ, спасибо, и не слыхала.

Немного спустя послѣ обѣда, Лизу попросили въ угольную кушать ягоды и дыню.

Все общество здѣсь снова было въ сборѣ, кромѣ Егора Николаевича, который, по славянскому обычаю, пошелъ къ себѣ всхрапнуть на диванѣ.

Десертъ стоялъ на большомъ столѣ, за которымъ на угольномъ диванѣ сидѣла Ольга Сергѣевна, выбирая булавкой зрѣлыя ягоды малины; Зина, Софи и Розанова сидѣли въ углу за маленькимъ столикомъ, на которомъ стояла чепечная подставка: Помада сидѣлъ поодаль, ближе къ гостиной, и ѣлъ дыню.

Около Розановой стояла тарелка съ фруктами, но она къ нимъ не касалась. Ея пальцы быстро собирали рюшъ, ловко группировали его съ мелкими цвѣточками и приметывали все это къ висѣвшей на подставкѣ наколкѣ.

— Какъ мило!—стонала Ольга Сергѣевна, глядя на работу Розановой и сминая въ губахъ ягодку малины.

— Очень мило!—восклицала томно Зина.

— Все такъ сэмпль, это вамъ будетъ къ лицу, maman,— утверждала Софи.

— Да, я люблю сэмпль.

— Теперь все дѣлаютъ сэмпль — это гораздо лучше,— замѣтила Ольга Александровна.

Лиза сидѣла противъ Помады и съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣла черезъ его плечо на непріятный ротъ докторши съ бѣленькими, дробными мышиными зубками и на ея брови, разлетающіяся къ вискамъ, какъ крылья копчика, отчего этотъ лобъ получалъ какую-то странную форму, не безобразную, но весьма непріятную для каждаго привыкшаго искать на лицѣ человѣка чертъ, болѣе или менѣе выражающихъ содержаніе внутренняго міра.

— Я вамъ говорю, что у меня тоже есть свой талантъ,— весело произнесла докторша.

Затѣмъ она встала и, подойдя къ Ольгѣ Сергѣевнѣ, начала примѣривать на нее наколку.

— Мило!

— Очень мило!

— Очень мило!—раздавалось со всѣхъ сторонъ.

— Я думаю завести мастерскую.

— Что-жъ, прекрасно будетъ, — отвѣчала Ольга Сергѣевна.

— Никакой трудъ не постыденъ.

— Разумѣется.

— Кто жъ будетъ покупать ваши произведенія? — вмѣшался Помада.

— Кому нужно, — отвѣчала съ веселой улыбкой Ольга Александровна.

— Всѣ изъ губернскаго города выписываютъ.

— Я стану работать дешевле.

— Вставать надо рано.

— Буду вставать.

— Не будете.

— О, не безпокойтесь, буду. Работа займетъ.

— Чего жъ вы теперь не встаете?

— Вы не понимаете, Юстинъ Феликсовичъ: тогда у нея будетъ свое дѣло, она будетъ и знать для чего трудиться. А теперь на что же Ольгѣ Александровнѣ?

— Развѣ докторъ и дочь не ея дѣло? — спокойно, рѣзко замѣтилъ Помада.

Ему никто ничего не отвѣтилъ, но Ольга Сергѣевна, помолчавъ, протянула:

— Всякій трудъ почтенъ, всякій трудъ заслуживаетъ похвалы и поощренія и не унижаетъ человѣка.

Ольга Сергѣевна произнесла это, не ожидая ни откуда никакого возраженія, но, къ величайшему удивленію, Помада вдругъ, не въ бровь, а прямо въ глазъ, бухнулъ:

— Это разсуждать, Ольга Сергѣевна, такъ отлично, а сами вы модистку въ гости не позовете и за столъ не посадите.

Это возраженіе сильно не понравилось матери, двумъ дочерямъ и гостьѣ, но зато Лиза взглянула на Помаду ободряющимъ и удивленнымъ взглядомъ, въ которомъ въ одно и то же время выражалось: «вотъ какъ ты нынче!» и «валяй, братъ, валяй ихъ смѣлѣе!»

Но этотъ взглядъ былъ такъ быстръ, что его не замѣтилъ ни Помада, ни кто другой.

— Мнѣ пора ѣхать,—послѣ нѣкоторой паузы проговорила Розанова.

— Куда же вы? Напейтесь у насъ чаю,—остановили ее Зина и Ольга Сергѣевна.

— Нѣтъ, пора: меня ждетъ...—Ольга Александровна картинно вздохнула и досказала:—меня ждетъ мой ребенокъ.

— А то остались бы. Мы поѣхали бы на озеро: тамъ есть лодка, покатались бы.

— Ахъ, я очень люблю воду! — воскликнула Ольга Александровна.

Въ концѣ концовъ Розанова уступила милымъ просьбамъ и на конюшню послали приказаніе готовить долгуши.

Лиза тихо вышла и, пройдя черезъ гостиную и залу, вошла въ кабинетъ отца.

— Вы спите, папа! Пора вставать,—сказала она, направляясь поднять штору.

Бахаревъ спалъ въ одномъ жилетѣ, закрывъ свое лицо отъ мухъ синимъ фуляромъ.

— Что, мой другъ? — спросилъ онъ, сбрасывая съ лица платокъ.

— Я хочу васъ о чемъ-то просить, папа.

— О чемъ, Лизочка?

— Не вмѣшивайтесь вы въ это дѣло.

— Въ какое дѣло?

— Да вотъ въ эту жалобу.

— Охъ, и не говори! Самому мнѣ смерть это непріятно.

— И не мѣшайтесь.

— Онъ такой милый; всѣ мы его любимъ; всегда онъ готовъ на всякую услугу, и за тобой онъ ухаживалъ, а тутъ вдругъ налетѣла, та-та-та, и вотъ тебѣ цѣлая вещь.

— Не мѣшайтесь, папа, не мѣшайтесь.

— Разумѣется. Семейное дѣло, вспышка женская. Она какая-то взбалмошная.

— Она дрянь,—сказала Лиза съ презрительной гримасой.

— Ну-у, ужъ ты — вторая тетушка Агнесса Николаевна! Гдѣ она, Розанова-то?

— Въ рощу ѣдетъ, по озеру кататься.

— Въ рощу-у?

— Да.

Старикъ расхохотался неудержимымъ хохотомъ и закашлялся.

Лиза не поѣхала на озеро и Бахаревъ тоже. Ѣздили однѣ дамы съ Помадой и возвратились очень скоро.

Сумерками Розанова, уѣзжая, перецѣловала всѣхъ совершенно фамильярно. Съ тою же теплотою она обратилась было и къ Лизѣ, но та холодно отвѣтила ей: «прощайте» и сдѣлала два шага въ сторону.

Прощаясь съ Бахаревымъ, Розанова не возобновила никакой просьбы, а старикъ, шаркнувъ ей у двери, сказалъ:

— Кланяйтесь, пожалуйста, отъ меня вашему мужу,— и, возвратясь въ залъ, опять залился веселымъ хохотомъ.

— Чего это? чего это? — съ недовольной миной спрашивала Ольга Сергѣевна, а Бахаревъ такъ и закатывался.

Лиза понимала этотъ хохотъ.

— Бѣдный Дмитрій Петровичъ!—говорилъ Помада, ходя съ Лизою передъ ужиномъ по палисаднику. — Каково ему это выносить! Каково это выносить, Лизавета Егоровна! Скандалъ! срамъ! сплетни! Жена родная, жена жалуется! Каково! вѣдь это надо имѣть мѣдный лобъ, чтобы еще жить на свѣтѣ.

— И чего она хотѣла!

— Да вотъ пожаловаться хотѣла. Она завтра проспитъ до полудня и все съ нея, какъ съ гуся вода. А онъ? Онъ, вѣдь, теперь...

— Что онъ сдѣлаетъ?

— Запьетъ!—произнесъ Помада, отворачиваясь и смигивая слезу, предательски выбѣжавшую на его сѣрыя совиныя вѣки.

Лиза откинула пальцемъ свои кудри и ничего не отвѣчала.

— Туда же къ государю! Всякую этакую шушвару-то такъ тебѣ предъ государя и представятъ, — ворчала Абрамовна, раздѣвая Лизу и непомѣрно раздражаясь на докторшу.—Вѣдь этакая прыть! «Къ самому царю доступлю». Только ему, царю-то нашему, и дѣла, что васъ, шигалицъ этакихъ, съ мужьями разбирать.

Лиза разсмѣялась.

— Коза дранал; право, что коза, — бормотала старуха, крестя барышню и уходя за двери.

Дня черезъ четыре послѣ описаннаго происшествія Помада нашелъ случай съѣздить въ городъ.

— Все это такъ и есть, какъ я предполагалъ,—разсказывалъ онъ, вспрыгнувъ на фундаментъ передъ окномъ, у котораго работала Лиза: — эта сумасшедшая орала, бѣсновалась, хотѣла бѣжать въ одной рубашкѣ по городу къ отцу, а онъ ее удержалъ. Она выбѣжала на дворъ кричать, — а онъ ей зажалъ рукой ротъ, да впихнулъ назадъ въ комнаты, чтобы люди у воротъ не останавливались: только всего и было.

— Почему-жъ это вы сочли долгомъ тотчасъ же сообщить мнѣ эти подробности?—спросила холодно Лиза.

— Я такъ разсказалъ,—отвѣчалъ сконфузясь Помада и, спрыгнувъ съ фундамента, исчезъ за кустами палисадника.

— Папа! дайте мнѣ лошадку съѣздить къ Женни,—сказала Лиза черезъ недѣлю послѣ Помадинаго доклада.

Ей запрягли кабріолетъ, она сѣла въ него съ Помадою, вмѣсто грума, и поѣхала.

На дворѣ былъ въ началѣ десятый часъ утра. День стоялъ суровый: ни грозою, ни дождемъ не пахло и тучъ на небѣ не бѣло, но кругомъ все было сѣро и тянуло холодомъ. Народъ говорилъ, что непремѣнно гдѣ-де-нибудь недалеко градъ выпалъ.

На хорошей лошади отъ Мерева до уѣзднаго города было всего часъ ѣзды, особенно холодкомъ, когда лошадь не допимаетъ ни муха, ни разслабляющій припекъ солнца.

Лиза проѣхала всю дорогу, не сказавъ съ Помадою ни одного слова. Она вообще не была въ расположеніи духа, и въ сѣромъ воздухѣ, нагнетенномъ низко ползущимъ небомъ, было много чего-то такого, что непріятно дѣйствовало на окисленіе крови и дѣлало человѣка способнымъ легко тревожиться и раздражаться.

Съ пьяными людьми часто случается, что, идучи домой, единымъ Божіимъ милосердіемъ хранимы, въ одномъ какомъ-нибудь расположеніи духа, они помнятъ откуда они идутъ, а взявшись за ручку двери, неожиданно впадаютъ въ совершенно другое настроеніе, или вовсе теряютъ понятіе о всемъ, что было съ ними прежде, чѣмъ они оперлись на знакомую дверную ручку. Съ трезвыми людьми происходитъ тоже что-то въ родѣ этого. До двери идетъ одинъ человѣкъ, а въ дверь ни съ того, ни съ сего войдетъ другой.

Въѣхавъ на училищный дворъ и бросивъ Помадѣ вожжи, Лиза бодро вбѣжала на крылечко, которымъ входили въ кухню Гловацкихъ.

Лиза съ перваго визита всегда входила къ Гловацкимъ чрезъ эти двери, и теперь она отперла ихъ безъ всякаго расположенія молчать и супиться, какъ во время всей дороги.

Переступивъ черезъ порогъ небольшихъ, но очень чистыхъ и очень свѣтлыхъ дощатыхъ сѣней, Лиза остановилась въ недоумѣніи.

Посреди сѣней, между двухъ оконъ стояла Женни, одѣтая въ мундиръ штатнаго смотрителя. Довольно полинявшій голубой бархатный воротникъ сидѣлъ хомутомъ на ея бѣленькой шейкѣ, а слежавшіяся отъ долгаго неупотребленія фалды далеко разбѣгались спереди и пресмѣшно растягивались сзади на довольно полной юбкѣ платья. Въ рукахъ Женни держала треугольную шляпу и тщательно водила по ней горячимъ утюгомъ, а возлѣ нея, на доскѣ, закрывавшей кадку съ водою, лежала шпага.

— Что это такое?—спросила, смѣясь, Лиза.

— Ахъ, Лиза, душка моя! Вотъ кстати-то пріѣхала,— вскрикнула Женни и, обнявъ подругу, придавила ей ухо мѣдною пуговицею мундирнаго обшлага.

— Что это такое?—переспросила снова Лиза, осматривая Гловацкую.

— Что?

— Да зачѣмъ ты въ мундирѣ? На службу, что ли, поступаешь?

— Ахъ, объ этомъ-то! Я держу Пелагеѣ мундиръ, чтобъ ей было ловчѣе чистить.

Тутъ Лиза увидѣла Пелагею, которая, стоя на колѣняхъ сзади Гловацкой, ревностно отскребала ногтемъ какое-то пятно, лѣтъ пять тому назадъ попавшее на конецъ фалды мундира Петра Лукича.

— Ты вѣдь не знаешь, какая у насъ тревога!—продолжала Гловацкая, стоя попрежнему въ отцовскомъ мундирѣ и снова принявшись за утюгъ и шляпу, положенные на время при встрѣчѣ съ Лизой:—сегодня, всего съ часъ назадъ, пріѣхалъ чиновникъ изъ округа отъ попечителя,—ревизовать будетъ. И папа, и учители всѣ въ такой сумятохѣ, а Яковлевича взяли на парадномъ подъѣздѣ стоять. Говорятъ, скоро будетъ въ училищѣ. Папа тамъ все хлопочетъ и боленъ еще... такъ непріятно, право!

— А-у,—такъ вотъ это что!

Въ сѣни вошелъ Помада.

— Евгенія Петровна! Что это?! — воскликнулъ онъ; но прежде чѣмъ ему кто-нибудь отвѣтилъ, изъ кухни выбѣжалъ Петръ Лукичъ въ бѣломъ жилетѣ съ торчавшею сбоку рыжею портупеею.

— Мундиръ, мундиръ! давай, давай, Женюшка, ужъ некогда чиститься. Ахъ, Лизанька, извините, другъ мой, что

я въ такомъ видѣ. Бѣгаю по дому, а вы вонъ куда зашли... поди тутъ. Эхъ, Женни, да давай, матушка, что ли!

Пока Женни сняла съ себя мундиръ, отецъ надѣлъ треуголку и засунулъ шпагу, но, надѣвъ мундиръ, почувствовалъ, что эфесу шпаги неудобно находиться подъ полою, снова выдернулъ это смертоносное орудіе и, держа его въ лѣвой рукѣ, побѣжалъ въ училище.

— Пойдемъ, Лиза, я тебя напою шоколадомъ: я давно берегу для тебя палочку; у меня нынче есть отличныя сливки,—сказала Женни, и онѣ пошли въ ея комнату, между тѣмъ какъ Помада юркнулъ за двери и исчезъ за ними.

Черезъ пять минутъ онъ явился въ комнату Евгеніи Петровны, гдѣ сидѣла одна Лиза, и, наклонясь къ ней, прошепталъ:

— «Статскій совѣтникъ Сафьяносъ».

— Что такое-е? — съ удареніемъ и наморщивъ бровки спросила Лиза своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

— Статскій совѣтникъ Сафьяносъ, — опять еще тише прошепталъ Помада.

— Что же это такое? Пароль или лозунгъ такой?

Помада откашлянулся, закрывъ ладонью ротъ, и отвѣчалъ:

— Это ревизоръ.

— Фу, Воже мой, какой вы шутъ, Помада!

Кандидатъ опять кашлянулъ, заслоняя ладонью ротъ, и, увидя Евгенію Петровну, входящую съ чашкою шоколада въ рукахъ, произнесъ гораздо громче:—Статскій совѣтникъ Сафьяносъ.

— Кто это?—спросила, остановясь, Женни.

— Этотъ чиновникъ: онъ только проѣздомъ здѣсь; онъ будетъ ревизовать гимназію, а здѣсь такъ только проѣздомъ посмотритъ,—отвѣчалъ Помада.

Гловацкая, подавъ Лизѣ сухари, исправлявшіе должность бисквитовъ, принесла шоколаду себѣ и Помадѣ. Въ комнатѣ началась сперва бесѣда о томъ, о семъ и ни о чемъ, а потомъ о докторѣ. Но лишь только Женни успѣла сказать Лизѣ: «да, это очень гадкая исторія!»—въ комнату вбѣжалъ Петръ Лукичъ, попрежнему держа въ одной рукѣ шпагу, а въ другой шляпу.

— Женни! обѣдъ, обѣдъ!—сказалъ онъ, запыхавшись.

— Еще не готовъ обѣдъ, папа; рано еще, — отвѣчала Женни, ставя торопливо свою чашку.

— Ахъ, Боже мой! Что ты это на смѣхъ, что ли, Женни? Я тебѣ говорю, чтобъ былъ хорошій обѣдъ, что ревизоръ у насъ будетъ обѣдать, а ты толкуешь, что не готовъ обѣдъ. Эхъ, право!

— Хорошо, хорошо, папа, я не поняла.

— То-то «не поняла». Есть когда разсказывать.

Смотритель опрометью бросился изъ дома.

— Боже мой! что я дамъ имъ обѣдать? Когда теперь готовить?—говорила Женни, находясь въ затруднительномъ положеніи дочери, желающей угодить отцу, и хозяйки, обязанной не ударить лицомъ въ грязь.

— Женни! Женни! — кричалъ снова вернувшійся съ крыльца смотритель:—пошли кого-нибудь... да и послать-то некого... Ну, сама сходи скорѣе къ Никону Родивонычу въ лавку, возьми вина... разнаго вина и получше: каркавелло, хересу, кагору бутылочки двѣ и того... полушампанскаго... Или, чортъ знаетъ ужъ, возьми шампанскаго. Да сыру, сыру, пожалуйста, возьми. Они сыръ любятъ. Возьми швейцарскаго, а не голландскаго, хорошаго, поноздреватѣе который бери, да чтобы слезы въ ноздряхъ-то были. Съ слезой, непремѣнно съ слезой.

— Хорошо, папа, сейчасъ пойду. Вы только не безпокойтесь.

— Да... да того... что это, бишь, я хотѣлъ сказать?.. Да! изъ приходскаго-то училища учителя вели позвать, только чтобы одѣлся онъ.

— Онъ рыбу пошелъ удить, я его встрѣтилъ,—проговорилъ Помада.

— Рыбу удить! О, Господи! что это за человѣкъ такой! Ну, хоть отца дьякона: онъ все-таки еще законоучитель. Сбѣгайте къ нему, Юстинъ Феликсовичъ.

— А того... Что, бишь, я тоже хотѣлъ?.. Да! Женичка! А Зарницынъ-то хорошъ? Нѣту, всякій понедѣльникъ его нѣту, съ самой весны зарядилъ. О, Боже мой! что это за люди!

Петръ Лукичъ бросился въ залу, заправляя въ десятый разъ свою шпагу въ портупею. Шпага не лѣзла въ свернувшуюся мочку. Петръ Лукичъ сдѣлалъ усиліе, и кожаная мочка портупеи шлепнулась на полъ. Смотритель отчаянно крикнулъ:

— Эхъ, Женни! тоже осматривала!..—швырнулъ на полъ шпагу и выбѣжалъ за двери безъ оружія.

Какъ только смотритель вышелъ за двери, Лиза расхохоталась и сказала:

— Проклятый купчишка Абдулинъ! Не видитъ, что у городничаго старая шпага!

Женни тоже было засмѣялась, но при этомъ сравненіи, хотя сказанномъ безъ злого умысла, но не совсѣмъ кстати, сдѣлалась серьезною и незамѣтно подавила тихій дѣвичій вздохъ.

Лиза прочитала болѣе десяти печатныхъ листовъ журнала, прежде чѣмъ раскраснѣвшаяся отъ стоянія у плиты Женни вошла и сказала:

— Ну, слава Богу: все будетъ въ порядкѣ.

Помада объявилъ, что будетъ и дьяконъ, и докторъ, котораго онъ пригласилъ по желанію Женни.

Въ четыре часа въ передней послышался шумъ. Это входили Гловацкій, Саренко, Вязмитиновъ и Сафьяносъ.

— Пузаносто, пузаносто, не безпокойтесь пузаносто,— раздался изъ передней незнакомый голосъ.

Женни вышла въ залу и стала какъ хозяйка.

Входилъ невысокій, толстенькій человѣкъ, лѣтъ пятидесяти, съ орлинымъ носомъ, черными глазами и кухмистерской рожей.

Вообще грекъ по всѣмъ правиламъ греческой механики и архитектуры. Одѣтъ онъ былъ въ мундирный фракъ министерства народнаго просвѣщенія.

Это былъ ревизоръ, статскій совѣтникъ Апостолъ Аскритовичъ Сафьяносъ. За нимъ шелъ самъ хозяинъ, потомъ Вязмитиновъ, потомъ дьяконъ Александровскій въ новой рясѣ съ необъятными рукавами и потомъ уже сзади всѣхъ учитель Саренко.

Саренкѣ было на видъ за пятьдесятъ лѣтъ; онъ былъ какая-то глыба грязнаго снѣга, въ которой ничего нельзя было разобрать. Самъ онъ былъ великъ и толстъ, но лицо у него казалось еще болѣе всего туловища. Съ полъ-аршина длины было это лицо, при столь же соразмѣрной ширинѣ, но не было на немъ ни слѣда мысли, ни знака жизни. Свиные глазки тонули въ немъ, ничего не выражая, и самою замѣчательною особенностію этой головы была ея странная растительность. Ни на вискахъ, ни на темени у Саренки не было ни одной волосинки и только изъ-подъ воротника по затылку откуда-то выползала довольно черная косица,

которую педагогъ разстилалъ по всей головѣ и въ видѣ лавроваго вѣнка соединялъ ея концы надъ низенькимъ лбомъ. Кто-то распустилъ слухъ, что эта косица вовсе не имѣетъ своего начала въ головѣ Саренки, но что у него есть очень хорошій, густой хвостъ, который педагогъ укладываетъ кверху вдоль своей спины и конецъ его выпускаетъ подъ воротникъ и разстилаетъ по черепу. Многіе очень серьезно вѣрили этому довольно сомнительному сказанію и разспрашивали цырюльника Козлова о всѣхъ подробностяхъ Саренкинаго хвоста.

Итакъ, гости вошли, и Петръ Лукичъ представилъ Сафьяносу дочь, причемъ тотъ не по чину съежился, и, взглянувъ на роскошный бюстъ Женни, сжалъ кулаки и засосалъ по-гречески губу.

— Оцэнь радъ, цто слуцай позволяетъ мнэ имѣть такое знакомство, — заговорилъ Сафьяносъ.

Женни вскорѣ вышла и вслѣдъ затѣмъ подали холодную закуску, состоявшую изъ полотка, ветчины, редиски и сыра съ слезами въ ноздряхъ.

— Пожалуйте, ваше превосходительство! — просилъ Гловацкій.

— Мозно! мозно, адмиральтэйскій цасъ ударилъ.

— Давно ударилъ, ваше превосходительство, — бойко отвѣчалъ своимъ бархатнымъ басомъ развязный Александровскій.

— Вы какую кушаете, ваше превосходительство?—спрашивалъ тихимъ, покорнымъ голосомъ Саренко, держа въ рукахъ графинчикъ.

— Этуо это такое?

— Это рябиновая,—такъ же отвѣчалъ Саренко.

— Нэтъ, я не пью рябиновая.

— Нехороша, ваше превосходительство, — еще покорнѣе разсуждалъ Саренко: — точно, водка она безвредная, но не во всякое время, и, поставивъ графинъ съ рябиновой, взялся за другой.

— Рябиновая слабитъ, — замѣтилъ басомъ Александровскій: — а вотъ мятная, та крѣпитъ, и калгановка тоже крѣпитъ.

— Это справедливо, — точно высказывая государственный секретъ, замѣтилъ опять Саренко, наливая рюмку его превосходительству.

Когда Лиза съ Женни вышли къ парадно-накрытому въ залѣ столу, мужчины уже значительно повеселѣли.

Кромѣ лицъ, вошедшихъ въ домъ Гловацкаго вслѣдъ за Сафьяносомъ, теперь въ залѣ былъ Розановъ. Онъ былъ въ довольно поношенномъ, но ловко сшитомъ форменномъ фракѣ, тщательно выбритый и причесанный, но очень странный. Смирно и потерянно, какъ семинаристъ въ помѣщичьемъ домѣ, стоялъ онъ, скрестивъ на груди руки, у одного окна залы, и по лицу его то тамъ, то сямъ безпрестанно проступали пятна.

Женни подошла къ нему и съ участіемъ протянула свою руку. Докторъ неловко схватилъ и крѣпко пожалъ ея руку, еще неловче поклонился ей передъ самымъ носомъ, и красныя пятна еще сильнѣе забѣгали по его лицу.

Лиза ему очень сухо поклонилась, держа передъ собою стулъ.

Отвѣчая на этотъ сухой поклонъ, докторъ побагровѣлъ всплошную.

Сѣли за столъ.

Женни сѣла въ концѣ стола, Петръ Лукичъ на другомъ. Съ правой стороны Женни помѣстился Сафьяносъ, а за нимъ Лиза.

— Между двухъ прекрасныхъ розъ,—проговорилъ Сафьяносъ, разстилая на колѣняхъ салфетку и стараясь опредѣлить пріятность своего положенія между дѣвушками.

Женни, наливая тарелку супу, струсила, чтобы Лиза не отозвалась на эту любезность словомъ, неотвѣчающимъ обстоятельствамъ, и взглянула на нее со страхомъ, но опасенія ея были совершенно напрасны.

Лиза съ веселой улыбкой приняла изъ рукъ Сафьяноса переданную ей тарелку и ласково сказала: merci.

— Я много слисалъ о васемъ папинькѣ,—началъ, обращаясь къ ней, Сафьяносъ:—они много заботятся о просвисеніи и завтра непремѣнно хочу къ нимъ визитъ сдѣлать.

— Папа теперь дома,—отвѣчала Лиза, и разговоръ нѣсколько времени шелъ въ этомъ тонѣ.

Однако, Сафьяносъ, сидя между двумя розами, не забылъ удостоить своимъ вниманіемъ и подчиненныхъ.

— Оцэнь созалѣю, оцэнь созалѣю, отецъ дьяконъ, цто вы оставляетэ уцилиссе, — отнесся онъ къ Александровскому.—Хуць минэ некогда было смотрѣть самому, ну, насъ

почтенный хозяинъ рекомэндуетъ васъ съ самой лестной стороны.

— Да, покидаю, покидаю. Линія такая подошла, ваше превосходительство, — отвѣчалъ дьяконъ съ развязностью русскаго человѣка передъ сильнымъ лицомъ, которое, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, отнынѣ уже не можетъ попробовать на немъ своей силы.

— Можетъ быть, тамъ тоже захотите заняться?

— Преподаваніемъ? О, нѣтъ! Тамъ уже некогда. То недѣлю нужно править, а тамъ архіерейское служеніе. Нѣтъ, тамъ ужъ не до того.

— Да, да: это точно.

— Въ гору пошелъ нашъ отецъ дьяконъ, — замѣтилъ, относясь къ Сафьяносу, Саренко.

— Да что-зъ! Талантъ усигда найдетъ дорогу.

— И чудесно это какъ случилось,—заговорилъ Александровскій:— за первенствующаго послѣ смерти протодьякона Павла Дмитріевича ѣздилъ по епархіи Савва Благостынскій. Ну, и всѣ говорили, что онъ будетъ настоящимъ протодьякономъ. Такъ всѣ и думали, и полагали на него. А тутъ пріѣхали владыко къ намъ, литургисаютъ въ соборѣ; меня регентъ Омофоровъ вторствующимъ назначилъ. Ну, я и дѣйствовалъ; при облаченіи еще даже довольно, могу сказать, себя показалъ, а Апостолъ я сталъ чести, Благостынскій и совсѣмъ оробѣлъ. — Александровскій разсмѣялся и потомъ серьезно добавилъ: — Регентъ Омофоровъ тутъ же на закускѣ у Никона Родивоновича сказалъ: «нѣтъ, говоритъ, ты, Благостынскій, швахъ». А тутъ и владычное предписаніе пришло, что быть мнѣ протодьякономъ на мѣсто покойнаго Павла Дмитріевича.

— Тссссъ, сказытэ пузаноста!—воскликнулъ Сафьяносъ, качая головою.

— Лестно!—произнесъ Саренко.

— Да! — да вѣдь что пріятно-то? — вопрошалъ Александровскій: — то пріятно, что безъ всякихъ это протекцій. Конечно, регенту нужно что-нибудь, презентикъ какой-нибудь этакой, а все же вѣдь прямо могу сказать, что не по искательству, а по заслугамъ отличенъ и почтенъ.

— Ну, конецно, конецно,—подтвердилъ Сафьяносъ.

Уже доѣдали жаркое, и Женни уже волновалась не подожгла бы Пелагея «кудри», которые должны были явиться

на столъ подъ малиновымъ вареньемъ, какъ въ окно залы со вздохомъ просунулась лошадиная морда, а съ сѣдла веселый голосъ крикнулъ: «хлѣбъ да соль».

Всѣ оглянулись и увидѣли Зарницына.

Онъ сидѣлъ на прекрасной, смѣлой лошади и держалъ у козырька руку въ красножелтой лайковой перчаткѣ.

Увидя чужого человѣка, Зарницынъ догадался, что происходитъ что-то особенное, и отъѣхалъ.

Черезъ минуту онъ картинно вошелъ въ залу въ коротенькой жакеткѣ и съ изящнымъ хлыстикомъ въ огненной перчаткѣ.

Кромѣ дьякона и Лизы, всѣ почувствовали себя очень неловко при входѣ Зарницына, который въ передней успѣлъ мимоходомъ спросить о гостѣ, но, нимало не стѣсняясь своей подчиненностью, бойко подошелъ къ Женни, потомъ пожалъ руку Лизѣ и, наконецъ, изящно и развязно поклонился Сафьяносу.

— Оцэнъ радъ, — произнесъ Сафьяносъ торопливо, протягивая свою руку.

— Зарницынъ, учитель математики, — счелъ нужнымъ отрекомендовать его Гловацкій.

Сафьяносъ хотѣлъ принять начальственный видъ, даже думалъ потянуть назадъ свою пухлую греческую руку, но эту руку Зарницынъ уже успѣлъ пожать, а въ начальственную форму лицо Сафьяноса никакъ не складывалось по милости двухъ розъ, любезно поздоровавшихся съ учителемъ.

— Мнѣ очень мило, — началъ Зарницынъ: — мнѣ очень мило, хоть теперь, когда я уже намѣренъ оставить родъ моей службы, засвидѣтельствовать вамъ мое сочувствіе тѣ реформы, которыя хотя слегка, но начинаютъ уже чувствоваться по нашему учебному округу.

«Цортъ возьми,— думалъ Сафьяносъ, — еще онъ мнѣ сочувствія изъявляетъ!»—Но сказалъ только.—Я самъ оцэнъ радъ сблизиться съ насыми сотовариссами.

— Да, настала пора взаимодѣйствія, пора, когда и голова, и сердце понимаютъ, что для правильности ихъ отправленій нужно, чтобы правильно дѣйствовалъ желудокъ. Именно, чтобы правильно дѣйствовалъ желудокъ, чтобы былъ здоровъ желудокъ.

— Желудокъ всему голова,—подтвердилъ дьяконъ.

— Я, пока служилъ, всегда говорилъ это всѣмъ, что верх-

ніе безъ нижнихъ ничего не сдѣлаютъ. Ничего не сдѣлаютъ верхніе безъ нижнихъ; я и теперь, разставаясь съ службой, утверждаю, что безъ нижнихъ верхніе ничего не сдѣлаютъ.

Зарницынъ ловко закинулъ руку за спинку стула, поставленнаго нѣсколько въ сторонѣ отъ Сафьяноса, и щелкнулъ себя по самому хлыстикомъ.

— Стуо-зъ, вы развѣ увольняетесь?—спросилъ Сафьяносъ.

— Я сегодня буду имѣть честь представить вамъ прошеніе о своемъ увольненіи,— граціозно кланяясь, отвѣтилъ Зарницынъ.

Саренко тихо кашлянулъ и смялъ въ боковомъ карманѣ тщательно сложенный листикъ, на которомъ было кое-что написано про учителя математики, и разгладилъ по темени концы своего хвоста.

— Стуо-зъ типэрь карьеры отличныя,—уже совсѣмъ либерально замѣтилъ Сафьяносъ.

— Я не ищу карьеры. Теперь каждому человѣку много дѣятельности открывается и внѣ службы.

— Да, эти компаніи.

— И безъ компаній.

— Стуо-зъ вы хотите?

Зарницынъ пожалъ многозначительно плечами, еще многозначительнѣе улыбнулся и произнесъ:

— Дѣло у каждаго изъ насъ на всякомъ мѣстѣ, возлѣ насъ самихъ,—и, вздохнувъ гражданскимъ вздохомъ, добавилъ:—именно возлѣ насъ самихъ, дѣло повсюду, повсюду дѣло ждетъ рукъ, доброй волй и умѣнья.

— Это тоцно,—отвѣтилъ Сафьяносъ, не понимающій, что онъ говоритъ и что за странное такое обращеніе допускаетъ съ собою.

— Но нужны, ваше превосходительство, и учители, и учители тоже нужны: это фактъ. Я былъ бы очень счастливъ, если бы вы мнѣ позволили рекомендовать вамъ на мое мѣсто очень достойнаго и способнаго молодого человѣка.

— Я усигда готовъ помочь молодымъ людямъ, ну только это полозено типэрь съ согласіемъ близайсаго нацальства дѣлать.

— Ближайшее начальство вотъ—Петръ Лукичъ Гловацкій. Петръ Лукичъ! вы желали бы, чтобы мое мѣсто было отдано Юстину Феликсовичу?

— Да, я буду очень радъ.

— И я буду рада,— весело сказала Лиза.

— И вы?—оскаливъ зубы, спросилъ Сафьяносъ.

— И я тоже, — сказала съ другой стороны закраснѣвшись Женни.

— И вы?—осклабляясь въ другую сторону, спросилъ ревизоръ и, тотчасъ же мотнувъ головою, какъ ужъ, въ обѣ стороны, произнесъ: — Ну, поздравьте васего протязе съ мѣстомъ.

— Поздравляю! — сказала Лиза, указывая пальцемъ на Помаду.

Въ шкапу была еще бутылка шампанскаго и ее сейчасъ же роспили за новое мѣсто Помады.

Сафьяносъ первый поднялъ бокалъ и проговорилъ:

— Поздравляю васъ, господинъ Помада, — чокнулся съ нимъ и съ обѣими розами, также державшими въ своихъ рукахъ по бокалу.

— Вотъ случай!—шепталъ кандидатъ, толкая Розанова:— выпей же хоть бокалъ за меня.

— Отстань, не могу я пить ничего,—отвѣчалъ Розановъ.

Въ числѣ различныхъ практическихъ и непрактическихъ странностей, придуманныхъ англичанами, нельзя совершенно отрицать цѣлесообразность обычая, предписывающаго дамамъ послѣ стола удаляться отъ мужчинъ.

Наши дѣвицы очень умно поступили, отправившись тотчасъ послѣ обѣда въ укромную голубую комнату Женни, ибо даже самъ Петръ Лукичъ черезъ часъ послѣ обѣда вошелъ къ нимъ съ неестественными розовыми пятнышками на щекахъ и до крайности умильно восхищался простотою обхожденія Сафьяноса.

— Не узнаю начальственныхъ лицъ: простота и благодушіе!—восклицалъ онъ.

Было уже около шести часовъ вечера, на дворѣ потеплѣло и показалось солнце.

Ученое общество продолжало благодушествовать въ залѣ. Съ каждымъ новымъ стаканомъ Сафьяносъ все болѣе и болѣе вовлекался въ свою либеральную роль и имъ овладѣвалъ хвастливый бѣсъ многорѣчія, любящій всѣ пьяныя головы вообще, а греческія въ особенности.

Сафьяносъ уже вволю навралъ объ Одессѣ, о греческомъ клубѣ, о предполагаемыхъ реформахъ по министерству, о стремленіи начальства сблизиться съ подчиненными и о

своихъ собственныхъ многосторонникъ занятіяхъ по округу и по ученымъ обществамъ, которыя избрали его своимъ членомъ.

Всѣ благоговѣйно слушали и молчали. Изрѣдка только Зарницынъ или Саренко вставляли какое-нибудь словечко.

Выбравъ удобную минуту, Зарницынъ всталъ и, отведя въ сторону Вязмитинова, сказалъ:

— Добрыя вѣсти.

— Что такое?

Зарницынъ вынулъ листокъ почтовой бумаги и показалъ нѣсколько строчекъ, въ которыхъ было сказано: «У насъ ужъ на фабрикахъ и въ казармахъ вездѣ поютъ эту пѣсню. Посылаю вамъ ея сто экземпляровъ и сто программъ адреса. Распространяйте, и т. д.».

— И это все опять по почтѣ?

— По почтѣ,—отвѣчалъ Зарницынъ и разсмѣялся.

— Что жъ ты будешь дѣлать?

— Пускать, пускать надо.

— Вѣдь это одно противъ другого пойдетъ.

— Ничего, теперь всѣ во всемъ согласны.

— Ты сегодня совсѣмъ весь толкъ потерялъ.

— Разсказывай,—отвѣчалъ Зарницынъ.

— Хоть съ Сафьяносомъ-то будь поосторожнѣе.

— Э! вздоръ! Теперь ихъ ужъ нечего бояться: ихъ надо шевелить, шевелить надо.

Между тѣмъ изъ-за угла показался высокій отставной солдатъ. Онъ былъ босикомъ, въ прежней солдатской фуражкѣ, тарелочкой, въ синей пестрядинной рубашкѣ на выпускъ и въ мокрыхъ холщевыхъ портахъ, закатанныхъ выше колѣнъ. На плечѣ солдатъ несъ три длинныя, гнуткія удилища, съ правильно раскачивавшимися на волосяныхъ лесахъ поплавками и бечевку съ нанизанными на ней карасями, подъязками и плотвой.

— Стуо у васъ много рыбы? — освѣдомился Сафьяносъ, взглянувъ на солдата.

— Есть-съ рыба,—таинственно отвѣтилъ Саренко.

— И какъ она... то-есть, я хочу это знать... для русскаго географическаго обсества. Это оцэнъ вазно, оцэнъ вазно въ географическомъ относеніи.

— И въ статистическомъ,—подсказалъ Зарницынъ.

— Да, и въ статистическомъ. Я бы дазэ хотѣлъ самъ поразспросить этого рыбаря.

— Служба! служба! — поманулъ въ окно угодливый Саренко.

Солдатъ подошелъ.

— Стань, милый, поближе; тебя генералъ хочетъ спросить.

Услыхавъ слово «генералъ», солдатъ положилъ на траву удилища, снялъ фуражку и вытянулся.

— Стуо ты поньмаесъ рыба?—спросилъ Сафьяносъ.

— Понимаю, ваше превосходительство!—твердо отвѣчалъ воинъ.

— Какую ты больсе поньмаесъ рыбу?

— Всякую рыбу понимаю, ваше превосходительство!

— И стерлядь поньмаесъ?

— И стерлить могу понимать, ваше превосходительство.

— Будто и стерлядь поньмаесъ?

— Понимаю, ваше превосходительство: длинная этакая рыба и съ носомъ,—шиловатая вся. Скусная самая рыба.

— Гм! Ну, а когда ты болсе поньмаесъ?

Солдатъ, растопыривъ врозь пальцы и подумавъ, отвѣчалъ:

— Всегда равно понимаю, ваше превосходительство!

— Гм! И зимою дозэ поньмаесъ?

Солдатъ вовсе потерялся и, выставивъ впередъ ладони, какъ будто держитъ на нихъ передъ собою рыбу, нерѣшительно произнесъ:

— Намъ, ваше превосходительство, такъ показывается, что все единственно рыба, что лѣтомъ, что зимой, и завсегда мы ее одинаково понимать можемъ.

Сафьяносъ далъ солдату за это статистическое свѣдѣніе двугривенный и тотчасъ же занотовалъ въ своей записной книгѣ, что по рѣкѣ Саванкѣ во всякое время года въ изобиліи ловится всякая рыба и даже стерлядь.

— Это все оцэнъ вазно,—замѣтилъ онъ и изъявилъ желаніе взглянуть на самые рыбные затоны.

Затоновъ на Саванкѣ никакихъ не было и удильщики ловили рыбу по колдобинкамъ, но все-таки тотчасъ достали двувесельную лодку и всѣмъ обществомъ поѣхали вверхъ по Саванкѣ.

Докторъ и Вязмитиновъ понимали, что Сафьяносъ и глупъ, и хвастунъ; остальные не осуждали начальство, а Зарницынъ слушалъ только самого себя.

Лодка доѣхала до самаго Разинскаго оврага, откуда пу-

гачъ, сидя надъ черной разсѣлиной, привѣтствовалъ ее крикомъ: «шуты, шуты!» Отсюда лодка поворотила. На дворѣ стояла ночь.

По отъѣздѣ ученой экспедиціи, Пелагея стала мести залу и готовить къ чаю, а Лиза сѣла у окна и, глядя на рѣчную луговину, крѣпко задумалась. Она не слыхала, какъ Женни поставила передъ нею глубокую тарелку съ лѣсными орѣхами и ушла въ кухню готовить новую кормежку.

Лиза все сидѣла какъ истуканъ. Можно было поручиться, что она не видала ни одного предмета, бывшаго передъ ея глазами, и если бы судорожное подергиванье бровей, по временамъ, не нарушало мертвой неподвижности ея безжизненно блѣднаго лица, то можно было бы подумать, что ее хватилъ столбнякъ или она такъ застыла.

— Аахъ! — простонала она, выведенная изъ своего состоянія донесшимся до нея изъ Разинскаго оврага зловѣщимъ крикомъ пугача и, смахнувъ со лба тяжелую думу, машинально разгрызла одинъ орѣхъ и столь же машинально перегрызла цѣлую тарелку, прежде чѣмъ цапля, испуганная подъѣзжающей лодкой, поднялась изъ осоки и тяжело замахала своими длинными крыльями по синему ночному небу.

— И это люди называются! И это называется жизнь, это среда!—прошептала Лиза при приближеніи лодки и, хрустнувъ пальцами, пошла въ комнату Женни.

Пили чай; затѣмъ Сафьяносъ, Петръ Лукичъ, Александровскій и Вязмитиновъ усѣлись за пульку. Зарницынъ явился къ Евгеніи Петровнѣ въ кухню, гдѣ въ это время сидѣла и Лиза. За нимъ вскорѣ явился Помада и еще чрезъ нѣсколько минутъ тихонько вошелъ докторъ.

Странно было видѣть нынѣшнюю застѣнчивость и робость Розанова въ домѣ, гдѣ онъ былъ всегда милымъ гостемъ и держался безъ церемоніи.

— Не мѣшаемъ мы вамъ, Евгенія Петровна? — застѣнчиво спросилъ онъ.

— Вы—нѣтъ, докторъ, а вотъ Алексѣй Павловичъ тутъ толчется и никакъ его выжить нельзя.

— Погодите, Евгенія Петровна, погодите! будетъ время, что и обо мнѣ поскучаете!—шутилъ Зарницынъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ, куда это вы отъ насъ уходите?

— Землю пахать, пахать землю, Евгенія Петровна. Надо дѣло дѣлать.

— Гдѣ жъ это вы будете пахать? Мы пріѣдемъ посмотрѣть, если позволите.

— Пожалуйста, пожалуйста.

— Вы въ перчаткахъ будете пахать?—спросила Лиза.

— Зачѣмъ? Онъ чужими руками все вспашетъ,—проронилъ Розановъ.

— А ты, Гамлетъ, весь день молчалъ и то заговорилъ.

— Да ужъ очень ты занятенъ нынче.

— Погоди, братъ, погоди,—будетъ время, когда ты перестанешь смѣяться; а теперь прощайте, я нарочно фуражку въ карманѣ вынесъ, чтобы уйти незамѣченнымъ.

Женни удерживала Зарницына, но онъ не остался ни за что.

— Дѣло есть, не могу, ни за что не могу.

— Чья это у тебя лошадь? — спросилъ его, прощаясь, докторъ.

— А что?

— Такъ, ничего.

— Хорошій конь. Это я у Катерины Ивановны взялъ.

— У Кожуховой?

— Да.

— Купилъ?

— Н...нѣтъ, такъ... пока взялъ.

Зарницынъ вышелъ и черезъ нѣсколько минутъ по двору послышался легкій топотъ его быстрой арабской лошади.

— Что это онъ за странности дѣлаетъ сегодня?—спросила Женни.

— Онъ женится,—спокойно отвѣчалъ докторъ.

— Какъ женится?

— Да вы развѣ не видите? Посмотрите, онъ скоро женится на Кожуховой.

— На Кожуховой! — переспросила, расширивъ удивленные глаза, Женни.—Этого не можетъ быть, докторъ.

— Ну, вотъ увидите: она его недаромъ выпускаетъ на своей лошади. А то гдѣ жъ ему землю-то пахать.

— Ей сорокъ лѣтъ.

— Потому-то она и женитъ его на себѣ.

— Любви всѣ возрасты послушны,—проговорилъ Помада.

Женни и Лиза иронически улыбнулись, но эти улыбки нимало не относились къ словамъ Помады.

— Экая все мразь! — подумала, закусивъ губы, Лиза и

гораздо ласковѣе взглянула на Розанова, который, при всей своей распущенности, все-таки болѣе всѣхъ подходилъ, въ ея понятіяхъ, къ человѣку. Въ его натурѣ сохранилось много простоты, искренности, задушевности, безхитростности и въ то же время живой русской смѣтки, которую онъ самъ называлъ мошенническою философіею. Правда, у него не было недостатка въ нѣкоторой рѣзкости, доходящей иногда до nec plus ultra, но о бокъ съ этимъ у него порою шла нѣжнѣйшая деликатность. Онъ былъ неуступчивъ и неспособенъ обидѣть первый никого. Вязмитиновъ давно не нравился Лизѣ. Она не знала о немъ ничего дурного, но во всѣхъ его движеніяхъ, въ его сосредоточенности и сдержанности для нея было что-то непріятное. Она говорила себѣ, что никто никогда не узнаетъ, что этотъ человѣкъ когда сдѣлаетъ. Глядя теперь на покрывшееся пятнами лицо доктора, ей стало жаль его, едва ли не такъ же нѣжно жаль, какъ жалѣла его Женни, и докторшѣ нельзя было бы посовѣтовать заговорить въ эти минуты съ Лизою.

— Гдѣ эта лодка, на которой ѣздили?—спросила Лиза.

— Тутъ у берега,—отвѣчалъ докторъ.

— Я хотѣла бы проѣхаться. Вы умѣете грести?

— Умѣю.

— И я умѣю,—вызвался Помада.

Лиза встала и пошла къ двери. За нею вышли докторъ и Помада.

У самаго берега Лиза остановилась и, обратясь къ кандидату, сказала:

— Ахъ, Юстинъ Феликсовичъ, вернитесь, пожалуйста, попросите мнѣ у Женни большой платокъ, — сыро что-то на водѣ.

Помада пустился бѣгомъ въ калитку, а Лиза, вспрыгнувъ въ лодку, сказала:

— Гребите.

— А Помада?

— Гребите,—отвѣчала Лиза.

Докторъ ударилъ веслами, и лодочка быстро понеслась по теченію, безпрестанно шурша выпуклыми бортами о прибрежный тростникъ извилистой Саванки.

— Гу-гу-гу-у-ой-іой-іой! — далеко уже за лодкою простоналъ овражный пугачъ, а лодка все неслась по те-

ченію и тишина окружающей ее ночи не нарушалась ни однимъ звукомъ, кромѣ мѣрныхъ ударовъ веселъ и тонкаго серебрянаго плеска отъ падающихъ вслѣдъ за ударомъ брызговъ.

Доѣхавъ до лѣса, Лиза сказала:

— Вернемтесь.

Докторъ залаптилъ лѣвымъ весломъ и, повернувъ лодку, сталъ грести противъ воды съ удвоенною силою.

На небѣ уже довольно высоко проглянула луна. Она играла по мелкой ряби бѣгущей рѣчки и сквозь воду эффектно освѣщала безчисленныя мели, то покрытыя водорослями, то тѣневыми наслоеніями струистаго ила.

Лицо доктора было въ тѣни, лицо же Лизы было ярко освѣщено полною луною.

— Докторъ!—позвала Лиза послѣ долгаго молчанія.

— Что прикажете, Лизавета Егоровна? — отозвался Розановъ.

— Я хочу съ вами поговорить.

Розановъ гребъ и ничего не отвѣтилъ.

— Я хочу говорить съ вами о васъ самихъ,—пояснила Лиза.

Отвѣта снова не было, но усиленный ударъ гребца сказалъ за него: «да, я такъ и думалъ».

— Вы слушаете, по крайней мѣрѣ?—спросила Лиза.

— Я все слышалъ.

— Что, вамъ очень хочется пропасть тутъ? Вѣдь такъ жить нельзя, какъ вы живете...

— Я это знаю.

— Или по-вашему выходитъ, что еще можно?

— Нѣтъ, я знаю, да только...

— Что только?

— Дѣться некуда.

— Ну, это другой вопросъ. Прежде всего вы глубоко убѣждены въ томъ, что *такъ* жить, какъ *вы* живете, *при вашей обстановкѣ* и при вашемъ характерѣ, жить невозможно?

— Позвольте, Лизавета Егоровна...—послѣ короткой паузы началъ было докторъ; но Лиза его прервала.

— Вы хотите потребовать отъ меня отчета, по какому праву я завела съ вами этотъ разговоръ? По такому же

точно праву, по какому вы помѣшали мнѣ когда-то ночевать въ нетопленомъ домѣ.

— Да нѣтъ, напрасно вы объ этомъ говорите. Я совсѣмъ не о томъ хотѣлъ спросить васъ.

— О чемъ же?

— О томъ, что если вы намѣрены коснуться въ вашихъ словахъ извѣстнаго вамъ скандальнаго событія, то, умоляю васъ, имѣйте ко мнѣ жалость,—оставьте это намѣреніе.

— Фуй! Съ чего это вы взяли? Какъ будто это пошлое событіе само по себѣ имѣетъ такую важность...

— Скандалъ.

— Дѣло не въ скандалѣ, а въ томъ, что вы пропадаете, тогда какъ, мнѣ кажется... я, можетъ-быть, и ошибаюсь, но, во всякомъ случаѣ, *мнѣ кажется*, что вы еще можете быть очень полезны.

— Я разбитъ совсѣмъ.

— Для этого-то и нужно, чтобы вы были нѣсколько въ лучшемъ положеніи; чтобы вы были спокойнѣе, счастливѣе: чтобы ваша жизнь наполнялась чѣмъ-нибудь годнымъ.

— Моя жизнь прошла.

— Ну, это хандра и ничего болѣе.

— Нѣтъ ужъ... Энергія моя пропала.

— Тѣмъ настоятельнѣе нужно спасаться.

— Какъ? гдѣ спасаться? отъ кого? Отъ домашнихъ враговъ спасенья нѣтъ.

— Какой вы вздоръ говорите, докторъ! Вы сами себѣ первый врагъ.

— А отъ себя не уйдешь, Лизавета Егоровна.

— Ну, значитъ, и говорить не о чемъ, — вспыльчиво сказала Лиза, и на ея эффектно освѣщенномъ луною молодомъ личикѣ по мѣстамъ намѣтились черты матери Агніи.

— Чортъ знаетъ, что это, въ самомъ дѣлѣ, за проклятіе лежитъ надъ людьми этой благословенной страны! — проговорила она сама къ себѣ послѣ нѣкотораго раздумья.

Она сердилась на неловкій оборотъ, данный разговору, и насупилась. Докторъ, не разъ опускавшій весла при разговорѣ, сталъ грести съ удвоеннымъ стараніемъ.

Проѣхавъ оврагъ, Лиза сказала совсѣмъ другимъ тономъ:

— Мнѣ все равно, что вы сдѣлаете изъ моихъ словъ, но я хочу сказать вамъ, что вы непремѣнно и какъ можно скорѣе должны уѣхать отсюда. Ступайте въ Москву, въ

Петербургъ, въ Парижъ, куда хотите, но не оставайтесь здѣсь. Вы здѣсь скоро... потеряете даже способность сближаться.

— Я не могу никуда уѣхать.

— Отчего это?

— Мнѣ жаль ребенка.

— А при васъ хорошо ребенку?

— Все-таки лучше.

— Старайтесь устроить ребенка, пишите каѳедры, защищайте диссертацію.

— Мнѣ и ее жаль.

— Кого?

— Ее... жену.

Лиза сдѣлала презрительную гримасу и сказала:

— Это даже смѣшно, Дмитрій Петровичъ.

— Да, я знаю, что смѣшно и даже, можетъ быть, глупо.

— Можетъ быть,—отвѣчала Лиза.

— Что-жъ дѣлать?

— Уѣхать, работать, оставить ее въ покоѣ, заботиться о дѣвочкѣ. Другой міръ, другіе люди, другая обстановка, все это васъ оживитъ. Стыдитесь, Дмитрій Петровичъ! Вы хуже Помады, котораго вы распекаете. Вмѣсто того, чтобы выбиваться, вы грязнете, тонете, пьете водку... фуй!

Докторъ опустилъ весла и закрылъ лицо.

— Вы, кажется, плачете?—спросила Лиза.

— Плачу,—спокойно отвѣчалъ докторъ.

— Это ужъ изъ рукъ вонъ! Что, наконецъ, васъ такъ мучаетъ? Докторъ, докторъ! неужели и вы уже стали ничтожествомъ и въ васъ заглохло все человѣческое?

Розановъ долго молчалъ и разомъ спокойно поднялъ голову.

— Что?—спросила глядѣвшая на него Лиза.

— Вы правы.

— Такъ ступайте же, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— У меня нѣтъ денегъ.

— Это вздоръ. У меня есть около двухсотъ рублей моихъ собственныхъ и вы меня обидите, если не возьмете ихъ у меня взаймы.

— Нѣтъ, не возьму.

— Я вамъ сказала, что вы меня обидите и лишите права принять со временемъ отъ васъ, можетъ-быть, бо́льшую

услугу.—Такъ уѣдете?—спросила она, вставая, когда лодка причаливала къ берегу.

— Уѣду,—рѣшительно отвѣчалъ Розановъ.

— Ваше слово.

— Да.

На берегу показался Помада, сидящій съ свернутымъ большимъ платкомъ на колѣняхъ.

— И еще...—сказала Лиза тихо и не смотря на доктора:—еще... не пейте, Розановъ. Работайте надъ собой и вы объ этомъ не пожалѣете: все будетъ, все прійдетъ, и новая жизнь, и чистыя заботы, и новое счастье. Я меньше васъ вижу, но удивляюсь, какъ это вы можете не видѣть ничего впереди.

Сказавъ это, Лиза оперлась на руку Помады и, дойдя съ нимъ молча до крыльца, прошла тихонько въ комнату Женни.

Докторъ отправился-было домой, но Вязмитиновъ и Гловацкій, высунувшись изъ окна, упросили его зайти.

Въ залѣ опять былъ Зарницынъ, неожиданно возвратившійся съ нѣсколькими бутылками шампанскаго, которыя просилъ у Гловацкаго позволенія распить.

Общество было на-веселѣ и продолжалась картежная игра.

Сафьяносъ либеральничалъ съ Зарницынымъ и, по временамъ, обращаясь къ Помадѣ, говорилъ:

— Вы, господинъ Помада, подумайте о васемъ слузэніи. Я вамъ ввѣряю постъ, господинъ Помада, вы долзны руководить дѣтей къ цести: тэпэрь такое время.

— Именно такое время,—подтверждалъ Зарницынъ.

Докторъ сѣлъ у стола, и семинаристъ философскаго класса, взглянувъ на Розанова, могъ бы написать отличную задачку о внутреннемъ и внѣшнемъ человѣкѣ. Здѣсь былъ только зоологическій Розановъ, а былъ еще гдѣ-то другой, безплотный Розановъ, который леталъ то около дѣтской кроватки съ голубымъ ситцевымъ занавѣсомъ, то около постели, на которой спала женщина съ расходящимися бровями, дерзостью и эгоизмомъ на недурномъ, но искаженномъ злостью лицѣ, то бродилъ по необъятной пустынѣ, ловя какой-то неясный женскій образъ, возлѣ котораго ему хотѣлось упасть, зарыдать, выплакать свое горе и, вставши по одному слову на ноги, начать на-ново жизнь сознательную, съ безтрепетнымъ концомъ въ пятомъ актѣ драмы.

А зоологическій Розановъ машинально наливалъ себѣ пятый стаканъ хересу и молча сидѣлъ, держа на рукахъ свою отяжелѣвшую голову.

Когда далеко летавшій Розановъ возвратился въ себя, онъ не узналъ своего жилища: тамъ былъ чадъ, сквозь который все представлялось какъ-то безобразно и чувствовалась неудержимая потребность лично вмѣшаться въ это безобразіе и сдѣлать еще безобразнѣе.

— Стуо мнѣ! стуо мнѣ моздно сдѣлать! — восклицалъ Сафьяносъ, многозначительно засосавъ губу: — у мэнэ есть свой король, свое правительство. Я всегда могу писать король Оттонъ. Стуо мнэ! Наса сторона, хоросая сторона.

— У васъ маслины все ѣдятъ,—замѣтилъ Розановъ.

— Да. У насъ усе, усе растетъ. У насъ рыба усякая, камбола такая, съ изюмомъ.

— Больше все однѣ маслины жрутъ съ провансскимъ масломъ.

— Да, и барабанское масло, и мазулины, усе у насъ, въ нассй сторонѣ. Я сицасъ могу туда ѣхать. Я слузылъ въ балаклавская баталіонъ, но сицасъ могу ѣхать. Я имѣю цинъ и мундиръ, но сицасъ могу ѣхать.

— Тамъ на тебя юбку надѣнутъ, — вставилъ Розановъ и засмѣялся.

Сафьяносъ обидѣлся, хозяинъ и гости стѣснились отъ этой неожиданной фамильярности.

— У насъ каздый целовѣкъ усигда мозетъ...

— Юбка носить, ха, ха, ха. Вотъ, господа, хорошъ онъ будетъ въ юбкѣ! Пузаносто, поѣзжай, братъ, въ своя сторона. Пузаносто, ха, ха, ха!

Докторъ совсѣмъ оньяпѣлъ.

Вязмитиновъ всталъ, взялъ его подъ руку и тихо вышелъ съ нимъ въ библіотеку Петра Лукича, гдѣ Розановъ скоро и заснулъ на одномъ изъ диванов.

Сафьяносъ понялъ, что сближеніе, сдѣланное имъ экспромтомъ, можетъ его компрометировать и, понюхавъ табаку, сталъ собираться въ гостиницу. Петръ Лукичъ все извинялся и намѣренъ былъ идти извиняться завтра, но сконфуженный Сафьяносъ тотчасъ же, придя домой, послалъ за лошадьми и уѣхалъ, забывъ даже о своемъ намѣреніи повидаться съ Бахаревымъ. Къ конфузу, полученному имъ по милости Розанова, присоединился новый конфузъ. Снимая

съ себя мундирный фракъ, Сафьяносъ нашелъ въ лѣвомъ заднемъ карманѣ пачку литографированной пѣсни, пять тоненькихъ брошюрочекъ и проектъ адреса о дарованіи правъ самоуправленія, и проч. Сафьяносъ обомлѣлъ отъ этой находки. Сначала онъ хотѣлъ все это тотчасъ же уничтожить, но потомъ, раздумавъ, сунулъ все въ чемоданъ и уѣхалъ размышляя: откуда бы это взялось въ его карманѣ? Ревизоръ не пришелъ ни къ какой опредѣленной догадкѣ, потому что онъ не надѣвалъ мундира со дня своего выѣзда изъ университетскаго города, и въ день своего отъѣзда таскался въ этомъ мундирѣ по самымъ различнымъ мѣстамъ. Но болѣе всѣхъ его подозрѣнія все-таки вертѣлись около Саренки, который держалъ себя такъ таинственно и очень близко къ нему подсаживался. Саренко, нашедши точно такой же кладъ въ своемъ карманѣ, рѣшилъ, что это ему сунулъ ревизоръ и что, значитъ, вѣетъ другой вѣтеръ и приходитъ пора запѣвать другія пѣсни. Онъ измѣнился къ Зарницыну, и по задумчивости Петра Лукича отгадалъ, что и тотъ, послѣ ухода Сафьяноса, вернулся въ свою комнату не съ пустымъ карманомъ. Саренко тщательно спряталъ свою находку и хранилъ строгое молчаніе. Петръ Лукичъ тоже ни о чемъ подобномъ не говорилъ, но изъ губернскаго города дошли слухи, что на пикникѣ всѣмъ гостямъ въ карманы наклали запрещенныхъ сочиненій и даже сунули ихъ нѣсколько экземпляровъ пріѣзжему ученому чиновнику. Сафьяносъ роздалъ всѣ свои экземпляры губернскому бомонду.

— Стоуо-то такое дазе въ воздухѣ носится, — заключалъ онъ, потягивая своимъ греческимъ носомъ.

Вслѣдъ за нимъ въ городѣ началось списыванье и толки о густой сѣти революціонныхъ агентовъ.

Вязмитиновъ, проводя Сафьяноса, вернулся за докторомъ.

Розановъ всталъ, пошатнулся, потомъ постоялъ немножко, закрылъ глаза и, безцеремонно отбросивъ руку Вязмитинова, твердо пошелъ домой по пыльной улицѣ.

— Боже мой! никогда нѣтъ покоя отъ этого негодяя! — пронеслось у него надъ ухомъ, когда онъ проходилъ на цыпочкахъ мимо спальни жены.

— Вы даже скоро дойдете до того, что обижаться перестанете,—прозвучалъ ему другой голосъ, и докторъ, вздохнувъ, повалился на свой продавленный диванъ.

Лиза въ это время все еще лежала съ открытыми глазами и думала: —«нѣтъ, такъ нельзя. Гдѣ же нибудь да есть люди!»

Черезъ два дня она опять заѣхала къ Женни и сказала, что ей нездоровится, позвала Розанова, поговорила съ нимъ нѣсколько минутъ и опять уѣхала.

А затѣмъ начинается пробѣлъ, который объяснится слѣдующею главою.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Великое переселеніе народовъ и вообще глава, резюмирующая первую книгу.

Обширная пойма, на которую выходили два окна залы Гловацкихъ, снова была покрыта бѣлымъ, пушистымъ снѣгомъ, и просвирнина гусыня снова растаскивала за ноги посѣдѣвшихъ гренадеровъ.

Въ домѣ смотрителя всѣ ходили на цыпочкахъ и говорили вполголоса. Петръ Лукичъ былъ очень трудно боленъ.

Стоялъ сумрачный декабрьскій день и порошилъ снѣгъ; на дворѣ было два часа.

Женни, по обыкновенію, сидѣла и работала у окна. Глаза у нея были наплаканы до-красна и даже нѣсколько припухли.

Въ дверь, запертую изнутри передней, послышался легкій, осторожный стукъ. Женни встала, утерла глаза и отперла переднюю.

Вошелъ Вязмитиновъ.

— Что?—спросилъ онъ, снимая пальто.

— Ничего: все то же самое,— отвѣчала Женни и тихо пошла къ своему столику.

— Папа не спалъ всю ночь и теперь уснулъ очень крѣпко,—сказала Женни, не поднимая глазъ отъ работы.

— Это хорошо. А докторъ былъ сегодня?

— Нѣтъ не былъ; да что, онъ кажется...

— Ничего не понимаетъ, вы хотите сказать?

— Не знаю, и вообще онъ какъ-то не внушаетъ къ себѣ довѣрія. Папа тоже на него не полагается. Вчера съ вечера онъ все бредилъ, звалъ Розанова.

— Да, теперь Розанова поневолѣ вспомнишь.

— Его всегда вспомнишь, не только теперь. Вы давно не получали отъ него извѣстія?

— Давно. Я всего только два письма имѣлъ отъ него

изъ Москвы; одно вскорѣ послѣ его отъѣзда, такъ въ концѣ сентября, а другое въ октябрѣ; онъ на мое имя выслалъ дочери какія-то бездѣлушки.

— А вы ему давно писали?

— Тоже давно.

— Зачѣмъ же вы не пишете?

— Да о чемъ писать-то, Евгенія Петровна?

Разговоръ на нѣсколько минутъ прекратился.

— Я тоже давно не имѣю о немъ никакого извѣстія: Лиза и о себѣ почти ничего не пишетъ.

— Что она, въ самомъ дѣлѣ, тамъ дѣлаетъ? Вѣдь навѣрное же докторъ у нихъ бываетъ.

— Богъ ихъ знаетъ. Я знаю только одно, что мнѣ очень жаль Лизу.

— И кто бы могъ думать?..—проговорила про себя Женни послѣ нѣкоторой паузы.—Кто бы могъ думать, что все пойдетъ такъ какъ-то... Странно какъ идетъ нынче жизнь!

— Каждому, Евгенія Петровна, его жизнь кажется и странною, и трудною.

— Ну, нѣтъ. Всѣ говорятъ, что нынче какъ-то все пошло скорѣе, что ли, или тревожнѣе.

— Старымъ людямъ всегда представляется, что въ ихъ время все было какъ-то умнѣе и лучше. Конечно, у всякаго времени свои стремленія и свои заботы: климатъ и тотъ мѣняется. Но только во всемъ, что произошло около насъ съ тѣхъ поръ, какъ вы дома, я не вижу ничего, что было бы изъ ряда вонъ. Зарницынъ женился на Кожуховой, — это дѣло самое обыкновенное. Мужъ ея умеръ, она стала увядать, исторія съ княземъ стала ей надоѣдать, а Зарницынъ молодъ, хорошъ, говоритъ умѣетъ, отчего жъ ей было не женить его на себѣ? Бахаревы уѣхали въ Москву, да отчего жъ имъ было и не ѣхать туда, имѣя деньги и дочерей-невѣстъ? Розановъ уѣхалъ потому, что тутъ ужъ его совсѣмъ допили.

— То-то все и странно. Зарницынъ все толковалъ о свободѣ дѣйствій, о трудѣ и женился такъ, какъ-то...

— Не безпокойтесь о немъ: онъ очень счастливъ и либералъ еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Что жъ ему? Кожухова еще и теперь очень мила, деньги есть, вездѣ приняты. Бахаревы...

— Я о нихъ не говорю,—осторожно предупредила Женни.

— Ну, а доктору нельзя было оставаться.

— Отчего же нельзя? развѣ, думаете, ему тамъ лучше?

— Конечно, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Тутъ было все: и недостатки, и необходимость пользоваться источниками доходовъ, которые ему всегда были гадки, и вражда внѣ дома, и вражда въ домѣ: вѣдь это каторга! Я не знаю, какъ онъ до сихъ поръ терпѣлъ.

— Страшная его барыня,—проговорила Женни.

— Да-съ, это звѣздочка! Сколько она скандаловъ надѣлала, Боже ты мой! То убѣжитъ къ отцу, то къ сестрѣ; перевозитъ да переноситъ по городу свои вещи. То расходится, то сходится. Люди, которымъ Розановъ сапогъ бы своихъ не далъ чистить, вонъ, напримѣръ, какъ Саренкѣ, благодаря ей, хозяйничали въ его домашней жизни, давали совѣты, читали ему нотаціи. Развѣ это можно вынести?

— Да что, она не любитъ, что ли?

— А Богъ ее вѣдаетъ! Ее никакъ разобрать нельзя. Ее вѣдь если разспросить по совѣсти, такъ она и сама не знаетъ, изъ-за чего у нея сыръ-боръ горитъ.

— Не хотятъ уступить другъ другу. Ему бы ужъ поравнодушнѣй смотрѣть на нее, что ли?

— Да вѣдь нельзя же, Евгенія Петровна, чтобъ онъ одобрялъ ея чудотворства. Чужимъ людямъ это случай свои гуманныя словеса въ ходъ пустить, а вѣдь ему они больны.

— Да, это правда, — проронила съ сожалѣніемъ Женни и замѣтила послѣ короткой паузы:—а все-таки она жалка.

— Ни капли она мнѣ не жалка.

Женни покачала неодобрительно головою.

— Право,—подтвердилъ Вязмитиновъ:—что тутъ жалѣть палача. Скверная должность, да вѣдь сама такую выбрала.

— Вы думаете—она злая?

— Прежде я этого не думалъ, а теперь утверждаю, что она женщина злая.

— И какъ же онъ ее именно выбралъ?

— Что выбралъ, Евгенія Петровна! Русскій человѣкъ зачастую сапоги покупаетъ осмотрительнѣе, чѣмъ женится. А вы то скажите, что вѣдь Розановъ молодъ и для него возможны не безнадежныя привязанности, а вотъ, сколько лѣтъ его знаемъ, въ этомъ родѣ ничего похожаго у него не было.

Женни промолчала.

— Вы не припомните, Николай Степановичъ, когда докторъ сталъ собираться ѣхать въ Москву?—спросила Женни послѣ долгой паузы.

— Не помню, право. Да онъ и не собирался, а какъ-то разомъ въ одинъ день уѣхалъ.

— Это было послѣ того, какъ пріѣзжала сюда Лиза и говорила, что братъ Ольги Сергѣевны выписываетъ ихъ въ Москву.

— Не помню, право. У меня плохая память, да я и не видалъ никакой связи въ этихъ событіяхъ.

— И я тоже... Я только такъ спросила.

— Я не замѣтилъ, какъ это все разсыпалось и мы съ вами остались одни.

— Да,—задумчиво произнесла Женни.

— Вамъ говорилъ Помада, что и онъ собирается въ Москву?

— Говорилъ,—отвѣчала спокойно Женни.

— Сидѣлъ, сидѣлъ сиднемъ въ Меревѣ, а тутъ разошелся,—замѣтилъ Вязмитиновъ.

Гловацкій кашлянулъ въ своемъ кабинетѣ.

Женни встала, подошла на цыпочкахъ къ его двери, послушала и черезъ пять минутъ возвратилась и снова сѣла на свое мѣсто.

Въ комнатѣ было совершенно тихо.

Женни дошила нитку, вдернула другую и, взглянувъ на Вязмитинова, стала шить снова.

Вязмитиновъ долго сидѣлъ и молчалъ, не сводя глазъ съ Женни.

— Въ самомъ дѣлѣ, я какъ-то ничего не замѣчалъ, — началъ онъ, какъ бы разговаривая самъ съ собою.—Я видѣлъ только себя, и ни до кого остальныхъ мнѣ не было дѣла.

Женни спокойно шила.

— Въ жизни каждаго человѣка хоть разъ бываетъ такая пора, когда онъ бываетъ эгоистомъ,—продолжалъ Вязмитиновъ тѣмъ же тономъ, нѣсколько сконфуженно и робко.

— Не должно быть такой поры,—замѣтила Женни.

— Когда человѣкъ... когда человѣку... одно существо начинаетъ замѣнять весь міръ, въ его головѣ и сердцѣ нѣтъ мѣста для этого міра.

— Это очень дурно.

— Но это всегда такъ бываетъ.

— Можетъ быть и не всегда. Почему вы можете знать, что происходитъ въ чужомъ сердцѣ? Вы можете говорить только за себя.

Вязмитиновъ порывисто всталъ и хотѣлъ ходить по комнатѣ.

Женни остановила его среди залы, сказавъ:

— Сядьте, пожалуйста, Николай Степановичъ; папа очень чутко спитъ, его могутъ разбудить ваши шаги, а это ему вредно.

— Простите, Бога ради,—сказалъ Вязмитиновъ и снова сѣлъ противъ хозяйки.

— Евгенія Петровна!—началъ онъ, помолчавъ.

— Что?—спросила, взглянувъ на него, Женни.

— Я васъ давно хотѣлъ спросить...

— Спрашивайте.

— Вы мнѣ будете отвѣчать искренно, откровенно?

— Franchement? — спросила Женни съ легкой улыбкой, которая мелькнула по ея лицу и тотчасъ же уступила мѣсто прежнему грустному выраженію.

— Нѣтъ, вы не смѣйтесь. То, о чемъ я хочу спросить васъ, для меня вовсе не смѣшно, Евгенія Петровна. Здѣсь дѣло идетъ о счастьѣ цѣлой жизни.

Женни слегка смутилась и сказала:

— Говорите.

А сама нагнулась къ работѣ.

— Я хотѣлъ вамъ сказать... и я не вижу, зачѣмъ мнѣ молчать далѣе... Вы сами видите, что... я васъ люблю.

Женни покраснѣла какъ маковъ цвѣтъ, еще пристальнѣе потушила глаза въ работу, и игла быстро мелькала въ ея ручкѣ.

— Я люблю васъ, Евгенія Петровна, — повторилъ Вязмитиновъ: — я хотѣлъ бы быть вашимъ другомъ и слугою на цѣлую жизнь... Скажите же, скажите одно слово!

— Какое вы странное время выбрали! — могла только выговорить совершенно смущенная Женни.

— Развѣ не все равно время?

— Нѣтъ, не все равно: мой отецъ боленъ, можетъ-быть опасенъ, и вы въ такую минуту вызываете меня на отвѣтъ о... личныхъ чувствахъ. Я теперь должна заботиться объ отцѣ, а не... о чемъ другомъ.

— Но развѣ я не заботился бы съ вами о вашемъ отцѣ

и о васъ? Вашъ отецъ давно знаетъ меня, вы тоже знаете, что я люблю васъ.

Головацкая не отвѣчала.

— Евгенія Петровна!—началъ опять еще покорнѣе Вязмитиновъ: — я вѣдь ничего не прошу: я только хотѣлъ бы услышать изъ вашихъ устъ одно, *одно* слово, что вы не оттолкнете моего чувства.

— Я васъ не отталкиваю,—прошептала Женни, и на ея шитье скатились двѣ чистыя слезки.

— Такъ вы любите меня?— счастливо спросилъ Вязмитиновъ.

— Какъ вамъ нужны слова!—прошептала Женни и, закрывъ платкомъ глаза, быстро ушла въ свою комнату.

Петру Лукичу послѣ покойнаго сна было гораздо лучше. Онъ сидѣлъ въ постели, обложенный подушками, и пилъ потихоньку воду съ малиновымъ сиропомъ. Женни сидѣла возлѣ его кровати; на столикѣ горѣла свѣча подъ зеленымъ абажуромъ.

Въ восемь часовъ вечера пришелъ Вязмитиновъ.

— Вотъ, Евгенія Петровна,—началъ онъ послѣ перваго привѣтствія:—Розановъ-то нашъ легокъ на поминѣ. Только поговорили о немъ сегодня, прихожу домой, а отъ него письмо.

— Что жъ онъ пишетъ вамъ? — спросила Женни, нѣсколько конфузясь того, о чемъ сегодня говорили.

— Ему прекрасно: онъ опредѣлился ординаторомъ въ очень хорошую больницу, работаетъ, готовитъ диссертацію, и тамъ въ больницѣ и живетъ. Кромѣ того перезнакомился тамъ съ разными знаменитостями, съ литераторами, съ артистами. Его очень обласкала извѣстная маркиза де-Бараль; она очень извѣстная, очень просвѣщенная женщина. Ну, и другія около нея, все ужъ такъ сгруппировано, конечно. И въ другихъ кружкахъ, говоритъ, встрѣтилъ отличныхъ людей, честныхъ, энергическихъ. Удивляюсь, говоритъ, какъ я могъ такъ долго вязнуть и гнить въ этомъ болотѣ.

— Ну, это для насъ, куликовъ-то, небольшой комплиментъ,—проговорилъ слабымъ голосомъ больной старикъ.

— А о Лизѣ онъ ничего не пишетъ? — спросила уже смѣлѣе Женни.

— Пишетъ, что видѣлся съ нею и со всѣми, но далеко, говоритъ, живу и дѣла много.

— Что-жъ это за маркиза де-Бараль?

— Это извѣстность.

— Молодая она женщина?

— Нѣтъ, судя по тому, сколько лѣтъ ее знаютъ всѣ, она должна быть очень немолодая: ей, я думаю, лѣтъ около пятидесяти.

Прошли святки и время уже подходило къ масленицѣ.

Былъ опять вечеръ.

Гловацкій обмогался; онъ сидѣлъ на постели и перетиралъ деревянною ложечкою свой нюхательный табакъ на синемъ чайномъ блюдцѣ, а Женни сидѣла у свѣчки съ зеленымъ абажуромъ и читала вслухъ книгу.

Вязмитиновъ вошелъ, поздоровался и сказалъ:

— Знаете, какая новость? Идучи къ вамъ, встрѣтился съ madame Розановой, и она мнѣ возвѣстила, что ѣдетъ надняхъ къ мужу.

— Въ Москву? — спросили въ одно слово смотритель и его дочь.

— Что-жъ это будетъ?—спросила Женни, поднеся къ губамъ тоненькій мизинецъ своей ручки.

— Да, любопытенъ бы я былъ, какъ выражается Саренко, видѣть, что тамъ теперь сотворится въ Москвѣ?—произнесъ съ улыбкою Вязмитиновъ.

По мнѣнію Женни, шутливый тонъ не долженъ былъ имѣть мѣста при этомъ разговорѣ, и она, подвинувъ къ себѣ свѣчки, начала вслухъ прерванное чтеніе новаго тома русской исторіи Соловьева.

Въ Москву, читатель.

КНИГА ВТОРАЯ.

ВЪ МОСКВѢ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Дальнее мѣсто.

Даже въ такія зимы, когда овесъ въ Москвѣ бывалъ по два съ полтиной за куль, навѣрно никому не удавалось нанять извозчика въ Лефортово дешевле, какъ за тридцать копеекъ. Въ Москвѣ ужъ какъ-то укрѣпилось такое убѣжденіе, что Лефортово есть самое дальнее мѣсто *отовсюду*.

Авторъ «*Капризовъ и Раздумья*» позволяетъ себѣ настаивать на томъ, что на землѣ нѣтъ ни одного далекаго мѣста, которое не было бы откуда-нибудь близко. Можно полагать, что выводъ этотъ не лишенъ своей доли основательности, потому что если бы его можно было опровергнуть на основаніи общихъ данныхъ, то ужъ это давно не преминули бы сдѣлать наши ученые. Но въ разсужденіи Лефортова выводъ этотъ перестаетъ имѣть общее значеніе. По крайней мѣрѣ, онъ не можетъ имѣть этого значенія для непосредственной Москвы, въ которой до Лефортова рѣшительно *отовсюду* далеко.

Въ одно погожее августовское утро, по улицамъ, прилегающимъ къ самому Лефортовскому дворцу, шелъ нашъ знакомый докторъ Розановъ. По медленности, съ которою онъ разсматривалъ оригинальный фасадъ стараго дворца и читалъ нѣкоторыя надписи на воротахъ домовъ, можно бы подумать, что онъ гуляетъ отъ нечего дѣлать, или ищетъ квартиры.

Постоявъ передъ дворцомъ, онъ повернулъ въ длинную улицу налѣво и опять сталъ читать приклеенныя у воротъ бумажки. Одною изъ нихъ объявлялось, что «сдесь отдаюца чистые, сухіе углы съ жильцами», другою, что «отдаеца большая кухня въ видѣ комнаты у Авдотьи Аликсѣвны, спросить у прачку» и т. п. Наконецъ, надъ одною калиткой докторъ прочелъ: «Слѣдственный приставъ».

Докторъ вынулъ изъ кармана записную книжку, взглянулъ на сдѣланную тамъ замѣтку, потомъ посмотрѣлъ на домъ, на табличку и вошелъ во̀ дворъ.

Домъ этотъ былъ похожъ на многіе дома лефортовской части. Онъ былъ деревянный, на каменномъ полуэтажѣ. По улицѣ онъ выходилъ въ пять оконъ, во дворъ въ четыре, съ подъѣздомъ сбоку. Каменный полуэтажъ былъ густо выбѣленъ мѣломъ, а деревянный верхъ выкрашенъ грязновато-желтою охрой.

Надъ дверью деревяннаго подъѣзда опять была дощечка съ надписью: «Слѣдственный приставъ»; въ нижній этажъ вело особое крылечко, устроенное посрединѣ задней части фасада. Налѣво былъ низенькій флигелекъ въ три окна, но съ двумя крыльцами. По ушатамъ, стоявшимъ на этихъ крыльцахъ, можно было догадаться, что это кухни. Далѣе шелъ длинный дровяной сарайчикъ, примкнутый къ сосѣдскому забору, и собачья конура съ круглымъ лазомъ.

Тощая цѣпная собака, завидя Розанова, громыхнула цѣпью, выскочила и залаяла.

Докторъ дернулъ за веревочку у подъѣзда съ надписью: «Слѣдственный приставъ».

Черезъ минуту крючокъ упалъ и въ растворенной двери Розановъ увидѣлъ очень хорошенькую и очень чисто одѣтую семилѣтнюю дѣвочку съ кудрявой русой головкой и съ ямками на розовыхъ щечкахъ.

— Что вамъ надо?—шепелявя, спросилъ ребенокъ.

— Пристава мнѣ нужно видѣть,—отвѣчалъ докторъ.

— Папа одѣваются.

— Пожалуйте, пожалуйте, Евграфъ Ѳедоровичъ сейчасъ выйдутъ,—крикнулъ сверху веселый женскій голосъ изъ разряда свойственныхъ молодымъ москвичкамъ пріятныхъ, хотя и довольно рѣзкихъ контральтовъ.

Докторъ взглянулъ наверхъ. Надъ лѣстницею, въ свѣтлой стеклянной галереѣ стояла довольно миловидная, молодая,

бѣлокурая женщина, одѣтая въ голубую холстинковую блузу. Передъ нею на гвоздикѣ висѣлъ форменный вицмундиръ, а въ рукахъ она держала тонкій широкій вѣникъ изъ зеленаго клоповника.

«Что бы это за особа такая?» подумалъ Розановъ, но женщина тотчасъ же помогла его раздумью.

— Мужъ сейчасъ выйдетъ, пожалуйте пока въ залу,— сказала она своимъ звонкимъ контральтомъ, указывая вѣникомъ на двери, выкрашенныя сѣрою масляною краскою.

«А ничего, миленькая», подумалъ Розановъ и, поклонясь хозяйкѣ, вошелъ въ довольно темную переднюю, изъ которой были открыты двери въ свѣтленькую зальцу.

Въ залѣ было довольно чисто. Въ углу стояло фортепіано, по стѣнамъ ясеневые стулья съ плетенками, вязаныя занавѣски на окнахъ и двѣ клѣтки съ веселыми канарейками.

Докторъ не успѣлъ осмотрѣться, какъ въ одну изъ боковыхъ дверей мужской голосъ крикнулъ:

— Даша! что-жъ вицмундиръ-то?

— Сейчасъ, Евграфъ Ѳедоровичъ, сейчасъ, — отвѣтилъ контральтъ изъ галлереи.

— Да гдѣ твоя Устинья?

— Въ лавку побѣжала. Всѣ мурашки у соловья вышли: послала мурашекъ купить.

Дверь пріотворилась и на порогѣ въ залу показался еще довольно молодой человѣкъ съ южно-русскимъ лицомъ. Онъ былъ въ одномъ жилетѣ и, выглянувъ, тотчасъ спрятался назадъ и проговорилъ:

— Извините.

— Ничего, ничего, Евграфъ, выходи, пожалуйста, поскорѣе,—произнесъ Розановъ, направляясь къ двери.

Приставъ выглянулъ, посмотрѣлъ нѣсколько мгновеній на доктора и, крикнувъ:

— Розановъ! дружище! ты ли это?—бросился ему на шею.

Слѣдственный приставъ, Евграфъ Ѳедоровичъ Нечай, былъ университетскій товарищъ Розанова. Хотя они шли по разнымъ факультетамъ, но жили вмѣстѣ и были большіе пріятели.

— Откуда ты взялся?—спрашивалъ Нечай, вводя Розанова въ свой незатѣйливый кабинетъ.

— Мѣста пріѣхалъ искать,—отвѣчалъ Розановъ, чувствуя самую непріятную боль въ сердцѣ.

— Охъ, эти мѣста, мѣста!—проговорилъ Нечай, почесывая въ затылкѣ.

— И не говори.

— А протэкціи маешь?

Нечай имѣлъ общую многимъ малороссамъ черту. Несмотря на долгое пребываніе въ Москвѣ, онъ любилъ мѣшать свою русскую рѣчь съ малороссійскою, а если съ кѣмъ могъ, то и совсѣмъ говорилъ по-малороссійски. Докторъ же свободно понималъ это нарѣчіе и кое-какъ могъ на немъ объясняться по нуждѣ, или шутки ради.

— Ни, братику, жадной не маю,—отвѣчалъ докторъ.

— Это кепсько.

— Ну, якъ зауважишь.

— А со всей фамиліей придрапавъ?

— Нѣтъ, семья дома осталась.

— Ну, это еще байдуже; а вотъ якъ бы у купи, то вай, вай, вай... лягай, та и помри, то шкоды только-жъ.

— Нѣтъ, я одинъ здѣсь,—невесело проронилъ докторъ.

— И давно?

— Вотъ ужъ другая недѣля.

— Что-жъ ты дося ховався?

— Да такъ. То въ университетъ ходилъ, то адреса твоего не зналъ. Да и вообще какъ-то...

— Ты, коллежка, не спѣши носъ-то вѣшать; живы будемъ и хлѣба добудемъ. А ты съ моей бабой, вѣдь, не знакомъ?

— Нѣтъ; когда-жъ я тебя видѣлъ? Я даже не зналъ, что ты и женился.

— Даша!—крикнулъ Нечай.

Вошла молодая женщина, встрѣтившая Розанова на лѣстницѣ.

— Вотъ тебѣ моя московка: баба добрая, жалѣетъ меня: поздоровъ ее Боже за это. Это мой старый товарищъ, Даша,—отнесся Нечай къ женѣ.

— Очень рада,—произнесла привѣтливо жена Нечая.— Вы гдѣ остановились?

— Я у Челышева.

— Это возлѣ театра, знаю; дорого тамъ?

— Да... такъ себѣ.

— Ты что платишь?

— Да по рублю въ сутки.

— Фю, фю, фю! Этакъ, братъ, тебѣ накладно будетъ.

— Вы бы искали квартирку постоянную.

— Да не знаю еще, зачѣмъ искать-то? — отвѣтилъ докторъ.—Можетъ быть въ Петербургъ придется ѣхать.

— А вы какъ тутъ: по дѣламъ?

Розановъ разсказалъ въ короткихъ словахъ цѣль своего появленія въ Москвѣ.

— Да, такъ, конечно, пока что будетъ, устроиваться нельзя,—замѣтила жена Нечая и сейчасъ же добавила:— Евграфъ Ѳедоровичъ! да что вы къ намъ-то ихъ, пока что будетъ, не пригласите? Пока что будетъ, пожили бы у насъ,— обратилась она привѣтливо къ Розанову.

Такой это былъ простой и искренній привѣтъ, что не смѣшалъ онъ доктора и не сконфузилъ, а только съ самаго его пріѣзда въ Москву отъ этихъ словъ ему впервые сдѣлалось веселѣе и отраднѣе.

— И до правди! Ай да Дарья Аѳанасьевна, что ты у меня за умница. Чего, въ самомъ дѣлѣ: переѣзжай, Розановъ; часомъ съ тобою въ шахи заграемъ, часомъ старину вспомнимъ.

Докторъ отговаривался, а потомъ согласился, выговорилъ себѣ только, однако, право платить за столъ.

Въ существѣ, онъ плохо и отговаривался. Простая теплота этихъ людей манила его въ ихъ тихій уголокъ изъ грязнаго челышевскаго номера.

— А вотъ тебѣ мое потомство, — рекомендовалъ Нечай, подводя къ Розанову кудрявую дѣвочку и коротко остриженнаго мальчика лѣтъ пяти. — Это Милочка, первая наслѣдница, а это Грицко Голопупенко, второй экземпляръ, а тамъ въ спальнѣ есть третій, а четвертаго Дарья Аѳанасьевна еще не показываетъ.

— Ого, братъ!—проговорилъ Розановъ.

— Да, братику, Господь памятуетъ, — отвѣчалъ Нечай, крякнувъ и отпуская дѣтей.

— А гроши есть?

— Чортъ ма. Ничего нѣтъ.

— Какъ же живешь?

— А отъ и живу, якъ горохъ при дорози.

— И мѣсто у тебя непріятное такое.

— И не кажи лучше. Сказываю тебѣ: живу, якъ горохъ при дорози: кто йда, то и скубне. Э! Бодай она неладна була ся жисть проклятая, якъ о ней думать. Отъ пожалѣлъ еще Господь, что жену далъ добрую; а то бы, просто, хоть повѣситься.

— Доходовъ нѣтъ?

— Бываетъ иной разъ, да что это!..

— Погано, братъ, знаю, что погано.

— А нельзя и безъ того.

— Знаю.

Пріятели оба вздохнули.

— У тебя жена здѣшняя?—спросилъ Розановъ.

— Здѣшняя; дьяконская дочь съ Арбата. А ты, Дмитрій, счастливъ въ семьѣ?

— Да, ничего, — отвѣчалъ докторъ, стараясь смотрѣть въ сторону.

Въ тотъ же день Розановъ передъ вечеромъ переѣхалъ изъ челышевскихъ номеровъ къ Нечаю и поселился въ его кабинетѣ, гдѣ Дарья Аѳанасьевна поставила желѣзную кровать, ширмы и маленькій комодецъ.

Докторъ былъ очень тронутъ этимъ теплымъ вниманіемъ и, прощаясь послѣ ужина, крѣпко пожалъ хозяевамъ руку.

— А этотъ вашъ пріятель, Евграфъ Ѳедоровичъ, очень несчастливъ чѣмъ-то, — говорила мужу, раздѣваясь, Дарья Аѳанасьевна.

— Почему ты такъ думаешь, Даша?

— Да такъ, я ужъ это вижу. Какъ онъ вечеромъ сталъ ласкать нашу Милочку, я сейчасъ увидала, что у него въ жизни есть большое несчастье.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Первые дни и первыя знакомства.

Нечай только напрасно разсчитывалъ вспоминать съ Розановымъ на свободѣ старину или играть съ нимъ въ шахи. Ни для того, ни для другого у него не было свободнаго времени. Утро выгоняло его изъ дома и поздній вечеръ не всегда заставалъ его дома.

Тяжелая, неблагодарная, безпокойная и многоотвѣтственная служба поглощала все время пристава. Она не дозволяла ему даже налюбоваться семьею, для которой онъ былъ и слугой, и кормильцемъ. Даже, возвратясь домой, онъ не

имѣлъ свободнаго времени. Все корпѣлъ онъ надъ своими запутанными и перепутанными слѣдственными дѣлами.

Дарью Аѳанасьевну очень огорчала такая каторжная жизнь мужа. Она часто любила помечтать, какъ бы имъ выбиться изъ этой проклятой должности, а самъ Нечай даже ни о чемъ не мечталъ. Онъ везъ, какъ ломовая лошадь, которая, шатаясь и дрожа, вытягиваетъ возъ изъ одного весенняго зажора, для того, чтобы попасть съ нимъ въ другой, потому что свернуть въ сторону некуда.

Благодаря строгой бережливости Дарьи Аѳанасьевны, въ домѣ Нечая не было видно грязной, неряшливой нужды, но концы едва-едва сходились съ концами и чистенькая бѣдность была видна каждому, кто умѣлъ бы повсмотрѣться въ дѣтскія платьица и перештопанные холстинковые капотики самой Дарьи Аѳанасьевны.

Сравнивая повременамъ здѣшнюю жизнь съ своею уѣздною, Розановъ находилъ, что тутъ живется гораздо потруднѣе, и переполнялся еще большимъ почтеніемъ и благодарностью къ Нечаю и особенно къ его простодушной женѣ. Съ ней они съ перваго же дня стали совершенно своими людьми и довѣрчиво болтали другъ съ другомъ обо всемъ, что брело на умъ.

Въ концѣ второй недѣли послѣ переѣзда къ Нечаямъ, докторъ, рывшійся каждый день въ своихъ книгахъ и запискахъ, сшилъ изъ бумаги большую тетрадь и сталъ писать психіатрическую диссертацію. Наверху, подъ заглавіемъ, Розановъ выставилъ очень красивое мѣсто изъ апофтегмъ Гиппократа: «Quod medicamenta non sanant—ignis sanat, quod ignis non sanat—ferrum sanat, quod ferrum non sanat—mors sanat». *Hippocrates: Apophthegmata.* То-есть: чего не вылѣчиваютъ лѣкарства — вылѣчиваетъ огонь; чего не вылѣчиваетъ огонь — вылѣчиваетъ желѣзо; чего не вылѣчиваетъ желѣзо—вылѣчиваетъ смерть».

Но на этомъ и стала докторская диссертація лѣкаря cum exitia laude Дмитрія Розанова. Скоро ему стало не до диссертаціи.

Въ томъ каменномъ полуэтажѣ, надъ которымъ находилась квартира Нечая, было также пять жилыхъ комнатъ. Три изъ нихъ занимала хозяйка дома, штабсъ-капитанша Давыдовская, а двѣ нанималъ корректоръ одной большой московской типографіи, Ардаліонъ Михайловичъ Араповъ.

Давыдовская была дородная, бѣлокурая барыня съ проборомъ на боку, съ побѣдоноснымъ взоромъ, веселымъ лицомъ, полнымъ подбородкомъ и обиліемъ всякихъ тѣлесъ. Она была природная дѣдичка своего дома и распоряжалась имъ полновластною госпожею.

Всѣ знали, что у Давыдовской былъ нѣкогда мужъ, маленькій, черненькій человѣчекъ, ходившій по праздникамъ въ мундирѣ, съ узенькими фалдочками, и въ треугольной шляпѣ, съ чернымъ перомъ. Но съ давнихъ поръ это маленькое существо перестало показываться въ своемъ мундирчикѣ со шляпою на головѣ, и о немъ всѣ позабыли. Никуда не уѣзжалъ мужъ Давыдовской и не выносили его на кладбище, а такъ не стало его видно, да и только. И никто о немъ не толковалъ. Если, бывало, кому-нибудь изъ сосѣдокъ доводилось, проходя мимо дома Давыдовской, увидать, какъ она стоитъ съ длиннымъ чубукомъ въ одной рукѣ, а другою рукою обираетъ сухіе листья съ волкомеріи, то сосѣдка только замѣчала: «а вѣдь Давыдовчихинъ мужъ-то должно что еще живъ», и всякая совершенно довольствовалась этимъ предположеніемъ. А дѣло было въ томъ, что всѣми позабытый штабсъ-капитанъ Давыдовскій восьмой годъ преспокойно валялся безъ рукъ и ногъ въ параличѣ и любовался, какъ полнѣла и добрѣла во всю мочь его грозная половина, съ утра до ночи курившая трубку съ длиннымъ черешневымъ чубукомъ и кропотавшаяся на семнадцатилѣтнюю дѣвочку Липку, имѣвшую нарочитую склонность къ истребленію зажигательныхъ спичекъ, которыя вдова Давыдовская имѣла другую слабость тщательно хранить на своемъ образникѣ, какъ нѣкую особенную драгоцѣнность, или святыню.

Кромѣ этой слабости, штабсъ-капитанша имѣла двѣ другія: она терпѣть не могла всякое начальство въ огулѣ и рабски обожала всѣхъ молодыхъ людей. Начальство она ненавидѣла искони: всѣхъ начальствующихъ лицъ, какого бы они сана и возраста ни были, называла почему-то «Моркобрунами» и готова была всегда устроить имъ какую-нибудь пакость. Эта ненависть штабсъ-капитанши особенно проявлялась въ разговорахъ о пенсіяхъ, и въ сопротивленіи всякимъ объявленіямъ, доходящимъ до нея черезъ полицейскаго хожалаго. Она, напримѣръ, не позволяла дворнику мести тротуаровъ, когда это требовалось полиціею; не

зажигала въ положенные дни плошекъ; не красила трубъ и вообще демонстрировала. Причина такого озлобленія штабсъ-капитанши противъ начальства лежала въ отказѣ, полученномъ ею на просьбу о полномъ пенсіонѣ за службу мужа. Раболѣпная же любовь къ молодежи имѣла, разумѣется, другія причины, до которыхъ намъ столько же дѣла, сколько разбитому параличомъ и недвижимому капитану. Люди толковали разное; но люди, какъ извѣстно, бываютъ иногда чересчуръ подозрительны. Дворникъ Антонъ Ивановичъ и Липка, и печаевская кухарка Устинья даже порѣшили себѣ кое-что насчетъ тѣсной пріязни Давыдовчихи съ ея жильцомъ Араповымъ, но достовѣрно, что въ этомъ случаѣ они совершенно ошибались. Тутъ дѣло было совершенно чистое. Давыдовская любила Аранова просто потому, что онъ молодъ, что съ нимъ можно врать всякую скоромь и, сидя у него, можно встрѣчаться съ разными молодыми людьми.

Араповъ нанималъ у Давыдовской двѣ комнаты, въ которыя ходъ былъ, однако, изъ общей передней. Въ первой комнатѣ, съ диваномъ и двумя большими зеркалами, у него былъ гостиный покой, а во второй онъ устроилъ себѣ кабинетъ и спальню.

Кромѣ того, при этой задней, совершенно удаленной отъ всякаго сосѣдства, комнаткѣ въ стѣнѣ была маленькая дверь въ небольшой чуланчикъ съ каменнымъ погребомъ, въ которомъ у Аранова сидѣлъ на цѣпи злющій барсукъ.

Аранову было лѣтъ тридцать отъ роду. Это былъ плотный, довольно сильный человѣкъ, съ сверкающими черными глазами во впалыхъ орбитахъ, съ черными, какъ смоль, волосами, густою окладистою бородою и смуглымъ цыганскимъ лицомъ. Онъ былъ не глупъ, очень легкомысленъ, по началу предпріимчивъ, упрямъ и падокъ на рискъ. Воспитывался онъ въ одной изъ гимназій серединной губерніи, пріѣхалъ въ Москву искать счастья и, добывъ, послѣ долгихъ скитальчествъ, мѣсто корректора, доставлявшее ему около шестидесяти рублей въ мѣсяцъ, проводилъ жизнь довольно безпечную и о будущемъ нимало не заботился.

По своимъ средствамъ, онъ давно бы могъ перенестись изъ Лефортова въ другую, болѣе удобную часть Москвы, но ему никогда и въ голову не приходило разстаться съ Давыдовскою и вытаскивать изъ погреба прикованнаго тамъ барсука.

Кромѣ того, у Арапова, въ окрестностяхъ Лефортовскаго дворца и въ самомъ дворцѣ, было очень большое знакомство. Въ другихъ частяхъ города у него тоже было очень много знакомыхъ. По должности корректора, онъ зналъ многихъ московскихъ литераторовъ, особенно второй руки; водился съ музыкантами и вообще съ самою разнородною московскою публикою.

У нѣкоторыхъ дамъ онъ слылъ за очень умнаго человѣка и передъ ними обыкновенно нечорничествовалъ.

И Давыдовская, и ея постоялецъ были ежедневными посѣтителями Нечаевъ. Даже мало сказать, что они были *ежедневными* посѣтителями,—они вертѣлись тамъ постоянно, когда имъ некуда было дѣться, когда у себя имъ было скучно, или когда никуда не хотѣлось идти изъ дома.

Такимъ образомъ Розанову пришлось познакомиться съ этими лицами въ первый же день своего переѣзда къ Нечаю, потомъ онъ сталъ встрѣчаться съ ними по нѣскольку разъ каждый день, и они-то серьезно помѣшали ему приняться вплотную за свою диссертацію.

Не успѣетъ Розановъ усѣсться и вчитаться, вдуматься, какъ по лѣстницѣ идетъ Давыдовская, то будто бы покричать на нечаевскихъ дѣтей, рискующихъ сломать себѣ на дворѣ шею, то поругать мѣстнаго квартальнаго надзирателя или квартирную комиссію, то сообщить Дарьѣ Аѳанасьевнѣ новую сплетню на ея мужа. Придетъ, да и сядетъ, и куритъ трубку за трубкою.

Послѣ двухъ часовъ возвращался домой Араповъ. Онъ съ перваго же своего знакомства съ докторомъ удостоивалъ его своего особеннаго вниманія и, съ своей стороны, успѣлъ очень сильно заинтересовать Розанова собою.

Розановъ хотя былъ человѣкъ достаточно умный и достаточно опытный для того, чтобы не поддаваться излишнимъ увлеченіямъ, но все-таки онъ былъ провинціалъ. Араповъ стоялъ передъ нимъ какъ новый типъ и казался ему существомъ въ высшей степени загадочнымъ. То Араповъ ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ все существующее, но ругаетъ не такъ, какъ ругалъ иногда Зарницынъ, по-фатски, и не такъ, какъ ругалъ самъ Розановъ, съ сознаніемъ какой-то неотразимой необходимости оставаться весь вѣкъ въ пассивной роли, — Араповъ ругался яростно, съ пѣною у рта, съ сжатыми кулаками и съ искрами неумолимой мести

въ глазахъ, наливавшихся кровью; то онъ ходилъ по цѣлымъ днямъ, понуривъ голову, и только повременамъ у него вырываются безсвязныя, но грозныя слова, за которыми слышатся таинственные планы міровыхъ переворотовъ; то онъ начнетъ разспрашивать Розанова о провинціи, о духѣ народа, о настроеніи высшаго общества, и разспрашиваетъ придирчиво, до мельчайшихъ подробностей, внимательно вслушиваясь въ каждое слово и стараясь всему придать смыслъ и значеніе.

А то отправятся докторъ съ Араповымъ гулять ночью и долго бродятъ, Богъ знаетъ гдѣ, по пустынымъ улицамъ, не боясь ни ночныхъ воровъ, ни усталости. Араповъ все идетъ тихо и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сдѣлаетъ доктору такой вопросъ, что тотъ не знаетъ, что и отвѣтить, и еще болѣе убѣждается, что правленье корректуръ не составляетъ главной заботы Арапова.

Въ одну прелестную лунную ночь, такъ въ концѣ августа или въ началѣ сентября, они вышли изъ дома погулять и шагъ за шагомъ, молча, дошли до Театральной площади. Кто знаетъ Москву, тотъ можетъ себѣ представить, какой это былъ сломанъ путь.

Докторъ не замѣтилъ, какъ онъ прошелъ это разстояніе, на которомъ могла утомиться добрая почтовая лошадь. Онъ былъ далеко; ему рисовался покинутый имъ ребенокъ, рисовалось нерадостное будущее дитяти, съ полусумасшедшею отъ природы матерью. Не замѣтилъ онъ, какъ чрезъ Никольскія ворота вступили они въ Кремль, обошли Ивана Великаго и остановились надъ кремлевскимъ рвомъ, гдѣ тонула въ тѣни маленькая церковь, а вокругъ извивалась зубчатая стѣна съ оригинальными азіатскими башнями, а тамъ тихая Москва-рѣка, съ перекинутымъ черезъ нее Москворѣцкимъ мостомъ, а еще дальше облитое луннымъ свѣтомъ Замоскворѣчье и сіяющій куполъ Симонова монастыря.

О чемъ думалъ Араповъ — неизвѣстно, но, остановясь здѣсь, онъ вздохнулъ, окинулъ взоромъ широкую картину и, взявъ Розанова за руку, сказалъ:

— Нравится вамъ этотъ видикъ?

Докторъ, выйдя изъ своего забытья, молча взглянулъ кругомъ и отвѣчалъ:

— Да, очень хорошо...

— А что, — началъ тихо Араповъ, крѣпко сжимая руку

Розанова:—что, если бы все это освѣтить другимъ свѣтомъ? Если бы все это въ темную ночь залить огнемъ? Набатъ, кровь, зарево!..

— Было-бъ ужасно!

— Пришла пора!..

Во весь обратный путь они не сказали другъ съ другомъ ни слова.

Докторъ никакъ не могъ сообразить, для какихъ цѣлей необходимо залить Москву кровью и заревомъ пожара, но страшное выраженіе лица Арапова, когда онъ высказывалъ мысль, и его загадочная таинственность въ эту ночь еще болѣе усилили обаятельное вліяніе корректора на Розанова.

«Что это за человѣкъ?» думалъ, засыпая на зорькѣ, докторъ, и ему снилось Богъ знаетъ что. То по кремлевскимъ стѣнамъ гуляли молодцы Стеньки Разина, то въ огнѣ стонали какіе-то слабые голоса, гудѣлъ царь-колоколъ, стрѣляла царь-пушка, гдѣ-то пѣли по-французски марсельезу. Все это былъ какой-то хаосъ. Зачѣмъ это все? обращался докторъ къ проходившимъ людямъ, и люди ему ничего не отвѣчали. Они останавливались, снимали шапки, крестились передъ Спасскими воротами, и надъ Кремлемъ попрежнему сіяло солнце, башенные часы играли «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», бронзовый Мининъ поднималъ подъ руку бронзоваго Пожарскаго, купцы Ножевой линіи, поспѣшно крестясь, отпирали лавки. Все было тихо; все жило тою жизнью, которою оно умѣло жить и которою хотѣло жить. Розановъ спалъ спокойно до полудня. Его разбудила черезъ дверь Дарья Аѳанасьевна.

— Вставайте, докторъ!—кричала ему она, стуча рукою:— стыдно валяться. Кофейку напьемтесь. У меня что-то маленькая куксится: натерла ей животикъ бабковою мазью, все не помогаетъ, опять куксится. Вставайте, посмотрите ее, пожалуйста: можетъ-быть лѣкарства какого-нибудь нужно.

— Сейчасъ, Дарья Аѳанасьевна, — отвѣтилъ докторъ, и черезъ пять минутъ, совсѣмъ одѣтый, пришелъ въ спальню, гдѣ куксилась маленькая.

— Что съ нею?

— Ничего; дайте ревеньку, и ничего больше не надо.

— Гдѣ это вы всю ночь проходили, Дмитрій Петровичъ? А! Вотъ женѣ-то написать надо!—шутливо и ласково проговорила Дарья Аѳанасьевна.

— Мы такъ съ Араповымъ проходили,—отвѣчалъ докторъ.

Дарья Аѳанасьевна покачала головкою.

— Что вы?—спросилъ, улыбаясь, Розановъ.

— Да охота вамъ съ нимъ возиться.

— А что?

— Да такъ.

— Развѣ онъ нехорошій человѣкъ?

— Н... нѣтъ, я о немъ ничего дурного не знаю, только не люблю я его.

— Не любите! А мнѣ казалось, что вы съ нимъ всегда такъ ласковы.

— Да я ничего, только...

— Только не любите?—смѣясь договорилъ Розановъ.

— Да,—коротко отвѣтила Дарья Аѳанасьевна.

— За что же вы его не любите-то?

— Такъ,—актеръ онъ большой. Все только комедіи изъ себя представляетъ.

Прошло два дня. Араповъ нѣсколько разъ заходилъ къ доктору мрачный и таинственный, но не заводилъ никакихъ загадочныхъ рѣчей, а только держался какъ-то трагически.

— Что ты думаешь объ Араповѣ?—спросилъ однажды Розановъ Нечая, перебиравшаго на своемъ столѣ бумаги.

— О комъ?—наморщивъ брови, переспросилъ приставъ.

— Объ Араповѣ?—повторилъ докторъ.

— А бодай уси воны поиздыхали,—съ нетерпѣніемъ отозвался Нечай.

— Нѣтъ, серьезно?

— Такъ соби ледащица, якъ и уси.

— Ну, врешь, братъ, онъ парень серьезный,—возразилъ докторъ.

Нечай посмотрѣлъ на него и, засмѣявшись, спросилъ:

— Это онъ тебѣ не про революцію ли про свою нагородывъ? Слухай его! Ему тольки и дѣла, что побрехеньки свои распускать. Знаю я сію революцію-то съ московьскими панычами: пугу покажи имъ, такъ геть, геть—наче зайцы драпнутъ. Ты можэ чому и справди повирывъ? Плюнь, да перекрестысь. Се мара. Нехай воны на сѣли дурятъ, гдѣ люди просты, а мы бачимо на чемъ свинья хвостъ носитъ.

Это можэ у васъ тамъ на провинціи такъ заразъ и віру даютъ...

— Ну, нѣтъ, братъ, у насъ-то не очень. Поговорить— такъ, а что другое, такъ нѣтъ...

— Ну, о то-жъ само и тутъ. А ты думаешь, что якъ воны що скажутъ, такъ вже и Богъ зна що поробыться! Чортъ ма! Нычого не буде зъ московьскими панычами. Якъ ту письню спиваютъ у нихъ: «Ножки тонки, бочка звонки, хвостикъ закорючкой». Хиба ты ихъ за людей зважаешь? Хиба отъ цэ люди? Цэ крученые панычи, та й годи.

Докторъ имѣлъ въ своей жизни много доводовъ въ пользу практическаго смысла Нечая и взялъ его слова, какъ говорятъ въ Малороссіи, «въ думку», но не усвоилъ себѣ нечаевскаго взгляда на дѣла и на личность Арапова, а продолжалъ въ него всматриваться внимательнѣе.

На той же недѣлѣ Розановъ передъ вечеромъ зашелъ къ Арапову. День былъ жаркій, и Араповъ въ однихъ панталонахъ валялся въ своей спальнѣ на клеенчатомъ диванѣ.

Напротивъ его сидѣла Давыдовская, въ широчайшей холстинковой блузѣ, съ волосами, зачесанными по-дѣтски, сбоку, и курила свою пензмѣнную трубку.

И хозяйка, и жилецъ были въ духѣ и вели оживленную бесѣду. Давыдовская повторяла свой любимый разсказъ, какъ одинъ важный московскій генералъ пріѣзжалъ къ ней нѣсколько разъ въ гости и по три графина холодной воды выпивалъ, да такъ ни съ чѣмъ и отошелъ.

— Ну, ты! Зачѣмъ ты сюда пришелъ?—смѣясь спросила Розанова штабсъ-капитанша.

Нужно замѣтить, что она всѣмъ мужчинамъ, послѣ самаго непродолжительнаго знакомства, говорила *ты* и звала ихъ полуименемъ.

— А что? помѣшалъ, что ли, чему?—спросилъ Розановъ.

— Да нечего тебѣ здѣсь дѣлать: ты вѣдь женатый,— отвѣчала, смѣясь, Давыдовская.

— Ничего, Прасковья Ивановна: онъ вѣдь ужъ три рѣки переѣхалъ,—примирительно замѣтилъ Араповъ.

— О! Въ самомъ дѣлѣ переѣхалъ? Ну, такъ ты, Митька, теперь холостой, — садись, братъ. Нашъ еси, воспріимемъ съ нами.

— О чемъ дѣло-то?—спросилъ, садясь, докторъ.

— Да вотъ, про людей говоримъ,—отвѣчалъ Араповъ.

— Ничего не понимаю,—отвѣчалъ докторъ.

— О, толкушка безтолковая! Ты, Арапка, куда его по ночамъ водишь?—перебила хозяйка.

— Куда знаю, туда и вожу.

— Кто-то тамъ безъ него къ его женѣ ходитъ?— спросила Давыдовская, смѣясь и подмаргивая Арапову.

Доктора непріятно кольнула эта наглая шутка: въ немъ шевельнулись и сожалѣніе о женѣ, и оскорбленная гордость, и унизительное чувство ревности, пережившей любовь.

Дорого далъ бы докторъ, чтобы видѣть въ эту минуту горько досадившую ему жену и избавить ее отъ малѣйшей возможности подобнаго намека.

— Моя жена не таковская, — проговорилъ онъ, чтобы сказать что-нибудь и скрыть чувство ѣдкой боли, произведенное въ немъ наглымъ намекомъ.

— А ты почемъ знаешь? Ребята, что ли, говорили? — смѣясь продолжала Давыдовская. — Нѣтъ, братъ Митюша, люди говорятъ: кто вѣритъ женѣ въ домѣ, а лошади въ полѣ, тотъ дуракъ.

— Мало ли сколько глупостей говорятъ люди!

— Да, люди глупы...

Доктора совсѣмъ передернуло, но онъ сохранилъ все наружное спокойствіе и, чтобы перемѣнить разговоръ, сказалъ:

— Не пройдемтесь ли немножко, Араповъ?

— Пожалуй,—отвѣчалъ корректоръ и сталъ одѣваться.

Давыдовская вышла, размахивая трубкой, которая у нея неудачно закурилась съ одной стороны.

Розановъ съ Араповымъ пошли за Лефортовскій дворецъ, въ поле. Вечеръ стоялъ тихій, безоблачный, по мостовой отъ Сокольниковъ изрѣдка трещали дрожки, а то все было невозмутимо кругомъ.

Докторъ легъ на землю, Араповъ послѣдовалъ его примѣру и, опустясь, зашѣлъ изъ «Руслана»:

Поле, поле! кто тебя усѣялъ мертвыми костями?

— Какая у васъ всегда мрачная фантазія, Араповъ,— замѣтилъ сквозь зубы докторъ.

— Каково, батюшка, на сердцѣ, такова и пѣсня.

— Да что у васъ такое на сердцѣ?

— Горе людское, неправда человѣческая, — вотъ что! Проклятъ человѣкъ, который спокойно смотритъ на все,

что происходитъ вокругъ насъ въ наше время. Надо помогать, а не сидѣть сложа руки. Настаетъ грозный часъ кроваваго расчета.

— Зачѣмъ же кроваваго?

— Нѣтъ-съ, дудки! Кроваваго-съ, кроваваго...

— Не понимаю я, чего вы хотите.

— Правды хотимъ.

— Какая это правда,—кровью! Въ силѣ нѣтъ правды.

— Клинъ клиномъ-съ выбиваютъ,—пожавъ плечами, отвѣчалъ Араповъ.

— Да какой же клинъ-то вы будете выбивать?

— Враждебную намъ силу, силу, давящую свободныя стремленія лучшихъ людей страны.

— Эхъ, Араповъ! Все это мечтанія.

— Нѣтъ-съ, не мечтанія.

— Нѣтъ, мечтанія. Я знаю Русь не по писанному. Она живетъ сама по себѣ и ничего вы съ нею не подѣлаете. Если что дѣлать еще, такъ надо ладомъ дѣлать, а не на грудцы лѣзть. Никто съ вами не пойдетъ, и что вы мнѣ ни говорите, у васъ у самихъ-то нѣтъ людей.

— А можетъ быть и есть! Почемъ вы это знаете?

— Такъ, знаю, что нѣтъ. Я въ этомъ случаѣ Ѳома невѣрный.

— А если вамъ покажутъ людей?

— Что-жъ покажутъ! Покажутъ словесниковъ, такъ я ихъ и дома видывалъ.

— Нѣтъ, вы такихъ дома не видали...

— Ну, это будетъ новость, а я себѣ такого современнаго русскаго человѣка какъ-то не могу представить.

— Какіе вы всѣ, господа, странные,—воскликнулъ Араповъ.—Зачѣмъ вамъ непремѣнно русскаго!

— Какъ же? Кому же до насъ дѣло, какъ не намъ самимъ?

— Отечество человѣческое безгранично.

Доктору вдругъ почему-то припомнился Райнеръ.

— Кто-жъ это будетъ нашимъ спасителемъ? Чужой человѣкъ, стало-быть?

— Да, если хотите смотрѣть съ своей узкой, патріотической точки зрѣнія, это будетъ, можетъ статься, чужой человѣкъ.

— И вы его знаете?

— И я его знаю,—самодовольно отвѣтилъ Араповъ.

«Языкя ты, братъ, въ самомъ дѣлѣ»,—подумалъ докторъ.

— И вы его можете узнать,—продолжалъ Араповъ, если только захотите и дадите слово быть скромнымъ.

— Я болтливъ никогда не былъ,—отвѣчалъ докторъ.

— Ну, такъ вы его увидите. Въ слѣдующій четвергъ вечеромъ пойдемте, я васъ введу въ одно общество, гдѣ будутъ всѣ свои.

— И тамъ будетъ этотъ *чужой человѣкъ?*

— И тамъ будетъ этотъ *чужой человѣкъ*,—отвѣчалъ съ удареніемъ Араповъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Чужой человѣкъ.

Въ одну темную и чрезвычайно бурную ночь 1800 года, черезъ озеро Четырехъ-Кантоновъ переплыла небольшая черная лодка. Отчаянный гребецъ держался направленія отъ кантона Швица къ Люцерну. Казалось, что въ такую пору ни одинъ смертный не рѣшился бы переплыть обыкновенно спокойное озеро Четырехъ-Кантоновъ, но оно было переплыто. Швицкій смѣльчакъ за полночь причалилъ къ одной деревушкѣ кантона Ури, привязалъ къ дереву наполненный до половины водою челнокъ и постучалъ въ двери небольшого, скромнаго домика. Въ одномъ окнѣ домика мелькнулъ огонь и къ стеклу прислонилось испуганное женское лицо. Пріѣзжій изъ Швица постучалъ еще разъ. Смѣлый мужской голосъ изъ-за двери спросилъ:

— Кто тамъ?

— Изъ Швица отъ ландсмана,—отвѣчалъ пріѣзжій.

Ему отперли дверь и вслѣдъ затѣмъ снова тщательно заперли ее крѣпкимъ засовомъ. Республика была полна французовъ и въ окрестностяхъ стояли гренадеры Серрюрье.

Посланецъ вынулъ изъ-за пазухи довольно большой конвертъ съ огромною офиціальною печатью и подалъ хозяину.

Конвертъ былъ весь мокрый, какъ и одежда человѣка, который его доставилъ, но расплывшіяся чернила еще позволяли прочесть содержаніе сложеннаго вчетверо квадратнаго листа толстой бумаги.

На немъ было написано:

«Любезный союзникъ!

«Утѣснители швейцарской свободы не знаютъ предѣловъ своей дерзости. Ко всѣмъ оскорбленіямъ, принесеннымъ

ими на нашу родину, они придумали еще новое. Они покрываютъ насъ безчестіемъ и требуютъ выдачи нашего незапятнаннаго штандарта. Въ ту минуту, какъ я пишу къ тебѣ, союзникъ, пасторъ Фрицъ уѣзжаетъ въ Бернъ, чтобы отклонить враговъ республики отъ унизительнаго для насъ требованія; но если онъ не успѣетъ въ своемъ предпріятіи до полудня, то намъ, какъ и другимъ нашимъ союзникамъ, остается умереть, отстаивая наши штандарты.

«Во имя республики, призываю тебя, союзникъ, соверши молитву въ нашей церкви, вмѣсто пастора Фрица, и укрѣпи народъ твоею проповѣдью».

— Гдѣ моя Библія? — спросилъ пасторъ, сожигая на свѣчѣ записку.

— Ты ѣдешь?—отчаянно проговорила слабая женщина по-французски.

— Гдѣ моя Библія?—переспросилъ пасторъ.

— Боже Всемогущій! Но твое дитя, Губертъ! Пощади насъ!—опять проговорила пасторша.

— Ульрихъ!—крикнулъ пасторъ, слегка толкая спавшаго на кровати пятилѣтняго ребенка.

— Боже мой! Что ты хочешь, Губертъ?

— Я хочу взять моего сына.

— Губертъ! Куда? Пощади его! Я его не дамъ тебѣ: ты его не возьмешь; я мать, я не дамъ!—повторяла жена.

— Я отецъ и возьму его,—отвѣчалъ спокойно пасторъ, бросая ребенку его штаны и камзольчикъ.

— Мама, не плачь, я самъ хочу ѣхать,—утѣшалъ ребенокъ, выходя за двери съ своимъ отцомъ и швицкимъ посланнымъ.

Пасторъ молча поцѣловалъ жену въ голову.

— Зачѣмъ ты везешь съ собою ребенка?—спросилъ гребецъ, усаживаясь въ лодку.

— Лодочники не спрашивали рыбака Теля, зачѣмъ онъ ведетъ съ собою своего сына,—сурово отвѣчалъ пасторъ, и лодка отчалила отъ Люцерна къ Швицу.

Еще задолго до разсвѣта лодка причалила къ кантону Швицъ.

Высокій, суровый пасторъ, высокій, гибкій швейцарецъ и среди ихъ маленькій карапузикъ встали изъ лодки и пѣшкомъ пошли къ дому швицкаго ландсмана.

Ребенокъ дрожалъ въ платьѣ, насквозь пробитомъ озерными волнами, но глядѣлъ бодро.

Ландсманъ погладилъ его по головкѣ, а жена ландсмана напоила его теплымъ виномъ и уложила въ постель своего мужа.

Она знала, что мужъ ея не ляжетъ спать въ эту ночь.

Люцернскій пасторъ говорилъ удивительную проповѣдь. Честь четырехъ кантоновъ, для слушателей этой проповѣди, была воплощена въ кускѣ бѣлаго полотна съ краснымъ крестомъ. Люди дрожали отъ ненависти къ французамъ.

Шайноха говоритъ, что современники видятъ только факты и не прозираютъ на результаты.

Ни ландсманъ, ни пасторъ, ни прихожане Люцерна не видѣли, что консульскія войска Франціи въ существѣ несли болѣе свободы, чѣмъ хранили ея консерваторы старой швейцарской республики.

На сценѣ были французскіе штыки, пьяные офицеры и распущенные солдаты, помнящіе времена либеральнаго конвента.

Въ роковой часъ полудня взводъ французскихъ гренадеръ вынесъ изъ дома ландсмана шестъ съ кускомъ бѣлаго полотна, на которомъ былъ нашитъ красный крестъ *).

Это былъ штандартъ четырехъ кантоновъ, взятый силою, несмотря на геройское сопротивленіе люцернцевъ.

За штандартомъ четыре гренадера несли высокаго человѣка съ круглою, рыжею головою, англійскаго склада. По его обуви струилась кровь.

За раненымъ вели ребенка, съ руками, связанными назади очень тонкимъ шнурочкомъ.

— Ну, что, bourgre allemand, попался?—шутилъ съ ребенкомъ гренадеръ.

— Я иду съ моимъ отцомъ,—отвѣчалъ на чистомъ французскомъ языкѣ ребенокъ.

— Tiou!—ты говоришь по-французски?

— Да, моя мать не умѣетъ говорить иначе,—отвѣчало дитя.

Черезъ два дня послѣ этого происшествія изъ дома, въ которомъ квартировалъ sous-lieutenant, вынесли длинную

---

*) Авторъ надѣется, что для него не обязательно слѣдовать неотступно свидѣтельствамъ Тьера.

тростниковую корзину, въ какихъ обыкновенно возятъ уголья. Это грубая корзина въ три аршина длины и полтора глубины, сверху довольно широкая, книзу совсѣмъ почти сходитъ на нѣтъ.

За такой корзиной, покрытой сверху зеленымъ полотномъ съ походной фуры, шли девять гренадеръ съ карабинами; затѣмъ въ трехъ шагахъ слѣдовалъ полувзводъ, предводимый sous-lieutenant'омъ.

Въ хвостѣ этого взвода старый гренадеръ несъ на рукахъ пятилѣтняго ребенка.

Дитя разспрашивало конвентинца, скоро ли оно увидитъ своего отца, и безпечно перебирало пухлою ручкою узорчатую плетенку кутаса и красивую шишку помпона.

Процессія остановилась у деревни, на берегу, съ котораго видна была гигантская гора, царственно возвышающаяся надъ четырьмя кантонами своею блестящею бѣлоснѣжною короною, а влѣво за нею зеленая Рютли.

Здѣсь, у извилистой горной дорожки, былъ врытъ тонкій бѣлый столбъ и возлѣ него выкопана могила.

Это было очень хорошее мѣсто для всѣхъ, кромѣ того, кого теперь принесли сюда въ угольной корзинѣ.

Гренадеры опустили корзину и вынули изъ нея пастора съ проколотыми ногами.

Онъ жестоко страдалъ отъ ранъ, и испачканное угольною пылью лицо его судорожно подергивалось, но глаза смотрѣли смѣло и гордо.

Пасторъ одною рукою оперся о плечо гренадера, а другою взялъ за руку сына.

Sous-lieutenant досталъ изъ кармана четвертушку бумаги и прочелъ приговоръ, по которому пасторъ Губертъ Райнеръ, за возмутительное неповиновеніе, былъ осужденъ на разстрѣляніе,—«а въ примѣръ прочимъ», добавилъ sous-lieutenant своимъ французско-страсбургскимъ нарѣчіемъ, «съ этимъ горнымъ козломъ мы разстрѣляемъ и его козленка. Капралъ! привяжите ихъ къ столбу!»

Обстоятельства дѣлали sous-lieutenant'а владыкою жизни и смерти въ мѣстности, занятой его отрядомъ. Онъ самъ составилъ и самъ конфирмовалъ смертный приговоръ пастора Райнера и могъ въ одинъ день безотвѣтственно разстрѣлять безъ всякаго приговора еще двадцать человѣкъ съ

тою короткою формальностью, съ которою осудилъ на смерть молодого козленка.

Пасторъ твердо, насколько ему позволяли раненыя ноги, подошелъ и сталъ у столба.

— Вы имѣете предсмертную просьбу?—спросилъ пастора капралъ.

— Имѣю.

— Что вы хотите?

— Чтобъ мнѣ не завязывали рукъ и глазъ, и чтобъ меня разстрѣляли на той сторонѣ озера: я хочу лежать ближе къ Рютли.

Капралъ передалъ просьбу sous-lieutenant'у, и черезъ минуту сообщилъ осужденному, что первая половина его просьбы будетъ исполнена, а на Рютли онъ можетъ смотрѣть отсюда.

Пасторъ взглянулъ на блестящую, алмазную митру горы, сжалъ ручонку сына и, опершись другою рукою о плечо гренадера, спокойно сталъ у столба надъ выкопанною у него ямою.

— Подвяжите меня только подъ плечи: этого совершенно довольно,—сказалъ онъ капралу.

Просьбу его исполнили.

— Теперь хорошо, — сказалъ пасторъ, поддерживаемый веревкой.—Теперь подайте мнѣ сына.

Ему подали ребенка.

Пасторъ взялъ сына на руки, прижалъ его къ своей груди и, обернувъ дитя задомъ къ выступившимъ изъ полувзвода впередъ десяти гренадерамъ, сказалъ:

— Смотри, Ульрихъ, на Рютли. Ты видишь, вонъ она тамъ, наша гордая Рютли, вонъ тамъ—за этою бѣлою горою. Тамъ, въ той долинѣ, давно-давно сошлись наши рыбаки и поклялись умереть за свободу...

До ушей пастора долетѣлъ неистовый вопль.

Онъ ждалъ выстрѣла, но не этихъ раздирающихъ звуковъ знакомаго голоса.

Пасторъ боялся, что ребенокъ также вслушается въ этотъ голосъ и заплачетъ. Пасторъ этого очень боялся и, чтобы отвлечь дѣтское вниманіе отъ материнскихъ стоновъ, говорилъ:

— Они поклялись умереть за то... чтобы по чистой Рютли не ходили подлыя ноги имперскихъ фогтовъ.

— Пали! — послышался пастору сердитый крикъ sous-lieutenant'a.

— Смотри на Рютли,—шепнулъ сыну пасторъ.

Дитя было покойно, но выстрѣла не раздавалось.

— Боже, подкрѣпи меня!—молился въ душѣ пасторъ.

А въ четырнадцати шагахъ передъ нимъ происходила другая драма.

— Мы не будемъ стрѣлять въ ребенка: эта женщина — француженка. Мы не будемъ убивать французское дитя! — вполголоса произнесли плохо державшіе дисциплину солдаты консульской республики.

— Что это? бунтъ! — крикнулъ sous-lieutenant и, толкнувъ замершую у его ногъ женщину, громко кликнулъ то самое «пали», которое заставило пастора указать сыну въ послѣдній разъ на Рютли.

Солдаты молча опустили къ ногѣ заряженныя ружья.

— Der Teufel!—произнесъ страсбургскій sous-lieutenant и велѣлъ взять ребенка.

— Прощай!—сказалъ пасторъ, отдавая капралу сына.— Будь честенъ и люби мать.

Черезъ пять минутъ въ деревнѣ всѣмъ послышалось, какъ будто на столъ ихъ была брошена горсть орѣховъ и тотъ же звукъ, хотя гораздо слабѣе, пронесся по озеру и тихо отозвался стонущимъ эхомъ на Рютли.

Пастора Губерта Райнера не стало.

Его жена пришла въ себя, когда все уже было кончено.

Увидѣвъ маленькаго Райнера въ живыхъ, она думала, что видитъ привидѣніе: она ничего не слыхала послѣ сердитаго крика: «пали».

Вдова Райнера покинула прелестную Рютли и переѣхала съ сыномъ изъ Швица въ Женеву. Здѣсь, отказывая себѣ въ самомъ необходимомъ, она старалась дать Ульриху Райнеру возможно лучшее воспитаніе.

Въ двадцать одинъ годъ Ульрихъ Райнеръ сталъ платить матери свой денежный долгъ. Онъ давалъ уроки и перемѣнилъ съ матерью мансарду на довольно чистую комнату, и у нихъ всякій день кипѣла кастрюлька вкуснаго бульона.

Но Ульрихъ Райнеръ не былъ доволенъ этимъ.

Ему было мало одного бульона и тѣсна ему казалась Женева.

Одни и тѣ же виды, несмотря на все свое великолѣпіе, приглядываются, какъ женина красота, и подстрекаютъ любопытное влеченіе приподнять завѣсу другихъ красотъ, отдохнуть на другой груди, послушать, какъ бьется иное сердце.

Въ это время Европа поклонялась предъ могуществомъ Россіи и полна была разсказовъ о славѣ, великодушіи и просвѣщеніи Александра I.

Ульрихъ Райнеръ съ великимъ трудомъ скопилъ небольшую сумму денегъ, обезпечилъ на годъ мать и, оплаканный ею, уѣхалъ въ Россію. Это было въ 1816 году.

Ульрихъ Райнеръ пріѣхалъ въ Россію статнымъ, прекраснымъ юношею. Онъ былъ похожъ на своего могучаго отца, но выраженіе его лица смягчилось нѣкоторыми тонкими чертами матери. Съ этого лица постоянно не сходило серьезное выраженіе Губерта Райнера, но на немъ не было губертовой холодности и спокойной флегмы: вмѣсто нихъ, лицо это дышало французскою живостью характера. Оно было вмѣстѣ и серьезно, и живо.

Въ то время иностранцамъ было много хода въ Россіи, и Ульрихъ Райнеръ не остался долго безъ мѣста и безъ дѣла. Тотчасъ же послѣ пріѣзда въ Москву онъ поступилъ гувернеромъ въ одинъ пансіонъ, а оттуда, черезъ два года, уѣхалъ въ Калужскую губернію наставникомъ къ дѣтямъ богатаго князя Тотемскаго.

Здѣсь Ульрихъ Райнеръ провелъ семь лѣтъ, скопилъ малую толику капитальца и, въ исходѣ седьмого года, женился на русской дѣвушкѣ, служившей вмѣстѣ съ нимъ около трехъ лѣтъ гувернанткой въ томъ же домѣ князей Тотемскихъ.

Жена Ульриха Райнера была прелестное созданіе. Въ ней могло плѣнять человѣка все, начиная съ ея ангельской русой головки до ангельской души, смотрѣвшей сквозь кроткіе глубокіе глаза.

Это была русская женщина, поэтически восполняющая прелестные типы женщинъ Бертольда Ауэрбаха. Она не была второю Женни и здѣсь не мѣсто говорить о ней много; но авторъ, находясь подъ неотразимымъ вліяніемъ этого типа, будетъ очень жалѣть, если у него недостанетъ силъ и умѣнья когда-нибудь въ другомъ мѣстѣ разсказать, что̀ за лицо была Марья Михайловна Райнеръ, и напомнить

сю одинъ изъ нашихъ улетающихъ и всѣми позабываемыхъ женскихъ типовъ.

Женясь на Марьѣ Михайловнѣ, Ульрихъ Райнеръ переѣхалъ въ Петербургъ и открылъ съ женою частный пансіонъ, въ которомъ самъ былъ и начальникомъ, и училъ языкамъ воспитанниковъ старшихъ классовъ.

Затрудняясь говорить по-русски, Райнеръ довольствовался скромнымъ званіемъ учителя языковъ, и въ исторіи литературы читалъ своимъ ученикамъ исторію народовъ.

Дѣла Райнера шли отлично. Капиталъ его росъ, здоровье служило, врожденной энергіи было много, женою былъ счастливъ безъ мѣры,—чего же болѣе?

Но Райнеръ не былъ изъ числа людей, довольныхъ однимъ матеріальнымъ благосостояніемъ.

Черезъ два года послѣ его женитьбы у него родился сынъ, опять представившій въ себѣ самое счастливое и гармоническое сочетаніе наружныхъ чертъ своего твердаго отца съ женственными чертами матери.

Рожденіе этого мальчика было поводомъ къ тяжелымъ семейнымъ сценамъ, дорого обошедшимся и Райнеру, и его женѣ, и самому ребенку.

Ульрихъ Райнеръ хотѣлъ, чтобы сынъ его былъ названъ Робертомъ, въ честь его стараго университетскаго друга, кельнскаго пивовара Блюма, отца прославившагося въ 1848 году нѣмецкаго демократа Роберта Блюма.

Этого нельзя было сдѣлать: сынъ швейцарца Райнера и его русской жены не могъ быть лютеранином.

Ульрихъ Райнеръ рѣшилъ никакъ не крестить сына, и ему это удалось.

Ребенокъ, пососавъ нѣсколько дней материнское молоко, отравленное материнскимъ горемъ, зачахъ, покорчился и умеръ.

Марія Райнеръ цѣлые годы неутѣшно горевала о своемъ некрещеномъ ребенкѣ и оставалась бездѣтною. Только весною 1840 года она сказала мужу: «Богъ услышалъ мою молитву: я не одна».

Четвертаго ноября 1840 года у Райнера родился второй сынъ.

Ульрихъ Райнеръ былъ теперь гораздо старше, чѣмъ при рожденіи перваго ребенка, и не сумасшествовалъ.

Ребенка при св. крещеніи назвали Васильемъ.

Отецъ звалъ его Вильгельмъ Робертъ. Мать, лаская дитя у своей груди, звала его Васей, а прислуга Вильгельмомъ Ивановичемъ, такъ какъ Ульрихъ Райнеръ въ Россіи именовался, для простоты рѣчи, Иваномъ Ивановичемъ. Вскорѣ послѣ похоронъ перваго сына, въ декабрѣ 1825 года, Ульрихъ Райнеръ рѣшительно объявилъ, что онъ ни за что не останется въ Россіи и совсѣмъ переселится въ Швейцарію.

Этотъ планъ очень огорчалъ Марью Михайловну Райнеръ и, несмотря на то, что крутой Ульрихъ, видя страданія жены, годъ отъ году откладывалъ свое переселеніе, но, тѣмъ не менѣе, все это терзало Марью Михайловну. Она была далеко не прочь съѣздить въ Швейцарію и познакомиться съ родными мужа, но совсѣмъ туда переселиться, съ тѣмъ, чтобы уже никогда болѣе не видать Россіи, она ни за что не хотѣла. Одна мысль объ этомъ повергала ее въ отчаяніе. Марья Михайловна любила родину такъ горячо и просто.

Въ такомъ состояніи была душа Марьи Михайловны Райнеръ, когда она дождалась второго сына, по ея словамъ, «вымоленнаго и выпрошеннаго у неба».

Марья Михайловна вся отдалась сыну. Она пользовалась первыми проявленіями умственныхъ способностей ребенка — старалась выучить его молиться по-русски Богу, спѣшила выучить его читать и писать по-русски и никогда не говорила съ нимъ ни на какомъ другомъ языкѣ. Предчувствуя, что рано или поздно ея Вася очутится въ средѣ иного народа, она всѣми силами старалась какъ можно болѣе посѣять и возрастить въ его душѣ русскихъ сѣмянъ и укоренить въ немъ любовь къ материнской родинѣ. Одна мысль, что ея Вася будетъ *иностранцемъ* въ Россіи, заставляла ее млѣть отъ ужаса и, падая ночью у дѣтской кровати передъ освѣщеннымъ образомъ Спасителя, она шептала: — «Господи! ими же вѣси путями спаси его; но пусть не моя совершится воля, а Твоя».

Отецъ не мѣшалъ матери воспитывать сына въ духѣ ея симпатій, но не оставлялъ его внѣ всякаго знакомства и съ своими симпатіями.

Пламенно восторгаясь, онъ читалъ ему Вильгельма Телля, избранныя мѣста изъ Орлеанской Дѣвы и заставлялъ наизусть заучивать огненные стихи Фрейлиграта, подготовлявшаго германскіе умы къ великому пожару 1848 года.

Мать Василья Райнера это ужасно пугало, но она не

смѣла противорѣчить мужу и только старалась усилить на сына своего кроткое вліяніе.

Такъ росъ ребенокъ до своего семилѣтняго возраста въ Петербургѣ. Онъ безмѣрно горячо любилъ мать, но питалъ глубокое уваженіе къ каждому слову отца и благоговѣлъ передъ его строгимъ взглядомъ.

Ребенокъ былъ очень благонравенъ, добръ и искренекъ. Онъ съ почтеніемъ стоялъ возлѣ матери за долгими всенощными въ церкви Всѣхъ Скорбящихъ; молча и со страхомъ вслушивался въ громовыя проклятія, которыя его отецъ въ кругу пріятелей слалъ Наполеону Первому и всѣмъ роялистамъ; каждый вечеръ повторялъ передъ образомъ: «но не моя, а Твоя да совершится воля», и засыпалъ, носясь въ нарисованномъ ему мірѣ швейцарскихъ рыбаковъ и пастуховъ, сломавшихъ несокрушимою волею желѣзныя цѣпи несноснаго рабства.

Собою осьмилѣтній Райнеръ былъ очаровательно хорошъ. Онъ былъ высокъ не по лѣтамъ, крѣпко сложенъ, имѣлъ русыя кудри, тонкій, правильный носъ, съ кроткими, синими глазами матери и рѣшительнымъ подбородкомъ отца. Лучшаго мальчика вообразить было трудно.

Приближался 1847 годъ. Въ Европѣ становилось неспокойно: опытные люди предвидѣли бурю, которая и не замедлила разразиться.

Въ концѣ 1847 года Ульрихъ Райнеръ имѣлъ нѣсколько непріятностей по пансіону. Это его меньше огорчало, чѣмъ сердило.

Наконецъ, возвратясь въ одинъ день съ довольно долгаго объясненія, онъ громко запретилъ дѣтямъ играть въ «республику» и объявилъ, что болѣе не будетъ держать пансіона.

Марья Михайловна, блѣдная и трепещущая, выслушала мужа, запершись въ его кабинетѣ, и уже не плакала, а тихо объявила: «Мы, Васенька, должны ѣхать съ отцомъ въ Швейцарію».

Пансіонъ былъ распущенъ, деньги собраны, Марья Михайловна съѣздила съ сыномъ въ Москву поклониться русскимъ святынямъ, и Райнеры оставили Россію.

На границѣ Марья Михайловна съ сыномъ стали на колѣни, поклонились до земли востоку и заплакали; а старый

Райнеръ сжалъ губы и сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе. Онъ стыдился уронить слезу.

Они ѣхали на Кельнъ.

Ульрихъ Райнеръ, какъ молодой, нетерпѣливый любовникъ, считалъ минуты, когда онъ увидитъ старика Блюма.

Наконецъ предсталъ и Блюмъ, и его пивной заводъ, и его сынъ Робертъ Блюмъ.

Это было очень хорошее свиданіе. Я такихъ свиданій не умѣю описывать.

Въ домѣ стараго пивовара всѣмъ было хорошо. Даже Марья Михайловна вошла въ очень хорошее состояніе духа и была очень благодарна молодому Роберту Блюму, который водилъ ея сына по историческому Кельну, объяснялъ ему каждую достопримѣчательность города и напоминалъ его исторію. Марья Михайловна и сама сходила въ неподражаемую каѳедру, но для ея религіознаго настроенія здѣсь было тяжело. Причудливость и грандіозность стиля только напоминали ей объ удаленіи отъ темнаго уголка въ Чудовомъ монастырѣ и боковомъ придѣлѣ Всѣхъ Скорбящихъ.

Зато съ сыномъ ея было совсѣмъ другое.

По цѣлымъ часамъ онъ стоялъ передъ «Снятіемъ со креста», вглядываясь въ каждую черту геніальной картины, а Робертъ Блюмъ тихимъ, симпатичнымъ голосомъ разсказывалъ ему исторію этой картины и рядомъ съ нею исторію самого геніальнаго Рубенса, его безалаберность, пьянство, его униженіе и возвышеніе. Ребенокъ стоитъ пораженный величіемъ общей картины кельнскаго Дома, а Робертъ Блюмъ опять говоритъ ему хватающія за душу рѣчи по поводу недоконченнаго собора.

Ульрихъ Райнеръ оставилъ семью у Блюма и уѣхалъ въ Швейцарію. Съ помощью старыхъ пріятелей онъ скоро нашелъ очень хорошенькую ферму подъ одною изъ горъ, вблизи боготворимой имъ долины Рютли, и перевезъ сюда жену и сына.

Домикъ Райнера, какъ и всѣ почти швейцарскіе домики, былъ построенъ въ два этажа и мѣстился у самаго подножія высокой горы, на небольшомъ, зеленомъ уступѣ, выходившемъ плоскою косою въ одинъ изъ неглубокихъ заливцевъ Фирвальдштетскаго озера. Нижній этажъ, сложенный изъ сѣраго камня, былъ занятъ службами, и тутъ же было помѣщеніе для скота; во второмъ этажѣ, обшитомъ

вычурною тесовою рѣзьбою, были жилыя комнаты, и наверху мостился еще небольшой мезонинъ въ два окна, обнесенный узорчатою галлереею.

Марья Михайловна поселилась съ сыномъ въ этомъ мезонинѣ, и по этой галлереѣ бѣгалъ кроткій, но рѣзвый Вильгельмъ-Робертъ Райнеръ, засматриваясь то на блестящія снѣговыя шапки горъ, окружающихъ со всѣхъ сторонъ долину, то слѣдя за тихимъ, медлительнымъ шагомъ коровъ, переходившихъ въ бродъ озерной заливецъ. Иногда ребенокъ взбирался съ галлереи на заросшую травою крышу и, усѣвшись на одномъ изъ лежащихъ здѣсь камней, цѣлые вечера смотрѣлъ на картины, согрѣваемыя краснымъ, горячимъ закатомъ солнца. Теплы, сильны и своеобычны эти вечернія швейцарскія картины. По мѣрѣ того, какъ одна сторона зеленаго дуба темнѣетъ и впадаетъ въ коричневый тонъ, другая согрѣвается, краснѣетъ; иглистыя ели и сосны становятся синими, въ водѣ вырастаетъ другой, опрокинутый лѣсъ; босые мальчики загоняютъ дойныхъ коровъ съ мелодическими звонками на шеяхъ; пробѣгаютъ крестьянки въ черныхъ спензеряхъ и яркоцвѣтныхъ юбочкахъ, а на рѣшетчатой скамейкѣ въ высокой швейцарской шляпѣ и сѣрой курткѣ сидитъ отецъ и ведетъ горячіе споры съ сосѣдомъ или заѣзжимъ гостемъ изъ Люцерна или Женевы.

Германская революція была во всемъ разгарѣ. Старикъ Райнеръ оставался дома и не принималъ въ ней, повидимому, никакого непосредственнаго участія, но къ нему безпрестанно заѣзжали какіе-то новые люди. Онъ всегда говорилъ съ этими людьми, запершись въ своемъ кабинетѣ, давалъ имъ проводниковъ, лошадей и денегъ, и самъ находился въ постоянномъ волненіи.

Пришло извѣстіе, что Робертъ Блюмъ разстрѣлянъ. Семья Райнеровъ впала въ ужасъ. Старушка мать Ульриха Райнера, переѣхавшая было къ сыну, отпросилась у него опять въ тихую іезуитскую Женеву. Старая француженка вездѣ ждала гренадеровъ Сюррирье и просила отпустить съ нею и внука въ ея безмятежно-молитвенный городъ.

Отцу было не до сына въ это время и онъ согласился, а мать была рада, что бабушка увезетъ ея сокровище изъ дома, который съ часу на часъ болѣе и болѣе наполнялся революціонерами.

Бабушка опредѣлила молодого Райнера въ женевскую гим-

пазію и водила его по воскресеньямъ въ домъ къ Джемсу Фази, но, несмотря на то, онъ черезъ годъ вернулся къ отцу ультра-клерикальнымъ ребенкомъ.

А между тѣмъ революція кончилась; Марисъ и Фрейлигратъ сидѣли за конторками у лондонскихъ банкировъ; Роберта Блюма уже не было на свѣтѣ и старческія трепетанія одряхлѣвшей нѣмецкой Европы успокоились подъ усмиряющія пѣсни публицистовъ и философовъ 1850 года. Все было тихо, и германскіе владѣльцы думали, что сдѣлать съ скудной складчиной, собранной на отстройку кельнской каѳедры?

Предсказанія Роберта Блюма исполнились: недостало цемента, чтобы спаять имъ со стѣною церкви камень, оставленный безъ заливки подневольнымъ каменщикомъ старой имперіи.

Старикъ Райнеръ, разбитый въ своихъ упованіяхъ, сидѣлъ одинъ, гнулся и, какъ ощипанный пѣтухъ, пряталъ свой обдерганный хвостъ.

— Эге, любезный сынокъ; да ты совсѣмъ женевскій піэтистъ сталъ у меня! — воскликнулъ, наконецъ, ощипанный старикъ и, рѣшивъ схоронить въ глубинѣ души свои разбитыя надежды, взялся самъ за воспитаніе сына.

Это воспитаніе продолжалось болѣе шести лѣтъ. Добрый германскій народъ, пошумѣвъ о единой Германіи, спокойно спалъ, пробуждаясь только для юристенъ-вальса, отвлеченныхъ словопреній и вполнѣ достигнутаго права на единое дешевое пиво. За ледяными горами Швейцаріи не такъ жарки казались вѣсти, долетавшія изъ Франціи, и старикъ Райнеръ оставался при своемъ дѣлѣ. Онъ училъ сына, пѣлъ гортанныя рулады къ республиканскимъ пѣснямъ, насвистывалъ аріи изъ Телля и, къ ужасу своей жены, каждый обѣдъ разражался адскими ругательствами надъ наполеонистами, ожидая отъ нихъ всеобщаго зла повсюду.

А время все шло.

На пятнадцатомъ году молодой Райнеръ лишился своей матери. Это былъ ужасный ударъ для юноши. Онъ вообще не видалъ своей матери счастливою и веселою со дня переселенія на озеро Четырехъ-Кантоновъ. Марья Михайловна постоянно грустила между чужими людьми, рвалась на родину и, покоряясь необходимости, смирялась и молилась передъ образомъ въ русской золоченой ризѣ. Она только одинъ

разъ была весела и счастлива. Это было вскорѣ послѣ сорокъ-осьмого года, по случаю пріѣзда къ Райнеру одного русскаго, съ которымъ бѣдная женщина ожила, припоминая то бѣлокаменную Москву, то калужскіе лѣса, живописныя чищобы и волнообразныя нивы съ лѣнивой Окой. Этотъ русскій былъ очень чуткій, мягкій и талантливый человѣкъ. Онъ не превосходилъ себя въ дарованіяхъ, будя въ душѣ Маріи Райнеръ томительно сладкія воспоминанія. Уйдя съ Ульрихомъ Райнеромъ послѣ ужина въ его комнату, онъ еще убѣдительнѣе и жарче говорилъ съ нимъ о другихъ сторонахъ русской жизни, далеко забрасывалъ за уши свою буйную гриву, дрожащимъ, нервнымъ голосомъ съ искрящимися глазами развивалъ старику свои молодыя думы и жаркія упованія.

Старикъ Райнеръ все слушалъ молча, положивъ на руки свою серебристую голову. Кончилась огненная, живая рѣчь, приправленная всѣми ѣдкими остротами красиваго и горячаго ума. Разсказчикъ сѣлъ въ сильномъ волненіи и опустилъ голову. Старый Райнеръ все не сводилъ съ него глазъ, и оба они долго молчали. Изъ-за горъ показался сѣрый утренній свѣтъ и сталъ наполнять незатѣйливый кабинетъ Райнера, а собесѣдники все сидѣли молча и далеко носились своими думами. Наконецъ Райнеръ приподнялся, вздохнулъ и сказалъ ломанымъ русскимъ языкомъ:

— Ню, а слюшайте, што я вамъ будетъ сказать: это, што вы мнѣ сказаль, никогда будетъ.

— Это будетъ!—крикнулъ русскій.

— Повѣрьте, мой друкъ, какъ это никогда будетъ.

— Вы не знаете Россіи.

— О, о-о! Я ошень карашо знаетъ Россія. Вы это никогда говорить. Я ошень карашо... Moi, je connais la Russie parfaitement. Это совсѣмъ не приходило время. Для Россіи... C'est trop tôt pour la Russie; cela n'est pas dans son esprit national. Cela ne lui porterait pas de bonheur. Oh! je la connais bien, la Russie... Я никому буду вѣрилъ, какъ этотъ планъ рекомендовать, я знаю, какъ онъ не придитъ теперь.

— Я это доказалъ въ моей брошюрѣ.

— И ви это никогда будете доказать на практика... Vous ne saurez jamais appliquer! jamais!

— У насъ *der* bineu mus.

— Bravo!

— Увидимъ!

— Eh bien! qui vivra, verra!

Жена Райнера, разумѣется, не слыхала этого разговора.

— Какъ странно,—сказала она мужу, проводивъ гостя:— мнѣ этотъ человѣкъ всегда представлялся такимъ желчнымъ, насмѣшливымъ и сердитымъ, а онъ такой милый и простой.

— Это всего чаще случается,—отвѣчалъ Райнеръ.

— Право, я желала бы, чтобы мой Вася походилъ на него,—проговорила Марья Михайловна, глядя съ нѣжностью на сына.

— А я не желалъ бы этого,—отвѣчалъ мужъ.

— Отчего же? Такой умъ, такая задушевность, прямота...

— Очень много говоритъ. Очень большіе планы задумываетъ, фантазеръ и поэтъ.

— Не понимаю, что ты говоришь.

— Говорю, что Вильгельмъ долженъ быть похожъ прежде всего самъ на себя.

Мать опять взглянула на сына, который молча стоялъ у окна, глядя своимъ взоромъ на пастуха, прыгавшаго по обрывистой тропинкѣ скалы. Она любовалась стройною фигурой сына и чувствовала, что онъ скоро будетъ хорошъ тою прелестною красотою, которая долго остается въ памяти.

Это, какъ сказано, былъ лучшій день въ швейцарской жизни Марьи Михайловны.

Къ гробу она сходила тихо и кротко, какъ жила на свѣтѣ. Не болѣла, не горѣла, какъ говоритъ народъ, а таяла, таяла и умерла. За три дня до смерти мужъ привезъ ей русскаго священника изъ посольства. Она была чрезвычайно рада этому; благодарила мужа, причастилась и три послѣдніе дня жизни все говорила съ сыномъ. Много она говорила ему обо всемъ, стараясь прозрѣть въ его будущность. Благодарила его за почтеніе къ ней, говорила объ обязанностяхъ человѣка къ Богу, къ обществу, къ семьѣ и къ женщинѣ. Послѣдній пунктъ особенно занималъ умирающую!

— Отъ жены зависитъ все твое счастіе, Вася. Выбирай жену осмотрительно. Слушай отцовскаго совѣта. Онъ опытенъ и уменъ,— заключала она долгій разговоръ, и потомъ, подумавъ и взявъ сына за руку, добавила: — И вотъ что еще, Вася. Ты ужъ не маленькій, все понимаешь. Исполни

еще одну мою предсмертную просьбу; я изъ-за могилы буду тебя благодарить и буду тобой гордиться. Храни ты, Вася, себя чистымъ. Это не такъ трудно, какъ говорятъ. Подумай, какая обида женщинѣ... когда ее не ждали. Подумай опять, какъ это гадко... и какъ честно, какъ пріятно сберечь себя. Берегись, другъ мой, и чистымъ веди къ алтарю женщину въ союзъ, опредѣленный Богомъ. Я не хочу тебя обязывать словомъ, но мнѣ было бы очень отрадно умирать, надѣясь, что ты, Вася, не забудешь моей просьбы.

— Я ее исполню, матушка,—отвѣчалъ молодой Райнеръ, становясь на колѣни и цѣлуя материну руку.

Такъ умерла madame Райнеръ вдалекѣ отъ нѣжно любимой родины и схоронена на приходскомъ кладбищѣ близъ долины Рютли.

Былъ опять русскій священникъ съ дьячкомъ, который пѣлъ надъ гробомъ Марьи Михайловны о мірѣ, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія, но жизнь безконечная.

Оба Райнера плакали, слушая эту поэтическую пѣснь о безконечной жизни, въ которую такъ крѣпко и такъ тепло вѣрила незлобивая покойница.

Послѣ этихъ похоронъ въ жизни Райнеровъ произошла большая перемѣна. Старикъ какъ-то осунулся и неохотно занимался съ сыномъ. Въ домъ переѣхала старушка-бабушка, забывшая счетъ своимъ годамъ, но отсутствіе Марьи Михайловны чувствовалось на каждомъ шагу. Болѣе всѣхъ отдавалось оно въ сердцѣ молодого Райнера.

Онъ былъ очень тщательно обученъ многому, между прочимъ, и былъ замѣчательный лингвистъ. Теперь онъ уже могъ и самъ продолжать свое домашнее образованіе безъ руководителя! Онъ могъ даже и такъ поступить въ любой университетъ, но разбитый старикъ объ этомъ пока не думалъ.

Молодому Райнеру послѣ матери часто тяжелъ былъ видъ опустѣвшаго дома, и онъ нерѣдко уходилъ изъ него на цѣлые дни. Съ книгою въ рукахъ ложился онъ на живописный обрывъ какой-нибудь скалы и читалъ, читалъ, или думалъ, пока усталость сжимала его глаза.

Молодой человѣкъ засыпалъ, начитавшись Тацита, или біографій Плутарха, и горячо настроенное воображеніе принималось рисовать передъ нимъ могучіе образы, высокія,

вдохновляющія картины. То видитъ онъ перепуганное лицо, которое молитъ рыбака перевезть его черезъ озеро изъ Люцерна въ Швицъ. «Я убилъ цезарскаго фогта за то, что онъ хотѣлъ оскорбить мою жену», говоритъ испуганный человѣкъ, блѣднѣя и озираясь во всѣ стороны. А озеро бушуетъ, высокіе черные валы ходятъ и воютъ. «Никто не поѣдетъ теперь черезъ озеро», говоритъ рыбакъ испуганному человѣку. «Спасите, умоляю васъ, за мною гонятся, спасите, у меня есть жена и дѣти», молитъ убійца фогта. «Что дѣлать! Мы оба погибнемъ,—отвѣчаетъ рыбакъ,—а у меня тоже есть жена и дѣти». Райнеръ слышитъ отчаянныя мольбы и видитъ сердитое озеро, грозящее смертью за дерзкія покушенія переѣхать его въ такую пору. Сердце его замираетъ отъ жалости и негодованія, а онъ не знаетъ, что дѣлать. Но вотъ изъ-за горы выходитъ рослый человѣкъ самаго кроткаго вида. За спиною у него сильный охотничій лукъ. Стрѣлокъ строго разспрашиваетъ убійцу о всѣхъ обстоятельствахъ убійства и потомъ вскакиваетъ въ лодку. «Посмотри на озеро, Телль,—говоритъ ему рыбакъ.—Сегодня день Симеона и Іуды и Фирвальдштетъ требуетъ своей жертвы. Не искушай Бога безумствомъ; у тебя жена и дѣти.» — «Честный человѣкъ послѣ всего думаетъ о себѣ: уповай на Бога твоего и спасай твоего брата», отвѣчаетъ стрѣлокъ, отвязывая лодку. «Телль, не искушай Бога безумствомъ»,—говоритъ ему рыбакъ. «Посмотри на озеро и вспомни, что сегодня день Симеона и день Іуды, въ который непремѣнно кто-нибудь долженъ погибнуть въ этихъ волнахъ.» — «Озеро еще можетъ смилостивиться, а цезарскій фогтъ никогда не смилуется», отвѣчаетъ охотникъ, отталкивая лодку, и челнокъ съ двумя сѣдоками то нырнетъ на свинцовыхъ волнахъ озера, то снова мелькнетъ на бѣломъ гребнѣ. Райнеръ узнаетъ въ гребцѣ лучшаго стрѣлка изъ Бюрглена въ кантонѣ Ури; онъ всматривается въ его одушевленное лицо и въ ушахъ его звучатъ простыя, евангельскія слова Вильгельма Телля: «Честный человѣкъ послѣ всего думаетъ самъ о себѣ». — Послѣ всего самъ о себѣ думаетъ въ эти минуты сонный Райнеръ и находитъ, что именно такъ только и можно думать человѣку, который хочетъ называться честнымъ. А воображеніе рисуетъ новую картину. За неумолимыми волнами озера показываются грозные всадники еще болѣе неумо-

лимаго фогта, слышны ихъ проклятія и тяжелые удары по оставшимся на берегу беззащитнымъ людямъ. Потомъ видѣется площадь въ Альторфѣ. Люди работаютъ себѣ темницу и постыдно шутятъ надъ своей неволей. — «Кто поселится въ этомъ подземельѣ, о томъ и пѣтухъ не запоетъ», говоритъ каменщикъ, сгибаясь подъ тяжелой ношей. — «Что руками состроено, то руки и разобрать могутъ», отвѣчаетъ прохожій. Этотъ прохожій опять Телль. Вотъ съ кровли тюрьмы падаетъ человѣкъ и убивается на мѣстѣ; кто-то разсказываетъ, что у него отняли воловъ цезарскіе солдаты; кто-то говоритъ о старикѣ, ослѣпленномъ пытальщиками. «Смерть фогтамъ за ослѣпленіе моего отца! Пора положить конецъ нашимъ угнетеніямъ!» восклицаетъ молодой голосъ. «Фогтъ живетъ въ недоступномъ Зарингѣ», говоритъ другой голосъ. — «Хоть бы онъ жилъ выше того мѣста, гдѣ вѣчная Юнгфрау сидитъ въ своемъ туманномъ покрывалѣ,—я найду его», отвѣчаетъ молодой голосъ.

И все опять тихо; шопотъ совсѣмъ не слышенъ и Райнеръ только отличаетъ тихій голосъ Телля: «Я не пойду на Рютли. Разсуждайте сами, а если вамъ понадобится дѣло, тогда зовите меня».

Райнеру видится его дѣдъ, стоящій у столба надъ выкопанной могилой. «Смотри, тамъ Рютли», говоритъ онъ ребенку, заслоняя съ одной стороны его дѣтскіе глаза. «Я не люблю много словъ. Пусть Вильгельмъ будетъ похожъ самъ на себя», звучитъ ему отцовскій голосъ.—«Что я сдѣлаю, чтобъ походить самому на себя?» спрашиваетъ сонный юноша. «Они сдѣлали уже все, что имъ нужно было сдѣлать для этихъ горъ.»

«Рютли! прекрасная Рютли! Было время, когда ты была такъ же прекрасна, и трава твоя щедро поливалась слезами», думаетъ Райнеръ, забываясь новымъ сномъ. И другое время встаетъ передъ нимъ. Стоитъ знойный полдень. По зеленой долинѣ и по горнымъ откосамъ шныряютъ фогтскіе сыщики. По лѣстницамъ, скользя и обрываясь, торопливо взбираются на скалы испуганные люди и слышатся свистящіе удары ремней. Потомъ ночь, — темная швейцарская ночь. Озеро спитъ спокойнымъ зеркаломъ, отражая рѣдкія звѣзды, взошедшія на небо. По скаламъ, со стороны Унтервальдена, осторожно, безъ малѣйшаго звука, опускаются десять человѣкъ и становятся въ тем-

ной Рютли. Стража прокричала два, изъ Швица слышенъ тонкій, замирающій звукъ монастырскаго колокола. — «Зажгите кучу хвороста, а то они не найдутъ насъ», говоритъ молодой голосъ. Краснымъ пламенемъ вспыхиваетъ хворостъ и освѣщаетъ еще десять человѣкъ, идущихъ со стороны Швица. Изъ-за горъ, надъ озеромъ, восходятъ двѣ луны. Это старая пора, это тысяча триста шестой годъ. Только въ этотъ годъ надъ озеромъ Четырехъ-Кантоновъ всходила двойная луна. «Гдѣ же люди изъ Ури?» спрашиваютъ, оглядываясь, швиццы. Кто-то отвѣчаетъ, что «имъ нужно обходить собакъ фогта». Со стороны Ури пробираются тридцать три человѣка. Урійцы отыскали вѣрныхъ людей болѣе, чѣмъ было условлено. Мелихталь разсказываетъ. Его разсказъ ужасенъ. «Я былъ вездѣ, — говоритъ онъ, — я видѣлъ моего слѣпого отца, лежащаго на чужой соломѣ, и... я не заплакалъ. Любовь отворила мнѣ двери фогта и я его видѣлъ, и я... его не убилъ. Но я высосалъ изъ кровавыхъ глазъ моего отца месть и отмщу нашимъ злодѣямъ».—«Мы не должны мстить за старое;—мы имѣемъ только право не допускать зла въ будущемъ», произнесъ симпатичный голосъ.

И Райнеръ видитъ два воткнутые въ землю меча и слышитъ взаимныя клятвы не храбриться напрасно, не гибнуть безслѣдно порознь. Слышитъ разсказы о равнодушіи германскаго императора къ жалобамъ швейцарцевъ и грозный обѣтъ собирать людей и отстоять свою свободу. Все предписываетъ осторожность. «Даже излишняя ревность къ дѣлу будетъ преступленіемъ, ибо кто осмѣлится самовольно вступаться въ общее дѣло, тотъ грабитъ общее достояніе», рѣшаетъ ночное рютлійское собраніе, расходясь въ виду зари, заигравшей на дѣвственномъ снѣгу окружныхъ горъ...

— «Кто осмѣлится самовластно вступиться въ общее дѣло, тотъ грабитъ чужое достояніе», — пробудясь, повторяетъ Райнеръ.

И еще разъ засыпаетъ Райнеръ и видитъ шестъ, а на шестѣ пустая шляпа, и возлѣ нея стоятъ два часовыхъ. Издали идетъ Телль съ сыномъ. Они не замѣчаютъ шляпы и разговариваютъ.—«Отецъ! правда ли, что тотъ лѣсъ заколдованъ и изъ его листьевъ сочится кровь?» — спрашиваетъ ребенокъ.—«Да,—говоритъ Телль,—лѣсъ заколдованъ,

чтобъ сдерживать лавины; но дитя мое, для каждой страны страшны не заколдованные лѣса и лавины, а люди, не имѣющіе вѣры другъ къ другу».—«Онъ не оказалъ почтенія къ шляпѣ!»—кричатъ солдаты, хватаясь за Телля. Выскакиваютъ изъ домовъ лучшіе граждане Альторфа, просятъ, молятъ за Телля — все напрасно. «У двухъ солдатъ немудрено взять и насильно»,—говоритъ кто-то изъ толпы.—«Бунтъ!» — кричатъ солдаты, и на планѣ картины показывается кавалькада. Фогтъ Геслеръ на конѣ и съ соколомъ, а съ нимъ красавица швейцарка Берта, впереди прочихъ. Фогтъ судитъ Телля.

Ребенка ставятъ у тополя и кладутъ яблоко на его головку: «Меня не нужно привязывать»,—говоритъ дитя и стоитъ твердо. Телль поднимаетъ лукъ, всѣ дрожатъ и закрываютъ глаза.—И видитъ потомъ Райнеръ кроткаго Телля, натягивающаго лукъ изъ ущелья, видитъ мертваго Геслера... шумъ, кровь, смерть, стоны! Наступаетъ роковая минута при Моргартенѣ: цезарскіе латники двинулись, ихъ закованныя груди невредимы; Винкельридъ бросается впередъ... втыкаетъ себѣ въ грудь пукъ вражескихъ копій и тѣмъ открываетъ своимъ дорогу. Ужасная картина! Когда она приснилась Райнеру, онъ проснулся и, увидавъ мирную Рютли и тихія окрестности, подумалъ: «Какъ хорошо, что это уже прошло и навѣрно никогда не возвратится снова. Ты теперь спокойная, счастливая сторона, на тебѣ не лежитъ чужеземное иго».

— Дайте мнѣ напиться,— проситъ юноша у крестьянки, сгибающейся подъ тяжелыми кувшинами и тянущей за собою четырехлѣтнее дитя.

«Странное дѣло! — думаетъ онъ, глотая свѣжую воду. — Этотъ ребенокъ такъ тощъ и блѣденъ, какъ мучной червякъ, посаженный на пробку. И его мать... Эта яркая юбка ветха и покрыта прорѣхами; этотъ спензеръ виситъ на ея тощей груди, какъ на палкѣ, ноги ея босы и исцарапаны, а издали это было такъ хорошо и живописно!»

— Отчего такъ худъ твой ребенокъ? — спрашиваетъ Райнеръ.

— Плохая пища, фермеръ. У меня нѣтъ дома. Я вдова, я работаю людямъ изъ хлѣба. Мнѣ некуда идти съ моимъ дитятей, я кормлю его тѣмъ, чего не съѣдятъ хозяйскія дѣти.

«Плохая пища!—думаетъ Райнеръ. — Этотъ мучной чер-

вякъ скоро умретъ, сидя на пробкѣ. Зачѣмъ люди не умѣютъ жить иначе? Какъ же иначе?.. Пусть хоть не такъ тѣсно межуютъ землю. Зачѣмъ они тѣснятся? Затѣмъ, чтобы расходиться на поиски хлѣба, потѣшать голодными пѣснями сытый развратъ. Твои свободные сыны, Швейцарія, служили наемными солдатами у деспотовъ; твои дочери ѣдутъ въ Петербургъ, Парижъ, Вѣну за такимъ хлѣбомъ, который становится поперекъ горла, пока его не смочатъ горючія слезы. Тѣсно людямъ! Мало имъ мѣста на широкомъ свѣтѣ!..»

И вотъ Райнеру рисуется просторъ, необъятный просторъ, не загроможденный скалами, не угрожаемый лавинами. По этому широкому раздолью тянутся широкія, голубыя ленты рѣкъ, стоятъ мѣстами дремучіе лѣса, колышатся буйныя нивы и въ воздухѣ носится сильный, немножко удушливый запахъ головастой конопли и пустоцвѣтныхъ замашекъ. Изрѣдка только по этому простору сидятъ убогія деревеньки, въ которыхъ живутъ люди, незнакомые почти ни съ какими удобствами жизни; еще рѣже видны бѣдныя церкви, куда народъ вноситъ свое горе, свою радость. Все здѣсь дѣлается не спѣша, тихо, опустя голову. Протяжно и уныло звучитъ изъ-за горки караульный колоколъ ближайшей церкви и еще протяжнѣе, еще унылѣе замираетъ въ воздухѣ пѣсня, весь смыслъ которой меньше заключается въ словахъ, чѣмъ въ надрывающихъ душу аханьяхъ и оханьяхъ, которыми эти слова пересыпаны.—А тамъ серебряная лампада, слабо мерцающая надъ серебряной ракой, мать, Робертъ Блюмъ и отецъ, заказывающій не многорѣчить и походить самому на себя...

Таково было дѣтство и ранняя юность Вильгельма Райнера.

— Тебѣ надо ѣхать въ университетъ, Вильгельмъ,—сказалъ старый Райнеръ, послѣ этого грустнаго, поэтическаго лѣта сновъ и мечтаній сына.—Въ Женевѣ теперь піетисты, въ Лозаннѣ и Фрейбургѣ іезуиты. Надо быть подальше отъ этихъ католическихъ науковъ. Я тебя посылаю въ Германію. Сначала поучись въ Берлинѣ, а потомъ можешь перейти въ Гейдельбергъ и Боннъ.

Вильгельмъ Райнеръ уѣхалъ. Полтора года онъ слушалъ лекціи въ Берлинѣ и подружился здѣсь съ Оскаромъ Бекеромъ, сдѣлавшимъ себѣ впослѣдствіи такую печальную извѣстность. Потомъ сходился на лекціяхъ въ Боннѣ съ молодыми владѣтельными принцами въ Германіи и, нако-

нецъ, попалъ въ Гейдельбергъ. Теперь онъ былъ совершеннымъ красавцемъ. Прелестныя русыя кудри вились и густыми локонами падали на плечи, открывая только съ боковъ античную бѣлую шею; по лицу проступалъ легкій пушокъ, обозначалась небольшая раздвавающаяся бородка и надъ верхней губою вились тоненькіе усики. Сентиментальныя нѣмочки Гейдельберга, любуясь очаровательною головою Райнера, въ шутку прозвали его *Christuskopf*, и скоро эта кличка замѣнила для него его настоящее имя.

Гедвига и Ида изъ Bier-Halle, около которыхъ всегда толпилась цѣлая куча студентовъ, дѣлали глазки Райнеру и весьма недвусмысленно улыбались, подавая ему кружку пива; но Райнеръ не замѣчалъ этого, какъ онъ не замѣчалъ и всѣхъ остальныхъ женщинъ, со стороны ихъ притягательнаго вліянія на мужчину.

Въ Гейдельбергѣ Райнеръ ближе всѣхъ держался славянскаго кружка и преимущественно сходился съ русскими и поляками. Чеховъ здѣсь было немного, но зато изъ среды ихъ Райнеръ выбралъ себѣ крѣпкаго друга. Это былъ Іосифъ Коляръ, поэтъ, энтузіастъ и славянскій федералистъ, родомъ изъ окрестностей Карлова Тына.

На двадцать второмъ году Вильгельмъ Райнеръ возвратился домой, погостилъ у отца и съ его рекомендательными письмами поѣхалъ въ Лондонъ. Отецъ рекомендовалъ сына Марпсу, Фрейлиграту и своему русскому знакомому, прося ихъ помочь молодому человѣку пристроиться къ хорошему торговому дому и войти въ общество.

Просьба старика была выполнена самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Черезъ мѣсяцъ послѣ пріѣзда въ Лондонъ, молодой Райнеръ былъ подручнымъ клеркомъ у Джемса Смита и имѣлъ входъ въ нѣсколько семейныхъ домовъ самыхъ разныхъ слоевъ.

Болѣе Райнеръ держался континентальнаго революціоннаго кружка и знакомился со всѣми, кто мало-мальски примыкалъ къ этому кружку. Отсюда, черезъ годъ, у Райнера составилось весьма обширное знакомство, и кое-кто изъ революціонныхъ эмигрантовъ стали поглядывать на него съ надеждами и упованіями, что онъ будетъ отличный слуга дѣлу.

Личныя симпатіи Райнера влекли его къ соціалистамъ. Ихъ теорія сильно отвѣчала его поэтическимъ стремленіямъ.—Поборниковъ національной независимости онъ ува-

жалъ за проявляемыя имъ силу и настойчивость и даже желалъ имъ успѣха; но къ ихъ планамъ не лежало его сердце. Никакого обособленія онъ не признавалъ нужнымъ при раздѣлѣ естественныхъ правъ человѣческаго рода.

Строгая англійская семья, съ чинными, благовоспитанными женщинами, имѣла на Райнера свое вліяніе. Онъ пересталъ избѣгать и бояться женщинъ и держался истымъ джентльменомъ, но природная застѣнчивость его не оставляла. Большого удовольствія въ этомъ обществѣ онъ не находилъ съ самаго начала, и къ концу перваго же года оно ему совершенно опротивѣло своею чопорностью, мелочностью и искусственностью. Его возмущало, что и хозяйка, и ея дочери, и ихъ кузины могутъ смертельно поблѣднѣть оттого, напримѣръ, что неосторожный гость свалитъ головою плетеный, бумажный «макассаръ» съ кресла, или совершитъ другое, столь же возмутительное преступленіе противъ общественнаго благоприличія. Онъ былъ въ семьяхъ квакеровъ и ирвингитовъ; говорилъ съ ихъ «ангелами» и ѣлъ ростбифъ съ ихъ «серафимами». Онъ всматривался въ женщинъ этого оригинальнаго кружка, и онѣ ему тоже не нравились. А между тѣмъ, Райнеръ сталъ подумывать о женщинахъ, удалялъ, впрочемъ, всякій сладострастный помыселъ и стремясь къ отысканію какого-то чистаго, сильнаго, героическаго, но весьма туманнаго идеала.

Въ это время Райнеру совершенно опротивѣлъ Лондонъ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ, и черезъ полгода ему сталъ гадокъ и Парижъ съ его императорскими бульварами, зуавами, галлереями, съ его сонными cochers, важными sergents de ville, голодными и раскрашенными raccrocheuse, ложью въ семьѣ и утопленницами на выставкѣ сенскаго Морга.

Революціонные парижскіе кружки тоже не нравились Райнеру. Еще онъ могъ симпатизировать федеративнымъ стремленіямъ чеховъ, но участіе католическаго духовенства и аристократіи въ дѣлахъ польской національности отворачивало его отъ этихъ дѣлъ. Брошенныя отцомъ сѣмена презрѣнія къ нацизму крѣпко разрослись въ молодомъ Райнерѣ, и онъ не могъ вообразить себѣ никакой роли въ какомъ бы то ни было участіи съ католическимъ попомъ. Къ тому же, какъ уже сказано, Райнеръ не былъ почитателемъ принципа національностей.

И тутъ-то ему вспомнились поэтизированные разсказы

о русской общинѣ, о прирожденныхъ наклонностяхъ русскаго народа къ соціализму: припомнились русскіе люди, которые заявили свою рѣшительность, и люди, пріѣзжавшіе изъ Россіи съ разсказами о своей рѣшительности и объ удобствѣ настоящей поры для коренного соціальнаго переворота, къ которому общество созрѣло, а народъ готовъ искони, и все ждетъ только опытныхъ вождей и смѣлыхъ застрѣльщиковъ.

Вильгельмъ Райнеръ вернулся въ Англію. Долго не раздумывая и вовсе не списываясь съ отцомъ, онъ спѣшно покончилъ свои дѣла съ конторою, обвертѣлъ себя листами русской лондонской печати и весною того года, въ который начинается нашъ романъ, явился въ Петербургѣ.

По соображеніямъ Райнера, самымъ логическимъ образомъ выведеннымъ изъ слышанныхъ разсказовъ русскихъ либераловъ-туристовъ, раздумывать было некогда: въ Россіи каждую минуту могла вспыхнуть революція въ пользу дѣла, которое Райнеръ считалъ законнѣйшимъ изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ и за которое давно рѣшилъ положить свою голову.

Таковъ былъ Райнеръ, съ которымъ мы мелькомъ встрѣтились въ первой книгѣ романа и съ которымъ намъ не разъ еще придется встрѣтиться.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Свои люди.

Наступилъ вечеръ великаго дня, въ который Араповъ долженъ былъ ввести Розанова къ *своимъ людямъ* и при этомъ случаѣ показать *чужого человѣка*.

Это былъ тяжелый, сѣрый день, безъ утренняго разсвѣта и безъ вечернихъ сумерекъ; день, непосредственно смѣняющій замѣшкавшуюся ночь и торопливо сгоняемый другою ночью.

Араповъ былъ не въ духѣ. Его что-то разстроило съ самаго утра и, къ тому же, онъ, какъ человѣкъ очень нервный, былъ весьма чувствителенъ къ атмосфернымъ вліяніямъ.

— Идемте,—сухо сказалъ онъ Розанову, взойдя къ нему въ семь часовъ вечера.

И они пошли.

Выйдя за ворота, Розановъ хотѣлъ взять извозчика, но Араповъ сказалъ, что не надо.

Они держали путь прямо къ старому казенному зданію.

— Здѣсь намъ надо повидать одного человѣка,—говорилъ Араповъ, входя подъ темную арку стараго зданія.

«Юлія, или подземелья замка Мадзини» и всѣ картинные ужасы эффектныхъ романовъ лэди Редклифъ вставали въ памяти Розанова, когда они шли по темнымъ коридорамъ оригинальнаго дворца. Взошли въ какую-то круглую комнату, ощупью добрались до одной двери и опять коридоръ, опять шаги раздаются какъ-то страшно и торжественно, а навстрѣчу никого не попадается. Потомъ пошли какіе-то завороты, лѣсенки и опять снова коридоръ. Въ темнотѣ, да для человѣка непривычнаго — точныя катакомбы. Наконецъ впереди мелькнуло сѣрое пятно: это была выходная дверь на какой-то дворикъ.

Приближаясь къ этому выходу, Розановъ сталъ примѣчать, что по сторонамъ коридора есть тоже двери, и у одной изъ нихъ Араповъ остановился и стукнулъ три раза палкой.

Въ отвѣтъ на этотъ стукъ послышались сначала очень глухіе шаги, потомъ они раздались близко и, наконецъ, дверь отворилась.

Передъ посѣтителями стоялъ солдатъ съ сальною свѣчою въ рукахъ.

— Дома?—спросилъ Араповъ, безцеремонно проходя мимо солдата.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ деньщикъ.

— Ну, все равно: дай мнѣ, Трошка, огня, я напишу ему записочку.

Солдатикъ пошелъ на цыпочкахъ, освѣщая сальною свѣчкою длиннѣйшую комнату, въ окна которой свѣтилъ огонь изъ противоположнаго флигеля. За первою комнатою начиналась вторая, немного меньшая; потомъ третья, еще меньшая, и, наконецъ, опять большая, въ которой были растянуты длинныя ширмы, оклеенныя обойною бумагою.

Вездѣ было очень пусто, даже почти совсѣмъ пусто, и только поразительнѣйшій безпорядокъ послѣдняго покоя придавалъ ему нѣсколько жилой видъ.

— Господинъ Райнеръ былъ у васъ нынче? — спросилъ Араповъ.

— Это французъ?

— Французъ.

— Были-съ.

— А чортъ дома? — спросилъ еще Араповъ, садясь за столъ, который столько же могъ назваться письменнымъ, сколько игорнымъ, обѣденнымъ или даже швальнымъ.

Здѣсь въ безпорядкѣ валялись книги, бумага, недошитый сапогъ, разбитыя игорныя карты, и тутъ же стояла тарелка съ сухарями и кровяной колбасой, бутылка съ пивомъ и чернильница.

Араповъ велѣлъ позвать къ себѣ «чорта» и оторвалъ кусокъ бумаги отъ какой-то тетради; а Розановъ присѣлъ было на придвинутое къ столу кресло, но тотчасъ же, вмѣстѣ съ нимъ, полетѣлъ на полъ.

— Садитесь на диванъ; оно безъ ножки, — проговорилъ, засмѣявшись, Араповъ и опять сталъ писать.

Изъ двери, въ которую исчезъ деницикъ, сопя и покачиваясь, выступила тяжелая, массивная фигура въ замасленномъ, дубленомъ полушубкѣ.

— Это ты, чортъ?—спросилъ, не оборачиваясь, Араповъ.

— Я-съ,—произнесла сиплымъ голосомъ фигура.

— Отыщи ты сейчасъ капитана.

— Слушаю-съ.

— Ты знаешь, гдѣ онъ?

— Нѣтъ, не знаю-съ.

— Ну, разыщи.

Араповъ сталъ складывать записку, а докторъ разсматривалъ стоящаго у двери «чорта».

Богъ знаетъ, что это было такое: роста огромнаго, ручищи длинныя, ниже колѣнъ, голова какъ малый пивной котелъ, говоритъ сиплымъ басомъ, ротъ до ушей и такой непріятный, и подлый, и чувственный, и холодно-жестокій.

— На, и иди, — сказалъ Араповъ, подавая «чорту» записку, послѣ чего тотъ сейчасъ же исчезъ за дверью.

— У кого это мы были? — спрашивалъ Аранова Розановъ, выходя изъ-подъ темной арки на улицу.

— Узнаете,—нехотя отвѣтилъ Араповъ.

— А что это за чортъ?

— А это, батюшка, артистъ: иконописаніемъ занимался и бурлакомъ былъ и чортъ его знаетъ, чѣмъ онъ не былъ.

— А теперь, что онъ тутъ дѣлаетъ?

— Ничего, — папиросы намъ дѣлаетъ, да паспорта себѣ ожидаетъ съ того свѣта,— отвѣчалъ, улыбнувшись, Араповъ.

Розановъ видѣлъ, что «чортъ» одна изъ тѣхъ многочисленныхъ личностей, которыя обитаютъ въ Москвѣ, цѣлый вѣкъ таясь и пресмыкаясь, и понималъ, что этому созданію съ вѣроятностью можно ожидать паспорта только на тотъ свѣтъ; но какъ могли эти ручищи свертывать и подклеивать тонкую папиросную гильзу—Розановъ никакъ не могъ себѣ вообразить, однакоже ничего не сказалъ угрюмому Арапову.

По трехпогибельному тротуару одной изъ педальныхъ улицъ Розановъ вмѣстѣ съ Араповымъ дошли до параднаго подъѣзда одного очень опрятнаго домика и по чистенькой лѣсенкѣ, освѣщенной мѣдною лампочкою, вошли въ тепленькую и опрятную квартиру.

Пока человѣкъ бралъ ихъ верхнее платье, въ довольно ярко освѣщенномъ зальцѣ показался весьма миловидный молодой офицеръ въ нѣсколько длинноватомъ сюртукѣ.

Въ то время нѣкоторое удлиненіе полъ противъ форменнаго покроя, въ извѣстныхъ военныхъ кружкахъ, считалось признакомъ благовоспитанности, солиднаго либерализма и порядочности.

— Хозяинъ дома, Казиміръ Викентьевичъ Рациборскій,— сказалъ Розанову Араповъ: — вамъ честь имѣю рекомендовать Дмитрія Петровича Розанова, — добавилъ онъ, обращаясь къ хозяину.

Рациборскій очень любезно пожалъ руку Розанова и поблагодарилъ его за знакомство.

— Что-жъ, никого еще нѣтъ?—спросилъ Араповъ, когда они перешли изъ маленькаго зальца въ столь же маленькую и уютную гостиную.

— Нѣтъ, кое-кто есть,—отвѣчалъ Рациборскій.

— До «шваховъ» еще долго?

— Да, теперь въ началѣ восьмой; раньше восьми никто не будетъ,—отвѣчалъ скромно хозяинъ.

Вообще всѣ его слова и манеры были какъ нельзя болѣе подъ-стать его сюртуку, краснорѣчиво говорили о его благовоспитанности и съ перваго же раза располагали въ его пользу.

— Такъ время дорого,—замѣтилъ Араповъ.

— Да,—произнесъ, улыбаясь, Рациборскій:—оно всегда

дорого,—и не спѣша добавилъ:—Позвольте попросить васъ, г. Розановъ, въ мою рабочую комнату.

Всѣ втроемъ они перешли по мягкому ковру въ третью комнату, гдѣ стояла кровать хозяина и хорошенькая спальная мебель.

Рациборскій подошелъ къ приставленному у стѣны шкапу краснаго дерева и не повернулъ, а подавилъ внутрь вложенный въ двери ключъ.

Шкапъ открылся и показалъ другую дверь, которую Рациборскій отперъ, потянувъ ключъ на себя.

За второю дверью висѣло толстое зеленое сукно.

Рациборскій отдернулъ за шнурокъ эту плотную занавѣску, и они вошли въ большую, ярко освѣщенную комнату, застланную во весь полъ толстымъ плетенымъ ковромъ и съ окнами, закрытыми тяжелыми шерстяными занавѣсками.

Убранство этой комнаты было также весьма мило и изящно, но придавало покою какой-то двойственный характеръ. Вдоль всей стѣны, подъ окнами,—стоялъ длинный, некрашеный столъ, въ которомъ были въ рядъ четыре выдвижные ящика съ мѣдными ручками. На этомъ столѣ помѣщалось нѣсколько картонныхъ коробокъ для бумагъ, небольшая гальваническая батарея, двѣ модели нарѣзныхъ пушекъ, двѣ чертежныя доски, съ натянутыми на нихъ листами ватманской бумаги; доска съ закрытымъ чертежомъ, роскошная чернильница, портретъ Лелевеля, портретъ Герцена и художественно-исполненная свинцовымъ карандашомъ женская головка съ подписью:

«To Litwinka, dziewica bohater,
Wodz Powstancow: Emilia Plater».

Надъ столомъ еще висѣлъ портретикъ прекрасной молодой женщины, подъ которымъ изъ того же поэта можно было бы написать:

«I nie potrzeba tlumaczyć,
Co chce slyszać, co zobacyć».

Столъ освѣщался большою солнечною лампою.

Далѣе, въ углубленіи комнаты, стояли мягкій полукруглый диванъ и нѣсколько такихъ же мягкихъ креселъ, обитыхъ зеленымъ трипомъ. Передъ диваномъ стоялъ небольшой орѣховый столикъ съ двумя свѣчами. Къ стѣнѣ, выходившей къ спальнѣ Рациборскаго, примыкала длинная

оттоманка, на которой свободно могли улечься два человѣка, ноги къ ногамъ. У четвертой стѣны, прямо противъ дивана и орѣховаго столика, были два шкапа съ книгами и между ними опять тяжелая занавѣска изъ зеленаго сукна, ходившая на кольцахъ по мѣдной проволокѣ.

— Господа! позвольте мнѣ представить вамъ новое лицо, которое мы должны принять по-братски,—произнесъ Рациборскій, подводя Розанова за руку къ столику, передъ которымъ сидѣли четыре человѣка.

Гости встали и вѣжливо поклонились вошедшимъ.

— Студентъ Кастанъ Слободзинскій, съ Волыни,—рекомендовалъ Розанову Рациборскій:—капитанъ Тарасъ Никитичъ Барилочка,—продолжалъ онъ, указывая на огромнаго офицера, — иностранецъ Вильгельмъ Райнеръ и мой дядя, старый офицеръ бывшихъ польскихъ войскъ, Владиславъ Ѳомичъ Ярошинскій. Съ послѣднимъ и вы, Араповъ, незнакомы: позвольте васъ познакомить,—добавилъ Рациборскій и тотчасъ же пояснилъ: — мой дядя соскучился обо мнѣ, не вытерпѣлъ, пока я возьму отпускъ, и вчера пріѣхалъ на короткое время въ Москву, чтобы повидаться со мною.

— Да, давно южъ не видѣлись, захотѣлъ повидѣться, — проговорилъ бывшій офицеръ польскихъ войскъ, пожавъ руки Аранову и Розанову.

Райнеръ поклонился Розанову, какъ совершенно незнакомому человѣку, и, отойдя, сталъ у рабочаго стола Рациборскаго.

Араповъ сказалъ Барилочкѣ, что они сейчасъ заходили къ нему и послали за нимъ «чорта», и тотчасъ же завязалъ разговоръ съ Ярошиньскимъ, стараясь держаться какъ-то и таинственно, и рѣшительно, и ловко.

Розановъ присѣлъ на концѣ длинной оттоманки и сталъ разсматривать комнату и лицъ, въ ней находящихся.

Изъ неодушевленной обстановки онъ замѣтилъ то, что мы упомянули, описывая физіономію рабочаго покоя Рациборскаго. Розановъ зналъ, въ какую сферу его вводитъ новое знакомство, и обратилъ свое вниманіе на живыхъ людей, которые здѣсь присутствовали.

Капитанъ Барилочка былъ хохолъ не хитрой расы, но типъ, прямо объясняющій «звиткіля вінъ узявся». Если бы Барилочку привезти на полтавскую или на роменскую яр-

марку, то непремѣнно бы заговорили: «Дывись, дывись отъ цэ, якъ вырядився Фонфачки сынокъ, що зъ Козельце».

Капитанъ былъ человѣкъ крупный, тѣлесный, нрава на видъ мягкаго, веселаго и тоже на видъ откровеннаго. Голосъ имѣлъ громкій, бакенбарды густѣйшія, носъ толстый, глазки слащавые, и что въ его мѣстности называется «очи пивныя». Усы, закрывавшіе его длинную верхнюю губу, не позволяли видѣть самую характерную черту его весьма незлого, но до крайности ненадежнаго лица. Лѣтъ ему было подъ сорокъ.

Студентъ Слободзинскій былъ на видъ весьма кроткій юноша, — высокій, довольно стройный, съ нѣсколько ксендзовскимъ, острымъ носомъ, сѣрыми умными глазами и очень сдержанными манерами. Ему было двадцать два, много двадцать три года.

Офицеръ польскихъ войскъ была фигура показная. Это былъ типъ старопольскаго пана средней руки. Онъ имѣлъ на видъ лѣтъ за пятьдесятъ, но на головѣ у него была густая шапка сѣдыхъ, буйно разметанныхъ волосъ. Подбородокъ его и щеки были тщательно выбриты, а ротъ совсѣмъ закрывался сѣдыми усищами, спускавшимися съ угловъ губъ длинными концами ниже челюстей. Высокій, умный, но холодный лобъ Ярошиньскаго былъ правильно подлиненъ двумя почти сходившимися бровями, изъ которыхъ еще не совсѣмъ исчезъ черный волосъ молодости, но еще болѣе молодости было въ черныхъ, тоже очень умныхъ его глазахъ. Манеры Ярошиньскаго были вкрадчивыя, но пріятныя. Одѣтъ онъ былъ въ суконную венгерку со шнурами, и руки почти постоянно держалъ въ широкихъ шароварахъ со сборами.

Не успѣлъ докторъ осмотрѣть эти лица, на что было истрачено гораздо менѣе времени, сколько израсходовалъ читатель, пробѣжавъ сдѣланное мною описаніе, какъ надъ суконною занавѣсою, противъ дивана, раздался очень тихій звонокъ.

— Швахи наступаютъ,—произнесъ, обращаясь къ Рациборскому, Араповъ.

Рациборскій ничего не отвѣтилъ, но тотчасъ же вышелъ въ дверь черезъ свою спальню.

Райнеръ все стоялъ, прислонясь къ столу и скрестя на

груди свои сильныя руки; студентъ и Барилочка сидѣли молча, и только одинъ Араповъ спорилъ съ Ярошиньскимъ.

— Нѣтъ-съ,—говорилъ онъ Ярошиньскому въ то время, когда вышелъ Рациборскій и когда Розановъ пересталъ смотрѣть, а началъ вслушиваться.—Нѣтъ-съ, вы не знаете, въ какую мы вступаемъ эпоху. Наша молодежь теперь не прежняя, вездѣ есть движеніе и есть люди на все готовые.

— Оповядалъ мнѣ Казя, оповядалъ, и шкода мнѣ этихъ людзей, если они есть такіе.

— Какъ же вы жалѣете ихъ? Нужно же кому-нибудь гибнуть за общее дѣло. Вы же сами сражались вѣдь за свободу.

— О, да! Мы стары люди: мы не терезнейшихъ... Мы не тэпершнейшего вѣку, — снисходительно говорилъ Ярошиньскій.

— Да вѣдь вотъ то-то и есть несчастье Польши, что она Россіи не знаетъ и не понимаетъ.

— Вотъ этое, что правда, то правда,—подтвердилъ полякъ, зная, что уста его надежно декорированы усами, сквозь которые ничей глазъ не замѣтитъ презрительно насмѣшливой улыбки.

— А вотъ передъ вами сколько человѣкъ? Одинъ, два, три... ну, четвертый, положимъ, полякъ... и всѣ одного мнѣнія и всѣ пойдемъ и ляжемъ...

Подъ сѣдыми усами, вѣроятно, опять что-то шевельнулось, потому что Ярошиньскій не сразу заговорилъ:

— Оборонь васъ Боже, пановє. Я и Казю просилъ и тебѣ говору, Каетанцю,—обратился онъ къ студенту,—не рушtесь вы. Хиба еще мало и польской и россійской шляхетной крови пролялось. Сѣдьте тихо, посядайте науки, да молите Пана Бога. Оружность, велика оружность потребна въ такей порѣ. Народъ злый сталъ. Цо я тутай слышалъ отъ Кази и что вы мнѣ говорите, я разумѣю за дзецинады... за дѣтинство, — пояснилъ Ярошиньскій, очень затрудняясь наборомъ русскихъ словъ:—Але якъ вы можете такъ звращать увагу на иньшихъ людзей! Якій-кольвекъ блазень, якій кольвекъ лёкай, хлопъ, а найгоржей хлопъ тыле людзей може загубить, же самъ и сотки одъ нихъ не вартъ.

— О, нѣтъ-съ! Ужъ этого вы не говорите. Нашъ народъ не таковъ, да ему не изъ-за чего насъ выдавать. Наше начало тѣмъ и вѣрно, тѣмъ несомнѣнно вѣрно, что мы стремимся къ революціи, на совершенно иномъ принципѣ.

Въ комнату снова вошелъ Рациборскій и, подойдя къ Арапову, подалъ ему сложенную бумажку.

— Что это?

— Вѣрно ваше письмо.

— Какое?

— «Чортъ» принесъ, Тараса Никитича отыскивалъ.

— Вы сказали, что его нѣтъ.

— Да, сказалъ, что нѣтъ.

— А тамъ кто у васъ?

— Никого еще нока: это «чортъ» звонилъ.

— Co to za nazwisco ciekawe? Powiedz mnie Kaziu, prosze ciebie,—произнесъ удивленный старикъ, обращаясь къ племяннику.—Co to jest takiego: chyba juz doprawdy wy i z diablami tutaj poznajomiliscie?—добавилъ онъ смѣючись.

— Да, это вотъ они, мужики, одного «чортомъ» зовутъ,—отвѣчалъ по-русски Рациборскій.

— То-то, а я, якъ провинціялъ, думаю, что можетъ тутейшая наука млодыхъ южъ и дьябла до услугъ сѣбѣ забрала,—проговорилъ опять играя старикъ.

Надъ занавѣскою снова раздался мелодическій звонъ, и Рациборскій опять ушелъ черезъ свою спальню.

— Гости?—спросилъ старикъ Арапова.

— Вѣрно гости.

— Все такіе, якъ и вы?

— Нѣтъ, тамъ всякіе бываютъ: мы ихъ зовемъ «швахами».

— Ну, такъ я къ нимъ; бесѣдуйте себѣ,—я мое сдѣлалъ, лучше волю не слышать, ежели не хотите меня послухать,—проговорилъ шутя старикъ и поднялся.

Проходя мимо Арапова, онъ потрепалъ его, на старческомъ правѣ, по плечу и тихо проронилъ со вздохомъ:

— Охъ, глова, глова горячая, не даромъ тебѣ згинуты.

Совершивъ свою манипуляцію и пророческое предсказаніе надъ головою Арапова, Ярошиньскій ушелъ въ ту же дверь, въ которую передъ тѣмъ вышелъ его племянникъ.

Надъ занавѣскою опять прозвонило и вслѣдъ затѣмъ голосъ Рациборскаго произнесъ въ комнатѣ:

— Идите кто-нибудь, много чужихъ.

Розановъ съ изумленіемъ оглядѣлъ комнату: Рациборскаго здѣсь не было, а голосъ его раздавался у нихъ надъ самымъ ухомъ.

Араповъ и Барилочка расхохотались.

— Механика, батюшка,—произнесъ Араповъ съ видомъ авторитетнаго старѣйшинства:—каменія глаголятъ.

Въ двери, которою до сихъ поръ входили, показался Рациборскій и сказалъ:

— Идите, господа, понемножку; идите вы, Тарасъ Никитичъ.

Барилочка всталъ и исчезъ за занавѣскою, надъ которой повременамъ раздавался тоненькій звонъ серебрянаго колокольчика.

— Чего вы смѣетесь, Араповъ?—спросилъ Рациборскій.

Араповъ разсказалъ, въ смѣшномъ видѣ, розановское удивленіе при звонкахъ и таинственномъ зовѣ, и вышелъ изъ этой комнаты.

— Это простая вещь, я виноватъ, что не разсказалъ вамъ ранѣе,—любезно проговорилъ Рациборскій:—я живу одинъ съ человѣкомъ, часто усылаю его куда-нибудь, а самъ сижу постоянно за работою, въ этой комнатѣ, такъ долженъ былъ позаботиться о нѣкоторыхъ ея удобствахъ. Отсюда ничего не слышно; этотъ коверъ и мебель удивительно скрадываютъ звуки, да я и самъ заботился, чтобы мнѣ ничто не мѣшало заниматься; поэтому звонокъ, который вы здѣсь слышите, просто соединенъ, на случай выхода слуги, съ наружнымъ колокольчикомъ. А голосъ... это просто... видите,—Рациборскій подошелъ къ открытому мѣдному отдушнику и пояснилъ:—это не въ печкѣ, а въ деревянной стѣнѣ, печка вотъ гдѣ. Это я сдѣлалъ, чтобы знать кто приходитъ, потому что иногда нѣтъ покоя отъ посѣтителей. Когда тотъ конецъ открытъ, здѣсь все слышно, что говорится въ передней. Вы извините, пожалуйста, что я не предупредилъ васъ, здѣсь нѣтъ никакихъ тайнъ,—проговорилъ Рациборскій и, пригласивъ гостей идти въ общія комнаты, вышелъ.

За Рациборскимъ тотчасъ же ушелъ за занавѣску подъ звонкомъ Слободзинскій.

Розановъ остался одинъ съ Райнеромъ.

— Какъ вамъ живется, Райнеръ?—освѣдомился докторъ.

— Благодарю. Какими вы здѣсь судьбами?

Розановъ наскоро сообщилъ цѣль своего пріѣзда въ Москву и спросилъ:

— Зачѣмъ вы меня не узнали?

— Такъ, я не сообразилъ, какъ мнѣ держаться съ вами:

вы вошли такъ неожиданно. Но мы можемъ сдѣлать видъ, что слегка знакомы. Секретъ не годится: Пархоменко все сболтнетъ.

— Да и здѣсь, можетъ-быть, стѣны слышатъ, что мы говоримъ съ вами,—прошепталъ ему на ухо Розановъ.

— Идемте, однако,—сказалъ Райнеръ.

— Пойдемте.

— Нѣтъ, вмѣстѣ нельзя; идите вы впередъ, вотъ въ эту дверь: она ведетъ въ буфетъ и васъ тамъ встрѣтитъ человѣкъ.

Розановъ отодвинулъ занавѣску, потомъ отворилъ дверь, за нею другую дверь, и вышелъ изъ шкапа въ чистенькую каморочку, гдѣ стояла опрятная постель слуги и буфетный шкапъ.

Его встрѣтилъ слуга и черезъ дверь, сдѣланную въ дощатой перегородкѣ, отдѣлявшей переднюю отъ буфета, проводилъ до залы.

По залѣ ходили два господина. Одинъ высокій, стройный брюнетъ, лѣтъ двадцати пяти; другой маленькій блондинчикъ, щупленькій и какъ бы сжатый въ комочекъ. Брюнетъ былъ очень хорошъ собою, но въ его фигурѣ и манерахъ было очень много изысканности и чего-то говорящаго: «не тронь меня». Черты лица его были тонки и правильны, но холодны и дышали эгоизмомъ и безучастностью. Вообще физіономія этого красиваго господина тоже говорила «не тронь меня»; въ ней видимо преобладали цинизмъ и половая чувственность, мелкая завистливость и злобная мстительность исподтишка. Красавецъ былъ одѣтъ безукоризненно и не снималъ съ рукъ тонкихъ лайковыхъ перчатокъ блѣдно-зеленаго цвѣта.

Блондинчикъ, напротивъ, былъ грязноватъ. Его сухіе, изжелта-сѣрые, нѣсколько волнистые волосы лежали весьма некрасиво; бѣлье его не отличалось такою чистотою, какъ у брюнета; одѣтъ онъ былъ въ пальто безъ талій, сшитое изъ коричневаго трико, съ какою-то малиновою искрой. Маленькіе сѣрые глазки его безпрестанно щурились и смотрѣли умно, но измѣнчиво. Минутою въ нихъ глядѣла самонадѣянность и заносчивость, а потомъ вдругъ это выраженіе быстро падало и уступало мѣсто какой-то робости, самоуничиженію и задавленности. Маленькія сѣрыя ручки и сморщенное сѣрое личико блондина придавали всему ему

какой-то неотмываемо грязный и непріятный видъ. Словно сквозь кожистые покровы проступала внутренняя грязь.

Розановъ, проходя, слегка поклонился этимъ господамъ, и въ отвѣтъ на его поклонъ брюнетъ отвѣчалъ самымъ вѣжливымъ и изысканнымъ поклономъ, а блондинъ только прищурилъ глазки.

Въ гостиной сидѣли панъ Ярошиньскій, Араповъ, хозяинъ дома и какой-то рыжій, растрепанный коренастый субъектъ. Араповъ продолжалъ бесѣду съ Ярошиньскимъ, а Рациборскій разговаривалъ съ рыжимъ.

При входѣ Розанова, Рациборскій всталъ, пожалъ ему руку и потомъ отрекомендовалъ его Ярошиньскому и рыжему, назвавъ при этомъ рыжаго Петромъ Николаевичемъ Бычковымъ, а Розанова—пріятелемъ Арапова.

При вторичномъ представленіи Розанова Ярошиньскому полякъ держалъ себя такъ, какъ будто онъ до сихъ поръ ни разу нигдѣ его не видѣлъ.

Не успѣлъ Розановъ занять мѣсто въ укромной гостиной, какъ въ залѣ послышался веселый, громкій говоръ и вслѣдъ затѣмъ въ гостиную вошли три человѣка; блондинъ и брюнетъ, которыхъ мы видѣли въ залѣ, и Пархоменко.

Пархоменко былъ черномазенькій хлопчикъ, лѣтъ весьма молодыхъ, съ широкими скулами, непропорціонально узкимъ лбомъ и еще болѣе непропорціонально узкимъ подбородкомъ, на которомъ, по вычисленію пріятелей, съ одной стороны росло семнадцать коротенькихъ волосинокъ, а съ другой — двадцать четыре. Держалъ себя Пархоменко весьма развязнымъ и весьма нескладнымъ развихляемъ, питалъ національное предубѣжденіе противъ носовыхъ платковъ и въ силу того безпрестанно дергалъ лѣвою щекою и носомъ, а въ минуты размышленія съ особеннымъ тщаніемъ и ловкостью выдавливалъ пальцемъ свой правый глазъ. Лиза нимало не ошиблась, назвавъ его «дурачкомъ» послѣ меревскаго бала, на которомъ Пархоменко впервые показался въ нашемъ романѣ. Пархоменко былъ такъ себѣ, шальной, дурашливый, петербургскій хохликъ, что называется «безглуздая ледащица».

При входѣ Пархоменки, опять началась рекомендація.

— Прохоръ Матвѣевичъ Пархоменко, — сказалъ Рациборскій, представивъ его разомъ всей компаніи, и потомъ поочередно назвалъ ему Ярошиньскаго и Розанова.

— А мы давно знакомы!—воскликнулъ Пархоменко при имени Розанова, и протянулъ ему по-пріятельски руку.

— Гдѣ же вы были знакомы?

— Мы познакомились нынѣшнимъ лѣтомъ въ провинціи, когда я ѣздилъ съ Райнеромъ.

— Такъ и вы, Райнеръ, старые знакомые съ докторомъ?

— Да, я мелькомъ видѣлъ господина Розанова и, виноватъ, не узналъ его съ перваго раза,—отвѣчалъ Райнеръ.

Рациборскій познакомилъ Розанова съ блондиномъ и брюнетомъ. Брюнета онъ назвалъ Петромъ Сергѣевичемъ Бѣлоярцевымъ, а блондина Иваномъ Семеновичемъ Завулоновымъ.

«Такъ и есть, что изъ семи-овчинныхъ утробъ», подумалъ Розановъ, принимая крохотную, костлявую ручку сѣренькаго Завулонова, который тотчасъ же крякнулъ, зашелестилъ ладонью по своей желтенькой гривкѣ и, взявъ за локоть Бѣлоярцева, потянулъ его опять въ залу.

— Ну что, Пархомъ удобопосительный, что новаго?—спросилъ шутливо Араповъ Пархоменку.

Пархоменко, значительно улыбнувшись, вытащилъ изъ кармана нѣсколько вчетверо свернутыхъ листиковъ печатной бумаги, ударилъ ими шутя по головѣ Арапова и сказалъ:

— Семь дней всего какъ изъ Лондона.

— Что это: *Колоколъ?*

— А то что жъ еще?—съ улыбкою отвѣтилъ Пархоменко и, сѣвъ съ нѣкоторою, такъ-сказать, либеральною важностію на кресло, тотчасъ же засунулъ указательный палецъ правой руки въ глазъ и выпятилъ его изъ орбиты.

Араповъ сталъ читать новый нумеръ лондонскаго журнала и прочелъ его отъ первой строчки до послѣдней. Всѣ слушали, кромѣ Бѣлоярцева и Завулонова, которые, разговаривая между собою полушопотомъ, продолжали попрежнему ходить по залѣ.

Начался либеральный разговоръ, въ которомъ Ярошиньскій мастерски облагалъ сомнѣніями всякую мысль о возможности революціоннаго успѣха, оставляя, однако, всегда незагороженнымъ одинъ какой-нибудь выходъ. Но зато выходъ этотъ, послѣ высказанныхъ сомнѣній Ярошиньскаго во всемъ прочемъ, незамѣтно становился такимъ яснымъ, что Араповъ и Бычковъ внѣ себя хватались за него и начинали именно его отстаивать, унося, однако, каждый

разъ опрометчиво далѣе, чѣмъ слѣдовало, и открывая вновь другія слабыя стороны. Яропиньскій неподражаемо мягко бралъ ихъ за эти нагіе бока и, слегка пощекочивая своимъ скептицизмомъ, началъ обоихъ разомъ доводить до нѣкотораго бѣшенства.

— Все такъ, все такъ, — сказалъ онъ, наконецъ, послѣ двухчасового спора, въ которомъ никто не принималъ участія, кромѣ его, Бычкова и Арапова, только шкода людей, да и нима людей.—Что жъ эта газета, этихъ мыслей еще никто въ Россіи не понимаетъ.

— Что! что! Этихъ мыслей мы не понимаемъ? — закричалъ Бычковъ, давно уже оравшій во всю глотку. — Это мысль наша родная; мы съ ней родились; ее сосали въ материнскомъ молокѣ. У насъ правда по закону свята, принесли ту правду наши дѣды черезъ три рѣки на нашу землю. Еще Гагстгаузенъ это видѣлъ въ нашемъ народѣ. Вы думаете тамъ, въ Польшѣ, что онъ намъ образецъ?.. Онъ намъ тьфу!—Бычковъ плюнулъ и добавилъ:—вотъ что это онъ намъ теперь значитъ.

Яропиньскій тихо и внимательно глядѣлъ молча на Бычкова, какъ будто видя его насквозь, и только соображая, какъ идутъ и чѣмъ смазаны въ немъ разныя, то безъ пардона бѣгущія, то заскакивающія колесца и пружинки; а Бычковъ входилъ все въ бо́льшій азартъ.

Такъ прошло еще съ часъ. Говорилъ ужъ рѣшительно одинъ Бычковъ; даже араповскимъ словамъ не было мѣста.

«Что за чортъ такой!»—думалъ Розановъ, слушая страшныя угрозы Бычкова. Это не были нероновскія желанія Арапова полюбоваться пылающей Москвою и слушать стонъ и плачъ des boyards moskovites. Араповскія стремленія были нѣжнѣйшая сентиментальность передъ тѣмъ, чего желалъ Бычковъ. Этотъ бралъ шире: «залить кровью Россію, перерѣзать все, что къ штанамъ карманъ пришило. Ну пятьсотъ тысячъ, ну милліонъ, ну пять милліоновъ, говорилъ онъ. Ну, что жъ такое? Пять милліоновъ вырѣзать, зато пятьдесятъ пять останется и будутъ счастливы».

— Пятьдесятъ пять не останется,—замѣтилъ Яропиньскій.

— Отчего такъ?

— Такъ. Вотъ мы, напримѣръ, первые такей революціи не потрпебуемъ: не въ нашемъ характерѣ. У насъ земля

купіона, альбо тожъ унаслѣдованна. Кажденъ повиненъ удовольниться тимъ, що ему Панъ Богъ далъ, и благодарить Его.

— Ну, это у васъ... Впрочемъ, что жъ: отдѣляйтесь. Мы васъ держать не станемъ.

— И Литва тежъ такей революціи не прагнетъ.

— И Литва пусть идетъ.

— И козаччина.

— И она тоже. Пусть всѣ отдѣляются, кому съ нами не угодно. Мы стараго, какого-то минмаго права собственности признавать не станемъ; а кто не хочетъ съ нами: живи самъ себѣ. Пусть и финны, и лифляндскіе нѣмцы, пусть всѣ идутъ себѣ доживать свое право.

— Запомнилъ панъ мордву и цыганъ, — замѣтилъ, улыбаясь, Ярошиньскій.

— Всѣ, всѣ пусть идутъ, мы съ своимъ народомъ все сдѣлаемъ...

— А вашъ народъ собственности не любитъ?

Бычковъ нѣсколько затруднился, но тотчасъ же вмѣсто отвѣта сказалъ:

— Читайте Гагстгаузена: народъ нашъ исповѣдуетъ естественное право аграрнаго коммунизма. Онъ гнушается правомъ поземельной собственности.

— Правда, такъ панове?—спросилъ Ярошиньскій, обратясь къ Розанову, Райнеру, Барилочкѣ, Рациборскому, Пархоменкѣ и Арапову.

— Да, правда,—твердо отвѣтилъ Араповъ.

— Да,—произнесъ такъ же утвердительно и съ сознаніемъ Пархоменко.

— Мое дѣло, «скачи враже, якъ *мірг* каже», — шутливо сказалъ Барилочка, измѣняя однимъ русскимъ словомъ значеніе грустной пословицы: «Скачи, враже, якъ панъ каже», выработавшейся въ дни польскаго панованья. — А что до революціи, то я и душой, и тѣломъ за революцію.

Оба молодые поляка ничего не сказали и, къ тому же, Рациборскій всталъ и вышелъ въ залу, а оттуда въ буфетъ.

— Ну, а вы, пане Розановъ?—вопросилъ Ярошиньскій.

— Для меня, право, это все ново.

— Ну, однако, якъ вы уважаете на то?

— Я знаю одно, что такой революціи не будетъ. Утверждаю, что она невозможна въ Россіи.

— Отъ чловѣкъ, такъ чловѣкъ! — радостно подхватилъ Ярошиньскій:—Россія повинна сѣдзець и чакаць.

— А отчего-съ это она невозможна?—сердито вмѣшался Бычковъ.

— Оттого, что народъ не захочетъ ея.

- А вы знаете народъ?

- Мнѣ кажется, что знаю.

— Вы знаете его, какъ чиновникъ, — ядовито замѣтилъ Пархоменко.

— А! Такъ бы вы и сказали: я бы съ вами и спорить не сталъ, — отозвался Бычковъ. — Народъ съ служащими русскими не говоритъ, а вы послушайте, что народъ говоритъ съ нами. Вотъ, разспросите Бѣлоярцева или Завулонова: они ходили по Россіи, говорили съ народомъ и знаютъ, что народъ думаетъ.

— Ничего, значитъ, народъ не думаетъ,—отвѣтилъ Бѣлоярцевъ, который незадолго передъ этимъ вошелъ съ Завулоновымъ и сѣлъ въ гостиной, потому что въ залѣ человѣкъ началъ приготовлять закуску.—Думаетъ теперича онъ, какъ ему, что ни въ самомъ что ни есть наилучшемъ видѣ сосѣда поприжать.

— По-душевному, милый человѣкъ, по-душевному, по-божиному,—подсказалъ въ тонъ Бѣлоярцеву Завулоновъ.

Оба они чрезвычайно искусно подражали народному говору и этими короткими фразами заставили всѣхъ разсмѣяться.

— Закусить, господа,—пригласилъ Рациборскій.

Господа проходили въ залу группами и доканчивали свои разговоры.

— Конечно, мы ему за прежнее благодарны, — говорилъ Ярошиньскому Бычковъ: — но для теперешняго нашего направленія онъ отсталъ; онъ слабъ, сентименталенъ; слишкомъ церемоненъ. Размягченіе мозга ужъ чувствуется... Ужъ такой возрастъ... Разумѣется, мы его вызовемъ, но только съ тѣмъ, чтобы ужъ онъ насъ слушалъ.

— Да,—говорилъ Райнеру Пархоменко:—это необходимо для однообразія. Теперь въ тамошнихъ школахъ будутъ читать и въ здѣшнихъ. Я двумъ распорядителямъ ужъ роздалъ по четыре экземпляра «звѣздъ» и Фейербаха на школу, а то черезъ васъ вышлю.

— Да вы еще останьтесь здѣсь на нѣсколько дней.

— Не могу; то-то и есть, что не могу. Птицынъ пишетъ, чтобы я немедленно ѣхалъ: они тамъ безъ меня не знаютъ, гдѣ что̀ пораспахано.

— Такъ, или нѣтъ? — раболѣпно спрашивалъ, проходя въ двери, Завулоновъ Бѣлоярцева.

— Я постараюсь, Иванъ Семеновичъ, — отвѣчалъ пріятнымъ баскомъ Бѣлоярцевъ.

— Пожалуйста, — приставалъ молитвенно Завулоновъ:— мнѣ только бы съ нею развязаться, и чортъ съ ней совсѣмъ. А то я сейчасъ сяду, изображу этакую штучку въ листикъ, или въ полтора. Только бы хоть двадцать пять рубликовъ впередъ.

— Да ужъ я постараюсь,— отвѣчалъ Бѣлоярцевъ, а Завулоновъ только крякнулъ селезнемъ и сдѣлалъ движеніе, въ которомъ было что-то говорившее: «знаемъ мы, какъ ты, подлецъ, постараешься! Еще нарочно отсовѣтуешь».

Какъ только всѣ выпили водки, Ярошиньскій ударилъ себя въ лобъ ладонью и проговорилъ:

— О, до сту дьзябловъ; и запомнилъ потрактовать пановъ моей старопольской водкой; не пейте пановье, я заразъ,— и Ярошиньскій выбѣжалъ.

Но предостереженіе послѣдовало поздно: паны уже выпили по рюмкѣ. Однако, когда Ярошиньскій появился съ дорожною фляжкою въ рукахъ и съ серебряною кружечкою съ изображеніемъ Косцюшки, всѣ еще попробовали и «польской старки».

Перваго Ярошиньскій попотчивалъ Розанова и обманулъ его, выпивъ самъ рюмку, которую держалъ въ рукахъ.

Райнеръ и Рациборскій не пили «польской старки», а всѣ прочіе, кромѣ Розанова, во время закуски два раза приложились къ мягкой, масленистой водкѣ, безъ всякаго сивушнаго запаха. Розановъ не повторилъ, потому что ему показалось, будто и первая рюмка какъ-то ужъ очень сильно ударила ему въ голову.

Ярошиньскій выпилъ двѣ рюмки, и за каждою изъ нихъ проглотилъ по маленькой сахарной лепешечкѣ.

Онъ ничего не ѣлъ; жаловался на слабость стараго желудка.

А гости сильно опьянѣли и опьянѣли сразу: языки развязались и болтали вздоръ.

— Пейте, Райнеръ,— приставалъ Араповъ.

— Я никогда не пью и не могу пить, — спокойно отвѣчалъ Рейнеръ.

— Эхъ вы, нѣмецъ!

— Что нѣмецъ,—нѣмецъ еще пьетъ, а онъ баба, — подсказалъ Бычковъ.—Нѣмецъ говоритъ: Wer liebt nicht Wein, Weib und Gesang, der bleibt ein Narr sein Leben lang.

Райнеръ покраснѣлъ.

— А панъ Райнеръ и женщинъ не любитъ? — спросилъ Ярошиньскій.

— И пѣсенъ тоже не люблю, — отвѣтилъ, мѣшаясь, застѣнчивый въ подобныхъ случаяхъ, Райнеръ.

— Ну, да. Пословица какъ разъ по шерсти,—замѣтилъ неспособный стѣсняться Бычковъ.

Райнера эта новая наглость бросила изъ краски въ мертвенную блѣдность, но онъ не сказалъ ни слова.

Ярошиньскій всѣхъ наблюдалъ внимательно и не давалъ застыть живымъ темамъ. Разговоръ о женщинахъ, вѣроятно, представлялся ему очень удобнымъ, потому что онъ его поддерживалъ во время всего ужина и, начавъ полушутя, полусерьезно говорить объ эротическомъ значеніи женщины, перешелъ къ значенію ея, какъ матери, и, наконецъ, какъ патріотки и гражданки.

Райнеръ весь обращался въ слухъ и вниманіе, а Ярошиньскій все болѣе и болѣе распространялся о значеніи женщинъ въ исторіи, цитировалъ цѣлыя латинскія мѣста изъ Тацита, изобличая познанія, нисколько не отвѣчающія званію простого офицера бывшихъ войскъ польскихъ, и, наконецъ, свелъ какъ-то все на необходимость женскаго участія во всякомъ прогрессивномъ движеніи страны.

— Да, у насъ есть женщины, — у насъ была Марфа Посадница новгородская!—воскликнулъ Араповъ.

— А что было, то не есть и не пишется въ реестръ,—отвѣтилъ Ярошиньскій.

Между тѣмъ со стола убрали тарелки и оставалось одно вино.

— Цѣли Марѳы Посадницы узки,—крикнулъ Бычковъ.— Что-жъ, она стояла за вольности новгородскія, ну, и что-жъ такое? Что-жъ такое государство? — фикція. Аристократическая выдумка и ничего больше, а свобода отношеній есть фактъ естественной жизни. Наша задача и задача нашихъ женщинъ шире. Мы прежде всѣхъ разовьемъ свободу отно-

шеній. Какое право нераздѣлимости? Женщина не можетъ быть собственностью. Она родится свободною: съ какихъ же поръ она дѣлается собственностью другого?

Розановъ улыбнулся и сказалъ:

— Это напоминаетъ старый анекдотъ изъ римскаго права: когда яблоко становится собственностью человѣка: когда онъ его сорвалъ, когда съѣлъ или еще позже?

— Что намъ ваше римское право!—еще пренебрежительнѣе крикнулъ Бычковъ:—у насъ свое право. Наша правда по закону свята, принесли ту правду наши дѣды, черезъ три рѣки на нашу землю.

— У насъ такое право: запоръ покрѣпче въ коробью, такъ вотъ и *мое*,—произнесъ Завулоновъ.

— Мы бракъ долой.

— Такъ зачѣмъ же наши женщины замужъ идутъ?—спросилъ Ярошиньскій.

— Оттого, что еще неурядица пока во всемъ стоитъ; а устроимъ общественное воспитаніе дѣтей и будутъ свободныя отношенія.

— Маткамъ никода будетъ дѣтей покидать.

— Это вздоръ: родительская любовь предразсудокъ — и только. Связь есть *потребность*, законъ природы, а остальное должно лежать на обязанностяхъ общества. Отца и матери, въ извѣстномъ смыслѣ слова, вѣдь нѣтъ же въ естественной жизни. Животныя, вырастая, не соображаютъ своихъ родословныхъ.

У Райнера набѣжали на глаза слезы, и онъ, выйдя изъ-за стола, прислонился лбомъ къ окну въ гостиной.

— У женщины, съ которой я живу, есть ребенокъ, но что это до меня касается?..

Становилось ужъ не одному Райнеру гадко.

Ярошиньскій всталъ, взялъ изъ угла очень хорошую гитару Рациборскаго и, сыгравъ нѣсколько аккордовъ, запѣлъ:

«Kwarta, da półkwarty
To półtory kwarty,
A jeszcze półkwarty,
To będzie dwie kwarty.
O la, o la!
To będzie dwie kwarty.»

Бѣлоярцевъ и Завулоновъ вполголоса попробовали подтянуть refrain.

Ярошиньскій сыгралъ маленькую варіаційку, и продолжалъ:

«Terezniejsze chłopcy,
To co wietrzne młyny,
Latają od jednéj
Do drugiéj dziewczyny.
O la! o la!
Do drugiéj dziewczyny.»

Бѣлоярцевъ и Завулоновъ хватили:

«О ля! о ля!
До другой дѣвчины.»

Пѣсенка пропѣта.

Ярошиньскій заигралъ другую и запѣлъ:

«Wypił Kuba,
Do Jakóba,
Paweł do Michała.
Cupu, łupu,
Łupu, cupu,
Kompanja cała.»

— Ну-те, россійскую,—попросилъ Ярошиньскій.

Бѣлоярцевъ взялъ гитару и заигралъ «Ночь осеннюю».

Спѣли хоромъ.

— Вотъ еще, якъ это поется: «Ты помнишь ли, товарищъ славы бранной!»—спросилъ Ярошиньскій.

— Э, нѣтъ, чортъ съ ними, эти патріотическіе гимны!—возразилъ опьянѣвшій Бычковъ, и запѣлъ, пародируя извѣстную арію изъ оперы Глинки:

«Славься свобода и честный нашъ трудъ!»

— О, сильныя эти россійскія спѣвы! Поментаю, якъ ихъ поютъ на Волгѣ,—проговорилъ Ярошиньскій.

Гитара заныла, застонала въ рукахъ Бѣлоярцева какимъ-то широкимъ, разметистымъ стономъ, а Завулоновъ, зажавъ рукою ухо, запѣлъ:

«Эхъ, что жъ вы, ребята, призауныли;
Иль у васъ, ребята, денегъ нѣту?»

Араповъ и Бычковъ были внѣ себя отъ восторга.

Араповъ мычалъ, а Бычковъ выбивалъ тактъ и при послѣднихъ стихахъ запѣлъ въ разладъ:

«Разводите, братцы, огонь пожарчѣе,
Кладите въ огонь вы мого дядю съ теткой.
Тутъ-то дядя скажетъ: «денегъ много»;
А тетушка скажетъ: «смѣты нѣту».

У Бычкова даже ротъ до ушей растянулся отъ удовольствія, возбужденнаго словами пѣсни. Выраженіе его рыжей физіономіи до отвращенія вѣрно напоминало морду борзой собаки, лижущей въ окровавленныя уста молодую лань, загнанную и загрызанную ради безчеловѣчной человѣческой потѣхи.

Русская публика становилась очень пьяна; хозяинъ и Ярошиньскій пили мало; Слободзинскій пилъ, но молчалъ, а Розановъ почти ничего не пилъ. У него все ужасно кружилась голова отъ рюмки польской старки.

Бѣлоярцевъ началъ скоромить.

Онъ сдѣлалъ гримасу и запѣлъ нѣсколько въ носъ солдатскимъ отхватомъ:

«Ты куды, куды, ежъ ползешь?
Ты куды, куды, собачій сынъ, идешь?
Я иду, иду на барскій дворъ,
Къ Акулини Стипановнѣ,
Къ Лизавети Богдановнѣ.»

— «Стукъ, стукъ у воротъ»,—произнесъ театрально Завулоновъ.

— «Кто тамъ?»—спросилъ Бѣлоярцевъ.

Завулоновъ отвѣчалъ:

— «Ежъ».

— «Куда, ежъ, ползешь?»

— «Попить, погулять, съ красными дѣвушками поиграть».

— «Много ли денегъ несешь?»

— «Грошъ».

— «Ступай къ чорту, не гожъ».

Пьяный хоръ подхватилъ припѣвомъ, въ которомъ «ежъ» жаловался на жестокость красныхъ дѣвушекъ, старухъ и молодушекъ.

Это была такая грязь, такое сало, такой цинизмъ и насмѣшка надъ чувствомъ, что даже Розановъ не утерпѣлъ, всталъ и подошелъ къ Райнеру.

Черезъ нѣсколько минутъ къ нимъ подошелъ Ярошиньскій.

— Какое знаніе народности!—сказалъ онъ по-французски, восхищаясь удалью пѣвцовъ.

— Только на что оно употребляется, это знаніе,—отвѣтилъ Розановъ.

— Ну, молодежь... Что ее осуждать строго, — проговорилъ снисходительно Ярошиньскій.

А пѣвцы все пѣли одну гадость за другою и потомъ вдругъ заспорили. Вспоминали разныя женскія и мужскія имена, дѣлали изъ нихъ грязнѣйшія комбинаціи, и, наконецъ, остановясь на одной изъ такихъ пошлыхъ и совершенно нелѣпыхъ комбинацій, раздѣлились на голоса. Одни утверждали, что *да*, а другіе, что *нѣтъ*.

На сценѣ было имя маркизы: Розановъ, Ярошиньскій и Райнеръ это хорошо слышали.

— Что̀ тамъ спорить, воскликнулъ Бѣлоярцевъ: — дѣло всѣмъ извѣстное, коли про то ужъ пѣсня поется; изъ пѣсни слова не выкинешь, — и, дернувъ рукою по струнамъ гитары, Бѣлоярцевъ запѣлъ на голосъ «Ивушки»:

«Ты Баралиха, Баралиха,
Шальная голова,
Что жъ ты, Баралиха,
Не весела сидишь?
— Что жъ ты, Баралиха,
Не весела сидишь?»

подхватывалъ хоръ, и, продолжая пародію, пропѣлъ подлѣйшее предположеніе о причинахъ невеселаго сидѣнья «Баралихи».

Розановъ пожалъ плечами и сказалъ:

— Это ужъ изъ рукъ вонъ подло.

Но Райнеръ совсѣмъ не совладѣлъ собой. Блѣдный, дрожа всѣмъ тѣломъ, со слезами, брызнувшими на щеки, онъ скоро вошелъ въ залу и сказалъ:

— Господа, объявляю вамъ, что это низость.

— Что такое?—спросили остановившіеся пѣвцы.

— Низость, это низость, ходить въ домъ къ честной женщинѣ и пѣть на ея счетъ такія гнусныя пѣсни. Здѣсь нѣтъ ея дѣтей, и я отвѣчаю за нее каждому, кто еще скажетъ на ея счетъ хоть одно непристойное слово.

Вмѣшательствомъ Розанова, Ярошиньскаго и Рациборскаго сцена эта прекращена безъ дальнѣйшихъ послѣдствій.

Райнера увели въ спальню Рациборскаго; веселой компаніи откупорили новую бутылку.

Но у пѣвцовъ уже не заваривалось новое веселье. Они полушопотомъ подтрунивали надъ Райнеромъ и пробовали было запѣть что-то, чтобы не изобличать своей трусости и конфуза, но ужъ все это не удавалось, и они стали собираться домой.

Только не могли никакъ уговорить идти Барилочку и Арапова. Эти упорно отказывались, говоря, что у нихъ здѣсь еще дѣло.

Бычковъ, Пархоменко, Слободзинскій, Бѣлоярцевъ и Завулоновъ стали прощаться.

— Вы не сердитесь, Райнеръ, — увѣщательно сказалъ Бѣлоярцевъ.

— Я и не сердился,—отвѣчалъ тотъ вѣжливо.

— То-то, это вѣдь смѣшно.

— Ну, это мое дѣло, — проговорилъ Райнеръ, высвобождая слегка свою руку изъ руки Бѣлоярцева.

Переходя черезъ залу, компанія застала Арапова и Барилочку за музыкальными занятіями.

Барилочка щипалъ безъ толку гитару и пѣлъ.

«Попереду иде Согайдачный,
Що промінявъ жинку,
Да тютунъ, да люльку
Необачный».

А Араповъ дурѣлъ:

«Славься свобода и честный нашъ трудъ!»

Какъ ихъ ни звали, чѣмъ ни соблазняли «въ ночной тишинѣ», — «дѣло есть», отвѣчалъ коротко Араповъ и опять, хлопнувъ себя ладонями по колѣнямъ, задувалъ:

«Славься свобода и честный нашъ трудъ!»

А Барилочка, въ отвѣтъ на приглашеніе, махалъ головой и ревѣлъ:

«Эй, вирныся Согайдачный,
Возьми свою жинку,
Подай мою люльку
Необачный.»

Бычковъ пошелъ просить Розанова, чтобы онъ взялъ Арапова.

Когда онъ вошелъ въ спальню Рациборскаго, Райнеръ и Розановъ уже прощались.

— Вотъ то-то я и мувю,— говорилъ Ярошиньскій, держа въ своей рукѣ руку Розанова.

— Да. Надо ждать; все же теперь не то, что было. «Сила есть и въ терпѣньѣ». Надо испытать всѣ мирныя средства, а не подводить народъ подъ страданія.

— Такъ, такъ,—утверждалъ Ярошиньскій.

— По крайней мѣрѣ вѣрно, что задача не въ томъ, чтобы мстить,—тихо сказалъ Райнеръ.

— Народъ и не помышляетъ ни о какихъ революціяхъ.

— Такъ, такъ,—хлопы всегда хлопы.

— Нѣтъ, не то, а они благодарны теперь,—вотъ что.

— Такъ, такъ, — опять подтвердилъ Ярошиньскій: — якъ это отъ разу видать, что панъ Розановъ знаетъ свою краину.

— Къ чорту, этакое знаніе! — крикнулъ Бычковъ. — Народъ нужно знать по его духу, а въ вицмундирѣ его не узнаютъ.

Райнеръ и Розановъ пошли вонъ, ничего не отвѣчая на эту выходку.

— Ой, шкода людей, шкода такихъ отважныхъ людей, якъ вы,—говорилъ Ярошиньскій, идучи сзади ихъ съ Бычковымъ.—Цалый край еще дикій.

— Мы на то идемъ,—отвѣчалъ Бычковъ.—Отмстимъ за вѣковое порабощеніе и ляжемъ.

— Жалую васъ, вельми жалую.

— На наше мѣсто вырастетъ поколѣніе: мы удобримъ ему почву, мы польемъ ее кровью,—яростно сказалъ Бычковъ и захохоталъ.

Ярошиньскій только пожалъ ему сочувственно руку.

Прощаясь, гости спрашивали Ярошиньскаго, увидятся ли они съ нимъ снова.

— Я мыслю, я мыслю, — это якъ мой племянникъ. Якъ не выгонитъ, такъ я посѣдю еще дней кильки. Do jutra,— сказалъ онъ, прощаясь съ Слободзинскимъ.

— Do jutra, — отвѣтилъ Слободзинскій, и компанія, топоча и шумя, вышла на улицу.

У воротъ дома капитанши Давыдовской компанія приглашала Розанова и Аранова ѣхать провести повеселѣе ночку.

Розановъ наотрѣзъ отказался, а Райнера и не просили.

— Отчего вы не ѣдете? — приставалъ Араповъ къ Розанову.

— Полноте, у меня есть семья.

— Что жъ такое, семья? И у Бѣлоярцева есть жена, и у Барилочки есть жена и дѣти, да вѣдь ѣдутъ же.

— А я не поѣду—усталъ и завтра буду работать.

Компанія сѣла. Суетившійся Завулоновъ занялъ у Розанова три рубля и тоже поѣхалъ.

По улицѣ раздавался пьяный голосъ Барилочки, кричавшаго:

«Мени съ жинкой не возыться,
А тютюнъ да люлька
Казаку въ дорози
Знадобится.»

Чтобъ отвязаться отъ веселаго товарищества, Райнеръ зашелъ ночевать къ Розанову, въ кабинетъ Нечая.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Патеръ Роденъ и аббатъ д'Егриньи.

Какъ только орава гостей хлынула за двери квартиры Рациборскаго, Ярошиньскій быстро повернулся на каблукахъ и, пройдя молча черезъ залъ, гостиную и спальню, вошелъ въ уединенную рабочую хозяина.

Ласковое и внимательное выраженіе съ лица Ярошиньскаго совершенно исчезло: онъ былъ серьезенъ и сухъ.

Проходя по гостиной, онъ остановился и, указавъ Рациборскому на кучу пепла и сора, сказалъ:

— Велите убирать эту мерзость.

Рациборскій поклонился и вернулся къ человѣку, а Ярошиньскій вошелъ въ рабочую.

Черезъ десять минутъ Рациборскій два раза стукнулъ въ дверь этой комнаты.

— Войдите, — отвѣчалъ изнутри голосъ Ярошиньскаго по-польски.

Но Ярошиньскаго здѣсь не было. Не было здѣсь добродушнаго, сѣдого офицера бывшихъ войскъ польскихъ. По комнатѣ быстрыми шагами ходилъ высокій, сухой человѣкъ, лѣтъ тридцати-пяти или сорока. Его черные какъ смоль и блестящіе волосы изрѣдка начинали покрываться раннею серебряною искрой. Судя по живому огню глазъ и живости движеній, сѣдина очень торопилась сходить на эту, подъ бритву остриженную, голову. Лицо незнакомца дышало энергіей. Его далеко выдававшійся впередъ широкій подбородокъ говорилъ о волѣ, прямыя и тонкія блѣдныя губы — о холодности и хитрости, а прекрасный, гордый польскій лобъ съ ранними, характерно ломавшимися надъ тонкимъ носомъ морщинами, — о сильномъ умѣ и искушенномъ тяжелыми опытами прошломъ.

Теперь на томъ, кого мы до сихъ поръ называли Яро-

шиньскимъ, былъ надѣтъ длинный черный сюртукъ. Толсто-настеганная венгерка, въ которой онъ сидѣлъ до этого времени, лежала на диванѣ, а на столѣ, возлѣ лампы, былъ брошенъ артистически-устроенный сѣдой, клочковатый парикъ и длинные польскіе усы.

Рациборскій, взойдя, переложилъ ключъ и заперъ за собою дверь. Онъ дернулъ-было занавѣску другой двери, что вела въ буфетъ, но Ярошиньскій сказалъ:

— Здѣсь уже заперто.

Рациборскій подошелъ къ печкѣ и, заложивъ назадъ руки, сталъ молча.

— Велите ложиться спать лакею,—сказалъ Ярошиньскій, продолжая быстро ходить по комнатѣ и смотря въ полъ.

— Михаль! ложись спать, — крикнулъ по-польски Рациборскій въ фальшивый отдушникъ и, тотчасъ же закрывъ его войлочнымъ колпачкомъ, лежавшимъ на шкафѣ, сталъ снова у печки.

Съ минуты выхода гостей здѣсь всѣ говорили по-польски.

Прошло болѣе часа, какъ загадочный человѣкъ сдѣлалъ послѣднее домашнее распоряженіе, а онъ все ходилъ по комнатѣ, опустивъ на грудь свою умную голову и смотря на схваченныя спереди кисти бѣлыхъ рукъ. Онъ былъ необыкновенно интересенъ: его длинная черная фигура, съ широко-раздувающимися длинными полами тонкаго матерчатаго сюртука, придавала ему видъ какого-то мрачнаго духа, а мрачная печать, лежавшая на его бѣломъ лбу, и неслышные шаги по мягкому ковру еще болѣе увеличивали это сходство. Онъ не ходилъ, а точно леталъ надъ поломъ на своихъ черныхъ, крылообразно-раздувающихся фалдахъ.

Рациборскій стоялъ молча. Столовые часы мелодически прозвонили три раза.

— Это все, что я видѣлъ?—спросилъ незнакомецъ, продолжая ходить и смотрѣть на свои опущенныя къ колѣнямъ руки.

— Это все, панъ каноникъ,—отвѣчалъ тихо, но съ достоинствомъ Рациборскій.

— Странно!

— Это такъ есть.

Опять началось долгое молчаніе.

— И другого ничего?

— Ксендзъ каноникъ можетъ мнѣ вѣрить.

— Я вѣрю,—отвѣчалъ каноникъ, и послѣ долгой паузы сказалъ: — Я желаю, чтобы вы мнѣ изложили, почему вы такъ дѣйствовали, какъ дѣйствуете.

— Я сходился и наблюдалъ; болѣе я ничего не могъ дѣлать.

— Почему вы увѣрены, что, кромѣ этихъ господъ, нѣтъ другихъ удобныхъ людей?

— Я съ ними сходился: здѣшніе почти всѣ въ этомъ родѣ.

— Въ этихъ *родахъ* скажите: они всѣ разно мыслятъ.

— Таковы всѣ; у нихъ что ни человѣкъ, то партія.

По тонкимъ губамъ каноника пробѣжала презрительная улыбка.

— Нужно выбрать что-нибудь поэффектнѣе и поглупѣе. Эти скоты ко всему пристанутъ.

Каноникъ опять походилъ и добавилъ:

— Араповъ и рыжій весьма удобные люди.

— Фразеры.

— А что вамъ до этого?—сказалъ каноникъ, остановясь и быстро вскинувъ голову.

— Съ ними ничего нельзя сдѣлать.

— Отчего?

— Пустые люди: всѣхъ выдадутъ и все испортятъ.

— А вамъ что за дѣло?

— Общество очень скоро пойметъ ихъ.

— А пока пойметъ?

— Они попадутся.

— А вамъ что за дѣло?

— И перегубятъ другихъ.

— Вамъ что за дѣло? Что вамъ за дѣло? — спрашивалъ съ удареніемъ каноникъ.

Рациборскій молчалъ.

— Ваше дѣло не разсуждать, а повиноваться: законы ордена вамъ извѣстны?

— Я прошу позволенія...

— Вы должны слушать, молчать.

— Ксендзъ каноникъ Кракувка!—вспыльчиво вскрикнулъ Рациборскій.

— Что, панъ поручикъ московской службы?—съ презрительной гримасой произнесъ Кракувка, оглянувшись черезъ плечо на Рациборскаго.

Рацiборскiй вздохнулъ, медленно провелъ рукою по лбу и, сдѣлавъ шагъ на середину комнаты, спокойно сказалъ:

— Я прошу извиненія.

— Прощенія, а не извиненія,— сухо замѣтилъ канонникъ, не обращая никакого вниманія на Рацiборскаго.

— Я прошу прощенія,—выговорилъ молодой человѣкъ.

Канонникъ не отвѣтилъ ни слова и продолжалъ ходить молча.

— Принесите мнѣ стаканъ воды съ сиропомъ,—прошепталъ онъ черезъ нѣсколько минутъ.

Рацiборскiй вышелъ и, пока онъ возвратился, Кракувка что-то черкнулъ карандашомъ въ своемъ бумажникѣ.

— Вы дурно дѣйствовали, — началъ Кракувка, выпивъ воды и поставивъ стаканъ на столъ.

— Здѣсь ничего нельзя дѣлать.

— Неправда; дураковъ можно заставлять плясать, какъ куколъ. Зачѣмъ они у васъ собираются?

— Они любятъ сходиться.

— Бездѣльники! Что жъ они думаютъ, зачѣмъ они собираются у васъ?

— Имъ кажется, что они дѣлаютъ революцію.

— Только и умно, что вы тѣшите ихъ этой обстановкой. Но что они ничего не дѣлаютъ—это ваша вина.

— Ксендзъ канонникъ многаго отъ меня требуетъ.

— Многаго?—съ презрѣніемъ спросилъ Кракувка.—Они бредятъ коммунизмомъ своего народа, да?

— Да.

— Такъ я имъ завтра дамъ, что̀ дѣлать, — сказалъ съ придыханіемъ Кракувка.

— Но и это не все; лучшіе, умнѣйшіе изъ нихъ не пойдутъ на это.

— А зачѣмъ вамъ лучшіе? Зачѣмъ вамъ этотъ лѣкарь?

— Мнѣ его рекомендовалъ Араповъ.

— Это очень глупо: онъ только можетъ мѣшать.

— Онъ знаетъ страну.

— Надо держать крѣпче тѣхъ, которые меньше знаютъ. У васъ есть Араповъ, рыжій, этотъ Пархоменко и капитанъ, да Райперъ, — помилуйте, чего жъ вамъ? А что̀ эти Бѣлоярцевъ и Завулоновъ?

— Трусы.

— Совсѣмъ трусы?

— Совсѣмъ трусы и не глупы.

— Гм! Ну, этихъ можно бросить, а тѣхъ можно употребить въ дѣло. При первой возможности, при первомъ случаѣ, пустить ихъ. Каждый дуракъ имѣетъ себѣ подобныхъ.

— Райнеръ не дуракъ.

— Энтузіастъ и неоплатоникъ, — это все равно, что и дуракъ: матеріалъ лѣпкій.

— Розановъ тоже уменъ.

— Одолжить его. Въ чемъ онъ нуждается?

— Онъ ищетъ мѣста.

— Дать ему мѣсто. Послѣзавтра вышлите мнѣ въ Петербургъ его бумаги,—и онъ можетъ пригодиться. Ваше дѣло, чтобъ онъ только зналъ, что онъ намъ обязанъ. А что это за маркиза?

— Женщина очень пылкая и благородная.

— А, это прекрасно.

— Она *«бѣлая»*.

— Это все равно.

— Она ни къ чему не годна: только суетится.

— Надо ее увѣрить, что она дѣйствуетъ.

— Она это и такъ думаетъ.

— И прекрасно. Спутать ихъ какъ можно больше.

— Ксендзъ каноникъ...

— Панъ поручикъ!

— Между ними есть честнѣйшіе люди. Я не смѣю возражать ничего противъ всѣхъ, но Розанова, Райнера и маркизу... за что же ихъ? Они еще могутъ пригодиться?

— Кому? кому?—опять съ придыханіемъ спросилъ каноникъ.—Этой шизмѣ вы бережете людей. Ей вы ихъ сберегаете?

— Я не могу не уважать человѣческихъ достоинствъ во всякомъ.

— Кто хвалитъ чужое, тотъ уменьшаетъ достоинства своего.

— Они также могутъ содѣйствовать человѣческому счастью.

Каноникъ остановился посреди комнаты, заложилъ назадъ руки и, закинувъ голову, спросилъ:

— Вы вѣруете въ чистоту и благость стремленій общества Іисусова?

— Свято вѣрую,—отвѣчалъ съ искреннимъ убѣжденіемъ Рациборскій.

— Такъ помните же, — подлетая на своихъ черныхъ крыльяхъ къ Рациборскому, началъ канонникъ,—помните, что со временъ Поссевина намъ нѣтъ здѣсь мѣста и мы пресмыкаемся здѣсь или въ этомъ шутовскомъ маскарадѣ (ксендзъ указалъ на свой парикъ и венгерку), или въ этомъ московскомъ мундирѣ, который хуже всякаго маскарада. Помните это!

— Я помню.

— Австрія, эта проклятая ракушапка, даетъ намъ пріютъ, а въ нашей хваленой Россіи мы хуже жидовъ.

— Они не понимаютъ святыхъ заботъ общества.

— Такъ надо, чтобъ они ихъ поняли,—произнесъ, захохотавъ, Кракувка.—Первый случай, и въ ходъ всѣхъ этихъ дураковъ. А пока пріобрѣтайте ихъ довѣріе.

— Это, ксендзъ канонникъ, не стоитъ труда: эти готовы вѣрить всякому, и никѣмъ не пренебрегаютъ,—даже «чортомъ».

— И отлично; нѣтъ ли еще гдѣ жида крещепаго?

— Можетъ-быть, найдутъ.

— И отлично. Чего же вамъ? Съ такимъ-то матеріаломъ не заложить постройки!

— Я искалъ другихъ людей.

— Лучше этихъ не надо. Полезнѣе дураковъ и энтузіастовъ нѣтъ. Ихъ можно заставить дѣлать все.

— Глупое,—сказалъ Рациборскій.

— Ничего умнаго и не надо намъ; поручикъ не стоитъ au courant съ интересами отечества.

Рациборскій грустно молчалъ.

Кракувка остановился, посмотрѣлъ на него, и, медленно подойдя къ висѣвшему надъ столомъ женскому портрету, сказалъ съ разстановкой:

— Урсула слишкомъ поторопилась дать свое слово: она не можетъ быть и никогда не будетъ женою нерѣшительнаго человѣка.

Рациборскій встрепенулся и взглянулъ на ксендза умоляющимъ взоромъ.

— Дайте мнѣ еще воды и простимся, — день наступаетъ,—тихо произнесъ Кракувка.

Если читатель вообразитъ, что весь описанный нами разговоръ шелъ съ безконечными паузами, встрѣчающимися въ разговорахъ обыкновенныхъ людей, то ему станетъ по-

нятно, что при этихъ словахъ, сквозь густыя шторы Рациборскаго, на іезуитовъ взглянуло осеннее московское утро.

Въ десять часовъ Ярошиньскій давалъ аудіенцію нѣкоему Доленговскому, пожилому человѣку, занимающемуся въ Москвѣ стряпческими дѣлами.

Главнымъ предметомъ разговора было внушеніе Доленговскому строгой обязанности неуклонно наблюдать за каждымъ шагомъ Рациборскаго и сообщать обо всемъ Ярошиньскому, адресуя въ Вѣну, poste-restante, на имя сеньора Марцикани.

Потомъ дана была аудіенція Слободзинскому, на которой молодому человѣку, между прочимъ, было велѣно слѣдить за его университетскими товарищами и обо всемъ писать въ Парижъ, патеру Кракувкѣ, rue St.-Sulpice, № 6, для передачи Ярошиньскому.

При этомъ Слободзинскому оставлена нѣкоторая сумма на безнуждное житье въ университетѣ.

Въ двѣнадцать часовъ Рациборскій проводилъ Ярошиньскаго на петербургскую желѣзную дорогу, постоялъ у барьера, пока тронулся поѣздъ и, кивнувъ другъ другу, іезуитъ подчиненный разстался съ іезуитомъ начальникомъ.

Ѣдучи съ Рациборскимъ на желѣзную дорогу, Кракувка объявилъ, что онъ долженъ брать отпускъ за границу и готовиться въ Парижъ, гдѣ онъ получитъ обязанности болѣе сообразныя съ его характеромъ, а на его мѣсто въ Москву будетъ назначено другое лицо.

Эту ночь не спали еще Розановъ и Райнеръ.

Райнеръ говорилъ, что въ Москвѣ все ненадежные люди, что онъ ни въ комъ не видитъ серьезной преданности, и что, наконецъ, не знаетъ даже, съ чего начинать. Онъ разсказывалъ, что былъ у многихъ изъ извѣстныхъ людей, но что всѣ его приняли холодно и даже подозрительно.

— Это же,—добавлялъ Райнеръ:—все деморализовано до конца.

Райнеръ очень жалѣлъ, что онъ сошелся съ Пархоменко; говорилъ, что Пархоменко непремѣнно напутаетъ чего-нибудь скверная, и совѣтовалъ, что онъ никому, ни здѣсь, ни въ Петербургѣ, ни въ другихъ мѣстахъ, не можетъ открыть глазъ на этого человѣка.

Вообще Райнеръ казался какъ-то разбитымъ и, при ночномъ разговорѣ съ Розановымъ, на него будто находили порою столбняки.

Розановъ рѣшительно говорилъ, что надо все бросить и не возиться; что никакихъ элементовъ для революціи нѣтъ.

Райнеръ слушалъ терпѣливо все, что Розановъ сообщалъ ему о настроеніи народа и провинціальнаго общества, но не могъ отказаться отъ своей любимой идеи произвести соціально-демократическій переворотъ, начавъ его въ Россіи.

— Все это такъ, но мы, вѣдь, не знаемъ, что народъ думаетъ,—говорилъ онъ.

— Отчего же не знаемъ?

— Да такъ. Мы слышимъ, что онъ говоритъ, а не знаемъ, что онъ думаетъ.

О партіи московскихъ умѣренныхъ Райнеръ отозвался съ сострадательной улыбкой, что на нихъ вовсе нечего разсчитывать.

— Или кабинетныя муміи, или шуты,—говорилъ онъ:— та же фраза, та же рисовка и ничего болѣе. Вотъ поѣдемте въ воскресенье къ маркизѣ,—тамъ разный народъ бываетъ,—увидите сами.

— Какъ она такъ рискуетъ, принимая людей, за которыми навѣрное уже смотрятъ?

— Ахъ, ничѣмъ она не рискуетъ: тамъ ничего не дѣлаютъ, только болтаютъ.

— Она, говорятъ, всегда была близка съ передовыми людьми.

— Лжетъ, какъ мавзолей,—ничему вѣрить нельзя.

— Такъ изъ-за чего же она бьется?

— Все это эффекты и ничего болѣе. Да вотъ присмотритесь, сами увидите,—добавилъ онъ и, закрывъ глаза, задремалъ въ креслѣ, въ то самое время, когда Рациборскій подалъ Кракувкѣ второй стаканъ воды съ морсомъ.

На слѣдующее утро Розановъ познакомилъ Райнера съ Нечаемъ и его женою.

Райнеръ имъ очень понравился, а Нечай тоже произвелъ на него хорошее впечатлѣніе.

Рациборскій отдалъ Розанову визитъ на другой день послѣ отъѣзда Кракувки.

Онъ былъ необыкновенно милъ, любезенъ и такъ дели-

катно вызвался помочь Розанову, въ полученіи *пока* ординаторскаго мѣста, что тотъ и не замѣтилъ, какъ отдалъ Рациборскому свои бумаги, немедленно уѣхавшія въ Петербургъ къ галиційскому помѣщику Ярошиньскому.

Рациборскій, между словъ, узналъ, что Розановъ скоро познакомится съ маркизой, и сказалъ, что ему будетъ очень пріятно съ нимъ тамъ встрѣчаться, что это домъ очень почтенный.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Углекислыя феи Чистыхъ-Прудовъ.

На Чистыхъ-Прудахъ всѣ дома имѣютъ какую-то пытливую физіономію. Всѣ они точно къ чему-то прислушиваются и спрашиваютъ: что тамъ такое? Между этими домами самую любопытную физіономію имѣлъ домъ полковника Сте—цкаго. Этотъ домъ не только спрашивалъ: что тамъ такое? но онъ говорилъ: ахъ, будьте милосердны, скажите, пожалуйста, что тамъ такое?

Домъ этотъ состоялъ изъ главнаго двухъэтажнаго корпуса, выходившаго на Чистые-Пруды, и множества самыхъ странныхъ флигелей, настроенныхъ въ серединѣ двора.

Въ бель-этажѣ главнаго дома обитала маркиза Ксенія Григорьевна де-Бараль, съ сыномъ, девятнадцатилѣтнимъ маркизомъ, и двумя взрослыми дочерьми, дѣвицами.

Въ нижнемъ этажѣ жилъ либеральный московскій архитекторъ, Истукарій Михайловичъ Брюхачевъ, съ молоденькою женою и недавно произошедшимъ отъ сего союза приплодомъ.

Во флигеляхъ мѣстилось множество самыхъ разнородныхъ людей, но самый большой изъ этихъ флигелей занимали пять сестеръ Ярославцевыхъ: Серафима Романовна, Рогнѣда Романовна, Аріадна Романовна, Раиса Романовна и Зоя Романовна.

Всѣ сестры Ярославцевы жили въ дѣвствѣ, а маркиза вдовствовала.

Эти-то шесть женщинъ, т.-е. пять сестеръ Ярославцевыхъ и маркиза де-Бараль, назывались въ нѣкоторыхъ московскихъ кружкахъ углекислыми феями Чистыхъ-Прудовъ, а домъ, въ которомъ онѣ обитали, былъ извѣстенъ подъ именемъ вдовьяго загона.

Мы непремѣнно должны познакомиться и съ углекислыми феями Чистыхъ-Прудовъ, и съ законами вдовьяго загона.

Старшею феею, по званію, состоянію и общественному положенію, была маркиза де-Бараль. У нея былъ соединенный гербъ. Въ одной сторонѣ щита были изображены колчанъ со стрѣлами и накрестъ татарская ногайка, а въ другой вертелъ. Первая половина щита свидѣтельствовала о какой-то услугѣ, оказанной предкомъ маркизы, казанскимъ татариномъ Маймуловымъ, отцу Ивана IV, а вторая должна была символически напоминать, что какой-то предокъ маркизинаго мужа накормилъ сбившагося съ дороги короля Людовика Святого.

Маркизѣ было подъ пятьдесятъ лѣтъ. Теперь о ея красотѣ, конечно, уже никто и не говорилъ; а смолоду, разсказывали, она была очень неавантажна. Маленькая, вертлявая и сухая, съ необыкновенно подвижнымъ лицомъ, она была весьма непрезентабельна. Разсуждала она рѣшительно обо всемъ, о чемъ вы хотите, но болѣе всего любила говорить о томъ, какое значеніе можетъ имѣть просвѣщенное содѣйствіе, или просвѣщенная оппозиція просвѣщенныхъ людей, «стоящихъ на челѣ общественной лѣстницы». Маркиза не могла разсуждать спокойно и послѣдовательно; она не могла, такъ сказать, *разсуждать разсудительно*. Она, какъ говорятъ поляки, «miała zajaca w głowie», и этотъ заяцъ до такой степени безпутно шнырялъ подъ ея черепомъ, что догнать его не было никакой возможности. Даже никогда нельзя было видѣть ни его заднихъ лапокъ, ни его куцаго, поджатаго хвостика. Безпокойное шнырянье этого торопливаго звѣрка чувствовалось только потому, что изъ-подъ его ножекъ вылетали: «чела общественной лѣстницы» и прочія умныя слова, спутанныя въ самыя безпутныя фразы.

Однако, несмотря на то, что маркиза была персона не видная, и что у нея шнырялъ въ головѣ очень безпокойный заяцъ, были въ Москвѣ люди, которые очень долго этого вовсе не замѣчали. По уставу, царицею углекислыхъ фей непремѣнно должна быть дѣвица и притомъ настоящая, совершенно непорочная дѣвица, но для маркизы, даже въ этомъ случаѣ, было сдѣлано исключеніе: въ описываемую нами эпоху она была ихъ царицею. Феи оперлись на то, что маркизѣ совершенно безопасно можно было ввѣрить огонь, и вручили ей всѣ знаки старшинства.

Принявъ во вниманіе возрастъ, котораго достигла мар-

киза, на Чистыхъ-Прудахъ никто не думалъ упрекать фей въ легкомыслiи. Всѣ одобряли ея избранiе. Къ тому же, маркиза была поэтъ: ее любила погребальная муза. У маркизы хранилось шесть большихъ стихотворенiй: на смерть Пушкина, который, во время ея дѣтства, посадилъ ее однажды къ себѣ на колѣни; на смерть Лермонтова, который, однажды, во время ея дѣтства, подарилъ ей бонбоньерку; на смерть двухъ-трехъ московскихъ ученыхъ, которыхъ она знала и считала своими друзьями, и на смерть Шарлотты Кордай, Марiи Антуанеты и madame Роланъ, которыхъ она хотя лично не знала, но тоже считала своими друзьями. Кромѣ того, у маркизы было заготовлено стихотвореніе на смерть Мирабо, но оно было написано только до половины и остановлено безъ окончанiя, до тѣхъ поръ, пока будетъ нѣкоторое основанiе опровергнуть весьма распространенный слухъ о политической продажности этого умѣреннаго либерала. Далѣе, было у нея нѣсколько стихотворенiй только начатыхъ. Въ нихъ маркиза намѣрена была оплакивать кончину своихъ живущихъ друзей. Углекислыя феи каждая имѣла себѣ по отдѣльному стихотворенiю, и самое большое изъ нихъ назначалось Рогнѣдѣ Романовнѣ. Это прекрасное стихотвореніе было уже совсѣмъ отдѣлано и даже переписано на почтовую бумагу. Оно называлось «Пѣснь женщины надъ гробомъ чистѣйшаго созданiя», и начиналось такъ:

Дружбѣ вѣнокъ безкорыстный
Женскою, слабой рукою, и т. д.

Стихи были бѣлые и бѣлизна ихъ доходила до такой степени, что когда маркизъ случайно зажегъ ими свою трубку, то самая бумага, на которой они были написаны, сгорѣла совершенно безцвѣтнымъ пламенемъ.

Это печальное обстоятельство случилось на третью весну послѣ бракосочетанiя маркиза, а послѣ этой весны маркиза уже видѣла двадцать два раза, какъ таетъ зимнiй ледъ на Чистыхъ-Прудахъ.

Несмотря на то, что маркиза никогда не была оцѣнена по достоинству своимъ мужемъ и рано осталась одна съ двумя дочерьми и двумя сыновьями, она все-таки была замѣчательно счастливою женщиною. У нея всегда была хорошенькая квартирка, попугай, лошадь съ дрожками, лакей въ нитяныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, канарейка въ клѣткѣ и множество друзей. Главнѣйшимъ образомъ счастье маркизы

заключалось во множествѣ друзей. Они ей были рѣшительно необходимы и у нея въ нихъ никогда не было никакого недостатка. У нея были друзья всякіе: были друзья, которые ей льстили; были друзья, которые ее злили, какъ кошку; были друзья, которые считали ее набитою дурою и сумасшедшею; но зато у нея былъ одинъ истинный другъ, имѣвшій всѣ нужныя свойства, чтобы назваться истиннымъ другомъ. Онъ былъ безкорыстенъ, мягкосердеченъ, благодаренъ и глупъ. Вдобавокъ, этотъ другъ былъ женщина, потерявшая всякую надежду вкусить сладости любви. Звали эту женщину Рогнѣдой Романовной. Словомъ, это была вторая углекислая фея Чистыхъ-Прудовъ.

Конечно, не всякій можетъ похвалиться, что онъ имѣлъ въ жизни такого друга, какимъ была для маркизы Рогнѣда Романовна, но маркиза была еще счастливѣе. Ей казалось, что у нея очень много людей, которые ее нѣжно любятъ и готовы за нею на край свѣта. Положимъ, что маркиза въ этомъ случаѣ очень сильно ошибалась, но, тѣмъ не менѣе, она все-таки была очень счастлива, заблуждаясь такимъ пріятнымъ образомъ. Это сильно поддерживало ея духовныя силы и давало ей то, что въ Москвѣ называется «форсомъ».

У маркизы былъ сынъ Орестъ, который долго назывался «Оничкой», дочь Антонина, дѣвица взрослая, дочь Сусанна, дѣвица на возрастѣ, и сынъ Веніаминъ, молодой человѣкъ еще въ самой зеленой порѣ. Маркиза относилась къ своему Веніамину совсѣмъ не такъ, какъ относился къ своему Веніамину патріархъ Іаковъ. Она боготворила Оничку. Одни увѣряли, что это идолослуженіе Оничкѣ основано на томъ, яко бы, что извѣстная Ленорманъ, посмотрѣвъ на этого мальчика, закричала: «Vicomte! — Marquis! — Ministre! — Poète! Homme célèbre»; другіе же просто говорили, что маркиза любила Оничку болѣе всѣхъ потому, что онъ былъ ея первенецъ, и этому можно вѣрить, потому что родительская нѣжность маркизы къ Оничкѣ нимало не пострадала даже послѣ того, когда московскій пророкъ Иванъ Яковлевичъ назвалъ его «ослицей Вааловой».

Дочерей маркиза тоже любила не ровно. Антонина пользовалась у нея несравненно большимъ фаворомъ, чѣмъ Сусанна, и зато Антонина любила свою мать на маковое зерно болѣе, чѣмъ Сусанна, которая не любила ея вовсе.

Сусанна росла недовольною Коринной у одной своей

тетки, а Веніаминъ, обличавшій въ своемъ характерѣ нѣкоторую весьма раннюю нетерпимость, получалъ отъ родительницы каждое первое число по двадцати рублей и жилъ съ нѣкоторыми военными людьми въ одномъ казенномъ заведеніи. Онъ оттуда какимъ-то образомъ умѣлъ приходить на университетскія лекціи, но къ матери являлся только разъ въ мѣсяцъ. Да, впрочемъ, и сама мать стѣснялась его посѣщеніями.

— Онъ какъ-то огрубѣлъ и опустился,—говорила Рогнѣда Романовна болтливымъ людямъ, удивлявшимся, что у маркизы никогда не видно ея Веніамина.

Рогнѣда Романовна отъ природы была очень правдива, и, можетъ-быть, она не лгала даже и въ настоящемъ случаѣ, но все-таки ей нельзя было во всемъ вѣрить на слово, потому что она была женщина «политичная». — Давно извѣстно, что въ русскомъ обществѣ недостатокъ людей *политическихъ* всегда щедро вознаграждался обиліемъ людей *политичныхъ*, и Рогнѣда Романовна была однимъ изъ лучшихъ экземпляровъ этого завода.

Вообще было много основаній съ большою обстоятельностью утверждать, что политичность Рогнѣды Романовны, всѣхъ ея сестеръ и самой маркизы много выигрывала отъ того, что онѣ не знали ничего такого, что̀ стоило бы скрывать особенно ловкими пріемами, но умѣли жить какъ-то такъ, что какъ-то всѣмъ о нихъ хотѣлось разспросить.

Маркизинъ зайчикъ тутъ больше всѣхъ работалъ, и нужно ему отдать справедливость, онъ былъ самый первый политиканъ во всемъ вдовьемъ загонѣ.

Кромѣ того, этотъ маленькій звѣрёкъ обладалъ непомѣрнымъ самолюбіемъ. Онъ никогда не занимался обыкновенными, недальновидными людьми и предоставлялъ имъ полное право вѣрить въ маркизинъ умъ, предполагать въ ней обширныя способности и даже благоговѣть предъ ея фразами. Но зато онъ вволю потѣшался надъ людьми умными.

Когда умнымъ людямъ случалось заходить къ маркизѣ, а уходя отъ нея размышлять о томъ, что̀ она при нихъ наговорила, умные люди обыкновенно спрашивали себя:

— Однако, чортъ меня возьми совсѣмъ, если можно понять, что̀ у нея сидитъ въ мозгу!

— Чортъ возьми, что же это у нея сидитъ въ мозгу?— спрашивалъ себя умный человѣкъ, даже задувая дома свѣчку

и оборачиваясь къ стѣнкѣ; но ни одного раза ни одинъ умный человѣкъ не отгадалъ, что въ мозгу у маркизы просто сидитъ заяцъ.

Это открытіе принадлежитъ къ самымъ поздпѣйшимъ открытіямъ и оно совершилось гораздо позже избранія маркизы царицею углекислыхъ фей на Чистыхъ-Прудахъ.

По справедливости этотъ санъ гораздо болѣе шелъ къ Аріаднѣ Романовнѣ, чѣмъ къ маркизѣ; онъ болѣе шелъ бы даже къ Серафимѣ Романовнѣ, но онѣ его не получили.

Рогнѣда Романовна не могла претендовать ни на какое первенство, потому что въ ней надо всѣмъ преобладало чувство преданности, а Раиса Романовна и Зоя Романовна были особы безъ рѣчей. Судьба ихъ нѣкоторымъ образомъ имѣла нѣчто трагическое и общее съ судьбою Тристрама Шанди. Когда онѣ только-что появились близнецами на свѣтъ, повивальная бабушка, растерявшись, взяла вмѣсто пеленки пустой мѣшочекъ и обтерла имъ головки новорожденныхъ. Съ той же минуты младенцы сдѣлались совершенно глупыми и остались такими на цѣлую жизнь.

Таковы были, въ общихъ чертахъ, углекислыя феи, которыя въ свое время играли нѣкоторыя роли на Чистыхъ-Прудахъ и не могутъ пройти совсѣмъ незамѣтными для снисходительныхъ читателей этого романа.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Красные, бѣлые, пестрые и буланые.

Прекраснымъ осеннимъ вечеромъ, когда румяная заря яркимъ полымемъ догорала на золоченыхъ кремлевскихъ вышкахъ, Розановъ съ Райнеромъ выѣхали изъ одного переулка въ Чистые-Пруды и остановились у воротъ дома полковника Сте—цкаго.

Углекислыя феи нынѣшній годъ немножко замѣшкались въ Кунцовѣ, и только около двухъ недѣль перенеслись въ свои зимовыя обиталища.

Тотчасъ за воротами было два подъѣзда: направо къ маркизѣ, налѣво къ Ярославцевымъ.

Маркиза жила въ бель-этажѣ, начинавшемся съ парадная подъѣзда не совсѣмъ чистою переднею.

Розанова и Райнера встрѣтилъ высокій, смуглый лакей въ сѣромъ казинетовомъ сюртукѣ, не по сезону, и въ бѣ-

лыхъ бумажныхъ перчаткахъ. Онъ не пошелъ о нихъ докладывать, а только отворилъ имъ двери въ залу.

По залѣ прогуливались: молодая дѣвушка весьма развязнаго вида, часто встряхивавшая черныя кудри своей совершенно круглой головки, некрасивой, но весьма оригинальной; высокая, худая фея, съ черными воронними глазами, длиннымъ, мертвенно-синимъ носомъ и съ чернобурыми веснушками. Этихъ двухъ особъ сопровождали: съ одной стороны низенькій офицеръ въ темнозеленомъ сюртукѣ, съ бѣлыми аксельбантами, и молодой человѣкъ весь въ черномъ. Офицеръ былъ съ виду очень невзрачный, желтенькій и плюгавенькій, съ бурымъ войлокомъ, вмѣсто волосъ, на головѣ. Молодой же человѣкъ, въ черномъ, не могъ нравиться ни одной женщинѣ, достигшей извѣстнаго возраста, но его непремѣнно должны были обожать институтки. Онъ былъ похожъ на всѣхъ Малекъ-Аделей, которыхъ «кафушки» начинаютъ рисовать карандашами, а выпускныя иллюминуютъ красками и видятъ во снѣ крадущимися изъ-за шторъ полутемнаго дортуара. Смугленькій, чистенькій, съ черными, лоснящимися и слегка вьющимися волосами, черными, продолговатыми глазками, тоненькими, черными же усиками, слегка выпушающеюся бородкою и маленькимъ ротикомъ, съ остренькими пунцовыми губками, въ видѣ выпуклой пуговочки. Совсѣмъ, такъ-таки совсѣмъ былъ институтскій Малекъ-Адель: вотъ сейчасъ поцѣлуетъ, завернется краснымъ плащомъ и, улегшись въ мусульманскую гробницу, скажетъ: «плачь обо мнѣ, прекрасная христіанка, и умри на моемъ гробѣ».

Райнеръ подошелъ къ этой группѣ, поздоровался со всѣми и потомъ отрекомендовалъ Малекъ-Аделю Розанова.

Малекъ-Адель былъ старшій сынъ маркизы, надъ которымъ madame Леноранъ и Иванъ Яковлевичъ сдѣлали два разнорѣчивыя предсказанія.

Малекъ-Адель поздоровался съ Розановымъ вѣжливо, но холодно, съ тѣмъ особымъ оттѣнкомъ, который умѣютъ придавать своимъ привѣтствіямъ министры и вообще люди, живущіе открытымъ домомъ и равнодушно смотрящіе на всякаго новаго посѣтителя.

— Maman у себя въ гостиной, — сказалъ онъ Райнеру, и молодой маркизъ присталъ опять къ разгуливающей тройкѣ.

Во время этого короткаго церемоніала Розановъ слышалъ,

какъ изъ гостиной неслся шумный говоръ, изъ котораго выдавался восторженный женскій голосъ.

Розановъ только могъ разобрать, что этотъ голосъ произносилъ: «звонокъ дзынь, влетаетъ одинъ: il est mort; опять дзынь,—другой: il est mort, и еще, и еще. Полноте, говорю, господа, вы мнѣ звонокъ оборвете».

Въ довольно хорошенькой гостиной была куча народа, располагавшагося и группами, и вразбивку. Здѣсь было человѣкъ болѣе двадцати пяти обоего пола.

Самая живая группа, изъ семи особъ, располагалась у одного угольнаго окна, на которомъ сидѣлъ бѣлый попугай, а возлѣ него, на довольно высокомъ креслѣ, сама маркиза въ черномъ чепцѣ, черномъ кашемировомъ платьѣ, безъ кринолина и въ яркой полосатой турецкой шали.

Около нея помѣщались рыжій Бычковъ, Пархоменко, Аріадна Романовна — фея собой довольно полная и пріятная, но все-таки съ вороньимъ выраженіемъ въ глазахъ и въ очертаніи губъ и носа, Серафима Романовна — фея мечтательная, Раиса Романовна и Зоя Романовна—феи прихлопнутыя. Воронье выраженіе было у всѣхъ углекислыхъ. Исключеніе составляла Серафима Романовна, въ которой было что-то даже пріятное. Тутъ же помѣщался Бѣлоярцевъ и нѣкій господинъ Сахаровъ. Послѣдній очень смахивалъ на большого, выращеннаго и откормленнаго кантониста, отпущеннаго для пропитанія родителей. Его солдатское лицо хранило выраженіе завистливое, искательное, злое и, такъ сказать, человѣконенавистное; но онъ могъ быть человѣкомъ способнымъ всегда «стать на точку вида» и спрятать въ карманъ довѣрчиваго ближняго. Бѣлоярцевъ былъ нынче выхоленъ, какъ показной конь на выводъ, и держался показно, позволяя любоваться собою со всѣхъ сторонъ. Онъ сидѣлъ какъ куколка, не прислоняясь къ стѣнкѣ, но выдвигаясь впередъ,—образецъ мужской скромности, своего рода московской изящности и благовоспитанности; гладко вычищенную шляпочку онъ держалъ на колѣняхъ, а на ея поляхъ держалъ свои правильныя руки, въ туго натянутыхъ лайковыхъ перчаткахъ.

Райнеръ представилъ маркизѣ Розанова.

Она сердечно обрадовалась, съ радушіемъ встала, потрясла ему руку и усадила въ свой кружокъ.

— Я, мой милый Райнеръ, — начала она, оживляясь и

слегка дергаясь на стулѣ, только-что разсказывала, какъ мнѣ приносили вѣсть. Только-что я встала и еще не была одѣта, какъ вдругъ «дзынь», входитъ одинъ: «il est mort»; потомъ другой...

— Вы мнѣ это говорили.

— Говорила? Да, это ужасно было,— обратилась она къ Розанову.—Только одинъ взойдетъ, другой «дзынь»,—il est mort, а по улицамъ люди, люди, люди...

— Маркиза!—произнесъ у двери гармоническій женскій голосъ.

Всѣ оглянулись на дверь, а лицо маркизы одушевилось артистическимъ восторгомъ и слезка блеснула на ея черныхъ глазкахъ.

На порогѣ, опустясь на колѣни, сложивъ на груди руки и склонивъ очаровательную головку, стояла прелестная молодая женщина въ легкомъ черномъ платьѣ и черной тюлевой наколкѣ.

Надъ этой изящной, колѣнопреклоненной фигурой рисовалась широкая грудь, на которой сидѣла большая русая голова, съ русою же окладистою бородою и голубыми глазами.

Задняя фигура могла быть очень удобна въ живой картинѣ, гдѣ былъ бы нуженъ типъ извѣстнаго русскаго человѣка, торгующаго своимъ братомъ, скотомъ.

— Мареичка!—воскликнула маркиза.—Икаръ, поднимите ее и подведите ко мнѣ.

Русая головища нагнулась, безцеремонно подняла за локти красивую даму и подвела ее къ маркизѣ.

Всѣ встали и дали дамѣ мѣсто преклониться предъ маркизой, а маркизѣ обнять и облобызать даму.

— Маркиза, я преступница!—шутливо, но съ сознаніемъ тяжкой вины начала дама, не вставая съ колѣней и обнимая маркизу за талію.

— Что такое? въ чемъ это?

— Нѣтъ, прежде простите меня: до тѣхъ поръ не скажу.

— Ну, прощаю, прощаю,—шутила маркиза.

— Браслетъ,— проговорила дама, наморщивъ брови, но не скрывая внутренняго смѣха.

— Что браслетъ, моя милясюсинька?

— Потеряла, маркиза.

— Потеряла?

— Да, я знаю, что это фамильная вещь, что вы ею дорожите, и хотѣла умереть, чтобъ ужъ не сказать вамъ этого горя.

— О, моя миля, миля, что-жъ дѣлать,—произнесла маркиза, поцѣловала взасосъ поднявшуюся даму и, посадивъ ее противъ, стала любоваться сю, оглаживая ея головку и роскошные черные волосы.

Это были заброшенный сирота, пріемышъ маркизы (нынѣ архитекторъ) Брюхачевъ и его жена Марья Николаевна, окрещенная маркизою, по страсти къ передѣлкѣ именъ въ ласкательныя клички, изъ Марьи въ Мареичку.

Марья Николаевна Брюхачева была очень красива, изящна, граціозна и все, что вы хотите, но полюбить ее могъ только Брюхачевъ, волочиться за нею могли только пламенные кавалеристы до штабъ-офицерскаго чина. Но зато, если бы ея дѣвственная юность была обставлена повальяжнѣй, па ней смѣло могъ бы жениться кто-нибудь пофигурнѣе.

Потѣсненный новымъ наплывомъ, кружокъ маркизы раздвинулся, разбился и заговорилъ на разныя темы.

— Какая сласть, — сказалъ Бычковъ Бѣлоярцеву, глядя на Мареичку.

— Марья Маревна, Киперская королевна-то? — спросилъ Бѣлоярцевъ и сейчасъ же добавилъ:—недурна, должно быть, въ натуральномъ видѣ.

А между тѣмъ гости снова оглядывались и ворошились.

По гостиной, съ таинственнымъ, мрачнымъ видомъ проходилъ Арапонъ. Онъ не далъ перваго, обычнаго привѣтствія хозяйкѣ, но проходилъ, пожимая руки всѣмъ по ряду и не смотря на тѣхъ, кого удостоивалъ своего рукожатія. Къ маркизѣ онъ тоже отнесся съ рядовымъ привѣтствіемъ, но что-то ей буркнулъ такое, что она, эффектно улыбнувшись, сказала:

— Ну, батюшка, неисправимъ, хоть брось.

— Красный, совершенно красный, яростный, — шепнула маркиза, съ серьезной миною, стоявшему возлѣ нея Розанову и сейчасъ же снова обратилась къ Мареичкѣ. А Арапонъ, обойдя знакомыхъ, взялъ за руку Бычкова и отвелъ его въ уголъ.

— Конвентъ въ маломъ видѣ, — опять проговорила маркиза, кивнувъ съ улыбкой на Бычкова и Арапова. — А

смотрите, какая фигура у него, — продолжала она, глядя на Арапова, — какіе глаза-то, глаза — страсть. А тотъ-то, тотъ-то—просто Маратъ.—Маркиза засмѣялась и злорадно сказала:—Будетъ имъ, будетъ, какъ эти до нихъ доберутся да начнутъ ихъ трепать.

А судя по портрету надо полагать, что маркиза не обидѣла Бычкова, сравнивая его съ Маратомъ. Въ звѣрскомъ, сорока-лѣтнемъ лицѣ Марата не было, по крайней мѣрѣ, низкой чванливости и преступнаго легкомыслія, лежавшихъ между всякой всячины на лицѣ Бычкова.

— И они это напечатали?—спрашивалъ Бычковъ разсказывавшаго ему что-то Арапова.

— Какъ же: я хочу вздуть ихъ, вздуть.

— Подлецы!

— Они тамъ этакъ фигурничаютъ, «съ точки зрѣнія справедливости», да то, да другое, а все-таки не честно объ этомъ говорить.

— Разумѣется; вы напишите, что это подло, растолкуйте имъ, что смертная казнь должна быть, но она должна быть только въ странахъ республиканскихъ...

— Батюшка! батюшка мой, пожалуйте-ка сюда! — говорилъ Араповъ, подзывая къ себѣ Сахарова. — Что-жъ это у васъ печатается?

— Отстаньте, Бога ради, ничего я этого не знаю, — отвѣчалъ, смѣясь, кантонистъ, пущенный для пропитанія родителей.

— Какъ не знаете?

— Такъ, не знаю: «мы люди скромные, не строимъ баррикадъ и преспокойнѣйше гніемъ въ своемъ болотѣ».

— Да гадости копаете?

— Да гадости копаемъ, — отвѣчалъ также шутливо кантонистъ. — Нѣтъ, вотъ вамъ, Бычковъ, спасибо: пробрали вы насъ. Я сейчасъ узналъ по статейкѣ, что это ваша. Терпѣть не могу этого бѣлаго либерализма: то-есть чортъ знаетъ, что за гадость.

— Они все говорить будутъ, когда нужно дѣло. Вонъ въ Петербургѣ ужъ дѣлаютъ.

— Что-жъ, что тамъ дѣлаютъ?—впился Сахаровъ.

— Помилуйте, тамъ ужъ аресты идутъ. Недѣлю назадъ, говорятъ, двадцать человѣкъ въ одну ночь арестовали.

Къ товарищамъ подошелъ высокій, благообразный юноша лѣтъ двадцати-двухъ.

— Вонъ, Персіянцевъ, людей ужъ арестовываютъ десятками: видно идетъ дѣло.

— Ахъ, когда бы, когда бы дѣло какое-нибудь!—тоскливо проговорилъ Персіянцевъ, смотря своими чистыми, но тоскливо скучающими дѣтскими глазами.

— Мой милый! мой милый!—звала кантониста маркиза:— вы тамъ съ ними не очень сближайтесь: вы еще довѣрчивы, они васъ увлекутъ.

— Да-съ, увлечемъ,—отвѣтилъ, глядя исподлобья, Араповъ.

— Любви никакой нѣтъ-съ, это иллюзія и только,—гортанилъ Пархоменко, выпячивая колѣни къ платью Мареички.

— Какъ нѣтъ любви? Какъ нѣтъ любви?—вскипѣла маркиза:—Гггааа! это ихъ петербургскій матеріализмъ: радуйтесь. Вы матеріалистъ? Вы матеріалистъ? — пристала она къ Пархоменкѣ.

Пархоменко сробѣлъ и сказалъ, что онъ не матеріалистъ.

— Я только противъ брака. Я разсуждаю по разуму, — говорилъ онъ, стараясь поправиться отъ конфуза.

— Ну, и что-жъ такое? Ну, и что-жъ такое вы разсуждаете противъ брака?—взъѣлась на него опять маркиза.

— Что брака не должно быть въ наше время.

— А что-жъ должно быть? Развратъ?

— Гм!.. что̀ вы еще называете развратомъ,—надо знать.

— А я называю развратомъ вотъ этакую пошлую болтовню при молодой женщинѣ, которая только-что вышла замужъ и, слѣдовательно, уважаетъ бракъ.

Пархоменко заковыривалъ все глубже глазъ и видя, что къ нему подходятъ Бычковъ и Араповъ, воодушевлялся.

— Да мало ли что̀ въ Москвѣ могутъ уважать!—произнесъ онъ, засмѣявшись и хракнувъ носомъ.

Маркиза закусила поводья, зайчикъ нырнулъ ей въ самый затылокъ и мозги у нея запрыгали:

— Гггааа! Что вы этимъ хотите сказать? То, что Москва сберегла свою физіономію; то, что по ней можно читать исторію народа; то, что она строена не по плану присяжнаго архитектора и взведена не на человѣческихъ костяхъ; то, что въ ней живы памятники великаго прошлаго; то, что...

Маркиза понеслась зря. Всѣ ее слушали, кто удерживая

смѣхъ, кто съ изумленіемъ, и только одна Рогнѣда Романовна, по долгу дружбы, съ восторгомъ, да Малекъ-Адель— съ спокойною важностью, точно барышня вырѣзала его изъ картинки и приставила дыбки постоять у стѣнки. А Бѣлоярцевъ, смиренно пригнувшись къ уху Арапова, слегка отпрукивалъ маркизу, произнося съ разстановкой: «тпру, тпру, тпрусь, милочка, тпрусь».

Заяцъ швырялъ и ногами, и ушами: неоцѣнимыя заслуги Москвы и богопротивныя мерзости Петербурга такъ и летѣли, закидывая съ головы до ногъ ледащинькаго Пархоменку, который все силился насмѣшливо и ядовито улыбаться, но вмѣсто того только мялся и не зналъ, какъ подостойнѣе выйти изъ своего положенія.

Онъ ухватился за казармы и сказалъ:

— Наши казармы, по крайней мѣрѣ, менѣе вредны.

— Да, въ нихъ воздухъ чище, — насмѣшливо возразила, оглядываясь по сторонамъ, маркиза.

— Именно воздухъ чище: въ нихъ меньше все прокурено ладаномъ, какъ въ вашихъ палатахъ. И еще въ Москвѣ нѣтъ разума: онъ потерянъ. Здѣсь идетъ жизнь не по разуму, а по предразсудкамъ. Свободомыслящихъ людей нѣтъ въ Москвѣ,—говорилъ ободренный Пархоменко.

— Какъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Это вы серьезно говорите?

— Серьезно.

— Господинъ Араповъ! я рѣшительно не могу васъ благодарить за доставленіе мнѣ знакомства съ господиномъ Пархоменко.

Маркиза дернулась и отворотилась лицомъ къ окну.

Араповъ сдѣлалъ поклонъ, который можно было истолковать различно, а Бѣлоярцевъ опять прошепталъ у него надъ ухомъ: «тпрюсь, милая, тпрю».

Ново было впечатлѣніе, произведенное этою сценою на Розанова и Райнера, но всѣ другіе оставались совершенно покойны, будто этому всему непремѣнно такъ и надо быть.

Никто даже не удивился, что маркиза, послѣ сдѣланнаго ею реприманда Пархоменкѣ, не усидѣла долго, оборотясь къ окну, и вдругъ, дернувшись снова, обратилась къ нему съ словами:

— А у васъ что? Что тамъ у васъ? Гггааа! ни одного

человѣка путнаго не было, нѣтъ и не будетъ. Не будетъ, не будетъ!—кричала она, доходя до истерики.—Не будетъ потому, что вашъ воздухъ и болота не годятся для русской груди... И вы... (маркиза задохнулась) вы смѣете говорить о нашихъ людяхъ, и мы васъ слушаемъ, а у васъ нѣтъ терпимости къ чужимъ мнѣніямъ; у васъ Маратъ — богъ; золото, чины, золото, золото да развратъ—вотъ ваши боги.

— Все же это положительное,—возразилъ Пархоменко.

— Да что жъ это положительное-то?

— Все. А ваши ученые, что они сдѣлали? Что вашъ Грановскій?

— Гггааа!

Маркиза закатилась.

— Ma chère,—шепнула сзади Рогнѣда Романовна.

— Ну, ну, что Грановскій?

— Ma chère!—щелкнула опять Рогнѣда Романовна, тронувшись за плечо маркизы.

— Постой, Нэда,—отвѣчала маркиза и пристала:—ну, что, что нашъ Грановскій? Не честный человѣкъ былъ, что ли? Не свѣтлыя и высокія имѣлъ понятія?..

— Какія же понятія? Извѣстное дѣло, что онъ вѣрилъ въ безсмертіе души.

— Ну такъ что жъ?

— И только.

— И только?

— И этого довольно. Одной только пошлости довольно.

— Да, ужъ вашей къ этому прибавить нельзя,—прошептала, совсѣмъ вскипѣвъ, маркиза и, вставъ à la Ristori, съ протянутою къ дверямъ рукою, произнесла:—господинъ Пархоменко! прошу васъ выйти отсюда и болѣе сюда никогда не входить.

Выговоривъ это, маркиза схватила съ окна бѣлый платокъ и побѣжала на балконъ.

Видно было, что она душитъ рыданія.

За нею вышли три феи, Маренчка, Брюхачевъ, который мимоходомъ наступилъ на ногу одиноко сидѣвшему Завулонову, и попугай, который имѣлъ страсть исподтишка долбить людей въ ноги и теперь мимоходомъ прорвалъ сапогъ и пустилъ слегка кровь Сахарову.

— Сапогомъ его чорта,—сказалъ Бычковъ; но Саха-

ровъ не ударилъ попугая сапогомъ, а только всѣмъ показывалъ дырку.

Какъ праотецъ, изгнанный изъ рая, вышелъ изъ воротъ маркизинаго дома Пархоменко на улицу и, увидѣвъ на балконѣ маркизино общество, самымъ твердымъ голосомъ сторговалъ, за пятиалтынный, извозчика въ гостиницу Шевалдышева.

Когда успокоившаяся маркиза возвратилась и сѣла на свой пружинный тронъ, Бычковъ ткнулъ человѣкъ трехъ въ ребра и подступилъ къ ней съ словами:

— Однако, хороша и ваша терпимость мнѣній! За что вы человѣка выгнали вонъ?

— Я не могу слушать мерзостей, — отвѣчала маркиза, снова уже кипятясь и кусая кончикъ носового платка.

— Значитъ, то же самое.

— Я не за мнѣніе, а за честную память вступилась.

— За память мертваго обижать живого.

— Память такихъ людей священна.

— Съ памятью извѣстныхъ людей связано почтеніе къ извѣстной идеѣ,—произнесъ тихо, но твердо Персіянцевъ.

Розановъ оглянулся: ему почудилось, будто онъ Помаду слышитъ.

— Ерундица какая-то,—произнесъ Бычковъ:—мертвые берегутъ идеи для живыхъ, вмѣсто привѣта—вонъ, и толковать еще о какой-то своей терпимости.

— А у васъ, что ли, у васъ, что ли, терпимость? — забарабанила маркиза: — Гггааа! у васъ ножъ, а не слово, вотъ ваша терпимость.

И пошло. Только порою можно было слышать:

— Такъ всѣхъ, что ли, порѣжете?

— Всѣхъ,—рѣшалъ Бычковъ.

— А съ кѣмъ сами останетесь?

— Кто уцѣлѣетъ, тотъ останется,—вмѣшивался Араповъ.

— Гаа!—гоготала, всплескивая руками, маркиза.

— Гаа!—гоготали и каркали за нею углекислыя феи.

Брюхачевъ стоялъ за женою и по-временамъ цѣловалъ ея ручки, а Бѣлоярцевъ, стоя рядомъ съ Брюхачевымъ, не цѣловалъ рукъ его жены, но далеко запускалъ свои черные глаза подъ ажурную косынку, закрывавшую трепещущія, еще почти дѣвственныя груди Марьи Маревны, Киперской королевны. Сахаровъ все старался залѣпить вырванный по-

пугаемъ клочокъ сапога, въ то время, какъ Завулоновъ, ударяя себѣ въ грудь, говорилъ ему:

— Сдѣлайте милость, Сергѣй Сергѣевичъ, выхлопочите мнѣ хоть рублей бы такъ съ восемь или десять: очень нужно, ей-Богу, очень нужно. Настасья больна, и гроша нѣтъ.

— Да что вы съ ней не развяжетесь?—шутливо и язвительно замѣчалъ Сахаровъ.

Завулоновъ кряхтѣлъ и увѣрялъ, что непремѣнно развяжется, только бы деньжонокъ.

— Вонъ просилъ этого булапаго,—говорилъ онъ, указывая на Бѣлоярцева: — такъ что жъ, развѣ онъ скажетъ за кого слово: адъ холодный.

Персіянцевъ вздыхалъ около Райнера и, смотря на него скучающими, дѣтскими глазками, говорилъ:

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! хоть бы какое-нибудь дѣло.

Райнеръ молча слушалъ споръ маркизы съ Бычковымъ и дослушалъ его какъ разъ до тѣхъ поръ, пока маркиза стала спрашивать:

— Такъ по-вашему и Робеспьеръ, въ самомъ дѣлѣ, былъ хорошій человѣкъ?

— Робеспьеръ дуракъ.

— Насилу-то!

— Онъ даже подлецъ, не умѣлъ рѣзать въ то время, когда надо было все вырѣзать до конца.

— Маратъ, значитъ, лучше?

— Еще бы! Не будь этой мерзавки, онъ бы спасъ человѣчество.

— Это кого же, кого назвали мерзавкой?

— Корде. Не угодно ли вамъ и меня выгнать вонъ!

— Нѣтъ, зачѣмъ же; вы еще зарѣжете, — пошутила маркиза.

— Да я и такъ зарѣжу.

— И насъ всѣхъ зарѣжете?

— Еще бы! Всѣхъ.

Картина, дѣйствительно, выходила живенькая и характерная: Бычковъ сидитъ, точно лупоглазый ночной филинъ, а около него стрекочутъ и каркаютъ денныя вороны.

— Гаа! гаа! гаа! — каркаютъ всѣ встревоженныя феи, а онъ сидитъ, да словно и въ самомъ дѣлѣ думаетъ: «дайте-ка вотъ еще понадвинетъ потемнѣе, такъ я васъ перещелкаю».

— Общество краснѣетъ! краснѣетъ общество! — воскликала маркиза, отбирая отъ всѣхъ показаніе, кто красный, кто бѣлый.

Искренно отвѣтили только Араповъ и Бычковъ, назвавшіе себя прямо красными. Остальные, даже не исключая Райнера, играли словами и выходили какими-то пестрыми. Неприкосновенную бѣлизну сохранили однѣ феи, да еще Брюхачевъ съ Бѣлоярцевымъ не солгали. Первый ничего не отвѣтилъ и цѣловалъ женину руку, а Бѣлоярцевъ сказалъ, что онъ въ жизни понимаетъ только одно прекрасное и никогда не будетъ принадлежать ни къ какой партіи.

Впрочемъ, Бѣлоярцевъ тѣмъ и отличался, что никогда не вмѣшивался ни въ какой разговоръ, ни въ какой серьезный споръ, вѣчно отходя отъ нихъ своимъ художественнымъ направленіемъ. Онъ съ мужчинами или сквернословилъ, или пѣлъ, и только иногда развязывалъ языкъ съ женщинами, да и то тамъ, гдѣ надъ его словами не предвидѣлось серьезнаго контроля.

— Да, я и забыла, что вы поэтъ и художникъ,—отозвалась маркиза.

Часъ былъ поздній и стали прощаться. Кажется, ужъ не изъ чего бы начаться новымъ спорамъ, но маркиза въ два слова дошла съ Бычковымъ до того, что, вмѣсто прощанья, Бычковъ кричалъ:

— Да ужъ не жирондисты съ Чистыхъ-Прудовъ что-нибудь сдѣлаютъ.

— И не монтаньяры со Вшивой-Горки, — отвѣчала въ экстазѣ маркиза.

— Да ужъ не жирондисты.

— Да ужъ и не монтаньяры.

— И не жирондисты.

— И не монтаньяры.

Розановъ и Райнеръ оставались еще нѣсколько минутъ, послушали, какъ маркиза поносила монтаньяровъ со Вшивой-Горки и говорила о печальной необходимости принимать этихъ неотесовъ, свидѣтельствуясь въ этомъ, безъ всякой нужды, примѣромъ madame Роланъ, которая пускала въ свой салонъ нѣкоторыхъ якобинцевъ.

Чортъ знаетъ, что̀ дѣлалось съ Райнеромъ и Розановымъ отъ этихъ столкновеній съ особеннымъ выдѣленіемъ московскаго люда.

Розановъ только чувствовалъ, что и здѣсь опять какъ-то все гадко и неумно будто. Но иногда, такъ же какъ Райнеръ размышлялъ о народѣ, онъ размышлялъ объ этихъ людяхъ: это они кажутся такими, а чортъ ихъ знаетъ, что они думаютъ и что могутъ сдѣлать.

Онъ еще завернулъ раза три къ маркизѣ и всякій разъ заставалъ у нея Сахарова. Маркиза ему искала мѣста. Розанову она тоже взялась протежировать и отдала ему самому письмо для отправленія въ Петербургъ, къ одному важному лицу. Розановъ отправилъ это письмо, а черезъ двѣ недѣли къ нему заѣхалъ Рациборскій и привезъ извѣстіе, что Розановъ опредѣленъ ординаторомъ при одной гражданской больницѣ; сообщая Розанову это извѣстіе, Рациборскій ни однимъ словомъ не далъ почувствовать Розанову, кому онъ обязанъ за это опредѣленіе.

Розановъ благодарилъ и Рациборскаго, и маркизу, которая была серьезно увѣрена, что это она его устроила.

Розановъ ей пока очень нравился умѣренностью своихъ воззрѣній, что маркиза принимала за чистый жирондизмъ.

Такъ нашъ Розановъ и сдѣлался временнымъ московскимъ гражданиномъ. При больницѣ были холостыя помѣщенія для четырехъ ординаторовъ и одно изъ нихъ теперь доставалось Розанову.

Дмитрій Петровичъ былъ очень обрадованъ, со слезами благодарилъ за радушіе Печаевъ, надарилъ на послѣднія деньги платьевъ и рубашечекъ ихъ дѣтямъ, простился съ Лефортовымъ и, переѣхавъ въ больницу, занялся службой.

Оглавленіе.

IX ТОМА.

Некуда. Романъ въ трехъ книжкахъ.

Книга первая: **Въ провинціи.**

		стр.
XXV.	Два внутренніе міра	5
XXVI.	Что на русской землѣ бываетъ	12
XXVII.	Кадриль въ двѣ пары	23
XXVIII.	Глава безъ названія	29
XXIX.	На одномъ полѣ разныя ягоды	35
XXX.	Half-yearly review	41
XXXI.	Великое переселеніе народовъ и вообще глава, резюмирующая первую книгу	79

Книга вторая: **Въ Москвѣ.**

I.	Дальнее мѣсто	86
II.	Первые дни и первыя знакомства	91
III.	Чужой человѣкъ	102
IV.	Свои люди	125
V.	Патеръ Роденъ и аббатъ д'Егриньи	149
VI.	Углекислыя феи Чистыхъ-Прудовъ	157
VII.	Красные, бѣлые, пестрые и буланые	162